КОНТИНЕНТ

141 2009

КОНТИНЕНТ KONTINENS KONTYNENT CONTINENT KONTINENT
КАНТЫНЕНТ KONTINENTAS KONTINENTS MANDER КОНТИНЕНТ

№ 141

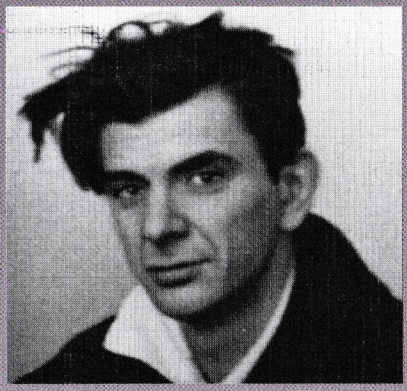

Описывая террориста-мусульманина, автор далек от мысли обличать или оправдывать ислам. Судить о том, насколько располагает или не располагает к терроризму исламское мировоззрение, не входит ни в намерения автора, ни в его компетенцию. В сегодняшнем мире террористы - это главным образом мусульмане, тридцать лет назад «главными» террористами на свете были католики-ирландцы, а еще прежде люди коммунистических убеждений.

Анри Мартен

До премьеры «Онегина» было много разных слухов о том, какой это будет ужас. Говорили, что действие спектакля происходит на помойке, у пивного ларька, что Татьяна пишет Онегину SMS-ки и т. п. Мне такое даже в голову бы не пришло. Я, кстати, даже подумал: надо было собрать все эти слухи и поставить когда-нибудь спектакль, так сказать, по просьбам почтенной публики...

Дмитрий Черняков

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОМБРОВСКИЙ К 100-ЛЕТИЮ ПИСАТЕЛЯ

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ В НОМЕРЕ:

Стихи Анны Саед-Шах и Олега Хлебникова

Статьи, очерки

Юрия Афанасьева, Алексея Давыдова и Андрея Пелипенко, Симоны Вейль, Евгения Ермолина, Андрея Илларионова, Сергея Ковалева, Дмитрия Матвеева, Владимира Можегова, Андрея Пионтковского, Григория Померанца, Александра Пумпянского, Валерия Сойфера, Андреаса Умланда, Владимира Холкина

Интервью

Евгении Альбац с Борисом Березовским

Дмитрия Матвеева с Натальей Ликвинцевой

А также «Дневник редактора» Игоря Виноградова, выпуск 7-й

«История о том, как судились с нами г-н Дубинин С. К. и г-н Алексашенко С. В.»

и наш постоянный раздел

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СЛУЖБА «КОНТИНЕНТА»

Поздравляем

членов редколлегии «Континента»
и добрых наших друзей

Вячеслава Всеволодовича ИВАНОВА
— с восьмидесятилетием

Юлиу Филипповича ЭДЛИСА
— с восьмидесятилетием

Юрия Николаевича АФАНАСЬЕВА
— с семидесятипятилетием

Желаем нашим юбилярам
долгих лет жизни, творчества и радости!

КОНТИНЕНТ

Литературный, публицистический
и религиозный журнал

Выходит 4 раза в год

141

2009, № 3
июль — сентябрь

ПАРИЖ · МОСКВА

КОНТИНЕНТ — CONTINENT

Журнал основан в 1974 году в Париже
писателем Владимиром МАКСИМОВЫМ

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации № 014255

Учредитель — И. И. Виноградов

Издатель:

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«НЕЗАВИСИМАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "КОНТИНЕНТ"»

Адреса редакции: ул. Мясницкая, д. 22, офис 114-115
ул. Плющиха, д. 27, кв. 1

ВНИМАНИЕ! Рукописи принимаются по адресу:
119121, Москва, ул. Плющиха, д. 27, кв. 1
Время работы редакции: 13:00–17:00 по будням

E-mail: idugina@mail.ru

Телефон редакции:
(499) 248-62-35

Internet: www.magazines.russ.ru/continent/
http://continent-rus.ru/

Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются,
и в переписку по этому вопросу редакция не вступает

Материалы, присланные по электронной почте, не рассматриваются

При перепечатке наших материалов ссылка на «Континент»
обязательна

Авторы несут ответственность за достоверность
приводимых ими фактов и цитат

© АНО «Независимая редакция журнала "Континент"»
© Название журнала «Континент» — В. Е. Максимов

Главный редактор
Игорь ВИНОГРАДОВ

Редакционная коллегия:

Марина АДАМОВИЧ
Василий АКСЕНОВ
Юрий АФАНАСЬЕВ
Александр БЛОК
Армандо ВАЛЬЯДАРЕС
Галина ВЕЛИКОВСКАЯ
Галина ВИШНЕВСКАЯ
Алла ДЕМИДОВА
Ион ДРУЦЭ
Евгений ЕРМОЛИН
Николай ЗЛОБИН
Андрей ЗУБОВ
Вячеслав ИВАНОВ
Фазиль ИСКАНДЕР
Роберт КОНКВЕСТ
Наум КОРЖАВИН
Эдуард КУЗНЕЦОВ
Александр КЫРЛЕЖЕВ
Николаус ЛОБКОВИЦ
Эдуард ЛОЗАНСКИЙ
Адам МИХНИК
Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ
Жорж НИВА
Амос ОЗ
Мишель ОКУТЮРЬЕ
Ярослав ПЕЛЕНСКИЙ
Валерий СОЙФЕР
Юлиу ЭДЛИС
Сергей ЮРСКИЙ

Редакция:

Галина ВЕЛИКОВСКАЯ, Ирина ДУГИНА,
Евгений ЕРМОЛИН, Марина КОПЫЛОВА, Александр КЫРЛЕЖЕВ,
Сергей ЛЕБЕДЕВ, Светлана ОПАРИНА

Представители «Континента»

АВСТРИЯ
Елена ВОРОНЦОВА
Buchengasse 133/2/32
1100, WIEN, OSTERREICH
☎/fax 0043-1-607-30-23

БОЛГАРИЯ
Наталия ЕРМЕНКОВА
«Интербалканика»,
ул. Карнеги, 11
100 СОФИЯ, БОЛГАРИЯ
☎/fax (359-2) 919-87, 963-42-49

ГЕРМАНИЯ
Лев УКЕЛЬСОН
Wertachstraße 11,
86153 AUGSBURG, BRD
☎/fax (821) 41-77-08

ИЗРАИЛЬ
Юлия ЭЙДЕЛЬМАН
Hashaftim 22
64365 TEL-AVIV, ISRAEL
☎ (03) 69-67-375

ИТАЛИЯ
Александр и Татьяна Сергиевские
69 via Palestro
00185 ROME, ITALIA
☎/fax (+39) 064-463-249

КАНАДА
Ольга БУТЕНКО
1221, Boul. Rene Levesque
SILLERY QC G1S1V8, CANADA
☎/fax (418) 688-1221

ПОЛЬША
Татьяна ХОХЛОВА
U1 Belwederska 25, Rosyiski osrodek nauki i kultury
00-594 WARSZAWA, POLSKA
☎/fax (022) 849-27-30

Веслава ОЛЬБРЫХ
Fundacja «Slavica Orientalia»,
Zadanie 05/150, 05-077
WESOLA 4, POLSKA
☎ (022) 773-10-93

США
Марина АДАМОВИЧ
315 Oak Street
Garwood NJ 07027
☎ (908) 789-59-42

Эдуард ЛОЗАНСКИЙ
1800 Connecticut ave., N.W.
WASHINGTON, D.C. 20009 USA
☎ (202) 986-6010,
fax (202) 667-4244

ФРАНЦИЯ
Татьяна МАКСИМОВА
5 rue Chalgin, 75116 PARIS, FRANCE
☎ (1) 45-00-67-56

Анастасия ВИНОГРАДОВА
62-bis, Avenue du general Leclerc
78230 LE PECQ, FRANCE
☎ (1) 30-61-11-24

ШВЕЙЦАРИЯ
Нелли ЗЕДГИНИДЗЕ
25 Malagnou
1208 GENEVE, SUISSE
☎/fax (22) 736-40-69

Татьяна ХОФЕР-НИКОЛАЕВА
15 Ch. de la Rochette
1202 GENEVE, SUISSE
☎ (22) 736-14-82

ЛАТВИЯ, ЛИТВА, ЭСТОНИЯ
Леон Габриэль ТАЙВАН
Raina bulv., 19
LV 1586, RIGA, LATVIA
☎ (3712) 234-145

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти Василия Аксенова 9

К столетию Юрия Домбровского (1909 – 1978)

Юрий ДОМБРОВСКИЙ
Прошлогодний снег 11
Реквием 28
Чужой ребенок 29

Валентин НОВИКОВ (1928–1995)
Юрий Домбровский. Земной путь и лагерные мифы 40

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ «КОНТИНЕНТА»

Олег ХЛЕБНИКОВ. Все, что надо от бессмертья. *Стихи* 47
Анри МАРТЕН. Кара для террориста. *Повесть* 52
Анна САЕД-ШАХ. Семидижды-семижды. *Стихи* 193

РОССИЯ И МИР

Александр ПУМПЯНСКИЙ
Неда, или Кровь, мечта и видео на улицах Тегерана 197

Юрий АФАНАСЬЕВ, Алексей ДАВЫДОВ, Андрей ПЕЛИПЕНКО
Вперед нельзя назад! 207

Андрей ИЛЛАРИОНОВ
Это капитуляция 224

Андрей ПИОНТКОВСКИЙ
Заметки на полях российской действительности 234

Андреас УМЛАНД
Коричневая стрелка 244

У нас в гостях «Новая газета» и журнал «The New Times»

Сергей КОВАЛЕВ
Гражданская ответственность интеллектуалов 252

Евгения АЛЬБАЦ — Борис БЕРЕЗОВСКИЙ
«Было понятно: кого ни посади в кресло
премьер-министра — он и победит» 260

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

Проблемы российской современности *в русской сетевой и бумажной периодике второго квартала 2009 г.* 265

ФАКТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА, ДОКУМЕНТЫ

Памяти Василия Аксенова (1932 – 2009)

Василий Павлович Аксенов — профессор американского университета (*Валерий Сойфер*) 289

РЕЛИГИЯ

Владимир МОЖЕГОВ
Православная цивилизация под сталинской звездой 292

Основные события церковной жизни в зеркале прессы (*июнь — август 2009*) 339

ГНОЗИС

Григорий ПОМЕРАНЦ. «К незримому кругу гармонии...» 347

К 100-летию Симоны Вейль (1909–1943)

От редакции 350

Ее мысль проистекает из жизни. *Беседа с переводчиком книги Симоны Вейль «Тяжесть и благодать» Натальей Ликвинцевой* . . 353

Симона ВЕЙЛЬ. Любовь к Богу и несчастье 363

У книжной полки

Дмитрий МАТВЕЕВ. Демаркация или взаимопроникновение? . 393

ПРОЧТЕНИЕ

Владимир ХОЛКИН. Театр для себя 403

ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ

Памяти Василия Аксенова (1932 – 2009)

Евгений ЕРМОЛИН
Мечтатель на службе и в отставке 416

Библиографическая служба «КОНТИНЕНТА»

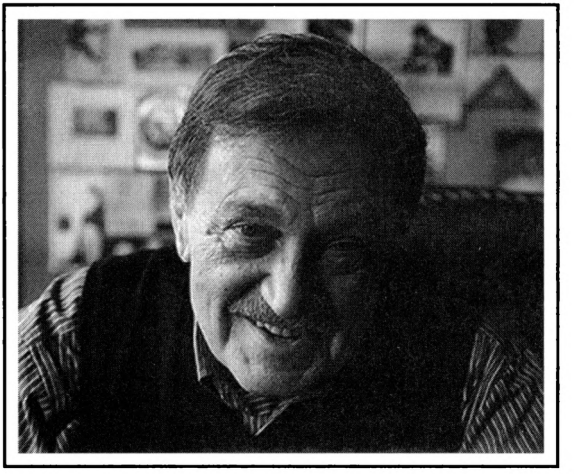
Художественная литература. *Второй квартал 2009 г.* 439

ИСКУССТВО

Беседы в редакции

Дмитрий ЧЕРНЯКОВ.
Любой спектакль — это разговор о важном 459

Игорь ВИНОГРАДОВ
ДНЕВНИК РЕДАКТОРА
Выпуск седьмой. Июнь–август 2009 г.
История о том, как судились с нами г-н Дубинин С. К. и г-н Алексашенко С. В. 475

Ушел из жизни замечательный русский писатель, любимый несколькими поколениями читателей, член редколлегии с момента основания и друг нашего журнала Василий Аксенов. Его жизнь и его творчество — это важная глава в общественном движении, в истории русской словесности второй половины XX века, значимая страница в современной прозе.

Мы печалимся вместе со всеми читателями и почитателями Василия Павловича.

Публикуем в этом номере воспоминания члена редколлегии журнала В. Н. Сойфера о встречах с покойным писателем в Америке.

Читайте также в разделе «Литература и время» статью Евгения Ермолина «Мечтатель на службе и в отставке» о творчестве Аксенова.

От публикатора

Более пятидесяти лет пролежал роман «Рождение мыши» в шкафу на нижней полке. Юрий Осипович его никому не показывал: «Так, ерунда, суета!» Когда-то написанные на поселении в Новой Чуне, в Сосновке листы были перепечатаны, — в одной редакции это называлось «роман в повестях и рассказах», в другой — «театральные повести» и «театральные рассказы». Но... Сначала пришло время написанного за пятнадцать лет до того романа «Обезьяна приходит за своим черепом», потом он работал над «Хранителем древностей» и «Факультетом ненужных вещей»... Вопросы права и бесправия, потеря государственной совести — эти темы всегда были главными для Юрия Домбровского, и роман «Рождение мыши» — о двоих, идущих друг к другу через годы и препятствия, — становился чужим. Мне тоже было сказано: «Никому не показывай!» Но все-таки в начале 70-х годов Юрий Осипович немного «построгал» два рассказа из этого цикла — «Царевну-Лебедь» и «Королеву Елизавету» — и напечатал их («Королева Елизавета» стала называться «Леди Макбет»)*.

В 2000 году я тоже нарушила запрет, и впервые в печати появился рассказ «Хризантемы на подзеркальнике». В мае нынешнего года после статьи, посвященной столетию Домбровского, пришел ко мне ее автор — великолепный потрясающий Дима Быков. Мы послушали стихи, я показала ему разные разности, убедившись при этом, что он знает каждую строчку и стихов, и прозы. Вот все бы так работали! Но тут и талант какой-то особенный — и писателя, и человека. С одного маха углядел и ненапечатанное стихотворение и «вышел» на «Рождение мыши». Сказала, что автор не любил этой вещи. Поговорили об особой взыскательности и требовательности к себе. «Да разве Домбровский может плохо писать?! Вы посмотрите, какой энергичный диалог! — и Дима прочел несколько строчек. — Обязательно печатайте!»

Буду печатать — уже отдала. Рассказы «Прошлогодний снег» и «Чужой ребенок» — из этого цикла.

Клара Турумова-Домбровская

---

* «Царевна-Лебедь» — «Сельская молодежь». 1973, № 4; «Леди Макбет» — «Сельская молодежь». 1974, № 1; «Хризантемы на подзеркальнике» — Избранное в 2-х томах, Екатиринбург, 2000.

ПРОШЛОГОДНИЙ СНЕГ

Когда я первый раз пришел к Вере Анатольевне, меня просили подождать и провели в гостиную. Гостиная была большая, очень светлая, плотно набитая красивыми вещами и мебелью. Пока я ходил по ней и рассматривал портреты Веры Анатольевны (Вера Анатольевна — Эсмеральда; Вера Анатольевна — Анна Каренина; Вера Анатольевна просто так, но веселая, нарядная, с большим букетом роз в руках), дверь отворилась и вошла девочка. Это была очень маленькая девочка в розовом платье, в фартучке с кармашками и синим бантом в вихрастых белых волосах. В руке она держала большую цветастую книжку. Я поклонился ей, она подошла ко мне и чинно подала маленькую ладошку.

— Вы к маме?! — спросила она серьезно.

Я ответил, что да, и спросил:

— А вы, барышня, наверное, мамина дочка?

Моя новая знакомая кивнула головой, села на диван и распахнула книжку. Я заглянул одним глазом: это был детский зоологический атлас.

— Хотите посмотреть? — предложила девочка и положила книгу на колени так, чтоб нам было видно обоим. — Смотрите: это вот лев, а это козочка, — он подкрался к ней и сейчас прыгнет; а это вот тигр, — видите, какой он полосатый? Это потому, что он живет в тростниках. А это вот волк, летом он ничего, как собака, а зимой может съесть, — папа раз от него еле-еле убежал; а это...

Так мы просмотрели весь атлас, и, когда дошли до рыси, я сказал:

— А эту вот кисоньку я два года держал у себя дома.

Моя собеседница взмахнула розовыми лапочками и даже задохнулась от восторга:

— Ой! И она ни на кого не прыгала?!

— Ну что вы! Ведь она была совсем ручная. Мне принесли ее еще котеночком. Я ее и кормил из сосочки. — Глаза моей собеседницы голубели все больше и больше. — Знаете, сидишь на полу, растапливаешь печку, а она подходит, ложится, осторожненько забирает вашу руку в пасть и начинает сосать: это значит, она соскучилась и просит с ней поиграть.

— Вот когда я вырасту большая, — сказала девочка горячо, — у меня будут тоже всякие звери — и медведь, и волк, и эта самая рысь!

Я сомнительно покачал головой.

— А что?! Она же совсем ручная, ее можно держать и в квартире, да?

— Вот уж не знаю, — ответил я, — это было в тайге, а там квартир нет.

— А что такое тайга?!

— Тайга — это лес! Густой-прегустой — там рыси, и медведи, и олени вот с такими рогами, и дикие петухи! — Она молчала и заворожено смотрела на меня. — Утром выйдешь за водой и смотришь: следы, сле-

ды, следы, — так и вьются по снегу. Это, значит, горностай бегал. А в другом месте следы покрупнее: это уже лисонька за мышами охотилась. Там беда сколько этих лис!

— Вы были там на гастролях? — спросила девочка и вдруг догадалась: — Слушайте, а вы не тот папин знакомый, который объехал полсвета?

Я не успел ответить, как дверь широко распахнулась и вошла Вера Анатольевна — высокая, красивая, улыбающаяся, в черном шуршащем платье и браслетах, и еще более молодая, чем на фото.

— Детеныш мой, ты уже тут? Здравствуйте, — она назвала меня по имени-отчеству, — извините, что задержалась, но сегодня дома никого нет и я хозяйка!

Она протянула мне сверкающую руку и задержала на минуту мои пальцы.

— Мы с вами, конечно, не знакомы? — не то спросила, не то сказала она.

— Да, — ответил я, — к сожалению, нет!

— Ну, беда поправимая, — засмеялась она. — Тем более, что у нас с вами столько друзей.

— Хотя бы Люда Садовская, — ответил я.

Она слегка (но, кажется, так, чтоб я это видел) прикусила губу.

— Да, и она! Ну, конечно, ваш друг нас надул! Заперся, снял даже телефонную трубку, но начальник оказался хитрее его: приехал и увез на пять минут. Это уж до ночи. Теперь так: ночуете вы здесь!

— Ой, да ведь я...

— Правильно! И я говорила, но так решил ваш друг. Как бы там ни было, две бутылки коньяка на столе, пельмени я готовлю — видите? — На ней был фартук, — и ждать мы его не будем. Ты что-то хочешь сказать, мой детеныш?

— Мамочка, — сказала моя новая знакомая, — вообрази, у них была живая рысь.

— Вот! Представляю — ваша будущая поклонница, — улыбнулась Вера Анатольевна. — А это, Надя, самый, самый старый папочкин друг. С ним папа, когда он был маленьким, и ловил птичек. Помнишь, он тебе рассказывал? Вы знаете, Владимир просто взбесился, когда узнал, что вы живы и в Москве. Целый день мне рассказывал только про вас. Я даже вас чуть не возненавидела, — прямо как влюбленный, — ему и жена не нужна, — вот дружба!

— Ну что ж, — ответил я, — давайте ему отплатим: сядем за стол, да и выпьем его вино.

Она расхохоталась, схватила дочку и звонко чмокнула ее в нос.

— Ты видишь, какой дядя смешной?! Ну иди, иди, детеныш, — я приду к тебе проститься! Что ж, идемте пить его вино!

За столом я спросил:

— А сколько лет Наде?

— Она от первого брака, — ответила Вера Анатольевна. — В этом году пойдет в первый класс. Кстати, Виктор Федорович — так звали моего первого мужа — тоже вас частенько вспоминал.

Я посидел, подумал.

— Виктор Федорович говорите? Нет, не помню.

— Да-а? — она туманно улыбнулась. — А кузен Люды? Вы еще на Новый год...

— А-а! — сказал я, смотря на нее. — Помню, помню... Ну, что ж? — я поднял бокал. — За ваши успехи! Чем порадуете?

Она духом выпила все и, твердо стукнув, поставила стаканчик на стол.

— Вот, об этом я и хотела вас просить. Мы ставим «Бесприданницу». Если бы вы согласились мне помочь!..

— Все, чем располагаю, — ответил я пышно, — к вашим услугам, а... Виктор ваш жив?!

— Погиб в Ленинграде... он был связистом... а что вы улыбаетесь?!

— Красиво вы пьете, Вера Анатольевна. С вами даже за одним столом посидеть приятно.

— Выучка, дорогой друг. Когда-то я теряла голову от трех рюмок. Вот придет Владимир и заставит нас пить на брудершафт: «И никаких разговоров, это такой парень!»

Она уже слегка опьянела — волосы растрепались, глаза поблескивали.

— Ну, а меня-то вы сразу узнали? — спросила она с легкой насмешкой.

Я обернулся и поглядел на Анну Каренину на стене.

— Грим вас почти не меняет, Вера Анатольевна. Если бы не прическа...

Она вдруг поднялась.

— Извините, я пойду к дочке, а то она ждет.

Она ушла, а я подошел к окну. Падал снег. Опять падал мокрый, крупный снег.

И вот мы стали друзья. Ведь кроме того, что мы выпили на брудершафт, нас еще связывала и профессия. Муж в эти дела не мешался; бывало, сидим втроем, пьем чай, разговариваем о том, о сем, и вдруг бьют часы. Владимир поднимается, смотрит на браслетку и говорит: «Ну, друзья-артисты, и хорошо с вами, а идти все-таки надо. Но уж хоть сегодня-то не поцапайтесь без меня!» Когда он проходит мимо нее, она поворачивает голову и спрашивает: «Ты надолго?» Стоя над ней, он отвечает: «Не знаю. Ты, во всяком случае, меня не жди», — целует ее в лоб и уходит. А она говорит: «Ну, если ты в настроении, я тебе покажу кое-что новое», — подвигает мне ликер, сахарницу, сухари и выходит на середину комнаты. И вот однажды мы поругались вдрызг. Она мне показывала куски из 4-го акта «Бесприданницы», и что-то не все до меня дошло. Слишком много было слез, смеха, красиво заломленных рук, а разве Вера Анатольевна не знает, как это выглядит в жизни? Знает, конечно. Я и сказал ей об этом, а она вдруг обиделась. Мы что-то вообще стали плохо понимать друг друга в последнее время. Например, я

рассказываю что-нибудь Владимиру, а она перебивает: «Вот-вот, у тебя всегда так». Я поворачиваюсь и спрашиваю: «Ты, собственно, о чем?» Она отчужденно и насмешливо отвечает: «Да так! Твоя обычная схемочка — любит-не любит; впрочем, говори, говори, говори, я тебя не перебиваю», — и уходит. Вот и сейчас она резко прервала разговор, повернулась, опрокинула стул и подошла к открытому окну.

— Ну, — сказал я, — Александр Македонский — герой, но зачем же стулья-то ломать?

Она смотрела вниз на палисадник, на тяжелые кисти белой сирени и молчала.

И тогда черт дернул меня за язык, и я сказал:

— Где ты, где ты, о прошлогодний снег!

Она резко спросила:

— Ты что, бредишь? Какой снег?

— Прошлогодний! — ответил я мирно. — Это из одного старого перевода.

Она молча отошла к столу и села. Мне было очень неудобно, и я сказал ей в спину:

— А знаешь, Вера Анатольевна, какой ты была, такой вот и осталась.

— Это какой же? — спросила она зло.

— Да все такой же! Ты помнишь это: лицо, и слезы, и «отстань, я тебя ненавижу», и... ну и все прочее, прочее!

Наступила отвратительная пауза. Она вдруг встала и пошла ко мне.

— Что-о?! — спросила она тихо и страшно. — Ты смеешь...

Не знаю, что она сказала бы или сделала, но тут раздался звонок и она бросилась в прихожую. Я слышал, как она что-то сказала мужу и простучала на каблучках мимо него. Он пришел усталый, запыленный и, как всегда, чуть подвыпивший и довольный (его очень забавляли наши ссоры) и плюхнул на стол разбухший портфель.

— Опять? Ну что это за дело, товарищи актеры? Просто оставить вас вдвоем нельзя — сразу же и скандал.

Я встал и начал прощаться.

— Куда, куда? — всполошился он. — Плюнь! Помúритесь. А у меня, брат, тут такое винцо...

Но я не стал пить его вино, попрощался и ушел. Я ждал ее на другой день, потом на третий, потом и ждать перестал, как вдруг она пришла.

— Ты извини, — сказала она, проходя в комнату, но не раздеваясь, — ты, кажется, работаешь? Но я только на одну минуту!

— Во-первых, здравствуй! — ответил я. — А во-вторых, почему ты не раздеваешься?

Она расстегнула пуговицу на плаще.

— Нам надо с тобой поговорить.

— Садись! — предложил я и подвинул ей стул, но она не села, а только оперлась на его спинку.

— И поговорить вот о чем, — ты тогда вспомнил о нашей встрече?

— Ты прости, — сказал я, глядя в ее большие и блестящие глаза. — Полностью сознаюсь: это было страшно глупо и подло.

— Да? — как будто удивилась или не поверила она. — Почему глупо?

Она расстегнула пальто до конца и настойчиво спросила:

— Вот ты говоришь: «Глупо», «Подло», — почему же ты тогда вспомнил? Хотел меня оскорбить, да?

— Снимай, снимай, и давай я повешу, — ответил я и помог ей раздеться.

Когда я вернулся, она сидела и курила. Темнело. Я подошел к выключателю, но она быстро сказала: «Не надо!» — и спросила:

— Часто ты вспоминаешь об этом?

Я посмотрел на нее и тоже спросил:

— А ты?

Она хотела что-то сказать, открыла было рот, но вдруг осеклась и покорно опустила голову.

Тогда я наклонился и поцеловал ее сначала в волосы, а потом в глаза, — в один и другой.

— Не надо! — попросила она жалобно. — Ой, не надо же! Ну, как же я теперь...

Я молчал, стоял над ней и гладил ее по волосам.

— Боже мой! — сказала она вдруг тихо и покорно и уронила голову.

Дальше мы уже молчали оба.

А дело-то было так.

Пятнадцать лет тому назад на встрече Нового года меня познакомили со студийкой МХАТа.

Хозяйка — бедовая и плутоватая Люда Садовская — подвела меня к Вере и сказала:

— Верочка, вот это самый наш поэт. Прошу любить и жаловать, — подмигнула мне: «Держись, мол!» — и ушла.

Я посмотрел на Веру и сразу вспотел: до того она была хороша, а я так плох. Правда, на мне был новый костюм из сребристого гимназического сукна, галстук, крахмальный воротничок, но все остальное было просто ужасным, — волосы торчали, нос лупился, а сам я болтался где-то между 20 и 21 годами и все никак не мог переступить этот проклятый предел. Что-то ничего хорошего у меня не получалось в ту пору, а стихи и любовь — меньше всего. Моя новая знакомая глядела на меня и улыбалась.

— Садитесь! — пригласила она. — Вы танцуете?

— Нет... А...

— Я спросила потому, что здесь сидит Виктор — мой партнер по танцам, — не знаете? Ну, Людин кузен.

Она была прехорошенькая — такой я еще не видел: стройная, голубоглазая, с очень пышными русыми волосами и таким нежным лицом,

словно его нарисовали самой тонкой чистой акварелью. И платье под стать ей у нее было — голубое, легкое, схваченное в талии золотистым поясом с змеиной головкой.

— Вы мне прочтете что-нибудь? — ласково попросила она и дотронулась до моей руки. Я заворожено, но отрицательно покачал головой.

— Почему? — удивилась она.

Я открыл было рот, но тут к нам подошел ее партнер Виктор, полнолицый, красивый парень в шоколадных крагах и глухой полувоенной форме. В руках его висела женская сумочка, и он остановился, недоуменно смотря на нас.

— Виктор! — обрадовалась Вера. — Коля нам прочтет свои стихи. Берите стул и садитесь! Послушаем, да?

— Одну минуточку! — ответил Виктор очень любезно, положил сумочку на край дивана, повернулся и ушел.

— Обиделся! — сказала Вера. Я дернулся, чтобы встать. — Ничего, ничего, мы сейчас пойдем за стол. Так прочтите что-нибудь, а? Вот Люда мне читала ваши стихи о Наполеоне.

И тут меня взорвало (я ведь и подвыпил еще немного). Я сказал ей, что о стихах нечего и говорить, — перестал я их писать. Вот иду я по бульварам и пою, пою — и все прекрасно: образы, чувства, мысли, созвучья, — а дорвусь до бумаги — и все уйдет, останутся одни рифмованные обрубки. Вот она говорит — стихи о Наполеоне, — ну да, о Наполеоне-то я напишу, но вот мне очень трудно живется, а разве я могу рассказать об этом? Так где же смысл? О Наполеоне — могу, а о себе — нет. Значит, что же я такое? Граммофонная пластинка. Ее напели, а она вертится и орет. Я выпалил все это разом и смутился, но она вдруг перестала улыбаться, глаза у нее померкли, стали ближе, и она сказала горестно и просто:

— Ах, как же я вас понимаю! И у меня ведь то же самое!

Я возмущенно взмахнул рукой.

— То же самое! То же самое! — повторила она. — Вот шеф говорит мне: «Ну хорошо, мы видели вашу Катерину. Творческое воображение у вас на отлично, но я хочу проверить вашу эмоциональную память и наблюдательность, идите завтра на Смоленский рынок, — там на вас налетят бабы с горячими пирожками и начнут вам совать свой товар. Вот присмотритесь, как это делается, и расскажите нам». И вот я иду на рынок, стою, смотрю, покупаю пирожки, раз пять ухожу, раз пять прихожу, являюсь в студию и начинаю рассказывать. Как будто все хорошо. Тут встает руководитель, начинает спрашивать, и — бац! — оказывается, что я не заметила десятка самых основных вещей. «Ну как же так, — спрашивает руководитель, — вы должны показать это нам, а вы даже не заметили!» Я молчу. «Хорошо! Идите теперь во второй раз, выберите одну какую-нибудь бабу, присмотритесь, как она нахваливает свой товар, как получает деньги, как прячет их, — потом придете и расскажете». Я опять иду — стою, стою, стою — целый час стою, прихожу, начинаю показывать, и учитель через минуту кричит: «Не верю, Вера Анатольев-

на, не так!» И я вижу, что не так. В чем же дело? Говорят, ты талантливая и красивая, тебе жить только на сцене. Хорошо! Почему же тогда ничего не могу? Почему же у меня, как и у вас, все внутри и вытащить это нельзя? У таланта крылья, а я... Где они у меня, — она не докончила и махнула рукой.

— Как некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, почуя на плечах
Еще не появившиеся крылья, —

продекламировал я. — Не развернулись они у вас, Вера Анатольевна.

Она посмотрела на меня.

— Еще не развернулись? А если их просто нет? Вон Ермолова в восемнадцать лет двигала толпой, мне двадцать, а что я могу?

Я молчал. А она смотрела на меня и ждала ответа.

— Так что же делать? Бросить все да выйти замуж — так мне и советуют дома: он будет работать, а я книжки читать. А что если пойду в театр да увижу своих подруг?

— А они талантливые? — спросил я.

— Они? — она подумала. — Вы понимаете, иногда я знаю! Знаю, что на голову выше их, а иногда... так кажусь себе жалкой уродкой! Учитель говорит: «Все ваши томления оттого, что вы, Вера Анатольевна, талантливее самой себя». Не понимаю! — Она подумала. — Чьи это вы стихи читали?

— Гумилева.

— Вот видите, и у него было то же. Но он хоть сумел выразить это, а я... Вот (она назвала фамилию одного народного) говорил мне о горенье, о детонации личности на сцене, а потом пригласил меня в «Прагу» да и спрашивает... — Она замолчала. — Горенье? Так я ли не горю?

— А может быть, вам это и мешает?

Глаза у нее расширились:

— Как же это?

— Так. Не руками восторженных создается искусство! Оно еще любит меру и число. А что может создать восторженный?

Она молчала и смотрела на меня.

— Вот вы восхищаетесь вашим народным, а что в нем может гореть? Он уже отгорел и выгорел. Он пепел.

— Ну, не надо так о нем, — попросила она. — Но вы сказали очень интересную вещь. Да-да! Сгореть дотла, — и схватила меня за руку. — Хорошо! Вот этой зимой я должна была... — и вдруг замолчала.

— Что?! — спросил я.

Она тряхнула головой и что-то сбросила с себя.

— Ладно, сейчас об этом не надо — смотрите, что делается!

Уже накрывали стол. Мать Люды — высокая, моложавая дама с красивым строгим лицом и словно гофрированными волосами — расставляла последние тарелки (она сама была актриса и спешила на кон-

церт). Виктор раскупоривал бутылки и составлял их на стол. Тихонькая и сухая старушка, Людина няня, вынесла корзинку с ландышами, всю в голубых и розовых лентах, и стояла, зажав ее под мышкой. Потом пришла Людка с патефоном и торжественно сказала: «Ну, дорогие гости, прошу к столу!» — и патефон заорал «Магнолию в цвету». Я подошел к Люде и шепнул: «Посади нас вместе».

— Да? — она неуверенно посмотрела на меня. — Ты смотри, не увлекайся, она ведь бо-ольшая задава-ала! Это сегодня что-то с ней случилось, а то она должна была быть совсем в ином месте, у нее и компания такая! — Но вдруг Людкина лисья мордочка радостно вспыхнула, и она даже по-мальчишески щелкнула пальцами. — А была бы штука капитана Кука, если бы ты ее... ладно, посажу! Держись, Колька!

И так мы сидели рядом, — я ей наливал, а она, поднимая рюмку к моему стакану, спрашивала: «Ну, а это за что?» — и мы пили за Новый год, за хозяйку старую, за хозяйку молодую, за плавающих и путешествующих и пребывающих в темницах, за Веру, Надежду, Любовь и мать их Софию, за Петра и Павла, Ивана и Марью, кошку и мышку, мать и мачеху, и она удивленно говорила: «Ох, но я же совсем пьяная, а мне еще танцевать с Виктором». А он сидел напротив, курил трубку и смотрел на нас. Она повторяла это столько раз, что я не выдержал и спросил:

— А он вам нравится?

— Что-о?! — строго и свысока удивилась она. И я понял: «Да, боольшая задавала!» Но отступать было уже некуда, а я еще был пьян, влюблен, раздосадован и поэтому повторил:

— Таков ваш вкус?

Она грозно нахмурилась, но, видимо, вдруг вспомнила, с кем имеет дело, улыбнулась, просветлела и, как ученая сорока, наклонила голову набок.

— А по-вашему — как?

Я пожал плечами.

— Ну, подумайте и решите! Слушайте, а почему вы вдруг не танцуете? Вот заиграют вальс, и идемте. Я вам покажу.

— Верочка, что вы выдумываете, — крикнула Людка, — он такой медведюшка... Вам же ноги оттопчет!

— И ничего он не медведюшка! Очень интересный молодой человек, — горячо заступилась за меня Вера. — Не вбивайте вы ему в голову, что он какой-то особенный и ничего ему больше не нужно. Стихи стихами, а... Марья Николаевна, — крикнула она Людиной маме, — подождите, я тоже выйду с вами на улицу! Что-то у меня неладно с головой!

После чая играли в «флирт цветов». Мне попалось пять карт, и все ерундовые. Я их держал веером и все не знал, что мне с ними делать.

«Нравится ли вам ваш сосед?
Вы мне очень нравитесь».

«Позвольте Вас проводить?
“Да”, “нет”, “может быть”».
...
«Свободны ли Вы завтра вечером.
Я свободна завтра вечером».
...
«Пришел, увидел, победил!»
...
«Любовь, любовь — гласит преданье».

Что из этого я мог послать Вере?
А мне уже какой-то подлец послал

«Понапрасну, Ваня, ходишь,
понапрасну ножки бьешь!»

К ней же всё летели орхидеи, магнолии, лакфиоли, примулы, гортензии, астры, гелиотропы, алоэ, маргаритки — словом, все цветы мира падали к ее замшевым белым туфелькам.

Пока я вертел да раздумывал, она мне послала:

«Что ж ты, молодец, невесел,
Что ж ты голову повесил?»

Я мог ей, конечно ответить:

«Мне грустно потому,
Что весело тебе», —

или

«Не искушай меня без нужды», —

или же наконец:

«Зачем ты, безумная, губишь
Того, кто увлекся тобой?»

Но я плюнул на все тонкости и послал:

«Позвольте Вас проводить?»

Она прочла, засмеялась и ответила:

«Что будет завтра говорить
Княгиня Марья Алексевна?»

Отодвинули стол, и Вера ушла танцевать с Виктором, да с ним и села, потом к ним подошла Людка с высоким красивым моряком в форме и с кортиком, и они весело заговорили вчетвером. Потом Люда и моряк ушли, и они снова остались вдвоем. Все орали, и орал патефон. Я

посидел, поулыбался, — все были заняты своим, и никто на мою улыбочку не обращал внимания, — да и пошел бродить.

Квартира Садовских была большая (барский особняк), гулкая и совершенно пустая, только в кухне, за длинным и темным коридором, сидели две старушки и пили чай с красным и желтым сахаром, горела синяя лампадка, в углу шумел белый самовар в медалях да капала на дно раковины вода, было тихо, полутемно и спокойно-спокойно. Я вошел и остановился у притолоки, отдыхая от пьяного чада, патефонного визга, топота каблуков и липких стаканов.

— Ай, головка болит, батюшка? — заботливо спросила Людина няня и сунула мне соленый огурец. С ним я и пошел сначала по коридору, а потом по пустым комнатам, пока не наскочил на Людку. Она мигом соскочила с дивана и, как кошка, прыгнула ко мне.

— Что ж ты зеваешь? — испуганно крикнула она. — А что там делается, знаешь? Веерка-то в тебя втюрилась!

Я только попятился.

— Ух ты, чудище обло! — она счастливо засмеялась. — Ведь вот история! Такая недотрога и сразу же упала, ну иди, иди к ней! Хотя постой...

Она зажгла свет (на софе, нога на ногу, показывая свой великолепный клеш, сидел моряк) и подвела меня к туалетному столику.

— Не вертись! — строго приказала она, схватила флакон и начала его прикладывать к моему пиджаку, потом поправила мне воротничок, схватила расческу, провела раз-два по волосам, посмотрела и похвалила: «От теперь порядок!» Моряк, улыбаясь, смотрел на нас. Она обняла меня за плечи, повернула и спросила:

— Ну, хороший у меня братишка?

— Блеск! — ответил моряк. — Ты бы ему ключ...

— Знаю! — отрезала она и сунула мне в руки ключ. — Это от соседней комнаты, понял? Смотри, не прошляпь!

В столовой было еще порядком народу, но все разбрелись и кто где.

Вера сидела под осыпающейся елкой, держала ее за ветку и слушала Виктора. Оба улыбались. В голове у меня шумело, в руках был ключ, я смело подошел к Виктору и сказал:

— А вас там сестра ищет.

Он поднял на меня медленные желтые глаза с поволокой и спросил:

— А зачем, не знаете?

— Что-то там, в последней комнате, с контактами, — соврал я.

Откуда что берется в такие минуты? Ведь я сказал ему то единственное, что могло сорвать его с места. Он сразу же вскочил:

— А-а! Ну спасибо! — он улыбнулся Вере. — Одну минуточку! Там всегда что-то с контактами.

Он ушел, и мы остались вдвоем.

— Ну-у? — спросила Вера. — Куда же вы исчезли? Ух, как пахнет от вас! Так где же вы были?

— Вы танцевали... — сказал я.

— Ага! А вы не умеете! Так вам и надо!

Я схватил ее за руку.

— Слушайте, Вера.

— Слушаю, — она взглянула на браслетку, — ну, ну, говорите, я же слушаю. — Я молчал. Она дотронулась до моей руки: — Тогда вот что: найдите мою дошку, а я пойду к Люде проститься. — Я молчал. — Ведь вы меня провожаете — так ведь мы договорились?

— Не ходите! — выдавил я наконец из себя. — Уже утро!

— А дома что подумают? — спросила она, улыбаясь. — У меня ведь родители оч-чень строгие!

Я хотел что-то ответить и насчет этого, но вдруг сообразил: сейчас вернется Виктор, начнет ругаться, а что я ему скажу?

— Там есть телефон, — потянул я ее за рукав.

— Да ведь у нас все спят! — ответила она. Но встала. — Где он?

Я увел ее в самый конец коридора, к венецианскому окну, и мы минут двадцать стояли и смотрели на зеленый снег, порхающий в желтом луче фонаря. Здесь, около большой кафельной печки, было очень тепло и тихо. От нее пахло вином и пудрой, и так она неподвижно и тихо стояла возле меня, такая у нее была нежная беззащитная шейка, что я вдруг, неожиданно для самого себя, коснулся губами ее затылка, ямочки под волосами.

Она шевельнулась, задумчиво поглядела на меня и сказала:

— Ну что ж, идемте к телефону!

Я привел ее в другой конец дома, отыскал нужную комнату (за стеной под гитару басом пел моряк) и распахнул белую дверь. На нас сразу пахнуло теплом и ароматом хорошо обжитого помещения.

Было почти светло. На ковре с огромными розами и раковинами лежал зеленый лунный квадрат, и на нем стояло старинное выгнутое кресло с фигурными подлокотниками, а дальше — диван с подушечками и пуфом.

— Ну вот и... — неловко сказал я.

Она странно взглянула на меня и решительно и как-то жестоко (не найду другого слова) перешагнула порог.

Я вынул ключ и запер комнату. Тут кто-то подошел и раздраженно застучал в соседнюю дверь.

— Люда! Да ее доха на вешалке, — сказал резкий мужской голос.

Вера тихонько хихикнула и схватила меня за палец. Я обнял ее и прижал к себе, и она потерлась щекой о мое плечо. Так мы стояли и слушали. «Ох, и пьяная же я», — горячо шепнула она мне на ухо. За той дверью, где сидела Людка, осторожно звякнула пружина, и все замолкло. Мужчина постоял, обиженно хмыкнул и ушел. Тогда Вера стряхнула мою руку и строго спросила:

— Зачем вы заперли дверь? Сейчас же отоприте. Где телефон?

Я молчал. Она вдруг оттолкнула меня, подошла к дивану и ссла. Я хотел ей что-то сказать, но голос у меня переломился, и я понял: лучше мне уже помалкивать.

— Ну?! — она подняла подушечку с фазаном, положила ее на колени и, глядя на меня, стала поглаживать, как кошку. — Так где же ваш телефон?

Я молчал.

— Подойдите сюда, — приказала она вдруг.

Я подошел.

— Дверь-то хорошо заперта? — спросила она тихо и серьезно.

Дышать мне становилось все труднее и труднее, разбухшее сердце ухало уже в висках, и я глох от него.

— Ну садитесь же, садись же! — позвала она так же тихо и мучительно и протянула мне руку.

Очнулись мы уже днем, и это было, пожалуй, самое мерзкое пробуждение в моей жизни.

Гости давно уже разошлись, за стеной что-то громко рассказывал и смеялся моряк, а Люда отвечала: «Ну не дури же!» Потом она подошла и постучала ноготком в дверь: «Верочка?! Верочка, твоя шубка здесь, на скобке, я ненадолго уйду, — ты меня подожди, — если что понадобится...» Но тут что-то сказал и снова засмеялся моряк, а Люда сердито оборвала: «Да перестань же!» — и они оба ушли.

Вера сидела на диване, подогнув под себя ноги, и закрывала лицо руками. Раньше она плакала и говорила: «Мама, мамочка, если бы ты знала, если бы ты только знала!» Еще раньше вдруг, среди совсем другого, странно спросила меня: «Это и называется сгореть?» — а теперь молчала.

Я слегка тронул ее за голое плечо.

— Уйди! — сказала она с тихой ненавистью.

На душе у меня было очень погано: так, наверно, себя чувствует «мокрушник» после первого дела, а мне еще надо было думать о ней: ей-то, конечно, приходилось хуже моего. Я положил ей руку на растрепанную русую голову, — она упрямо мотнула головой.

— Вера, — позвал я.

— Ах, оставь! — ответила она досадливо. — Ну что тебе?

— Я люблю тебя, Вера, — уныло сказал я (это была неправда, никого я тогда не любил, ни себя, ни ее — никого, никого).

Она презрительно хмыкнула и приказала:

— Принеси мне шубку!

Я встал, для чего-то поднялся на цыпочки, осторожно отпер дверь, снял со скобки дошку, принес, положил ее на диван.

— Закрой ноги! — приказала она.

Я опустился прямо на разбросанные подушечки, осторожно закутал ее и сел рядом.

Так, молча, мы просидели еще десяток минут. Вдруг она, не отнимая рук от лица, спросила:

— Я у тебя первая?

Я кивнул головой, но она не видела и повторила:

— Первая?

— Да! — ответил я.

Тогда она открыла лицо и обидно сказала:

— Партнер!

— Что?! — спросил я ошалело.

Она, как бы оценивая, поглядела на меня, насмешливо покачала головой и приказала:

— Достань зеркало, буду одеваться.

— Ой, Верочка, я здесь ведь...

— Достань! — отрезала она и встала.

Я отпер дверь, снова запер ее и пошел прямо на кухню. Там сидела та же тихая старушка, что дала мне огурец, и снова пила чай с желтым сахаром.

— Нянюшка, — сказал я жалобно, — мне бы зеркало.

— А сейчас, батюшка, — охотно согласилась она, пошла за перегородку и вынесла оттуда большой треугольный осколок. — Людочка просила подождать, она сейчас вернется.

Когда я возвратился, Вера в дохе, наброшенной на плечи, стояла у окна и смотрела на падающий снег.

Я поставил осколок на тумбочку и подпер его флаконом.

— Откуда достал? — спросила она, подходя.

Я ответил, что нянька дала, и передал просьбу — подождать. Она прикусила губу.

— Уж и нянька знает, — ох эта Людка! Принеси мне сумочку. — Я принес. — И что это меня так морозит? Ты не знаешь?! — и она гибким плавным движением плеч сбросила мне доху на руки. Так, с дохой, я и остался стоять посредине комнаты.

Она некоторое время пудрилась, а потом спросила:

— Ну, а ты не из болтливых?

Меня донельзя возмутила эта издевательская легкость и жесткость ее тона, и я только взмахнул рукой.

— Ух, как морозит! — повторила она, поводя голыми плечами. — Так договорились?! А то вы ведь этим хвастаетесь — я слышала.

— Говори другой раз это своему Виктору, — пробормотал я, — а мне ты...

Я думал, что она обидится, и испугался, но она повертелась еще немного перед осколком, а потом, как «лейкой», щелкнула пудреницей и выпрямилась.

— А ты не обижайся! — сказала она мирно, но опять с той же непереносимой для меня легкостью. — Ведь мы с тобой партнеры.

Я жалобно попросил ее не говорить больше этого мерзкого словечка — термина из полицейских протоколов, скорбных листов и актов медицинской экспертизы.

— Пойди сюда! — позвала она и снова, как ночью, положила мне на плечи обе руки.

— А ты правда хороший, — нет, верно, ты ничего, а?

Я молчал. Она с десяток секунд молча, не спуская руки с моих плеч, смотрела мне в глаза.

— А ведь мерзко? — спросила она вдруг очень просто и искренно. — Не находишь? Если эта бойня — и все, что есть в любви... И неужели из этого умирают, идут на преступления, а? — Она замолчала, наверно, ожидая ответа, но что я мог сказать? Я и сам был не умнее ее в этих сложных вопросах.

Так мы стояли и молчали.

— Нет, нет! — решила она вдруг, как бы отгоняя от себя какое-то наваждение. — Что-то мы, наверное, с тобой не разобрали.

— Наверно, — ответил я, чтобы ее утешить. — Наверно, что-то с тобой недопоняли.

Она посмотрела на меня и рассмеялась.

— Медведюшка! На! Отнеси и поблагодари. Людку ждать не будем!

Ах, как отрадно было на улице. Свежий воздух, как вода, смывал с нас всю грязь и пот этой окаянной ночи. Светило солнце, и все вокруг было блистающим, белым и праздничным — деревья, каменные ограды, шары на этих оградах, даже люди, что шли навстречу. Остро и свежо, как морем, пахло снегом, и был он таким белым, что даже ломил глаза.

— Где ты, где ты, о прошлогодний снег! — сказал я.

Какая-то большая и очень важная мысль промелькнула у меня в голове и сейчас же вышла, и я остановился, соображая, что же это было?!

Вера искоса посмотрела на меня и нахмурилась.

— Ну, не бредь, пожалуйста! — Она вынула серебристые, душистые перчатки и приказала: — Проводи меня до дому! Бери под руку! Да не так!.. Фу, медведь! Стой, лучше я тебя возьму, — ну вот, и ходить не умеешь, — сколько мне придется тебя учить. Вот попался обольститель! — Мы прошли несколько шагов, и она сказала: — Так! Если наши не спят, я тебя напою чаем, если спят, я зайду на пять минут переодеться и мы пойдем в кафе.

Я хотел ей что-то возразить.

— Вот еще! — прикрикнула она. — Я вчера получила деньги за съемку — это моя первая зарплата, и я угощаю пирожными!

В кафе мы пошли, и пирожными она угощала меня вовсю. Потом мы еще были в цирке и пили ликер. Но этим все и кончилось — мы расстались на пятнадцать лет.

И теперь разговаривали о том же. Но она не закрывала лицо руками, а сидела и смотрела на меня.

А у меня что-то многое мелькало в голове. Я думал: что же произошло сейчас? Случайность, еще одна случайная связь? Даже противно произнести этакое. Но по существу-то разве эта встреча действительно не умопомрачительная случайность? Ведь пятнадцать лет все-таки! — война, лагерь, я сто раз мог сдохнуть, она могла уехать, умереть, выйти замуж

за генерала, и вот жили бы мы на одной улице и никогда бы не встречались. Мало ли друзей у меня пропало именно так. Значит, случайность! Но тут опять не то! Воспоминание о случайной связи не болезненно, ее чаще всего и вспоминают с улыбкой, а у меня сразу захватило дыханье, как только она вошла, — да нет, еще раньше, — как только я подошел к Анне Карениной, меня сразу и ударило, словно током: «Она!» И вот вместо того, чтобы обрадоваться и крикнуть: «Верочка, какими судьбами?» — мы стали разыгрывать какую-то дурацкую комедию — не узнавали друг друга, потом знакомились, потом пили на брудершафт. Для чего? Разве не могли мы вести себя просто? Конечно, о том ни слова, ни намека. Да и о чем говорить-то? Что оба были дураками и ничегошеньки не понимали? Так вот — поумнели же! У нее дочка, а у меня... Э, да что говорить про меня! И не перечесть того, что у меня осталось позади. Так нам ли плакать о прошлогоднем снеге? А мы ведь отреклись друг от друга. Мы гордо и ревниво затаили свое чувство, и каждый ушел в свою нору.

— Ты знаешь, — сказал я, — все эти пятнадцать лет я думаю о тебе и ничего не могу понять.

Этого не надо было говорить.

Она сухо пожала плечами.

— Просто сошла девчонка с ума, и все!

— Ну, — ответил я твердо, — просто так девчонки с ума не сходят!

Конечно, ничего глупее я не мог бы ляпнуть и нарочно. Она сразу подобралась и насмешливо взглянула на меня:

— Ах, теперь ты это знаешь?

— Да! — ответил я и сразу понял, что я осёл и все полетело к черту. — Да, знаю.

У нее дернулись углы губ и нехорошо блеснули глаза. Она повернулась на диване так, что звякнули пружины, и, видимо, хотела ответить мне по-настоящему, но только порывисто вздохнула и поморщилась. «Да стоит ли? — конечно, пришло ей в голову. — Ведь пятнадцать лет!»

— Ну, конечно, не так просто, — ответила она скучно. — Дома я со всеми поругалась. Зимой должна была выйти замуж, но вдруг поняла, что жених мой... Слушай, перестань меня допрашивать — ведь мы не «Бесприданницу» разбираем.

— Ты извини, — сказал я осторожно и дотронулся до ее руки, — но я хотел бы понять тебя.

Она насмешливо посмотрела на меня и покачала головой.

— Все хотел бы понять? Эх ты! А худой ты стал, страшный! И рот пустой.

— Еще бы! — усмехнулся я, поймав что-то новое в ее тоне.

Опять мы сидели и молчали. Но молчание-то было уже иное — доброжелательное и тихое. Так все изменила жалость, чуть дрогнувшая в ее голосе.

Вдруг она засмеялась:

— Милый, милый! Появился на Новый год и исчез, как прошлогодний снег, а девчонка потеряла голову! Что ж ты делал в это время?!

Да, что я делал в это время? Я усмехнулся.

— А тебе все рассказать?

Но она и не ждала ответа — она смотрела так, словно видела меня впервые.

— «Надо и сгореть и выгореть»! Ну вот мы и сгорели и выгорели, а много ли приобрели от этого?

— Может быть, и много! — ответил я.

Она встала и пошла по комнате.

— И даже не написал мне, бессовестный!

Я тоже встал и пошел. Так мы и ходили.

— Ты ведь меня тоже обманула — не позвонила.

— Да! — устало согласилась она, — да, да. Тогда я тебя обманула.

Помолчали.

— Ну что ж, — сказал я, — все хорошо, что хорошо кончается! Ты уж заслуженная. Пройдет лет пять — станешь народной. — Она молчала. — Дочка у тебя такая чудная, — тоже, поди, станет актрисой. Она ведь не знает, что ее отец Виктор?

— Нет.

До сих пор я говорил совершенно искренно, но тут вдруг мне захотелось отмстить ей. И странно! Еще минуту назад я ее ни в чем не винил и все понимал, а сейчас вспыхнула настоящая злоба. За что? Ну хотя бы за те мерзкие картины, которые я рисовал себе, когда думал, что она ведь замужем — ко мне не пришла, а к тому, небось, побежала. За лагерь, за бессонницу на голых досках, за белые колымские ночи. Ну, в общем, я хорошо знал, за что.

— Ну и хорошо, что не знает, — ответил я. — Володька чудный, я же его знаю, у вас такая трогательная любовь.

Пока я пел, она внимательно смотрела на меня и потом отвела глаза.

— И у вас самый редкий вид любви, — сказал я, — любовь, которая так похожа на дружбу, что...

— Да, да, любовь, любовь, — повторила она заворожено и вдруг заторопилась: — Ну ладно, надо идти.

— Стой, куда ты? — удивился я. — Что ты сорвалась?

— Да нет, надо, — вяло пробормотала она, — я лучше...

— Да сиди ты! — прикрикнул я. — Вот еще!

Она вдруг схватила меня за руку.

— Да что ты, слепой что ли? — закричала она. — До сих пор ничего не можешь понять? Не видишь, не слышишь? Как я отношусь к мужу? Как обрадовалась тебе? Как я жадно смотрела на тебя и ждала — когда же? когда же он со мной заговорит? спросит меня: ну, как ты жила все это время, чем живешь сейчас? А ты... — она махнула рукой. — Да вот ты, наконец, спросил: как ты могла на это пойти? Только это тебя и заинтересовало.

— Ну что ты! — возмутился я.

Она села и сжала виски.

— Не дай мне только Бог опять сойти с ума, да и... — тоскливо проговорила она сквозь зубы, — не дай Бог только этого. Почему я не позвонила? Да я через месяц как собачка заметалась по улицам, сидела, сидела, куксилась, и вдруг пришел день, и я опять сошла с ума: где он? что с ним? Говорят — уехал. Куда же он уехал? Жив ли? Если бы я тогда только знала, где ты!

Она говорила искренно и просто, и я понимал, что это все правда, но та же змея все шипела мне в уши, и я спросил насмешливо и грубо:

— Ну, и что бы тогда было?

Она вздрогнула и испуганно посмотрела на меня.

Опять помолчали. Она сидела и смотрела в окно. Меня она уже не видела.

— И как я буду теперь жить с ним? — спрашивала она себя тихо и горестно. — Зачем он мне нужен? Все это время я держалась тем, что была верной женой, а теперь...

— Да вот так и будешь, — ответила моя змея, — у тебя же Надя...

И как раз в это время зазвонили три раза, как полагается по расписанию.

— Он! — вздохнула она и встала. — Он должен зайти за мной.

Я тоже встал.

— Так приберись же! Вот у тебя платье помятое, глаза красные, волосы как-то... Если он придет да увидит...

— А ты не хочешь? — прищурилась она.

Конечно, следовало просто взять да обнять ее, но та же гадина все шипела и юлила во мне, и я снова только пожал плечами.

Она зло улыбнулась, встала, взяла сумочку, достала пудреницу, тщательно запудрила воспаленные подглазья, подошла к зеркалу, поправила волосы, снова села к столу и взяла папиросу.

— Ну что ж, пусть тогда идет — я готова.

Но я, конечно, не отворил ему двери, как он там ни звонил и ни барабанил. Я попросту прижал к себе мою самую первую, самую давнюю, самую многострадальную любовь и хотел сказать ей — это что она-то и есть самая настоящая, — но вышло-то у меня что-то совсем не то.

— Дурочка ты моя, — сказал я, — господи, какая же ты все-таки глупая, Верка! Ну, о чем с такой глупой и говорить! Какой была, такой и осталась!

— А ты, — спросила она, — ты, наверное, думаешь, что стал очень умным за эти пятнадцать лет? Да? Ну-ка пусти!

Нет, я не думал, что я стал умным, и поэтому ничего не ответил, я только мгновенно прикинул в уме, какой тернистый и тяжелый путь надо было каждому из нас пройти за эти пятнадцать лет, чтобы, наконец, узнать и увидеть друг друга. Я хотел ей сказать это и еще то, что есть старая сказка о том, как двое влюбленных пошли гулять, да и заблудились в заколдованном лесу, — и вот ходят они, аукаются, слышат

друг друга то далеко, то совсем, совсем рядом, а увидеться не могут, — мешает всякая нечисть — пни там, ветки, коряги, кусты, но я не знал, какими словами рассказать ей эту сказку, чтоб она поняла, что это о нас с ней, и замешкался, а она вдруг бегло, словно украдкой подняла руку и быстро, быстро провела по моим волосам.

— Худущий! Страшный! Кощей Бессмертный. Надька спрашивает: «Мамочка, а почему дядя хороший, а такой страшный?» — она засмеялась. — Муж называет тебя Фараонова корова! Где это есть такие коровы? Едят, едят, а все скелеты? Ну, я тебя быстро подправлю, — она огляделась. — А комната...

Она отошла от меня, быстро включила свет, сняла жакетку, деловито сложила ее и повесила на спинку стула.

— Ох, порядочек! Достань мне быстро какую-нибудь тряпку и метлу, — скомандовала она. — И пы́ли, пы́ли — наверное, неделю не подметали! Холостяк!

— Слушай, да я не знаю, где она! — испугался я.

— Найди! — приказала она и стала засучивать рукава. Я постоял и пошел к домработнице. Но шел я робко: моя домработница была женщина с самолюбием и с характером, а что я мог ей сказать о тряпке и мелe, когда она мыла комнату только сегодня утром и хорошо знала, что такое порядок. Впрочем, думал я, она ведь умная, старая женщина и отлично понимает, в каких случаях другая женщина, придя к старому холостяку, непременно хочет в его комнате вымыть пол, протереть стекла и вообще навести в ней свой собственный порядок.

От редакции

Опубликованные ниже стихи также входят в корпус романа «Рождения мыши». Мы сочли полезным напомнить читателю это стихотворение, поскольку оно имеет непосредственное отношение к только что прочитанному им рассказу.

РЕКВИЕМ

Где ты, где ты, о прошлогодний снег?
Вийон

Животное тепло совокуплений
И сумерк, остроглазый, как сова.
Но это все не жизнь, а лишь слова, слова,
Любви моей предсмертное хрипенье.
Какой урод, какой хмельной кузнец,
Кривляка, шут с кривого переулка
Изобрели насос и эту втулку —
Как поршневое действие сердец?!

Моя краса! Моя лебяжья стать!
Свечение распахнутых надкрылий!
Ведь мы с тобой могли туда взлетать,
Куда и звезды даже не светили!
Но подошла двухспальная кровать —
И задохнулись мы в одной могиле.
Где ж свежесть? Где тончайший холодок
Покорных рук, совсем еще несмелых?
И тишина, вся в паузах, в пробелах,
Где о любви поведано меж строк?
И матовость ее спокойных век
В минуту разрешенного молчанья.
Где радость? Где тревога? Где отчаянье? —
Где ты, где ты, о прошлогодний снег?
Окончено тупое торжество!
Свинья на небо смотрит исподлобья.
Что ж, с Богом утерявшее подобье,
Безглазое, слепое существо,
Вставай, иди в скабрезный анекдот,
Веселая французская открытка.
Мой Бог суров, и бесконечна пытка —
Лёт ангелов, низверженных с высот!
Зато теперь не бойся ничего:
Живи, рожай и хорошей от счастья, —
Таков конец — все люди в день причастья
Всегда сжирают Бога своего.

ЧУЖОЙ РЕБЕНОК

1

Журналисту Николаю Семенову на другой день после его возвращения из командировки позвонили из театра и пригласили на вечеринку.

«Где?» — спросил он. Ему ответили — У Нины Николаевны, но не вечером, а часов в 11 после конца «Отелло», а то она сегодня занята. «А в чем дело? — спросил он. — Что за спешка?» Ему не ответили и повесили трубку. «Странно», — подумал он, но на вечеринку пошел.

Театр существовал недавно, собственного дома у него еще не было, актеры помещались в старой гостинице, и Нина Николаевна занимала номер люкс. У Николая были кое-какие сомнения, но, когда он вошел и хозяйка, улыбаясь и протягивая руки, пошла к нему навстречу, он сразу же и успокоился: видимо, пока все было в порядке. В длинном белом платье и с золотым обручем в золотистых же волосах, высокая голубоглазая с продолговатым чистым лицом, похожая не то на васнецовскую

Аленушку, не то на женщин Боттичелли, она была очень хороша и знала это.

— Здравствуйте! — сказал Николай, сдержанно кланяясь.

— Ручку, ручку целуйте! — испуганно приказал Народный

— У девушек рук не целуют, — напомнила Елена Черная, нервная и худая дамочка, — она сидела ногу на ногу и курила.

— Ну, положим, у заслуженных все целуют, — ответил Народный, и все засмеялись и зашумели.

— Что такое? — спросил Николай обалдело.

— Узнали перед спектаклем, — ответил Народный расслабленно, — это в двадцать один год! Горжусь что моя ученица... (Нина не была его ученицей.) Как говорит великий Станиславский, «пусть старая мудрость поддерживает молодую бодрость, пусть молодая бодрость поддерживает старую мудрость». Я тоже старик и счастлив, — он был уже здорово на взводе.

Нина сделала полуоборот перед зеркальным шкафом и слегка присела перед Николаем. Он хотел что-то сказать, но в это время в дверь постучали.

— Да! — крикнула Нина.

Просунулась чья-то лохматая голова и сказала: «Ах, гости» — и исчезла. Нина вздрогнула и перестала улыбаться.

— Кто это? — спросил Николай.

Нина подумала, сказала: «Я сейчас!» — и вышла.

— Это что еще такое? — спросил Народный; он сидел на диване и вполголоса разговаривал с толстой усатой дамой — комической старухой. Она ничего не ответила, только значительно улыбнулась.

— Очень странно! — проговорил Народный, глядя на нее.

— Ах, у всех у нас есть в конце концов свои печали и несбывшиеся мечты, — лирически вздохнула комическая старуха. — Ну так чем же он вам не понравился в этой роли?

— Мне он... — начал Народный. — Да нет. Куда она пошла? Кто это такой? Что за тайны мадридского двора?!

— Гинеколог! — отчетливо и хлестко, как умеют произносить такие слова только женщины, выговорила Елена. — У ней всегда такие истории не ко времени.

Влетел стремительный молодой человек в серебристом плаще, роговых очках и мягкой шляпе, весь утыканный розовыми свертками и бутылками. Он дошел до стола, свалил все это и спросил:

— Хозяйка?!

Усатая дама ткнула пальцем в стену. Он нахмурился, но ничего не сказал. Вошли еще двое, потом еще трое, потом две женщины, потом кто-то толстый и красный, и ему все обрадовались и захлопали. Николай за шумом тихо вышел в темный коридор. Дверь в соседний номер была открыта, и на полу лежала яркая желтая полоса; кто-то осторожно, но тяжело ходил по комнате. Николай подошел поближе, и ему показалось, что он слышит ее голос. В это время дверь вдруг распахнулась, и

человек всклокоченный, плохо побритый, с заспанными кислыми глазами и носом, как у лося (его, верно, так и дразнили в школе), недружелюбно спросил: «Вам что?» — но сейчас же и пригласил: «Пожалуйста, пожалуйста», — отступать было некуда, и Николай прошел в комнату.

— Сюда, сюда, — сказал Лось и открыл еще дверь.

То была крошечная комната, оклеенная белыми глянцевыми обоями. Нина сидела на низком детском кресле — тоже белом (рядом стояла кровать в сетке), и на руках у нее лежала чудесная пышноволосая девочка. У девочки были горящие щечки и сонные закрывающиеся глаза.

— Вот... — громко начал Лось.

— Тсс!.. — погрозила ему Нина. — Она уже засыпает, — и снова запела: — И пошла, пошла лисичка-сестричка, постучала рыжей лапкой и спрашивает: «Теремок-теремок, кто в тереме живет?!»

— Я Мышка-Норушка, я Лягушка-Квакушка, я Зайчик-По-Полю-Поскокишь, — сонно сказала девочка и открыла огромные голубые глаза. — Нина, а как же черта нет, если ты говоришь — он мохнатенький?

— Спи ты, маленькая, — шепотом прикрикнула на нее Нина. — Какой там черт, раз я с тобой? Слушай вот про лисичку-сестричку: вот и отвечают ей... Я сейчас, Николай Семенович.

— Да ты не уходи, — вдруг сказала девочка и посмотрела во все глаза, — а то я опять зареву!

— Нет, нет, — заверила ее Нина. — Никуда я не пойду! И отвечают ей из терёмка...

Николай продолжал еще стоять (Лось провалился сразу же), но она махнула ему рукой, и он вышел.

Лось сидел за столом и пил чай из стакана. Грязный никелированный чайник стоял рядом.

— Чайку? — предложил он.

— Спасибо! — ответил Николай неловко.

— Неудобно все это получается, — вздохнул Лось и как-то виновато и косо улыбнулся, — садитесь, пожалуйста. Они сейчас. Вот послала за ней. Не хочет засыпать без тети Нины и только. А там что? Беспокоятся?

Николаю вдруг стало жалко его.

— Нет, я просто проходил по коридору, — сказал он мирно.

— Вы садитесь, пожалуйста, они сию минуту, — он вздохнул. — Не может моя девочка прожить без нее и дня. Вот сегодня не видела ее и уж плачет. Всякие там у нее страхи, наслушается на дворе про чертей и скелетов, а потом и боится.

— Да, двор это уж... — неловко согласился Николай.

— А матери нет! — опять вздохнул Лось. — Оставила нас мама.

— Умерла? — спросил Николай и спохватился.

— Сбежала! — ответил Лось. — То есть как сбежала? Ушла — и все!

Оба помолчали.

— Насильно мил не будешь, — вдруг очень широко и хорошо улыбнулся Лось, — ведь правда?

«Уйти!» — подумал вдруг Николай и вдруг спросил:

— А вы долго с ней жили?

— Пять лет! — Ответил Лось. — Нет, даже больше — пять лет, три месяца, — он помолчал, подумал. — Актриса была. Вот они, — он кивнул в сторону белой комнаты, — с ней в Москве учились.

«Чепуха, — быстро подумал Николай, — там гости, а мы тут черт знает чем... И хотя бы он уж не улыбался».

Тут он увидел, что часть комнаты заставлена женскими безделушками: настольным зеркалом в виде палитры, эмалевой пудреницей, туфелькой для иголок, вешалкой-плечиками для платьев, солнечным зонтиком. Это почему-то опять задержало его.

— А девочка не понимает, что мама от нас отказалась! Знаете, детское сознание, — говорил Лось, улыбаясь.

Из комнаты пятясь вышла Нина и осторожно и бесшумно прикрыла дверь.

— Спит! — сказала она Лосю. — Вы пока не заходите.

Она подошла к зеркалу и что-то подняла с подзеркальника.

— Я вам так благодарен, — сказал Лось, глядя ей в спину тихими влюбленными глазами.

Она звонко дунула на пуховку, посмотрелась в зеркало и сказала Николаю: «Идемте!» — и Лосю: «Если что понадобится...»

— Да, да, да, — закивал головой Лось, — не знаю, как вас и...

— Так раздевайтесь и спите, — ласково улыбнулась Нина. — Спокойной ночи!

Вышли в коридор. Она быстро пошла вперед, чтобы не разговаривать.

— Ну, Нина, — решительно начал Николай, останавливаясь перед дверью.

— Потом, потом, — сказала она и толкнула дверь.

2

— Ну, итак прошу! — возгласила дама с усиками, — она стояла над столом, и ей подавали бутылки, тарелки, чашки. Снова сначала затрещал, а потом запел патефон. Николай посмотрел, подумал и сел рядом с Еленой. Тут на колени ему вспрыгнул кот тигровой масти.

— Ох! — поморщилась Нина с другого конца стола. — Бросьте вы его...

— Блажен иже и скота милует! — улыбнулся Николай и поцеловал кота в нос.

— Ну, положим, Нина их никогда не миловала, — сказала Елена и стала гладить кота. — Не пойму, как она еще этого-то держит. Она столько их в детстве перетопила.

— Нет, правда? — удивилась усатая старуха.

— Правда. Не терплю этих тварей, — ответила Нина серьезно.

— А почему? — спросил Народный.

— Да не люблю и всё! — отрезала Нина. — Вот когда я верно получу по заслугам и останусь старой девой...

И все засмеялись и зазвенели посудой.

— За ваше, Дездемона! — крякнул Народный. — Нет, это я так, со зла сказал, старой девой вы не будете! — он поднял бокал. — Но дай Бог вам скорее выйти замуж и избавиться от всех этих аномалий.

— Это каких же? — быстро спросила Елена.

— А вот этих самых... — Народный поискал слово, — гинекологических.

Снова все засмеялись.

— В самом деле, — продолжил Народный и обратил к Нине почти фиолетовое лицо, — ну сбежала жена от этого гуся, детеныша ему подбросила... Дальше-то что?

— Ребенок тяжело переживает это, — сказала Нина суховато.

— Ну?!

— Снятся ей всякие страхи.

— Ну?!

— Плачет по ночам и...

— Офелия, иди за гинеколога, — решил Народный, — иного выхода нет!

— И выйду! — вдруг огрызнулась Нина.

— И выходите, — запальчиво сказал Народный и обратился к Николаю: — Нет, в самом деле: ну сегодня она пойдет посидит, завтра посидит, ну неделю, ну, ладно, пусть месяц. А потом что? Привыкнет девочка к ней...

— И гинеколог привыкнет, — сказала усатая дама.

— И Нина к гинекологу, — вставила Елена.

— А по-вашему, что надо делать? — спросила Нина.

— Кому? Ему? — Народный пожал плечами. — Ему не знаю что! Ну судиться или жениться, или пулю в лоб пустить, или, еще лучше, няньку нанять — это уж его дело. А вам бросить вмешиваться в то, что вы никак не понимаете. Что это, кукла что ли? Девочке нужна мать, а вы кто? Так, добрая тетя! Хотите ребенка? Выходите замуж и рожайте сами, вот и все!

— «Рожай мне только мальчиков одних», — продекламировала Елена, смотря на Николая.

— Знаешь что, Ленка, — глаза Нины блеснули, и она хотела сказать, видимо, что-то очень злое, но тут подошел молодой человек в роговых очках, обнял ее сзади за плечи и что-то зашептал. Она вдруг засмеялась и встала.

— Танцевать! Танцевать! — сказала она. — Елена, иди к патефону, сейчас я вам покажу кукарачу — три недели практиковалась!

3

Разошлись уже под утро. Николай довел Елену до парадного, поцеловал ей руку (она спросила: «Не зайдешь?») и пошел домой, но, не доходя квартала, вдруг повернул обратно. Быстро светало. Кое-где за деревянными воротами кричали петухи. Воздух был чистый и тонкий, как ледок на лужах. Возле самой гостиницы Николай было остановил-

ся и задумался, потом махнул рукой и пошел. Дежурная спала в застекленной конторке. Он на цыпочках прошел по коридору, прислушался — было очень тихо — и постучался в белую дверь.

— Да! — ответили ему.

Он толкнул дверь и взошел. Нина в розовом халате с цаплями стояла перед зеркалом и мазала лицо.

Два белых червяка лежали у нее на щеках и подбородке. Она, не оборачиваясь, улыбнулась ему в зеркало.

— Ну и умница, — сказала она. — А я думала, что ты уж не придешь.

— Почему? — спросил он, прошел и сел за стол.

— Голова гудит от этого треска, — сказала она, сильно втирая крем. — И особенно от патефона. Терпеть не могу патефоны. Подожди, сейчас будем чай пить.

— Еще раз?

— Теперь вдвоем! Постой-ка! — она подошла к столу, подняла крышку чайника и заглянула в него. — Ну, твой любимый! Как деготь! Опять спать не будешь! — она села. — Достань свой стакан, он на второй полке! Ну, так чем же ты недоволен?

— Почему ты думаешь, что я... — начал он.

— Ничем? — спросила она в упор.

— Нет, я просто...

— Ну ничем так ничем, — и она засмеялась.

— Что ты? — спросил он недоверчиво. Она подошла сзади и обняла его за шею.

— Глупый ты мой, — сказала она нежно, щекоча носом его затылок. — Приревновал меня к этому чудику и просидел целый вечер букой, даже сесть со мной не захотел.

— Ну ладно, пусти!

— Сердитый, злой, ревнючий, приревновал к гинекологу: зачем мол она к нему бегает, что там за девочка.

Она засмеялась.

— Я еще подумала — так заелся, что даже меня дразнить не стал, — ну и хорошо, а то бы житья от него не было.

— Подожди, подожди, — погрозил он, — вот я сейчас попью и начну тебя причесывать.

— Да? Ну пей тогда! А ты не замечаешь — я немного навеселе? «Уж я пила, пила, пила и до того теперь дошла», — пропела она, кого-то передразнивая. — Похоже на Елену?

— Не слишком! — он подвинул ей стакан. — Налей-ка! Ты мне серьезно можешь объяснить, зачем тебе все это надо?!

— Люблю ребят.

— Ну и....

— Ой, только ради Бога не нукай! Не копируй этого пошляка! Я еле усидела во время его речи. Ты и не представляешь, что за замечательные люди эти ребята.

— Да, но пойми, не твое это дело.

— А чье? — спросила она.

— Да не твое же: у нее есть мать.

— Где мать? — спросила она быстро.

— Не знаю, не знаю, но он был прав, частной благотворительностью здесь ничего не сделаешь.

— Давай стакан, я налью ликера, — стой, чокнемся, — будь здоров! Теперь слушай: девочку я не брошу и разговаривать с тобой об этом не хочу.

— То есть как?

— А вот так — не хочу и всё! Девочке я нужна, и поэтому я буду с ней.

— Экая ты не...

— Постой! Вот ты кошек любишь, а я их ненавижу: видеть не могу их крысиные морды. А вот этого Ваську — наглейшего кота, между прочим, — я держу и смотрю за ним, и убираю сама, — потому что знаю, что придешь ты и спросишь: «А Васенька мой где?»

— Ну ладно, что ты волнуешься? Вот чудачка, — и он примирительно протянул ей руку через стол.

— А я женщина! Я мать! — проговорила она, не принимая его руки.

— Ты? Ты мать?

— Да, я мать. Эх, вот не понять тебе этого! Умный ты человек и Шекспира знаешь назубок, и в театральных тонкостях разбираешься лучше всех народных, а этого не поймешь. Мне вот каждое слово напоминает: «Каин, Каин, где брат твой Авель?» — «Нина, Нина, где твой ребенок: у тебя есть любимый человек, ты живешь с ним, — где же твой ребенок? Подавай его!» — Что я могу ответить?

— Странно, — сказал он, насильно улыбаясь. — Ну-ну?

— Что ты мне дал, мужчина? Молчишь: стыдно говорить — что. Вот поэтому я и ласкаю мою нерожденную девочку, люблю ее, а чем это кончится — не знаю.

— Ну вот договорились! Не знаешь и сама...

— Да, я не знаю, — она вдруг так нехорошо засмеялась, что он в испуге поглядел на нее. — Да я и вообще то в жизни ничего не знаю. Вот, тебя люблю и тоже не знаю, зачем, а ведь всему есть конец, таким отношениям прежде всего. А я люблю и люблю, а там — что Бог даст.

Помолчали.

— Нина, — сказал он озадаченно и тепло, — что с тобой, голубушка?

Она молчала.

— Это уж что-то совсем не то... Ну-ка, расскажи мне.

— Молчи! — быстро приказала она сквозь зубы и вдруг встала. — Ну, ладно, хватит — давай делать ночь.

* * *

— Но все-таки ты меня любишь и такую.

— Люблю.

— И я тебя очень, очень люблю, — подожди, не надо! Полежим так. Знаешь, мне сейчас спокойно-спокойно, как в детстве. Поцелуй меня!..

Нет, в глаза. Теперь в этот! Вот хорошо! Теперь я всегда буду тосковать о тебе, — помни, если ты исчезнешь опять, я умру.

— Я не исчезну.

— Не знаю. Странный ты человек — приручить такую дикую кошку, — и вот даже не пойму, когда и чем. Слушай, ты жил с Еленой?

— Нет!

— Нет, скажи правду, я не рассержусь.

— Что это тебе вдруг пришло в голову?

— А я вот не представляю тебя с другой! Ну как бы ты с ней стал лежать, обнимать ее, разговаривать? Ух!

— Что с тобой? Что ты вскочила?

— Нет! Представляю! Все представляю: и что говорил, и как обнимал бы! Скажи, ты вот часто недоволен мной, а Елена что? Лучше меня в этом?

— Какие у тебя дикие фантазии!

— Да! У меня дикие фантазии. Кто была твоя первая женщина?

— Ты!

— Это была ваша домработница?

— Откуда ты?..

— Сам же мне рассказал под мухой, ей было двадцать, а тебе четырнадцать. Милый, не ври, пожалуйста, — я всё знаю. Скажи, это было...

— Это было отвратительно. Я целый день прятался от матери.

— Мать имела в твоих глазах такой моральный авторитет?

— В том-то и дело, что нет, но...

— Но все-таки ты прятался. Ах, как я это понимаю. (Пауза.) Она была очень опытная?

— К сожалению, да.

— К сожалению! Этому, наверно, надо учиться. Так эту пакость не постигнешь, да?

— Нина!

— И вот ты стал специалистом, и я тебе уже не подхожу. Не трогай, а то я сейчас же встану. Как это гадко! Боже мой, как это гадко! Вот почему вы все такие — любите собачек, кошечек, птичек и не любите детей. Это ведь такие же проститутки, как и вы. А где вам понять ребятишек: вы все свое размотали по номерам, по этим гнусным малинам.

— Нина!

— Как ты смел ходить ко мне, если жил с Еленой?!

— Нина! Сейчас же прекрати!

— Почему ты не пошел к ней сегодня?

— С ума сойти!

— Почему ты не пошел к ней сегодня?

— Нет, я вижу, ты просто перепила и хочешь поссориться.

— Она тебя не впустила, да? Тогда ты пошел ко мне: наплевать, эта безотказная — всегда впустит. Видеть тебя не могу — кошачий благодетель!

— Пусти, я встану.

— Вот, вот, вставайте — одежда в шкафу, ботинки под кроватью, галстук и воротничок на кухне. Если не найдете, я завтра пришлю их с Дашей.

— Хорошо!

— И быть таким нечестным, грязным человеком. Жить сначала с одной подругой, потом перейти к другой. И ведь ты знал...

— Под кроватью ничего нет. Где мои ботинки?

— Боже мой, Боже мой! И кому зачем это нужно?

— Только, пожалуйста, не плачь!

— Не твое дело — буду плакать. Когда после первой поездки в горы ты мне сказал... А-а! Ты уж забыл все. (Пауза.) Ведь я тебя любила. Понимаешь, люблю! Почему ты молчишь?

— Ищу ботинки.

— Ты хочешь идти к Елене! Ложись сейчас же! Никуда ты не пойдешь!

— Нет, пойду.

— А я тебе говорю — нет, не пойдешь. Ну милый, ну хороший мой, ну не надо сердиться. Я глупая, я истеричка. Я совсем, совсем ничего не знаю. Ложись, маленький.

— С ума ты сошла.

— Ложись, маленький.

— Ой, лечиться тебе надо, Нина.

— Да, милый. У — ты мой хороший, единственный, мой любимый, — лежи, я тебя буду гладить, и ты заснешь.

— Ты же понимаешь...

— Да, да, да! Спи, спи, спи!

4

Проснулся он оттого, что вся комната была залита солнцем и самый яркий блик полз у него по лицу. Он засмеялся, как от щекотки, и снова зажмурился. Так пару минут он пролежал бездумно и неподвижно, как на пляже, потом вспомнил: «А Нина-то?» — и быстро сел. Ее не было. Посмотрел на плечики — платье висело, а туфли исчезли.

«Нина!» — позвал он. Ему не ответили. Он быстро натянул брюки и пошел в соседнюю комнату, а из нее на кухню, — там на гладильной доске лежал галстук и новый воротничок, и ее опять не было. Он толкнул дверь в коридор, и она распахнулась. «Вот залетел бы кто-нибудь». Он осторожно закрыл ее и возвратился в комнату — надел перед зеркалом воротник и стал завязывать галстук, — «Когда же это она успела разгладить?»

Тут Нина быстро зашла в комнату; руки у нее были мокрые до локтей, рукава засучены, а на простом сером платье надет полупрозрачный зеленый фартук.

— Уже встал? — весело удивилась она и, схватив полотенце, стала обтирать руки.

— Ну, с добрым утром! Сейчас приду и будем завтракать, — она подбежала, невероятно легки и свободны были ее движения, — и шумно чмокнула его в щеку. — А галстук! Опять узлом! Постой, не затягивай — я сейчас.

Так же быстро и легко она подскочила к шкафу, опустилась на корточки, выдвинула нижний ящик, выхватила что-то длинное и твердое в серой бумаге и выбежала, опережая его вопросы. Сейчас, когда он на нее глядел со спины, она своей ладностью и статями напоминала молодого оленя.

— Послушай, куда ты? — крикнул он.

Она уже исчезла.

Он рванул галстук и точно затянул его. «Сбесилась!» — подумал он. Васька, услышав шум, подошел к открытой двери, постоял, увидел его, отчетливо и страстно выговорил «Мяу!» и пошел к нему, тонно выгибая хвост. Николай взял его и стал гладить.

«Нет, что-то с ней творится, — думал он, щекоча коту горло. — Ребенка! Сколько ей лет? Уже двадцать два скоро... А все-таки уйдет она от меня к Лосю». Нина быстро вошла в комнату. Вчерашняя кудрявая и светлоглазая девочка сидела у нее на руках.

— Вот какие мы, — сказала Нина. — И зубки вычистили, и умылись.

— С добрым утром, дядя Коля, — звонко сказала девочка. — Давай с тобой играть в крокодила.

Зеленый заводной крокодил шипел и щелкал в ее руках.

Нина вся светилась: материнская гордость и нежность сияла в ее медленных больших, почти страдальческих глазах.

Николай бросил кота и протянул руки девочке. Она сейчас же обхватила его за шею. Так они — Нина и он — и стояли друг возле друга, соединенные руками ребенка. Нина засмеялась от удовольствия.

— Ты посмотри, какой у нее крокодил!

— Какой крокодил! — повторила девочка.

Потом они сидели за столом — девочка на коленях у Николая — и пили какао. Нина, строгая, чинная, во главе стола, мазала им бутерброды. Поговорили про крокодила, про то, какой он страшный и большой и как он по улицам ходил, папиросы курил, по-турецки говорил, а потом Николай спросил:

— Ну как, Ирочка, замуж за меня пойдешь?

— Не ходи, Ирочка! — быстро сказала Нина. — Он обманет, у него «котишшша».

Ирочка подумала.

— Мне бы хотелось выйти замуж за Нину, — ответила она вежливо и решительно. — А зубки у тебя золотые, да? Почему?

— Да, такие уж выросли.

— Ты свои мышке бросил?

Он кивнул головой. Ирочка задумчиво покачала свои боковые щербатые резцы.

— У меня тоже скоро будут новые. Я бросила свои зубки в батарею и сказала: «Мышка, мышка, поиграй и обратно отдай».

— Ну не так, Ирочка, — упрекнула Нина. — Зачем тебе старые зубки? Как надо?

— Ах да! — вспомнила Ирочка: — «Мышка, Мышка, возьми себе зуб костяной и дай мне стальной». А у тебя золотые, да?

— Да. А кого ты больше всех на свете любишь?

— Больше всех-всех?

— Да!

— Нину!

— А почему?

— Она всех красивей!

— Ну а папу?

— Ну и папу тоже, — в ее голосе прозвучала снисходительность и раздумье. — И папу, конечно.

— А он что, красивый?

Она задумалась.

— Папа-то? Нет! Он любит Нину, он вчера мне сказал...

— Николай, ну как тебе не стыдно? — нахмурилась Нина. — Молчи, Ирочка, а то я тебя не буду больше любить. Стой! Я тебе галстук завяжу! Пусти его, Ирочка!

Она поднялась, опустилась возле него на колени, быстро перевязала галстук, расправила воротничок и вдруг обхватила Николая за шею, да так и замерла.

— Ну, Нина! — сказал он нахмурившись. — При ребенке-то? — Он всегда пугался ее порывов.

Она молчала, но он чувствовал на своих щеках жар ее щек и то, как дрожали губы.

— Тетя Нина! — недовольно крикнула Ирочка, — ты же меня жмешь!

В это время в дверь осторожно постучали.

— Нина! — быстро шепнул Николай. — Пусти же!

— Войдите! — крикнула Нина.

Вошел гинеколог и остановился на пороге. В его руках была колбаса, банка сгущенного молока, еще что-то. «Извините!» — сказал он, отступая.

Нина оправила волосы и встала.

— Ничего, ничего, — сказала она, улыбаясь. — Складывайте все это на стол, Сергей Митрофанович, и садитесь. Вы ведь знакомы?

— Немного, — ответил Лось. Покраснел и замялся.

— Садитесь, садитесь! Сейчас я тебе, Ирочка, сделаю бутерброд с твоей любимой колбаской. А нитки вы мне купили?

Лось не отвечал и испуганно смотрел на нее.

«А жалкий он какой, — остро и быстро подумал Николай, — и ведь все равно она уйдет к нему».

— Здравствуйте, Семен Митрофанович, — сказал он очень громко и протянул ему руку.

Так они и сидели вчетвером, пили чай и разговаривали.

Весна 1951 год

От публикатора

Через десять лет после кончины Юрия Осиповича свою новую книгу «Ущелье белых духов» Валя Новиков подарил мне с такой надписью: «Кларе Домбровской, дому Домбровского с непреходящим чувством горечи от общей утраты нашей — Юрия Осиповича. И впрямь меняется и тускнеет мир, когда уходят такие, как он». Валентин знал Юрия Осиповича по Алма-Ате, еще по сороковым годам, позже по журналу «Простор», особенно они сблизились в уютном подвальчике Льва Игнатьевича Варшавского. Потом Валентин жил в Рязани, а когда бывал наездами в Москве, приходил к нам.

Мы с друзьями давно хотели делать сборник воспоминаний: их к тому времени у меня собралось достаточно, и как-то при встрече попросила Валю что-нибудь написать о Юре. Сборник по времени отодвинулся, но я делала в то время Собрание сочинений Юрия Осиповича, и первую часть воспоминаний мы напечатали. Полностью они публикуются впервые.

Клара Турумова-Домбровская

Валентин НОВИКОВ (1928–1995)

ЮРИЙ ДОМБРОВСКИЙ. ЗЕМНОЙ ПУТЬ И ЛАГЕРНЫЕ МИФЫ

В сорок шестом году я работал в парикмахерской Дома делегатов в Алма-Ате. Парикмахерская находилась в вестибюле, слева от входа. Аккуратная застекленная будка. Я работал там мужским мастером. Мне было семнадцать лет. Заочно я учился на первом курсе университета. О Домбровском в сущности ничего не знал. Точнее, знал, что странный всклокоченный тип, рассеянно бродивший по городу, — писатель, который вроде бы сидел и после отбытия срока поражен в правах и сослан в Казахстан. О том, что он писатель, почему-то знали все, хотя никто его книг не читал. И само понятие «писатель» применительно к лохматому типу в замызганном жутко мятом «белом» костюме вызывало у людей приятное ощущение своего превосходства. Я хорошо помню это слово «писатель», произносимое беззлобно, этак покровительственно. В те гимнастерочные, кительные, широкоштанные годы такой человек вызывал недоверие.

Помню, в начале войны по городу в жару некий тип ходил в прорезиненном задубелом плаще и резиновых сапогах. И бдительные граждане отводили его в милицию как шпиона. На следующий день он снова шагал по городу в тех же сапогах и том же плаще. Это был продавец керосина из подвальчика на одной из улиц Алма-Аты.

Юрий Осипович в каком-то смысле напоминал этого продавца керосина. Не знаю, доставлял ли его кто-либо «куда надо», но у бдительного человека подозрение он вызывал несомненно.

Был он невообразимо худ, кости его, казалось, лишь выявлял и подчеркивал тесноватый замызганный костюм. Но не вписывался он в окружающую обстановку вовсе не потому, что был небрежно и убого одет, а потому, что вроде не замечал ничего вокруг, был отрешен от всего и одновременно сосредоточен на чем-то своем, на каких-то своих мыслях и никак не реагировал на окружающее. А это выходило из ряда вон.

Людей в те годы объединяла общая собранность, общая озабоченность, общая усталость. Даже человек, приехавший из другого города и в сущности такой же, как и местные жители, сразу бросался в глаза. И как правило натыкался на проверку документов, на какой-нибудь летучий шмон.

Я работал в парикмахерской один, второе кресло там просто негде было поставить, впрочем и клиентов много не собиралось — два-три человека, не более. С улицы, как правило, никто в парикмахерскую не заходил. Дом делегатов отпугивал вывеской и еще чем-то труднообъяснимым. Видимо, природная осторожность, обыкновенный инстинкт самосохранения отпугивали людей от этого весьма представительного и ухоженного здания. Тогда все выглядело привычно обшарпанным, будь то гостиница, филармония или университет. А немногие ухоженные здания заставляли прохожего побыстрее проходить мимо. Самым ухоженным, пожалуй, было здание МГБ, находившееся недалеко от Дома делегатов, — серое, какое-то очень уж благополучное и как бы пребывавшее вне времени, окруженное тенистыми деревьями, современной архитектуры и уж никак не устрашающего облика. Оно выходило окнами на небольшой тенистый парк. Но я никогда не видел, чтобы какой-либо зевака останавливался здесь отдохнуть, половить ворон, «на людей посмотреть и себя показать».

Однажды, когда у меня не было клиентов, я достал колодочку и начал направлять бритву. И в этот момент через стеклянную стенку своей парикмахерской увидел, что в фешенебельный вестибюль Дома делегатов вошел Юрий Осипович с вареным початком кукурузы в руках. Он нес его не таясь, словно свечку в божьем храме. И шагал по ковровой дорожке так, будто делал это каждый день и был тут своим человеком.

В вестибюле справа и слева стояли два кожаных кресла. Порой какой-нибудь генерал или делегат, выходя в вестибюль, отдыхал в одном из этих двух несуразно огромных кожаных кресел, олицетворяющих удобство, негу и безусловный достаток. Но обычно они пустовали. Пустовали представительно и строго.

Юрий Осипович уселся в кресло и оглядел свой вареный початок. Всклокоченный, в мятом замызганном «белом» костюме с оттянутыми карманами и оборванными пуговицами он, честное слово, сильно напоминал легендарную ворону, где-то добывшую кусочек сыра.

Оставив бритву и колодочку, я внимательно наблюдал за ним.

Обычно в вестибюле вертелась шустрая комендантша, ходили технички, перетаскивала узлы с бельем кастелянша. Но сейчас не было никого.

Юрий Осипович принялся за початок. Кукуруза в те годы выручала многих от лютой голодухи.

В студенческой столовой можно было часто видеть голодных ребят с ускользающими воспаленными глазами, они бродили меж столов, тщетно высматривая объедки. Голод гнал на базар. Там уже в середине лета можно было купить початок с мягкими, наполненными сладким молочком зернышками. А зимой в ход шла кукурузная мука.

Юрий Осипович бережно обглодал початок. Обглодал не торопясь, как делает только очень голодный человек, у которого нет ни прошлого, ни будущего, есть только одно — великое блаженство медленно пережевывать душистые вареные зернышки. Обглодал и со всех сторон оглядел пустой кочешок. Съел и его до самого зеленого хвостика. Меня этот захватывающий момент прямо-таки вывел из равновесия.

Затем повертел в руках оставшийся зеленый хвостик, осмотрел его со всех сторон как пытливый исследователь. И съел.

Посидел еще немного в кресле, оглядел вестибюль, оглядел свои пальцы. И ушел.

В годы войны и первые послевоенные годы я видел много голодных людей. И каждый из них был голоден по-своему. У каждого формировался свой житейский голодный почерк.

Юрий Осипович ушел, и после этого я не видел его десять (10) лет. Лишь в конце пятидесятых годов познакомился с ним в доме киносценариста Льва Игнатьевича Варшавского.

Лев Варшавский — бывший секретарь Карла Радека — поселился в Алма-Ате, — вернее, принужден был поселиться, — в 1939 году.

Гонимые смутными ветрами пятьдесят шестого бывшие политзаключенные в несметном числе наводнили этот довольно своеобразный город, некогда станицу с казачьим населением, потом пыльное захолустье, куда сгонялось недобитое кулачье и где приезжим чиновникам платили за удаленность, потом город военного времени с московскими и ленинградскими профессорами в университете, коллективом Большого театра, квартетом имени Бетховена, ссыльными чеченами сорок четвертого и, наконец, в пятьдесят шестом — пристанище людей, исторгнутых из чрева ГУЛага.

Один за другим возвращались они — вроде бы целехонькие. Возвращались, словно материализовавшиеся призраки. Возвращались, хотя должны были остаться там, откуда пришли: у многих сроки простирались за пределы жизни. И чем-то возвращение их напоминало прилет птиц, возвещающих о том, что уже тают снега и спешит куда-то к весеннему морю ненужный более лед.

И мы, желторотые свидетели этого, просто не готовы были объять всю значительность происходящих событий. Приходили вышибленные

из жизни люди, из ее привычного хода и ритма, сутулясь, кашляя в кулак, куря половинки сигарет, неумело улыбаясь, приходили — не похожие ни на кого.

Лев Игнатьевич Варшавский всегда осторожно держался рукой за разбитую почку, непрерывно курил, вставляя в мундштук половинки дешевеньких сигареток, глухо покашливал. Седина его была густой и неровной, будто проступала в некие разрозненные мгновения. Разговаривал он всегда насмешливо-доброжелательно, слегка заикаясь (заикой он стал тоже на допросе). Он помогал всем подряд, не считаясь ни со здоровьем, ни со временем. Порой думалось: на черта все это ему нужно? Но когда ты сам оставался без работы, вступал в конфликт с начальством, вообще оказывался на мели, Лев Игнатьевич куда-то звонил, кого-то убеждал, уговаривал, упрашивал. И совершалось чудо: дела твои налаживались, неприятности уходили.

В небольшой квартире Варшавского, заполненной книгами, всегда можно было с кем-нибудь познакомиться. Лев Игнатьевич не делал для этого никаких усилий: люди приходили, смотрели его книги и альбомы (выносить из дому он ничего не позволял), знакомились, уходили друзьями. Впрочем, сам хозяин тоже был любитель поболтать и поспорить, знал толк в беседе. Он устраивал судьбы, мирил лютых врагов, отвлекал от смертной черты самоубийц.

Как-то я зашел к Варшавскому и застал у него Юрия Осиповича. Они сидели за столом и полубеседовали, полумолчали. Я уже тогда знал, что их связывает давняя дружба, что для Домбровского никого не было ближе Льва Игнатьевича в Алма-Ате, а может быть, и не только в Алма-Ате. Я хотел было уйти, чтобы не мешать им, но Лев Игнатьевич пригласил меня к столу.

— Ты знаешь, кто это? — спросил он у Домбровского.

Домбровский усмехнулся:

— Кто?

Это было сказано с уничтожающей усталостью.

Но Варшавский сказал, что он зря берет меня на вилы, и спросил, читал ли Юрий Осипович мою статью о скульпторе Иткинде.

Домбровский статьи не читал, но посмотрел на меня с некоторым любопытством, потому что сам интересовался этим скульптором, с которым познакомился еще в сорок пятом году.

И мы сразу заговорили о «Старом ботинке», новой работе престарелого мастера, обо всем, что было с ним связано.

На этом и состоялось наше знакомство. Домбровского я уже тогда знал по книгам и лекциям, был много наслышан о нем, но так вот непосредственно встречаться не приходилось.

Не припомню человека со столь пристальным и одновременно отрешенным взглядом. Его проницательность была такой мощной, что вызывала ощущение протеста. Он разглядывал человека, словно вещь, интересуясь, как видно, лишь какой-то частью его сущности, продолжая не останавливаясь о чем-то размышлять. С ним было неуютно. Он не то

чтобы не считался с окружающей обстановкой, с людьми, мелькавшими в чреде его дней, он просто не понимал, что к обстоятельствам принято приноравливаться: одеваться согласно случаю и сложившемуся этикету, держаться соответственно моменту.

Это был, если можно так выразиться, бродячий писатель, как бродячие коты или бродячие трубадуры. Каждый, кто знал Домбровского, знал и его привычную фразу «брожу по городу». Он действительно неудержимо бродил по городу. Встретить его можно было где угодно, в самом неожиданном и невероятном месте: среди товарных складов на станции Алма-Ата I, на выставке собак, в мастерской, где изготовляют цветы для похорон, в театре, в библиотеке, на базаре. Домбровский, я бы сказал, — какая-то гончая собака за жизнью.

Помню одно из его выступлений по телевидению. Возникнув на экране, он долго скреб пятерней свои патлы и молчал, потом, когда зрители уже начали ощущать неловкость, заговорил. Ах, как он говорил! Неповторимо, всегда неожиданно, захватывающе.

В наш век административного артистизма, когда на собраниях сотни мужчин при галстуках в жару исходят скрытым паром в строго серых пиджаках, когда умение находить нужный жест и железную с оттенком строгой теплоты интонацию предопределяет карьеру, Юрий Домбровский плохо вписывался в накатанную структуру. Он просто не понимал, что можно и нужно меняться, приспосабливаться, входить в обстановку.

Потом мы часто виделись и болтали о том — о сем. Исчезло ощущение скованности и некоторой робости перед Юрием Осиповичем. В беседе какая-нибудь мелочь вдруг увлекала его, резко меняла его настроение и весь ход разговора, и это было как взрыв, столь темпераментно и бурно. За этим ощущалась сила его души и детская непосредственность. Но было в нем и нечто загадочное.

Когда я сказал Варшавскому, что Домбровский для меня загадочная личность, что я всегда чувствовал в нем нечто необузданное и трагическое, Лев Игнатьевич усмехнулся, развинтил мундштук и, прочищая его, рассказал такой лагерный эпизод, что я долго не мог прийти в себя от изумления и ужаса. Он рассказал, как Юрий Осипович в лагере был проигран уголовниками. Я был потрясен мужеством и отвагой Юрия Осиповича. Я не имею права об этом рассказывать, да и не хочу множить лагерные мифы, но и не упомянуть об этом тоже не могу.

Лагерные мифы... Я знал многих людей, прошедших сталинские лагеря. Некоторые склонны были из всего пережитого извлекать только острые, захватывающие дух эпизоды, хотя лагерная действительность в ее печальной протяженности была куда страшнее, но они тяготели к мифам, к эффектной героике. Конечно, ТАМ случалось и такое, чего не в силах переварить разум, но более всего он не в силах переварить снега, тягучий голод, нескончаемые сроки, угнетение духа.

С грустью заставляю себя рассказать о последней встрече с Юрием Осиповичем. Он сидел в комнате Варшавского за большим полированным столом и пил коньяк — какой-то очень дорогой марочный конь-

як — из подвернувшегося под руку граненого стакана. Пил неторопливо и отрешенно.

Народу собралось в тот день у Льва Игнатьевича довольно много. Не помню уж, по какому случаю. А может быть, и без случая, просто так. С Домбровским разговаривали — он рассеянно отвечал, о чем-то думал; за распахнутым окном сиял жаркий летний день. Никому не предлагал разделить с ним марочную радость. Какой бы то ни было собутыльник тут, рядом с ним, выглядел бы просто нелепо. Он был сам по себе и пил с каким-то своеобразным пафосом, как человек, который уже завершил свои земные дела и решил сам с собой отметить этот странный момент.

Увидев меня, он сказал:

— Прочитал вашу повесть. Это журнальный вариант. А журнальный вариант всегда носит на себе следы редакторского произвола. Почему-то именно в журналах любят причесывать рукописи... Подчеркивают свою работоспособность что ли... Никакое издательство так ретиво не разделает произведение...

Он допил остаток коньяка и говорил еще довольно долго.

Я, разумеется, сразу понял, что повести моей он не читал. Может быть, пробежал две-три фразы, а может быть, и не пробегал. Просто увидел ее в журнале, и сейчас, после опорожненной бутылки, ему взбрело на ум об этой повести поговорить. Юрий Осипович сколько бы ни пил, никогда не терял ясности разума. С поразительной изощренностью разбирал он повесть, о которой не имел ни малейшего представления. Это была, на первый взгляд, милейшая пьяная болтовня. Естественно, на трезвую голову он не стал бы этого делать.

— Повесть могла быть хорошей. Ну, а раз могла быть — значит, хорошая, — закончил он. Это был виртуозный анализ непрочитанной вещи, своеобразное искусство. У него все оборачивалось искусством, даже несуразный поступок.

Потом я часто мысленно возвращался к этой нашей последней беседе. Но при воспоминании о ней мне никогда не было весело. Я не могу сказать, что мою вещь разбирал такой мастер, как Юрий Домбровский. Не могу сказать, что он давал мне творческие советы. Нет, все это чушь. По сей день этот разговор мне кажется странным. И вот почему: Домбровский ни в пьяне, ни в трезве не терпел литературных разговоров, уходил от них, занятый своими мыслями. Литература ему смертельно надоела. И ко всякой публикации начинающего прозаика он прикасался с известной долей осторожной брезгливости. С ничтожеством он был жесток и желчен. А разбирать непрочитанную вещь — нет, для него это было исключено. И тем не менее...

Видимо, тогда, в тот миг в нем пробудился идеалист, готовый все на свете примирить. По-моему, он нередко был неожиданен даже для самого себя и вследствие этого задавал другим неразрешимые загадки.

Варшавский по этому поводу лишь скептически пожал плечами и сказал: «Да он просто валял дурака».

Просто весельчак, шутник? Может быть...

Но однажды, — было это в конце шестидесятых, — я увидел его в просторной и, как всегда, пустой библиотеке Союза писателей под старым фикусом. Он сидел и смотрел сквозь тяжелую листву полными боли, затравленными глазами, хотя, как я точно знал, все дела его были в порядке и уже ничто не могло омрачить его будущее.

Лишь мгновение видел я его в таком облике. Он заметил меня и сразу опустил глаза. О чем он думал? Какие пути проходил в сплошном пожаре памяти? О чем плакала его душа?

Олег ХЛЕБНИКОВ

ВСЕ, ЧТО НАДО ОТ БЕССМЕРТЬЯ

Рождество-2009

В рождественской морозной электричке,
где в тамбуре цветочки изо льда,
курю по злой и мстительной привычке
напоминать, что жив, и вдруг —
звезда!
Сквозь облака, когда откроют двери —
вон там, вон там! — мы гонимся за ней,
ее свеченье расстояньем меря
и заслоняя россыпью огней...
Нет, не догнать!
Но если мы следим,
как там она, —
авось и нам простится
мучение без святости... и дым
отечества... и выпитые лица...

* * *

Я снова среди прочих граждан
в хрущобах тех пятиэтажных,
где каждый знает все о каждом,
где нет зарвавшихся и важных.

Я снова среди листьев влажных,
в асфальт вмурованных. Не важно,
что годы минули — уважь их
забвением, иначе страшно.

Олег ХЛЕБНИКОВ — родился в 1956 году в Ижевске. Окончил Ижевский механический институт (1978) и Высшие литературные курсы (1985). Кандидат физико-математических наук. Стихи печатает с 1973 года. Автор восьми поэтических книг (последняя — «Жесткий диск»: М., 2002) и многих публикаций в центральных российских журналах. Стихи издавались в переводах во Франции и в Дании, также переводились на английский, болгарский, фламандский и другие языки. Живет в Москве.

Среди людей, конечно, разных,
но жизнь свою однообразно
сжигающих — что в пост, что в праздник —
так беззаветно и отважно!

Живу, как будто в день вчерашний
попал, а завтрашний напрасно
пропал. И если мне не страшно, —
не оттого ль, что сам я страшный?

* * *

Человеку надо мало,
надо мало человеку:
чтоб в окне звезда сияла,
а от фонаря в аптеку
путь недолог был и чтобы
мог, дойдя уже, посметь я
все, что надо, от хворобы,
все, что надо, от бессмертья.

* * *

Сентябрь — а листья не желтеют.
Надежда каждому дана,
что всех когда-то пожалеют
безжалостные времена.

Порой так было и с Россией —
однажды аж до октября.
Теперь отсрочки не проси ей,
не ждет пощада и тебя.

А этот день — последним теплым —
в полночной погостит стране,
потом умчится автостопом
туда, где снова быть войне.

Осенняя песенка

За окном дождит все утро.
И уютно от дождя
в домике из перламутра
так и жить не выходя.

Перламутр железной крыши
под дождем гудит, гудит.
А к стеклу прижался рыжий
лист и в комнату глядит.

Это с рыжими нередко:
он изгой. И с сентября
отказала ему ветка
от жилья и от себя.

В общем — то ли дело я!

* * *

Иду, следов не оставляя,
по изморози... Эй,
привет тебе, земля стальная,
от хилых сыновей.

Ты нас совсем не замечаешь,
ты знаешь только тех,
кто кровь твою сосет, отчаясь
замаливать успех.

Ты все отдашь и все простишь им
на общую беду.
...По водам по твоим застывшим,
как посуху, иду.

Туристы в Иерусалиме

Мы Его путь повторяем:
тот — из горсада на горку.
Времени зря не теряем,
не зря и вздыхаем горько.

Жалко Его, конечно,
только себя — поболе,
живущих так тщательно грешно,
словно по Божьей воле.

Путь повторяем крестный —
вдруг после смерти слава
ждет нас: пример известный —
грешник святой Варавва.

Но повидать так много
надо еще на свете!..
Мир — как посланье Бога.
Не дочитать до смерти.

Один человек

Глаголом жги сердца людей

Родился.
Учился.
Работал.
Женился.
Влюбился,
сошелся,
развелся.
Работал.
Женился.
Работал.
Работал.
Развелся.
Спился.
...Отчего-то
приснился.

* * *

Материальные предметы —
вплоть до собственного тела —
с каждым мигом все дороже,
хоть и качеством они
с каждым днем все плоше. Это
подтвержденье, что предела
достигаем — только души
и останутся одни.

А словесные игрушки —
те, в которые играя,
понемножечку взрослеет
беспризорная душа —
дешевеют до полушки,
до убожества, до края,
за которым стыд краснеет,
срамом сделаться спеша.

Поколение

Своими соплеменникам не стали.
И не в своем отечестве не стали
пророками. Забиты все места
у времени на ветхом пьедестале.
Какой Парнас! — Голгофа занята.

А мы хотели с этими и с теми
поговорить о жизни и о смерти,
как Пастернак — святая простота! —
с тираном — да не вышло ни черта.

Но у него-то почему — известно.
У нас — безвестно. Вот что интересно:
нам тоже было кое-что сказать.
Плевать, что не услышали, — бывало,
но нас и не послушали — сбивала
спесь пасынков своих Россия-мать.

И многие уже лежат в могиле,
как будто не были — а все же были!
Но это помнят двадцать-двадцать пять,
ну, может тридцать человек от силы —
из тех, кто сам пытается кропать.

Потом историк от литературы
в гнетущем смоге различит фигуры —
столь смутные, как будто сами — смог.
И будучи не расположен к шуткам,
объявит наше время промежутком:
мол, не было того, который смог.

И языком англообразно-жутким
свой подведет итог.

От редакции

Повесть, которую «Континент» предлагает сегодня вниманию читателей, довольно необычна. Возможно, мы даже и не вполне правомерно помещаем ее в разделе «Литературная гостиная "Континента"». Потому что перед нами не только и даже, может быть, не столько беллетристическое произведение, сколько проповедь. Автор «Кары для террориста» — священник, и текст, им написанный, первоочередной своей целью имеет не собственно художественные задачи. Однако цели эти благородны: Анри Мартен предлагает свою модель исправления современного мира, уврачевания его безумия, смягчения его нравов. И делает это, надо заметить, в столь увлекательной форме, что плод его трудов мы все-таки не побоялись поместить именно в том разделе, в котором и найдет его читатель.

Анри МАРТЕН

КАРА ДЛЯ ТЕРРОРИСТА

Повесть

I

В день своей казни Абдула Мехмет (настоящее имя неизвестно) обрил себе голову особенно тщательно и аккуратно[1]. Брил, собственно,

[1] Описывая террориста-мусульманина, автор далек от мысли обличать или оправдывать ислам. Судить о том, насколько располагает или не располагает к терроризму исламское мировоззрение, не входит ни в намерения автора, ни в его компетенцию. В сегодняшнем мире террористы — это главным образом мусульмане, тридцать лет назад «главными» террористами на свете были католики-ирландцы, с ними небезуспешно соревновались цейлонские тамилы, взорвавшие Раджива Ганди, а еще прежде это были люди коммунистических убеждений («красные бригады»). Спектр достаточно широк; между тем, если я ничего не могу сказать о вере и убеждениях тамилов, то католичество и вообще христианство, исповедуя принцип «Возлюби ближнего твоего,

О. Анри МАРТЕН — родился в 1949 г. в Тбилиси. Окончил Тбилисский Институт Иностранных языков и Люблинский Католический университет. Священник Греко-католической Церкви, магистр богословия. Редактор, переводчик. Автор ряда публикаций, в том числе циклов Бесед о Божьих заповедях «Так поступай, и будешь жить», о Нагорной проповеди «Школа радости», Бесед «Поговорим об интернете» и т. д. Переводы и свидетельство о. Мартена о Междугорье печатались в «Континенте». Живет в Могилеве, Беларусь.

тюремный парикмахер, Абдула сидел, прикованный запястьями к твердым подлокотникам высокого стула, но, поскольку для бритья цирюльнику предоставили специальный остро отточенный кинжал, — неслыханная привилегия, дарованная смертнику, — Абдула чувствовал себя так, словно совершал ритуальную процедуру сам. Еще бы: он категорически потребовал для последнего бритья кинжал, и вот его требование удовлетворили. Возможно, дело облегчилось тем обстоятельством, что перед казнью на электрическом стуле голову по всякому полагается выбрить, но Абдула над этим не задумывался. Он знал: от неверных всегда можно добиться всего, чего захочешь, если только проявишь твердость. Поэтому он снисходительно-презрительно поглядывал на двоих верзил-охранников, не спускавших глаз с рук парикмахера.

К восьми утра Абдула, чисто выбритый, в свежей белой рубашке, уже сидел на застеленной койке в своей камере. Стул — виртуальную копию электрического — унесли; парикмахер удалился, охранники остались.

Предстоял еще завтрак: кофе, хлеб, масло, джем на подносе, — и Абдула не собирался им пренебрегать. Страха не было, только возбуждение и любопытство, как перед... Как перед свадьбой! — подумалось вдруг Абдуле. У него было две жены — одна... ну, там, неважно, где, другая здесь, в Америке, — и такое предсвадебное возбуждение он помнил очень хорошо: вот сейчас поднимешь вуаль с лица невесты... Точно так же и сегодня: вот-вот поднимется вуаль, только гораздо более таинственная, плотная, весомая... Для многих это будет не вуаль, а тяжкий занавес, который не поднимешь, который сам на тебя падает, давит, душит, заглатывает, обволакивает, увлекает в бездну, и это навсегда, навеки... Такова участь всех неверных, этих вот охранников, а также судий, прокуроров, присяжных, палачей, но и просто всех этих жирных обывателей, всех этих выродков, не познавших путей Всевышнего, променявших Его святую волю на самоуслаждение. Но чего стоят все их сладости, все эти души-унитазы, мобильники-кондиционеры, самолеты-интернеты в сравнении с той сладостью, в которую уже сегодня погрузится, с головою и со всеми внутренностями он, Абдула, верный воин джихада! Аллах акбар!

Абдула не был смертником. Предполагалось, что после теракта — взрыва в переполненном провинциальном торговом центре-гипермар-

---

как самого себя» (Лк 10:27) и призывая вслед за своим Основателем: «Любите врагов ваших» (Мф 5:44), — к терроризму определенно не склоняют. И даже коммунизм, учение по своей сути террористическое, приветствуя и применяя массовый террор где только может, террор индивидуальный одобряет, как ныне модно выражаться, «не однозначно»: Ленин отвергал его, считая малоэффективным, а следует заметить, что по коммунистической шкале с ее десятками миллионов жертв даже такие масштабные акты, как 11 сентября, проходят по разряду террора скорее точечного, индивидуального. При этом, однако, люди становятся коммунистами не обязательно из любви к террору, и в рамках любого мировоззрения или веры делаться либо не делаться террористом человек решает сам.

кете — он может и сможет спокойно удалиться. Дело представлялось предельно простым. Не дело даже, так, разминка, тренировка. Взрывчатку с электронным взрывателем еще накануне заложил в подвале возле несущей опоры завербованный уборщик, которому за это обещали две тысячи долларов — тысячу сразу, тысячу потом, после взрыва. Первую тысячу он получил, вторую не получит никогда, разве только в аду: в раю долларов нет, к тому же в рай он все равно не попадет, потому что это страшный грех — убивать людей *за деньги*. Ему, конечно, не сказали, что взрывчатка настоящая, так, мол, пошумит, подымит, повоняет, попугает... — но взрослый человек, должен был понимать, что просто за «хлопушку» двух тысяч долларов никто никогда не заплатит.

Так что совесть Абдулу из-за того, что пришлось «подставить» мусульманина, совсем не мучила. Настоящий мусульманин не должен быть таким глупым и жадным.

А подставили этого мусорщика красиво, можно сказать, артистично. Конечно, проще простого было бы потом прирезать его где-нибудь без шума, но это возня с телом, лишний риск, всегда может случиться, что тело вдруг найдут, узнают, кто такой, где и в какую смену работал, и потянется цепочка — с кем когда встречался, когда с кем виделся... Кому это надо?

Поэтому избавляться от уборщика решили по-другому. Как избавляться, Абдула придумал сам, и очень из-за этого собой гордился...

Приятный ход мыслей прервала звякнувшая дверь камеры, а еще раньше, за добрую секунду до всяких звуков, напряглись-подобрались охранники: «Ишь ты, гяуры, а чутье имеют», — с усмешкой про себя отметил Абдула.

Дверь распахнулась, и в камеру вошли четверо, заполнив ее собою без остатка. Двоих Абдула знал: директора тюрьмы и прокурора, — а двое других — то ли агенты в штатском, то ли помощники в безликих темно-серых костюмах, — этих и знать не стоило.

Прокурор держал в руках развернутый лист бумаги. Глядя то в него, то в сторону Абдулы, он произнес:

— Абдула Мехмет, тысяча девятьсот семьдесят восьмого года рождения? — больше никаких данных Абдула о себе не сообщил, поэтому приходилось обращаться к нему именно так.

Дурацкие игры неверных Абдулу одновременно и забавляли, и раздражали: ну, чего ты спрашиваешь? Что, сам не знаешь, в какую камеру вошел? Меня что, подменить ночью могли? Или ты боишься меня с охранником перепутать, вместо меня *его* казнить?!. В ответ на эти глупости Абдула охотнее всего остался бы молча сидеть на своей койке, но охранники такой его охоты не разделяли, угрожающе подвинулись в его сторону, и Абдула нехотя, но не слишком медленно поднялся. Замешкаешься — налетят, рывком поставят на ноги, да еще непременно постараются побольнее головой о ребро верхнего яруса зацепить: в камере Абдула сидел один, но койка все равно была двухъярусная. Ук-

рашать свежевыбритую голову кровоточащей ссадиной Абдуле совсем не хотелось, он все утро предвкушал, как будет ослепительно отсвечивать его блестящая голова — голова воина, героя! — в свете фотовспышек, телекамер... Нет, лучше поберечься.

А на втором ярусе в первые дни после заключения в эту камеру располагался по ночам охранник, в обязанности которого, в частности, входило отстегивать Абдулу от койки, — в те первые дни его пристегивали на ночь, — если ночью ему приспичит.

Но хваленая приверженность неверных к собственным правилам и нормам («законам», как любят говорить эти придурки, как будто беззаконным хоть что-то может быть известно о законах!) в этом случае подвела. Абдула чуть не повизгивал от радости, представляя, как будет гонять охранника по двадцать раз за ночь, едва только тот разоспится, однако не тут-то было! С трудом дождавшись, пока с верхнего яруса донеслись первые похрапывания, Абдула заорал, что есть мочи:

— Эй! Мне надо отлить!

Храп прекратился. С верхнего яруса, далеко не сразу, свесилась голова. Охранник помолчал, потом внушительно произнес одно-единственное слово:

— Обоссышься!

Голова исчезла, и тут же возобновился храп.

Своих попыток Абдула возобновлять не стал. О том, что будет, если в туалет ему захочется *по-настоящему*, Абдуле думать не хотелось. К счастью, вскоре после этого ночные дежурства в камере отменили и пристегивать на ночь Абдулу перестали. Абдула почему-то записал это себе в актив — как победу.

Прокурор тем временем продолжал читать со своего листа:

— Согласно законам штата Нью-Айленд[2], вы были осуждены за терроризм и приговорены к смертной казни на электрическом стуле. Казнь должна состояться сегодня, во вторник двадцать второго апреля две тысячи восьмого года, в десять часов утра по местному времени. Вы осведомлены об этом? — Прокурор умолк и пристально уставился на Абдулу. Тот молча то ли кивнул, то ли мигнул, и прокурор, сочтя это достаточным подтверждением, продолжил, уже не глядя в документ: — Так вот, казнь сегодня не состоится. Губернатор штата вас помиловал. Смертную казнь вам заменили на пожизненное заключение. — Пауза. Затем, снова глядя в бумагу: — Сегодня вас переведут в соответствующую тюрьму, где вы будете отбывать остающуюся часть заключения (иронию этой «остающейся части» никто, похоже не заметил). Конвой за вами уже прибыл. — И прокурор умолк, теперь уже окончательно.

Неизвестно, какой он ждал реакции на свои слова от Абдулы, но не дождался никакой. Абдула ему просто не поверил и потому оставался стоять спокойно, ожидая продолжения. Ему ли не знать всех этих гяурских штучек? — От смертника никогда не известно, чего ждать: какой-

[2] Название условное (*здесь и далее примечания автора*).

нибудь замухрышка вдруг такую прыть покажет, полдюжины охранников по углам раскидает; в иных случаях, слышал Абдула, приходилось смертника из камеры буквально пожарными крюками выковыривать, — недаром накануне из камеры стол со стулом вынесли и за решетчатою дверью всю ночь, сменяясь, продежурили охранники. А вот у русских, говорят, и того проще: ничего смертнику заранее не сообщают, а неожиданно пристрелят прямо в камере, а тело потом те же бедолаги заключенные вынесут и кровь с мозгами со стенок смоют. Ковров там нет, беречь нечего... Ну, здесь, хвала Всевышнему, не Россия. Крюками выковыривать или прямо в камере стрелять не станут, а вот так, постараются сперва расслабить, успокоить, помилование смертнику пообещать... Он и пойдет покорно, как баран, «в соответствующую тюрьму» за «остающимся сроком»... Но Абдула не баран. Когда помилование, акт показывают.

— Акт покажите! — прохрипел он и сам удивился: чего это я расхрипелся? — А, завтрак еще не давали, в горле пересохло!

— Вот, распишитесь, что с Актом о помиловании ознакомлены! — один из помощников поднес лежащий на папке еще один лист бумаги и протянул авторучку, а прокурор развернул документ, который перед этим зачитывал, лицевой стороной к Абдуле.

Быстро читать английские буквы Абдула не умел (арабскую вязь не умел тем более), но акт и без чтения выглядел солидно: сверху герб штата, под ним — жирный внушительный заголовок, затем аккуратные строчки текста крупными буквами, внизу листа — размашистая подпись и розовая печать с таким же гербом, как вверху.

Конечно, в наше время любой мальчишка на цветном принтере и не такое сварганит, люди доллары печатают, а не то, что подпись с печатью нарисовать, но, чувствовал Абдула, на такой подлог эти гяуры не пошли бы.

Так что, расписываться, нет? — Можно, конечно, и расписаться... Абдула едва не потянулся к протянутой авторучке, но привычка ни в чем не идти неверным навстречу взяла свое. Абдула не двинулся.

На лице у прокурора стало появляться недовольное недоумение, но тут всех отвлек какой-то шум при входе: все это время дверь камеры стояла нараспашку.

На пороге стоял разносчик пищи в тюремной синей «пижаме» с подносом на вытянутых руках и растерянно озирал неожиданную компанию. Наконец, его взгляд остановился на директоре тюрьмы:

— Завтрак для заключенного, сэр!

Выражение лица у прокурора стало еще более недовольным:

— Разве осужденный еще не завтракал? Ведь завтрак по расписанию в семь?

— Так, в семь...— проговорил директор тюрьмы слегка смущенным тоном, едва успев проглотить непрошенное «сэр»: прокурор не был его начальником, хотя, безусловно, относился к тем лицам, с которыми не стоит портить отношения. — Но осужденный Абдула Мехмет выгово-

рил себе право совершать молитву... э-э... намаз до завтрака. Иначе он отказывался принимать пищу!

Под конец фразы голос директора окреп: морить заключенных голодом — такое не одобрил бы никакой прокурор Соединенных Штатов!

Абдула тоже приосанился, вспомнив, как добивался привилегии утреннего намаза и как добился ее всего за два дня — твердость, твердость! Конечно, ничего не мешало совершать намаз и после завтрака: мусульманин не раб предписаний и норм, он всегда свободен поступать сообразно обстоятельствам, не то, что эти гяуры, у которых каждый шаг обставлен таким числом инструкций и запретов, что никакой тюрьмы не надо, они сами в себе всегда носят свою тюрьму! Вот и тогда: заключенный от пищи отказывается? — Да пусть хоть подохнет! — Нет, сам директор уже на второй раз примчался, когда он снова от завтрака отказался (обеды и ужины Абдула поедал исправно), и сообщил, что Абдуле разрешается завтракать на час позже.

— Освободившееся время вы можете использовать по собственному усмотрению, — сказал он под конец.

— Мне нужен коврик для молитвы! — буркнул Абдула.

— Коврик? — не сразу «врубился» директор. — Хорошо, хорошо! Мы посмотрим, что можно сделать!

Коврик доставили на следующий день к вечеру. Из-за него Абдула шуметь уже не стал, но собирался, если бы доставку задержали.

Теперь можно было бы еще вдоволь покуражиться, усесться с завтраком поудобнее, растянуть его минут эдак на двадцать, пусть потопчутся, понервничают... Но Абдула вдруг почувствовал, что не в состоянии проглотить ни куска, ни глотка. Ни тепловатый бурый кофе, ни ватный хлеб, ни безвкусное масло, ни приторный джем (сегодня — желтый абрикосовый) его сейчас совершенно не прельщали. (Кофе ему всегда приносили тепловатым: «Горячий — в семь утра!» — заявил ему разносчик, когда в первый раз принес завтрак по новому расписанию. Но Абдула как раз предпочитал такой вот тепловатый, поскольку все равно этот напиток ни капли не походил на то, что знающие люди называют словом «кофе».)

— Не хочу завтрак, — проговорил Абдула.

Прокурор с начальником тюрьмы переглянулись и облегченно вздохнули. Они правильно оценили слова Абдулы не как демонстрацию, а как простое проявление отсутствия аппетита: люди перед казнью сплошь и рядом отказываются от еды.

— В таком случае мы можем отправляться? — спросил прокурор и, не дожидаясь ответа, пошел вон из камеры (про подпись Абдулы он, видимо, забыл).

Времени на сборы не полагалось: никаких личный вещей у Абдулы не было. Все, что на нем, и даже зубная щетка, было тюремным.

Начальник и двое «агентов» двинулись к двери за прокурором, и Абдуле, поскольку охранники готовы уже были его подталкивать, пришлось последовать их примеру и выйти в коридор мимо посторонившегося разносчика. Еще раз глянув на поднос, Абдула подумал, что если

это все обман и на самом деле его ведут на казнь, жалеть об этом убогом завтраке ему не придется: в раю для него уже готово не такое угощение! Но следом промелькнула непрошенная мысль: а если вдруг в аду? Ведь веки вечные ему будут вспоминаться вот этот теплый кофе, безвкусный хлеб, пресное масло и приторный джем как восхитительные яства, которыми он мог бы усладиться на последок и пренебрег! «И как же я буду тогда грызть себя за это!» — Бесконечные муки бессильного укора вдруг представились Абдуле так живо, что он даже вздрогнул. Но тут же потряс головой, отгоняя неприятное видение, и твердо пошагал по коридору вслед за «агентами», впереди охранников.

Руки в наручники не заковали, похоже, и вправду не на стул?.. — и Абдула вдруг понял, что, как ни странно, радуется этому, сильно и неожиданно. Даже неловко стало: подобает ли воину джихада радоваться, что не удалось погибнуть за святое дело и достичь райского блаженства? Но, видно, Всевышнему рассудилось по-иному, видно, Абдуле еще найдется, чем заняться тут, на земле. Еще бы, рано, как видно, отпускать на покой такого воина, отважного и хитроумного! Вот взять хотя бы того уборщика, как ловко Абдула сумел подстроить, что тот сам, своими ногами, полез в ловушку!

...Они договорились встретиться на площади у торгового центра утром после ночной смены, в пол-одиннадцатого: смена длилась двенадцать часов и кончалась в десять, там душ, переодеться, то, се, — спокойно через полчаса на противоположной стороне площади, откуда весь нарядный двухэтажный застекленный фасад отлично просматривается (просматривался!), а за ним проглядывал пространный, на оба уровня, вестибюль. Угадывалась даже дверка сбоку с надписью «только для персонала», ведущая в подвалы. Надписи, конечно, было не разглядеть, но Абдула знал, что она там имеется. За дверкой, в подвалах, и была заложена бомба, еще ночью.

Проще всего, конечно, было бы устроить взрыв при закладке, сказать уборщику: кнопку нажмешь, часовой механизм запустишь, — он бы нажал, и сразу взрыв. Так он и предлагал сделать, этот... — но Абдула даже в мыслях не позволял себе называть имена своих товарищей: кто их знает, этих гяуров, какие у них тут приборы, может быть, давно уже мысли читают (Абдула покосился на стены коридора, которым они шли).

Да, он предлагал, но Абдула не согласился и был, конечно, прав. Во-первых, взрыв надо делать днем, когда полно народу, а не ночью, когда в торговом центре никого нет. Но днем закладывать опасно: могут увидеть. Ночью — другое дело, в ночную смену народу мало, никто без дела не слоняется, а нету дела — дремлет-спит, друг за дружкой не следят. Словом, ясно, что закладывать надо ночью, а взрывать днем. Значит, взорвать закладчика при закладке не получится. Во-вторых, если бы даже днем он закладывал и кнопку нажимал, тогда его куски останутся на месте взрыва и их непременно опознают: генетическая экспертиза, вставные зубы, то, се... Опять-таки, кто знает, на что они способны, эти гяу-

ры... А опознают, цепочка потянется, с кем знался, с кем встречался... Всегда может всплыть что-нибудь лишнее. Не надо.

Наконец, в-третьих, скажи уборщику: нажми на кнопку, — так он еще и заподозрит что-нибудь, не вовсе же дурак! Да, я нажму, а оно как рванет! — Нет, так тоже нельзя. Наоборот, уборщику сказали: заложишь от полуночи до пяти утра, когда тебе будет удобнее, и ничего не надо нажимать, само нажмется, когда нужно, а нужно в полдвенадцатого, вот циферблат (на двадцать четыре часа), при тебе ставим, видишь? — Он увидит и успокоится. Действительно, кто знает, от двенадцати до пяти когда он понесет закладывать? — Так что никак не угадаешь, при закладке не взорвешь.

Так все и вышло. Уборщик, ясно, колебался, не мог не чувствовать, но и отказываться уже поздно: не простят, — и тысяча долларов так хорошо выглядит, вот она, пятьдесят двадцаток, приятно-толстенькая пачка в красивом конверте: ему сперва деньги вручили, — сам Абдула и вручил, — а потом бомбу. Теперь от бомбы откажись, это что же — деньги возвращать?!. Словом, ушел уборщик, бомбу взял и ушел.

А утром, как условились, пришел на встречу в пол-одиннадцатого, за второй половиной денег. Оно бы, по-хорошему, деньги после взрыва надо было заплатить, но после взрыва Абдула с уборщиком встречаться никак не собирался, так он и сказал. Деньги еще до взрыва получишь, сказал, знаю, не подведешь! И посмотрел на уборщика со значением. Уборщик значение понял, не подведу, кивнул и слюну сглотнул.

И вот теперь они стояли ясным солнечным летним утром, в пол-одиннадцатого, как договорено, на площади напротив гипермаркета, для какой-нибудь столицы, пожалуй, небольшого, но здесь, в провинциальном центре, в самый раз, целые сотни покупателей, многочисленный персонал, будет, будет пожива!.. И потом, совсем не нужно, чтобы только жители столиц не чувствовали себя в безопасности. Нет, пускай и остальные жители этой страны, все эти свиньи не думают, что если они поселились в какой-нибудь дыре, то им уже ничто не угрожает. Нет, Абдула им всюду будет угрожать, карающий меч джихада всюду будет им угрожать!

А что они и вправду свиньи, так это только поглядеть на них. Это в кино они все такие стройные, поджарые, подтянутые, а на деле — каждый не меньше центнера, и даже дети, как бочонки... Это все от чипсов, от кока-колы, от гамбургеров... Свиньи едят свиней и свинят своих приучают. Вон, идут, и у всех в руках — пакетики, стаканчики, фунтики с орешками, жуют, не останавливаясь... Идите, жуйте, покупайте... Недолго вам сегодня покупать!

Уборщик держался скованно, заметно нервничал, зато Абдула лучезарно улыбался:

— Хорошие новости, дорогой! Все отменяется, ничего не будет!

Уборщик вздрогнул, и на лице у него отразилось, как пропечаталось: как не будет? А деньги?!

Вот ведь натура человеческая: только что боялся, дрожал, а как узнал, что отменяется, — нет чтоб обрадоваться, теперь ему денег жалко!

Абдула поспешил успокоить:

— Ты молодец, все хорошо сделал, свое получишь. Вот... — и приоткрыл пакет из плотного черного полиэтилена, который держал в руке и где лежал конверт, туго набитый, такой же, как вчера. — Только надо это дело снять, сюда принести. Присядем... — Абдула указал на скамейку, стоявшую на краю сквера, обрамлявшего площадь: травка, подальше кустики, еще подальше брызгает фонтанчик-поливалка.

— Значит, так, — продолжил Абдула, когда они уселись. — Надо было этих свиней, хозяев гипермаркета, — Абдула кивнул на торговый центр, — немного припугнуть. Не понимают, знаешь, как себя правильно вести. Но им, как надо, объяснили, намекнули, что могут бомбу-вонялку заложить, а может, и заложили уже... Теперь, понимаешь, если полицию вызывать, саперов, то бомбу или найдут, или не найдут, а шуму будет, паники, людей-клиентов распугают. Убытки! — Абдула картинно воздел руки и закатил глаза. — В общем, они поняли, что не в их интересах ссориться с умными людьми, и согласились правильно себя вести. Что там, как там, я подробностей не знаю и знать не хочу. Я свое дело сделал, ты свое сделал, мы оба молодцы, но теперь надо эту штуку оттуда забрать, побыстрее и незаметно. Сделаешь?

Уборщик заморгал.

— Ну, я понимаю, это дополнительная работа, — улыбнулся Абдула. — Дополнительная работа — дополнительная плата! — он снова кивнул на пакет. — Там вдвое больше, чем договаривались. Вот, — Абдула вынул из кармана такой же пакет, только сложенный вчетверо. — Сюда положишь, принесешь, мне отдашь, а вот этот заберешь, и все! Свободен!

Конечно, разговаривать вот так, прямо на скамейке, у всех на виду — не лучшая конспирация. Но если никакого взрыва не предполагается, то ведь и конспирации никакой не нужно! Здесь тоже важно — не перемудрить! Начни сейчас «хвосты» отрывать, так не поверит мусорщик, засомневается, сбежит и денег не захочет! Натура человеческая так изменчива!

— А спросит кто-нибудь, чего вернулся, скажешь, что-то забыл...

— Никто не спросит, — хрипло, но уверенно отвечал уборщик.

Дополнительная плата перевешивала, по крайней мере, пока что, все другие соображения.

— Ну, вот и хорошо! Ступай, я здесь подожду.

И мусорщик пошел, а Абдула остался, только поднялся со скамейки и сделал два шага в сторону: так лучше было видно фасад. Нужно было точно подгадать момент, когда уборщик скроется за дверцей для персонала.

Пакет, который дал ему с собою Абдула, был не простой пакет, хоть и выглядел точно так же, как обычный. Это был чрезвычайно сильный термитный заряд, разработка КГБ. Взрываясь, он давал такую мощную тепловую вспышку, что оказавшийся в радиусе метра-двух человек обычно тут же погибал от болевого шока, а если даже нет, на нем сгорала вся одежда вместе с кожей, и он умирал через несколько минут, как

правило, не приходя в сознание[3]. Но даже если мусорщик и прокричал бы в эти несколько минут что-то лишнее, никто его бы не услышал: ведь пакет взрывался от детонации, что значит, правильно, от того самого взрыва, который в подвале. Ну и кто же сразу после взрыва станет слушать вопли какого-то мусорщика? И кто из тех, кто мог бы его услышать, вообще уцелеет? И что еще приятно: если бы даже мусорщик в последний момент передумал, испугался, мол, только я за эту штуку, а она как рванет! — что, кстати, тоже предлагалось тем же самым, как его, не буду называть... Но тогда мусорщик, если бы на самом деле испугался, даже на деньги наплевал, то он и вправду смылся бы, ищи его потом, да и со взрывом непонятно, что бы получилось!.. Нет, так гораздо лучше, пугайся мусорщик, не пугайся, а все равно не пустится же он наутек прямо по площади, наверняка в универсам войдет и даже в дверцу непременно, в какую надо, чтобы, значит, подвалами уйти, служебными ходами... Настолько у любого мусорщика сообразительности хватит. А нам того и нужно! — Так что задумал Абдула все вполне надежно. Достаточно только подгадать момент, когда мусорщик скроется за дверцей, и нажать на кнопку. Так все и вышло.

Удобно. Даже чересчур. Потому этот заряд и не получил широкого распространения — слишком легко отзывался на детонацию, случалось, вспыхивал прямо в кармане у агента от слишком резкого выхлопа автомобиля или мотоцикла. Так что КГБ свою собственную разработку почти что не использовал, ну, а для нас — в самый раз. К тому же в этой стране автомобили не стреляют выхлопными трубами, как из пушки, а шумным мотоциклам въезд в центр города вообще запрещен. Да, изобретательны гяуры и хитроумны, но на что им все это хитроумие? Оно гораздо больше служит нам, воинам джихада, им же во вред. Автомобиль *они* изобрели, а нефть Всевышний дал *нам*. А у кого нефть, у того и власть, и скоро это все признают, все на свете!..

Ну вот, как только мусорщик скрылся за дверцей, Абдула нажал на кнопку. Дистанционный взрыватель выглядел как простой мобильник; собственно, можно было бы и вправду использовать мобильник, но телефону для соединения требуется несколько секунд, а мусорщик за это время мог бы подойти слишком близко к заряду. Не нужно, пусть его обгоревшее тело валяется где-нибудь подальше, среди десятков тел никто не станет слишком интересоваться именно этим. Так что взрыватель только выглядел, как мобильник, но был настроен на одну-единственную волну — электронного запала, и нажимать можно на любую кнопку: сработает. Сработало.

Абдула долго думал, где нажимать: в кармане или вынув? Решил — вынув. Держать завернутым в бумажный носовой платок — отпечатки пальцев! — нажать, секунду подождать, дождаться взрыва и тут же бросить в урну, вот она, рядышком, чугунная, удобная, пасть широко рази-

[3] Вышеописанный термитный заряд — литературный вымысел. О реальном существовании подобных зарядов автору ничего не известно.

нула. Здесь теракты до сих пор видели только по телевизору, чугунные урны на прозрачные мешки, как где-нибудь в Париже, еще не заменили. Ну, ничего, теперь заменят.

Так вот, решил он, лучше тут же избавляться, в кармане не держать: сразу во время взрыва все будут на здание смотреть, а не глазеть по сторонам, никто ничего не заметит, а в кармане уносить — это лишние минуты, потом доставать, выбрасывать — вот когда могут заметить! И далеко с собой не понесешь, мало ли, оцепление, обыск! Так решил Абдула, но, как выяснилось, ошибся.

Ждать целую секунду не пришлось: блестящий аквариум торгового центра тряхнуло почти одновременно с нажатием кнопки, тут же брызнули во все стороны стекла, но грохота не было, — то ли звук не успел долететь, то ли был такой громкий, что в уши не помещался. Абдула, не мешкая, выпустил из пальцев «мобильник» над пастью урны, едва успев подумать: «Все», — как вдруг наставшую густую тишину прорезал пронзительнейший визг:

— А-а-а! Он выбросил, я видела, он выбросил, нажал и выбросил!

Кто завизжал, Абдула увидеть не успел. Что-то огромное ударило его в лицо, свалило с ног, и прежде, нежели коснуться головой асфальта, Абдула впал в беспамятство. Но еще прежде промелькнуло в голове: «Как, неужели? Я же безопасно стоял!» — ибо ему подумалось, что это долетел до него кусок стены от здания.

Нет, это был, конечно, не кусок стены. Абдула и вправду стоял безопасно: инструктор по взрывному делу не подвел. Что это было и кто именно визжал, в дальнейшем выяснилось. На суде. Не выяснилось, как Абдула мог услышать этот визг, если не слышал даже все покрывший грохот взрыва. Ну, специалисты ихние как-нибудь это объяснили бы, еще бы спорили, что это, телепатия или же он бессознательно по губам прочитал? — но поскольку Абдула им не признался, что слышал что-то, никаких споров и не вышло.

...Визжала, оказалось, толстая старуха, — ну, не вполне старуха, лет шестьдесят, накрашенная, сдобная, в кокетливых очках и с прядкой золотистых крашеных волос из-под косынки. На суд она явилась в той же инвалидной коляске, в какой сидела, когда визжала. Дочь выкатила ее тогда из парикмахерской и пошла подогнать машину, которую припарковала где-то за углом. Старуха выглядывала машину, которую ждала, к несчастью, с той же стороны, где находился Абдула, и, сидя низко (Абдула ее и не заметил, оглядываясь вéрхом), в удобном ракурсе разглядела, как он «нажимал и выбрасывал». Все это она рассказывала на суде дрожащим голосом, а все присяжные не сводили с нее глаз. Защитник попытался было подвергнуть сомнению точность ее взгляда, но обвинитель — помощник прокурора, этого самого, что заходил сейчас вот в лифт с решетчатой железной дверью впереди процессии, — легко сомнения защитника развеял, став перед женщиной примерно так, как находился Абдула, зажав в платке мобильник — настоящий — и протя-

нув его к воображаемой урне. Было вполне наглядно: старуха могла увидеть и увидела на самом деле, как Абдула «нажал и выбросил».

К тому же большого значения это не имело: «мобильник» Абдулы, естественно, нашли, на нем — микроскопические ворсинки от бумажного платка, а на платке — пластиковые микрочастицы от «мобильника», а еще — микроскопические капельки пота самого Абдулы, — о, хитроумные гяуры! — так что оспаривать принадлежность «мобильника» Абдуле не приходилось. Он и не пробовал оспаривать. Он вообще на том суде не произнес ни слова. Зачем? Защитник вон сколько слов произнес, а толку?

Больше всего защитник потратил слов на того парня, удар которого Абдула принял было за «кусок стены». «Парню» на вид было за шестьдесят, и он и вправду выглядел солидно, как стена: все еще подтянутый, с не слишком выдающимся брюшком, в два метра ростом, с обширной грудной клеткой и толстыми руками с большими кулачищами. Редкие рыжевато-седеющие волосы коротким ежиком над красным с крупными чертами лицом — в молодости наверняка с веснушками — и круглым мясистым носом.

Защитник наседал на «парня» в надежде обыграть такую тонкость гяурского законодательства, что ежели при задержании нарушены какие-то права задержанного, все задержание делается незаконным и все дальнейшие процедуры против него отменяются.

То есть если бы выяснилось, что Абдулу задержали незаконно, его вообще бы следовало освободить вчистую, не разбирая дела. Поистине, Всевышний лишил неверных разума! — Правда, не всех и не до конца. Обвинитель, например, легко отвел потуги защитника, указав, что «парень», хоть и бывший военный, на момент задержания не был ни полицейским, ни вообще госслужащим, а лишь обыкновенным обывателем, пенсионером, стало быть, Абдулу он вовсе не задерживал, но только «вырубил», что значит, максимум, совершил против него хулиганский поступок, но никакое не задержание с нарушением прав. Это полицейские сперва привели Абдулу в чувство, а потом уже задержали с соблюдением всех необходимых правил и формальностей. Так, в частности, наручники на него надели только после того, как зачитали необходимую формулу предупреждения: показания полицейских, рослых верзил, которым нечего было бояться, что щуплый Абдула сумеет от них скрыться, если загодя не надеть на него, еще бессознательного, наручники, суд уже заслушал до этого, на что защитнику и указали.

...И откуда они только нашлись в эдакой суматохе, эти полицейские! — А вот, надо же, нашлись и даже зачитать права не позабыли, — хотя, конечно, кто их услышал в том грохоте, и правда ли читали, — может, решили, с оглушенным Абдулой и так сойдет?

— Вы слышали, как вам зачитали ваши права? — насел теперь на Абдулу защитник, но Абдула, если бы даже собирался, ответить не успел:

— Я слышала! — раздался звонкий голос старухи-инвалидки: она кричала прямо со своего места, куда ее откатили после дачи показаний. — Я слышала, они ему прочитали все, как положено, «Мирандо-

Эскобеда»![4] И он тоже прекрасно все расслышал! — ее палец описал торжественную дугу и уперся в Абдулу.

— Ваша честь! — возмущенно воскликнул защитник по поводу такой несанкционированной реплики с места, но тут вмешался прокурор, точнее, его помощник:

— Ваша честь, обвинение просит подвергнуть свидетеля дополнительному допросу!

Суд разрешил, даму в коляске подкатили и расположили возле свидетельской кафедры, — «парню» даже не пришлось ее покидать, — и дама честь по чести повторила свое утверждение.

— Все так и было? Вы действительно слышали, как вам зачитали ваши права? — глядя в упор на Абдулу, спросил его защитник.

Абдула, как всегда, промолчал. Что говорить? Слышал, не слышал, какая разница! Его слово против ее и двух полицейских, неужели не ясно, чья возьмет? А что он там слышал или не слышал, Абдула, честно говоря, толком не помнил. До того ли ему было, и какая, по сути, разница... Вот любят неверные маяться дурью, о всякой ерунде часами спорить!.. Потому у них суд неделями длится, а подготовка к нему — месяцами, если не годами! А ты сиди все это время! То ли дело шариатский суд, да и вообще, в тех обстоятельствах и суда бы никакого не понадобилось, прямо на месте бы прикончили, и дело с концом! Бывает, конечно, при такой поспешности не того прихватят. Ну, а здесь, что ли, судебных ошибок не случается, хоть в ту, хоть в другую сторону?..

А защитник, убедившись, что помощи от Абдулы ему не дождаться, отпустил старуху в коляске со свидетельского места.

Теперь он прицепился к предполагаемому хулиганству «парня», — имена, конечно, назывались, в том числе имя «парня», но Абдуле и в голову не приходило их запоминать: зачем? Кому надо, запомнят: процесс открытый, вон, сколько прессы, — и если надо, припомнят.

Поэтому «парень» так и остался для Абдулы «парнем».

Защитник, тоже росту немалого, заметно выше Абдулы, на фоне «парня» казался коротышкой. Выйдя со своего места, он так и кружил вокруг него, словно желая наглядно подчеркнуть масштабы «парня» по сравнению с некрупным Абдулой в глазах присяжных:

— Так значит, едва увидев, как посыпались стекла, и услышав, как кричит пожилая дама в коляске, вы сразу повернулись по направлению, в каком она указывала, и не раздумывая нанесли удар подсудимому? — переспрашивал защитник.

— Да, ваша честь!

«Парень» подчеркнуто обращался только к судье: в нем чувствовалась воинская выучка обращаться только к самому старшему по зва-

---

[4] Правильно «Миранда-Эскобедо»: условное название обязательной процедуры при задержании, по которой задержанному прежде всего должны зачитать формулу, в которой перечисляются его права. Установлена Верховным судом США на основании дел Миранды и Эскобедо.

нию среди присутствующих. «Услышать» даму в коляске он за грохотом не смог бы, но ее жест оказался достаточно выразительным. Поправлять защитника «парень», однако же, не стал, да тот и времени ему не дал, сразу продолжил:

— От вашего удара подсудимый сразу потерял сознание. Вы что же, не подумали, что можете его покалечить, даже убить? — защитник подчеркнуто уставился на кулачищи «парня», а затем перевел взгляд в сторону щуплого Абдулы.

— Видите ли, ваша честь, — «парень» держался почтительно, но уверенно: — я воевал во Вьетнаме. Там быстро привыкаешь особо не раздумывать в боевой обстановке. Те, кто не привык, оттуда не вернулись...

«Парень» пожал широченными плечами, а потом сделал легкое движение корпусом в сторону Абдулы, как бы подчеркивая: вздумай я раздумывать, меня бы здесь сейчас не было, да и этого субчика тоже.

— Но вы же совершили немотивированное нападение на человека, про которого ровным счетом ничего не знали! — не унимался защитник.

— Немотивированное? — в голосе «парня» и на его круглом лице отразилось такое недоумение, которое лучше всяких слов выражало: вдребезги стекла, почва дрожит, здание рушится, дама криком заходится, пальцем указывает, — какие еще нужны мотивы?!

По ропоту в зале и среди присяжных защитник определил, что дальнейшими вопросами только усилит раздражение, и сник:

— У защиты больше нет вопросов к свидетелю, ваша честь! — но тут же спохватился: — Зато имеется вопрос к прокуратуре: не собирается ли уважаемый прокурор выдвинуть против данного свидетеля обвинение в немотивированном нападении?

Прокурор, не помощник, а этот самый, который сейчас в лифте, поднялся со своего места и внушительно произнес:

— Прокуратура не усматривает ни малейших оснований для такого обвинения.

И сел. Судья даже прореагировать не успел, да и на что тут реагировать?..

Так что попытка спровоцировать судебную ошибку, — а чем еще могло бы оказаться оправдание Абдулы? — защитнику явно не удалась. Еще бы, куда ему, замухрышке казенному: защитника Абдуле назначила казна... Какой-нибудь подлинный мастер своего дела смог бы, наверное, добиться если не оправдания, так хотя бы смягчения кары, но такие мастера берут такие гонорары, — ни у Абдулы, ни в организации нет таких денег, а даже если бы нашлись, пошли бы лучше на дело, Абдула сам бы так сказал, если бы спросили. А для себя — принять с достоинством смерть будет самое лучшее дело.

В этот момент лифт несильно дернулся, лязгнул и остановился. Надо же, поразился Абдула, сколько всего вспомнилось за такое короткое время! Только и прошли сотню шагов по коридору, да в лифте съехали на три этажа... Или на четыре?! — Абдулу обдало холодом. Он знал, что

его камера находится на третьем этаже, а казни совершаются в подвальном. На сколько же мы съехали, на три или на четыре? На «стул» или же на свободу? — Абдула даже не удивился, что «соответствующую тюрьму» и «оставшуюся часть заключения» он назвал этим словом. Не до того было.

Щелкнула решетчатая дверь, на ослабевших ногах Абдула вышел за охранниками в вестибюль и первое, что увидел, это пробивавшийся из-за двери в дальнем конце вестибюля солнечный свет. Не подвал! Свобода!!!

Чувство облегчения так поглотило Абдулу, что все дальнейшее он видел, как сквозь сон: какие-то вопросы, подписи в журналах, — подписывал, не задумываясь, — щелканье замков, потом повели не к той двери, откуда свет, а в другую сторону, распахнули другую дверь, за ней — крытый ангар, и вплотную к двери распахнутые дверки тюремного фургона. Ступенька-другая откидной железной лесенки, и вот — мы уже в фургоне, тюремные охранники захлопнули снаружи дверцы, те двое в штатском тоже остались снаружи, а внутри, при тусклом свете лампочки, — окон не было, — Абдула увидел смутные силуэты двух других охранников, одетых в какие-то странные комбинезоны темного цвета. Ему указали на средний стул из трех у глухой передней стенки, спиной к движению и, только сел, пристегнули к подлокотникам запястьями. Охранники уселись по бокам.

— Оправка — там, — кивнул один из них на открытый унитаз у задней стенки фургона. — Вода — здесь. — Он указал на пластиковый бак между сиденьями и унитазом. — Понадобится, скажешь. Еда не предусмотрена: будем на месте к обеду. Поехали! — чуть громче, видимо, знак водителю.

И они поехали.

Перед сиденьями, на которых устроились Абдула с охранниками, стояло еще два, лицом к движению, вплотную к бортам, оставляя между собой проход, и охранники, усевшись, тут же, вытянув, уложили на них ноги, устраиваясь поудобнее. Как видно, они не собирались лишать себя прелестей сна, поскольку за судьбу надежно пристегнутого Абдулы беспокоиться не приходилось. Вскоре они уже посапывали, но чутко, время от времени то вскидываясь, то просто приоткрывая глаза, а где-то через полчаса один из охранников поднялся, прошел в конец фургона и шумно помочился в унитаз.

«К обеду», значит, где-то часа через четыре, прикинул Абдула. Сидеть пристегнутым целых четыре часа — не слишком-то приятно, кто не верит, пусть попробует, — но лучше четыре часа на этом стуле, чем четыре секунды на электрическом.

Поэтому, подергавшись на мягком в общем-то сиденье, Абдула устроился, как мог, удобно и тоже задремал. События сегодняшнего утра все-таки сильно его вымотали.

...Когда приехали, Абдула спросонья даже не сразу понял, где он и зачем. То, что он увидел, пониманию тоже не способствовало. Фургон

подали задом прямо ко крыльцу, и распахнутые дверки загораживали обзор. Абдулу отстегнули, легонько подтолкнули к выходу, крыльцо высокое, лесенки не понадобилось, Абдула шагнул в распахнутую дверь здания, и она тут же захлопнулась. Охранники из фургона за ним не последовали.

Зато посредине помещения, в которое попал Абдула, стоял другой охранник, такой же рослый, как они все, и в таком же темно-сером комбинезоне, как на тех, что в фургоне, свободном, не стесняющем движений. На поясе комбинезона не было никакого оружия, ни наручников, ни даже дубинки. Понятно, чтобы справиться с безоружным Абдулой, такому парню никакой дубинки не понадобится.

Охранник смотрел на Абдулу. Кто перед ним, он не спрашивал, по-видимому, знал, не то что тот придурок-прокурор. Потом он произнес:

— Снимайте все, что на вас, и проходите в ванную.

При этом слове Абдулу передернуло: знаем эти ваши тюремные ванны, со ржавыми пятнами, с потрескавшейся эмалью, а в трещинах засела грязь от поколений узников. Хорошо, если душ есть, а если только кран?

— Там ваша новая одежда. — говоря, охранник указал рукой на еле заметную, сливавшуюся с фоном дверку в противоположной от входа стене. А сам тут же повернулся и вышел в другую такую же, только в другой стене, направо.

Абдула оторопело завертел головой: вот это прием! И помещение такое странное: просто комната, не маленькая, квадратная, футов пятнадцать на пятнадцать, и в ней совершенно ничего нет! Ни мебели, ни окон, ни стойки дежурного, ничего! Только входная дверь за спиной, дверка в ванную напротив, да та, в правой стене, за которой скрылся охранник. Стены, пол и потолок обтянуты ковровым покрытием одного грязно-серого цвета — «цвета сна», почему-то подумалось Абдуле. Освещение, откуда, непонятно, тусклое, хотя все видно, только видеть совершенно нечего, даже углы почти не различить. Абдуле сделалось не по себе, захотелось убраться отсюда как можно скорее, потому что в таком месте задержишься — с ума сойдешь!

Он начал торопливо расстегивать пуговицы на «пижамной» куртке, резко, путаясь в рукавах, сорвал ее с себя, снова огляделся, куда ее девать, — конечно, ни вешалки, ни стула за это время в комнате не появилось, и Абдула швырнул куртку прямо на пол. Следом слетели штаны, майка, трусы, Абдула сбросил тапочки, стянул носки, — босым ногам на ковровом покрытии пола было тепло, и Абдула немного успокоился. «Чего я психую?» — укорил он себя.

Кучка одежды в ногах выглядела на удивление убого, брать оттуда с собой Абдуле было нечего, ни носового платка, ни сигарет: насморком он не страдал и сигарет не курил, — когда имеешь дело со взрывчаткой, лучше сохранять обоняние чистым.

«Куда они это денут? — подумалось Абдуле. — Сожгут? Назад в ту тюрьму отправят? Э, мне-то что за дело, мне что, жалко, что ли?» — и, пнув напоследок ногой убогую кучку, Абдула решительно двинулся к ванной.

Никакой ручки не было, Абдула просто притронулся к дверце ладонью, и она поддалась, отворилась, а когда он шагнул вперед, быстро и совершенно бесшумно затворилась обратно. Абдула обернулся и сразу же понял, что изнутри ее не то что открыть, даже разглядеть невозможно — ни щелей, ни зазоров, пальцем провел, и то не почувствовал! Где я?!

После сумрака «квадратной комнаты» яркий свет заливал глаза, Абдула заморгал, а когда, наконец, огляделся, дикая мысль пронзила ему голову: а я вообще ЖИВОЙ?! — потому что того, что он увидел, просто не могло быть на земле, во всяком случае, в земной тюрьме такого точно не бывало.

Меня, может, все-таки казнили — во сне, например, а я и не заметил? — Потому что то, что он видел у себя перед глазами, никак не могло быть тюрьмой. Небом это, конечно, тоже не могло быть, но каким-то преддверием неба... Будь Абдула русским, он сказал бы: «предбанником», — но Абдула не был русским и слова такого он не знал, и потом, никакой это был не предбанник, а попросту баня, или, точнее, ванная (мы бы сказали «санузел», поскольку унитаз там тоже имелся).

Ванная, но какая! Не то что в тюрьме — не в каждом отеле такая найдется! Нет, не роскошная, этого не было, ни золотых кранов, ни мраморных фонтанов, — Абдула с неожиданным облегчением убедился, что ванная — не какой-нибудь «люкс», просто очень хорошая. Он перевел дыхание: нет, я не на небе и вообще не на том свете, слава Всевышнему! Нет, я на этом свете, вот мое тело, ноги ступают по мягкому теплому полу, на этом, на этом я свете, только свет этот очень уж странный. И ванная странная. Впрочем, никто нас не гонит, давай разберемся. И Абдула стал оглядываться, внимательно и неторопливо.

Взять хотя бы форму ванной комнаты. Овально-изогнутая в виде полумесяца с закругленными рогами. Углов тут не было вообще, и пол, и потолок переходили в стенки постепенно, и все, что только находилось в ванной, имело закругленные края.

Абдула стоял, как вошел, у одного края полумесяца, с внешней стороны, и озирался, сперва беспорядочно. Нет, свет вовсе не был слишком ярким, это после полумрака так показалось, напротив, он, хоть и белый, был приятный, вовсе не резкий, шел непонятно откуда, словно из стен, которые тоже были белые, как пена на молоке, но белизна их словно бы смягчалась каким-то сливочным оттенком, и это было приятно для глаз.

При этом были они не гладкие, а на вид и на ощупь, как кожа, и так же, как кожа, податливые, не твердые: твердость ощущалась поглубже, за упругой поверхностью.

Прямо у ног начиналась ванна, утопленная в пол, удобная, большая и, повторяя очертания комнаты, тоже изогнутая в форме полумесяца, только рога еще больше закруглены. Абдуле там, где он был, оставалось достаточно места, чтобы стоять. Одним краем ванна прилегала к внешней стороне полумесяца, а с другого края шел невысокий полукруглый валик-бордюр, из того же материала, что и пол, нетвердого, упругого, приятного для босых подошв, а между краем ванны и стенкой с внут-

ренней стороны полумесяца шла довольно широкая, футов пять, изогнутая же площадка. Возле Абдулы площадка завершалась выступом вроде стула, а на этом стуле аккуратной стопочкой лежала сложенная одежда: сверху светло-голубые майка-трусы-носки, под ними — более темного цвета тюремная «пижама». Так, с одеждой не соврали.

В противоположном конце ванна закруглялась еще круче, оставляя больше места, и там сначала выступ-раковина, а за раковиной, в самой оконечности рога, — унитаз. Над раковиной помещалось большое зеркало. Абдула сделал шаг-другой вперед, — пол под ногами приятно поддавался, — и посмотрел на свое отражение.

Ему давно уже не приходилось этого делать: в той тюрьме зеркал не было, — и появившееся перед ним лицо, осунувшееся, с черными глазами, с обритой головой, с короткими усами, но без бороды, показалось ему сначала незнакомым.

Бороду ему сбрили сегодня — только сегодня? — утром, еще до того, как обрили голову. Прежде цирюльник во время еженедельного бритья головы бороды почти не касался, раза три за все время подстригал ножницами, и все. А тут, когда Абдула был уже пристегнут, он взялся намыливать ему бороду. Абдула задергался: э, ты что?! — и энергично затряс головой: даром, что пристегнутый, позволять сбривать свою бороду он не собирался. Но цирюльник негромко прошептал ему на ухо:

— Ты что, хочешь, чтобы она у тебя вспыхнула на электрическом стуле?

Абдула замер. Верить ли цирюльнику, он не знал; но вдруг и вправду вспыхнет? — Нет, Абдула этого совсем не хотел. Больше того, живо себе представив, как вспыхивает борода на лице, Абдула оцепенел и сидел неподвижно все время, пока цирюльник расправлялся с этой бородой. К усам, однако, он мыльной кисточкой не притронулся, а только подстриг ножницами. К этому моменту Абдула уже настолько овладел собой, что сумел спросить:

— А что, усы не вспыхнут?

— Нет, усы не вспыхнут, — отвечал цирюльник, — не успеют.

Новый приступ тошнотворного страха, правда, на этот раз короткий... — э, да что вспоминать! С усами, хоть и без бороды, я все равно на скопца не похож! — Абдула наконец признал в полузнакомом отражении самого себя. Пора оглядываться дальше.

...Да, золотых кранов тут не было, собственно, не было никаких. В стенке над ванной, над серединой, в полроста Абдулы — круглая дырка: кран? В потолке над центром ванны — кружок с дырочками: душ? Над круглой дыркой — два цветных овала, с левого краю густо-синих, к центру бледнеют до белого, сливаясь с фоном, а затем — от розового до густо-красного с правого краю. Только на верхнем еще штрихами с точками кружок изображен, душ, стало быть, а на нижнем — просто кружок, поменьше и без точек. Терморегуляторы, догадался Абдула, сенсорные. Он наклонился, протянул руку и коснулся кружка в нижнем овале. Из дырки тотчас хлынула струя воды, падая по дуге точно на

середину ванны. Абдула подставил руку — температура воды не ощущалась. Тогда он провел пальцем другой руки сперва влево — вода заметно похолодела, а потом вправо, и вода сразу стала горячей. Абдула подержал руку под струей, примерился: хорошо, — и оставил воду течь. Трогать верхний овал он поостерегся: окатит, не нужно пока. Тоже ведь точно по центру ванны рассчитан: Абдула уже понял, что температуру воды он регулировать может, а вот силу напора — нет. Ну, и ладно, вполне достаточный напор, наполнит ванну минут за десять, а я как раз тут все до конца осмотрю... — тут на глаза ему попался унитаз, и сразу захотелось помочиться: в дороге-то он ни разу тем убогим унитазом не воспользовался!

...Шум струи заглушался журчанием воды в ванне. Потом Абдула коснулся пальцем черной точки над унитазом, и тут же, почти бесшумно, заработал слив. Жидкость была моющая, голубоватая, как в самолете. В стенке справа от унитаза имелись две щели, одна над другой, а из щелей выглядывали кончики туалетной бумаги. Возле каждой щели — черные точки. Нет, не черные, темно-синие. И для слива такая же, только побольше. Абдула нажал на верхнюю — из щели поползла бумага, потом остановилась. Абдула нажал еще — бумага поползла еще. Понятно. Потом нажал на нижнюю — ничего. Еще раз нажал — опять ничего. Так, ясно. Бумагу меняют с той стороны. Работает одна подача, вторая — в резерве. Первая кончится, вторая начнет подаваться, а первую тем временем заменят. А если обе сразу пускать, то могут одновременно кончиться, и получится задержка. Абдулу охватило смешанное чувство раздражения и восхищения хитроумием гяуров.

Ладно, что там с ванной? — Ванна заполнилась заметно, но еще недостаточно. Абдула потрогал пальцем ноги воду: хорошо, можно еще тепла прибавить. Прибавил. А захочу остановить? — Снова нажал на кружок в центре — струя прервалась. Еще нажал — струя потекла вновь, причем точно той же самой температуры. Запоминает, собака!

Следом Абдула обратил внимание на небольшой шарообразный выступ пониже струи, поближе к изголовью, и на нем — того же темно-синего цвета пятнышко в виде капли. Так, ясно, жидкое мыло, шампунь!

Абдула приложил палец, и действительно, тут же потекла тоненькая густая струйка розовой жидкости, капая в ванну. Абдула отнял палец — струйка прекратилась. Абдула снова приложил — струйка возобновилась. Абдула продолжал держать палец, но секунд через десять струйка прекратилась сама собой. Так, порцию отмерила. Вода в ванной начала пениться. Хорошо!

Ванна продолжала наполняться, скоро уже можно будет лечь, Абдула аж зажмурился от удовольствия, но сразу раскрыл веки: а когда наполнится, что будет? Неужто заливать начнет? Ведь никаких сливных отверстий в ванне не видно! Э, мне что за дело! — отмахнулся от этой мысли Абдула. — Кто это придумал, наверняка все предусмотрел...

Так оно и было. Когда Абдула, подождав еще немного, погрузился наконец в ванну, вода от его тела поднялась, очевидно, выше контрольно-

го уровня, потому что тут же с резким всхлипом верхний слой воды быстро куда-то всосало. Так быстро, что Абдула даже увидеть не успел, куда именно: очевидно, приоткрылись какие-то щелки в бортах ванны. Абдула провел по бортам руками: ни щели, ни зазора, ничего, как с той дверцей. Одновременно прекратился шум падавшей струи. В наступившей внезапно тишине Абдуле сделалось не по себе: так плохо гармонировал резкий, какой-то «неприродный» звук засасываемой воды с остальной умиротворяющей обстановкой.

— Э, мы в тюрьме, однако, — вслух напомнил себе Абдула. Но, пока из ванны его никто не гнал, он решил продолжить удовольствие, благо, воды оставалось вполне достаточно.

Немного побарахтавшись и убедившись, что ванна, сделанная из того же материала, что и все остальное в этом помещении, — не мягкого, но слегка упругого, — куда приятнее обычных эмалированных. Абдула подумал, а как быть, когда захочется спустить всю воду, и стал оглядываться повнимательней. Ну да, вот они, пятнышки, круглые, темно-синие, и целых четыре: под правую руку, под левую, и там, в ногах, под обе ноги!

Съехав немного вперед, Абдула дотянулся большим пальцем правой ступни до пятнышка, прикоснулся, и вдруг! — С всхлипом еще более резким и громким ванна опустела почти мгновенно! Абдула аж подскочил от неожиданности, и тут же сверху хлынул душ, той же температуры, что и струя из дырки, смывая остатки пены с Абдулы и с боков ванны. Лился с полминуты, потом снова короткий всхлип, и все — в ванне чисто и сухо!

Наполнять ванну снова Абдула не стал, домылся под душем. Брызги, естественно, летели во все стороны, но, проследив за ними взглядом, Абдула не поверил своим глазам: и пол, и стены мгновенно впитывали воду и оставались совершенно сухими и чистыми! Аллах Всемогущий, сколько же все это стоит?!

«А может, — похолодел Абдула, — меня эти похитили, как их... инопланетяне?! Или выкупили — для опытов?» Ох, как нехорошо стало! Но мягкое освещение и теплый цвет всего вокруг успокаивали, поверхности приятно щекотали кожу ступней и ладоней, а напротив ванны, на выступе налево от двери — ну да, двери! не той, через которую вошел, другой, в стене напротив ванны, посередине (Абдула ее еще тогда заметил, как вошел, только внимания особо не обратил, успокоился только, что есть, куда выйти. Дверь вполне отчетливо была видна, с округлыми краями, немного выпуклая, и сделана из того же материала)... Ну вот, а здесь, как мы уже видели, одежда... Но прежде вытереться бы — ну, да! С другой стороны, справа от двери, но ближе к унитазу, такие же щели, как для туалетной бумаги, только пошире, а из них высовываются полоски бумажных полотенец. Рядом — такие же пятнышки. Абдула шагнул, нажал на верхнее — из щели потянулось полотенце, толстое, мягкое, голубоватого оттенка. Абдула с удовольствием вытерся, скомкал полотенце в объемный шарик, оглянулся — куда его? — и бросил в унитаз. Хлынула вода, шарик бесследно исчез. Довольный результатом,

Абдула повторил опыт, вызвал еще кусок полотенца, обтерся досуха и отправил шарик вслед за первым. Теперь пора приниматься за одежду.

Все новое, сразу видно, а материал какой-то непонятный, мягкий, приятный на ощупь, но... Абдула натянул уже майку с трусами и брюки, но куртку, прежде чем надеть, повертел в руках: что же это за материал такой? Фланель не фланель, и вообще это не ткань, а... не войлок же, хотя... Нет, какой там войлок! Это просто бумага! Или нет? — Абдула не знал, что и думать, возмущаться — не возмущаться... Но бумага, если это была бумага, выглядела на удивление солидно, прочно, не сминалась и не рвалась, — а со всей силы Абдула и не рвал, но потянул основательно, и ничего.

Ладно, бумага так бумага, на ощупь приятно, тепло, чего еще надо? А раз бумага, значит, часто будут менять, и то хорошо.

Обуви не было, только носки того же цвета и материала, но как будто потолще.

Ничего, тепло, здесь можно вообще обходиться без носков. Хотя — посмотрим, как там, за дверью. Действительно, пора было смотреть, что же там, за дверью. Ручки на этой дверце тоже не было. Абдула слегка надавил ладонью — дверь поддалась, но упруго. Надавил посильнее — дверь распахнулась, но ладонь ощущала обратное давление. Ослабив нажим, Абдула увидел, что дверь готова затвориться снова. Значит, туда и сюда открывается, не запирается. Ясно. Ладно, пора. И Абдула шагнул за порог ванной.

Что там, за порогом, Абдула даже сразу не разглядел: первым и главным, что поглотило все его внимание, было... окно! Да, самое обыкновенное окно, большое, застекленное, безо всякой решетки, а за окном — яркий солнечный день, синее небо, и поводят листочками макушки деревьев! Окно — в камере?! — Абдула бросился к нему сломя голову, подскочил, прижался лбом, руки упер в округлый неширокий — в полладони — на уровне чуть выше пояса подоконник. Стекло на ощупь оказалось не прохладным, а теплым и не твердым, а таким же податливо упругим, как и все в этом странном помещении. Абдула, конечно, этому удивился, но слегка, не всей головой, а как бы только лбом, не получившим ожидаемого ощущения прохлады: он уже начал привыкать к тому, что здесь обычным будет только необычное.

Но было стекло при этом удивительно прозрачным, глаза его как бы вовсе не замечали, а, широко раскрывшись, впитывали то, что за ним — и было, что.

Окно располагалось довольно высоко, какие-то не то кусты, не то деревья едва дотягивались до него своими ветками. «Этаж второй-третий», — прикинул Абдула (на заднем плане промелькнуло недоумение: а как же меня в фургоне подвезли прямо к двери? — Но Абдула нетерпеливо отмахнулся: «Э, пандус!»). За листьями кустов непосредственно под окном ничего было не разглядеть. Ладно, зимой опадут, всё увидим... — а «всё» это, скорее всего, будет стена, и больше ничего. Абдуле так и подумалось: «стена», а не «тюремная стена». С тюрьмой окружаю-

щее сочеталось все меньше и меньше. К тому же ни кустов и ни деревьев возле самой тюремной стены никто не сажает.

С наружной стороны стекло окна было заподлицо со стенкой, так что, как ни старался, Абдула ни кусочка «своей» стены не увидел. Зато вдаль!

Здание, очевидно, стояло на краю высокого крутого откоса, и вид из окна разворачивался обширный и замечательный. Далеко внизу простиралась широкая долина, где обработанные разноцветные участки перемежались с рощицами. Вдали по краям высились голубоватые горы, а прямо впереди сверкало на солнце озеро, большое, до самого горизонта, и только дальше, из-за горизонта, выглядывали серо-голубые, туманные верхушки гор.

Между озером и долиной пролегала асфальтовая полоса дороги, но машин на ней не было... нет, были, но мало, две или три и слишком маленькие, далеко. А на озере, с краю от сверкавшего на солнце пространства, виднелся крохотный парус. Песчаный берег походил на пляж, но были ли там купальщики или купальщицы, отсюда Абдуле, как ни старался, как ни напрягал глаза, было не разглядеть.

Да, безусловно, это пляж. Вон, и зонты виднеются от солнца, отсюда крохотными кажутся, а там, на месте, ярда три-четыре в диаметре, не меньше. Такие целый столик тенью накрывают со стульями вокруг. Столик... Ну да, вон там, правее, на краю рощи, их целая куча, и рядом какое-то строение проглядывает, наверняка кафе или же ресторан... Абдуле показалось даже, что над крышей строения он разглядел дымок: ну ясно, мясо жарят! — и тут, при слове «мясо», желудок Абдулы буквально взвыл: «Обед! Где мой обед?!» — еще бы! Ведь сегодня он даже завтрака не видел, бедный желудок!

Абдула без сожаления отвернулся от окна: будет еще время видами полюбоваться, пора побеспокоиться о том, что поважнее. Ну, где же мой обед? Ведь говорили эти гяуры-охранники, к обеду мол приедем, так что же? — Абдула обвел глазами помещение (слово «камера» на ум никак не шло). То, что было оно необычным, уже никак не удивляло: внезапно пробудившись, острое чувство голода занимало все его внимание. Абдула отметил только господствовавший всюду светло-зеленый, точнее, салатовый цвет, да еще то, что пол здесь, как, очевидно, и все прочие поверхности, был из того же материала, что и в ванной, и отличался только цветом.

Цвет Абдула в целом одобрил, не слишком на нем задержавшись: зеленый — цвет ислама, вот и прекрасно. Обед где?

Стоя спиной к окну, по левую руку от себя Абдула видел выпирающий из стены, за которой ванная, изогнутый выступ на высоте стола, с округлыми краями и шириной в два фута, — стол и есть, очевидно, а перед ним, повторяя его изгиб, выступ пониже, — как видно, лавка. Изогнутые потому, что повторяют форму стенки, к которой примкнуты, а стена эта круглая, и все помещение представляет из себя полукруг: с той стороны, где ванная, дуга, а с противоположной — ровная стенка по диаметру.

Окно у края дуги, почти вплотную к диаметру, а дальше — этот самый выступ, как полка, и для ног под ней имеется пространство, и тянется до самой дверки в ванную, то есть на добрых четыре ярда. Примерно ярд — окно, чуть меньше ярда — дверь в ванную, да следом еще пять ярдов стенки, значит, всего одиннадцать... Умножим на два, поделим на π, получится примерно семь ярдов диаметр. Гм, просторно, однако! Потом измерим поточнее, площадь вычислим — πr^2 пополам... И высота добрых четыре ярда — ого! Объемное, однако! Ладно, вычислим и объем... — Абдула неплохо разбирался в математике. Еще бы! Математику вообще придумали арабы! Даже слово «алгебра» — арабское, «аль джебр»! Сам Абдула, правда, не араб. Не надо думать, что мусульмане — только арабы. Много и других народов благодаря арабам приняли ислам, а скоро на земле вообще останутся одни мусульмане. А кто не мусульманин, тот не останется.

Но чтоб остаться, надо обедать! Как тут у них вообще обедают, водят куда-то, или... — Но что-то ясно подсказало Абдуле, что никуда тут никого не водят. Здесь, внутри надо искать.

Абдула стал внимательно разглядывать стенку над полкой-столом, и что же? — Как он сразу не заметил, вот же она, под рукой, стрелка, ярко-зеленая, на фоне выделяется, указывает вниз, в сторону стола, а под ней, — ну да, не видно ничего, но это наверняка так же замаскировано, как та дверь в ванную, в которую он вошел снаружи. Ну-ка, нажмем! — И Абдула нажал.

И тут же край стенки над столом начал приподниматься, как заслонка, а из-под него выполз овальный поднос, накрытый прозрачной крышкой. Выполз и замер, а заслонка за ним опустилась на место и застыла, сливаясь со стенкой, как ни в чем не бывало.

Утопленный захват для пальцев в крышке позволил Абдуле легко ее поднять, и там, под крышкой, он увидел, во-первых, четыре тарелки: ближе всего открытая с нарезанными огурцами с помидорами, посыпанными зеленью, политыми прованским маслом; дальше — две накрытые прозрачными же крышечками тарелки, поглубже — с супом и рядом — с горкой риса и кусками белого мяса, похоже, что куриного, следом — тарелка со свежей теплой белой лепешкой хлеба, а рядом — соусница, перечница и солонка. И на самом дальнем конце подноса — кофейник с чашечкой для кофе, чайник с пиалой для чая и стакан апельсинового сока, холодного, весь запотел.

Абдула отставил в сторону большую крышку от подноса, благо, места на столе хватало, и взялся за захват на маленькой над супом. Надо же, все как в хорошем дорожном ресторане! — Абдула даже удивился, откуда в нем нашлось еще место для удивления, но оказалось, что и это — не все! В дорожном ресторане не бывает такого запаха! — Тарелка с супом, слегка дымясь, издавала великолепный аромат свежего бараньего мяса!

— Шурпа![5] — воскликнул пораженный Абдула.

---

[5] Шурпа — густой жирный суп из баранины, очень вкусный.

Не теряя времени, он уселся на лавку слева от подноса, ближе к окну, и придвинул к себе тарелку с шурпой. Прибор на подносе, конечно, тоже имелся — завернутые в большую светло-зеленую бумажную салфетку ложка, вилка и нож — из пластмассы, конечно, и того же цвета, что все здесь, но не такие хилые, как одноразовые приборы фаст-фуда, а вполне солидные, можно и мясо нарезать, и на вилку огурец свободно наколоть. Человека таким ножом, конечно, не проткнешь и харакири себе не сделаешь, — Абдула усмехнулся: он совсем не собирался делать себе харакири, но, судя по отсутствию в помещениях острых углов и сколько-нибудь увесистых предметов, те, кто его здесь содержал, подобной склонности за ним отнюдь не исключали.

Э, человек, если захочет, всегда сможет лишить себя жизни, какие ножи! Вон, можно просто язык себе откусить: Абдула сам видел такое в японском кино. Но сейчас этот язык можно скорее проглотить, чем откусить, — вах, какая шурпа!

Абдула накрошил в тарелку с шурпой хлеб, почти всю лепешку, и расправился с ней во мгновение ока. Рис и курятина, огурцы с помидорами, сок и кофе, и чай, — да, проглотив, обжигаясь с отвычки, чашечку кофе, Абдула сопроводил ее добрыми глотками чая, — все это последовало за шурпой с неимоверной скоростью.

Наконец, отставив пиалу, Абдула налил себе из кофейника еще одну чашечку и принялся медленно смаковать.

Да, кофе был настоящий, не то, что тепловатая бурда в тюрьме... — Абдула не говорил уже в «той тюрьме», поскольку *вот эта* была чем угодно, только не тюрьмой.

Да, не тюрьмой... Но чем же? — В вопросе Абдулы не было тревоги: с такой шурпой в желудке не тревожатся, однако разобраться все же стоило. Потягивая кофе, Абдула стал неторопливо водить головой из стороны в сторону.

Так, окно слева — это мы уже знаем. Здесь — обеденный стол, а для чего еще три метра стола? Гостей принимать, что ли? — Абдула хмыкнул.

Дальше дверь, там ванная, а дальше что? — Ба! Целый спортивный комплекс! Ну да, вон дорожка беговая, перед ней выступы из стены, как поручни, опираться и скорость наверняка регулировать, а рядом — шведская стенка, что ли? — Абдула не поленился, поднялся, перекинув ноги через лавку, и подошел поближе: так и есть, дорожка беговая, ярда полтора на ярд, и два удобных выступа, руками опираться, и под правой рукой — вытянутый треугольник вершиной к стенке нарисован, темно-синий, понятно, сенсор, пальцем поведешь, быстрее-медленнее дорожка под ногами побежит... Шаг вправо — рукояти из стенки выступают, ухватил, потянул, за ними из стенки вытянулись два жгута, вперед-назад, вверх-вниз, влево-вправо, можно тянуть в любом направлении, и тут же кнопка сенсорная — усилия регулировать, хочешь, в качестве гири используй, хочешь, как эспандер... А с другой стороны от дорожки, слева, стенка шведская, только не поручни, а тоже выступы с желобами-выемками: рукой удобно взяться можно, ногой тоже можно наступить, а

вот обхватить целиком или веревочку просунуть-завязать — нет. Во как боятся, чтобы не повесился! А только не на чем тут вешаться, да Абдула и не повесится, ни за что! Вот пробежаться по дорожке, оттянуться на стенке — это да, это бы хорошо... И мячик покидать, но мячика тут нет. Мячик, наверное, на прогулке... — Но что-то подсказало Абдуле, что никаких прогулок у него не будет. Небось, попросишь, скажут: вполне достаточно условий тренировать все группы мышц... И воздух, скажут, совершенно свежий. Шайтаново племя. Кстати, воздух тут и вправду свежий, и мышцы можно действительно потренировать, но не сейчас, конечно, не после такого обеда! Сейчас прилечь бы... Вот и лежанка, пора ей уделить внимания побольше.

Лежанка стояла в центре у прямой стены, но не вплотную, а с отступом примерно в пол-ярда. Ни постели, ни даже подушки на ней не было, зато имелись округлые изголовья, прямо мутаки![6] Правда, руку под них не просунешь, как под настоящую, но зато целых две, и с обеих сторон! Хочешь, лицом к окну ложись, хочешь, ногами!

Абдула попробовал и так, и так. Лицом к окну, конечно, хорошо, на небо любоваться, но слишком ярко, глазам мешает. Другой раз как-нибудь. Абдула улегся к окну затылком. Все равно ярко, солнце там, за окном, сияет вовсю, хорошо, хоть сюда лучами не достает. Утром достает, наверное... Утром! Еще сегодня утром Абдула ждал казни на электрическом стуле, а сейчас — на такой кушетке лежит, такой обед переваривает! Хвала Всевышнему!

Лежать и вправду было хорошо, удобно. На ощупь и на вид материал, из которого была сделана лежанка, был такой же, как и везде вокруг, но заметно мягче, податливее. Абдула поерзал, укладываясь поудобнее, но, ерзая, подспудно ждал резкого сигнала, окрика: «Не сметь ложиться до отбоя!» Но ничего, ни окрика и ни сигнала не последовало. Да, странные, однако, здесь порядки. Не земные какие-то... Но мысль о неземных порядках с инопланетянами Абдулу уже посещала и радости не доставила. Ну его. Лучше спать, раз хочется и можно. Который, интересно, час? — Под потолком над дверью ванной виднелся белый на салатовом фоне овальный циферблат, а в нем светились ярко-зеленые цифры: 01:47 PM[7].

Американская манера обозначать время почему-то никак не давалась Абдуле. Казалось бы, что стоит запомнить: AM, PM, «до полудня», «после полудня», но вот, все время путал. К американским мерам длины он привык, к отсчету времени — никак. Потому, наверное, что AM

---

[6] Мутака — восточная подушка цилиндрической формы, вроде прямой сардельки или сосиски.

[7] AM, PM (от лат. *ante meridiem*, *post meridiem* — «до полудня», «после полудня») — американский способ обозначать время суток, как по-русски мы можем сказать «два часа пополудни» или «три часа пополуночи» (хотя охотнее, конечно, говорим «два часа дня» или «три часа ночи»). Скрупулезнее было бы написать «01:47 p. m.» (или «a. m.», если до полудня), но создатели электронного циферблата, как видно, предпочли наглядность скрупулезности.

так и хочется расшифровать, как *after midday*, «после полудня», так нет, как раз наоборот! Абдулу это раздражало. Вот и сейчас не сразу сообразил, что 01:47 — это 13:47 и значит «без четверти (ну, без тринадцати) два». А, ну их, — повторил Абдула, отвернулся от часов, ложась на правый бок, лицом к прямой стене, и закрывая глаза. Свет из окна все-таки мешал; если не полениться, можно встать, нарвать бумажных полотенец в ванной и прилепить их к окну хлебным мякишем, но вставать было уже лень. Ладно, и так сойдет... — и скоро Абдула уже похрапывал.

Проснулся он от резкого и громкого, как выстрел или даже взрыв, хлопка над самым ухом. От взрыва Абдуле приснилось, что это универсам взорвался, а он стоит с пакетом-зарядом в руке, и тот у него как вспыхнет, и вот уже Абдула весь охвачен пламенем и кричит от ужаса и боли, да не кричит, ревет, и громко, как будто реактивный самолет рядом пролетает... С собственным криком Абдула и проснулся: звука взрыва-выстрела уже не было, только в ушах отголосок стоял, да показалось, что под Абдулой дрожит кушетка. Фу, что только ни приснится! Который час?— На циферблате услужливо мигало: 04:13 PM. Ого, сколько же я проспал? Три часа? Нет, два... Два с половиной...

— Сегодня они что-то припоздились. Обычно начинают раньше...

Голос прозвучал так неожиданно, что Абдула застыл на месте. Хотя голос как голос, хрипловатый, то ли высокий мужской, то ли низкий женский. Нет, конечно, женский, и скорее приятный.

А голос тем временем продолжал:

— Тренировочные полеты. Утром начинают около восьми, а после обеда около четырех. Сверхзвуковые истребители-бомбардировщики.

Голос звучал так близко, словно женщина стояла или даже сидела возле кушетки, у изголовья. Но, обернувшись, Абдула не увидел никого. Больше того, он и стенки не увидел! Когда он засыпал, она была вот здесь — зеленая, салатовая, только руку протяни, а сейчас вместо нее что-то матово-черное!

А голос продолжал, как ни в чем не бывало:

— База ВВС, очень удобно. Во-первых, воздушное пространство над местностью охраняется, лучше не бывает! Любой сомнительный летающий объект сбивается без предупреждения...

Несмотря на растерянность, значение сказанного Абдула уловил: любой объект сбивается, значит, на воздушный налет ни с целью тебя освободить, ни с целью убить не рассчитывай.

— А во-вторых, — продолжал голос, — стоимость участков в округе сильно снизилась. Грохот, когда они проходят звуковой барьер, мало кому нравится. Но вам-то всякий грохот по душе, я полагаю?

В этот миг в черном пространстве перед глазами Абдулы вспыхнул конус света, и в этом конусе Абдула увидел говорившую: женщина была видна совершенно отчетливо, неяркий желтоватый свет давал рассмотреть все черты ее лица, все складочки одежды. Она сидела на сту-

ле, очень близко, хоть рукой дотянуться, но дотягиваться Абдула, конечно, не посмел.

Строгий облик женщины не располагал к фамильярности. Она была в длинном темно-коричневом, почти черном платье из мягкого материала, похожего на бархат, складки юбки, ниспадая, скрывали ножки стула так же, как и ее ноги. Ладони спокойно лежали на коленях, ярко выделяясь на темном фоне ткани. Ногти на длинных пальцах не накрашены, ни на руках, ни на платье никаких украшений. Платье без выреза, с высоким наглухо застегнутым воротником, над которым возвышалось белокожее лицо, обрамленное черными прямыми волосами, стянутыми на затылке. Ушей под волосами не видно. Черты лица прямые, резкие, возраст — от тридцати до сорока, у этих гяурок не поймешь, может, и все пятьдесят, — подтяжки, диеты, то, се, но скорее, все-таки ближе к тридцати. На женщине были очки в черной солидной роговой оправе. Стекла очков бросали блики, и цвет глаз было за ними не разглядеть. Ничего не было видно и за пределами светового конуса: только густая тьма. Поэтому Абдуле оставалось только внимательно рассматривать женщину. Во всяком случае, никак не инопланетянка, — Абдула порадовался. Красавицей не назовешь, но, на гяурский лад, пожалуй, не уродка. Абдуле такая, конечно, даром не нужна: грудь не высокая, бедра не пышные, вся худощавая, лицо осунувшееся и совсем без макияжа... — не будучи записным «бабником», женщин Абдула, тем не менее, рассматривал всегда и прежде всего с точки зрения пригодности для постели... «Она что, мои мысли слышит?!»

— Постельного белья, как вижу, вы не нашли? — говорила тем временем женщина. — Ничего, освоитесь, времени у вас будет достаточно.

«Времени достаточно»? — Абдулу слегка дернуло при этих словах, но он быстро успокоил себя: ничего, еще посмотрим, кто кого пересидит.

— Кстати, там, правее, вы найдете монитор и клавиатуру, — женщина кивнула в сторону стола: руки оставались лежать на коленях неподвижно.

Абдула проследил за ее взглядом: «там», т. е. между обеденной частью стола и дверью в ванную, ничего было не разобрать, как будто гладкая стена, но раз говорит, значит, что-то там есть: наверняка сенсорный выключатель, присмотрюсь, найду, — а монитор с клавиатурой, конечно, здорово... Что там она про него?

— Там вы найдете все инструкции, всю информацию, изучайте себе потихоньку, спешить вам некуда...

Опять она про это?!

— Там вы найдете также электронные книги, фильмы, учебники, газеты... — и, словно отвечая на мысленный вопрос Абдулы, продолжила: — Интернета, конечно, нет.

«Точно, мысли читает, ведьма!»

— Почтовой программы тоже нет? — заговорил Абдула. — Письмо написать нельзя?

— Кому вы хотите написать?

— Мало ли... Жене, например.

— У вас есть жена?

У Абдулы, как мы помним, было целых две жены, но признаваться в этом он не собирался, даже выругал себя, что почти проговорился: жена, — начнут расспрашивать, следить, мало ли, до чего доберутся! Ай, баран, как можно было?.. — и поспешно произнес:

— Нету жены, умерла.

Женщина молчала, смотрела.

— А расписание тоже там? — отвлекая внимание от жены, спросил Абдула.

— Расписание? — женщина в знак удивления приподняла бровь.

— Ну, когда подъем, отбой, обед, прогулка...

— А! — женщина шевельнула рукой. — Никаких отбоев и подъемов тут нет, спите, когда хотите и сколько хотите...

Но тут, как по заказу, снова резкий взрыв и тут же рев самолета. Утром когда, она сказала? — около восьми? Вот вам и подъем...

Женщина тем временем, переждав удаляющийся рев реактивных двигателей, продолжала:

— Еда три раза в день, завтрак с семи до девяти, обед с двенадцати до двух и ужин с семи до девяти. Надеюсь, вы запомните, хотя, конечно, это расписание в компьютере тоже найдется... Там же вы найдете меню по выбору на каждый день.

Абдула не знал, что сказать: меню по выбору? В тюрьме?! Нет, это не тюрьма, никакая это не тюрьма, но что же?!

— В эти часы, как только вы нажмете на кнопку, в любое время в означенный период появится поднос с едой. Правда, потом его нужно будет аккуратно отправить обратно, сложив всю посуду и накрыв крышкой. Иначе в следующий раз никакого подноса не появится.

Абдула оглянулся на остатки своей трапезы: придется убрать, ничего не поделаешь.

— Это вовсе не сложно, вы справитесь, — успокаивающе продолжала женщина, — Это гораздо проще, чем управляться со взрывчаткой, и вполне безопасно.

— А следующий раз когда? — спросил Абдула.

— В следующий период! Вы же не захотите съедать по три обеда зараз?

Нет, Абдула и впрямь не захотел бы: легко представить, во что он здесь превратится, съедая по три обеда зараз, да еще таких.

— Но в промежутках, если вам захочется чаю, кофе или булочек, все это вы сможете получить без каких-либо ограничений. Кнопка там же, вы найдете, и в компьютере все подробно описано...

Абдула сглотнул: «Да где же это я?» Но если так питаться, да еще с булочками в промежутках, его и вправду разнесет, в ванной помещаться перестанет! Нужны прогулки!

— А когда прогулки?

— Прогулки здесь не предусмотрены, — спокойно отвечала женщина почти что теми же словами, какие предвидел Абдула. — Здесь достаточно просторно, есть условия для физических упражнений, — она повела подбородком в сторону беговой дорожки, — и воздух совершенно свежий. Тем более, что вы, к счастью, не курите.

— А если захочу начать? — ухмыльнулся Абдула: пора немного посбивать с нее спесь.

— Такой возможности у вас не будет, — спокойно отвечала женщина.

Голос ее оставался ровным, без угрозы и агрессии, но прозвучало это ничуть не менее решительно и безнадежно, чем краткое «обоссышься», брошенное тогда с верхней койки охранником. Абдула поежился. Снова лопнул взрыв и прогромыхал самолет, но прежней резкой реакции уже не вызвал. «Глядишь, привыкну», — подумалось Абдуле.

Когда рев затих, Абдула вновь услышал голос женщины:

— По пятницам вам будут брить голову, если захотите, а также по желанию подстригать бороду, если вы найдете нужным отпустить бороду... Одновременно вам будут измерять кровяное давление, пульс и температуру. Впрочем, измерять температуру и кровяное давление и даже, если понадобится, уровень сахара в крови вы сможете и сами, всякий раз, когда захочется. Там, возле тренажеров, — на этот раз она и подбородком не повела, — имеются все необходимые приспособления.

И не добавила: «Вы разберетесь». Ясно, что разберется.

— В случае нужды любая необходимая медицинская помощь вам будет оказана незамедлительно, на здоровье жаловаться вам не придется, — закончила женщина и слегка расслабилась на своем стуле, переложила руки поудобнее, чуть-чуть опустила и тут же снова выпрямила спину и плечи, перевела дыхание.

«Аллах Всемогущий, сколько же все это стоит?» — в который раз мелькнуло в голове у Абдулы.

— Наверняка вы задаетесь вопросом, сколько же все это стоит, — прервала паузу женщина.

Абдула вздрогнул: ну, ведьма!

— Пусть это вас не беспокоит, — все так же ровно продолжала она. — Для того, чтобы устроить вас как следует, мне ничего не жалко!

При этих ее словах Абдула вдруг с ужасом подумал: «Она сумасшедшая! Я попал в руки к сумасшедшей! — и безнадежно выдохнул: — Она меня съест...»

От этой мысли Абдуле сделалось так мрачно, что несколько фраз женщины он не расслышал, а когда собрался с духом, та заканчивала описание материалов, из которых все здесь было сделано: какие они прочные, гигиеничные и надежные.

— К тому же, — продолжала она, — как вы можете убедиться, они могут быть и совершенно прозрачными, как вот это стекло между нами...

Стекло? Ну, конечно, стекло... Не сидела же она с ним один на один вот так, на расстоянии протянутой руки... Абдула протянул руку и тут же уперся во что-то невидимое, но ощутимое. Правда, холода, как

от стекла, не было — а, на окне такое же... Проминается вроде бы, но прочное.

— Да, потрогайте, потрогайте, — подбодрила женщина. — Можете кулаками побить, можете лбом поколотиться — не расшибете, как ни старайтесь, и стекла не разобьете. Так что до меня вам не добраться и ни малейшего вреда не причинить. Впрочем, ты уже причинил мне максимальный вред.

В английском языке нет, как известно, отдельных местоимений для «ты» и «вы», одно и то же «you» они говорят и Богу, и боссу, и ребенку, и одному, и многим, но знающий человек всегда отличит по контексту, по оттенку, какая именно степень близости либо фамильярности имеется в виду. Абдула хорошо знал английский, но даже если бы не знал, внезапный переход на «ты» он уловил бы все равно, такой тот был отчетливый.

Она поднялась на ноги, и Абдула отпрянул. Все это время он так и просидел на своей кушетке, но теперь, когда женщина выпрямилась-выросла над ним во весь свой американский рост, Абдула поспешил тоже подняться. Стоять как бы зажатым между кушеткой и прозрачной стенкой было неудобно, но перешагивать назад, делать неловкие попятные движения тоже не хотелось.

— Пора тебе узнать, кто я, — сказала женщина, и с этими словами поднесла руку к своим очкам и сняла их.

Абдула в страхе снова отпрянул, и поскольку сзади была кушетка, он так и шлепнулся на нее. Чего он ожидал увидеть из-под очков, блеска молний? Желтых змеиных глаз с вертикальными зрачками? — Во всяком случае, ничему такому он бы не удивился, но за очками были обыкновенные человеческие глаза, разве только необычно большие, а потемневшие веки в запавших глазницах делали их еще больше, да еще они были темно-темно-карие, почти черные... И смотрели они прямо на Абдулу, не мигая.

— Меня зовут Ким Барлоу, — сказала женщина. — Ким Барлоу, ты слышишь, Абдула? Ты помнишь это имя? Не помнишь? — Ничего, теперь ты его больше не забудешь. Я буду напоминать его тебе каждый день, изо дня в день, всю твою жизнь, проживи ты еще хоть полвека. «Ким Барлоу» — так звали мою мать. Меня назвали, как ее: мой папа очень ее любил. Ее все очень любили, а я, наверное, больше всех. И я пришла спросить тебя... Я буду приходить и спрашивать тебя об этом каждый день, Абдула...

Абдула ее слушал, замерев, не в силах вымолвить ни слова... Вопрос, сейчас она задаст вопрос!..

— Абдула! — спросила женщина, — Абдула! Зачем ты убил мою маму?

Золотистый конус света, окружавший женщину, постепенно померк, женщина скрылась из виду, все погрузилось в темноту... Затем бесшумно и стремительно прошла по стеклу волна, и перед Абдулой вновь была стена салатового цвета, как все вокруг.

II

Имя для Кимберли (сокращенно «Ким») Барлоу-старшей выбирал ее дед, Тим О'Рейли. В семье шутили, что он ее назвал в честь алмазных месторождений в Кимберли. Собственно, так оно и было. Основу своего громадного состояния старый Тим О'Рейли заложил именно благодаря алмазам. Тогда он, правда, вовсе не был старым, напротив, очень молодым, одним из самых молодых маклеров на бирже: в том 1929 году ему еще не исполнилось и тридцати. То, что он провернул тогда, в семье в дальнейшем с легкой руки самой же Кимберли в шутку прозвали «Операция *Сибирский мужик*».

Это произошло гораздо позже, в годы «челночной дипломатии» Киссинджера, и анекдот про сибирского мужика имел в виду именно неугомонного госсекретаря. Анекдот привезла Кимберли из колледжа, и звучал он так:

«Вопрос: как женить сибирского мужика на дочке Рокфеллера[8] и сделать его директором швейцарского банка? Возможно ли это?

Ответ: Вполне возможно. Нужно только поступить следующим образом. Сначала вы едете к сибирскому мужику и спрашиваете его:

— Ты хочешь жениться на дочке Рокфеллера?

— Не хочу, — отвечает сибирский мужик, — она будет называть меня "сибирский валенок".

— Но зато ты будешь директором швейцарского банка!

— Тогда хочу! — говорит сибирский мужик.

Потом вы едете в швейцарский банк и спрашиваете:

— Хотите директором сибирского мужика?

— Не хотим, — отвечают они.

— Да, но при этом он зять Рокфеллера!

— Тогда хотим! — соглашаются в швейцарском банке.

Затем вы едете к Рокфеллеру и говорите:

— Хотите выдать дочь за сибирского мужика?

— Не хочу, — отвечает Рокфеллер.

— Да, но он директор швейцарского банка!

— Тогда хочу, — говорит Рокфеллер.

Наконец, вы идете к дочке Рокфеллера и спрашиваете:

— Хочешь замуж за директора швейцарского банка?

— Не хочу, — отвечает дочка Рокфеллера, — он скучный.

— Да, но он сибирский мужик!

— Тогда хочу! — восклицает дочка Рокфеллера».

Мораль: в любой ситуации нужно найти какую-то реальную опору и, если ее умело обыграть, можно достичь любых желаемых результатов.

---

[8] На то время имя «Рокфеллер» считалось символом богатейшего человека на свете, как в прежние времена имя «Ротшильд», а в наши дни, наверное, «Билл Гейтс». Впрочем, к подлинному первенству в богатстве эти имена-символы имели отношение скорее косвенное.

Примерно так старик О'Рейли (т. е. тогда еще молодой О'Рейли) поступил с крупным пакетом акций фирмы, поставлявшей технические алмазы. Кризис 1929 года поставил эту фирму на грань разорения, производство сворачивалось, технические алмазы никому не были нужны, акции фирмы почти полностью обесценились, и тут О'Рейли, располагая некоторой суммой для долгосрочных инвестиций от одного аргентинского клиента, с ее помощью запустил длинную цепочку закладов, фьючерсов, учетов долговых обязательств и рассрочек платежей, в результате чего его собственный гонорар по завершении цепочки сделок, когда алмазы снова поднялись в цене, составил астрономическую по тогдашним временам сумму в двести тысяч долларов.

Помогло Тиму то обстоятельство, что до Аргентины кризис докатился не сразу, и его инвестор попросту не успел сориентироваться и отозвать свое поручение. Когда он спохватился, было уже поздно: средства уже вложены и извлечь их немедленно не было никакой возможности. Тим при этом действовал на совершенно законных основаниях, но все равно, несколько месяцев, почти год, он провел в ужасном напряжении: если бы дело в конце концов провалилось, у аргентинца появлялись основания обвинить Тима в профессиональной некомпетентности, а это означало бы конец его карьеры и полный крах. К счастью, во время одного из недолгих подъемов конъюнктуры подвернулся удобный случай завершить цепочку сделок, что и привело к вышеуказанному гонорару в двести тысяч.

«Будь у моего конфидента нервишки покрепче, мы бы огребли раза в четыре больше», — любил потом говаривать О'Рейли, имея в виду, что в дальнейшем цены выросли еще значительнее. При этом он умалчивал, что, завершая сделку, радовался не меньше своего конфидента. Ведь именно в эти месяцы родился его сын Патрик, будущий папа Кимберли, а в семье порой бывало нечем заплатить за уголь, и они мерзли.

Парень оказался крепышом, и временные трудности никак не отразились на его здоровье, а вот Хелен, его мать, так и не оправилась после родов и последовавших осложнений и, едва Патрику исполнилось пять лет, тихо скончалась посреди постоянно крепнувшего семейного благосостояния. Потеряв жену, Тим О'Рейли в дальнейшем так и не женился. В семье считалось, что никаких романов Тим О'Рейли никогда не заводил, и, по всей видимости, так оно и было. Всю его страсть, все его силы поглощали дела, которые он воспринимал прежде всего как игру, и был при этом игроком отважным, даже нередко дерзким, но удачливым: «Ирландская интуиция!» — похохатывал он. Дело, конечно, было не только в интуиции, но также в исключительной осведомленности и осмотрительности, составлявших необычное, но очень эффективное сочетание с его рисковостью. В результате он зарабатывал и на росте курсов, и на падении, и пока другие разорялись, он богател.

Ко времени кончины Хелен он уже давно перевалил за второй миллион и уверенно приближался к третьему. Свою маклерскую контору он продал, и теперь сам давал поручения маклерам, как правило,

весьма удачные. С окончанием мировой войны активы многочисленных его инвестиционных портфелей и предприятий перешагнули за сотню миллионов. Дальше тоже рост шел по нарастающей, и к моменту смерти в 1981 году только личное состояние Тима О'Рейли оценивалось в полтора миллиарда. Львиную их долю, вместе со всеми остальными активами, стоимость которых была еще на порядок выше, унаследовала Кимберли, его единственная прямая наследница и любимица. Папа Кимберли, Патрик, был летчиком, героически воевал во Вьетнаме («Пурпурное сердце»[9] и выход в отставку подполковником), а погиб уже дома, разбился на спортивном самолете во время обычного полета. Его жена, мать Кимберли, оставила его, еще когда он воевал, и вышла замуж за преуспевающего адвоката. Кимберли поэтому росла у деда, что очень устраивало их обоих.

В огромном доме деда всегда жило много народу: постоянно гостили две его замужние сестры вместе с мужьями, детьми, а потом и внуками. Жили дружно и весело, поскольку Тим О'Рейли любил свою «семью», как он называл всю эту ораву сестер, зятьев, племенников и племянниц, и старался, как мог, — а мог он немало, — благоприятно влиять на их судьбу. При этом никого из них он ни к чему не принуждал: те, кто хотели, работали с ним и на него, кто не хотел, занимался собственными делами. Так, один из зятьев руководил обширным сектором интересов Тима — инвестициями в нефть, будучи сам инженером-нефтяником, а другой подчеркнуто отстранялся от всякого участия в семейных предприятиях, живя, как он утверждал, на собственную ренту и занимаясь преимущественно живописью. При этом дети первого следовали скорее примеру своего дяди, ведя рассеянный образ жизни, тогда как дети второго все как один упорно делали карьеру в различных отраслях огромного холдинга другого своего дяди, т. е. Тима О'Рейли.

Вся эта «орава» ни в чем не нуждалась и при жизни старого О'Рейли, а по завещанию все они получили значительные суммы и сделались очень богатыми людьми, но даже всем им вместе было далеко до грандиозного состояния, которое досталось Кимберли.

Дед внучку баловал и одновременно воспитывал в строгости — еще одно парадоксальное сочетание, на которые так богата была его неординарная натура. На практике это выражалось в том, что Ким могла получить все, что хотела, но для этого ей необходимо было обосновать свое желание. С другой стороны, дед всегда настаивал на том, чего сам хотел, и, как правило, своего добивался. Деловой хватке он учил девочку при каждом удобном случае, не упустив даже такой, как развод ее родителей. Кимберли тогда, в 1967 году, было уже десять лет, она все понимала и все хорошо запомнила, тем более что дед намеренно держал ее в курсе всех подробностей.

Начал он с того, что, прознав, что его невестка собралась замуж за известного адвоката, именно к нему и обратился с предложением вести

[9] «Пурпурное сердце» — один из высших американских военных орденов.

бракоразводный процесс своего сына. Гонорар при этом был назван такой, что адвокат, человек совсем не бедный, не сумел отказаться. Но дело вести реально ему не дали: по условиям контракта к нему был приставлен помощник, старый доверенный юрист Тима О'Рейли, без указания которого адвокат не вправе был произнести ни слова. Так он и провел весь процесс, как марионетка, поминутно оглядываясь на своего «помощника»-кукловода и повторяя все за ним, как попугай. Особенно унизительным получился момент, когда, уже после вердикта о расторжении брака и оставлении ребенка, т. е. Кимберли, на попечении отца, сиречь деда, адвокат с подачи своего «помощника» был вынужден выступить с дополнительным ходатайством о... взыскании алиментов с бывшей миссис О'Рейли в пользу ее дочери! (Тонкости юридической процедуры штата позволяли вносить подобные ходатайства отдельно от основного дела.)

Бывшая миссис О'Рейли собиралась уже покинуть зал, когда вдруг услышала голос своего будущего мужа, оглашавшего ходатайство. Едва разобрав, в чем дело, она не выдержала и завопила:

— Какие алименты?! Я для своей дочери ничего не пожалею!

— Допустим, — произнес ее будущий муж бесцветным голосом, — но моему клиенту требуются гарантии.

— Зачем нужны гарантии? Ведь я ее мать!

— Разумеется, — произнес в ответ адвокат тем же бесцветным голосом, а «помощник», склонившись над его плечом, диктовал ему чуть ли не слово за словом: — Но мой клиент убежден, что женщине, способной оставить мужа, пока тот сражается, не может быть доверия ни в чем...

— Сколько же ты ему заплатил, чтобы он смог решиться на такое? — спрашивала Кимберли у деда после судебного заседания.

— О, гораздо больше тех алиментов, которые ты получишь в результате. Но ты не беспокойся, я это сделал скорее в обеспечение твоих интересов. Как я предчувствую, их брак надолго не затянется (предчувствия Тима, как правило, сбывались, и это тоже не составило исключения), и мои деньги ему понадобятся, чтобы платить алименты уже *ей*... Ну, а она сможет из них платить алименты тебе. Иначе где она что возьмет?

— А тебе ее совсем не жалко? — спросила Кимберли.

— Жалко, Ким, конечно, жалко!

— Так почему же?..

— Именно поэтому.

Тим О'Рейли был католик, и Кимберли посещала католическую школу, так что слова: «Господь, кого любит, того наказывает» (Евр 12:6) — были ей небезызвестны. Ей подумалось, что дед, очевидно, мыслит себя в своих масштабах мини-богом, полагая, что от большого Бога ему поручена эта ответственность — любить и наказывать. Ну, говорится же: «Я сказал: вы боги»[10]?

[10] Пс 81:6.

А я?!. — Кимберли тряхнула светлыми кудряшками (потом они потемнели): — А куда ты денешь эти алименты?

— Буду класть их тебе на особый счет. Когда ты вырастешь, ты сможешь их потратить, как захочешь.

— Тогда я верну их маме...

— А я тогда в судебном порядке взыщу с тебя все, что потратил на твое содержание и воспитание сверх самого необходимого!

Кимберли задрала головку: дед, конечно, шутит? Но смотрел Тимоти О'Рейли на нее так серьезно, что, показалось ей, нет, совсем не шутит...

...Абдула оторвался от монитора: вот гяур, родную внучку разорить грозит за то, что маму пожалела! А что не разорил, выходит, так и не пожалела? — Абдула читал все это в репортаже, который нашел в своем компьютере, — система поиска там самая примитивная, никакой даже не Виндоуз, а просто список-меню: «Инструкции», «Информация», «Персоналии», «Книги», «Фильмы»... Пока что было не до фильмов, после того, как исчезла «эта ведьма», — Абдула не мог ее называть никак иначе, — он сколько-то времени просто просидел на своей кушетке, тупо вглядываясь в салатовую стену. Потом оцепенение прошло: э, убил, значит, убил, надо было, вот и убил! Понадобится, всех вас убьем! — буркнул он напоследок и поднялся. На часах 05:17 PM, до ужина далеко, надо чем-то заняться, вот он и занялся компьютером: легко нашел сенсорный выключатель, тут же засиял экран, никакого времени на загрузку, сразу появились слова «Инструкции», «Информация» и так далее.

Возиться сейчас с инструкциями не хотелось, Абдула нажал на «Персоналии», и тут же бросилось в глаза «Кимберли Барлоу» — она, эта ведьма!

Почти что против своей воли Абдула нажал даже не обратив внимания, что там их было две, одна над другой, и, оказалось, угодил на старшую, на мать.

На мониторе сразу же открылся обширный газетный репортаж с броским заголовком: «Ким Барлоу — самая молодая миллиардерша за всю историю планеты». И дальше шло вышеизложенное, с цветными и черно-белыми фотографиями: Тим О'Рейли в молодости, Тим О'Рейли в старости, дом Тима О'Рейли в нашем штате, вилла Тима О'Рейли в Калифорнии, Патрик О'Рейли в летной форме, Ким О'Рейли в десять лет, Ким О'Рейли в колледже, наконец, свадьба Кимберли О'Рейли. С этого момента она становится Ким Барлоу.

Кликнув по фотографии Кимберли в подвенечном платье, Абдула вышел на другой репортаж, о свадьбе, подробный и богато иллюстрированный. Таких подробных репортажей Абдула прежде не читал, а читал он спортивные репортажи да колонки политновостей, поневоле кратких и лаконичных. Неторопливый задушевный тон повествования напоминал заинтересованную беседу в кругу семьи, где говорят о самых близких, дорогих людях, о которых интересна мельчайшая подробность.

Вот колледж, где училась Кимберли, сперва общий вид — по-современному импозантный комплекс небольших учебных корпусов: темно-красного кирпича стены, огромные витринные окна, вокруг — зеленые лужайки и кучки невысоких лиственных деревьев (каких, Абдула не знал, он плохо разбирался в ботанике).

А вот комната в общежитии колледжа, которую Ким делила с подругой, — подумать только, внучка миллиардера, она бы весь этот колледж скупила и не заметила, а поселилась в общежитии, и даже не в отдельной комнате! — Абдула чуть не подпрыгнул от возмущения при виде такого лицемерия. Но автор (точнее, авторша) репортажа никакого лицемерия в этом не усматривала, для нее это была самая обычная скромность, простое нежелание привлекать излишнее внимание к своей персоне.

Фамилия «О'Рейли» не редкость у ирландцев, а ирландцы — не редкость в Америке, так что никому в колледже даже в голову не приходило связать веселую, общительную Ким О'Рейли с «Тим О'Рейли Корпорейшн», тем более что в этом штате особых интересов у «Тим О'Рейли Корпорейшн» не имелось.

Только однажды как-то на лужайке между лекциями кто-то из подкреплявшейся гамбургерами компании студентов мимоходом спросил:

— А ты случайно не внучка Тимоти О'Рейли?

— Ну да! — с усмешкой отвечала Ким. — И каждый день прилетаю на занятия в собственном вертолете, ты разве не заметил?

— Тебе бы больше подошло на помеле! — бросил реплику долговязый очкастый студент, сидевший чуть на отшибе от других.

На коленях у него лежала раскрытая книга, а свой гамбургер он держал в стороне от нее на вытянутой руке и, поднося его ко рту, старательно отворачивал лицо от книги, чтобы не капнуть кетчупом на ее страницы. Кимберли даже удивилась, что он вообще расслышал предыдущий диалог, настолько он казался поглощенным своим чтением.

Смысл его реплики до Абдулы дошел не сразу, но потом он вспомнил, что у гяуров на помеле летают ведьмы, а Кимберли с ее густыми темно-рыжими волосами, зелеными широко сидящими раскосыми глазами и слегка выдающимися скулами вполне могла сойти за ведьму. К тому же ведь ирландцы издавна славились своими ведьмами, это Абдула тоже вспомнил. Ну, да, конечно, ведьма, самая настоящая ведьма! Молодец этот парень, как там его?.. Ага, Дэннис Барлоу... Стоп, выходит, он и есть ее будущий муж? — Ничего больше Абдуле это имя не говорило, зато у Кимберли оно сразу же вызвало многозначительные ассоциации, едва только сидевшая рядом подружка прошептала:

— Это Дэннис Барлоу, отделение классической филологии, дипломник...[11]

---

[11] Дэннис Барлоу — персонаж повести Ивлина Во «Незабвенная», молодой английский поэт, работавший в Голливуде. Ухаживая за девушкой, Дэннис дарил ей стихи классиков английской поэзии, выдавая за свои. Когда обман раскрылся, их помолвка расстроилась.

— А вы *тоже* поэт, мистер Барлоу? — подчеркнутым тоном простушки протянула она в его сторону, однако выделив при этом слово «тоже».

— Нет, *сам* я стихов не пишу... — буркнул парень в ответ, подчеркнув тоном слово «сам», и тут же вновь уткнулся в свою книгу.

Так началось их знакомство, а каких-то полгода спустя последовала свадьба. Дэннис тем временем защитил свой диплом, а Кимберли решила больше в колледж не возвращаться.

Дед был не против раннего замужества внучки, Дэннис ему понравился. Но в брачном контракте по его настоянию появился пункт, согласно которому все деньги Кимберли в случае ее смерти наследовали дети, а не муж, если же Кимберли умрет бездетной, то все ее деньги поделятся между кузенами с племянниками поровну, при этом муж получит равную со всеми долю. (Стоит заметить, что даже такая усеченная доля многократно превышала все материальные амбиции молодого филолога: еще бы, ведь все самые престижные гранты на свете, о каких ему только случалось мечтать или слышать, в совокупности не покрывали даже малой ее части.)

Завещание Тимоти О'Рейли было составлено в таком же смысле, причем все ограничения по наследованию заканчивались на детях Кимберли по достижении ими совершеннолетия. Если же эти дети, один или несколько, умерли бы по вступлении в права наследования, но до достижения совершеннолетия, им бы наследовал не отец, а братья-сестры, а за отсутствием таковых — все те же остающиеся на тот момент в живых кузены и племянники, наравне с отцом. На случай, если бы кто-либо из детей Кимберли вступил в брак и затем скончался бездетным до достижения совершеннолетия, супруг такого ребенка также не наследовал бы его состояния целиком, а только равную со всеми родственниками долю.

Абдулу такое перечисление возможных смертей всех наследников расстроило. Еще бы, получалось, эти неверные не столько боялись смерти, сколько интересовались ее юридическими последствиями!

Не понравилось ему и то, как свободно старый Тимоти обращался со своим огромным состоянием. Такое было вовсе не в обычае у миллиардеров: как правило, они прежде всего пеклись о сохранении и процветании своей империи, и в завещании наследниками назначали тех, кто, по их мнению — истинному или ошибочному, другой вопрос, — были наиболее способны этому содействовать. А Тимоти, не колеблясь, готов был разодрать свою «империю» на куски, лишь бы не обделить ни одного, даже самого никчемного, из огромной кучи своих родственников. Если же для Кимберли делалось исключение, то делалось оно именно для Кимберли, а не для империи. Правда, Тиму О'Рейли и тут, как всегда, повезло: вместе с деньгами внучка унаследовала все его таланты, и даже в превосходной степени, настолько, что, словно бы играючи и как будто не слишком занимаясь делами, она за четверть века более чем утроила состояние деда.

Но это казалось просто сказочным везением. Ничто заранее не указывало на то, чтобы Ким была хоть чуточку способнее содействовать

процветанию империи, нежели остальные члены семейства. Такой вот субъективизм со стороны старого Тимоти, и это, повторяем, Абдуле совершенно не понравилось.

Свадебный репортаж ему вообще надоел: дальше пошла бабья дребедень о нарядах невесты, нарядах подружек, церковном убранстве, свадебном обеде, — кто в чем был да что там ели... — Кстати, как там наш ужин? — А, еще полчаса... — Абдула снова поводил большим пальцем правой руки по сенсорной панели, вернулся в главное меню.

И там на глаза ему сразу попалась ссылка, — как это раньше не заметил? — «Наша тюрьма (телерепортаж)».

Больше всего его поражала скорость загрузки: без малейшей задержки, сразу за нажатием, открывались картинки, надписи, меню... Видеофайл мгновенно развернулся на весь экран и чуть не оглушил Абдулу неожиданно громким звуком музыкальной заставки. Впрочем, регулятор виднелся. Абдула укротил громкость и, в очередной раз подивившись: вот это техника! — принялся смотреть.

Да, это был телерепортаж, причем прямо из камеры Абдулы или из точно такой же.

— Хелло, я Эллис Пирсон, — прозвучал уверенный женский голос.

Ведущая, сухощавая блондинка, подтянутая и энергичная, как все американские телеведущие, говорила в большой микрофон, который держала в руке, очевидно, для имиджа: наверняка в какой-нибудь брошке-застежке был у нее микрофон почувствительнее, но если у нас репортаж, надо, чтобы зритель видел ведущего с микрофоном наперевес: так выразительнее. Впрочем, у Абдулы такие женщины вызывали прежде всего раздражение, как раз вот этим своим «имиджем»: нескромная уверенность движений, белый брючный костюм, — шариат не возбраняет женщинам носить шаровары, но только ради скромности под платьем, а эти — таскают брюки, а не шаровары, и вовсе не из скромности, а чтобы подчеркнуть, что ни в чем не уступают мужчинам. «Ну, а не уступаете, тогда не жалуйтесь! — со злостью подумал Абдула. — Будем вас убивать наравне с мужчинами».

— Мы с вами находимся, — глядя в экран, говорила тем временем ведущая, — в помещении, которое мисс Барлоу, директриса данного заведения, называет камерой, а свое заведение в целом — тюрьмой. Однако я должна признаться, — тут ведущая доверительно понизила голос, — что никогда в жизни не видела ничего, меньше похожего на камеру или на тюрьму...

Абдула вынужден был целиком с ней согласиться.

Дальше, двигаясь по камере с раздражающей Абдулу живостью, ведущая словно бы из любопытства стала трогать, щупать, показывать все то, что Абдула уже более-менее в камере изучил: монитор — включила и присвистнула: «Вот это скорость!» — вывела на экран обеденное меню: камера ненадолго показала его наплывом, — потом потрогала окошко для обеда, окошко для напитков между едой, вынула белый пористый стаканчик с чем-то, отхлебнула: «Вау, супер!» — поискав, нашла, куда

его выбросить, — Абдула прежде этой заслонки не видел; потом толкнула дверцу в ванную и осмотрела все, вплоть до унитаза, и даже слив нажала, бесстыжая, но душ пускать остереглась, не вовсе дура, а только кран и струйку геля, и комментировала, комментировала...

Абдула нехотя признал, что, будь он потупее, эти комментарии могли бы даже в чем-то ему помочь. Ну, как стюардесса в самолете показывает, как пользоваться дыхательным прибором при аварии. Только стюардесса при этом молчит, жестами обходится, а эта — трещит, не умолкая! — Абдула не вслушивался, но все же не отключался: мало ли что еще покажет... Ведущая тем временем, выйдя из ванной, подошла к шведской стенке, полазила по ней, поотгибалась, — «Вот обезьяна!» — буркнул Абдула, — побегала по дорожке с различной скоростью и все это время трещала, трещала без умолку, а потом, ступив на шаг влево от шведской стенки, приложила ладони к чему-то на стене и прижалась к ней всем телом. Постояла (молча!) несколько секунд, потом отступила, — телекамера тут же уставилась на появившийся на стенке человеческий силуэт и на ярко-зеленые цифры, возникшие там, где у силуэта виднелась голова.

— Вау! — снова испустила вопль ведущая. — Температура, частота пульса, давление! — Вот, значит, как тут это можно мерить, понял Абдула. — А можно еще смерить уровень сахара в крови! Попробуем?

Ведущая хитро улыбнулась зрителям, поднесла палец к невидимой отсюда точке справа от силуэта, тут же ойкнула, отдернула руку, но сразу торжествующе воскликнула:

— Сахар в норме!

Телекамера тут же подтвердила ее слова, показав новые зеленые цифры в окошке и надпись «Normal».

— А теперь, после спортивных занятий и медицинских процедур, не худо и отдохнуть! — воскликнула ведущая и бросилась на кушетку, тут же закинув ногу на ногу. — Удобно, ничего не скажешь! Можно лечь вот так... — Она положила голову на одно возвышение. — Или вот так... — Она ловко, одним движением перевернулась и легла головой уже на противоположное. — Но где же простыни?.. А, вот и они!

Опустив руку, ведущая как бы погладила стенку кушетки, и оттуда потянулась широкая, почти во всю длину кушетки, полоса того же салатового цвета. Ведущая, быстро-быстро перебирая руками, вытянула ее — край автоматически оборвался, — и завернулась целиком: получилось подобие спального мешка.

— Здорово! Очень мягко и гигиенично! А главное, постельное белье меняют каждый день!

Соскочив с кушетки, она сорвала с себя простыню, не удержавшись при этом от пары поз и жестов, напоминавших стриптизершу на подиуме: «Вот, как ни притворяется мужиком, а баба все равно есть баба!» — удовлетворенно хмыкнул Абдула. Впрочем, сценка с налетом эротизма продолжалась лишь одно мгновение: ведущая деловито скомкала простыню в огромный шар и ловко, носком ноги, не наклоняясь, протолк-

нула в заслонку в изножии кушетки: еще один мусоросборник, — отметил Абдула.

— Мне говорили, — доверительно продолжала ведущая, — что все это, и простыни, и полотенца, можно спокойно отправлять также в унитаз. Вода их со временем растворяет.

Абдула, собственно, так и думал.

— Но все-таки, — ведущая понизила голос и тоном заговорщика обратилась к зрителям: — Вы ведь наверняка уже давно себя спрашиваете: во сколько же все это обошлось?

«Вот именно!» — вслух воскликнул Абдула. Ему стало наконец интересно, а то бы еще чуть-чуть, и собирался выключить

— Давайте не будем гадать, а лучше спросим у самой основательницы и руководительницы этого бесподобного заведения, — ведущая сделала паузу, а потом воскликнула тем «фанфарным» голосом, каким объявляют номера во всяких шоу: — у мисс Кимберли Барлоу!

Абдула даже на мгновение удивился, что за возгласом не последовало никаких закадровых аплодисментов.

Телекамера отвернулась от ведущей и уставилась в прямую стенку, за которой Абдула уже видел сегодня мисс Барлоу. Дальнейшее не могло быть для него неожиданным: точно так же, как меньше двух часов назад, только в обратном порядке, по стенке неуловимо пробежала волна, — и все-таки он вздрогнул, когда вместо гладкой, солидной на вид салатовой поверхности появилась глухая пустота. Впрочем, пустоту немедленно заполнил яркий свет, заливший целиком все помещение, — а не конусом, как перед этим.

Помещение по форме выглядело, как вторая половина полукруглой камеры, в которой находился Абдула. Закругленная стенка была задрапирована темно-коричневой тяжелой тканью, складками ниспадавшей до пола и напоминавшей складки юбки, скрывавшей ноги мисс Барлоу во время предыдущей встречи. Пол и потолок «полукамеры» обтягивало ковровое покрытие того же цвета, но Абдула смотрел не на него. Ровно в центре «полукамеры», заметно дальше от кушетки, чем два часа назад, за массивным полированным столом овальной формы и с глухой передней стенкой сидела мисс Кимберли Барлоу. Цвет полировки напоминал цвет драпировки и покрытия, того же цвета было наглухо застегнутое платье с длинными рукавами, и только белое лицо мисс Барлоу и белые ее ладони выделялись на фоне окружающего. Юбку, скрытую столом, Абдула видеть не мог, но был уверен все равно, что платье то же самое: действительно, не станет же она менять из-за меня туалеты, — подумалось ему какими-то посторонними для него словами. Впрочем, как всякий настоящий мужчина, а не «бабник», Абдула не слишком обращал внимания на женские «туалеты»...

— Мисс Барлоу, — продолжала ведущая уже обычным голосом, и телекамера, мельком скользнув по ней, уставилась прямо в «эту ведьму»: иначе ни говорить, ни думать про эту женщину Абдула уже не мог, —

прежде всего хочу поблагодарить вас за любезное приглашение посетить ваше заведение... («Тюрьму», — негромко, но отчетливо поправила ее мисс Барлоу). — Да-да, тюрьму... Но даже транспорт, каким нас сюда доставили, ничем не напоминал тюремный фургон. Во-первых, это был вообще не фургон, а вертолет, но какой! В жизни не видела таких вертолетов: нас совершенно не трясло, и было так тихо — для вертолета тихо, разумеется, но так необычно!

«А что тут обычно?» — хмыкнул про себя Абдула.

— Но что удивительно, — говорила ведущая, а телекамера, как всегда, внимательно следила за живыми ужимками ее подвижного лица, — там не было никаких окон, ни щелочки! Так что мы не могли увидеть, где мы пролетали и как выглядит эта... тюрьма снаружи, ровным счетом ничего!.. Кстати, здесь, — голос ведущей прозвучал так удивленно, словно она только что это заметила, — здесь тоже нигде нет никаких окон: сплошные стены!

Следуя за ее жестом, телекамера прошлась по кругу: сперва салатовые стены, потом коричневые, и окон не было нигде, — даже того окна, которое еще светилось за спиной у Абдулы вечерним светом, не было видно, — а в «коричневой» части к тому же не было и вовсе ничего, кроме стола мисс Барлоу, никаких предметов обстановки, вовсе никаких предметов, и только на столе рядом с ладонями мисс Барлоу лежала в одиночестве, подчеркивавшем ее значение, какая-то внушительная грамота пергаменного цвета: лицензия на право содержать частную тюрьму, наверное! Да, так оно и было: наплыв, камера задержалась на грамоте несколько секунд, но ухватить хотя бы ее суть могли успеть разве что самые продвинутые любители скорочтения.

— В камерах для заключенных, в частности, в той, где вы сейчас находитесь, окно имеется, — подала голос мисс Барлоу. — Они-то, заключенные, смогут вволю любоваться окрестностями тюрьмы, весьма живописными, поверьте мне на слово. Правда, только в одиночестве. В присутствии посторонних окна закрываются, вот как сейчас...

Камера безошибочно повернулась в сторону оконного проема, который только выемкой, но не цветом, выделялся на остальной поверхности стены.

Так, значит, и окно у них прозрачно-непрозрачное... А что еще тут, интересно, бывает непрозрачным... и прозрачным? Догадавшись, что прозрачным тут может оказаться практически все, Абдула поежился: он живо себя представил подвешенным в прозрачном, как аквариум, пространстве...

Ведущая тем временем приблизилась к окну, потыкалась в него пальцем, недоуменно повела плечами и снова повернулась к мисс Барлоу:

— Но почему?.. — она не договорила свой вопрос, выжидательно замерла.

— Потому что сюда предполагается значительный поток посетителей, и вовсе не нужно, чтобы они знали, где именно расположена эта тюрьма. Гарантии безопасности, знаете ли...

— То есть вы собираетесь всех посетителей доставлять сюда, как и нас, в закрытых вертолетах?

— Или автобусах, — кивнула мисс Барлоу, — но точно так же закрытых. Повторяю, из соображений безопасности.

— Но позвольте, — голос ведущей источал недоумение. — Не думаете же вы, что с помощью занавешенных окон сможете надолго удержать в секрете месторасположение вашего... вашей тюрьмы?! При современных средствах слежения!.. Опять-таки, куча народу осведомлены, где именно находится тюрьма: охрана, персонал, судебные чиновники, члены всяких комиссий... — ведущая кивнула на лицензию. — Если кто-то задастся целью выяснить, к его услугам, кроме средств слежения, также подкуп, шантаж, угрозы!..

— Ну, разумеется, я не рассчитываю сохранить надолго свое топографическое инкогнито... — мисс Барлоу слегка улыбнулась, чему Абдула даже не сразу поверил. — Но, во-первых, — продолжала она спокойно, — я совсем не хочу облегчать жизнь тому, кто задался бы целью разыскать мое... «заведение», — она снова иронично улыбнулась. — Пусть ищет, пусть тратит время, деньги и усилия. Пока он тратит их на поиски, чья-то жизнь остается в безопасности... — Мисс Барлоу умолкла. Затем продолжила после короткой паузы: — А во-вторых, вы сами упомянули шантаж и угрозы. Так вот, я хочу оградить от них и вас, и прочих посетителей. Пока вы ничего не знаете, нет смысла вам угрожать и шантажировать.

— Спасибо, конечно, — отозвалась ведущая, — но персонал и прочий осведомленный люд никак не застрахован?

— Персонал и прочий «осведомленный люд» знали, на что шли, поступая на службу и подписывая контракт, и, с одной стороны, принимают соответствующие меры предосторожности, а с другой, — получают соответствующее вознаграждение. Что до членов комиссий, все они доставлялись сюда точно так же, как и вы. Это, собственно, входило в круг их обязанностей: проверить все, вплоть до способов транспортировки. И, судя по результатам, — Кимберли повела ладонью в сторону лицензии, — способы транспортировки их удовлетворили.

— Ну, хорошо, — ведущая собралась с силами для новой атаки: — члены комиссий удовлетворены, персонал получает соответствующее вознаграждение, — наверное, не стоит спрашивать, какое?..

— Нет, почему же! — откликнулась мисс Барлоу. — Вся финансовая сторона нашего предприятия совершенно прозрачна! Вы сможете, как только захотите, получить доступ к любой интересующей вас информации. Но, разумеется, кто сколько конкретно получает, я наизусть не помню.

— Да, разумеется, — согласилась ведущая, — спасибо. Но ваши работники не возражают против такой прозрачности, хотя бы в части их вознаграждения?

— Нет, не возражают. Это оговорено в контракте, и такое неудобство тоже покрывается размером их вознаграждения.

«Ну, стерва! — полувосхищенно выдохнул Абдула. — На все готов ответ!»

На ведущую манеры мисс Кимберли тоже, по-видимому, произвели впечатление, но профессиональный навык взял свое, и она продолжила атаку:

— Ну, ладно, — она легонько тряхнула головой. — Мотивы ваших служащих понятны. Но можно вас спросить, что движет лично вами?.. Может быть, месть?..

— Месть? — Кимберли улыбнулась не без иронии. — Вы серьезно? Я им спасаю жизнь, я помещаю их в такие вот условия, — она провела ладонью в круговом движении, — и это все вы хотите приписать мести?

Ведущая, как видно, не нашла прямого возражения и потому приотступила и зашла с другой стороны:

— Да, условия... Раз уж ваши финансы полностью прозрачны, то не могли бы вы сказать, ну, в целом, без деталей, во что все это обошлось... И кто покрывает все эти расходы?

— Могу, — спокойно кивнула Кимберли и продолжала: — Расходы покрываются за счет созданного мною на мои собственные средства специального частного фонда. Налогоплательщики не тратят на это все ни цента. При этом покупка участка, проектирование, строительство, закупка материалов и оборудования обошлись... — Она спокойным голосом назвала очень крупную сумму. — Ежегодно на содержание тюрьмы, включая зарплату персонала, транспорт, коммунальные услуги и все прочее, предусмотрен бюджет в... — Она тем же ровным спокойным голосом назвала вторую крупную сумму.

Абдула хмыкнул в знак удивления, но больше потому, что просто ждал от себя подобной реакции: любой бы хмыкнул на его месте. На деле Абдула не слишком удивился. Во-первых, он и заранее знал, что речь пойдет об очень крупных суммах, а во-вторых, названные цифры были для него чистой абстракцией. Он прекрасно чувствовал разницу между одним долларом и десяткой, между десяткой и сотней, между сотней долларов и тысячей и между тысячей и десятью тысячами долларов. Это были реальные вещи, с которыми все время приходилось иметь дело, и разницу он чувствовал, что называется, кончиками пальцев. О разнице между десятью тысячами долларов и сотней тысяч он мог судить хотя бы теоретически, поскольку слишком далеко за десять тысяч долларов его личный опыт не заходил. Но разницу между сотней тысяч и миллионом долларов он воспринимал уже чисто умозрительно, а дальше — все терялось в соблазнительном тумане. Один миллион долларов или же восемьсот, Абдула практической разницы не ощущал. Он твердо знал, что ему лично одного миллиона хватило бы за глаза. Ну, двух миллионов. По миллиону на глаз. Особенно в той стране, откуда он сюда приехал...

Ведущая тоже, как и Абдула, нашла нужным изобразить изумление. Наверняка за сумму в десять тысяч долларов ей приходилось забираться немногим чаще и ненамного дальше, чем Абдуле (не на канале CNN работала!):

— Ва-ау!.. — в негромком восхищении выдохнула она. — На такие деньги можно открыть хоть целую сеть гипермаркетов! — но тут же осеклась: — Ой, простите, мисс...

— Ничего-ничего, — успокоила ее мисс Барлоу. — От слова «гипермаркет» я в обморок не падаю...

«Да в обморок ты ни от чего не падаешь!» — со злостью подумал Абдула.

— Но, раз уж мы заговорили о гипермаркете, — ведущая как бы запнулась, — вы позволите спросить?

Мисс Барлоу ободряюще кивнула, и ведущая продолжила:

— Что привело вашу мать в гипермаркет в тот ужасный день? Разве люди... — легкая заминка, — вашей категории...

«Миллиардеры, значит», — уточнил про себя Абдула. Ему вдруг в первый раз подумалось, что это ведь неслыханная удача, что под практически случайный взрыв попалась настоящая миллиардерша! — Но что-то в нем противилось признать удачей такое неслыханное совпадение: миллиардерша в гипермаркете и бомба. Да, что ни говори, а интуиция, — он бы сказал: «чутье», — у Абдулы была...

Все это промелькнуло у него за то мгновение, пока ведущая заканчивала свой вопрос:

— Разве люди вашего класса делают покупки в гипермаркетах?

— Вы правы, — согласилась мисс Барлоу, — люди моего класса очень редко делают покупки в гипермаркетах. Но в тот ужасный день... — голос у нее впервые дрогнул, но только на мгновение: — в тот день мама приехала не покупать... Напротив, мама собиралась продать этот гипермаркет. Она приехала на переговоры с покупателем. Ей захотелось напоследок самой предварительно посмотреть, как там и что... Она приехала за полчаса до встречи...

Мисс Барлоу замолкла, но тут же, только чтобы не затягивать молчания, пояснила:

— Да, гипермаркет принадлежал маме, но больше в этом штате у нас ничего не было, и она решила избавиться от лишнего анклава...

— А теперь в этом штате у вас есть тюрьма, которую вы решили построить вместо гипермаркета.

— Да, это, если угодно, моя частная тюрьма. Законодательство штата это разрешает.

— Частная тюрьма с бюджетом сети гипермаркетов... Простите, мисс Кимберли, а вы не боитесь, что с таким бюджетом ваша тюрьма окажется, как бы это сказать, чрезмерно привлекательной?

— То есть не могут ли найтись придурки, которым так сюда захочется, что они станут совершать ради этого теракты?

— Ну, не совсем ради этого, конечно, однако перспектива попасть не на электрический стул и даже не в обычную тюрьму, а вот сюда может кое-кому облегчить вступление на путь терроризма.

— Нет, — решительно возразила Кимберли. — Во-первых, терроризм — это не путь, это тупик. А во-вторых, именно это и будет демон-

стрировать моя тюрьма. Может быть, не сразу, но со временем поймут даже самые тупые.

— «Со временем»? — не без сомненья в голосе протянула ведущая. — А сколько может понадобиться времени?

— Не думаю, что слишком много, — отвечала Кимберли. — Я ведь все это завела не для того, чтоб их побаловать... — Абдула снова, уже в который раз, поежился от ее слов. — Они, как вы увидели, не будут тут испытывать ни малейшего физического дискомфорта... — Ведущая кивнула. — На этом фоне душевный дискомфорт скажется гораздо быстрее. Уверена, никто из них не сможет выдержать слишком долго...

Кимберли умолкла, телекамера крупным планом показывала ее решительное лицо.

«Вот тебе "не выдержу"!» — Абдула сделал в ее сторону неприличный жест и выключил монитор. Хватит смотреть всякую дребедень, ужинать пора!

Абдула выдержал два года и четыре месяца. Много это или мало? — Как оценить, пока не выработано никакой шкалы? Ведь Абдула был первым, с кого все началось, и только ради этого ему было обеспечено место в энциклопедиях: как террорист он выделялся не настолько. Возможно, догадайся он сейчас об этом, место в энциклопедиях ему бы польстило и даже слегка утешило, но ни о чем он не догадывался. Все его мысли теперь были заняты ужином. До девяти, конечно, еще далеко, но так другой раз на что-нибудь засмотришься — и жуй потом булочки вместо ужина! — сладкого на голодный желудок Абдула терпеть не мог, а манеру американцев злоупотреблять кленовым сиропом и поливать медом даже жареных цыплят вообще ненавидел.

...Получив свой поднос, Абдула снова включил монитор и стал искать себе кино. Нашел, включил и потом все время ужина и еще долго после наслаждался любимым с детства фильмом «Бродяга» с Радж-Капуром[12], подпевая сквозь набитый рот: «Авара му, у-уу-у, авара му!»[13]

III

Абдула выдержал два года и четыре месяца. Первый день из этих примерно восьмисот пятидесяти закончился у Абдулы легко: поужинав

---

[12] Радж Капур — знаменитый индийский актер и постановщик начала второй половины прошлого века. Его самые популярные фильмы — «Бродяга» и «Господин 420». Во втором не без юмора и забавных приключений показана история со счастливым концом плутоватого авантюриста, что до фильма «Бродяга», его содержание вполне адекватно передается в известной блатной песенке: «Вон там, на горе, в белом доме, — Суровый живет прокурор, — Он судит воров беспощадно, — Не зная, что сын его вор!»

[13] «Бодяга я, а-аа-а, бродяга я!» (*хинди*): припев песенки Раджа из фильма «Бродяга». Персонажи Раджа Капура, как и Чарли Чаплина, которому он заметно подражал, неизменно носили его имя: «Радж».

и досмотрев кино, он постоял под теплым душем: дневное стремительное купание оставляло чувство незавершенности, — поискав, где бы взять новую одежду, не нашел и остерегся выбрасывать «пижаму» в унитаз: ничего, завтра, наверное, найдется, успокоил он себя, насухо вытерся, натянул трусы с майкой, вышел из ванной, завернулся в простыню, как показала ведущая, и улегся, не беспокоясь о свете: в той, прежней камере свет на ночь тоже не выключали, к тому же здесь он был гораздо мягче. Поэтому, растянувшись поудобнее и мысленно повторив неприличный жест в сторону мисс Барлоу, Абдула спокойно уснул.

Наутро Абдула проснулся вовсе не от самолета, а просто потому, что выспался. Часы показывали 07.45 AM, а тело — что прекрасно отдохнуло. Не слишком мягкая на первый взгляд кушетка оказалась куда удобнее слежавшегося матраса из прежней камеры, а свежий воздух всю ночь и превосходная пища накануне наполняли организм энергией и бодростью. Стремительно вскочив с кушетки, Абдула расправился с простыней, мимоходом двинул руку в неприличном жесте в сторону «этой стервы», т. е. в сторону прямой стены, по-прежнему салатовой, и направился в ванную. На «стуле», там же, где вчера, лежала свежая стопка одежды. «Вот это да!» — присвистнул Абдула и, завершив свои дела с унитазом, не без удовольствия полез под душ. Быть все время чистым было непривычно, но очень приятно. Когда, помытый и одетый в чистое, — носков на этот раз решил не надевать, — Абдула выходил из ванной, на часах было уже 08.20, но Абдула не беспокоился: он так понимал, что завтрак до девяти надо только успеть получить, а съесть совсем не обязательно: ведь не отнимут же! Впрочем, слегка и беспокоился: отнять, конечно, не отнимут, но вдруг поднос назад не протолкнется, и тогда что, могут обеда не дать? — Подвергать риску свой желудок не хотелось. Ну, ладно, время все равно есть, посмотрим, что там? — А там на мониторе пульсировала надпись в четыре строки: «Американский завтрак — Английский завтрак — Французский завтрак — По выбору».

«По выбору» — жаль, разбираться времени нет. «Американский» завтрак, — небось, оладьи с кленовым сиропом и жутким кофе: спасибо; «Английский» — это что, яичница с беконом? — Абдулу передернуло. Оставался только завтрак по-французски, что значит круассан, немного джема, может быть, кусочек плавленого сыра, стаканчик сока и, наверняка, приличный кофе. Немного, но в такую рань есть все равно не хочется.

Поднос с французским завтраком Абдулу не разочаровал, таким и был, как ожидалось, только еще наряду с кофейником имелся там и чайничек на выбор.

Прежде чем приступить к еде, Абдула покопался в меню на мониторе: нет ли каких-нибудь новостей? И, не слишком удивившись, нашел: информационных каналов там имелось множество. Включив сначала Си-эн-эн — никаких терактов нигде сегодня не было, — потом спортивную программу, Абдула принялся за круассан. Ел не торопясь, с удовольствием, но все равно уложился в срок и протиснул поднос под

заслонку, когда часы показывали без одной минуты девять. Так, и что теперь?

...Да, самолеты за это время пролетали — раз или два, и Абдула с приятным удивлением подумал, что почти не обращает на них внимания: привык, наверное, а может, звукоизоляцию включили... — Как бы там ни было, но солнечное утро, вымытое тело, чистая одежда и вкусный завтрак внушали бодрость, да еще эти придурки, «Чикаго Криденс», кажется, наконец-то побеждают! — Ну вот, смотри-ка, вот еще один рывок... — монитор неожиданно погас, рев болельщиков и голос комментатора исчезли.

Словно в каком-то неимоверно отчетливом «дежавю» Абдула уже знал, что за этим последует. И не ошибся. В наступившей, от внезапности глубокой, тишине прозвучал спокойный, знакомый, но оттого ничуть не менее противный голос:

— Абдула! Абдула! Почему ты убил мою маму?

Абдула оглянулся почти против воли. Да, все как вчера. Вместо салатовой стены — черная поверхность, а за ней, в конусе желтоватого света, только в этот раз стоя, но в том же темно-коричневом платье она, Ким Барлоу. Смотрит, не мигая, на Абдулу и повторяет свой вопрос:

— Почему ты убил мою маму?

Свет гаснет, конус исчезает, но Абдула не успевает перевести дух, как тут же в другой части «зазеркалья» (дурацкое слово из их дурацкой сказки, но подходит!) зажегся новый конус, а в нем — парнишка в ковбойке и в коротких штанишках, невысокий, щуплый. Он смотрит на Абдулу и говорит:

— Я — Джонни, Абдула, Джонни Карр. В тот день мне исполнялось десять лет, и мама хотела мне купить... — мальчик сглотнул. — Но она ничего мне не купила, потому что ты убил ее. Абдула, почему ты убил мою маму?

Абдула не знал, что отвечать, да он и не успел бы ответить, если бы даже знал: конус погас, и Джонни исчез, как исчезла перед этим Ким Барлоу, но тут же зажегся следующий, и оттуда раздался такой же вопрос: «Абдула, почему ты убил...» И снова, и снова: конусы гасли и вспыхивали один за другим в разных концах «зазеркалья». Абдула, как завороженный, еле успевал вращать головой из стороны в сторону, и отовсюду доносились одни и те же вопросы: «Абдула, почему ты убил мою маму... мою девушку... моего мужа... брата... жену?..»

Сколько времени это будет продолжаться? — Абдула отвернулся: не буду, не буду смотреть! — А куда еще смотреть? — монитор погас, окно наружу стало непрозрачным, и только индикатор обещанных напитков с булочками продолжал успокоительно светиться. Абдула, сам не зная, что делает, нажал: приподнялась заслонка, возник стаканчик с кофе, Абдула схватился за него и тут же услыхал:

— Что, вкусный кофе, Абдула?.. Моему Билли кофе по-турецки тоже очень нравился... Только он больше никогда не выпьет кофе по-турецки, потому что ты его убил. Почему ты убил моего Билли, Абдула?

Не дослушав, Абдула швырнул свой кофе на пол, кофе разлился, и тут же пол, со всхрюком-всхлипом, всосал в себя всю жидкость без остатка, и только стаканчик остался лежать на салатовой поверхности. «Точно, как в ванной!» — почему-то с ужасом подумал Абдула и посмотрел в ту сторону: стенки у ванной не было! То есть она была, но стала вся, вместе с дверцей, совершенно прозрачной! — и значит, там не спрятаться, подумал обреченно Абдула. Недоступным взору оставался только унитаз, который заслоняла оставшаяся непрозрачной часть стены. Но сколько можно проторчать на унитазе? — целый день не просидишь (а что-то очень определенно произнесло у Абдулы в душе: «Не целый день. Всю жизнь»).

Абдула сел напротив погасшего монитора спиной к «зазеркалью», зажал голову в ладонях и постарался ничего не слышать.

«Значит, вот она что придумала, эта ведьма! Так и будут день и ночь жужжать мне в уши: Абдула! Зачем ты убил моего Джонни, Абдула!..» — Абдуле пришла на память история, которую рассказывал когда-то грузин Гизо.

Грузин Гизо работал на карьере, где добывали камень для строительства, кладовщиком: выдавал Абдуле заряды аммонала для взрывных работ, поскольку Абдула устроился туда подрывником в надежде раздобыть побольше взрывчатки.

Аммонал, конечно, барахло по сравнению с той, например, взрывчаткой, которую они использовали для взрыва гипермаркета. Но если его будет много, целый грузовик, то сгодится и аммонал. Можно подорвать, к примеру, развязку автострады в часы пик: Абдула даже место тогда присмотрел, на выезде из... — имя города по привычке проглотил, незачем говорить, даже мысленно, может, еще когда пригодится, — там пересекалось сразу четыре крупных автострады, многоуровневая развязка на плане лепестками расходилась во все стороны, а в самом низу — как раз возле опор — можно съехать на аварийную полосу, включить аварийную сигнализацию, постоять минутки три, поголосовать: якобы надо по спецтелефону техпомощь вызвать, — потом кто-то — свои, естественно, — подберет, отъехали на километр, нажали кнопку, и!.. — Абдула так живо представлял себе огненный цветок взрыва, падающие опоры и как проваливается дорожное полотно, да не одно, четыре уровня! — и десятки, сотни машин, не успевая затормозить, толкают одна другую и срываются в это бушующее пламя пополам с черным облаком дыма и пыли, потом, конечно, это будут многократно повторять по всем каналам: найдется непременно какой-нибудь любитель, который совершенно случайно окажется на просто замечательной позиции с готовой видеокамерой и успеет все заснять. Ха, знаем мы таких любителей! Да, мы хорошо их знаем... Но снято будет замечательно: паника на лицах сквозь лобовые стекла, ревут клаксоны, — это гораздо лучше просто взрыва, когда большинство гибнет, не успев даже понять, что происходит: нет, большинство здесь очень хорошо будет понимать, что с ними происходит!.. Welcome to ад, гяуры!

Но разжиться грузовиком с аммоналом на карьере не получилось, — обычно безалаберных американцев после 11 сентября как подменили, и ни о малейшем доступе к запасам аммонала не приходилось и мечтать: грузину Гизо привозили на карьер ежедневно ровно столько зарядов, сколько необходимо для сегодняшних работ, что значит полтора-два десятка, и ни одним зарядом больше. А где находится центральный склад, откуда это привозили, не полагалось даже спрашивать. Поэтому Абдула, поработав три месяца, уволился оттуда, но с грузином Гизо успел сойтись.

Они там все жили в общежитии при карьере и душными вечерами собирались на террасе маленького карьерного кафе-буфета. Завтраки-обеды тоже происходили тут. Это был единственный центр досуга и развлечений на двадцать миль вокруг, и те, кому было лень тащиться за двадцать миль в ближайший городок, сидели тут, пили пиво, играли в дартс, смотрели телевизор... Абдула тоже пил холодное пиво со всеми: во-первых, не стоит выделяться, во-вторых, очень уж хотелось, а главное, пива Коран не запрещает, это же ячмень, а не виноградный сок! (Насчет Корана и ячменя Абдула, конечно, биться об заклад не стал бы, но большой необходимости в углубленных богословских изысканиях по данному поводу не видел.)

Грузин Гизо, круглолицый полноватый курчавый брюнет лет пятидесяти, английским владел неплохо, хотя и со страшным акцентом, но поговорить любил, и акцент ему не мешал, как не мешал и собеседникам: никто ведь особо к его разговорам не прислушивался! По словам Гизо, прежде, при коммунистах, и потом, при Шеварднадзе, он занимал у себя в Грузии очень неплохое положение, но дальше у него там что-то не сложилось, и вот пришлось перебираться в Штаты, а здесь он застрял на должности кладовщика: карьера не ахти, но все же сыт, одет, и работа не пыльная... — Гизо слегка прокашлялся: «не пыльной» в буквальном смысле слова здесь, на карьере, никакая работа не была. — Конечно, здесь не Грузия, но что поделаешь!..

— Так ты откуда, говоришь? — переспросил кто-то из ребят за столом.

— Из Грузии! — с гордостью отвечал Гизо. — I'm from Georgia!

— Нау, boy! — радостно осклабился огромный негр, недавно поступивший на работу, и полез обниматься с Гизо: — I'm from Georgia too!

Гизо вытаращил глаза: не сразу до него дошло, что негр не претендует на грузинское происхождение, а имеет в виду американский штат Джорджия, который по-английски пишется и произносится точно так же: Georgia — «Джорджа».

Гизо стал торопливо объяснять, что он не из американской Джорджии, а из настоящей, которая на Кавказе, но почти никто из работников карьера ни про какую другую «Джорджию», кроме американской, и слыхом не слыхал, и потому Гизо с этой минуты превратился для ребят в какого-то «человека ниоткуда»... Абдула, в отличие от американцев, про Грузию слыхал, его страна располагалась не слишком далеко оттуда, и пару-тройку веков назад его предкам случалось даже воевать с грузинами, так что при нынешнем раскладе они с Гизо получались почти

что земляки. К тому же перспектива грузовика с аммоналом тогда еще не растворилась окончательно, и Абдула сошелся с оказавшимся в своеобразной изоляции кладовщиком поближе. Гизо и до того вообще-то находился в каком-то промежуточном положении: ни работяга, ни начальник. Немногочисленное начальство начиная с мастера по вечерам на карьере не задерживалось, разъезжалось по окрестным городкам. А кладовщик, хотя и оставался: своего жилья в окрестностях у него не было,— однако, что ни говори, но слиться с кланом работяг окончательно не мог, тем более сейчас, когда вдруг всплыло его какое-то непонятное происхождение. Поэтому Абдула оказался для него желанной отдушиной. Что ни вечер, они встречались за холодным пивом, и Гизо, изрядный говорун, рассказывал смешные анекдоты и разные потешные истории из своей прежней грузинской жизни. В частности, вот эту, которая сейчас пришла на память Абдуле.

Благодаря своему «очень неплохому положению» Гизо нередко приходилось ездить по Грузии в служебные командировки, где принимали его, в силу того же «положения», тоже весьма неплохо. Грузины, впрочем, и вообще славятся своим гостеприимством, Абдула об этом знал и сообщить о том не преминул, чем вызвал радостную улыбку у Гизо, но все равно, человека «с положением» всюду принимали с особенным почетом.

— Of course! — кивнул согласно Абдула, еле удержавшись, чтобы не сказать: «Канешна!»: выдавать свое хотя бы шапочное знакомство с русским языком не годилось.

После короткой паузы, во время которой, очевидно, посмаковал воспоминания о своем прежнем «положении», Гизо продолжил свой рассказ.

В тот раз он приехал в отдаленную область Грузии, в Хевсуретию: отдаленную не потому, что далеко, от столицы там едва за сотню километров, но потому, что туда дорога трудная: «Там такие горы высокие, знаешь?» — и Гизо показал руками, какие там высокие горы. Строительный карьер, вообще-то, тоже располагался практически в горах, и Абдула обвел глазами открывавшийся с террасы горизонт, но Гизо, проследив за его взглядом, только пожал плечами: понятно, что эти отовсюду обступившие карьер невысокие, желтоватые, скалистые, почти лишенные растительности горы по сравнению с Кавказскими горами все равно, что табуретка.

Так вот, там, на Кавказских горах, Гизо оказался свидетелем необычайнейшего происшествия, впечатление от которого не изгладилось у него и по сей день. Случилось там убийство, а надо признать, при коммунистах убийства случались не так уж часто, подчеркнул Гизо: будучи при коммунистах «человеком с положением», Гизо и сам, несомненно, состоял в коммунистической партии, но заострять на этом внимания не стал. В конце концов, тогда все состояли... — Абдула понимающе кивнул: говори дальше!

В убийстве заподозрили «кровника» убитого, что значит человека, находившегося с ним в кровной вражде, все еще тлевшей кое-где в этих отдаленных районах.

«Кровник», однако, не признавался; милиция его задержала, но скоро отпустила: «допрос с пристрастием» он выдержал, а никаких улик против него не было.

И вот тогда его решили подвергнуть особому испытанию. Имелось там у них святилище, — Гизо описал, полуразрушенная часовенка на вершине горы, даже креста на ней не сохранилось, только люди приносили свечки и зажигали, прилепив прямо к каменной стене, кто внутри часовенки, а кто и снаружи, с подветренной стороны. Два раза в год там справлялся также местный религиозный праздник в честь святого Георгия: известное дело, Грузия — Георгия![14] Праздник заключался в том, что все собирались на полянке у подножия часовни, резали быков и баранов — столько, что там пониже речка вся красная была от крови! — Гизо взмахнул руками. — Люди собирались со всей округи, и даже из Тбилиси приезжали. Потом жарили шашлыки, пили местную водку «жипитаури» и пиво: виноград в Хевсуретии, понятно, не растет, высоко, вина нет, зато ячмень растет, и пиво у них очень хорошее, из ячменя, — и Гизо с Абдулой чокнулись баночками: здесь пиво тоже неплохое.

— А священника нет? — спросил Абдула.

— Ты что! — воскликнул Гизо. — Священников там при коммунистах три поколения людей в глаза не видело! Сейчас, наверное, появились...

Гизо приумолк, призадумавшись над сравнительными достоинствами и недостатками коммунистической власти и нынешней. Общий вердикт, очевидно, он все-таки вынес в пользу коммунистов. «Все равно, народ веру не забывал, жертву приносил!» — почему-то зарезать и съесть быка или барана у них считалось «жертвой». Впрочем, на родине Абдулы тоже справлялись сходные обычаи, только что пива при этом не пили.

— А зачем целого быка резать? — поменял тему Абдула: священники его, в конце концов, не очень интересовали. — Мяса же много останется.

— Ну, бычок молодой, небольшой... — объяснил Гизо. — И потом хевсуры, знаешь, как едят? Одного бычка вчетвером съедают! Горцы, они же великаны!..

---

[14] Не только два, но даже три праздника в году в честь св. Георгия в Грузии не редкость: во-первых, справляется общецерковный праздник св. Георгия 23 апреля по старому стилю, затем общегрузинский праздник — колесование святого великомученика Георгия 10 ноября по старому стилю, и наконец, во многих святилищах, посвященных св. Георгию, справляются местные престольные праздники. (В Католической Церкви память св. великомученика Георгия справляется 23 апреля по старому либо по новому стилю, в зависимости от принятого в данной поместной Церкви календаря.) Какие именно два праздника справлялись в Хевсуретии, Гизо не сообщил, поскольку, очевидно, сам не знал (слишком пристально интересоваться религиозными делами людям «с положением» в те времена не полагалось). Можно предположить, что это были общецерковный (по новому стилю — 6 мая) и какой-то местный, поскольку в конце ноября (23 число по новому стилю) в горах уже довольно холодно для празднования под открытым небом.

Абдула спорить не стал, плечами пожал: великаны так великаны. Кто его знает, может, и великаны.

— Да ты слушай, слушай! — горячо продолжал Гизо. — Я же не про праздник тебе рассказываю!

— Да я слушаю! — подтвердил Абдула и открыл новую баночку пива.

— Вот часовня, да? («It's the chapel, yes?») На вершине горы стоит. — Гизо изобразил руками гору. — И туда тропинка ведет, прямо по гребню горы, — вот так, видишь?.. — он провел правой рукой вдоль продолжавшей изображать склон левой. — И там вдоль тропинки, по краям, люди стоят, вся деревня, много людей!..

— Что, все время стоят? — не понял Абдула.

— Почему «все время»? — в свою очередь не понял Гизо. — Не все время, когда надо, тогда стоят. Потому что это не простая часовня. Там каждый человек правду говорит!

— «Детектор лжи», да? — усмехнулся Абдула.

— Не веришь? — возмутился Гизо. — Я сам видел, вот послушай!

— Да я слушаю! — повторил Абдула и пододвинул к Гизо новую баночку пива: платили они обычно по очереди, но Гизо все же чаще. Баночку он взял, но тут же, не открывая, отставил: не до пива пока что.

— Вот смотри, люди вдоль дороги стоят, а этого человека привели, и он должен среди них пойти, до часовни подняться.

— Что, насильно привели?

— Нет, почему насильно! Он же говорит, что ни в чем не виноват! Вот пусть пойдет и докажет!

— Значит, он согласился?

— Конечно, согласился! Ему же с этими людьми жить, как не согласишься?

Ну да, кивнул Абдула. На «детектор лжи» тоже многие соглашаются. По сходным причинам.

— Значит, чтобы себя обелить, достаточно подняться к часовне по тропинке и ни в чем не признаться?

— Вот именно! Только медленно надо идти, таким медленным шагом, а люди вокруг, пока идешь, говорят тебе: «Признавайся! Признавайся! Сними с себя кровь! Признавайся!»

— И вот, — я сам это видел, меня тоже позвали... Он идет, медленно так, но как будто спокойно, а люди вокруг: «Признавайся! Скажи! Сними с себя кровь! Сними! Сними!» — Гизо, заметно волнуясь, даже произнес несколько слов по-грузински: «сисхли моихсен, сисхли, сисхли!» — потом схватился за банку, но тут же выпустил. — «Скажи, признайся, скажи!» Там все стояли, старики, женщины, мужчины, и дети тоже, и все говорили: «Скажи, признайся! Скажи, скажи!» — Гизо перевел дыхание, затем продолжил: — И вот, я говорю, я сам это видел, другие бы рассказали, не поверил: он шел сперва так спокойно, да? А потом все тише, тише, все медленнее... И вот, даже до часовни не дошел, прошел только половину дороги, ну, может, немного больше половины, но до часовни не дошел — и вдруг как остановился! Как упал на колени! И как зак-

ричит: «Да, я убил! Я!» — Гизо откинулся на стуле, в упор посмотрел на Абдулу: — Представляешь? — и схватился за пиво.

Выдув почти всю банку зараз, он опустил руку с пивом и снова уставился на Абдулу. От волнения и от пива его глаза заблестели.

— И что потом? — спросил Абдула.

— Ну, что потом... Потом его милиция забрала, увезла.

«Потом» Гизо уже не слишком интересовало, про «потом» он рассказал равнодушным голосом.

— Нет, ты понимаешь? — снова встрепенулся Гизо. — Он же знал, что его арестуют, посадят на пятнадцать лет, вообще хорошо, если не расстреляют! И все-таки признался! Я сам видел... — Заметно было, что делится Гизо одним из самых сильных впечатлений жизни. — Он же милицейский допрос выдержал! А тут признался...

«Э, какой там был в деревенской милиции "допрос"! — хмыкнул про себя Абдула. — Ну, поколотили по ребрам сапогами, ну, разве что еще слегка по почкам... А потом устали и отстали. Небось, даже на бутылку посадить не догадались... Они же там к тому же все родственники в этих деревнях. Кто там захочет "кровника" нажить? Нет, настоящего допроса он не видел, *настоящего* допроса не выдержит никто...» — со знанием дела заключил Абдула.

«Но все-таки признался ведь, даже без настоящего допроса?» — неприятно шевельнулось что-то в голове уже у нынешнего Абдулы. «Э, слабак он был, вот и признался! — чуть не вслух воскликнул Абдула. — Я не слабак, да мне и прятать нечего: конечно, я убил! И еще убью!»

Он соскочил со своего сиденья и свирепо повернулся к прозрачной стенке. За ней стояла тьма: «завоспоминавшись», он даже не заметил, когда там смолкли голоса, и самолет как будто пролетал, а он не обратил внимания.

Стоило Абдуле повернуться, как тьма стала наполнятся все тем же желтоватым светом, и вскоре он, становясь постепенно все ярче, заполнил помещение. Там находилось двадцать или тридцать человек, — Абдула не стал считать. Они все стояли там и сям, поодиночке и группками, и молча смотрели в его сторону.

— Да, я убил, я! — закричал Абдула и погрозил в их направлении кулаком. — Убил и еще убью! Всех убью! Всех!!! — Люди за стеной молчали.

Вскоре Абдула почувствовал себя глупо. Кричать все время невозможно, глотку надорвешь. «Эти» все стоят, молчат. До двенадцати, до обеда, еще далеко: часы никуда не делись, время отсчитывают исправно, только очень медленно. До обеда, понятное дело, «эти» не уберутся, так и будут торчать, разглядывать... — И что теперь делать? Монитора нет, окно, и то закрыто. Абдула подошел к беговой дорожке — тоже не бежит, отключена... За брусья стенки ухватился, попытался потянуться и тут же бросил: что я им, обезьяна? — выкрутасы показывать!

В ванной не спрячешься, ну, хоть на унитазе посидеть... — Абдула уселся. Непрозрачная стенка укрывала неплохо, только светился самый

край «зазеркалья». «Если вытянуть шею, можно туда заглянуть, а с той стороны, если в угол зажаться, тоже можно подглядеть кусочек моей задницы, — выставить им, что ли, задницу? Пусть полюбуются!»

На унитазе тоже не сиделось. Завершив процедуру, Абдула вышел из ванной, насвистывая. Все так же насвистывая, походил взад и вперед по своей камере, благо, было просторно, в сторону «зазеркалья» особо не смотрел, хотя и трудно было удержаться, бросал туда время от времени короткие взгляды. «Те» по-прежнему молчали. Походив минут пятнадцать, Абдула уселся на лавку, потом растянулся на ней, потом соскочил и бросился на кушетку. Полежал, повернувшись спиной к «зазеркалью», пять минут и вдруг неожиданным резким рывком подскочил, растопырив руки, разинул рот и, сделав страшные глаза, заревел-зарычал, как зверь: «А-а-а!..»

«Те» в «зазеркалье» от неожиданности дрогнули, а мальчик, стоявший ближе всех, наверное, тот, что спрашивал про маму, даже отпрянул. «Ну то-то же!» — удовлетворенно хмыкнул про себя Абдула. «Заперли, а все равно боитесь! И правильно делаете, что боитесь. Абдула еще своего последнего слова не сказал...» — Что за последнее слово и каким оно будет, Абдула, естественно, точно себе представить не мог. Но твердо знал: из любой тюрьмы люди выходят. «Мало ли, что эта стерва задумала! Неизвестно еще, как что повернется и сколько мне тут на самом деле сидеть!» — Абдула понимал, что только такими мыслями может себя удержать от уныния, да что от уныния: от отчаяния!

Так и прошли часы, остававшиеся до обеда: Абдула то ходил взад и вперед, то ложился на кушетку, то вскакивал с нее, но ревел уже не каждый раз, а то бы привыкли и не пугались, и не так громко: связки надо поберечь.

Шагая, Абдула размышлял о том, что надо придумать себе какое-то занятие: для начала, может, полотенец нарвать, на стекло налепить хлебным мякишем? — Но, вспомнив, как в одно мгновение исчезли с пола капли кофе, понял: не выйдет, не прилипнет хлебный мякиш, смоет его... Даже пробовать не стал, чтобы эту стерву не радовать. Наверняка уж это-то она предусмотрела...

Что еще? — Можно ночью не спать, когда их нет, а спать днем. Пусть себе кричат: «Абдула! Ты спишь, Абдула? Проснись, отвечай, почему ты убил мою маму?» — а я буду себе спать! — Правда, в это не очень верилось: кричать-то могут громко! И самолеты, кстати, вот, опять! — проревел-пролетел истребитель. Но посмотрим, посмотрим...

Ну, еще что? — «Думай, Абдула, думай! А не то эта стерва тебя вообще с ума сведет, она этого хочет!» — Абдула сердито пнул ногой ставшую прозрачной дверку ванной. Та закачалась на петлях, Абдула отскочил, чтобы не стукнула по лбу. Да что это, ни одного предмета нет, чтобы в руки взять, швырнуть!

— Абдула! — раздался негромкий женский голос, нет, не этой стервы: — Тебе плохо, Абдула?

Он не поворачивался, не смотрел, а голос продолжал:

— А ведь ты живой, Абдула, ты можешь ходить, тебе просторно, ты можешь разводить руками, махать руками во все стороны... А ты представляешь, каково лежать в тесном гробу, твердые стенки не дают шевельнуться, сыро, нечем дышать... Ты представляешь, каково это, быть мертвым, Абдула?

Нет, Абдула не представлял, а вот сейчас и впрямь представил, каково это — лежать закованным в гробу, ни шевельнуться, ни вздохнуть... Но тут же спохватился.

— Мертвецы ничего не чувствуют, дура! — заорал он.

— Да? — так же спокойно и негромко отвечал голос. — Ты в этом так уверен?

Абдула сейчас больше ни в чем не был уверен: действительно, откуда кто что может знать? — «Э, как откуда? А Коран? В Коране что написано?» — спохватился он. Но что написано в Коране, Абдула толком тоже не знал: читать священную книгу по-английски ему представлялось кощунством, а по-арабски он не умел. Поэтому ни в прежней камере, ни вообще в прежней жизни Корана у него не было.

Конечно, можно было бы раздобыть перевод на родной язык Абдулы: читать Коран на этом языке Абдула кощунством не считал. Но, во-первых, выдавать неверным, какой язык для него родной, Абдула не собирался, но еще вся беда, что и на своем родном языке читать Абдула считай что не умел. Пока был маленький, было не до школы, такие шли дела, потом пришлось кочевать из страны в страну — какой язык учить? Наконец, попали сюда, в Штаты, и здесь, по образовательной программе для иммигрантов, Абдула наконец-то научился грамоте, и неплохо научился: всегда был смышленым, — но грамоте, ясное дело, английской.

Сейчас, представляя себе, как было бы здорово утешаться священными сурами Корана, да и просто — иметь возможность уткнуться в книгу, отвернувшись от этих придурков за стеклом, Абдула решил, что при данных обстоятельствах читать святую книгу по-английски кощунством не является. «Мусульманин всегда вправе применяться к обстоятельствам», — напомнил себе Абдула.

«Значит, при первой же возможности потребовать Коран. Конечно, не у этих придурков за стеклом... Какая-то возможность подавать жалобы, требования, здесь, конечно, предусмотрена? Это же Америка, они же тут помешаны на праве и правах! В конце концов, этой стерве скажу, когда появится», — что «стерва» появится, Абдула ни минуты не сомневался: а чего сомневаться, сама же сказала: «Каждый день»! — «Коран, конечно, даст, — уверял себя Абдула, — не сможет отказать...»

За этими мыслями подошло наконец время обеда. Увидев на часах 11.55 AM, Абдула сам себя поздравил с окончанием первого испытания. Почему он был так уверен, что на время обеда его оставят в покое? Однако так и вышло, он не ошибся.

Зазеркалье погрузилось во тьму, но ровно через минуту, в 11.56 AM, свет загорелся снова, на этот раз конусом, и в конусе сидела, конечно же, она, «эта стерва», мисс Кимберли Барлоу, директриса.

— Ну, вот, Абдула, теперь ты знаешь, как будет проходить вся твоя оставшаяся жизнь. — Голос ее звучал, как всегда, ровно, спокойно, без каких-либо эмоций. — Да, стаканчик с пола убери, отправь, куда положено, а то следующего не будет.

Абдула послушно обернулся: а где стаканчик? А, вот он куда откатился, видно, ногой отпихнул, когда расхаживал. Спорить не стал, убрал: запомнил, где заслонка, телеведущая показывала...

Мисс Барлоу молча следила за его движениями, потом спросила:

— Какие-нибудь жалобы, пожелания?

11.58 на часах, в 12.00 она, ясное дело, исчезнет, и жди потом до семи вечера! И Абдула, чуть более настойчиво и торопливо, чем подобало бы, произнес:

— Коран хочу!..

— Коран? — переспросила директриса, приподняв брови. — Там, в библиотеке, имеется Коран! — Она указала глазами на монитор. — И даже, сколько помню, на всех возможных языках, включая твой родной!

«Откуда она знает, который мой родной? — встрепенулся Абдула. — Да нет, не может знать, блефует!» — и зло сказал:

— Книгу хочу! На бумаге хочу! Коран на мониторе читать нельзя!

— С чего ты взял? (А может, «с чего *вы* взяли?» — ведь это говорила директриса, а не Ким Барлоу: Абдула запутался.) Там, в самом начале, помещено мнение ваших авторитетных современных богословов, которые утверждают, что ничего неподобающего в чтении Корана в электронном виде нет. Особенно, когда у человека нет другой возможности...

Она умолкла с таким видом, словно бы говорила Абдуле: «Ты можешь в грош не ставить мнение современных богословов, но для меня его в данном случае вполне достаточно. И для Верховного Суда Соединенных Штатов тоже».

— Тогда коврик хочу! Для молитвы! — торопливо выкрикнул Абдула и тут же себя выругал за это «тогда»: «Что “тогда”, почему “тогда”? Если бы не “тогда”, что, не хотел бы?» — но было уже поздно ругаться: слово вылетело.

— Коврик? — переспросила мисс Барлоу и почему-то продолжила стихами:

Вхожу в мечеть. Час поздний и глухой.
Не в жажде чуда я и не с мольбой:
Отсюда коврик я стянул когда-то,
А он истерся; надо бы другой!

Это Омар Хайям, — пояснила она, — тоже весьма авторитетный исламский мыслитель, поэт и богослов[15]. Тем более, не современный... Ты не читал Хайяма, Абдула?

---

[15] Русский перевод Г. Плисецкого. Кимберли читала, очевидно, в каком-то английском переводе, может быть, своего отца, который, в частности, увлекался переводами с восточных языков.

Абдула Хайяма не читал, хотя слыхал когда-то от кого-то что-то вроде: «Вода не утоляет жажды, — Я как-то пил ее однажды...» Богослов?! Разве бывают такие богословы? Может, это он для гяуров богослов, а для нас просто еретик?

— Если захочешь, почитай, — продолжала тем временем Кимберли, — Омар Хайям там тоже есть... — Она снова повела глазами в сторону монитора. — А еще там есть инструкция, из которой ты можешь узнать и про то, где взять коврик, и про много других небесполезных для тебя вещей...

Конус света медленно погас, мисс Барлоу скрылась в темноте, а через мгновение перед глазами Абдулы вместо «зазеркалья» появилась непрозрачная стена.

Есть Абдуле особо не хотелось, он решил начать с инструкции, действительно легко ее нашел, а набрав в окошке поиска «молитвенный коврик», тут же увидел картинку: окно, которое из камеры, даже штрихами обозначена условная панорама, чуть пониже кнопка, а из щели из-под окна выползает коврик.

Абдула подошел к окну, которое, кстати, снова сделалось прозрачным, не удержался окинуть взглядом панораму за окном: по небу плыли тучи, но дождя не было, и местами прорывались лучи солнца. Перевалило за полдень, прикинул Абдула, солнце уже у меня за спиной, значит, восток и вправду с этой стороны. Хорошо, в эту сторону и будем молиться! — Он легко нащупал кнопку, точнее, как все тут, сенсорное пятнышко, под подоконником приподнялась заслонка, которой раньше нипочем было бы не разглядеть, и оттуда выполз коврик: на вид обыкновенный, какого нужно размера и с вполне приличным узором, — темно-зеленое с бордовым по салатовому фону, на ощупь тоже приятный, но вот на вес: для настоящего он слишком легкий! Наверное, тоже из какой-то такой бумаги, а когда сотрется, можно будет спустить его в унитаз, чтобы он там растворился! — возмущенно подумал Абдула. Но знал уже: возмущайся — не возмущайся, а ничего другого все равно не будет. Наверняка у этой стервы наготове мнение «авторитетных современных богословов», что коврик совершенно подходящий... Но еще больше, чем бесполезность всякого протеста, Абдулу расстроило другое: что это мне тут все автоматически дают? — Из-за такой брезгливой старательности избегать физических контактов, из-за того, что все совершалось автоматически и ни один человек в помещение Абдулы не заходил, он себя вдруг почувствовал как зачумленный, как больной какой-то зловещей болезнью, какой-то зловонной проказой, которому все подают издалека, как раньше подавали все таким больным на длинных палках... Вот и здесь все как на палках, разве что палки намного дороже... К тому же стерильные «палки»... — и от этой мысли Абдуле вдруг сделалось как-то по-особому нехорошо.

Не утешил его и обед, замечательно вкусный, но теперь и это воспринималось уже почти как издевательство. Лучше бы дали баланду с

черствым хлебом, только бы ее живой человек принес, пусть даже грубиян, как тот, в прежней камере!.. — и Абдула почувствовал, что вспоминает ту, прежнюю камеру чуть ли не с тоской.

После обеда, когда открылось «зазеркалье», Абдула уже не стал «пугать» стоявших за стеклом людей, не рычал на них и не бросался на стекло.

Люди по-прежнему что-то говорили, о чем-то его спрашивали: он не слушал и не слышал. Он даже не знал, те же ли это люди или другие: не приглядывался.

Он только вышагивал взад и вперед по своей просторной камере: теперь он упорно стал называть ее только так, словно отстаивая свое достоинство хотя бы узника. Пошагав с полчаса — полезно для пищеварения! — он только раз показал, что знает о присутствии людей за «зеркалом»:

— Что за стеклом от меня прячетесь, боитесь? — сказал он, повернувшись в их сторону. — Боитесь заразиться? — Правильно боитесь! Бойтесь, бойтесь! Я до вас еще доберусь! — и погрозил им кулаком.

Потом он растянулся на своей кушетке и больше ни на что не реагировал. Спал или не спал, но пролежал все пять часов до ужина почти неподвижно. Мисс Барлоу перед «закрытием занавеса» больше не появилась.

Время с начала ужина и до конца завтрака, то есть от семи вечера и до девяти утра, принадлежало Абдуле: он понимал, что в эти часы беспокоить его не будут. Значит, четырнадцать... ну да, четырнадцать: Абдула ругнулся, что не сумел сразу сосчитать, — четырнадцать часов подряд можно заниматься, чем хочешь: ужинать, мыться, бегать по дорожке, смотреть кино или же, наконец, читать Коран.

Но чтение Корана Абдула отложил на после ужина, чтобы уже не отвлекаться. Выбирать из четырех предложенных вариантов меню Абдула опять не стал: ткнул в самый первый, не беспокоясь, что вдруг там, например, свинина или что-нибудь еще из запрещенного для мусульманина: чувствовал, что к такой подлянке прибегать эта стерва не захочет, это не по ее правилам.

И действительно, едва поднял он крышку на появившемся подносе, как в ноздри сразу же ударил дивный, ни с чем не сравнимый запах бараньего мяса. Абдула любил баранину, но видел ее не слишком часто: у американцев она не в большом ходу.

Бешбармак на ужин, может быть, слишком жирно, однако спать никто не заставляет, успеет перевариться. Абдула с удовольствием принялся за еду, а когда запивал ее вкусным зеленым чаем, настроение у него и вовсе приподнялось. «Ладно, еще посмотрим, кто кого...» — бодро хмыкнул он, имея в виду и «ту стерву», и всех этих придурков за стеклом.

Ну, вот, пора и за Коран. Убрав посуду, умывшись, приготовившись, Абдула поудобнее устроился перед монитором. Как и все здесь, Коран

нашелся быстро, без труда. «Красиво сделано», — одобрил Абдула при виде тщательно и художественно оформленной страницы: фон, узор орнамента, начертание букв, английских, но стилизованных под арабские, — все радовало глаз.

Торжественно, нараспев Абдула прочитал начальные стихи первой суры Корана:

> In the name of Allah, the Beneficent, the Merciful.
> All praise is due to Allah, the Lord of the Worlds.
> The Beneficent, the Merciful.
> Master of the Day of Judgment[16].

«Вот Кто Властитель Судного дня, а не вы, неверные, с вашими придурочными судами!» — с удовлетворением отметил Абдула и принялся читать дальше.

Дальше Абдуле все тоже понравилось: Коран обличал неверующих и особенно лицемеров, тех, которых, когда им говорят: «Не творите нечестия на земле!» — отвечают: «Мы творим только добрые дела». Они-то и есть нечестивцы, но сами того не ведают.

Вот, точно про неверных. Только и твердят о себе, что творят добрые дела! И свои бомбы с ракетами сыплют нам на головы тоже с добром!..

Но чем дальше читал Абдула, тем больше падало его настроение. Да, про гяуров, неверующих и лицемеров тут сказано много, правильно и хорошо. Но мне-то, Абдуле, что делать, в теперешнем моем положении?.. — Он стал перескакивать со страницы на страницу, но прямых ответов на свой простой вопрос не находил: что делать узнику в темнице? С помощью функции поиска попытался найти в тексте слово «узник» и нашел только одно место: где Юсуф толкует сны своим сокамерникам, а потом, в результате, отправляется к фараону и, удачно истолковав его сны, делает потрясающую карьеру: фараон назначает его премьер-министром. Больше никаких упоминаний об узниках система поиска в тексте Корана не нашла.

Упоминание, конечно, утешительное: ни в каких обстоятельствах нельзя терять надежды, всегда можно из тюрьмы вознестись на самые вершины власти, если будет на то воля Аллаха... «Но у Юсуфа были для начала хотя бы сокамерники, а у меня нету даже этого...» — горестно вздохнул Абдула.

Да, все в Коране было правильно, возвышенно и красиво, но к Абдуле прямого отношения как будто не имело. «В другие времена писалось, для других условий», — некстати подумалось вдруг Абдуле, и тут же на память пришел непрошенный анекдот:

---

[16] С английского эти стихи переводятся так:

> Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного.
> Хвала Аллаху, Господу миров,
> Милостивому, Милосердному,
> Властителю Судного дня!

«Эй, Ахмед, почему твоя жена идет впереди тебя? В Коране написано, женщина должна идти за мужем! — Э, когда Коран писали, мин не было! Иди, Фатима, иди!»

Да, мин тогда действительно не было. Мужчины сражались мечами, глядя друг другу в лицо, а не ракетами, бомбами и взрывными устройствами...

Читать вслух и нараспев было все равно завораживающе-приятно, даже и на английском. Но так бы читать, когда эти за стеклом появятся, а сейчас — сколько можно так читать? Может, наизусть учить, раз книги не дают, и потом читать, чтобы их не слышать? — Но распевать Коран перед неверными, да еще не на арабском, Абдуле показалось неприемлемым.

«Ну, и что такого? — подумалось ему. — Времени у меня вдоволь, можно и по-арабски учить, в день по кусочку! Ах, да, я же по-арабски не читаю...» — мысль о транслитерации английскими буквами ему в тот момент в голову не пришла, а когда позднее пришла, он к самой идее что-либо заучивать остыл: не книжный был он человек, заучивать, учить, сравнивать, переводить — не для него это было! Математика — да, математика ему давалась и практические предметы, где руки мозгам помогают, а мозги рукам, потому и сумел закончить технический колледж. А вот язык он выучил, общаясь, а не по книгам, потому что не книжный был он человек... «Был бы книжным, здесь бы не сидел, — подумал Абдула и с неожиданным для себя самого раздражением додумал: — Те, которые для нас книги пишут, здесь не сидят!»

«Не сидят — правильно делают! — тут же одернул он себя. — Каждый там сидит, где ему Аллах назначил», — и вернулся к началу Корана. И здесь его глаза остановились на словах о том, что это Писание — руководство для богобоязненных, тех, которые веруют в незримое, всегда вершат молитвенный обряд, раздают милостыню из того, что Всевышний определил им в удел. «Ну, из моего удела милостыню раздавать мне некому, — подумал Абдула, — а вот молитвенный обряд!.. Не зря же я коврик выпросил!» — и Абдула, закрыв Коран, принялся искать в библиотеке руководство по молитве мусульманина.

Что-то он о молитве, конечно, знал: в учебных лагерях молились регулярно, и мулла-наставник объяснял, но с тех пор немало утекло воды, в дальнейшей жизни Абдуле все больше приходилось «применяться к обстоятельствам», что значит, вовсе не всегда и не везде соблюдать правило намаза. «Вот, может быть, поэтому Аллах и наказал...» — впервые у Абдулы шевельнулось нечто вроде покаянной мысли, но с непривычки он заострять на ней внимания не стал.

Там, в прежней тюрьме, он тоже ведь вытребовал коврик не столько для намаза, — он и слов-то положенных молитв толком не помнил и вообще был уверен, что такого героя в раю ждут — не дождутся безо всякого намаза! — а больше, чтобы покуражиться, но главное, чтобы обойти режим: подъем был в шесть часов, после чего лежать на койке больше не полагалось, а только сидеть, но даже сидя — не спать, а то

сперва окликнут из-за двери, а снова «прикемаришь», — тут как тут ворвутся, на ноги рывком, да еще непременно бритой головой о ребристый бортик верхней койки припечатают...

А так — молитву совершаю, намаз, не смейте трогать, собаки! — и, спиной к двери, лицом к окну, хочешь, на коленях сидишь, хочешь, в поклоне до земли согнешься: сон не в сон, конечно, однако лишний часик для спокойного отдыха-полудремы из режима ихнего урвешь! То, что получался таким образом вовсе не намаз, а какая-то комедия, Абдулу не тяготило: в это время, уже после восхода, утренний намаз по правилам совершать вообще нельзя, так что это и была простая комедия для неверных, которым невдомек, когда что можно, что нельзя...

Но здесь — спать-лежать никто тебе не мешает, что уже очень хорошо, слава Всевышнему! — так что придется коврик для намаза использовать по прямому назначению!

Долго искать инструкций не пришлось, вот, «Ежедневный намаз для мужчин», и причем описаны обе основные традиции. Абдула машинально повел курсором в сторону своей, но вдруг замер: а я этим не выдам своего происхождения? — Нет, успокоил себя, не выдам, нашей традиции следуют десятки народов и государств, ничего они из этого про меня не узнают... Ну, сколько-то стран отпадает, и что? В конце концов, и так заметно, что я не малаец и не этот... как их по-современному: афроафриканец!.. — Абдула хмыкнул.

Так, весьма подробные инструкции, с фотографиями: как стать, как наклониться, как поклониться, как руки держать, как ноги... Даже план камеры имелся, в которой Абдула сидит, и стрелочкой у окна отмечено точное направление в сторону Мекки, в сторону Каабы, только и нужно стать прямо лицом к окну: неужто и это специально рассчитала, стерва? — ругнулся про себя Абдула. Хотя, чего ругаться? К окну направила, могла бы лицом и к унитазу поставить молиться! — Абдула решил воздать «стерве» справедливость. Тем более что на рисунке были дужками изображены волны, идущие от монитора в сторону коврика: ясно, молитвы можно слушать, есть аудиофайлы... Ну да, иначе как их повторять, не читать же с монитора, монитор в другой стороне... Ничего, скоро все запомню, повторять не понадобится... — Абдула не без удивления заметил, что проявляет необычную для себя покладистость: а пошуметь-подобиваться, чтобы... ну, что «чтобы», «что»? Что повторять молитвы за аудиозаписью ему вроде бы не пристало? — Да наплевать ей, что там тебе пристало — не пристало!.. Ехидно улыбнется, сошлется на современных богословов, и все останется, как было. Да, все так и останется... — Абдуле снова, уже в который раз, сделалось не по себе. Ладно, давай дальше смотреть про молитву...

Указание времени для каждой молитвы тоже есть, разумеется, по местному отсчету, поскольку традиционные указания: «Когда солнце поднимется над горизонтом на высоту копья» или «Когда тень предмета станет длинней его самого в два раза» — тут, ясное дело, не подхо-

дят, — при этом распорядок вполне удачно сочетается с расписанием завтраков-обедов-ужинов: молиться можно будет спокойно, без помехи. И слова, полузнакомые-полузабытые: по-арабски, арабской вязью и в английской транслитерации, а также перевод их на английский. Впрочем, Абдула в английском переводе не нуждался. Молитва на слова первой суры легко потекла у Абдулы, приятно лаская гортань, язык и нёбо:

Бисмилляхи р-рахмаани р-рахим.
Альхамду лилляхи раббиль áлямин...

На следующий день, в четверг, время для утренней молитвы Абдула проспал. Накануне, помывшись и совершив «магриб» — вечернюю молитву, — он включил кино, потом чаю попил, потом хотел совершить ночную молитву, но не дождался полной темноты, решил, ничего, завтра с утра начну, клонило в сон. И вот, пожалуйста, проснулся только от самолета, когда уже часы показывали 08:16 AM. Обидно, конечно, однако, что поделаешь! В конце концов, он ведь не собирался прямо с сегодняшнего дня сделаться святым! И вообще Абдула не мулла, для героев свои правила! Ничего, завтра пятница, особый день, завтра и начну. А сейчас — хорошо, хоть на завтрак время остается, только надо поспешить, успеть перед «гостями»... Интересно, кто сегодня будет, те же, что вчера, или другие? — И, кстати, надолго ли «ей» хватит таких гостей?! — Абдула хмыкнул и побежал в ванную.

...Сегодня «гости» были совсем другие. Сначала в «зазеркалье» в конусе света появилась только «она», задала свой вопрос: «Абдула, зачем ты убил мою маму?» — помолчала, постояла и скрылась в темноте. Потом пространство за стеклом полностью осветилось, и там возникла группа людей, поменьше, чем вчера, человек семь-восемь... Да, семь... Нет, восемь... Трое сидели в центре в инвалидных креслах, две женщины, один мужчина, а за ними оказалась маленькая девочка, лет семи, щупленькая, светлые волосы, она вышла вперед и подошла к самому стеклу, протягивая к Абдуле обрубок своей правой руки (левую она прятала за спиной):

— Вот, посмотри, Абдула, — сказала она, — у меня больше нет руки... У меня теперь вместо нее железная...— она вынула из-за спины свою левую ручку, в которой сжимала какую-то никелированную клешню. — Она хорошая, мне можно ею рисовать, вытирать носик, а скоро мне сделают пластиковую, она будет еще лучше... Но все равно, моя родная была гораздо лучше! — голосок девочки перешел в крик: — Зачем ты оторвал мне руку, Абдула?..

Что говорили остальные, Абдула не слышал. Тут пролетел, по счастью, самолет. Абдула воспользовался шумом, уселся на лавку к ним спиной, лицом к погаснувшему монитору, и так и просидел все три часа, сжимая ладонями уши, пока из-за спины чуть слышно доносилось:

— Абдула! Зачем ты перебил мне позвоночник, Абдула?..

— Где мои ноги, Абдула? Что тебе сделали мои ноги?..

— Мои глаза! Абдула, зачем ты выжег мне глаза?..

«Кто это среди них без глаз? — Наверное, тот, слева, с забинтованным лицом!» — но Абдула не обернулся, не посмотрел...

Когда, не через три часа, а целую пропасть времени спустя, послышался знакомый ровный голос: «Что, Абдула, ты так и не ответишь, зачем ты убил мою маму?» — он даже с облегчением вдохнул: «Она»! Значит, время утреннего посещения истекло. Да, вот и на часах 11:58. Всего лишь через две минуты все закончится и можно будет обернуться... Правда, надо еще дождаться... Никогда не думал, что две минуты могут течь так долго.

Но вот упали в вечность и они. Абдула повернулся. Стена перед глазами приняла свой безопасный светло-зеленый цвет. Да, полдень. Время обеда, время полуденной молитвы. Но ни обед и ни молитва в голову не шли.

Абдула встал, прошел к лежанке и повалился на нее, лицом в подушку (в тот выступ, который заменял здесь подушку) и так и пролежал все два часа, не поднимаясь, не меняя позы... Только время от времени щеку менял, которой прижимался, да руки клал то на затылок, то вытягивал вдоль туловища.

Да, только три часа... А еще будет пять часов после обеда, а еще завтра все начнется снова, и через день, и через месяц, и через год!.. И так всю жизнь?! — Ну, нет! За всю жизнь решать сегодня еще рано! — за две минуты до конца обеденного времени Абдула рывком соскочил со своей лежанки. — Какое там «всю жизнь»! Да эти инвалиды сами скоро передохнут!.. Хотя девчонка, та, конечно, не «передохнет»... Так и будет являться, совать мне свой протез: «Зачем ты оторвал мне руку, Абдула?» («Хорошо, что я скрыл свое настоящее имя, — промелькнуло в голове у Абдулы. — Теперь они даже не знают, кого им надо проклинать...» В том, что проклятия, лишенные точного адреса, не достигают цели, он не сомневался.)

«А то еще какую-нибудь гитаристку мне притащит, постарше... За струнами в свой гипермаркет приходила, для гитары: будет мне культяшки свои протягивать: "Я так играла на гитаре, Абдула, я так любила свою гитару!.. Зачем ты оторвал мне пальцы, Абдула?"»

— Не только пальцы, головы вам поотрываю, всем! — заорал Абдула в сторону начавшего чернеть стекла.

Больше на лавку лицом к монитору он не садился. Все пять часов, не обращая ни малейшего внимания на тех, кто за стеклом, не сосчитав и не удостоверившись, те же ли это «гости», что были с утра, или другие, Абдула себя вел как можно более свободно.

Ложился на кушетку, старался разлечься поудобнее. Полежав, поднимался, расхаживал по камере, насвистывал (свистеть, вообще-то говоря, не дело, особенно в помещении, говорят, все деньги просвистишь, но денег тут и без того нет ни цента, ни... — Абдула прикусил язык, чуть было не назвав разменную монету своей родной страны).

Поотжимался у шведской стенки, поразмялся, поделал приседания. Взялся за поручни, представил, каково будет бежать по беговой дорожке: получалось ничего, неплохо...

Потом, через часок (точнее, через час и двадцать две минуты, часы-то вот они!) пропущенный обед дал о себе знать, и Абдула, картинно наслаждаясь, выпил зеленого чаю, съел целых три сдобных булки, запил еще чаем, а потом, подумав, добавил еще стаканчик кофе. На пол посуду бросать не стал, аккуратно спустил в мусоросборник.

После еды понадобилось в туалет, потом омыться. В ванну на глазах у всех Абдула все равно бы лезть не стал, но все-таки попробовал потыкать пятнышки и убедился, что вода в ванну ниоткуда не течет: «Ага, отключили, значит, на то время, пока прозрачно...»

Над раковиной возле унитаза вода, однако, текла исправно, и Абдула, подумав, оторвал большой кусок полотенца и, держа его на весу между собой и «зрителями» одной рукой, другой, как смог, омыл положенные места: пусть смотрят, если самим не стыдно.

Молитву совершать после такого «омовения», наверное, все-таки нельзя, но все равно так лучше, чем никак, жалко, вчера не догадался. Ну, ничего, помоюсь после ужина как следует!..

Кусок полотенца навел его на новую забавную мысль. Аккуратно оторвав новый кусок полотенца, поменьше, он вышел из ванной, уселся за свой стол и принялся складывать из этого куска «кораблик». Любопытно, что научился он этому сравнительно недавно, уже взрослым: в детстве не до того было... Да, уже взрослым научился, в семье у... — но не дело вспоминать, у кого именно в семье чему он научился. Главное, научился, много чему научился, вот и хорошо... Вечером, когда будет ванна, можно сложить побольше, а пока вот такой, самый маленький, в раковине пускать, там и затычка есть... А еще можно «голубей» складывать, «самолетики» — по камере пускать!..

Мягкая бумага полотенца складывалась плохо, но Абдула все равно был доволен результатом. Показав свой кораблик «зазеркалью» и скорчив рожу, Абдула ушел за прозрачную дверку ванной и принялся наполнять раковину водой, заткнув ее затычкой (служил затычкой мягкий резиновый шарик, который двигался вверх-вниз из отверстия для слива, затыкая, когда вверх, открывая, когда вниз, и повинуясь опять-таки сенсорной кнопке на стенке раковины: ни рычажок отломать, поскольку нету рычажка, ни шарик выковырнуть не представлялось возможным). Вода набралась быстро, но пуск кораблика на воду большой радости Абдуле не принес: и места мало, а главное, очень скоро бумага промокла, кораблик весь скукожился, превратился в полужидкий комочек цвета дерьма и тут же, прямо на глазах, растворился без остатка... Абдула выпустил из раковины воду. Ладно, с навигацией ничего не вышло, остается аэронавтика... И потом, сколько еще можно придумать игрушек, головоломок!.. Шашки, шахматы с самим собой разыгрывать! Нарды, зари[17]... Да и там тоже (кивок в сторону монитора) что-нибудь, наверное, найдется... Проживем!

---

[17] «За́ри» — игральные кости.

И то сказать, прожить остаток четверга получилось гораздо увлекательнее, нежели утро. Абдула с увлечением сложил несколько бумажных голубей и стал пускать их, выбирая те, что летают получше. Потом отобрал один побольше и два поменьше, запускал большой, и пока тот неторопливо двигался где-то под потолком камеры, Абдула пытался сбить его двумя другими, которые летали побыстрее. Получалось не очень, голуби никак не хотели сохранять прямую траекторию, но Абдула не огорчался: конструкцию доработаю, сам наловчусь... Буду сбивать, буду!

Послеобеденное время пролетело на диво быстро. Когда в последние минуты перед ужином «она» осталась за стеклом одна, Абдула глянул на нее не без вызова и не без торжества: сегодня я выиграл!

Она ответила ему своей обычной иронической усмешкой и сказала:

— Вам не придется заслоняться над унитазом обрывком полотенца, если вы дадите себе труд дочитать до конца инструкцию. Там сказано, как опускать завесу. — И с этими словами она исчезла.

IV

Утро пятницы Абдула начал, наконец, с намаза. Он проснулся сам как раз вовремя, в начале шестого, еще до восхода, совершил все предварительные процедуры и включил монитор, подумав при этом, как удачно получилось так проснуться, но впредь лучше не полагаться на случай, наверняка можно будет наладить в мониторе будильник, да еще так, чтобы он будил голосом муэдзина.

С голосом тоже получилось удачно: нашлась опция задержки запуска, так что не пришлось, запустив файл, сломя голову спешить к окну, чтобы успеть до начала. Нет, выбрав «Запуск через минуту», Абдула неторопливо ступил на коврик, принял положенную позу (только что проверил по картинкам), совершил все нужные движения, а затем с удовольствием принялся повторять за льющимся из монитора голосом напевные слова молитвы.

Весь утренний намаз не занял и десяти минут. Даже удивительно: такое легкое правило, — не больше часа все пять намазов вместе за целый день, даже заметно меньше, — и такое полезное: как можно им пренебрегать? — Вчера, однако, Абдула помолиться так и не собрался, за что себя сегодня упрекнул. Но — ладно, прошлого не исправить, в будущее надо смотреть. Сегодня пятница, будем особенно старательно молиться.

В пятницу полагается особый джума-намаз, но совершается он в мечети, и пленники, заключенные от этой обязанности свободны. Абдула подозревал, что в его положении он свободен вообще от всяких обязанностей, но намаз — не просто обязанность, это услада и опора. Нет, молитвой он пренебрегать не собирался.

(Надо заранее сказать, что получаться это будет у него когда как. Да, в известные дни он и вправду ревностно и старательно будет совершать все положенные молитвы и в эти дни будет чувствовать себя за-

метно лучше и бодрее; но будут и другие дни, когда он как-то даже незаметно станет пропускать намаз: один раз, два раза, — и вот постепенно протекут целые недели без памяти о молитве, и это будут очень гадкие недели, потом их даже вспоминать не захочется.)

До завтрака оставался еще целый час, даже больше, и Абдула сначала почитал Коран, потом прилег и подремал немного. Поднявшись, чувствовал он себя превосходно. Дал себе труд разобраться повнимательнее в сегодняшнем меню, выбрал блинчики с мясом (говядина), большое душистое яблоко и крепкий чай. Кофе оставил на потом: «Кофе днем буду пить, назло этим неверным. Пусть смотрят!»

Но злить неверных сегодня не пришлось. Когда в девять часов монитор погас-умолк, — Абдула, завтракая, наслаждался любимыми песнями популярной арабской группы, — «зазеркалье» не возникло, стена так и осталась непрозрачно-салатовой.

Вместо этого в ней вдруг обнаружилась дверца, с краю с той стороны, где тренажер со шведской стенкой. В дверцу вошли три фигуры: сперва охранник в темном своем комбинезоне, потом человек в зеленом врачебном халате со стетоскопом на шее и потом снова охранник. Войдя, все трое стали спиной ко входу, охранники по бокам, тот, что в зеленом, между ними, и кто-то из них сказал:

— Медосмотр! Подойдите к лежанке, пожалуйста!

Говорил, скорее всего, тот, что в зеленом, но ручаться Абдула не стал бы: у всех троих на лицах были плотные марлевые повязки, и от которого именно доносился голос, было сразу не разобрать. Да и не важно это! Присутствие охранников ясно показывало, что на «пожалуйста» слишком полагаться не следует: не подойдешь — подтащат. Абдула подошел.

Вошедшие двинулись туда же, охранники к изголовьям, а «зеленый», — понятно, что врач, — к центру кушетки со стороны Абдулы. Жестом он велел Абдуле садиться и показал, что надо раздеться до пояса. Ни строптивости, ни бестолковости Абдула демонстрировать не стал: не сядешь — усадят, не разденешься — разденут...

Врач принялся выслушивать, выстукивать, только и произнес два слова: «Дышите» — и следом: «Не дышите». Позволить снова задышать он, видимо, забыл, и Абдула сам себе это позволил, когда врач оставил стетоскоп и, приподнимая веки узника, стал разглядывать его глаза.

Потом Абдуле жестом же велели лечь, охранники пристегнули его в груди вместе с руками, в бедрах и в ногах ниже колен невесть откуда взявшимися резиновыми жгутами к лежанке, а врач потянул из-за двери браслеты-зажимы-присоски на проводах и стал лепить их к Абдуле, к запястьям, щиколоткам и груди: снимал кардиограмму.

Флюорографию Абдула проходил в прежней своей тюрьме не так давно и потому не ожидал, что сейчас к нему в камеру вкатят рентгеновский аппарат. Но в том, что вкатят, если понадобится, он ни секунды не сомневался.

Холодные зажимы и присоски приятно щекотали. Но вот процедура закончилась, все это сняли, а жгуты снимать не торопились. Наклонив голову, Абдула увидел, что врач маленьким шприцем тянется к вене на сгибе правого локтя. В вену он попал очень ловко, Абдула не успел ойкнуть даже мысленно, а шприц уж наполнился темной венозной кровью. «Для анализа, — подумал Абдула. — А кал и мочу, наверное, берут прямо из унитаза, там этого добра хватает!»

Врач вытащил иглу, потер место укола душистой ваткой и произнес последние слова за весь визит:

— Жалобы есть?

Жалоб, конечно, не было, но вроде бы такой вопрос полагается задавать в начале визита, а не в конце... Или он был так уверен, что жалоб не будет?..

Врач, не дождавшись ответа, — а ждал он секунды три, не больше, — поднялся (перед этим он присел к Абдуле на койку для укола), уложил свой шприц в поданную охранником коробочку, сунул коробочку в огромный боковой карман халата и двинулся к выходу. Один из охранников, подобрав провода кардиографа, последовал за ним, и дверь за обоими затворилась, неразличимо слившись со стеной. Второй охранник остался.

Из-за стенки ванной (кстати, тоже непрозрачной) донесся какой-то шум. Охранник махнул рукой в том направлении:

— Бриться! — «Пожалуйста» он не добавил.

В ванной у того входа, через который сюда впервые проник Абдула, имелся выступ вроде стула, на нем еще каждое утро появлялся новый комплект одежды: Абдула все еще не удосужился выяснить, как. Теперь возле этого выступа-стула стоял человек в белом халате и тоже в белой марлевой повязке на лице, очевидно, цирюльник, в одной руке он держал большую белую салфетку, а в другой... — ну да, электробритву! «Они что же, электробритвой собираются голову мне брить?! Да ни за что!» — Абдула возмущенно повернулся назад, к охраннику, но тот, сложив руки на груди, стоял так невозмутимо, что Абдула сразу же сник.

Ну да, сам не усядешься, такой в два счета скрутит, усадит... Да, собственно, и усаживать ему совсем не нужно! Не хочешь бриться? И не надо! Ступай себе, отпускай хоть косицу, хоть шевелюру!.. — от беспомощности Абдуле захотелось завыть. Может, и вправду отказаться, хотя бы на сегодня? — Абдула провел ладонью по голове. Брили его во вторник, сегодня пятница, за три дня волосы толком не отросли, только слегка покалывают. Можно и оставить, но следующее бритье когда, снова в пятницу? — за неделю слишком отрастут... Значит, сперва еще машинкой будут стричь... Э!.. — Абдула в отчаянии махнул рукой: — Пусть бреют, электробритвой так электробритвой (насчет наличия у «этой стервы» мнения «современных богословов» о допустимости ритуального бритья головы электробритвой он даже ни капельки не сомневался).

Бритва оказалась хорошая, почти бесшумная и совершенно не щипала. Снабженная к тому же вакуумным насосом, она всасывала сбритые волоски, значит, колоться ничего совсем не будет. Цирюльник работал быстро, сноровисто и молча. Только закончив, коротко спросил:

— Бороду оставить?

— Да, — кивнул Абдула, — оставить.

— Тогда все, — сказал цирюльник, снял с шеи Абдулы повязанную перед тем салфетку, скомкал ее, обмахнул голову, лицо и шею Абдулы от воображаемых волосков, скомкал салфетку еще больше и ловко, как заправский баскетболист, запустил ею точно в «очко» унитаза. Проводив глазами салфетку и снова повернувшись к парикмахеру, Абдула увидел его спину: тот уже собирался выходить.

— А следующий раз когда? — торопясь и злясь на себя за это, выкрикнул ему вслед Абдула.

— Следующий раз? — обернулся цирюльник. — В пятницу, конечно! Бритье у нас бывает каждую пятницу...

— А до тех пор разве не отрастет? — с сомнением в голосе произнес Абдула и провел ладонью по голове.

— Может, конечно, отрасти... Скорость роста волос у всех индивидуальна. Если хотите, могу оставить вам вот это, — и цирюльник вынул из кармана халата какой-то продолговатый пакет, размером с пачку сигарет «супер сайз».

— Что это? — недоверчиво протянул Абдула, не торопясь принимать пакет у цирюльника из рук.

— Особый депиляторий, очень надежный и совершенно безопасный, — быстро заговорил цирюльник: словно прорвалась долго сдерживаемая профессиональная говорливость. — Вот, здесь все нарисовано! — он повернул пакет к Абдуле и ткнул пальцем в схематический рисунок головы с натянутой на нее нашлепкой. — Натягиваете на голову: она достаточно эластична, растянется по всей нужной вам поверхности, — а нет, скажете, следующий раз подберем размер побольше... Подержите так десять-пятнадцать минут, не больше, потом снимаете — и!.. На голове ни волоска!

Он умолк, словно бы ожидая аплодисментов. Но дождался совсем другого.

— Что?! — возмущенно заорал Абдула. — Ты хочешь, чтобы я натягивал себе на голову то, чем ваши бабы себе ноги бреют?!

Он бы, наверное, даже набросился на цирюльника, забыв про охранника, но цирюльник и сам был росту не меньше, чем охранник, и бросаться на него Абдула поберегся.

— Как угодно! — пожал плечами цирюльник и так же ловко, как только что салфетку, отправил свой пакет туда же, в унитаз.

Сразу за этим он повернулся и вышел вон из ванной и потому глаз охранника не увидел. Их увидел Абдула, проследивший взглядом за полетом пакета, и выражение недовольства, читавшееся в этих глазах, подсказало Абдуле, что, пожалуй, этого цирюльника он больше не уви-

дит. Так и оказалось: со следующей пятницы к Абдуле стал приходить другой цирюльник, постарше и помолчаливее, хотя и не менее рослый. И салфеткой он запускал не в унитаз, а проталкивал ее аккуратно в заслонку мусоросборника возле выступа-стула.

— Можете искупаться, если хотите, — бросил охранник, уходя, и дверь за ним закрылась.

Как «искупаться», а вода разве есть? — Ну да, конечно, есть! И стенки сегодня непрозрачные! «Выходит, пятница у меня действительно особый день?! Как хорошо, слава Аллаху!» — и Абдула, довольный, полез купаться.

Пока купался, на стуле появился свежий комплект одежды: ничего таинственного, выезжал-проталкивался из-под заслонки в спинке стула, она же стенка.

«Ну и механизмов тут понатыкано! — в который раз подумал Абдула со смесью ужаса и восхищения. —А что будет, когда все это начнет ломаться?»

Думать о том, что будет, когда что-нибудь сломается, плескаясь в теплой ванне, было приятно. Когда-нибудь ломается все на свете. Значит, ремонтники придут, новые люди, даже с инструментами... А меня, может, куда-нибудь переведут на это время, опять же новые впечатления... Словом, как ни крути, а существование пока что представлялось сносным.

Искупавшись, Абдула оделся в свежее, вышел в свою... нет, камерой это помещение называть все-таки язык не поворачивался, разве можно говорить «камера» про такое светлое, залитое солнцем, удобное пространство?! Скорее уж, апартаменты! Нет, поистине Всевышний лишил неверных разума!

Время до обеда, час с небольшим, Абдула провел с приятностью: напился кофе, погулял-походил, потом побегал по дорожке, — кстати, в первый раз! — было очень удобно. Поприжимался к датчикам: пульс, давление, — интересно же, что там этот гяур-доктор узнал! А что он мог узнать? — Все хорошо! И пульс, и давление — все в полном порядке!

— Не жалуешься на здоровье, Абдула? — неожиданно раздался знакомый голос.

Абдула вздрогнул, обернулся: ну да, она, конечно. И теперь не в конусе света, а сидит на стуле в полностью освещенном помещении, такое небольшое на этот раз — пещера, то ли будуар, — Абдула путался в таких понятиях, — складками тяжелой ткани того же темно-коричневого цвета огорожено-задрапировано пространство, и платье на ней, — ну да, конечно, то же самое. Она хоть пятьдесят лет будет приходить сюда, и все в таком же самом платье. Да, а чего это она так рано? До обеда вон еще четверть часа! Впрочем, она ведь не обязана придерживаться какого-то расписания... Ладно, пришла — воспользуемся случаем.

— Почему они в масках... ну, в повязках? — хрипло спросил Абдула и сам неприятно поразился хрипоте своего голоса. — Они что, так боятся от меня заразиться?

По-хорошему лучше было бы с ней вообще не разговаривать, но больше ни от кого ни на какие вопросы ответа не дождешься, Абдула это уже очень хорошо понял. А она — хотя бы отвечает. Хоть иногда. Вот, и теперь ответила:

— Нет, Абдула, заразиться от тебя они не боятся. Наоборот, они тебя боятся заразить.

«Как это?» — не понял Абдула, выразил лицом недоумение.

— Ты ведь у нас теперь стерильный!.. Я имею в виду, защищен от всяких вирусов и бактерий... И воздух, и вода, и еда — все, чем ты пользуешься, проходит самую тщательную очистку и обработку...

Вот тебе и раз!

— Пока что ты, конечно, еще вовсе не стерильный, прежний твой запас микробов при тебе остался, но постепенно они все вымрут, выведутся, и ты будешь чистый-чистый! — Кимберли поднялась. — Вот потому они и носят маски, чтобы новых микробов сюда не напустить. Ты хочешь спросить, не опасно ли это?

— Да! — кивнул Абдула.

— Не бойся, совершенно не опасно. Исследования велись многие годы. Установлено, что люди, очищенные таким образом и потребляющие чистые продукты, гораздо здоровее и живут много дольше остальных. Правда, если вдруг они вернутся к обычным условиям существования, они могут очень легко заразиться, заболеть и даже умереть: ведь иммунная система организма у них ослаблена от безделья... Да, такая опасность, вообще говоря, существует. Но тебя она не касается, Абдула. Тебе-то возвращение к обычным условиям существования не грозит!

Она подошла к стеклу вплотную, сняла очки и уставилась в Абдулу глубоко сидящими глазами. Абдула смотрел на нее как завороженный.

— Ты проживешь очень долго, Абдула.

И вопреки прямому смыслу этих слов (что, собственно, плохого в обещании того, что проживешь очень долго?) Абдула похолодел.

А Кимберли тем временем все так же ровно продолжала:

— У тебя будет очень много времени, Абдула. Наверняка найдется время и для того, чтобы подумать и даже, может быть, придумать и ответить: зачем ты убил мою маму?..

Свет, как всегда, постепенно погас, она исчезла в темноте, потом стена вернула свой обычный цвет. На часах — 11.51, меньше десяти минут до обеда. Но Абдуле пока что было не до обеда. Отогнать наваждение, рассеять навеянное этой ведьмой настроение — на это ушло около часа. Абдула долго любовался в окно на солнечный пейзаж, бегал по дорожке, делал приседания, потом включил на мониторе веселое кино: боевиков, как он и подозревал, в огромной фильмотеке разыскать не удалось, пришлось остановиться на комедии, где много пели, много целовались и часто попадали в смешные положения. Так им и надо!..

В душе все постепенно успокоилось: что она знает, эта ведьма, сколько кому жить, сколько кому сидеть? Вообразила себя Всевышним! Богом себя вообразили, сволочи! Ну, погодите, всем вам достанется, всем!..

Остаток пятницы, как оказалось, был отведен еврейской школе (Абдула-то надеялся, что на сегодня его уже оставили в покое: не тут-то было!). После обеда, — как раз кино закончилось, — открылось «зазеркалье», и Абдула с удивлением обнаружил там человек сорок мальчиков лет от семи до десяти, в аккуратных черных костюмчиках, в белых рубашечках, в кипах с черно-белым узором, и многие, конечно же, в очках. Вдоль щек у них свисали забавные прядки волос, у большинства прямые, у некоторых вьющиеся: «Пейсы», — догадался Абдула. У мальчиков постарше, которые явились вслед за этими, минут примерно через двадцать, пейсы были позаметнее и вились уже почти у всех («На бигуди, что ли, накручивают?» — подумал Абдула), а у самых старших, которые пришли последними, это были уже замечательные, артистически ухоженные локоны.

Каждую группу сопровождала одна и та же воспитательница лет пятидесяти, сухощавая, высокая, в строгом темно-сером платье, на глазах очки в металлической оправе, манеры угловатые, суровые. Дети и младшие, и старшие слушались ее беспрекословно. Заполняли помещение и выходили из него они совершенно бесшумно, — как это у них получалось в темноте? — Абдула, впрочем, не мог бы сказать, свет ли гаснет в «зазеркалье», или это просто темнеет у него стекло? — «Наверное, стекло темнеет, иначе как бы они так быстро и без толкотни сменяли там друг друга?» — подумал Абдула уже после первой группы. Гордость сделанным умозаключением какое-то время занимала его, потом он подумал: «А как же "она" тогда в конусе виднеется?» — и решил, что, наверное, иногда стекло темнеет, а иногда и вправду свет гасят. Можно будет сравнить оттенки...

Самые младшие сначала чинно выстроились за стеклом, в полуметре от него, — места как раз на всех хватало, — а воспитательница, стоя чуть позади в центре, что-то недолго, минуты три, говорила им на иврите.

Абдула не думал, что их притащили сюда аж из Израиля, нет. Просто и в Америке в еврейских школах детей обучают родному языку — и правильно делают. Евреи вообще молодцы, не то, что эти гяуры, а по-еврейски гои. Вон, и одевают детей, как положено, а не так, словно с детства готовят их к гей-парадам... Абдула родился далеко от Святой Земли и в отличие от большинства своих соратников никакой ненависти к Израилю не испытывал, скорее, наоборот, немного сожалел, что не выходит с ними договориться и вести борьбу против неверных вместе. Вслух со своими Абдула такими мыслями делиться бы не стал: не поняли бы, а жаль! Каких бы дел мы тогда вместе наворочали! Опять же дети Ибрахима — и они, и мы: они от Исхака, мы от Исмаила (который, кстати, старше), но все равно братья!.. — Абдула не вспоминал, что от Исмаила, собственно, происходят одни арабы: в исламе вера важнее происхождения. Хоть и не араб, он считал себя таким же потомком Исмаила, как и чистокровные арабы. Точно так же христиане числят себя потомками Авраама, хотя и чужие ему по крови...

Выслушав объяснения воспитательницы, дети какое-то время молча переминались с ноги на ногу, потом начали шевелиться резвее, постепенно поднялся самый обычный детский галдеж. Кто-то из мальчишек, из самых маленьких, первым догадался, закричал громко по-английски: «Террорист!» — и, сложив руку пистолетом, выставил ее в сторону Абдулы и начал как бы палить, восклицая: «Паф! Паф!» Остальные, словно ждали сигнала, тут же последовали его примеру, и скоро чинный ряд аккуратных ребятишек превратился в орущую потную группу, жмущуюся к центру, поближе к Абдуле, и с раскрасневшимися лицами ведущую по нему плотный беспорядочный огонь растопыренными пальцами: «Паф! Паф-паф!»

Воспитательница детям не мешала, спокойно стояла и ждала минут десять, а потом, когда положенное время, как видно, истекло, громко захлопала в ладоши, сразу перекрыв многоголосый «Паф! Паф!», и дети на удивление быстро умолкли и снова стали в ряд.

Свет в «зазеркалье» погас (или стекло потемнело), а минут через пять там стояла уже другая группа мальчишек, чуть постарше. Эти вели себя примерно так же, как и предыдущие, тоже довольно скоро от созерцания перешли к стрельбе, и Абдула даже подыграл им, вытянув в их сторону обе руки с растопыренными пистолетом пальцами и открыв ответный огонь: «Бах! Бах!»

Дети пришли в восторг и запалили с удвоенным энтузиазмом: «Паф-паф!» Кто-то из них закричал: «Я тебя убил, Абдула, падай!», — остальные подхватили: «Я тебя тоже убил, падай, падай!». Абдула послушно повалился на пол, картинно перекатился раз, два и замер. Дети, постреляв еще немного, смолкли, прижались к стеклу, глядели на лежащего неподвижно Абдулу, не отрываясь. И тогда Абдула неожиданно вскочил с пола и рывком бросился к стеклу, испуская жуткий рев: «Аа-а-а!!!»

Дети в ужасе отпрянули, свет немедленно погас. Никаких звуков из-за стекла больше не доносилось: очевидно, звук здесь, когда надо, перекрывался. Как там воспитательница наводила порядок, Абдула, следовательно, узнать не мог, но справилась она отлично: следующая группа возникла точно по графику, минуты от силы через полторы.

Этим было лет по тринадцать-четырнадцать, и никакой стрельбы с ними не произошло. Выслушав воспитательницу, они сперва спокойно постояли, негромко переговариваясь и обсуждая скорее обстановку в камере Абдулы, нежели самого Абдулу. Один из них, веснущатый и рыжеватый (и в очках, конечно), сделал было движение в сторону Абдулы, как бы намереваясь о чем-то спросить, но передумал и отступил.

Потом они все сгрудились плотной группкой и стали ходить вдоль стекла, следуя за движениями Абдулы, который в этот момент принялся расхаживать по своей камере. Кроме стекла, Абдулу отделяла от них только невысокая кушетка, так что и он их, и они его видели отлично.

— Абдула! — стали доноситься из-за стекла голоса, — сперва робко, потом погромче: — Абдула!

— Ну, чего вам? — повернулся к ним Абдула, остановившись у окна (теперь закрытого).

— Почему ты убиваешь людей, Абдула? Тебе нравится убивать, Абдула?

Вопросы сыпались вразнобой, скоро они слились в неразличимой перекличке, но один, не самый громкий, кстати, вдруг прозвучал совершенно отчетливо:

— А меня ты убил бы, Абдула?

Абдула посмотрел и увидел, кто спрашивает, — тощий невысокой парень, стоявший ближе всех, вытягивая тонкую свою шею и глядя на Абдулу большими карими глазами: очков он не носил.

— Ты хотел бы убить меня, Абдула? — и шея его вытягивалась все больше, как бы приглашая Абдулу сомкнуть на ней ладони и душить, душить...

К счастью, время этой группы тоже истекло.

Последними пришли самые старшие, частью подростки, частью уже юноши. Очков среди них не носил почти никто: может, носили контактные линзы, а может, кое-кто и вылечился, — с возрастом близорукость иногда проходит, особенно с такими, как у них, врачами... По этим, старшим, было ясно видно, что к слою они относятся не к самому среднему: если младшие мальчишки были одеты просто чисто и аккуратно, то эти — элегантно. И вели они себя сдержано, у стекла не толпились, из воображаемых пистолетов не палили и шеи свои для удушения не протягивали. Нет, они держались солидно, разговаривали меж собой негромко и на Абдулу поглядывали с откровенным презрением.

Один из них, повыше остальных, с широкими спортивными плечами, светлой шевелюрой из-под кипы (пейсов он не носил) и светлыми голубыми глазами без очков, отделился от группы парней, с которой беседовал, и со словами: «Да, я скажу» — подошел и стал за стеклом прямо напротив Абдулы, который сидел на кушетке.

— Абдула, — начал он, — я хочу тебе сказать... Да, нас предупредили, чтобы мы тут не ругались, и потому всего, что я хотел бы тебе сказать, я говорить не буду!

Воспитательница насторожилась, но пока не вмешивалась, а из группы, от которой отделился парень, донеслись одобрительные смешки.

— Так вот, — продолжал парень, — ругаться я не буду, это запрещено. Однако у меня есть мнение, и я, свободный гражданин свободной страны, имею право его высказать, и никто не может мне это запретить! — с оттенком вызова он бросил взгляд в сторону воспитательницы: та по-прежнему молчала.

— Так вот, — повторил парень, — по моему мнению, Абдула, ты самый вонючий говнюк на свете!

— Кевин! — строго подала голос воспитательница.

— Да, мэм! — Кевин поклонился в ее сторону. — Я закончил!

И под одобрительные возгласы товарищей он вернулся к группе, от которой перед этим отделился.

После этого наступила очередь девочек. Одетые в те же цвета, что и мальчики, — черные юбочки, белые блузочки, черные жилетки, — и с такими же, как у мальчиков, кипами-шапочками, из-под которых почти у всех выбивались кудряшки, и черные, и рыжие, и светлые, и просто никакие, они вели себя, конечно, по-другому: пальчики в пистолеты не складывали, «Паф-паф!» не кричали, а стояли в ряд, переминаясь, попрыскивая и перешептываясь. Те, что постарше, держались посвободнее, на Абдулу смотрели посмелее, но все равно вопросов никаких не задавали, по крайней мере, в двух первых группах, и что там у них по его поводу кружилось в головах, было непонятно.

Не ясно было Абдуле и то, из разных ли они школ, мужской и женской, или же из одной, — уж очень совпадала форма одежды, — но с раздельным обучением.

Раздельного обучения Абдула не мог не одобрить — и с точки зрения морали, разумеется: нечего недозрелым подросткам переглядываться, обмениваться записками, да и чем похуже заниматься, — но и с точки зрения учебы: мужчинам и женщинам в жизни надо знать разные вещи, разные предметы проходить, и даже те, что будут у них общие, хоть химия, хоть математика, хоть литература, мальчикам и девочкам надо преподавать по-разному... Сколько мир стоит, так было, но теперь этим придуркам разве что-нибудь втемяшишь? — Равенство! Равенство! Где они взяли это равенство? Не было никогда на свете никакого равенства, и впредь никогда не будет!..

В отличие от мальчиков, девочки, оказалось, были разбиты всего на три группы: то ли в этой школе их училось меньше, то ли просто не каждой захотелось посмотреть на террориста. Самые старшие, уже, собственно, девушки, вели себя совсем свободно. В упор, не стесняясь, разглядывали Абдулу, в голос обсуждали его внешность: «Какой коротышка! Злодеи всегда были коротышки! Ну да, Сталин, Гитлер...»

«Наполеон, Ленин!» — хотел добавить политически грамотный Абдула, но сдержался: не стоило с этими соплячками разговаривать, да и плевать он хотел на Ленина с Наполеоном! Слово «коротышка», однако, его задело: вовсе он не был коротышкой, среди своих считался даже крупным, а маленьким казался только по сравнению с этими дылдами...

Одна из девушек, полненькая, с рыжеватыми кудрями из-под шапочки, с дерзким выражением на круглом лице, отошла от подруг и, глядя прямо на Абдулу, который то расхаживал взад и вперед, заложив руки за спину, то приседал на лавке или на кушетке, но совсем от девушек не отворачивался: молоденькие, приятно... — так вот, став прямо в центре и глядя в упор на Абдулу, она сказала:

— Среди погибших в гипермаркете в большинстве были женщины, пятьдесят три из восьмидесяти семи... Вы не могли не предполагать этого заранее: женщины всегда составляют большинство посетителей и персонала в гипермаркетах. Вы, наверное, ненавидите женщин?

— Ну да, он женоненавистник! — раздались голоса. — Или же просто не знает, для чего нужны женщины! Он женщин любит только убивать!

— Абдула, — спросила еще одна девушка, смуглая, с орлиным носом, — А ты когда-нибудь кого-нибудь любил?..

— Там, откуда ты родом,— снова вмешалась первая, — вообще кого-нибудь любят или только всех убивают?

— Там ваши всех убивают! Ваши! — заорал Абдула и уселся на лавку, повернувшись спиной к этим девчонкам.

Настроение испортилось от глупых вопросов и оттого, что в первый раз признался напрямую в своем неамериканском происхождении. «Там» значит «не тут». Прежде он никогда так не попадался, всегда такие вопросы-ловушки обходил молчанием, а тут вот разорался... Ладно, не велика беда. Из тюрьмы меня за это не выгонят, из Америки не депортируют.

Когда умолкли голоса за спиной, до ужина оставалось еще добрых два часа. Абдула обернулся и увидел, что вместо девушек в «зазеркалье» находится группа взрослых людей, четверо мужчин и трое женщин. По кипам и локонам-пейсам на всех мужчинах Абдула догадался, что это, наверное, преподаватели из той же самой школы или школ.

Эти не шумели, громко между собой не разговаривали, никаких вопросов Абдуле не задавали, а только постояли несколько минут, перекинулись двумя-тремя репликами и скрылись в темноте.

А следом появилась, ну, разумеется, «она», «эта ведьма», «стерва», директриса, словом, Ким Барлоу.

Мисс Барлоу, все в том же неизменном платье, расхаживала по пространству «зазеркалья» широкими шагами, заложив руки за спину, как перед этим Абдула, и молчала. Потом остановилась, повернулась к Абдуле и произнесла:

— Ну, как тебе сегодняшний визит?

Поскольку Абдула не отвечал, она продолжила сама:

— Надо сказать, мне стоило огромного труда убедить их приехать сюда сегодня: они боялись не успеть вернуться до первой звезды, боялись нарушить шабат. Переговоры начались четыре месяца назад, задолго до того, как ты сюда попал... Мне пришлось заранее приготовить все необходимое, транспорт, обед: еду мы заказали в кошерном ресторане, здешняя кухня бы не справилась, — ты представляешь себе, что значит приготовить триста порций?

Абдула как раз представлял и очень даже хорошо: дежурил в свой черед на кухне в учебном лагере. Там людей, конечно, бывало за столом поменьше, но все равно совсем непросто накормить даже сотню человек, а тем более такую вот ораву... «И для чего ей это все надо?» — в который раз недоуменно подумал Абдула.

— А еще помещения для занятий, — продолжала Кимберли, — ведь пока одна группа любовалась на тебя, с остальными занимались, читали Тору, пели псалмы...

«Ну да, не зря же навезли столько преподавателей!» — подумал про себя Абдула.

— В общем, все обошлось, — продолжала мисс Барлоу. — Сейчас их развозят по домам, уже последнюю партию, сначала на вертолетах: у меня два прекрасных пассажирских вертолета, по восемьдесят мест, — а потом каждого до своего порога, так что никто из них не нарушит шабат, все будут дома еще до первой звезды. Как видишь, сегодняшний визит мне стоил немалых средств и усилий! Будет жаль, если ты его не оценишь!

«Да она что, издевается?! — мысленно воскликнул Абдула и тут же с возмущением себя одернул: — А ты думал, она чем тут еще занимается? Она что-нибудь еще делает, кроме издевательства?»

— Когда-нибудь я непременно организую визит сюда студентов медресе, тебе, конечно, будет интересно...

Абдула молчал.

— Ну, ладно, — спокойным тоном заключила мисс Барлоу. — Оставляю тебя наедине с твоими мыслями. Тут кое-кто еще захотел на тебя посмотреть, но не думаю, чтобы они стали тебя сильно отвлекать. Это персонал нашей тюрьмы: охрана, повара, водители транспорта, — большинство из них ведь до сих пор в глаза тебя не видели! Но это люди занятые, работающие, им не до пустых разговоров, так что остаток дня ты проведешь спокойно. И сможешь хорошенько подумать на досуге: зачем же ты все-таки убил мою маму?..

С этими словами Кимберли исчезла в сгустившейся темноте. Потом, минуты через три, тьма за стеклом, как всегда, стала рассеиваться, но в этот раз не до конца, «зазеркалье» так и осталось погруженным в полумрак, так что те, кто там находился, — Абдула даже не мог разглядеть, сколько именно их там было! — видели Абдулу отлично, тогда как сам он видеть их не мог.

Субботним утром снова были школьники, но уже не из религиозной школы, а из обыкновенной, светской, государственной.

«Зазеркалье» здорово изменилось: когда они успели, всю ночь работали, что ли? — пространство за стеклом оказалось гораздо больше, чем обычно, как если бы полукруглую камеру Абдулы примкнули к другому кругу, побольше.

Границы круга обрамляли веселые расписные декорации — холмы, березки, кустики в цветах, пол поднимался к декорациям, образуя подобие пологого амфитеатра, на котором здесь и там виднелись скамейки, а пятна на полу складывались как бы в островки ромашек среди травы.

И вот, впервые прямо на глазах у Абдулы, это пространство стало заполняться детьми, причем разного возраста, от младших классов и до старших, то есть вперемешку семилетки, восьмилетки и почти взрослые подростки.

По половому признаку их тоже никто не сортировал, а отличить по одежде или по прическе, кто из них мальчик, а кто девочка, можно было далеко не всегда: на фоне вчерашних, строго и аккуратно одетых детей эти выглядели как стая распущенных, размалеванных, закормленных, —

нет, не обезьян, для обезьян у них, конечно, слишком чистые физиономии, но все равно, каких-то все-таки животных, похожих на людей, но все-таки животных... Человека от животного порядок отличает, а эти ни о каком порядке слыхом не слыхали и слышать не хотели: врывались через завешенные прорези в декорациях, визжали, гонялись друг за дружкой, рассаживались как попало кто на скамейках, кто прямо на полу, и почти у каждого в руках пакетик с чипсами, стаканчик с колой... Пикник, одним словом!

Было их тут, наверное, человек сто пятьдесят, и поначалу ни один из них не обращал на Абдулу ни малейшего внимания: занимались они собой, своим междусобойчиком: кому с кем сесть, где кому встать... Они толкались, отпихивали друг друга от скамеек, потом общее внимание привлекли два парня постарше, типа лидеров или вожатых: они втащили в круг большой какой-то ящик, выяснилось, что это кола, и те из детей, кто до сих пор ее не получил, с радостным визгом кинулись туда.

Взрослых среди этой компании не наблюдалось, никто ни за каким порядком не следил. Те парни, что притащили колу, уселись с баночками на скамейке подальше и ни во что не вмешивались. Абдуле даже подумалось, что сейчас стекло между ним и «зазеркальем» непрозрачно с *той* стороны, настолько школьники игнорировали его присутствие.

Но вот наконец, минут через пятнадцать-двадцать, когда оживление от знакомства с незнакомым местом прошло, а заниматься, как выяснилось, тут было нечем, дети, один за другим, стали поворачиваться в сторону Абдулы, а кое-кто даже поднялся и подошел к стеклу поближе.

Абдула, как уже привык, расхаживал взад и вперед по своему пространству. Сесть, отвернувшись, он всегда успеет, а так — если они пришли сюда глазеть, то и он, Абдула, вдоволь на них поглазеет! Развлечение, почему нет? (Пускать кораблики или же голубей в присутствии детей ему, конечно же, и в голову не приходило: засмеют.)

Он долго вглядывался в лица за стеклом, потом вдруг выбрал себе жертву: довольно пухлого парня с нелепой прической в виде гребня, к тому же зеленого цвета, — такие носят панки или как их там? Уставившись на парня, Абдула протянул в его сторону руку, указывая на него пальцем, и деланно, но громко, захохотал:

— Ты кто, э? Человек или петух?

Парень стал пунцовым, заморгал растерянно: в его политкорректном окружении ему наверняка никто ни говорил ни разу, что выглядит он самым настоящим чучелом!

— А ты? — Абдула повернулся к неопределенного пола существу с короткой круглой стрижкой, в джинсах и свободной блузе: — Ты кто, парень или девушка?

Существо не смутилось, ответило девичьим голосом:

— Я девушка. Показать? — и девица сделала движение руками, словно собиралась задрать свой блузон.

— Отцу своему покажи, чтобы вспомнил, кто у него, сын или дочь!

Абдула отвернулся: внезапное желание посмотреть на то, что она могла бы показать, охватило его с неожиданной силой. «Вот только этого еще мне не хватало», — пробормотал Абдула, с неудовольствием чувствуя, что краснеет.

— И я тоже девушка!.. И я, и я! — донеслось из «зазеркалья». — Показать тебе? Показать?..

— Покажи! — Абдула повернулся, уселся на кушетке, довольно потирая руки. Он успел овладеть собой.— Значит, стриптиз будем смотреть? Отлично, которая начнет? Ты? — ткнул он пальцем в одну из школьниц. — Ты? — ткнул пальцем в другую.

— Вот тебе стриптиз! — показала ему язык та, с которой началась вся эта сценка, и все девушки, гримасничая, отвернулись.

Абдула был доволен: этот раунд он выиграл. Напряженный гул, пробежавший по мужской части аудитории, это подтверждал.

— Эй, Абдула, а ты мне нравишься!

Из толпы выделился и подошел к стеклу прямо напротив Абдулы невысокий худощавый парнишка лет пятнадцати. Скуластое широкое лицо, желтоватый оттенок смуглой кожи, волосы, многими косичками спадавшие на плечи, выдавали в нем ямайское происхождение.

— Я тоже хочу убивать, как ты. Ты меня научишь?

Такого оборота Абдула не ожидал: грех не воспользоваться!

— Ты, правда, мне совсем не нравишься, — осадил он парня. — Но почему не научить? Конечно, научу! Начинать?

Парень скривился, но головой кивнул: начинай, мол. Другие парни тоже пододвинулись поближе.

— Проще всего устроить взрыв природного газа, — начал свою лекцию Абдула. — У вас дома есть природный газ?

Парни согласно закивали. Все ли до одного или же имелись исключения, Абдула разглядывать не стал: важнее было донести мысль до аудитории.

— Ну, вот, достаточно открыть конфорку и подержать ее так... в зависимости от объема помещения и конкретного давления у вас в трубе. Природный газ взрывается при содержании в воздухе от четырех до шестнадцати процентов. Вам, значит, надо рассчитать примерный объем вашей кухни и сколько кубометров газа выходит из конфорки в минуту: эти данные найдутся на сайтах газовых компаний. Прикинули, примерили, наполнили, и потом достаточно мельчайшей искры, чтобы все взлетело на воздух! Здорово, да?

— Ребята, этот придурок вас учит, как взорвать свой собственный дом, а вы уши развесили! — раздался звонкий возмущенный голос девушки или парня, не разобрать.

Аудитория рассыпалась, парни, смущенно улыбаясь, расходились, но парень с Ямайки никуда не двинулся:

— Дом я могу взорвать, положим, не свой, а твой, — ткнул он пальцем в сторону обладателя, но скорее, обладательницы звонкого голоса. — А еще можно школу рвануть, там в кантине тоже газ имеется. Да

мало ли что еще! — потом он повернулся к Абдуле: — А если будет больше шестнадцати процентов, не взорвется?

— Если больше, не взорвется, — подтвердил Абдула.— От шестнадцати до семидесяти двух процентов не взорвется, но загорится, пожар может получиться — хороший такой пожар, большой...

— А если больше семидесяти двух, то и не загорится? — допытывался парень.

— А если больше семидесяти двух, то, правильно, не загорится, но зато все тогда, кто будет в помещении, задохнутся. Тоже неплохо, да?

— Никто не задохнется! — крикнул кто-то возмущенно. — Вонь услышат, и разбегутся! Или просто проветрят помещение!

— Услышат, если днем, — возразил парень с Ямайки. — А если ночью, не услышат, задохнутся... Или сгорят... Или взорвутся.

Парень мыслил вроде бы правильно, однако нравился он Абдуле все меньше. Одно дело, если убиваешь людей *за* дело и *ради* дела. Совсем другое — убивать людей, скажем, за деньги: это никуда не годится, но самое поганое — убивать просто потому, что это тебе нравится. Такие люди — воплощение шайтана... Абдула поежился и чуть отодвинулся от стекла. А парень, словно слыша его мысли, подтвердил:

— Да, мне нравится убивать! Я непременно буду убивать, слышите, вы? — и он свирепо повернулся к остальным ребятам.

Наверное, надеялся, что испугаются, как-то прореагируют: девочки задрожат, малыши собьются в кучу, а парни выдвинутся ему навстречу, сжимая кулаки... Ничего такого не произошло, на его слова почти никто не обратил внимания, все уже снова разбились по своим группкам и болтали о своем. Только один, высокий парень лет семнадцати, стоявший близко, откликнулся на его слова:

— А для чего тебе понадобился газ, Мигель? Разве ты больше не веришь в «вуду» своих предков?

— «Вуду» надо всю жизнь посвятить, — буркнул Мигель, отходя от стекла, — газ дешевле...

Абдула мог бы еще много чего порассказать о подручных средствах устраивать взрывы, пожары и отравления, но, во-первых, больше его никто не слушал, во-вторых, он боялся, что все равно на самом интересном месте вмешается охрана и лекцию прервут: он и то удивлялся, что рассказать про газ ему позволили без помехи, просто потому, наверное, что взрывоопасность газа ни для кого не новость, — но, главное, глядя, как загорелись неподдельной жаждой желтые глаза Мигеля, Абдула задумался, а правильно ли помогать таким шайтановым отродьям? — С одной стороны, конечно, неверных сколько ни убивай, мало не станет. Но все-таки, насколько допустимо связываться ради этого с шайтаном? Сколько ни думал Абдула, ответить на такой вопрос он так и не смог. Ну, время до обеда пролетело, и то хлеб!

После обеда и молитвы, — если точнее, помолился он *перед* обедом, близкая встреча с сатаной располагала к благочестию! — Абдула не-

много походил — для пищеварения, немного послушал музыку: на кино времени бы не хватило, — а потом прилег: хорошо бы поспать подольше, пока «там», — он кивнул на «зазеркалье», — будут тусоваться очередные придурки...

Уснул он сразу, но проспал не больше часа, проснулся ровно в два: обидно, шума никакого, самолеты не летают, — уик-энд, суббота, а сна больше ни в одном глазу!

«Ладно, — подумал он, садясь и потягиваясь на кушетке, — посмотрим, что там еще эта стерва приготовила!» — ему это уже было даже любопытно.

Но «стерва» ничего нового на этот раз не приготовила: ту самую площадку, что и утром, в тех самых декорациях заполнила такая же точно группа детей и подростков, таких же расхлябанных и таких же упитанных. Их можно было бы принять за тех же самых, но, поискав глазами, Абдула не обнаружил среди них ни желтоглазого Мигеля, ни дерзкой девчонки, ни пухлого панка: другие панки были, целых три, но выглядели по-другому.

Задирать и заговаривать с ними Абдула поостерегся, и три часа прошли для него довольно скучно: ребята то обращали на него внимание, толпились у стекла и что-то там кричали, — Абдула подчеркнуто не слушал, — то расходились-разбивались по своим группкам и занимались чем-то своим: толкались, перекрикивались, бегали взапуски, пили колу, жевали чипсы...

Минут на сорок, — сытный обед располагал, — Абдула укрылся на унитазе, остальное время тоже как-то прожевалось и растворилось. Погасло, наконец, стекло, дети скрылись. 05:02 PM, два часа до ужина.

«Стерва» появилась в «зазеркалье» в 05:07, ровно через пять минут. За это время поле зрения за стеклом ограничили, скрыв легкомысленные декорации, развесили темно-коричневую драпировку, покрыли ею пол, и перед глазами Абдулы снова было то небольшое помещение, в котором «стерва» появлялась чаще всего.

— Да, дети... — вздохнула она. — Послушай, Абдула, ты никогда не планировал взорвать какую-нибудь школу или детский садик?

Абдула возмущенно смолчал, и она продолжала:

— Это же так просто, не нужно даже никакой взрывчатки... Подучил какого-нибудь несмышленыша, чтобы пробрался в кухню, незаметно открыл конфорку... С этим даже пятилетний справится... А потом приходит в кухню повар, чиркает чем-то или просто включает свет, и — ба-бах!

Кимберли картинно вскинула руки, широкие рукава платья упали, обнажая руки до локтей. Потом руки снова опустились.

— Ладно, не жалей... В жизни не все выходит, как хотелось бы...

Она прошлась взад и вперед. Абдула по-прежнему молчал.

— Ну, хорошо, — снова заговорила она. — Сейчас тебя опять придут смотреть работники нашей тюрьмы, те, кто не смог вчера... Люди

они, как ты мог уже убедиться, спокойные. Не поручусь, конечно, в их симпатиях к тебе, скорее, наоборот. Но, к счастью, между вами будет вот это вполне надежное стекло. К тому же среди них нет ни одного, кто лично пострадал бы от твоих... будем говорить прямо, Абдула: твоих преступлений. Пострадавшего я бы и не стала нанимать, чтобы не давать повода подозрениям в предвзятости... Так что ты можешь чувствовать себя в полной безопасности. Никто из них тебя не тронет, никто даже не спросит ни о чем, как спрашиваю я: Абдула: зачем ты убил мою маму?

Утром в воскресенье за стеклом возникло то же небольшое, задрапированное тканью помещение, в котором Кимберли появлялась чаще всего.

На этот раз она там находилась не одна, с ней был высокий немолодой мужчина с залысинами на все еще пышной седоватой шевелюре и в очках. Лет ему было хорошо за шестьдесят, но выглядел, как водится у гяуров, он очень свежим и моложавым. В правой руке он держал большую изогнутую трубку, но в рот ее не клал, зажимая большим пальцем чашечку, и было ясно, что табака в ней нет либо он не горит.

В помещении имелось два удобных полукресла, но оба, и Кимберли, и ее спутник, не сидели, а стояли вполоборота друг к другу и к Абдуле.

— Вот Абдула, папа, — сказала Кимберли, указывая рукой в сторону стекла.

Мужчина начал было какую-то фразу по-арабски, но с таким жутким акцентом, что сам смутился и умолк на полуслове. Абдула, даже если бы знал арабский гораздо лучше, все равно бы ничего не понял. Мужчина, а собственно мистер Барлоу, сделал шаг в сторону стекла и заговорил уже по-английски:

— Я хотел вас спросить, Абдула: почему вы так озлобились?

Абдула ничего не отвечал, и мистер Барлоу после короткой паузы продолжил:

— Неужели у вас не нашлось бы иного выхода, нежели закончить свою жизнь... вот здесь?.. — он обвел рукою с трубкой камеру Абдулы.

— Нет, я конечно, понимаю, — продолжал мистер Барлоу, — у вас наверняка было ужасно тяжелое детство: война, бомбежки, скорее всего, голод... Вам было тяжело...

«Что ты знаешь, что значит: “тяжело”?» — со злобой подумал Абдула.

— Я вовсе не хочу равняться с вами, но, знаете, мое детство тоже было несладким... По-своему, конечно, — без голода и бомб, но с вечно пьяным отцом... Для ребенка это, может, не намного лучше бомбежки.

Абдула ничего не отвечал, но мистер Барлоу, как видно, вовсе не нуждался в ответных репликах. Речь его текла спокойно, без долгих запинок: сказывался, очевидно, преподавательский опыт.

— Мы жили в Абердине, в Шотландии, — говорил он. — Моя мама шотландка, а папа шотландцем не был, но пить пытался, как шотландцы, а это безнадежная затея: нужно быть шотландцем, чтобы пить по-шотландски...

Абдула не знал, как пьют шотландцы, но помнил, как пьют русские, и потому не мог не согласиться, что в таких делах ни в коем случае нельзя недооценивать генетики и национальных традиций. Вот взять, к примеру, анашу (русские почему-то называли ее «план»). В тех странах, откуда родом Абдула, ее испокон веков употребляли все, от мала до велика, и курили, и даже плов, случалось, посыпали — и ничего, никто с ума от этого не сходил!

Сам Абдула тоже пару раз побаловался, еще в детстве, но ничего особенного не почувствовал. Ему так и говорили: надо «прикуриться», но специально «прикуриваться» как-то не захотелось, и Абдула так и остался в стороне от этого увлечения. Он мог иногда сделать затяжку-другую, чтобы поддержать компанию, как непьющий европеец может чокнуться с друзьями, но сам об анаше не вспоминал. И все соплеменники Абдулы относились к ней так же спокойно: при случае покурят, но всю свою жизнь завязывать на конопле никто не станет!

Исключения бывают, как не бывать, но уж никак не больше, чем в Европе пьяниц!

А что случилось с этими «культурными» и «цивилизованными», едва они дорвались до той же анаши и прочего, чем на Востоке всегда умели только баловаться? Какая пошла у них повальная наркомания! Сколько жизней искалеченных, сколько судеб покореженных! Какие меры драконовские принимают, сколько людей по тюрьмам сидят только потому, что нашлось в кармане чуть больше этой самой анаши, чем разрешил какой-то там Верховный Суд?! Кстати, меньше бы запрещали, меньше бы употребляли: никто не стал бы специально по школам малышне бесплатно дозы раздавать, чтобы создавать себе клиентуру. Невыгодно бы было. А так — отдача докатилась и до самого Востока: на родине у Абдулы сегодня сельскохозяйственное производство прекратилось почти полностью, крестьяне выращивают продовольствия ровно столько, чтобы самим хватило, а все остальное засевают коноплей и маком: так гораздо выгоднее! Да что там — «выгоднее», иначе там сегодня просто не проживешь! «И вот теперь, по-ихнему, выходит, что мы — наркодельцы, а эти свиньи — пострадавшие?! У, зар-разы!» — Абдула едва сдержался, чтобы не зарычать.

Мистер Барлоу тем временем рассказывал, как ему приходилось прятаться от пьяного отца в углах пустынных комнат: дом у них был большой, достался от шотландских предков матери, но не обставленный как следует и неотапливаемый, холодный.

Однажды, когда папаша слишком сильно разбуянился, пришлось залезть даже в каминную трубу (для маленьких ног Дэнниса там нашлись достаточно удобные выемки-опоры) и проторчать там, коченея, чуть не два часа, пока родитель не угомонился.

Едва закончив школу, Дэннис ушел из дому. Отец к тому времени сильно сдал, съежился и, хотя скандалил и ругался по-прежнему, но больше рук не распускал: мать стала с ним справляться.

Дэннис добрался до Глазго, поработал в недорогой столовой подавальщиком, а потом устроился помощником стюарда на один из последних пароходов, все еще совершавших тогда регулярные пассажирские рейсы через Атлантику, а когда линию закрыли, Дэннис сошел на берег со своего последнего рейса не в Англии, а в Америке.

Дальнейшие подробности, про то, как Дэннис путем упорного труда и старательной учебы закончил колледж, и тому подобную сентиментальную информацию Абдула пропустил мимо ушей.

— Так что, как видите, можно и вправду подняться с самого дна... — мистер Барлоу как бы в смущении развел руками. — Если бы вы захотели, у вас бы тоже так могло получиться...

Ха, чтобы он сказал, если бы узнал, что как раз вот это у Абдулы прекрасно получилось? Что колледж он как раз закончил, не филологический, конечно, а технический, но кто сказал, что это хуже? Немного прирабатывать ему там тоже приходилось, но потом удалось получить стипендию, для студентов-выходцев из мусульманских стран, так что с учебой у него все прошло достаточно легко. И по математике он был там из самых первых, и по химии... потому, наверное, и заметили, потому и... что... завербовали? — подвернулось непрошенное слово. Да нет, конечно, не завербовали, возмущенно возразил себе Абдула. Не завербовали, а призвали, призвали на борьбу, достойную мужчины-мусульманина! Аллаху акбар! Велик, велик Аллах!

— Но вы, наверное, подумали, — продолжал мистер Барлоу, — что колледж — это пустяки по сравнению с тем, что я женился на миллиардерше... Однако, должен вам сказать, что я вовсе не женился на миллиардерше! Точнее, ни я и никто в колледже даже не подозревал, что Кимберли — миллиардерша! Мне нравилась она сама, а не ее миллиарды! Она вела себя так скромно, все время, пока я за ней ухаживал, ни разу не показала, что у нее много денег! И позволяла за себя платить — в кино, в кафе, повсюду и всегда, ну, почти всегда! У меня тогда уже был неплохой заработок, я мог себе позволить приглашать свою девушку в кино или в кафе. Но если я порой все же оказывался без гроша, она тогда делилась со мной своим кошельком так по-дружески, что мне и в голову не приходило что-то заподозрить! — он перевел дыхание. — Она призналась мне в своем богатстве только после того, как я ей сделал предложение, представляете? Она сказала: «В общем, я не против, но есть одно препятствие, не знаю, как ты на него посмотришь!» Я подумал, — ну, что я мог подумать, что бы подумал каждый на моем месте? Что у нее, наверное, кто-то до меня уже был! Я ведь вырос еще до «сексуальной революции»... В те годы, знаете ли, на это еще смотрели по-другому, не то, что в наши дни... Конечно, это бы меня не остановило, но все же было неприятно, я ждал, что вот сейчас она признается, а когда оказалось, что речь идет всего лишь о деньгах, я испытал такое облегчение!

«Еще бы!» — хмыкнул про себя Абдула.

— Ну да, я даже не сразу «врубился», как теперь говорят, а когда «врубился», так обрадовался! Мне ведь и вправду совершенно не нужны были ее миллиарды, ни тогда, ни сейчас! Я до сих пор живу на то, что зарабатываю сам, я ведь совсем неплохо зарабатываю: лекции, статьи, выступления... Меня много приглашают, меня считают очень квалифицированным специалистом, я часто езжу в интересные научные командировки, объездил весь Восток. Я ориенталист, бывал, наверное, и в вашей стране...

Абдула сделал каменное лицо: намеки о «своей стране» его по-прежнему нервировали. Сам факт, что все они так уверенно говорили о «его стране», то есть откровенно не считали его природным американцем, ему решительно не нравился. И почему, главное, как узнавали, — по акценту? Но, во-первых, говорил он по-английски довольно хорошо и бегло, свои все это признавали, а во-вторых, сколько народу говорят гораздо хуже него, хотя и родились в Америке, хоть тот же мусорщик из гипермаркета! Однако мистер Барлоу его реакции не замечал, он занят был своим:

— Конечно, если бы не Кимберли, не ее богатство, я летал бы в свои командировки не бизнес-классом и останавливался бы не в таких отелях, но мне бы и туристский отлично подошел... Это Кимберли хотела, говорила, что это ее право — оплачивать свои собственные удобства. Она ведь часто ездила со мной, особенно в первые годы, мы очень с ней дружили... Потом, когда у нас родилась Кимберли-младшая, — мистер Барлоу с улыбкой повернул голову к дочери, потом снова обратился к Абдуле, — она стала ездить реже. Я тогда думал пересесть в туристский класс, но она настояла, убедила... Доказала мне, что для ее бюджета это сущие гроши, а для ее спокойствия сознание того, что у меня не будет ни малейших неудобств, куда важнее грошовой экономии. В общем, я согласился, тем более что для того, чтобы полностью успокоить мою совесть, она предложила за каждую мою поездку бизнес-классом оплачивать поездку на каникулы какого-нибудь неимущего студента из дальних стран. Обычно это были студенты-африканцы, они, как правило, годами не могут съездить к себе домой: дорога в Африку стоит очень дорого, знаете ли... Да, в Африке бывать мне тоже приходилось...

Мистер Барлоу ненадолго умолк, как видно, вспоминая свои поездки. Потом продолжил:

— К маме мы с Кимберли тоже ездили каждый год, ей нравилось в Шотландии... Кимберли-младшей тоже там нравится...

Он еще раз посмотрел на дочь. Та больше не стояла на ногах, с удобством расположилась в полукресле и никакого в разговоре участия не принимала, только слушала: впрочем, это и разговором трудно было бы назвать, Абдула тоже ведь молчал, говорил один мистер Барлоу:

— У мамы все хорошо, особенно с тех пор, как умер мой отец...

Тут он снова сделал паузу, подумал, наверное, о том, каково это быть человеком, от смерти которого кому-то стало хорошо. Впрочем, таких людей, наверное, не мало? Наверняка кому-то стало хорошо и от смер-

ти тех, о которых позаботился Абдула! Только сюда их почему-то не приводят... А мистер Барлоу, почтив секундной паузой память отца, продолжил свою мысль:

— Словом, денег мне вполне хватает. Свои доходы с капитала я почти не трогаю, — да, у меня ведь сразу появился капитал, как только я женился. Кимберли тогда положила на мой счет огромную сумму, я стал возмущаться, но она еще больше возмутилась: «Что, я не могу, как порядочная жена, принести своему мужу приданое?» Ну я и согласился (видно было, что соглашался он с женою часто и охотно), только мне все равно бы никогда не удалось придумать, на что можно потратить такую прорву денег. Тем более, что этот капитал под ее управлением постоянно возрастал... Он возрастает и сейчас: Кимберли-младшая унаследовала финансовые таланты своей матери и деда...

«Кто бы сомневался!» — хмыкнул про себя Абдула, а мистер Барлоу в третий раз с нежностью посмотрел на дочь.

— Ну, вот, — как бы смущенно пожал он плечами, — я попросту не знаю, что с ними делать, с этими деньгами, только жертвую, на колледж, на больницы, на стипендии для способных неимущих студентов... Ну да, вот это я могу дополнительно к своему заработку. — Он сделал очередную паузу. — Конечно, если бы не Кимберли, не ее богатство, я не носил бы такой костюм и ездил бы на «гольфе», а не в «плимуте»... Одежду и машины она всегда сама мне выбирала, теперь выбирает Кимберли-младшая (он упорно называл свою дочь именно так, словно слова «Кимберли-младшая» оттеняли существование, хотя бы в прошлом, Кимберли-старшей), ведь мне-то совершенно все равно, какой у меня костюм и на какой машине ездить... Да и куда мне ездить на машине? У нас в стране такие удобные железные дороги, такое замечательное воздушное сообщение... — при этих словах он слегка осекся и внимательнее глянул на Абдулу. — Да, летать на самолетах, впрочем, стало намного неудобнее, благодаря вам и вашим... компаньонам... Туфли на контроле приходится снимать, а недавно отобрали при посадке несессер: там были ножнички, всякая металлическая мелочь и еще такая металлическая штучка для трубки, набивать... Отобрали и выбросили в мусорный бак. Надо было спрятать в багаже, а в салон теперь даже такого брать с собой нельзя. Хорошо хоть трубку не отобрали... — Он повертел рукою с трубкой, заметил запонку на манжете: — Да, вот у меня запонки золотые, дочка подарила... — Он ласково глянул на Кимберли-младшую, в первый раз назвав ее «дочкой». — Я благодарен ей, конечно, ношу, раз ей нравится... Но мне-то совершенно все равно, какие у меня запонки! Мне все равно, каким я летаю классом! Кимберли предлагала мне купить для моих поездок реактивный самолет, большой, двухмоторный, с экипажем, с летчиками и со стюардессой, но мне совсем не нужен самолет! Мне вовсе был не нужен самолет ни с летчиками, ни со стюардессой, не нужны мне были ее миллиарды! — голос его повысился: — Мне нужна была она сама, Кимберли! Она была такая славная! Видели бы вы, какая она была славная!

Абдула ее видел, на фотографиях, и даже готов был согласиться с такой характеристикой, но внешне выражать этого не стал. А мистер Барлоу помолчал немного, переводя дыхание, а затем сделал еще шаг навстречу Абдуле и, глядя на него в упор, спросил, еще более высоким голосом:

— Абдула! Зачем ты убил мою жену?!

Вопрос, конечно, не был совсем уж неожиданным, но Абдула все-таки вздрогнул. Мистер Барлоу, отвернувшись, вынул из кармана зажигалку с хоботком, специальную, и принялся раскуривать свою трубку. Его дочь подошла к нему и ласково положила руку ему на плечо. Свет за стеклом погас. Стена осталась черной.

Абдуле впервые за все время сделалось как-то странно не по себе. Мистера Барлоу наверняка тоже можно было бы во многом упрекнуть, как всех этих свиней, но вот сам он свиньей определенно не был. Жену свою он по-настоящему любил и к миллиардам, судя по всему, действительно был совершенно равнодушен, а это редкость. Конечно, было бы смешно думать, что он и вправду жил на свои заработки: это на всем готовом, жена и дочь ему одежду выбирают, запонки-машины покупают, билеты в бизнес-классе оплачивают, да еще капитал приумножают! При такой жизни на свои собственные заработки он себе разве что газеты да табак для трубки покупает! И после стольких лет комфорта он вряд ли стал бы так охотно пользоваться туристским классом, это ясно. Однако сам он как будто верил тому, что говорил. И жена ему была действительно дороже бизнес-класса. Абдуле стало его жаль. Впервые испытав такое чувство, Абдула толком не знал, как к нему относиться. Можно ли жалеть врагов? — Подумал и решил, что можно. Это щадить их нельзя, а жалеть — почему нельзя? Можно. Но надо будет посмотреть в Коране...

Словно подслушав его мысли, «она» внезапно возникла за стеклом в конусе света, теперь уже одна, ни отца, ни мягких стульев в помещении больше видно не было.

— Мой отец очень любит Коран, Абдула, — сказала она, и Абдула чуть не подпрыгнул от такого совпадения. — Он говорит, что это замечательная поэзия, и часто читает оттуда целые отрывки, конечно, по-английски, чтобы мне было понятно...

«Да уж конечно!» — хмыкнул про себя Абдула: арабский мистера Барлоу он слышал.

— У тебя бы, наверное, получилось гораздо лучше... Ты бы мог читать и по-арабски, я думаю. А не умеешь, мог бы выучиться, там есть... — Она повела подбородком в сторону монитора за спиной у Абдулы. — Почему ты так мало читаешь, Абдула? Ты не любишь читать? Даже Коран? Там так много говорится о милосердии! Я ведь кое-что запомнила, хочешь, процитирую?

— Ваши говорили, даже дьявол может цитировать Священное Писание! — огрызнулся Абдула.

— Да, безусловно, может, — кивнула в ответ мисс Барлоу. — Может и цитировать, и комментировать, и даже переписывать...

«Что она, собственно, имеет в виду, эта стерва?» — возмущенно подумал Абдула. Но конус света вокруг нее уже погас, а стенка оставалась черной.

Вопроса своего сегодня Абдуле она не задала.

Больше до обеда Абдулу сегодня никто не беспокоил, свет за стеклом скоро зажегся, но помещение оставалось пустым.

После обеда тоже как будто никто не приходил. Стекло, утратив свой светло-зеленый цвет, все время оставалось черным.

Несколько первых минут Абдула полагал, что это просто случайная задержка, потом подумалось, что, может, и сегодня там персонал, прячется во тьме... Но в это время полыхнула короткая вспышка света, ровно на столько, чтобы убедиться: в «зазеркалье» пусто, — и снова чернота.

Казалось бы, нет никого, и ладно! Однако очень скоро Абдула почувствовал, что эта пустая чернота тревожит и раздражает его гораздо больше, чем дурацкие вопросы очередных визитеров. К тому же непонятно, в конце концов, правда там нет никого или же все-таки кто-то прячется, войдет и выйдет?

И эти неожиданные вспышки света, через неправильные промежутки и на неравные отрезки времени — то несколько секунд, а то и целых полминуты...

Не помогли ни «самолетики», ни долгая отсидка на унитазе: я тут сижу, а они там смотрят... Или не смотрят? — Да, вечер воскресенья показался Абдуле самым тяжелым.

V

Наутро в понедельник появилась очередная группа инвалидов, человек пятнадцать. Эти были заметно меньше покалечены, чем предыдущие: в колясках никто не сидел, на костыли не опирался, рук загипсованных на перевязи не держал, и лица забинтованные белыми пятнами не светились, только пять или шесть опирались на палки, да еще столько же сидело на стульях. В основном инвалидность выдавали осунувшиеся лица, нерезкие движения...

Абдула приготовился услышать: «Зачем ты перебил мне ноги, Абдула? Зачем ты отбил мне почки, Абдула?» — но посетители молчали.

Они молчали полчаса, сорок минут, час... Потом неторопливо удалились, так и не сказав ни слова. На этот раз при их уходе свет не погас, они так и вышли, раздвигая портьеры на глазах у Абдулы; тем, кто сидел, помогли подняться со стульев и выйти остальные. Что там, за портьерами, подглядеть не удалось, да и что там будет? — Пустое пространство, видел же, когда там школьники бесились!

«Самолетиков» при инвалидах Абдула не запускал, а когда они вышли и минут пятнадцать в «зазеркалье» было пусто, подумал, не взяться ли. Однако свет погас, потом минуты через две зажегся, и появилась новая группа, такая же, как перед этим.

«Э, ну вас!» — подумал Абдула. Разглядывать новых посетителей он демонстративно не стал: пошагал по своей камере, потом даже побегал, поотжимался от кушетки, раз десять: вы инвалиды? Ну, а я вот — нет! Глядите! Еще глядите! Он даже перекувыркнулся через голову: на мягком полу кувыркаться было легко и приятно.

Когда следом за этими явилась следующая группа, Абдула даже не видел, как они выходили-заходили, при свете или без, — к исходу часа он специально укрылся на унитазе. «Пусть они там ломают себе голову над сценарием: гасить свет, не гасить, — а я даже смотреть на это не хочу!» Абдула был доволен, записал себе очко. К тому же и движения его взбодрили.

На третью группу Абдула не удержался, посмотрел. Она была поменьше: четверо сидели — три женщины, один мужчина, семеро стояли — трое мужчин, две женщины и еще двое — сразу и не разобрать: короткие волосы, джинсы-блузоны, да нет, конечно, бабы, — всех округлостей не спрячешь, хотя и похудели, от переживаний... Ничего, для них это даже полезно, лишний жир согнать, и без диеты, за бесплатно! «Спасибо мне должны сказать!» — Абдула хмыкнул.

К физическим упражнениям после часа интенсивных занятий больше не тянуло, и Абдула растянулся на кушетке, спокойно пролежал весь этот последний предобеденный час. Глаза зажмурил, от стенки отвернулся: глядите, сколько влезет, на мою задницу!

Перед самым обедом, как всегда, явилась «эта стерва», мисс Барлоу. Прогрохотал, как по заказу, самолет, она немного помолчала, пережидая грохот. Абдулла, увидев ее мельком, больше в ту сторону не смотрел; уселся на кушетке к ней спиной и уставился на часы: 11:57 AM, — терпеть от силы три минуты.

— Приятного тебе обеда, Абдула, — донесся из-за спины ее спокойный голос. — Но, переваривая пищу, не забывай подумать, ты помнишь, о чем... — пауза.

И — ожидаемый вопрос:

— Абдула, зачем ты убил мою маму?..

Обед принес, конечно, облегчение, но Абдула с унынием отметил, что прежней радости ему шурпа уже не доставляет. Привык, приелось, да и пожелание «приятного обеда» от «этой стервы» радости не прибавляло.

Шурпу он выбрал сам. Возможность выбрать что-нибудь другое, как всегда, имелась, но Абдула понимал: разнообразием тут делу не поможешь. Да и не привык он к разнообразию... Зачем оно? А если тут и вправду полвека просидишь, любое разнообразие покажется однообразным... Абдула пригорюнился. Вот и молитву надо было перед обедом совершить. «Эх, ты!» — укорил себя Абдула. В принципе, можно и

сейчас, но настроения ни на молитву, ни даже просто на монитор не было никакого.

Абдула снова разлегся на кушетке и, упрекая себя, что тратит зря драгоценные свободные минуты, собственно, целый час, так с упреком и уснул... Спал он несладко, снилось что-то тягостное, часто просыпался и снова забывался в тяжелой дреме... Как бы то ни было, так пролетело добрых три часа. Когда совсем уже проснулся, на часах светилось 04:01 PM. «Вот здорово! Выходит, добрых два визита я проспал!» — поздравил себя с небольшим, но явственным успехом Абдула.

Но — два проспал, а три еще осталось! Вот они, сидят, стоят — такие же, как утром... Нет, не совсем такие, переговариваются между собой, негромко так, вполголоса, но, сразу видно, обсуждают Абдулу, даже руками на него порой показывают, словно по статям разбирают. «Вот и спи при них!» — Абдула резко поднялся. Ну, туалет, умылся, минут пятнадцать одолел. А дальше? Ведь до семи еще так далеко!..

Откуда их столько? Если по группе в час, выходит восемь групп, да по пятнадцать человек на группу — выходит сто двадцать человек. Где она только их берет? Хотя, если восемьдесят семь убитых, то раненых должно быть в четыре-пять раз больше, вот и получается, как ни крути, четыреста. Если они будут вот так, по сто двадцать в день приходить, то дня на три их точно хватит. Ну, ладно, а потом? — «Э, про "потом" пусть эта стерва голову себе ломает!..» — Абдула выбросил эти подсчеты из головы.

Он вспомнил, как собирался играть с самим собою в шашки-шахматы, но дело не заладилось. В субботу вечером и в воскресенье играл на мониторе, неплохо было, — Абдула вообще неплохо играл в шахматы, средний уровень компьютера обыгрывал, хоть и не без труда. Но монитор с компьютером — это одно, а если без него? На мониторе и другие игры — сколько хочешь. Трехмерных с «терминаторами» и стрельбой, конечно, нет, но есть другие: Абдула еще не разглядел, какие именно, но тех, которые из Виндоуза, полный набор. Абдуле особенно нравился «сапер», еще на воле готов был ковыряться с ним часами, так навострился, что, бывало, меньше чем за 120 секунд находил все бомбы.

Но это если монитор включен, а тогда и без «сапера» найдется, чем заняться. Главное, вот сейчас, — а как? Фигурки можно вылепить из хлеба, это легко, но доску чем расчертишь? — Казалось бы, такой пустяк — доску расчертить, а получалось, нечем. Стол есть, поверхность подходящая, но линии чем, клубничным джемом, что ли, наносить? — Ведь ничего другого в камере не сыщешь!

Абдула с досадой представил, как будет липнуть клубничный джем, мазаться на пальцы, на фигуры... — нет уж. Попробовать нарвать квадратики из полотенца, поаккуратнее, прикрепить хлебным мякишем, в «шахматном порядке»?

Попробовал, восторга не испытал: мнутся, загибаются, отрываются... Ну, если постараться, можно и привыкнуть. Все равно, делать больше нечего. Теперь фигуры: булочки все одного цвета, надо за ужином хлеба ржаного в меню отыскать, если найдется... А если нет, придется вместо

цвета выдумать для фигур разные формы... Скажем, одни плоские, другие круглые. Или круглые и квадратные. Э, все равно, нехорошо, путаться буду. Ну, тогда сначала шашки, легче будет разбираться. Потом уже за шахматы возьмусь. Времени много, спешить некуда... Стоп, кажется, придумал: бумагу можно слегка размочить, скатать из нее жгутики и такими жгутиками-колбасками выложить решетку, вот и получится доска! Черные клетки нашлепками из той же бумаги отметить, и все, играй! Здорово!

Абдулла тут же принялся за дело. Главная трудность — не перемочить, чтобы бумага не стала растворяться. С нескольких попыток удалось найти более-менее подходящую пропорцию, скатать и выложить два жгутика углом, но пока пробовал следующий, самый первый высох и начал рассыпаться в порошок. Вот тебе и на!

Ладно, придется просто расположить в шахматном порядке хлебные нашлепки. Тоже неплохо: чем не доска?

Возня со жгутиками и с хлебным мякишем напомнила Абдуле про «клейстер»: так люди, посидевшие в советских тюрьмах, называли особый клейкий материал, который умельцы производили там из черного хлеба. Хлеб для этого жевали, потом прожеванную кашицу протирали ложкой сквозь марлю или ткань и то, что получалось, размазывали тонким слоем по листу бумаги и вешали сушить. Подсушивали не до хрупкости, а все еще пластичный материал сминали, разминали и лепили из него всевозможные поделки: брелки, чаще всего в виде туфелек-мокасинов, те же «зари», то есть игральные кости... На мокасины наносили аккуратный узор из мелких обрезков соломы, а солому добывали из метелки, которая имелась в каждой камере: одной соломинки хватало на множество поделок. Подсохнув окончательно, клейстер становился твердым, как камень, и практически вечным: Абдула видел такие мокасинчики у «сидельцев», завершивших свой срок в советских тюрьмах добрых двадцать лет назад.

Да, «зари» бы из клейстера слепить, вот бы получилось развлечение! Играл бы сам с собой на визитеров: Абдула с удовольствием представил, какие у них будут рожи, когда он поставит на кон кого-нибудь из них — вот, скажем, этого, потолще. Стои́т, на Абдулу кивает, что-то соседу говорит, а подойти сейчас к нему и крикнуть: «Эй, я тебя проиграл! Теперь придется тебя зарезать!» Ха-ха!

Но это точно надо клейстер: просто из хлеба слепишь, тут же рассохнутся, раскрошатся, развалятся... И чем на них очки прикажешь выцарапывать, ногтями? — Не получится. Не видно будет. На клейстере как раз бы получилось хотя бы цифры нацарапать, хоть римские, хоть арабские... Вот именно, «арабские»... Даже цифрами нашими пользуются, а туда же: «Наша культура! цивилизация!»...

Как уже отмечалось, Абдула в подобных случаях от арабов себя не отличал.

Однако клейстера тут не сделать: никакой тряпки в камере не найдется, чтобы процедить... А если не процеживать, просто пожевать не-

много и потом налепить?.. На что? — Бумаги нет, эта, от полотенца, растворится... Прямо на стену, на окно? — Нет, пачкать окно Абдуле не захотелось, давай на стену что ли...

Вынул из-под заслонки свежую булку, смял небольшой кусочек, прожевал слегка, ляпнул на стенку: ну, что? А вот что: кусочек прямо на глазах набух дополнительной влагой и вдруг всосался в стенку с ясно различимым всхлипом, как прежде мыльная пена на полу ванной или брызги кофе здесь, в камере.

Вот тебе и раз! Хорошо хоть, на столе нашлепки... Да нет, нашлепки тоже! Повлажнели на глазах и так же быстро, на глазах, всосались! На влагу, сволочь, реагирует! Ну, стерва! Ну, гадина!.. — Абдула чуть не заревел от злости. Хотя, чего реветь? Разве ты раньше об этом не догадывался, еще когда окошко думал, чем занавесить? — напомнил себе Абдула. — Но тогда еще более досадно, что забыл, дураком себя выставил... — Он раздраженно зашагал взад и вперед. Только тем и утешился, что за всеми этими занятиями-размышлениями время визитеров почти что истекло.

Абдула смахнул прямо на пол мятые бумажные квадратики от неудачной шахматной доски: сами пусть убирают, раз такие умные! — и повалился на кушетку.

Спать не хотелось, а хотелось просто себя жалеть. Этим Абдула и занимался, пока чуть не над ухом у него не прозвучал знакомый ровный голос:

— Сегодня тебя можно поздравить с первым юбилеем, Абдула. Прошла почти неделя, как ты здесь. Завтра пойдет вторая. Их у тебя будет еще много, Абдула! Спокойной ночи...

«Да, их и вправду может оказаться слишком много... — подумалось Абдуле. — Не дай бог, я действительно останусь тут на полвека, тогда... — он по привычке быстро сосчитал: — по пятьдесят две недели в год, за пятьдесят лет получится две тысячи шестьсот недель... И семь недель еще по дню на год накинуть, и високосных, начиная с этого... Нет, в этом году февраль уже прошел, значит, от високосных добавится еще двенадцать дней, без двух дней две недели... Да еще день на пятидесятый год... Всего выходит без одного дня две тысячи шестьсот девять недель».

Цифра получалась удручающей...

Абдула уже как будто бы привык ничему тут не удивляться, и все же утро вторника с самого начала показалось ему необычным. В девять часов, как ожидалось, монитор исправно погас, растворилась в своей неимоверной прозрачности стенка ванной, отключились спортивные тренажеры, намертво прильнули к стене рукояти эспандера: там ведь под ними еще углубления, в которые они утапливаются, нипочем не ухватишь, если неподвижны! Все предусмотрела стерва! Хорошо хоть, шведскую стенку не догадалась на день внутрь втягивать!.. Абдула подошел к ней, потрогал: как всегда, разминаться на глазах у визитеров, изображать им обезьяну Абдуле не хотелось.

Но дело в том, что никаких визитеров не было! Стенка-стекло, вроде бы пару раз нерешительно мигнув, — Абдула не уверен был, правда ли видел или почудилось, — так и осталась непрозрачно-салатовой. С чего бы это, неужто поломалась?!.. — Слишком поспешно радоваться Абдула не торопился: кто их там знает, что они задумали, — а уже минут через пять с удивлениием обнаружил, что радоваться, собственно, особо нечему!

Походил-померил камеру шагами, отжался пару раз на шведской стенке, и... — дальше-то что? Присутствие визитеров за стеклом, хотя бы предполагаемое, оказывается, мобилизовало... А вот сейчас минуты текли ну просто невыносимо! 09:05... 09:15... 09:25... Даже запускать бумажных голубей казалось ему сейчас занятием бессмысленным: кто его знает, в какой момент и кто именно там появится! И хотя какая как будто разница, кто бы там ни появился, а вот казалось Абдуле, что лучше быть готовым, быть настороже, чем погруженным в какое-нибудь идиотское занятие. Так и вышагивал он взад и вперед по камере, лишь изредка присаживаясь на кушетку или на лавку, дух перевести, передохнуть, всегда неизменно лицом к салатовой стене: 09:30... 09:35... 09:40...

Мигания стены не повторялись... 09:50... 10:00, ну же! Неужто опять ничего?

10:03... 10:05... 10:07... 10:10! Опять ничего! Абдула уже готов был закричать от нетерпения, еле сдерживался!

10:11! 10:12! 10:13! 10:14! И вот, наконец, только в 10:15 сперва едва заметная дрожь волною пробежала по стене, затем она, как водится, сначала почернела, потом мгновенно сделалась прозрачной, а за ней, в «зазеркалье», обнаружилась такая группа, что даже ко всему уже готовый Абдула не удержался, удивленно крякнул: «Эге!»

Вот уж кого он почему-то вовсе не ждал тут увидеть. Кроме мисс Барлоу, в «зазеркалье» находилось трое мужчин, о которых Абдула и думать позабыл: первым был окружной прокурор, вторым — его безликий помощник, а третьим... Кто же этот третий? — Ах, ну да! Защитничек! С самого приговора не виделись! Нет, виделись, конечно, в тюрьме, навещал, апелляцию давал подписывать, только Абдула и там ему большого внимания не уделял, никаких разговоров с ним не разговаривал... Вызовут на разговор, выйдет, что надо, подпишет — и назад в свою камеру.

Апелляцию подписывал он нехотя: не верил, что поможет, это раз, а главное, вообще никак не хотелось ему в этом гяурском представлении участвовать. Осудили, казнили, и дело с концом! Но, если честно, слишком на электрический стул Абдула не торопился. Стул никуда не уйдет, а пока пусть неверные дурью помаются, из пустого в порожнее переливают... Мешать им в этом Абдула не собирался.

Так, а сейчас-то для чего они сюда явились? Вдруг?!. Молнией сверкнула мысль, что, может, это все была какая-то дурацкая интермедия, и вот сейчас ему объявят, что приговор вовсе не смягчен, и его немедленно повезут обратно в ту тюрьму, на казнь!.. Мысль была слишком мимолетной, так что Абдула даже не разобрал, обрадовался он ей или ужаснулся: мгновенно сообразил, что если бы с отменой, то сюда бы вошли,

в камеру, да не одни, а с мордоворотами... А так — что-то другое, конечно. Чего это он там лопочет? — Прокурор успел уже произнести несколько фраз, и Абдула стал наконец-то его слушать. Прокурор говорил:

— Вообще-то вы теперь уже не в моей юрисдикции, но местный прокурор любезно согласился предоставить мне возможность этого визита. В следующий раз, — а прокурорские проверки будут происходить не реже, чем раз в полгода, — это будет уже работник местной окружной прокуратуры, но пока мне хотелось лично убедиться, что с вами все в порядке... Ведь с вами все в порядке? Сегодня истекает неделя, как вы здесь. Какие-нибудь жалобы, ходатайства?.. — Он умолк и выжидательно посмотрел на Абдулу.

«Какие у меня тут могут быть жалобы, придурок, какие могут быть ходатайства? — Кормят на убой, свежий воздух, стерильность даже... Книги, кино, все есть! Или попросить, чтоб отпустили на свободу?» — Абдула мысленно усмехнулся. Вслух он ничего не произнес: постоял, помолчал и равнодушно отвернулся от стекла.

Это простое движение принесло ему вдруг ощущение новой свободы: здесь, за стеклом, я могу вертеться, как хочу, мордовороты не ворвутся, головой по ребру койки не смажут! Такое неожиданное преимущество заставило его по-новому подумать и об «этой стерве»: что ни говори, а есть и светлые стороны у его положения! Под влиянием такой минуты Абдула признался сам себе, что относится к «этой стерве» не только с ненавистью, но и с долей уважения.

Ну, ладно, а с прокурором-то что делать? — А что с ним делать, пусть себе болтает хоть до посинения! Абдула улегся на кушетку и демонстративно отвернулся. Прокурор, как видно, тоже довольно скоро уяснил себе преимущества нового положения узника и умолк. Потом, подумав, прибавил:

— Во всяком случае, вы всегда сможете подать свою жалобу или ходатайство через администрацию тюрьмы в письменном виде, ее непременно рассмотрят. У вас, конечно же, имеются письменные принадлежности?

Это какие же, интересно? — Но тут подала голос мисс Барлоу:

— В распоряжении заключенного имеется компьютер с монитором и клавиатурой, он может им пользоваться шестнадцать часов в сутки и писать с его помощью все, что ему угодно...

Вот как важно грамотно сформулировать: «шестнадцать часов в сутки!» Чего еще желать? А то, что доступа нет в те самые восемь часов, когда он больше всего нужен, это уже, получается, капризы, никто считаться с ними не захочет...

Вот и прокурор благосклонно кивнул, а потом захотел было что-то спросить, но мисс Барлоу предупредила его вопрос:

— Если понадобится, то, что он напишет, распечатают и дадут ему на подпись.

Больше говорить было не о чем. Прокурор, однако, что-то еще пообсуждал вполголоса с мисс Кимберли, а потом все затихло. Выждав минут

пять, Абдула приподнялся и увидел, что в «зазеркалье» остался один только защитник. Заметив движение Абдулы, он оживился, придвинулся к стеклу и быстро заговорил дружелюбным тоном:

— Ну вот, мистер Мехмет...

«Это он меня типа по фамилии называет, — догадался Абдула. — Ну да, он и раньше так делал...», — припомнил он тут же: специально запоминать повадки адвоката ему и в голову не приходило.

— Ну, вот, мистер Мехмет, — говорил тем временем адвокат, оживленно потирая руки, — теперь мы с вами наконец одни, можем говорить совершенно свободно, нам никто не помешает...

«Хорошо, не сказал: никто не слышит», — подумал Абдула. Слышат каждый наш звук, любое сопение, не то, что слова, и адвокат не может этого не знать...

Защитник вызывал у Абдулы чувство неприязни гораздо более сильное, нежели прокурор: притворный друг гораздо хуже открытого врага! Вот и сейчас: чего ты улыбаешься, ты что, и вправду мне добра желаешь, что ли?.. Ух, мог бы, врезал!..

Защитник понял недвусмысленное выражение лица у Абдулы, залопотал торопливо, что-то о новой апелляции — не сейчас, конечно, не сразу: надо будет сколько-то отсидеть, год или два, а потом уже начинать, но зато вполне можно будет добиться дальнейшего смягчения приговора, ссылаясь на примерное поведение, на положительные отзывы администрации...

— Вы ведь не собираетесь настраивать против себя администрацию тюрьмы, мистер Мехмет? — медовым голосом спросил защитник.

«Настраивать? Зачем? — пожал плечами Абдула, конечно, мысленно: звука своего голоса он удостаивать защитника не собирался. — Она меня и без того ненавидит, ваша администрация»... А что-то внутри у Абдулы добавило чуть слышно: «И есть, за что...»

— Словом, мы с вами непременно вернемся к этому вопросу через некоторое время... Приговор вполне может удастся смягчить до двадцати пяти, а то и до пятнадцати лет заключения! Вы еще достаточно молоды, мистер Мехмет: через пятнадцать, да хоть и через двадцать пять лет вы еще будете крепким мужчиной, сможете во всю силу насладиться радостями жизни, радостями свободы!..

Адвокат изобразил на лице такую радужную улыбку, словно ждал, что Абдула сейчас же кинется к нему с благодарными объятиями.

Кидаться обниматься через стекло Абдула не поспешил. Он занялся расчетами. Двадцать пять, а то и пятнадцать лет!.. — Абдула невольно зажмурился от такой перспективы. В первом случае это будет всего лишь тысяча триста четыре с половиной недели вместо двух тысяч шестисот девяти, а во втором и вовсе — сущие пустяки, сколько там? — Ну, грубо, десять лет — пятьсот двадцать недель, даже больше, значит, если отнять от двадцати пяти, останется только восемьсот! Меньше чем треть!.. Ну да, пятнадцать — это меньше трети от пятидесяти!.. И главное даже не то, что треть, а то, что появляется предел: сегодня восемьсот, через неде-

лю — семьсот девяносто девять, потом — семьсот, потом когда-то — девяносто девять, и наконец — конец! Вот что самое главное: когда-нибудь покажется конец! — Приятно засосало где-то в области желудка, наполнился слюною рот, в коленях и в руках почувствовалась слабость...

«Вот именно! Он тебя расслабляет, этот придурок, а ты заслушался! Пятьдесят лет!.. Пятнадцать лет!.. Кто, кроме Всевышнего Аллаха, может знать, кому и сколько на роду написано? Я, может, уже завтра отсюда выберусь, а ты и до апелляции не доживешь!» — Абдула резко, с досадой, махнул рукой и вновь улегся на кушетке спиной к защитнику. Тот помолчал немного, потом заговорил: еще бы адвокату не заговорить!

— Я вижу, мы вас утомили... Ладно, пока что я вас оставляю, нам еще надо осмотреть все прочие камеры, числом двенадцать... Ох, я, кажется, проговорился?..

Если он ждал ответа на свой вопрос от Абдулы, то, ясное дело, не дождался. А если проговорился, «эта стерва» ему врежет, мало не покажется!.. Абдула довольно улыбнулся. Впрочем, проговорился или нет, Абдула точно сказать не мог: число «двенадцать» как будто прозвучало для него впервые, но, кто его знает, может, не обратил внимания, та идиотка-телеведущая могла назвать, по новостям рано или поздно передадут, когда инкогнито тюрьмы раскроется, — а что раскроется, Абдула не сомневался так же, как и телеведущая, и как сама мисс Барлоу. И наконец, вполне возможно, что подробнейшее описание тюрьмы имеется где-то в компьютере, куда он до сих пор залезть не удосужился.

— Ну, вот, пока прощаюсь с вами, надеюсь, не чересчур надолго... — адвокат продолжил говорить как ни в чем не бывало. — Да, кстати, мы сегодня в известном смысле ваши гости. Обедать будем здесь, и нам дадут те самые блюда, что и вам... Прокурору, сами понимаете, надо знать, как кормят заключенных, а мне мисс Барлоу любезно разрешила присоединиться... Весьма достойная особа, вы не находите?

Чего там Абдула находит или не находит, с защитником делиться он не собирался. И тот промолвил напоследок:

— У меня будет к вам маленькая просьба, мистер Мехмет. Вы, если не ошибаюсь, сами выбираете себе меню? — Он знал и сам, что не ошибается, и потому, не дожидаясь подтверждения, высказал наконец свою просьбу: — Не могли бы вы воздержаться на сей раз от острых блюд? Мне острого нельзя, у меня, видите ли, больной желудок...

«Еще бы, столько врать!» — подумал со злорадством Абдула и решил непременно выбрать в меню остронаперченный бараний шилаплав: он уже давно его там заприметил, да все как-то руки не доходили. Кстати, грузин Гизо его прекрасно готовил, когда задерживался на карьере в выходные, а буфетчик в эти дни не работал: готовить его просто, рис, вода, баранина и специи — тот же перец, лавровый лист, — чем больше, тем лучше. Это не плов, который требует особого искусства, а просто вкусная рисовая каша с мясом. Гизо говорил, что в Грузии шилаплав подают только на поминках, и вздыхал при этом не то по Грузии, не то из-за того, что постоянно чувствовал себя здесь, как на поминках...

— Good buy! — донеслось наконец из «зазеркалья», но адвокат и после этого не исчез. Из-за стекла опять послышался его голос: — Да, мисс Барлоу просила передать, что больше вас сегодня до обеда никто не побеспокоит...

Вах, как я благодарен! Что там осталось до обеда? — Абдула приподнялся на кушетке: адвоката за стеклом уже не было. Однако свет на этот раз не погасили, стекло стеной не заменили, все помещение, задрапированное красно-коричневой тяжелой тканью, легко просматривалось в неярком освещении, и Абдула впервые, подойдя к стеклу вплотную, принялся внимательно его разглядывать. Глядеть там, собственно, было не на что: тяжелые складки материи полукругом, того же цвета пол и потолок, углы все сглажены, — и все же Абдуле вдруг неимоверно захотелось туда: пройтись, потрогать эту ткань, — ведь это не бумага и не дурацкий упругомягкий материал, готовый всхлипнуть по любому поводу! Ох, как вдруг сильно захотелось ему туда! До боли в сердце, до пустоты в желудке!

«С чего бы, собственно, чего я там не видел? — Абдула старался хотя бы рассердиться на себя, чтобы подавить искушение. — Защитничек проклятый, это он меня расслабил своими лживыми обещаниями! Никто мне срок не сократит, всегда тут буду сидеть, так что даже до этой дурацкой ткани не дотянуться!»

Ох, как нехорошо сделалось Абдуле!..

Отвернуться бы, да не на камеру смотреть, где все постыло, в окошко бы уткнуться, но ведь окошко наверняка закрыто, как всегда... Ба, что это? — Ну да, окошко-то как раз открыто! Вот это да!

Абдула со всех ног бросился к окну и жадно стал вглядываться в обширную залитую солнцем панораму. Какое облегчение! Большое, да... Но ненадолго. Очень скоро Абдула почувствовал, что туда, на волю, ему хочется гораздо больше, чем в тесное задрапированное помещение... «Ну да, — горестно подумал Абдула, — зря эта стерва ничего не сделает... Не для того она окно открыла, чтобы меня порадовать...» Абдула понуро отошел и от окна. Монитор она, конечно, не включила... Нет, не включила. Не дура, знает, что делает... Монитор у меня шестнадцать часов в сутки и ни минутой больше. Вполне достаточно, никто не придерется. Окно — дело другое. Ведь так и отчитается перед любой комиссией: «В отсутствие посетителей окно бывает открыто»... И любая комиссия найдет такое обращение весьма гуманным... «Ох, чтоб вам подавиться вашей гуманностью!» — последние слова Абдула выкрикнул во весь голос, а потом, чуть не рыча, повалился на свою кушетку и пролежал там, то ворочаясь, то замирая, добрый час, пока, уже перед самым обедом, над ухом у него не прозвучал знакомый ровный голос:

— Боюсь, тебе пришлось сегодня поскучать немного, Абдула! — мисс Барлоу стояла, как всегда, спокойно, поблескивая очками. Очки она снимала, как правило, перед своим вопросом. — Визит прокурора, никогда заранее не рассчитаешь, сколько он продлится! Поэтому я не могла запланировать какую-либо группу, времени для нее могло бы и не остаться! Но ничего, групп у тебя впереди будет еще много, Абдула!..

Она помолчала. Абдула тем временем уселся на кушетке, посмотрел на нее, а потом повернулся к ней спиной. Она, как всегда, не обратила на его реакцию ни малейшего внимания, продолжила, как будто так и надо:

— Ты, верно, задавался уже вопросом, Абдула, где я возьму для тебя столько групп? («Точно мысли читает, ведьма!» — в который раз содрогнулся Абдула. В приборы для чтения мыслей он верил не шибко, больше перестраховывался, а вот в способность этой ведьмы читать чужие мысли верил все больше и больше, и радости это ему не доставляло.) Можешь об этом не беспокоиться («Да стал бы я беспокоиться!»): когда иссякнут пострадавшие от этого теракта, я начну приглашать тех, кто пострадал от других. 11 сентября погибли 2998 человек, не считая самих террористов... Но родственники террористов, я думаю, наведаться к тебе не захотят...

Абдула тоже помнил наизусть число погибших 11 сентября; в официальных данных, правда, говорилось о 2974-х погибших и 24-х пропавших без вести, но Кимберли, конечно, не ошиблась, причислив их тоже к погибшим. Что значит: «пропавший без вести»? — он что, воспользовался заварухой и сбежал от алиментов? Ясно, все погибли, только тел опознать не удалось. Но говорить об этом Абдула не стал, он только изобразил на лице недоумение: с чего это родственники погибших 11 сентября станут к нему наведываться?

Кимберли правильно оценила выражение его лица и ответила на невысказанный вопрос, чему Абдула уже даже не удивился:

— Ты, может быть, скажешь, что непричастен к 11 сентября, но, может быть, и не скажешь... — она помолчала. — Однако причастен прямо или не причастен, а с теми террористами ты солидарен, сам делаешь то же, что они, значит, вина лежит и на тебе, ты ее разделяешь, и родственники погибших имеют полное право придти сюда и тебя спросить, как спрашиваю я, — она сняла очки: — Абдула, зачем ты убил мою маму?

...Обед у Абдулы прошел без удовольствия. Не утешил даже шилаплав, конечно, вкусный, но совсем не переперченный, поскольку перечницу тут ставили отдельно: сам наперчишь, как тебе нужно. Ну, будем надеяться, что с адвоката и того будет достаточно, что там уже есть... — Абдула придвинул к себе тарелку с шилаплавом, щедро поперчил — за себя и за адвоката — и принялся глотать еду без всякого энтузиазма.

По-хорошему, конечно, следовало бы перед обедом помолиться, но, во-первых, и после обеда не поздно, а во-вторых, чего скрывать, нет у него такого благочестия, признался самому себе Абдула. Конечно, если вместе со всеми, как было в учебном лагере, тогда помолишься охотно, даже с удовольствием, но так, самому, постоянно себе напоминать, заставлять... Этому с детства надо было учиться, а в детстве учить Абдулу было некому и некогда. В конце концов, воин, герой, который кладет свою жизнь за дело Аллаха, свободен от всяких ритуальных предписаний, место в раю ему и без того обеспечено!..

Но это в раю, до рая пока что далеко, а молитва очень помогает как раз на земле... «Да, — вздохнул Абдула, — конечно, надо бы привыкнуть, научиться... Ну, ничего, привыкну понемногу, времени у меня достаточно»...

Времени оставалось достаточно даже от обеда, добрых полтора часа, и Абдула, подумав, совершил полуденный намаз, а потом еще немного почитал Коран... Но сосредоточить мысли на прочитанном не удавалось: из головы не шли ее слова, что групп у него впереди еще будет много... «Где она их возьмет, даже со всеми пострадавшими 11 сентября, чтобы заполнить целых две тысячи шестьсот девять недель, или сколько их там осталось?» Но внутри себя Абдула был уверен, что дело за ней не станет: непременно что-то придумает, не группы, так что-нибудь похуже. Изобретательная, сволочь!..

Да, Абдула уже привык высоко ставить ее изобретательность, и в этом случае он тоже не ошибся.

VI

Послеобеденную группу во вторник Абдула уже не запомнил. Но зато утро среды глубоко впечаталось ему в память.

Прежде всего, в помещении, — на тот момент Абдула не расположен был называть это место «камерой», — стало необычайно темно: сразу после завтрака пригас свет, окно, естественно, тоже закрылось, а черная непроницаемая тьма «зазеркалья» сменилась тусклым зеленовато-желтым свечением, и в этом ненадежном свете замаячили там и сям чуть различимые мерцающие тени, как бы сгущения того же самого свечения. Границ пространства «зазеркалья» в этом неверном свете было не различить, но там, где было можно различить, поближе, этих теней виднелось шесть или семь... нет, восемь... «Э, пусть их шайтан считает!» — Абдула отвернулся было от «стекла», но свет в его камере тем временем окончательно угас, и все знакомые предметы — кушетка, стол, шведская стенка, еле заметная выемка окна — в проникавшем из «зазеркалья» зеленовато-желтом свечении выглядели отталкивающе-уродливо. Абдула поневоле снова повернулся к стеклу.

Ближайшая к нему фигура вдруг стала плотнеть, заметно выделяться из окружающего фона, даже как будто приближаться, как с невольным испугом подумал было Абдула, и скоро перед ним стоял... покойник, самый настоящий труп! Полуистлевший, зеленый трупной зеленью, еще подчеркнутой свечением, пустые запавшие глазницы, впалый рот, щетина на щеках, истертый до лохмотьев саван... И показалось: двигается!

Абдула вздрогнул, отшатнулся: фигура оставалась, однако, неподвижной. Это мерцание неверного свечения создало эффект движения. «Голограмма!» — дошло наконец до Абдулы. «Вот сволочь!» — это уже по поводу Кимберли.

И тут раздался голос — не замогильный, нет, без всяких там «леденящих душу» подвываний, а просто тусклый, приглушенный, как бы издалека. Из-под толщи земли? То есть, выходит, все-таки замогильный?

Голос говорил:

— Я Билл, меня зовут Билл Томпсон, Уильям Томпсон! То, что ты видишь, это как я выгляжу сейчас благодаря твоим стараниям, Абдула! Раньше, до того, как ты меня убил, я выглядел не так, совсем не так. Вот, посмотри!..

И тут в пространстве прямо рядом с «умертвием» засветился экран, а на нем фотография крупного полноватого парня со светлыми волосами, с широкой веселой улыбкой и в темно-красной рубашке.

— Вот, это я за неделю до смерти, — продолжал голос. — Тогда, как ты, наверное, помнишь, стояла очень теплая погода, сразу после дождей, и мы вышли на лужайку перед домом, собирались там пить чай, и Кэт стала меня снимать «без куртки». Кэт — это моя жена, — пояснило «умертвие», — вот она, Кэт... — Фотографию парня сменило изображение бесцветной худосочной блондинки в простом домашнем сером платье и с фотоаппаратом в руках.

Внезапно изображение задвигалось: муж, получается, снимал ее видеокамерой. Женщина улыбалась, подносила фотоаппарат к глазам, приветливо махала рукой, потом камера съехала и уставилась в двух упитанных мальчишек лет шести-семи в серых тренировочных костюмчиках, которые возились на траве с огромной бело-коричневой собакой.

— Это наши мальчики, Дик и Джон, — продолжал спокойно голос, как будто представлял их гостю. — Дику семь, Джону пять, они очень дружные ребята, а собака с ними — это наш Бетховен. Ты видел фильм «Бетховен», Абдула? Тебе нравятся собаки?.. А смотреть кино?.. А вообще что-нибудь тебе нравится, или ты любишь только убивать?..

Абдула уже слышал подобный вопрос от школьниц и тогда не сдержался, что-то проревел в ответ, но сейчас — глупо было бы реветь на голограмму!

Кадры на экране тем временем сменились, вместо мальчишек показался уютный чистенький одноэтажный дом с темно-красными стенами, широкими сверкающими окнами и обширной двухскатной крышей. Впереди — веранда, обсаженная яркими цветами, словом, воплощенная мечта любого представителя минимально-среднего класса!

Абдула раздраженно сплюнул, плевок с легким шипением немедленно всосало в пол. А мертвый голос продолжал свой комментарий как ни в чем не бывало:

— Это наш дом, Абдула. Мы выплатили уже больше половины за него. Я ведь совсем неплохо зарабатывал, особенно с тех пор, как сделался менеджером отдела готового платья в нашем гипермаркете. — Короткая пауза. — Родители Кэт нам тоже помогли с первым взносом, так что дела у нас шли совсем неплохо, пока ты не вмешался. — Голос опять помолчал. — Теперь, конечно, Кэт придется потруднее, но, ничего, она, конечно, справится. Во-первых, моя страховка... Мальчики теперь уже оба ходят в школу, так что она смогла начать работать. Скоро, наверное, встретит хорошего парня, я буду только рад, она ведь у меня сама очень хорошая, Кэт...

Снова пауза. Дом на экране замер: кадр остановился.

— Понимаешь, Абдула, — уже не так глухо заговорил голос, так что стало можно различить доверительные интонации: — Жизнь ведь не остановишь! Всех нас не перебьешь! Мы все равно будем жениться, строить дома, воспитывать детей! А вам и взрывчатки столько не достать, чтобы всех нас взорвать!

Экран погас, «умертвие» умолкло. Зеленоватый труп засветился ярче, потом начал тускнеть, но прежде чем ему окончательно слиться с желто-зеленым фоном, до Абдулы чуть слышно и слегка протяжно донеслось:

— Я не прощаюсь, Абдула! Мы еще увидимся с тобой, не раз увидимся!..

...Вот, значит, какими визитерами она заполнит мои две тысячи шестьсот недель! — в злобном возбуждении Абдула зашагал взад и вперед по камере, стараясь не обращать внимания на остальных «умертвий», сменявших за стеклом друг друга до самого обеда. Одна полусгоревшая старуха все же засела ему в сознание: так жутко выглядела ее наполовину сгоревшая голова, прижатая во время взрыва к загоревшейся пластиковой панели, что, показалось Абдуле, до него донеслась даже смешанная вонь плавящейся пластмассы и горящего человеческого мяса. А на возникшем рядом экране бабуля жизнерадостно позировала на большой семейной фотографии в окружении четырех десятков своих детей, внуков и правнуков, — ее и в гипермаркет занесло за подарком для очередного правнука. К старости Абдула привык относиться уважительно, и теперь его покоробило гораздо больше, чем от жалоб упитанного молодого менеджера отдела готового платья. И то — детишками своими вздумал меня разжалобить? Собакой растрогать? А то, что в наших краях нашим детям в неделю столько еды не достается, сколько ваш пес жрет в один присест, об этом кто-нибудь из вас подумал?!.

Так, то отворачиваясь от «умертвий», то поневоле прислушиваясь к их приглушенным, — потому ему стало казаться, гнусавым, — голосам, то растравляя себя, то стараясь отвлечься, скоротал Абдула время до обеда, и когда зазвучал наконец знакомый ровный, без всякой гнусавости голос мисс Барлоу, Абдула в первый момент ему даже обрадовался. Но, разумеется, зря: не для того она к нему ходила и с ним говорила, чтобы его порадовать. Вот что она ему сказала:

— Ну, что, не слишком ли много впечатлений? Трудно, наверное, удержать все в памяти, мешается одно с другим? Но ты не огорчайся, Абдула, и не слишком напрягайся, чтобы все запомнить: они к тебе не раз еще придут, усвоишь понемногу...

«Ага, — хмыкнул про себя Абдула, — “повторенье — мать ученья”»...

— А чтобы тебе легче было тренировать свою память, не забудь посматривать сюда... — она указала рукою перед собой, — увидишь, когда стекло погаснет...

Свет в камере у Абдулы, кстати, с ее появлением зажегся, как обычно, а «зазеркалье» тоже освещал теперь обычный желтоватый свет.

Кимберли между тем продолжала:

— Посмотришь и, может быть, настолько освежишь свою память, что вспомнишь, — она сняла очки,— зачем ты убил мою маму?

Стекло «погасло», что значит, сменилось непрозрачной стенкой, и Абдула не без робости уставился на нее. Как она сказала — «когда стекло погаснет»? Ну, вот, погасло, дальше что?..

А дальше по салатовой поверхности стены пробежала рябь, стенка заметно посерела, сделалась бесцветной, а потом на ней стали проявляться какие-то контуры, словно на фотобумаге в проявителе. Абдула когда-то занимался фотографией — не цифровой, традиционной.

Контуры оформились быстро, налились цветом, сделались как бы выпуклыми, объемными, как на лучших рекламных панно. И Абдула увидел перед собой два плана, два вида *того* гипермаркета, снятых как будто с той же самой точки, откуда он тогда смотрел и нажимал кнопку: план слева — до взрыва, целый, нарядный, сверкающий, цветной, зато справа — уродливая черно-белая груда битого стекла, бетона и арматуры. И резкую границу между ними, сверху донизу по стене, образует именно этот цветовой контраст.

— Я решила...

Голос раздался так неожиданно, что Абдула даже подпрыгнул: выходит, она еще здесь?! — а, собственно, почему бы нет?

А Кимберли рассказывала, что она решила:

— ...что ты не настолько привязан к семитическому способу письма — справа налево, чтобы нам из-за этого менять привычный нам порядок. Поэтому слева у тебя — до, а справа — после, не возражаешь?..

Голос умолк и больше не раздавался, тем более что никаких возражений от Абдулы, конечно, не последовало. Однако он остался с неприятным чувством, что, оказывается, пока он тут все эти дни наслаждался кажущимся одиночеством, она всегда могла подглядывать за ним из-за стены... Нет, он, конечно, и раньше был уверен, что находится под постоянным наблюдением, но убедиться в этом так откровенно и внезапно...

Так, а это еще что? — На левом плане, том, что цветной, стали появляться там и сям, без всякого порядка, какие-то крупного размера прямоугольники, каждый с квадратный фут: первый, второй... четвертый, пятый... седьмой, восьмой!.. По всей поверхности и как-то косо, под разными углами. Потом прямоугольники начали светлеть, и в каждом из них стали проявляться — ну, да, конечно, фото! Цветные прижизненные фотографии тех, что побывали здесь сегодня в виде своих «умертвий»... А вот и сами «умертвия», милости просим! — симметрично «левым» фотографиям на правой поверхности замаячили другие, с голограммами... Да нет, не слишком симметрично, это сначала, пока не пригляделся, так показалось, а теперь видно, что и эти разбросаны без всякого порядка, — поди теперь, определи, которая которой соответствует...

Фотографии были очень крупные, отчетливые, даже на тех, что находились далеко, детали различались без труда, тем более что Абдула ни-

когда не жаловался на зрение. Вот этот, сверху слева с собакой, — должно быть, справа тот, что третий снизу... А эта женщина, — должно быть, та фигура в центре... Но слишком пристально разглядывать «умертвия» Абдуле сделалось противно: ничего себе занятие перед обедом! И Абдула решительно отвернулся от стенки.

Обед, однако, сегодня в рот не лез, фотографии за спиной не давали покоя... В голове вертелись непрошенные расчеты: «Так, сегодня восемь человек, шестнадцать фотографий... Всего погибших в гипермаркете восемьдесят семь... Понадобится... Понадобится сто семьдесят четыре фотографии... Интересно, поместятся? Если по квадратному футу на каждую?» Но сомневаться не приходилось, безусловно, поместятся! Четыре ярда высота — двенадцать футов, семь ярдов длина — двадцать один, двадцать один умножить на двенадцать получается двести десять и сорок два — двести пятьдесят два квадратных фута, квадратный фут на фотографию — хватает с лихвой! «Вот зачем такую высокую камеру сделала, сволочь!»

Абдула чуть не заплакал от огорчения и досады: ему с такой отчетливостью представилось, как вся стена постепенно, визит за визитом, заполняется фотографиями — слева живые лица, справа «умертвия», — что неожиданно в его сознании возникли совершенно непривычные ему слова и мысли: «А она право имеет? Это же нарушение прав человека!»

Поймав себя на таких мыслях, Абдула даже смутился: ну, вот еще! Теперь не хватало садиться строчить жалобу прокурору... или кому там? — в Гринпис, в Эмнисти Интернешнл? Нелепость таких потуг представилась ему так ясно и так комично, что он приободрился и, усмехнувшись: «Ничего, фотографии тоже выдержим!» — решительно принялся за обед.

В следующей группе, заполнившей «зазеркалье» после обеда, — обычные люди, не голограммы! — обращала на себя внимание сухощавая женщина, до глаз закутанная в черный вдовий хиджаб.

Первая мусульманка за все время, что было даже немного странно: мусульман в эдаком захолустье, конечно, заметно меньше, чем, например, в Нью-Йорке, но все равно, среди тех же работников универсама их было не так уж мало, в этом убедились, еще когда подбирали кандидата на вербовку. Так что наверняка имелись мусульмане и среди погибших, — жаль, конечно, но невинно погибших вознаградит в раю Всевышний!

Может быть, их семьи тоже так считали, а может, эта стерва Кимберли готовила из них особую отдельную мусульманскую группу, — во всяком случае, до нынешнего дня ни одного мусульманина или мусульманки Абдула здесь не видел — и вообще-то, конечно, был этому рад. И вот, пожалуйста, явилась, причем одна, среди неверных, а не в составе особой группы мусульман. «Неужто стерва не догадалась собрать такую группу?» — хмыкнул про себя Абдула.

Как и подобает мусульманке, женщина держалась скромно, не выделялась из толпы, и, пока все они несли свою обычную околесицу: «Зачем ты убил моего Джонни, Абдула?» да: «Что тебе сделала моя Дженни, Абдула?» — она, потупившись, молчала. Но вот все, наконец, выдох-

лись, умолкли, и только тогда, и то не сразу, а через добрых секунд пятнадцать зазвучал ее голос, тихий, но отчетливый и очень ясно слышимый в наступившей тишине.

— Меня зовут Зейнаб, — сказала женщина, и головы всей группы повернулись в ее сторону: необычным своим обликом и поведением она привлекла внимание не только Абдулы. — Моего мужа звали Мустафа, у нас с ним четверо детей, вон они, там...

Дети — два мальчика, две девочки, от трех до десяти лет примерно, — тихо сидели у дальней стенки, девочки на корточках, мальчики прямо на полу, их было еле видно за остальными заполнявшими пространство людьми.

— Мы жили нелегко, но мы сводили концы с концами...

Женщина говорила как-то странно, без какого-либо явного акцента, но мусульманка в ней угадывалась сразу без всякого хиджаба.

— В тот день им дали премию, большую, тысячу долларов! — продолжала тем временем женщина. — Мы так обрадовались!

«Премия, тысяча долларов! — ударило в мозгу у Абдулы. — Мустафа — тот самый мусорщик! Его же звали Мустафой? — А, наплевать, как там его звали, главное, что вот это — его вдова!»

А вдова тем временем продолжала:

— Я так его уговаривала в тот день не брать с собою денег на работу и вообще, как сердцем чувствовала, просила: может, не пойдешь сегодня на работу, отпросишься, останешься вечером дома, я плов приготовлю, дети так давно не ели плов! Но он сказал: нельзя, надо идти, а завтра я с утра всем накуплю подарки и приду! — и ушел, даже на плов денег не оставил, все с собой унес, всю премию. А потом сгорел, и премия сгорела вместе с ним...

Голос Зейнаб звучал монотонно, без трагических ноток, всю трагедию она уже давно успела выплакать, и непонятно уже было, о чем она теперь больше горюет, о сгоревшем муже или о сгоревшей премии.

Но Абдуле было не до таких загадок, его сверлила другая мысль. Почему она здесь, одна? Что, других мусульманок не нашлось? Неужели раскрыли, догадались, что это именно ее Мустафа подкладывал бомбу?

Так, спокойно, теперь еще самому себя ничем не выдать! Все равно ничего не докажут, если даже догадались: премии-то никакой не было, это-то известно! Ну, а что у Мустафы она была, откуда известно? Может, и у него не было ни копейки, просто наврал жене с три короба, а так вон даже на плов денег в семье не оставил! А потом Мустафа и вовсе сгорел, да так сгорел, что и следов от денег не должно было остаться — во всяком случае, таких, чтобы определить, какие там были купюры, да сколько их всего было. Может, мусорщик носил в кармане десять долларов по одной бумажке! Сгорел, теперь не спросишь!

А Зейнаб все так же монотонно продолжала:

— Он так сгорел, мы его даже не узнали. Доктор узнал — по карте зубов, у него зубы вставные были, два золотых, еще в молодости вставлял, один пластиковый. По ним и узнали...

«Вот именно! — мысленно поздравил себя Абдула. — Хороши бы мы были, если бы просто зарезали, как этот, как его... — Абдула едва успел проглотить едва не выскочившее на поверхность сознания имя, — хм-к... — предлагал... Еще и деньги, того гляди, легавые на теле бы нашли: тому, кто убивает, времени на обыск трупа запросто может не хватить... А там, по номерам купюр, лишнюю дорожку могли бы отследить... Хотя, конечно, это вряд ли: купюры мы подбирали очень тщательно... А Мустафа-то, Мустафа, — ход мыслей Абдулы принял другое направление. — Про вторую тысячу жене ни слова!.. Правда, и про первую не должен был... Зря проболтался, только этим уже смерть свою заслужил!.. Ну, ладно, заслужил — получил, а все же, почему про первую сказал, а про вторую нет? И денег дома даже на плов не оставил? Может, он, того, решил с двумя тысячами дать от нее деру?»

Абдула с удвоенным вниманием стал разглядывать Зейнаб и пришел к выводу, что ничего удивительного, если бы так: тощая, сухая, как коза, а глазищи черные, глубокие, и брови такие густые, что наверняка и усики имеются... Требовательная, наверное! Значит, собрался наш Мустафа дать от нее куда подальше! А попал — дальше не бывает...

Зейнаб все говорила, так же монотонно:

— Я не хотела ехать, зачем?.. Но нам сказали: будет ужин, завтрак, обед, и мы поехали. Ужин был правда очень вкусный. Вчера, — мы вчера вечером приехали, — нам дали очень вкусный ужин и большую чистую комнату, там даже можно было помыться, мы помылись... Где мы живем, помыться негде...

Абдула не слушал, прочие тоже зашевелились, и Зейнаб умолкла, стушевалась, больше уже не выделяясь из толпы.

Специально ли ее сюда прислали, связал ли кто ее мужа с Абдулой, так и не выяснилось. Дни шли за днями, недели за неделями, но более никто ни про Зейнаб, ни про ее мужа Мустафу не вспоминал. Абдула тоже скоро успокоился и больше по этому поводу не тревожился. Собственно, он больше не тревожился ни по какому поводу. Он даже на визитеров перестал обращать внимание — и на живых, и на голографических. Разве что Кимберли порой еще удостаивалась его реакции, да и то чаще в виде ухмылки либо пожатия плеч, нежели слов.

Больше всего внимания и времени уделял Абдула, — нет, не молитве. Порывы к молитве, как мы уже отмечали, возникали у него спонтанно и длились недолго. Гораздо больше сил и времени он уделял забавам, какие только мог изобрести, и часто увлекался ими так, что продолжал и в те шестнадцать часов в сутки, когда мог бы смотреть кино или играть в шахматы на мониторе!

Вот, например, «три камушка»: нужно щелчком прогнать один из них между остальными двумя, словно в ворота. Не долетел, обминул или задел «ворота», и уступаешь ход противнику, а поскольку противника не имеется, то самому себе: Абдула I-й, так сказать, уступает ход Абдуле II-му. Цель игры — из конца в конец пройти весь стол, поэтому, полу-

чив ход, противник возвращается к началу, на исходную позицию в конце стола на стороне окна. А если уронишь камешек со стола на боковую сторону, все, кон проигран! Зато если выбьешь, — пройдя между двумя другими, разумеется, — за финишную торцевую, кон выигран! Правила выработались не сразу, поначалу варьировались, а камешками служили хлебные катышки, — не дело, конечно, с хлебом так обращаться, но грех на тех, кто его сюда запер! На этой стерве грех! И с особым удовольствием, как бы множа грех «этой стервы», Абдула щелкал указательным пальцем по катышку, посылая его все вперед и вперед, до самого конца стола.

Выиграв кон, удачливый игрок начинал сначала, и так до тех пор, пока не сделает ошибки. Тогда в игру вступал второй игрок. Поскольку Абдула I и Абдула II не сильно уступали друг другу в талантах, счет у них был всегда примерно равный, а игра получалась напряженной, тем более что счет приходилось вести в уме. Заканчивалась игра, как только кто-то из играющих набирал 100 очков. Победитель получал приз — сдобную булочку с джемом или кремом и чашку горячего чая или кофе. Причем если булочки Абдула I и Абдула II брали вперемешку, как попало, то с напитками скоро установилась строгая зависимость: Абдула I непременно выбирал чай, Абдула II — кофе, так что скоро и самих игроков Абдула перестал величать «Абдула I» и «Абдула II», а попросту стал называть «чай» и «кофе», и счет по ходу игры звучал теперь вот так: «7:5 в пользу кофе!»

Именно призовые булочки и привели Абдулу в конце концов к счастливому решению. Как-то раз то ли в автомате произошел сбой, то ли сам Абдула ткнул пальцем в несложное меню куда-то не туда, но вместо булочки на стол перед Абдулой вылезла пачка тонкого квадратного печенья. Распаковав пачку и повертев в руках печенье, Абдула попытался уловить промелькнувшую смутную мысль... Так, в пачке двенадцать галет, попросим-ка еще... А теперь еще одну... Вот, умница! Вот она! Теперь у меня 36 галет, а значит... А значит, 32 штуки я могу разложить на столе через одну в шахматном порядке, вот так... вот так... И вот вам, у меня шахматная доска! Доска, вы видели?! — За стеклом в этот раз находились «умертвия», так что реакции от них Абдула никакой не ждал и не дождался: он ликовал, и наплевать ему было на все «умертвия» с их фотографиями, которые уже, кстати, довольно плотно покрывали стену по краям, заметно приближаясь к середине...

Доска готова, что теперь, шашки? — Да, пока что шашки, бумажек нарву, смятые против скомканных, то есть, тьфу, конечно, гладкие против скомканных... А потом из хлеба фигурки слеплю, белые можно хоть сейчас, из булочек, а черные — за ужином взять зернового, он как раз достаточно по цвету отличается...

Слегка обидно было, что черные фигурки лепить придется в «собственное» время, после ужина: если до завтра хлеб оставить, может засохнуть, лепиться хорошо не будет, а за завтраком хлеба в меню может

вообще не оказаться, разве только в английском, а это с беконом, бр-р!.. И придется тогда ждать обеда, а ждать так долго не хотелось.

Но неожиданно ни ждать, ни тратить собственное время на лепку не пришлось. Перед самым ужином, когда Абдула, вылепив восемь пешек, заканчивал вылепливать белого ферзя: эх, высохнет, растрескается, придется чуть не каждый день заново лепить, эх, клейстеру бы сюда, клейстеру! — за спиной у него внезапно раздался знакомый ровный голос:

— Тебе что, нужны шахматы, Абдула? Что же ты сразу не сказал? Завтра утром получишь!

Абдула обернулся, оторопело заморгал глазами, но все-таки нашелся, спросил:

— А что еще я мог бы получить завтра утром?

— Ну, заранее всего не угадаешь, — пожала она плечами. — Проси, посмотрим!..

«Ага, "проси"! Вон чего захотела! Не буду я тебя ни о чем просить!..»

Но директриса уже выиграла этот раунд, вернее, даже больше: не просто выиграла, а обратила хитроумное изобретение Абдулы себе на пользу. Получалось, что вот он как бы все же попросил, а она выполнила его просьбу. И это придавало их отношениям какой-то новый, неприятный для Абдулы оттенок. Небось довольна, стерва! Вон, встала, утонула в темноте, даже вопроса своего не задала... Впрочем, сегодня уже задавала, перед обедом. Словом, радоваться ли внезапно обретенным шахматам или же злиться на «стерву», Абдула не знал.

Наутро он почему-то ожидал увидеть шахматы лежащими поверх свежей одежды, но, выйдя в ванную, ничего там не обнаружил. И только лишь когда, помывшись, вернулся к себе в камеру, — упорно называл ее сегодня так, — увидел шахматы на обеденном столе перед окошком раздачи: они стояли строем на доске на том же месте, где стоял бы завтрак, на том же «завтрачном» подносе и под такой же прозрачной крышкой.

«Она их что, слепила из печенья и сунула мне вместо завтрака?» — возмутился было Абдула, но, схватившись за крышку и приподняв ее, сразу убедился: не из печенья, а все из той же удивительной бумаги, из которой здесь все, кроме того, что из шайтанской кожи, и коврик для молитвы, и полотенца, и одежда...

Коврик так и лежал сиротливо у окна, где Абдула им пользовался в последний раз, наверное, недели три назад, и Абдулу слегка кольнула совесть, но было теперь, если честно, не до коврика: завтрак-то дадут?

Однако он скоро успокоился: засветилось, как положено, призывное меню, Абдула, не раздумывая, ткнул пальцем во французский завтрак, а получив его без промедления, принялся разглядывать фигуры, не прикасаясь к ним руками, поскольку руки были заняты хрустящим теплым круассаном и чашкой с горячим кофе.

Ну, что ж, фигуры как фигуры, даром что бумажные, выглядят нормально... Доска, конечно, тоже из бумаги... Все бы ничего, но ведь ис-

треплются, заразы, и что же тогда, новые просить? Интересно, их на неделю хотя бы хватит? — с сомнением подумал Абдула. Но хватило их даже не на неделю, а на целых четыре.

Могло бы, конечно, хватить и на дольше, но Абдула, поняв, что без просьбы все равно не обойтись, решил не доводить до края, чтобы не выглядело, — успокоил он себя, — как совсем уж вынужденное, и, повернувшись к стенке после ужина, когда там, ясно, никого видно не было, сдавленно произнес: «Шахматы новые нужны, пришлите завтра, *please*!» Слова «пожалуйста» он совершенно не собирался прибавлять, без него вся фраза выглядела бы не как просьба, а как распоряжение, но краткое непрошенное *please* слетело с языка так быстро, так незаметно!.. А, ладно, снявши бороду... или как там у русских? — В любом случае, по волосам не плачут!

Как он и ожидал, его услышали, и шахматы наутро появились (а старые, в виде бессильного протеста, он вместе с доской вместо мусоросборника затолкал в унитаз, — и меньше чем через полчаса от них осталась только желто-бурая жижа).

К удивлению Абдулы, шахматы, во всяком случае поначалу, отвлекали от «зазеркалья» меньше, чем «три камушка». Там, поглощенный расчетами: 57:48 в пользу чая! — он действительно часами не вспоминал ни об «умертвиях», ни о придурках за стеклом, тщетно пытавшихся привлечь его внимание. А с шахматами, погрузившись в партию, он вдруг выныривал в реальность и внезапно с неожиданной и неприятной ясностью замечал все окружающее, включая тех, конечно, что за стеклом... Вздумай они хотя бы комментировать его партии, стало бы, наверное, полегче, но, во-первых, им оттуда было, в общем, не разглядеть позиции на небольшой доске, а во-вторых, не станешь же подсказывать человеку, как ему играть против самого себя! Как-то раз Абдуле пришло в голову предложить поиграть кому-нибудь из придурков: он уселся на кушетке лицом к стеклу, пристроил доску у себя на коленях и с гостеприимным жестом предложил придуркам называть ходы. Но те, как ошпаренные, отпрянули от стекла: забавляться шахматами с убийцей своих близких им не захотелось.

Прямо хоть «умертвиям» партию предлагай! Кстати, что-то давно их не было, вспомнил вдруг Абдула. Их фотографии занимали уже почти всю стенку, оставляя, правда, четко выделявшееся свободное пространство прямо посередине, занимать которое директриса почему-то не спешила.

Прошло еще недели три, и Абдула догадался запасаться шахматными задачами: целую систему разработал!

Задачи в изобилии имелись в компьютере. С вечера Абдула расставлял на доске сразу две-три — на сколько хватало фигур и возможностей отличать фигуры одной задачи от фигур другой. Для первой задачи расставлялись фигуры «голые», для второй — одетые в бумажные накидки, для третьей фигуры ставились на бумажные подстилки, а до четвертой дело, как правило, не доходило. Ферзей и королей, конечно, не

хватало, их замещали фигуры, не участвовавшие в данной задаче и как-нибудь еще отмеченные: ферзя Абдула обычно замещал слоном в бумажном воротничке, а короля — ладьей с бумажной же накладкой.

Мороки получалось много, фигуры разных задач, ясное дело, часто путались между собой: ладья-король так и норовил потерять свою накладку, восстановить позицию не удавалось. И хотя время за таким занятием и вправду пролетало довольно быстро, но и нервотрепка бывала изрядная. Поэтому Абдула очень скоро стал выставлять себе всего одну задачу посложнее, многоходовку, и если успевал с ней разобраться до обеда, — а это стало случаться все чаще и чаще, — то после обеда выставлял другую. А когда месяца через два задачи стали щелкаться слишком уж легко, Абдула придумал замену и для них. Теперь он стал разыгрывать партии знаменитых шахматистов, запас которых в компьютере тоже был неисчерпаем, и вот это оказалось и вправду очень увлекательным занятием.

Абдула брал партию с середины, т. е., если, условно говоря, она заканчивалась на сороковом ходу, то Абдула расставлял на доске позицию после двадцатого хода, и дальше пытался воспроизвести ее ход самостоятельно. Он очень правильно решил, что для начала главное — это запомнить исходную позицию, и потому, сделав один-два хода, непременно к ней возвращался, постепенно прибавляя число ходов, пока не обретал уверенность, что сможет вернуться к началу и после десяти, и после тридцати ходов. В этом-то и было все дело! Ведь если партия у него заканчивалась не на сороковом ходу, как было в действительности, а на тридцатом или на пятидесятом, это значило, что он воспроизвел ее неправильно, и надо было начинать сначала. Каждую партию таким образом в принципе можно было бы разыгрывать десятки раз, пока не выйдешь на правильное решение, которое потом можно еще проверить по монитору. Долгое время удача приходила скорее случайно после множества пустых попыток, но постепенно Абдула учился, впитывал логику знаменитостей, все реже ошибался, и вот наступил день его триумфа, когда, разыгрывая классическую партию «Гунсберг — Чигорин» на Гаванском турнире 1890 года, Абдула, не сбившись практически ни разу, уверенно воспроизвел на 42-м ходу блистательный чигоринский мат! Такое даже проверять не было смысла: если сам Чигорин завершил партию как-то по-другому, тем хуже для Чигорина!..

Абдула удовлетворенно потянулся, расслабился. Ага, вот и обед, очень вовремя! Просветлело окно, а за ним — уже поздняя осень! Верхушки деревьев роняют последние буро-багровые листья, в долине все сыро и серо, а озеро скрылось в туманной дымке, которую не в силах рассеять неяркое солнце... Абдулу охватило чувство умиротворения: жизнь идет, миновало полгода, лето сменилось осенью, потом придет зима, но и весна наступит, никуда не денется, жизнь идет, — и чем не жизнь, собственно говоря, здесь, в этой «камере»?

После обеда, чувствуя здоровую усталость, Абдула крепко поспал, потом поднялся, походил-погулял по камере, попрыгал возле стенки,

напился чаю... На «придурков» за стеклом он уже вообще не обращал внимания, а когда перед ужином впервые за сегодняшний день за стеклом появилась «она», директриса, Абдула, ощутивший в себе новые силы, с давно забытой уверенностью спросил:

— А нельзя ли мне участвовать в шахматных турнирах по переписке?

Никакого положительного ответа он, конечно, не ждал, а просто было интересно посмотреть на ее реакцию, да и ей показать, что совсем он ее не боится, перед ней не стесняется и говорит с ней на равных.

— Нельзя, — ни секунды не колеблясь, отвечала Кимберли. — Слишком легко превратить шахматную переписку в обмен шифрованными посланиями...

«А главное, очень легко убедить в такой возможности Верховный Суд», — додумал за нее Абдула. Конечно, никаких поблажек сверх самого необходимого она ему давать не собирается, но все-таки ответ получился у нее слишком тривиальный. Ободренный успехом, он продолжил атаку:

— А в конкурсах? Решать задачи?..

Кимберли промолчала, только глазами показала: нет.

А кто бы сомневался? Но Абдула решил все-таки завершить атаку:

— Хорошо, но со своими сокамерниками... Или как там, соузниками... могу я хоть иногда в шахматы сыграть? Хотя бы через компьютер?

Высказанная возможность вдруг ударила в сердце Абдулы несказанной радостью: с людьми общаться, со своими, пусть через монитор! И это ведь вполне реально! Действительно, а на каком, собственно, основании могла бы она ему отказать на этот раз? Каждый человек имеет право на общение с себе подобными, и как бы она сумела убедить в обратном Верховный Суд? — Конечно, ни в какой гяурский Верховный Суд Абдула с жалобами, поджав по-гяурски хвост, не потащится, и она это знала не хуже него. Но в принципе ей доказать, что ее действия несправедливы, согласно ее же собственной логике, — она же тут за справедливость, разве нет? — уже была бы замечательная победа!

Охваченный возбуждением Абдула даже не сразу понял, что она говорит ему в ответ:

— Увы, мой дорогой Абдула (а «дорогой» здесь вовсе не метафора, поскольку обходился он ей и вправду очень дорого), но это совершенно невозможно, никаких соузников у тебя здесь нет, ты у меня один!..

«Один»?! — Как «один»?! — Абдула, как только до него дошло, ошеломленно замер, растерянно захлопал глазами, оглянулся: как — «один»? А как же тот придурок-адвокат говорил: «Двенадцать камер»?! Хотя, ну да, конечно! Придурок это я, а не тот адвокат! Уже тогда мне надо было догадаться! Будь в этих камерах народ, как бы они успели обойти их до обеда? Одиннадцать камер, если даже всего по десять минут на камеру, это сто десять минут, почти два часа! А времени там оставалось не больше часа! И про обед он у меня просил! Будь тут еще одиннадцать человек, чего просить: выбирай меню любого, где перца меньше!.. Хотя, если все арабы, то перца у каждого может оказаться много, лучше все-

таки попросить у того, которого уже знаешь... — И Абдула, внезапно осознав, что за ерунда ему полезла в голову, подивился этой своей, а в целом, общечеловеческой суетности, способной проявляться даже в такие напряженные моменты...

— Вижу ваше недоумение, — спокойно (а когда она что делает беспокойно?) продолжала директриса, — но, сколько помню, никто ни разу не подавал вам повода думать по-другому... Конечно, нет, не подавал. Впрочем, — пожала она плечами, — положение легко исправить. Вам достаточно назвать своих сообщников, и камеры заполнятся! И тогда хоть в шахматы с ними играйте, хоть в нарды!..

Абдула аж поежился, представив, в какие нарды-шахматы захотят сыграть с ним его «сообщники», если он заполнит ими соседние камеры!

Кимберли тем временем поднялась, но уходить не спешила, раздумчиво поглядывала на Абдулу. Потом произнесла:

— Жаль, что ты больше не играешь в «камушки», Абдула... Персонал делал ставки, кто выиграет, «чай» или «кофе»...

Абдула поперхнулся: что, эти неверные ставили на меня, как на какого-то бегового таракана?! Побагровел, сжал кулаки, еще немного и бросился бы на стекло!

Кимберли между тем подняла руку к очкам, но снимать их не торопилась. Напротив, внимательно уставилась на Абдулу, как бы отыскивая признаки чего-то на его лице, а потом продолжила неторопливо, словно бы даже сочувственно:

— Похоже, ты все еще не очень понимаешь свое положение... Партнерских равноправных отношений, пригодных хотя бы для игры в кости, у тебя больше никогда не будет ни с кем, кроме своих сообщников. Для остальных людей ты можешь быть только предметом любопытства, наблюдения, даже ставок, но никак не взаимодействия, для всех и навсегда ты будешь оставаться чем-то посторонним, экспонатом, помещенным за стекло... Ты сам себя вычеркнул из общества живущих, сам выбрал ту сторону стекла, по которую находишься. Места среди нас для тебя больше нет. Вот среди них твое место!..

Кимберли наконец сняла очки и рукой с очками провела перед собой, указывая на стекло. Стекло стало тускнеть, скрывая Кимберли с ее так и не высказанным на этот раз вопросом.

Там, куда указывала ее вытянутая рука с очками, проявились, как обычно, фотографии на фоне панорамных планов гипермаркета: вот уже пара месяцев, как их был полный комплект, все сто семьдесят четыре, — и Кимберли за ними скрылась. Но там, где она только что виднелась, посередине, появился новый прямоугольник, вдвое больше остальных и расположенный необычайно ровно, как ни один из них. Граница между планами делила его точно пополам, и когда он стал яснеть и проявляться, изображение появилось только на левой его половине.

Ну, и кто же это? — Вах, это же я сам!..

В самом центре стены, чуть выше роста Абдулы, так что смотреть ему приходилось, немного задрав голову, улыбался на яркой фотографии Абдула живой, а рядом черный прямоугольник.

Абдула не сразу себя узнал, давно не видел своих фотографий, а вот эту и вовсе прежде никогда не видел: стоит веселый, на солнцепеке, в цветастой легкой рубашке с широко раскрытым воротом, а из-под ворота выглядывает густая черная поросль на груди, которой Абдула всегда гордился... Рубашку он помнил, в колледже носил. Стоп, фото тоже вспомнил: на правах оно было. Права — на имя Абдулы Мехмета, значит, никто до колледжа не добрался, только на правах фотография совсем не такая живая и яркая, потому и не вспомнилась сразу! «А это они его, значит, отреставрировали, да? Восстановили, как я в молодости выглядел?.. Ну и ну!» — покачал Абдула головой. Черный прямоугольник рядом, вверх и вбок от которого сплошь «умертвия», словно бы молча, но весомо свидетельствовал: как бы ты когда ни выглядел, в конце концов останется от тебя одна чернота...

VII

Прошел (пролетел, проплыл, прополз, исчез, растворился) целый год. Америка впервые выбрала себе цветного президента; одновременно на нее обрушился финансовый кризис, но Кимберли Барлоу, похоже, от кризиса нисколько не пострадала. Во всяком случае, меню у Абдулы сделалось даже богаче. Об этом можно было бы судить даже по его фигуре: несмотря на доступность физических упражнений и всевозможные тренажеры, Абдула раздался, обмяк, и если бы не свежая одежда ежедневно по утрам, давно бы ужаснулся, насколько шире делаются каждый месяц его шаровары.

Кимберли, такая же худая, как в первый день, время от времени пыталась обратить его внимание на быстрый рост его объемов, однако репрессивных мер типа ограничения меню не предпринимала: видимо, считала, что предоставлять возможность для долгой жизни, включая стерилизацию продуктов от бактерий, — это одно, а принуждать к ней — совсем другое.

Ну, что ж, по крайней мере, она последовательна в своей идеологии, надо отдать ей должное. Отдавать должное Абдула любил: ислам настаивает на справедливости.

Годовщина пребывания здесь выпадала на день рождения Ленина — или Гитлера? — Нет, тот родился на два дня раньше, 20 апреля, а еще на три дня раньше, 17-го, родился Никита Хрущев. Это инструктор в лагере подчеркивал. Он русский был, этот инструктор, а в Чечне принял ислам. Получалось, что апрель способствует политическим талантам или везению. Сам Абдула родился в ноябре, точную дату по европейскому календарю определить было непросто, сколько ни пытались, всякий раз получались разные числа. Но, в конце концов, какая разница? В американских документах поставили среднее арифметическое — 15-е число, — и ладно!

Минувшим ноябрем, 15-го числа, Абдула и не вспомнил бы про свой условный день рождения, если бы Кимберли, появившись, как всегда, у него перед обедом, не сказала:

— Сегодня можешь заказать себе к обеду какой-нибудь особенный пирог и даже с надписью, если захочешь... — и в ответ на его невысказанный вопрос продолжила: — Ведь у тебя сегодня, можно сказать, день рождения!..

Абдула растерянно кивнул.

— Но поздравлять тебя я воздержусь! — резко добавила Кимберли. — Ведь если бы ты не родился, ты не убил бы мою маму. Зачем ты убил мою маму, Абдула?

Сегодняшнюю дату Абдула помнил гораздо более отчетливо: еще бы, целый год прошел! («Первый из пятидесяти?» — противно что-то пикнуло внутри.) «Прошел, и ничего: я жив, здоров, с ума не сошел!» — подбодрил себя Абдула, а потом даже горделиво выпятил грудь, прошелся шаг-другой по камере, с вызовом поглядывая на стенку, всю в фотографиях «умертвий» и «предумертвий», как он недавно научился их называть: «Ну, кто там ко мне сегодня?»

Он ожидал чего-то необычного, и не ошибся. Ждать, правда, пришлось долго, до десяти с четвертью. Но в десять с четвертью из ванной вдруг донесся звук шагов, хотя была среда, до медосмотра далеко; дверь отворилась, и в помещение Абдулы один за другим вошли целых пять человек в обычных для такого рода посещений светло-зеленых халатах и марлевых респираторах, но ни врача, ни парикмахера среди них не было. Первым шел охранник, — несмотря на респиратор, закрывавший пол-лица, Абдула сразу его узнал, — за ним — мисс Барлоу, которую Абдула тоже почти мгновенно идентифицировал по очкам, а вот идущих следом троих — двое мужчин, одна женщина, — Абдула решительно не узнавал. Ничего, сейчас сами скажут! Хранить достойное молчание у неверных не принято, им надо обязательно представиться; как же, демократия! У них кто старший, называет себя первым, не то, что на Востоке, где старший за всю встречу может вообще ни слова не сказать. Кивнет — и то почет!

Впрочем, старший из новоприбывших представляться не спешил. Абдула сразу определил, который это: невысокий, с Абдулу ростом, полнеющий господин лет шестидесяти, с круглым оживленным, — заметно даже под маской, — лицом, обрамленным кончиками седых кудряшек, выбивавшихся из-под салатовой медицинской шапочки.

Он с озорным любопытством уставился на Абдулу, который встал еще при виде охранника, да так и остался стоять возле своей кушетки, потом обвел глазами помещение: стенка с фотографиями так его заинтересовала, что он шагнул к ней, постоял, повертел головой, но потом повернулся в сторону Абдулы и кивком дал знак директрисе. Первой заговорила, наконец, она:

— Абдула, это сенатор Эдвин Кларк. А это Абдула Мехмет, сенатор!

Правильно сделала, сперва гостя хозяину представила, потом хозяина гостю. Почувствовав себя хозяином, Абдула во второй раз за сегодняшний день приосанился.

— Располагайтесь, сенатор, присаживайтесь, господа, — продолжала мисс Барлоу, напоминая всем, что хозяйка здесь, тем не менее, именно она.

Сенатор тут же воспользовался приглашением, устроился на обеденно-компьютерной лавке, вольготно раскинувшись и оперевшись спиной о стол как раз напротив окошка раздачи: Абдула приметил для себя, что стоит попробовать такую позу.

Второму, мужчине помоложе, повыше и постройнее, — очевидно, помощнику, — едва достало места пристойно утроиться по правую руку от сенатора ближе к окну. Вольно раскидываться он не стал, уселся прямо, свой тонкий дорогой «дипломат» поставил на колени и оперся об него локтями: удобно.

Кимберли стала слева от окна, — слева для Абдулы, который держался возле своей лежанки, там, где его застигло это неожиданное вторжение, — охранник занял позицию между гостями и Абдулой. Так, а эта где устроится? — глянул Абдула на третью гостью, женщину средних лет, средней комплекции и среднего выражения лица, в средних очках и с крашеной в средне-соломенный цвет реденькой челкой, свисавшей из-под шапочки на среднего размера лоб. Словом, пресная какая-то, на «эту ведьму» посмотреть и то приятнее... Абдула разочарованно отвернулся: «Пусть хоть на шведской стенке примостится, мне что за дело!»

Но тут охранник вынул из кармана своего халата какую-то штуку вроде дистанционного пульта и стал что-то на ней нажимать, одновременно зорко поглядывая на Абдулу: не вздумай безобразничать! — Абдула и не думал. А охранник уже спрятал пульт в карман, решительно повернулся корпусом к Абдуле, скрестил руки на груди и замер, зато за его спиной началось какое-то движение. Абдула не сразу поверил своим глазам: из пола, да-да, прямо из пола возле двери ванной стал выдуваться какой-то пузырь, скоро он вырос в целый шар высотой с табуретку, даже повыше, и Кимберли, как ни в чем не бывало, показала на него рукой: «Please!»

«Пресная», ничуть не удивляясь, уверенно уселась, сразу устроилась удобно, не ерзая, — шар под нею основательно промялся, — и тут же, вынув из черной сумки, раскрыла у себя на коленях небольшой плоский ноутбук, приготовившись записывать. Откуда же ей было знать, что Абдуле это сиденье в диковину?

Зато кресло-пузырь позабавило сенатора. Поглядев с любопытством, он даже поерзал на своем сиденье: Абдула не удивился бы, если бы оказалось, что у сенатора под задницей тоже что-то такое вздулось, чтобы ему было помягче. И совсем уже не удивился Абдула, когда возле окна у самых ног Кимберли из пола начал вздуваться точно такой же гриб-пузырь, превратившийся во второе сиденье. Кимберли, однако, не садилась, пока сенатор, спохватившись, не произнес:

— Пожалуйста, присаживайтесь, мисс Барлоу! — вспомнив, что главным хозяином здесь на данный момент является все-таки он. — Здорово тут у вас!.. — он одобрительно хмыкнул. — Ну, что ж, приступим? — и, повернувшись к Абдуле: — Вы тоже присаживайтесь, мистер Мехмет, присаживайтесь, не стесняйтесь!

«"Не стесняйтесь"?! — Да не будь здесь охранника, я бы не то что присесть не постеснялся, я бы вообще улегся, задом к тебе повернулся, да еще бы воздух в твою сторону испортил, благо, после завтрака расположение имеется!» Но при охраннике... Они же, гады, такие штуки знают! Сенатор и не заметит ничего, а он тебя так ткнет — небо с овчинку покажется! Абдула эти штуки сам тоже знал, хотя, скорее, теоретически, но как раз настолько, чтобы ни капельки не желать испытать их поближе на собственной шкуре. Поэтому он не заставил долго себя упрашивать, уселся на свою кушетку лицом к сенатору, спиною к фотографиям.

С них, с фотографий, и началась беседа.

— Это все ваши... — сенатор запнулся, подбирая подходящее определение; наконец, решил называть вещи своими именами: — ваши жертвы? — и продолжил: — «На дело рук своих он смотрит с довольством».

По его тону Абдула догадался, что это цитата, причем, скорее всего, из Библии[18]. Привычка нечестивцев по всякому поводу цитировать Книгу одновременно и раздражала его, и забавляла: осужденный любит цитировать свой приговор, ну, разве не забавно? А что «с довольством», то почему бы не с довольством? Абдула снова приосанился: «Она, эта стерва, думала, я убиваться буду, глядя на них, а я только радуюсь!» — и он быстрым движением повернул голову к стене, но там ему сразу бросился в глаза черный прямоугольник в центре, обозначавший место для собственного его «умертвия», и Абдула поспешно отвернулся.

Сенатор тем временем спрашивал у директрисы:

— А скажите, мисс Барлоу, как это вам удалось заполучить под свою опеку убийцу вашей матери?

— Лакуна в законодательстве, сенатор, — спокойно, как всегда, проговорила Кимберли. — Будь он моим сыном, близким родственником либо благодетелем, возникли бы препятствия, подозрения в семейственности. А так... Законодателю и в голову не приходило предусмотреть подобную... — Кимберли обвела рукой окружающую обстановку, — ситуацию.

— Что ж, на будущее, возможно, придется что-то в этом роде предусмотреть!..

— Для этого мы здесь, сенатор, — подал впервые голос его помощник, а «пресная» стенографистка за всю встречу ни слова не произнесла.

— Вот именно! — подхватил сенатор. — От нашего решения зависит прецедент. Видите ли, мистер Мехмет, — он повернулся к Абдуле, — я здесь по поручению сенатской комиссии, созданной для рассмотрения вашего дела. Требования раскрыть ваше, как выражается мисс Барлоу, — любезный кивок в ее сторону, — «топографическое инкогнито» становятся все громче. Утверждают также, что вы подвергаетесь бесчеловечному обращению, — он помолчал. — Мне предстоит дать предварительное заключение, от которого зависит, вызовут ли вас на слушания в Вашингтон и состоятся ли вообще такие слушания в слу-

[18] Абдула угадал: сенатор Кларк, хоть и не точно, процитировал библейский стих: «На подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством» (Ис 53:11).

чае, если я уже теперь приду к какому-либо определенному выводу и если, конечно, комиссия с этим моим выводом согласится...

И по тому, как уверенно сверкнули его глаза из-под очков и как одобрительно хмыкнул помощник, стало ясно, что стоит сенатору только придти к какому-либо выводу, а уж за комиссией дело не станет!

Абдуле тем самым недвусмысленно давали понять, что сейчас он может попытаться круто изменить свою судьбу. Весь вопрос — в какую сторону, и насколько желательна такая перемена?

«Э, ничего я не изменю!» — оборвал себя Абдула. Пожаловаться на бесчеловечное обращение? Но эта ведьма как дважды два — четыре докажет, что обращение здесь самое человечное: у нее все на этот случай предусмотрено. Начни теперь ершиться, только повод ей подашь покуражиться. Вон, как насмешливо поглядывает из-под своих очков! — Кимберли сидела возле окна боком к свету, стекла очков не отсвечивали, и глаза из-под очков виднелись на этот раз отчетливо.

«Нет уж, такого удовольствия я этой стерве не доставлю!» — и в ответ на незаданный вопрос сенатора Абдула уверенно произнес:

— Со мной здесь обращаются очень хорошо! — и с вызовом повернул голову в сторону Кимберли.

При слове «хорошо» его вдруг охватила мгновенная дрожь: а ведь и вправду — только сравнить, как я тут живу и как пришлось бы в обычной тюрьме! И Абдула внезапно понял, что после здешней жизни в обычной тюрьме он бы уже, пожалуй, не выдержал! От этой мысли ему сделалось страшно: а вдруг они решат, что меня тут содержат чересчур «человечно», да и отправят на баланду? Абдулу передернуло. Но еще больше передернуло от мысли: «До чего же я здесь освинячился!»

— Но послушайте, мистер... э... Мехмет, — сенатор не спешил удовлетвориться кратким ответом Абдулы и еще меньше последовавшим его молчанием. — Если вы опасаетесь негативных последствий своей откровенности... — сенатор перевел взор с Кимберли на охранника и обратно, — то я вам гарантирую, в моем лице Сенат Соединенных Штатов вам гарантирует полную безопасность! Ваше дело под постоянным контролем, никто не посмеет и пальцем вас тронуть!

— Никто и так меня не трогает, — решительно возразил Абдула. — Условия здесь правда очень хорошие! Желаю каждому жить в таких условиях!

И, встав на ноги, Абдула отвесил в сторону Кимберли дурашливый поклон. Та никак не отреагировала.

Сенатор тоже встал, заходил по камере, помощник и охранник тенью двинулись за ним. Он потрогал тренажеры, пощупал шведскую стенку, долго рассматривал фотографии «умертвий» с «предумертвиями», на фото Абдулы задержался, хмыкнул, оглянулся на оригинал... Потрогал кушетку, нажал на кнопку, отстранив помощника, пытавшегося услужливо его опередить: «Не надо, Билли, я хочу сам»... Выползла простыня, сенатор долго вертел ее в руках, потом скомкал и, следуя взгляду Кимберли, отправил в мусоросборник... Осмотр был тщатель-

ный и долгий, сенатор переходил с места на место, от предмета к предмету, обмениваясь репликами со своим помощником и с Кимберли, к Абдуле почти не обращаясь; тот лишь вертел головой вслед за движениями сенатора, а охранник при этом неизменно оказывался между сенатором и Абдулой, не сводя с последнего глаз. Особенно долго сенатор задержался у монитора — который был включен! — разглядывал меню, программы, задавал вопросы директрисе, обсуждал что-то со своим помощником: что именно, Абдуле из-за широкой фигуры охранника было не разглядеть, да он и не пытался: очень надо!

И кофе с булочкой сенатор тоже отведал, угостил помощника и предложил «пресной» стенографистке, но та безмолвно отказалась (Абдула, кстати, так и не услышал ее голоса). Разговаривали они все негромко, так, что если не напрягаться, почти не разобрать, о чем, — не потому чтобы таились от Абдулы, а просто — не считались с его присутствием.

«Ну, так а мне и вовсе наплевать!» — и Абдула уселся на своей кушетке, лениво провожая взглядом передвижения сенатора и директрисы. Подол ее длинного платья волочился по полу и непременно запылился бы, будь тут хоть малейшие признаки пыли... При этой мысли сердце Абдулы екнуло: а ну, как все же упекут в обычную тюрьму? Но повлиять на это он никак не мог, поэтому лучше не высовываться, потом хотя бы упрекать себя будет не за что, как бы дело ни повернулось... И он постарался поменять направление мыслей: почему она всегда в этом платье, даже брюк не наденет, что, неужели ноги такие кривые? Но Абдула понимал, что нет, скорее всего, вовсе не кривые, разве что щуплые: кривоножки так не держатся, да и ноги ее мамаши, помнил он по фотографиям, вполне себе ничего... Эта, конечно, покостлявее будет, вон, косточки на горле как выпирают... Эти бы косточки сдавить сейчас! Абдуле ясно представилось, почувствовалось, как бьется у него под пальцами та самая жилка, правильно нажав на которую... А можно и неправильно, можно просто резко сжать и рвануть эти косточки, Абдула точно знал — как: инструктор в лагере показывал неоднократно, и вот вам мисс Кимберли безжизненной куклой валится на пол... Представляя приглушенный стук от падения ее тела, Абдула аж зажмурился от удовольствия, а после глаз приоткрыл: может, и вправду рискнуть? — Всего-то секундочка нужна, а какой бы вышел номер!..

Но нет, не дадут тебе этой секундочки, Абдула, вон, охранник не даст. Он, как заведенный, перемещается по камере, неизменно оказываясь между посетителями и Абдулой, разве что секретарша время от времени оказывается на сторонней траектории, но она и без того слишком далеко сидит, да и кому она нужна!.. Словом, охранник свое дело знает, не зря ему эта сучонка деньги платит, наверняка огромные, небось, самого лучшего нашла... И Абдула обмяк, сидя на своей кушетке.

Тут со стороны обеденного стола донесся легкий шум, все повернулись туда и увидели, что из окошка раздачи выполз накрытый прозрачной крышкой поднос, такой же, как обычно, только вместо обеда на нем теперь лежал большой пухлый желтый конверт.

Помощник подскочил, достал конверт, раскрыл его и вытащил оттуда пачку блестящих фотографий:

— Взгляните, сенатор!

— Ба, наши фотографии! — сенатор выразил голосом радостное изумление. Подойдя, он взял их из рук помощника, разложил веером на столе и принялся разглядывать. — Ага, вот очаровательная мисс Барлоу, вот вид из окна, вот наш... хм... подопечный... (при этом «подопечный», не удержавшись, повел вокруг глазами: где это у них тут объективы запрятаны? — Хотя, чего там, где угодно могут быть!) А вот мы с ним вместе, попали в кадр.

Сенатор поднял со стола один из снимков, повертел так и сяк.

— Может, попросить у него автограф? Есть у него ручка? — вопросительно повернулся он к директрисе, но та решительно повела плечами:

— Заключенному (Абдулу дернуло: давненько он не слышал этого слова!) не позволяется пользоваться авторучкой! Для письма у него имеется клавиатура.

— Но почему? — удивился сенатор. — Какой вред может быть от авторучки?

— Авторучку можно вонзить в глазное яблоко, себе или другому, — невозмутимо объяснила мисс Барлоу. — Длины самой обычной ручки достаточно, чтобы при известной сноровке дослать ее сквозь глаз до головного мозга и вызвать тем самым смерть...

«Ого! — мысленно поразился Абдула. — Во дает, стерва! О таком даже инструктор в лагере не рассказывал!» А сенатор, выронив, словно обжигала, фотографию, с опаской посмотрел на Абдулу и заторопился вон из камеры. До него, как видно, только теперь толком дошло, что перед ним человек, убивший восемьдесят семь и покалечивший еще гораздо больше его сограждан. Следом, собрав со стола и торопливо сунув фотографии в конверт, двинулся помощник, затем, захлопнув ноутбук, поднялась секретарша. На этой юбка была обычная, выше колен, но ничего особо привлекательного ее колени, как и мясистые лодыжки, собой не представляли. Нет, если уж выбирать, Абдула определенно предпочел бы костлявую Кимберли: вон как она движется, как изящно пропускает перед собой эту корову... Замкнул процессию охранник.

Эмили Слоут, секретарша, произведшая на Абдулу столь удручающее впечатление, играла между тем в его судьбе гораздо более значительную роль, нежели он мог себе представить.

В бюро сенатора Кларка она занимала положение, подобное положению экс-рядового первого класса Уинтергрина из знаменитого романа Джозефа Хеллера «Уловка-22».

Состоя в штабе армии на скромной должности писаря, экс-рядовой первого класса Уинтергрин самовластно вмешивался в споры между генералами, обеспечивая победу того из них, стиль докладных которого нравился ему больше: такие докладные он посылал дальше по инстанциям, тогда как докладные оппонента неизменно отправлял в корзину.

Эмили, конечно, действовала не столь радикально и прямо ничего в корзину не отправляла, но проекты всех сколько-нибудь важных документов, исходивших из бюро, готовила именно она, и поскольку сенатор в семи случаях из десяти принимал ее проекты практически без замечаний, — долгий опыт научил его полагаться на ее здравый смысл, — в двух вносил косметическую правку и лишь в одном случае из десяти полностью отвергал проект, просто, чтобы напомнить всем, и себе самому в том числе, кто в доме хозяин, то можно сказать, что политику сенаторского бюро на девять десятых определяла именно она.

Вот и сейчас, через неделю после визита к Абдуле, она заканчивала по поручению сенатора «проект» отчета, который он собирался направить в Сенатскую комиссию, прекрасно понимая, что с его выводами там согласятся почти наверняка, а сам сенатор, как раз недавно «завернувший» предыдущий проект Эмили по совсем другому делу, сейчас навряд ли даже станет читать, что там она напишет, и занятый гораздо более важными для него в данный момент переговорами подмахнет не глядя *ее* выводы.

Но в том-то и была загвоздка. Легко закончив описательную часть, перед выводами Эмили запнулась. Она была совестливым человеком и не хотела все решать с бухты-барахты, как, может быть, поступил бы на ее месте экс-рядовой первого класса Уинтергрин. Нет, как человек ответственный она хотела во всем досконально разобраться и предложить Комиссии решение, которое сама считала бы справедливым.

Кимберли Барлоу, конечно, невозможно упрекнуть в негуманном отношении к заключенному, как этого хотели бы добиться те, кто инициировал расследование, — кстати, кто именно? (Сенатор держался по этому поводу загадочно, скорее всего, толком и сам не знал, а потому и угождать этим людям не собирался и предоставил Эмили полную свободу: в тех редких случаях, когда он принимал решение заранее, он его четко формулировал, и Эмили тогда оставалось только все оформить, но в этот раз такого и близко не было.) Во всяком случае, относительно возможных злоупотреблений со стороны мисс Барлоу дело представлялось предельно ясным. Все нормы, привилегии, права и правила, какие только можно было бы вообразить, в ее «заведении», как неизменно называют это место все, или «тюрьме», как неизменно называет его она сама, тщательно и досконально соблюдаются. Но что же, однако, так и оставить этого мерзавца, этого людоеда, этого убийцу, по меньшей мере восемьдесят семь раз заслужившего смертную казнь, кататься, как сыр в масле, в своей комфортабельной клетке, — в то время как другие заключенные, куда менее виновные, чем он, едят баланду в тесных и душных камерах?!

Какие там камеры и баланда у «других заключенных», Эмили представляла себе смутно, однако что там — заключенные! Правительственные служащие не живут в таких условиях, как этот Мехмет!

Под «правительственными служащими» Эмили в данном случае разумела самое себя — и вполне справедливо, между прочим, поскольку-

ку ее скромную зарплату сенатор ей платил из госбюджета. Сейчас она проедала эту скромную зарплату, сидя в свой обеденный перерыв в дешевом кафетерии недалеко от своей конторы и с грустью разглядывая сыроватые, плохо пропеченные блинчики с творогом и сиропом у себя на тарелке, которые запивала скверным кофе с молоком из большой чашки. Она бы и не знала, до чего он скверный, как не знала этого все годы своей жизни, если бы не тот изумительный напиток, который они пили там, за обедом «у Абдулы», и запах которого, даром, что фантомный, в это самое мгновение, с ощутимой силой, до головокружения, ударил ей в ноздри.

Абдула тогда обедал одновременно с ними, сидя к ним спиной за прозрачной переборкой (ради высокого гостя его лишили обеденного уединения), ел те же яства (Эмили сглотнула, в желудке защемило) и пил такой же кофе, в чем было нетрудно убедиться, поскольку движение всех блюд отлично прослеживалось на горевшем перед ними мониторе. Блюда по четыре порции (Кимберли с ними не ела) выставлялись на невидимом для Абдулы столе, Абдула выбирал, нажимал кнопку меню, и тогда одно отправлялось к нему, а остальные три шли к визитерам. Все делалось автоматически, персонала на мониторе видно не было. Конечно, картинку на мониторе можно и подделать, но проще и дешевле действительно накормить узника, тем более что сенатор время от времени покрикивал: «У нас тут превосходный плов из баранины, а у вас?»

Абдула в ответ неизменно молчал, но что бы ему помешало пожаловаться, будь у него не плов, а какая-нибудь бурда? Правда, насчет плова Эмили немного сомневалась, ей казалось, плов не бывает таким жидким[19], но поправлять сенатора ей в голову не приходило.

Нет, Абдула не жаловался и не восторгался, он молча поедал свою пищу, угрюмо склонившись над своим столом, — впрочем, насчет «угрюмо» Эмили не стоило бы торопиться с выводами, ведь она видела его только со спины. Кофе, во всяком случае, он выпил с заметным удовольствием: Эмили видела, как расслабилась его спина, когда он глотнул из чашки.

«Ну ничего, скоро ты будешь пить то же, что и я, в обычной тюрьме ничего лучше тебе не дадут!» — Эмили уже практически решилась именно так и поступить с узником мисс Барлоу.

— Дерут, как в хорошем ресторане, а готовят всякую дрянь! — раздался неожиданно голос у нее над ухом.

Эмили вздрогнула, резко повернулась: совсем рядом, за столиком, стоявшим впритык к ее собственному, сидел высокий полный мужчина с округлой лысой головой и тонкими седеющими усиками. Занятая собственными мыслями, Эмили не заметила, как он подсел за этот столик: когда она устраивалась, там никого не было, и Эмили, воспользовавшись этим, протиснулась дальше от прохода, к окну. Мужчина между

[19] Эмили была совершенно права в своих сомнениях, поскольку, как читатель уже, наверное, догадался, это был вовсе не плов, а шилаплав.

тем вертел в руках тарелку с такими же, как у Эмили, блинчиками и продолжал возмущаться:

— Два с половиной доллара порция, а за что, спрашивается?

Эмили смущенно улыбнулась в ответ и повернулась к своему прибору: разговаривать с незнакомыми она не любила, ей бывало неловко. Мужчина, однако, не успокаивался:

— А в это время какой-нибудь мерзавец-террорист, какой-нибудь Абдула Мехмет, уписывает за обе щеки шилаплав, и в ус не дует!

Эмили вздрогнула еще сильнее и испуганно уставилась на соседа: он что, мысли читает?

Незнакомец тем временем учтиво привстал, что при его комплекции стоило ему труда, и поклонился:

— Миссис Эмили Слоут, если не ошибаюсь?

— Да... — пролепетала Эмили. — Откуда вы меня знаете?

— Э, дорогая миссис Слоут, мэм, — хохотнул незнакомец, — в наше время вездесущей информатики можно знать все про всех, и даже в самых детальных подробностях! Можно знать даже то, чего человек сам о себе не знает!..

Эмили в панике оглянулась: «Кто это, что ему нужно, что мне делать?»

С противоположной стороны их столиков уселась, как на грех, парочка глухонемых индусов в живописных тюрбанах: обменявшись быстрыми знаками на пальцах, которые сопровождались краткой серией по-птичьему писклявых звуков (которых они, очевидно, сами не слышали), они склонились над своими тарелками и больше голов не поднимали, сосредоточенно разделываясь со своими макаронами под бурокрасным острым соусом: до Эмили доносился запах чеснока и еще чего-то едкого. Даже на помощь не позовешь, хотя чего ради звать на помощь: он что, ей угрожает? Как всякая женщина, Эмили больше боялась скандала, чем опасности.

Поневоле приходилось слушать, тем более что, оказавшись у окна, она не могла встать и уйти: незнакомец загораживал ей выход. «Никогда больше не буду садиться у окна», — поклялась себе Эмили, а незнакомец тем временем продолжал как ни в чем не бывало:

— Вот например, неделю назад вы ездили с сенатором на встречу с Абдулой Мехметом, а куда, вы и сами не знаете: вас везли в закрытом салоне.

Эмили нехотя кивнула.

— А я — знаю! — возгласил незнакомец. — Хотите, скажу?

— Н-нет!.. — запнувшись, вымолвила Эмили.

— И не надо, все равно завтра это будет во всех газетах!

«Так это журналист! — с облегчением подумала Эмили. — Ну да, конечно!» — и вместе с этой мыслью к ней возвратилась уверенность.

— Извините, мне пора, — сказала она, вставая. — Пропустите меня, пожалуйста!

Незнакомец, однако, не шелохнулся:

— Пора? — спросил он удивленно. — До конца вашего обеденного перерыва еще целых двадцать минут, а вы уже так спешите вернуться на работу? Сколько же сенатор Кларк вам платит за такое рвение?

— Не ваше дело, сколько он мне платит! — бросила Эмили раздраженно.

Сцена становилась все более нелепой: она стоит в неудобной позе, зажатая между столиком и стулом, толстый журналист не шевелится... И сколько он так думает ее держать? Вон, даже индус голову поднял, белозубо улыбнулся и опять склонился над тарелкой. Ага, вот толстяк зашевелился: кажется, и вправду начал подниматься, но медленно-медленно, комплекция, видите ли, не позволяет быстрее. Наклонился, ладонями оперся о столик и говорит при этом:

— Дело, безусловно, не мое. Но все-таки обидно, вкалывать, как каторжная, а в результате даже не иметь возможности устроить сына в приличную школу...

— Что? — выдохнула Эмили.

Ноги у нее подкосились, и она сама собой упала на свой стул. Незнакомец угодил в самую точку: именно эта проблема тревожила Эмили в последние месяцы больше всего.

Эмили Слоут был сорок один год. Пятнадцать лет назад, закончив колледж, — училась она долго, поскольку особыми способностями не блистала, — и поступив на работу в юридическую контору в своем родном городе, она, сама не понимая, как, оказалась в близких отношениях с младшим партнером фирмы, как раз незадолго до того разведенным. Отношения привели к беременности, беременность к свадьбе, а свадьба — к разводу года два спустя. И Эмили осталась одна с Робертом-младшим на руках. Роберт-старший от отцовского долга злостно не уклонялся, алименты платил и поначалу регулярно навещал сына, а потом помог Эмили поступить на работу в бюро к сенатору от их штата Кларку: «сбагрил нас в Вашингтон, округ Колумбия, и доволен», — объясняла себе Эмили его мотивы, но, по сути, жаловаться было особо не на что, ни на какую более успешную карьеру Эмили рассчитывать все равно не приходилось. Она, собственно, и не жаловалась, по крайней мере, до сих пор. Но вот Роберту-младшему незаметно и неожиданно исполнилось тринадцать лет, из тихого покладистого мальчика он превратился в ломаного подростка, а из школы вместо хороших отметок и благодарностей стал приносить замечания и синяки, причем с каждым месяцем все больше.

— Понимаете, Роберт не умеет выстраивать отношения со сверстниками, — объясняла Эмили учительница-куратор класса. — Он уступает там, где стоило бы постоять за себя, и, напротив, лезет на рожон, когда следовало бы уступить...

— То есть ему следовало уступить, когда у него отнимали завтрак?! — напористо переспросила Эмили: последний свой синяк Роберт принес из школы именно из-за этого.

Учительница молчала, и Эмили распалилась еще больше:

— Разве мальчик ходит в школу не для того, чтобы здесь его учили, в частности, выстраивать отношения со сверстниками?.. А если не научить, то хотя бы оградить его от насилия вы могли бы?

— Как? — развела руками учительница. — Приставить к каждому школьнику полисмена? У нас тут по пятьдесят человек в классах, неделя, когда обходится без тяжких телесных повреждений, считается удачной!

Живо себе представив, как ее Роберта увозят из школы с тяжкими телесными повреждениями, Эмили безвольно уронила руки: такая перспектива была более чем реальной.

— Что же нам делать? — горестно проговорила она.

— Муниципальная школа, что вы хотите... — развела руками учительница. — Сейчас все ответственные родители стараются устроить своих детей в частные школы...

Эмили растерянно захлопала ресницами: осознавать себя «безответственным родителем» ей было внове.

— Если надумаете, могу вам порекомендовать, — поставила учительница точку в разговоре.

...Школа, которую Эмили посетила по рекомендации учительницы, произвела на нее неизгладимое впечатление. Не роскошью обстановки: роскошь как раз бы подавляла, отталкивала, а здесь роскоши не было, был комфорт, минимальный, но достаточный. Небольшие на первый взгляд классы, но если на двадцать учеников — столько там стояло столиков, — то вполне просторные, светлые и чистые; такие же светлые и чистые коридоры; обширный двор с цветами и газонами... Но главное — дети... Аккуратные подростки в красивых светло-синих форменных костюмах и белых рубашках весело и оживленно (а не разболтанно и агрессивно!) двигались на перемене по двору и коридорам... Сопровождавший Эмили молодой преподаватель в ответ на ее безмолвный вопрос пояснил:

— Да, здесь у нас одни мальчики. Для девочек есть такая же школа неподалеку, в конце квартала. У нас по меньшей мере два раза в месяц проходят совместные мероприятия: экскурсии, праздники, посещения театров или музеев. Но повседневный учебный процесс... Вы же понимаете, девочкам и мальчикам нужны не совсем одни и те же предметы, не одна и та же физкультура, и даже физика, химия и математика должны преподаваться девочкам и мальчикам несколько по-разному...

Эмили не знала даже, как ей отреагировать на такую идущую в разрез со всеми современными педагогическими принципами «ересь», но она не смогла не поддаться обаянию ее какой-то первозданной правоты и потому попробовала зайти с другой стороны:

— А разве, в отсутствие смягчающего присутствия... — Эмили запнулась: — Ну, в общем, в отсутствие девочек... лиц другого пола... они не делаются слишком агрессивны?

— Что вы, совсем напротив! — заулыбался учитель: — В отсутствие «лиц другого пола», — он чуть заметно подчеркнул тоном ее выраже-

ние, — у мальчиков исчезает львиная доля поводов, прямых и косвенных, для проявления агрессии!

«Не перед кем выделываться», — быстро перевела про себя Эмили. И вынуждена была тут же согласиться: ведь и между девочками, как она помнила, ссоры, главным образом, тоже происходили именно из-за мальчиков.

Больше всего Эмили поздравляла себя с тем, что догадалась не брать с собою Роберта для этого ознакомительного визита: его бы после этого от муниципальной школы просто стошнило. Ну, так за чем же дело стало? — А как всегда, за финансами!

Плата за обучение, сама по себе не маленькая, оказалась, правда, не такой астрономической, как опасалась Эмили. Но это ведь далеко не все! Понадобится заказать ребенку школьную форму и вообще одевать его теперь по-другому, покупать другую спортивную одежду, другие принадлежности... Не будет тех же скидок на учебники, что в муниципальной школе, да и самих учебников понадобится больше — и более дорогих изданий. Наконец, машина: до сих пор Эмили как-то обходилась со своим стареньким «фордом», но в ЭТУ школу ребенка на такой машине не повезешь! Не говоря уже о том, что школа нынешняя от них довольно близко, если «форд» закапризничает, а это с ним теперь случается все чаще, то мальчик и пешком добежит, а вот сюда не добежишь, далековато, и к себе в контору рискуешь опоздать, а это уж и вовсе никуда не годится.

Словом, плата за обучение, одежда, учебники, новая машина... кстати, дополнительные траты на бензин: ездить-то дальше... А еще всякие экскурсии, музеи — за них ведь тоже надо платить отдельно, или как? За что-нибудь платить еще придется непременно — праздники, вечеринки, и на карманные расходы ему теперь будет нужно все больше... Как ни крути, а выходило, что требуется дополнительно никак не меньше пятидесяти тысяч в год, что означало бы чуть ли не удвоение ее зарплаты!

Роберт-старший, которому по справедливости следовало бы взять на себя половину этих дополнительных расходов: сын-то его такой же, как и ее! — последнее время все чаще жаловался на застой в делах, задерживал выплату алиментов, так что справедливость справедливостью, но рассчитывать на его помощь получалось проблематично. Ну, ладно, а что тогда? — Завалиться к сенатору Кларку и заявить: «Удвойте мою зарплату!»? Так за это он может и вовсе на улицу выставить и взять на освободившееся место двух стажерок, молодых и энергичных («И симпатичных!» — добавил изнутри противный голос). Так что же делать? — вот над чем Эмили неотступно ломала голову все эти месяцы, и оставалось ей на эту головоломку всего лишь несколько недель: заявление в школу следовало подать до конца текущего семестра.

— Понимаю, как тяжело для вас, а главное, для вашего мальчика переносить все это, — продолжал между тем, доверительно понизив голос, незнакомец. — Да мало того, что тяжело, — воздел он руки. — Это ведь и небезопасно. Разве нет? Вы знаете, какая теперь ужасающая статистика несчастных случаев в муниципальных школах?

Эмили знала. Знала!..

— И ладно бы просто дети между собою дрались... — продолжал, как гвозди, вбивать в ее сознание незнакомец. — Но ведь любой верзила-хулиган может ворваться с улицы, учинить побоище, и поминай как звали!..

Книжный оборот, какого Эмили давненько не слыхивала, заставил ее еще раз пристально взглянуть на незнакомца: тот говорил как по писаному, произнося явно заготовленную речь. Но чего он добивается, чего?

— Что вам нужно? — наконец слабо выдохнула она.

— Мне? — удивленно поднял брови незнакомец. — Мне ничего не нужно, нужно вам! Это вам нужно, просто необходимо устроить сына в приличную, безопасную школу, иначе с ним может случиться все, что угодно!

— Но... как? — растерянно вымолвила Эмили и нервно оглянулась.

Индусы напротив все так же, ни на что не реагируя, хлопотали над своими тарелками; жизнь в кафетерии шла своим торопливым обеденным чередом, никто ни на кого не обращал никакого внимания.

— Сдвиньте вашу тарелку! — резко велел незнакомец.

Эмили рефлекторно повиновалась, и незнакомец, вынув из кармана пиджака большой конверт, раскрыл его и вытряхнул оттуда прямо на освобожденное пространство перед Эмили другой конверт, поменьше, а большой конверт тут же убрал обратно в карман.

— Здесь чек на пятьдесят тысяч долларов, на предъявителя. Он ваш, — и не оставляя Эмили времени даже пискнуть, продолжал: — Однако не спешите получать по нему, он пока ничем не обеспечен. Пока! — подчеркнул, подняв палец, незнакомец. — Деньги поступят на соответствующий счет, как только будет принято справедливое, — подчеркиваю, справедливое, — решение относительно Абдулы Мехмета. Ведь отправить этого негодяя из того санатория, где он сейчас прохлаждается и наслаждается, в обычную тюрьму будет только справедливо. Разве не так?

— Так, но... — слабо запротестовала Эмили, — причем тут я?

— Вы? — снова удивленно поднял брови незнакомец. — Разве я сказал, что вы тут хоть при чем-то? Считайте это, — он махнул ладонью на конверт, — случайным выигрышем в лотерею, если, конечно, случайно или нет, решение об Абдуле окажется справедливым... — незнакомец со значением промолчал. — Ну, а если не окажется, считайте это все своим огромным проигрышем.

Он стремительно поднялся, вопреки всей своей внушительной комплекции, и, не прощаясь, удалился; только индусы радостно покивали ему вслед.

Когда Эмили, все еще едва переводя дух, вошла в свое бюро, из-за полуоткрытой двери в комнату сенатора донесся его зычный рык:

— Эмили! Подите сюда!

Она повиновалась, и сенатор немедленно обрушил на нее свой гнев:

— Вы опоздали на пятнадцать минут! Мне уже пять минут, как следовало знать результат вашего звонка в Ассамблею!..

Таким разгневанным Эмили давно его не видела, но, охваченная собственными переживаниями, она держалась удивительно спокойно. Раскрыв неторопливо свою сумочку, Эмили вынула оттуда конверт, полученный от незнакомца, и протянула его сенатору:

— Мне только что предложили взятку в пятьдесят тысяч долларов, чтобы я повлияла на ваше решение относительно Абдулы Мехмета.

— Что? — изумленно выдохнул сенатор, беря конверт и вынимая оттуда чек: на нем и вправду значилась внушительная сумма в 50 000 долларов! — И что вы собираетесь с этим делать?..

— А вот что! — звонко сказала Эмили, беря чек у него из рук и начиная рвать на мелкие кусочки. — Вот что, вот что, вот! — Кусочки полетели в урну. — Они что, думают, я стану подыгрывать мерзавцам, способным угрожать моему ребенку?!.

Сенатор Кларк взирал на нее с безмолвным изумлением. Про звонок в Ассамблею он больше не вспоминал.

Эмили не ждала продолжения этой истории так скоро, во всяком случае, до тех пор, пока решения об Абдуле не принято никакого, и потому старалась пока что вовсе о ней не думать. Однако в пятницу на следующей неделе, т. е. десять дней спустя, продолжение последовало, причем вовсе не такое, какое она могла бы себе заранее представить хотя бы отдаленно.

Сенатор Кларк позвал ее в свой кабинет в самом начале рабочего дня и указал на стул напротив себя:

— Присаживайтесь, Эмили!

«Присаживаться» здесь Эмили, конечно, и раньше нередко приходилось, но чаще все-таки сенатор отдавал свои распоряжения торопливо, на ходу, присаживаться не предлагал, и Эмили похолодела: увольняет! Уволит!

Сенатор, однако, увольнять не торопился: на столе перед ним лежала газета, и он пододвинул ее к Эмили:

— Вот, репортаж о нашей поездке к Абдуле...

Эмили видела подобные сообщения и прежде; незнакомец не солгал, уже на прошлой неделе в газетах появились шапки: «Местоположение террориста раскрыто!» Но такой, с фотографиями, репортаж появился впервые.

Фотографий было немного, всего четыре и не очень качественные, однако все равно и сенатор, и мисс Барлоу, и Абдула легко на них узнавались. Ни Эмили, ни Джонни (так звали сенаторского помощника) на фотографиях видно не было.

— У вас была с собою фотокамера, Эмили? — спросил сенатор. — Или мобильник?

— Что? — не сразу поняла Эмили. — Нет, сенатор, конечно, нет! Нас ведь предупредили!

— Ну да, предупредили! Ни фотокамер, ни мобильников брать в заведение мисс Барлоу не дозволяется, но для нас как для представителей Сената сделали исключение: мобильники были и у меня, и у Джонни. Так может, и у вас?..

— У меня? Нет, у меня не было! — решительно замотала головой Эмили.

— Конечно, не было, — согласился сенатор, — да я бы и заметил... А вот Джонни звонил по мобильному, правда?

— Да, раза три-четыре! — подтвердила Эмили.

— Значит, тогда и снимал...— сделал вывод сенатор и добавил: — Кроме того, по звонкам с мобильного, если за ним особым образом следить, можно определить место, откуда звонят: вот вам и местоположение!

— Как, Джонни?! — пораженно выдохнула Эмили.

Не то чтобы она была о Джонни какого-то особо хорошего мнения, но все равно, от человека, которого видишь каждый день и как будто бы неплохо знаешь, предательства не ожидаешь.

— Ну да, Джонни! — раздраженно воскликнул сенатор. — Ему, очевидно, предложили побольше, чем пятьдесят тысяч!.. — сенатор умолк.

Пауза затягивалась. Эмили не знала, что ей говорить, что делать: попроситься уйти, дальше сидеть?.. Она стала подниматься:

— Так я пойду, сенатор?..

Но тот остановил ее жестом руки:

— Постойте!.. Мне тут пришло в голову, что мы вполне можем сэкономить на вашей зарплате!

— На моей зарплате! — не сдержала Эмили восклицания.

Ноги ее подкосились, и она снова плюхнулась на сиденье: все-таки увольняет!

— Ну да! — продолжал сенатор как ни в чем не бывало. — Поскольку вы теперь будете получать зарплату Джонни, то вашу мы спокойно можем вернуть в бюджет!

У Эмили перехватило дыхание: посылая ведомости в банк, она прекрасно знала, какова чья зарплата, — зарплата Джонни превышала ее собственную более чем вдвое!

Абдула, впрочем, обо всем об этом ничего не знал. О результатах визита сенатора Кларка он узнал только то, что ничего в его собственном положении меняться не будет. Кимберли сказала:

— Сенатской комиссии не будет. Сенатор Кларк не нашел для этого ни малейших оснований: права заключенного соблюдаются досконально, сам заключенный ни на что не жалуется... Так что все у нас будет по-прежнему, уж не знаю, радует это тебя или огорчает...

Абдула толком и сам не знал.

— Впрочем, — продолжала Кимберли, — я вообще мало что о тебе знаю. Я даже не знаю до сих пор, — она сняла очки, — зачем ты убил мою маму?

VIII

Абдуле хватило мудрости понять, что как ни ломай голову, к лучшему все вышло или нет, ясно только одно: при любом обороте ему придется только жалеть. Это как в притче про Насреддина, у которого кто-то спросил совета, жениться или нет. Насреддин отвечал: «Что бы я ни посоветовал, ты поступишь по-своему. Но как бы ты ни поступил, ты об этом пожалеешь!»

Ну, а если жалеть все равно придется, то лучше не думать об этом, а стараться побольше развлекаться!

От посетителей, конечно, в этом смысле толку немного: как ни старается мисс Барлоу, а получается однообразно, ко всем категориям Абдула уже привык, знает, чего от какой ждать, как с какой себя вести... Так может, ей самой скоро все это надоест и она его отправит куда-нибудь? — Но нет, такой, как она, не надоест, и никуда она его не отправит, даже в Пакистан!..

Про Пакистан он вспомнил, потому что Кимберли сама недавно о нем упомянула, сказала, там захотели последовать ее примеру, парня, взорвавшего пригородный поезд, выставили вот так же на всеобщее обозрение. Только защита там была, конечно, совсем не та, что здесь, так что парень даже одного дня не просидел: толпа разъяренных родственников погибших сразу же до него добралась и растерзала буквально на мелкие кусочки.

— Ты рад, что ты не в Пакистане, Абдула, а здесь, у нас, в Нью-Айленде? — спросила она и следом, разумеется, сняла свои очки: — Зачем же ты убил мою маму, Абдула?

Раскрытие «топографического инкогнито», как она выражалась, тоже ни к каким заметным переменам в его положении не привело. Если с посетителями и стали обращаться как-то по-другому, строже подбирать, тщательнее обыскивать, здесь, в здешнем «зазеркалье», этого не ощущалось.

Кимберли, правда, как-то намекнула, что теперь можно ждать всяких сюрпризов, но каких именно, не уточнила, а очередной сюрприз преподнесла, как всегда, сама.

— Тут у тебя появились деньги, Абдула, две тысячи долларов, — както раз заявила она без всяких предисловий. — При аресте у тебя нашли сто сорок семь долларов в бумажнике, их зачислили тебе на тюремный счет, и ты потратил их в киоске, помнишь?

Абдула, конечно, помнил: деньги ушли на холодную кока-колу, — Абдуле она очень нравилась, особенно в жару, — на булочки для того старика, который говорил, что в жизни не ел ничего слаще, и на сигареты для того парня-палестинца, который курил так много, что тюремного пайка ему не хватало, а свой паек Абдула уже пообещал другому старику, афганцу. Что делать, Коран настаивает, чтобы мы не забывали о милосердии, а те соображения, что никакое это не милосердие, дес-

кать, покупать человеку сигареты, от которых один вред, Абдула с раздражением отметал. Про вред на свободе надо думать, а здесь человеку нельзя отказывать ни в чем, что хоть как-то может скрасить его существование!.. Да, так что там она про две тысячи долларов-то?

— Но кроме того, при тебе нашли еще две тысячи долларов в конверте, — продолжала Кимберли. — Тогда решили, что они могут иметь отношение к делу и хотели включить в число вещественных доказательств, но потом в суматохе оформить это забыли, деньги так и провалялись на полке, а недавно на них наткнулись и теперь не знают, что с ними делать. Дело закрыто, поднимать его снова, чтобы, к примеру, законно зачислить эти деньги в бюджет, обойдется в пять раз дороже, так что решено, что проще всего признать их твоими. И ты можешь распорядиться ими по собственному усмотрению.

Кимберли умолкла. Абдула тоже молчал: как он может ими тут распорядиться? Ведь даже кока-колу покупать тут незачем, вон ее сколько дают, хоть залейся! А может, сигареты? Столько лет не курил, так может, начать, ей назло? Как она тогда: «Такой возможности у Вас не будет...» — а вот и появилась! — Но нет, ясно вдруг представился вонючий табачный дым, в глотке запершило, чуть не закашлялся: «Ну его! И жизнь к тому же сокращает, а мне еще эту стерву пережить надо!» Мысль пережить «эту стерву» вдруг показалась вовсе не безнадежной и придала ему энтузиазма. А та, зная уже, что никакой реакции от него не дождется, продолжала сама:

— Нет, на «джихад» их перечислить тебе, конечно, не позволят... Но ты можешь, например, заказать себе какие-нибудь особенные шахматы с мягкими фигурами, или завещать эти деньги, кому хочешь, подарить их или пожертвовать на благотворительность.

«Благотворительностью» они называют милосердие, то есть упор со внутреннего сердечного расположения переносят на внешние поступки: *-творительность*. И так у них во всем, одно слово — неверные!..

А Кимберли все говорила, необычайно долго для нее, кстати:

— Тут вот девочка была, с металлической рукой, помнишь, конечно? — Ей уже сделали пластмассовую. Но девочка быстро растет, протезы ей придется делать новые чуть ли не каждый год, так что твои деньги пришлись бы ей очень кстати!

— Нет! — Абдула помотал головой.

— Что «нет»? — вскинула брови Кимберли.

— Не пришлись бы! Такие протезы дорого стоят, две тысячи долларов ничем не помогут.

— Ну, допустим, — согласилась Кимберли. — А что ты предлагаешь?

— Тут женщина была, Зейнаб ее зовут, год назад...— Абдула вспомнил, когда, и сам удивился, что вспомнил так точно: год? Ну да, уже год. — У нее муж погиб, там, и все деньги при нем были, у нее с детьми ни гроша не осталось. Ей отдайте...

— Вот как! — сказала Кимберли странным голосом, сняла очки и внимательно посмотрела на Абдулу, не задав ему своего вопроса.

У худощавой, даже сухощавой Кимберли всегда отчетливо выделялись две вертикальные косточки на горле. Обычно, глядя на эти косточки или вспоминая их, Абдула с удовольствием представлял, как сжимает их пальцами, давит на них, сильно, глубоко, до хруста... С лица «этой стервы» падают очки, глаза закатываются, она хрипит, высовывается язык, Абдула резко отпускает, даже отталкивает ее, она безжизненно падает... Всё! Конец тебе, Кимберли Барлоу!

Сегодня ночью он увидел во сне свои руки у нее на горле с удивительной отчетливостью, ощутил биение прожилок, тех самых, которые так хотел сдавить и разорвать, но — удивительное дело: его пальцы скользили по ее горлу нежно, слегка, биение прожилок наполняло его руки неизъяснимым наслаждением, а ее лицо, которое никогда не казалось ему привлекательным, сейчас источало такую нежность и так влекло к себе... Знакомое теплое чувство охватило его... Абдула тут же, чертыхаясь, проснулся: поллюции! Это же надо: именно с этой стервой!

Свои поллюции Абдула очень ценил как естественный способ снятия полового напряжения. При здешней сытости и комфорте они с первых же дней происходили довольно регулярно: не так часто, как бы, может, хотелось, но организму виднее, с ним не поспоришь, — когда надо, тогда и будет.

Прибегать к онанизму Абдуле мешали три препятствия: вера, стыд и благоразумие.

Во-первых, вера: онанизм в исламе считается грехом, и его следует всячески избегать. Правда, по правилу «меньшего зла» можно прибегнуть к онанизму, если иначе существует риск совершить прелюбодеяние — большее зло; но к Абдуле это правило вряд ли приложимо, поскольку никакому риску совершить прелюбодеяние он, при всем желании, подвергнуться не мог.

Второе препятствие, это, конечно, стыд: сознавая, что день и ночь находишься под неусыпным наблюдением, не станешь «развлекаться» таким образом; тем более, смешно и думать прятаться для этого за занавеску над унитазом...

И наконец, благоразумие. Инструктор по выживанию настойчиво учил: оказавшись в руках врагов, ни в коем случае не делать ничего такого, что подрывает к тебе уважение. Поскольку уважение врага — главная, а часто и единственная твоя защита. Да и не только в защите дело: стоило себе представить, какими глазами станет смотреть на него «эта стерва», прояви он такую слабость, — и тут же всякие поползновения в эту сторону как рукой снимало!

А было еще и то неоспоримое соображение, что ежели начать «драчить»[20], поллюции исчезнут, а ведь они куда приятнее! — «Были приятнее, до сегодняшнего разу!» — бурчал Абдула, поднимаясь с постели и

[20] Напоминаю читателю, что указанный глагол относится к нормативной лексике (ср. «*драчевый* напильник») и присутствует в «Толковом словаре» Даля.

двигаясь в ванную: предстояло омыться и утопить трусы в унитазе, — новых до утра не получишь, придется спать в пижамных брюках... Обычно это неудобство с лихвой окупалось предшествовавшим удовольствием, не то, что сегодня! — Хотя, что сегодня? Разве не было приятно? — И Абдуле пришлось признать, что да, приятно ему очень даже было...

— Должна перед тобой извиниться, Абдула! — неожиданной фразой начала как-то Кимберли утреннюю встречу. (Вообще-то первой по утрам она приходила нечасто, обычно сразу возникала какая-нибудь группа, а сама она являлась уже перед обедом. Но тут, поди ж ты, извиняться вздумала! Небось, такое приготовила... — Абдула заранее поежился.) — Я обещала тебе визит студентов медресе, но, представляешь, до сих пор не смогла найти ни одного желающего: все как один заявляют, что не хотят иметь ничего общего с террористами! — Кимберли развела руками. — Зато нашлась целая группа твоих друзей... — Абдула вздрогнул. — Они так и называют себя: «Общество друзей Абдулы», — хочешь взглянуть? Их кампус там, возле озера, кусочек можно увидеть из твоего окна... — Она повела подбородком в сторону окна. — Просятся к тебе, — пустить?

Абдула оторопело молчал, потом с трудом выговорил:

— К-каких друзей, откуда?..

— Откуда? — Из разных мест! — невозмутимо отвечала мисс Барлоу. —А друзья самые настоящие, можешь не сомневаться! Одна даже недавно родила дочь от донора... — Абдула не сразу вспомнил, что значит «родила от донора», а когда вспомнил, его передернуло от отвращения. — И назвала эту дочь «Абдула-Мехмет»! В твою честь, Абдула!

— Что ты мне голову морочишь? — возмутился Абдула. — «Абдула-Мехмет» — мужское имя!

— Что за беда? — пожала Кимберли плечами. — В газетах писали, после 11 сентября одна женщина на Украине поменяла свое имя на «Усама бен Ладен»...

Действительно, писали, вспомнил Абдула. Он тоже об этом слышал. Нет, мало, мало мы вас взрываем! — и показалось Абдуле, что в этот раз Кимберли даже чуточку с его невысказанной мыслью согласилась.

— Словом, она хочет, чтобы ты ей эту дочку благословил... Так что их, пустить?..

— Да пошли они все в ж...! — возмущенно воскликнул Абдула.

— Хорошо, я передам им твое пожелание, — спокойно кивнула головой Кимберли. — Врагов себе ты уже выбрал — сам, раз и навсегда, до конца жизни. Но вряд ли будет справедливо лишать тебя права самому выбирать себе друзей...

С этими словами Кимберли пристально поглядела на него, сняла очки, но ни слова не добавив, скрылась в сгустившейся темноте.

Больше до обеда Абдулу сегодня никто не беспокоил.

...А что же журналисты? Неужто пресса совершенно Абдулу забыла? Нет, почему забыла? После решения сенатской комиссии ничего

не менять и раскрытия «топографического инкогнито» репортеры к Абдуле приходили два или три раза — сверкали фотовспышками, снимали на видеокамеры, задавали свои дурацкие вопросы... Кое на какие Абдула даже отвечал, чтобы не подумали, что он лишился дара речи. Потом Кимберли сказала, что следующие придут не раньше будущего года: будущего по счету Абдулы, который начинался 22 апреля... Ей удалось утвердить этот пункт тюремного распорядка в суде штата: посещение прессы один раз в год.

Абдула пожал плечами: один так один. А когда фотовспышки засверкали в следующий раз, он было вздрогнул от удивления: сказали же, что через год! — и лишь потом оторопело вспомнил: так ведь и вправду год! Сегодня 23 апреля 2010 года!

Год, целый год пролетел снова, а Абдула и не заметил! Куда же он девался? — Куда-куда!.. На посетителей дурацких разошелся, на шахматы дурацкие, на бумажных голубей дурацких... Но тут же понял, до чего ему это безразлично, и даже слегка обеспокоился: когда-то он встречал бы журналистов пламенными лозунгами, угрозами, постарался бы в завуалированной форме передать весть товарищам на свободе... Сейчас все это почти совершенно его не волновало, скользило мимо сознания, которое словно бы заплыло жиром. Настолько, что даже этот самый факт обеспокоил его самую чуточку, слегка.

И это год всего прошел, вернее, два, а что будет еще через два, через пять, через пятьдесят лет?

Абдула понимал, что следовало бы ужаснуться такому вопросу, но ужаса не было, была только лень. Вот час остался до обеда, вот два часа до ужина... Даже кино смотреть теперь нередко бывало лень. Абдула включал какое-нибудь бессмысленное шоу и часами следил за ним глазами, не сознанием... Про шахматы он и вовсе давно забыл. Забыл и о молитве. Кимберли даже как-то спросила его:

— Ты совсем не молишься, Абдула? Ведь Мухаммед сказал: «Между человеком и неверием стоит намаз». Ты не боишься потерять веру, Абдула?

Нет, Абдула не боялся. Он теперь вообще ничего не боялся. А молитва... Молитва, это, конечно, хорошо, и Коран читать замечательно, только... Абдула не чувствовал ни малейшей связи между своей жизнью и тем, что говорится в Коране. Там одно, у Абдулы совсем другое... Абдуле теперь даже просить стало не о чем. Все, что нужно иметь здесь, у него и так есть, а проситься отсюда выйти... Куда? На свободу? И что там, на свободе, делать со своей свободой?

«Здорово же я оскотинился», — приходило порой ему в голову. Но восстать и встряхнуться мешала мысль, что сейчас что ни сделай, ничего не изменишь, а для того, чтобы ждать терпеливо, лучшего состояния не придумаешь. «Встряхнусь, когда понадобится», — успокаивал себя Абдула и погружался в свою спячку дальше.

Обычные посетители его уже не донимали, до сознания их визиты почти уже не доходили, лишь изредка, просто чтобы развлечься, Абдула

то рычал на них, то задавал какие-нибудь вопросы, ответа на которые не ждал... И сам на их вопросы отвечал нечасто и невпопад.

Больше, чем посетители, раздражали Абдулу телефонные звонки жертв 11 сентября, особенно женский голос, говоривший: «Здесь очень жарко, я вся горю...» Звонок из ада, каково? — и Абдула находил у себя все меньше сил для страха и злорадства.

Жарко было и за окном, выдалось очень знойное лето — как все последние, собственно. Земля мало по малу разогревается, как и было предсказано. «Слышите, гяуры, скоро совсем загорится!»

Хорошо, здесь кондиционеры замечательные. Да только, когда совсем загорится, никакие кондиционеры не помогут!

В один из очень жарких июльских дней, когда марево за окном, казалось, проникало в камеру вопреки всякой термоизоляции и кондиционерам, Кимберли, появившись перед обедом, не стала комментировать визит предыдущей группы, как нередко делала, но сперва помолчала, а потом произнесла:

— Ну, вот, ты, наверное, будешь рад, Абдула... — А тот, конечно, точно знал, что после такого предисловия радоваться будет совершенно нечему. — Мой отец, он умер... От инсульта.

Абдула заморгал: он сразу вспомнил Дэна Барлоу, его высокую фигуру, его трубку, его вроде бы сбивчивую, но по сути очень выразительную речь... Нет, радоваться было нечему.

А Кимберли неторопливо продолжала:

— Он ведь никогда ничем не болел, и сердце было крепкое, но после... после мамы так сильно изменился, тосковал, и вот... Так что ты можешь гордиться, Абдула, ты убил не только мою маму, но и моего отца...

И тут впервые за все время спокойствие изменило Кимберли, и следующий свой вопрос она произнесла не «заданным» тоном, нарочито сняв очки, а забыв про очки и жалобно, как ребенок:

— Зачем ты убил моих родителей, Абдула?..

IX

В понедельник 23 августа 2010 года, через два года, четыре месяца и один день после того, как Абдулу привезли сюда, за окном стояла еще жаркая, но уже не такая знойная погода. По голубовато-белесому небу плыли прозрачные перья облаков, листья на деревьях еще не желтели, но уже пожухли и всем своим видом выражали усталость и ожидание близкой осени.

Абдула после обеда лениво лежал у себя на койке: ничего неожиданного от остатка сегодняшнего дня он не ждал. Правда, сегодня утром, ровно в 8 часов, его разбудил оглушительный рев: самолет преодолевал звуковой барьер. На эти звуки Абдула давно уже не обращал внимания, практически не слышал, а тут ударило по перепонкам, слов-

но в первый раз... Сейчас об этом вспоминать, в общем, было уже незачем: два или три пролетевших следом самолета уже таких заметных следов в сознании не оставили.

02:15 AM, что-то задерживаются они сегодня... Абдула неторопливо повернулся на другой бок, лицом к стеклу: там уже было прозрачно и светло, комнату заполняли какие-то люди, десятка полтора, и в дальнем углу, в стороне, куда смотрели ноги Абдулы, на белом фоне (драпировки сегодня не было) вроде бы промелькнул знакомый силуэт мисс Барлоу в темно-коричневом платье. Но вглядеться Абдула не успел: стоявший прямо против него рослый мужчина в белой рубашке заслонял обзор. И тут живот мужчины внезапно брызнул во все стороны подобием красных лепестков, стекло перед Абдулой тут же заляпалось красным просвечивающим пятном с какими-то темными кусками — кишки?.. желудок?.. — и следом койку вместе с комнатой сильно тряхнуло, а по стеклу побежали густою сетью трещины, как тогда, по гипермаркету, — только не через площадь, а тут же, рядом, на расстоянии руки, и сразу полностью погас весь свет и наступила полная тишина.

«Я умер», — понял Абдула.

...Что должен чувствовать человек после смерти, Абдула не знал. Пока что он не чувствовал ничего, похоже, впал на какое-то время в беспамятство.

Первым возникло недоумение, следом возмущение: «Я — умер? Как? Почему? Меня что, взорвали? *Меня*?! Это я должен всех взрывать, а не меня!!!»

Но возмущение с недоумением продолжались недолго: в ушах у Абдулы раздался высокий, звонкий, но негромкий голос:

— Абдула! Ты не умер, Абдула, не бойся!

Тут же снова загорелся свет, Абдула все так же лежал на своей койке, а перед ним сияло совершенно целое и прозрачное стекло.

Пространство за стеклом было таким же белым, без драпировки, как перед этим, только вместо полутора десятков человек сидел там лишь один мужчина на стуле — тот самый, с «лопнувшим» животом, а рядом с ним стояла, разумеется, мисс Барлоу.

Так это у нее такой высокий звонкий голос?!

— Мы показали тебе, что бы случилось, если бы этому парню удалось то, что он задумывал... — и Кимберли похлопала «парня» ладонью по плечу, а голос ее приобрел обычное звучание.

Монтаж, кино, — понял Абдула и выдохнул со злостью, но и с облегчением: черная пустота, в которую он только что окунулся, внушала тягостную мысль: а что, если и вправду «там» только это — в смысле *ничто*? Да уж, тогда не надо никаких чертей со сковородками, потому что вечное переживание такого полного «ничто» будет пострашнее любого расцвеченного дьявольскими огнями ада...

— Посмотри на этого человека повнимательнее, Абдула, — пригласила мисс Барлоу. — Он тебе знаком?

Абдула посмотрел: нет, он определенно видел этого парня впервые. Рослый — заметно даже на стуле, полноватый, рыжеватые редкие вьющиеся волосы, веснушки на круглом лице, глаза с прищуром — нуждается в очках? Вон, как таращится, чего же не наденет? — А, руки-то за спину убраны, видать, наручниками за спинкой стула схвачены! И лодыжки прикручены к ножкам стула скотчем! — То-то она так вольготно его по плечу похлопывает: в таком положении он совершенно беспомощен. Но все же, кто это?

— Не узнаешь его, Абдула? — повторила свой вопрос мисс Барлоу, и Абдула отрицательно помотал головой:

— Нет...

— Его зовут Роберт Симпсон, так, во всяком случае, написано в его автомобильных правах... Так что́, никогда не слышал?

— Нет, не слышал...

— Вот и о тебе никто из них никогда не слышал, не думал и не делал тебе ничего плохого... — Она указала подбородком на чуть просвечивающие на стекле между ними фотографии. — А ты пришел и всех взорвал! А теперь вот Роберт пришел тебя взорвать. Хочешь знать, каким образом?

И Кимберли, взяв Роберта ладонями за щеки, деловито приказала:

— Открой-ка рот!

Роберт послушно подчинился.

— Он проглотил презерватив, особый, очень прочный (не то что воздействие какого-то желудочного сока, — этот материал шесть часов выдерживает слабый раствор соляной кислоты!). Так вот, презерватив он проглотил, а кончик оставил торчать, и через этот кончик ему влили больше литра жидкой взрывчатки... Потом накрепко завязали, протолкнули в глотку, и готово! За шесть часов плюс-минус пять минут взрывчатка затвердевает и после этого взрывается сама...

Абдула знал эту взрывчатку: литр с лишним, полтора килограмма, разнесло бы здесь все к шайтану... Он оглянулся, живо представил себе свою кровь и кишки размазанными по этим стенкам, а себя самого навсегда погруженным в беспроглядную тьму, как минуту назад, и его замутило. Лучше встать, — хорошо, ноги держат, — постоять вертикально, а то и в правду стошнит...

— Заряд и время рассчитали они точно, — продолжала между тем Кимберли, бросив попутно реплику Роберту: «Закрой рот!»; тот послушно закрыл. — Он был в послеобеденной группе, взрыв произошел бы прямо здесь, как мы тебе показали...

Абдула поежился, чуть снова не сел на койку.

— Но они не учли одного, — Кимберли сделала паузу. — Они не учли того, о чем столь же давно и громко, сколь и безуспешно твердят сторонники *Pro Life*[21]: презервативы ненадежны! В качестве защиты от

[21] *Pro Life* — «За Жизнь» — католическая организация, выступающая в защиту человеческой жизни и достоинства, против абортов, эвтаназии, небезопасных и аморальных контрацептивных средств.

СПИДа обычный презерватив вообще никуда не годится! Поры материала, из которого он сделан, — а ты ведь понимаешь, что поры должны быть обязательно, иначе он не будет эластичным, — так вот, поры обычного презерватива по сравнению с вирусом СПИДа — как футбольные ворота в сравнении с мячом, представляешь?

Абдула не представлял и прежде никогда вообще над этим не задумывался: сам пользоваться таким приспособлением всегда считал зазорным, а что там происходит со всякими педерастами, его ни капли не волновало: пусть хоть все перегниют от СПИДа, нам будет меньше работы! Но сейчас вопросы качества презервативов касались его самым непосредственным образом, и потому он слушал во все уши.

Кимберли продолжала свою лекцию. Роберт тоже не сводил с нее глаз, как видно, и ему это было интересно.

— В нашем случае они не поскупились, выбрали самый лучший, с порами, наверное, не как футбольные ворота, а как хоккейные, или пусть даже как баскетбольная корзина...

Абдула тут же представил себе, как вирусы СПИДа, словно пущенные со штрафной линии рукой спортсмена, один за другим проскакивают в эту корзину: 1:0, 2:0, 3:0... А спортсмен-то не один, их там десятки, сотни... И корзин не меньше, да их там тысячи, миллионы, видимо-невидимо и корзин, и спортсменов! Одна секунда, и счет уже 1000:0 в пользу СПИДа!.. «То-то на "презервативные" кампании миллиарды тратятся, а СПИД не сокращается!.. Эх, гяуры, гяуры, вас и взрывать-то незачем, сами себя уничтожаете... Но тогда, действительно, чего мы их взрываем?» — недоуменно спросил себя Абдула.

Кимберли между тем продолжала:

— Как бы там ни было, поры даже у этого, самого лучшего презерватива оказались настолько большими, что за четыре часа сквозь них просочилось достаточно паров взрывчатки, чтобы Роберта затошнило... Это произошло как раз во время твоего обеда, Абдула, ровно неделю назад, ты тогда остался без послеобеденных посетителей, не помнишь?

Абдула вчерашнего-то дня не помнил, а не то, что было неделю назад, но признаваться в этом не хотелось, да и не пришлось: вопрос был чисто риторическим.

— Так вот, его затошнило, — не затягивая паузы, продолжала Кимберли. — Наши медики его осмотрели и увидели в гортани кончик презерватива. Охрана сразу догадалась, что дело неладно, спустили его в подвал, — там у нас есть на такой случай особое помещение: взорвись в нем хоть фугас, тебя бы даже не тряхнуло, — и мы всерьез обдумывали, не запереть ли нашего гостя там на пару часиков и не предоставить ли собственной судьбе...

Абдула сглотнул, и Роберт, кажется, тоже.

Словно не заметив их реакции, Кимберли продолжала:

— К счастью для Роберта, среди охранников нашлись бывшие саперы. Двое вызвались добровольно, еще один взялся им помочь. Они все заперлись в этом подвале, подняли Роберта за ноги, перевернули голо-

вой вниз и некоторое время подержали в таком положении. И вся эта гадость вытекла из него в подставленный тазик... Долго вытекала, с трудом, уже начинала густеть, но организм Роберта тоже помог, он-то взрываться не хотел: спазмы желудка, пищевода, — словом, все вытолкнуло. Остатки осторожно вытащили из него вместе с презервативом, который вправду оказался исключительно прочным, фирма не подвела... Я бы сказала тебе, какая именно, да только вряд ли у тебя когда-либо возникнет случай воспользоваться их продукцией!

«Как же она меня ненавидит! — понял вдруг Абдула. — Но что, разве не за что? Я что ли этого парня очень люблю?»

Абдула пристально посмотрел на Роберта: нет, ненависти он не чувствовал, даже особой неприязни не было, а только недоумение, что вот это «чмо» чуть не отправило его в ту жуткую темноту, куда он сам отправил целых восемьдесят семь человек, включая мать Кимберли... Абдуле на мгновение вспомнилась Кимберли-старшая, какой он видел ее на фотографиях: яркая, радостная, веселая... И вот сейчас она неужто в этой неизбывной тьме?!. А Кимберли? Догадывается ли она об этой тьме? А эти ее охранники? — Да, ненависти к Роберту Абдула не испытывал, но запираться с ним в подвале и рисковать собственной жизнью, чтобы его спасти, он сам ни за что бы не стал!

— Ну, вот, — не меняя бодрого тона, продолжала тем временем Кимберли, — саперы все успели, взрывчатку обезвредили, желудок и кишечник основательно промыли, и вот, полюбуйся, сидит теперь как новенький и снова готов к употреблению... Ну как, Роберт, ты готов снова проглотить взрывчатку?

Парень по-прежнему молчал, только хлопал на Кимберли глазами.

— Нет, он все слышит и говорить умеет: врачи проверяли и утверждают, что с этим у него все в порядке. А что молчит, то это потому, что в ступоре или под наркотической либо гипнотической блокадой... Ничего, разберутся...

Кимберли щелкнула пальцами, и в помещении возникли два охранника, да так внезапно, что Абдула даже не углядел, откуда они появились. Кимберли отступила от Роберта на шаг, освобождая им место. Один охранник встал прямо перед сидящим, загородив его от Абдулы, другой зашел сзади, наклонился, одним движением расстегнул наручники, вывел руки заключенного вперед и тут же снова защелкнул наручники: они ведь так и оставались висеть на одной руке. Потом рывком за скованные руки Роберта подняли на ноги, а тот охранник, что стоял сзади, как-то очень легко выдернул ножки стула из обмоток, привязывавших робертовы лодыжки. Абдула автоматически отметил: значит, это не скотч, а просто какая-то лента; болтаться на ногах у заключенного ее, конечно, не оставят, сейчас его уведут и переоденут в здешнее, бумажное...

Взяв Роберта под руки, охранники повели его вон, а он всем этим манипуляциям нисколько не противился, держался безвольно, словно тряпичная кукла. Вели его прямо к белой стене, словно желая брякнуть об нее лбом, но вместо этого просто прошли сквозь стену и исчезли.

Выходит, на этот раз стенка представляла собой не что иное, как световую или паровую завесу... А выглядела так основательно... Что ж, разве не все в нашей жизни снаружи выглядит вот так же основательно, а тронешь — всего лишь световая завеса или пар?..

Кимберли тем временем уселась на освободившийся стул, сложила руки на коленях и уставилась на Абдулу. Очки она сняла, держала за дужку неподвижно на коленях, но молчала при этом, ни слова не произносила, только пристально смотрела на Абдулу.

Нет, ненависти в ее взгляде не было. А что было? — Абдула понять не мог. Не понимал он и того, откуда, собственно, взялась та жуткая чернота, которая так его напугала, — вон, до сих пор ноги еле держат... Садиться обратно на свою кушетку Абдула, однако, не спешил, продолжал стоять: так легче думалось, а двинешься сейчас — можно сбиться с мысли. Мысли о чем? Об этой тьме... Откуда она взялась? Ведь ничего же не было, ну, картинку показали, ну страшную, ну, совсем, как реальную, и что же? — Она же всего секунду длилась, даже меньше! Ну, взрывом вроде бы тряхнуло, ну, свет погас... Что — раньше никогда не гас? Никогда не случалось очутиться в полной темноте? Чего было так пугаться?..

Чего?

Та тьма снова возникла перед глазами. И Абдула понял, чего он испугался: страха. Вернее, страх породил, страх вызвал, выпустил эту ужасную всепоглощающую черноту. А еще понял Абдула, что ад — это не то, что снаружи, а то, что человек носит сам у себя внутри. Носит и не замечает, морочит себе голову, застит себе глаза завесами, — уж у кого какими... Носит и сам не знает, покуда туда не погрузится. Горе тому, у кого в душе только ад!

«Горе мне, горе!..»

А параллельно этим мыслям вернулось то же недоуменное возмущение: «Кто же захотел меня отправить в этот ад?»

Кто он, этот Роберт, — родственник кого-то из погибших, чей-то безутешный муж, жених, любовник? Но на безутешного любовника Роберт своим обликом никак не тянул. И потом за два года любой любовник утешится и ради мести не пойдет на самоубийство — вот именно на такое... бр-р... — Абдулу передернуло. — К тому же безутешные мстители действуют в одиночку, а в одиночку с таким замысловатым способом такому «Роберту» бы нипочем не справиться. Тут надо и придумать все, и взрывчатку раздобыть, и выбрать правильный презерватив, а потом его правильно проглотить, а после всего этого еще и залить его взрывчаткой — одному тут никак, надо, чтобы кто-то особым шприцем ее тебе в рот заталкивал... Нет, тут не одиночка, тут организация нужна...

Едва в голове у него возникло это слово: «организация», — Абдула сразу понял, *какая* организация могла и захотела бы пойти на такое... «Ну да, — невесело усмехнулся он, — кому еще я нужен, ЦРУ, КГБ?» Нет, безусловно, это *они*, только они... Они, бойцы джихада... «Мои соратники, мои братья... И вот они подсылают это зомбированное наркотиками или гипнозом чучело, чтобы от меня избавиться... Зачем?! Я

что, предатель? Я что, угроза?» — И в эту минуту Абдула с беспощадной отчетливостью понял: да, с точки зрения организации, пока ты жив, ты — угроза. Герой — не герой, кто тебя знает? С мертвецом надежнее...

Но, может, все же не они? Может, этот Роберт просто такой очень ловкий маньяк, взял и сам, в одиночку, со всем управился? «Но если Роберт маньяк, то я тогда кто? Я что, сделал что-то другое? — Нет, я то же самое все сделал, только гораздо хуже: этот Роберт по крайней мере себя не жалел, а я собой не рисковал, Мустафу послал, Мустафы не пожалел, никого не пожалел... Вот эту Кимберли не пожалел, другую Кимберли, ее мать, не пожалел, никого не пожалел, никого... Только себя... И что я сделал, зачем? Кому, ну кому от этого сделалось лучше? Мне? *Им*? Кому?.. Зачем?..»

...Кимберли все так же продолжала неподвижно сидеть на стуле, глядя на Абдулу, но силуэт ее вдруг стал расплываться. Абдула не сразу понял, что это от слез.

Сам не заметив, как, Абдула опустился перед своей кушеткой на колени, уперся в нее локтями, закрыл ладонями лицо. Из его глотки еле-еле — мешали всхлипы! — выдавилось:

— К.. Ким... Кимберли!.. Зачем я убил твою маму, Кимберли?

И дальше были только всхлипы, а потом рыдания.

Абдула плакал, спрятав лицо в ладонях, мучительно и неумело, — в последний раз ревел совсем еще мальчишкой, — и потому не увидел, как Кимберли встала со стула и шагнула в его сторону. И того, что исчезла между ними стенка и куда именно она девалась: в пол ли утопилась, в потолок ли втянулась, в стороны ли разошлась или же просто растворилась в воздухе, — он тоже не увидел. Но почему-то совсем не удивился, когда почувствовал вдруг у себя на голове, на недавно появившейся на темечке залысине, ее сухую теплую ладонь.

Кимберли постояла над ним, потом тоже опустилась на колени по другую сторону кушетки, скрыла, как и он, лицо в ладонях и зарыдала вместе с ним.

Эпилог

В следующие недели до самого христианского Рождества Абдуле скучать не приходилось.

Роберт оказался не маньяк-одиночка, а действительно засланный смертник с нарушенным от наркотиков сознанием. Рассказал он, когда заговорил, не много, но и этого хватило, чтобы определить: его направляли, — а уж *кто* его направлял, Абдула знал и сам.

По ходатайству Абдулы дело о взрыве в гипермаркете было возобновлено, а по ходатайству Кимберли все допросы по этому делу проводились тут же, на месте: Абдулу никуда не вывозили. Поскольку Кимберли мотивировала это безопасностью свидетеля и при этом покрывала все дополнительные расходы, особых возражений ее ходатайство не встретило.

— Я сам не знаю, что я такого знаю, — сказал Абдула Кимберли в самом начале. — Но раз они хотели меня убить, значит, они знают, что я что-то такое знаю...

Так оно и было.

Абдула был готов подвергнуться хоть гипнозу, чтобы добраться до «глубин подсознания», но и того, что находилось в пределах досягаемости, оказалось вполне достаточно.

Абдула составлял подробнейшие словесные портреты и фотороботы, тщательно перечислял известные ему имена, клички, прозвища, привычки, особые приметы, называл адреса явок и места даже самых мимолетных встреч. И хотя с последней такой встречи прошло три с лишним года, все явки сменились, имена поменялись и главари разъехались, информации оказалось достаточно для первых арестов, за которыми потянулась дальнейшая информация.

Дело при этом вели, и весьма ретиво, не одни только штатные сотрудники ФБР, но и нанятая Кимберли им в помощь целая армия самых лучших психологов, экспертов-криминалистов и частных детективов, которым ФБР предоставило временный статус сотрудников. В результате, как заявил начальник отдела ФБР по борьбе с терроризмом Джонатан Экерсли, ни одно дело еще не расследовалось в столь благоприятных условиях. И плоды не замедлили: за первыми арестами последовали дальнейшие, в целый ряд стран были направлены запросы об экстрадиции, и ни одно правительство, даже из тех, которые доселе хотя бы скрыто поддерживали терроризм, не отказало в выдаче преступников.

Масс-медиа утверждали, что терроризму нанесен сокрушительный, чуть ли не смертельный удар, но это все продолжалось уже без непосредственного участия Абдулы.

Вскоре после Рождества — неимоверно быстро по всем судебным меркам — Абдула получил уведомление о смягчении «за содействие следствию» приговора с пожизненного до пятнадцати лет заключения.

Уведомление доставил адвокат — тот же самый, Абдула не стал его менять, хоть Кимберли и предлагала: зачем? Все равно защищаться он не собирался! При этом адвокат уверял, что легко мог бы добиться вообще условного срока, если не полного президентского помилования, пока Абдула у всех на слуху: достаточно будет только подписать соответствующее ходатайство да провести парочку пресс-конференций. Однако Абдула решительно отказался:

— Не надо! Получил, что заслужил, и даже мало получил. Досижу!

Досиживать оставалось уже не необъятных две тысячи шестьсот девять недель, как вычислилось когда-то, а, на середину февраля 2011 года, с учетом уже отбытого, всего только семьсот и даже меньше: точными расчетами Абдула не занимался, не до того было.

Кимберли попросили принять участие в разработке проекта для федеральной программы постройки аналогичных тюрем, и Абдула неожиданно для себя оказался самым компетентным ее помощником. Еще бы, ведь у него на этот счет имелся ни с кем не сравнимый опыт!

О'рейлиевского размаха федеральный бюджет позволить себе не мог, поэтому главным образом они с Кимберли обсуждали возможности сокращения функций жизнеобеспечивающих систем. Больше всего ресурсов поглощали, конечно же, прозрачно-непрозрачно-гигиенические стены, и правительственный чиновник напрочь отказался даже думать об этих «марсианских технологиях» (ни имени его, ни должности Абдула запоминать не стал: любой другой чиновник на его месте поступил бы точно так же).

Конечно, саморастворяющаяся бумага и самовсасывающие поверхности себя блестяще оправдали: если бы не они, со стыдом вспоминал Абдула, то в недели, когда он погружался в совершенно бесчувственное равнодушие, его камера превращалась бы в настоящий свинарник! Сам он, бывало, в такие периоды даже обеденного подноса не возвращал по три дня, жил без обеда, одними булочками...

Что ж, на такой случай придется предусмотреть какую-то принудительную уборку. Ничего страшного, если плюнуть на стерильность. Таких мотивов продлевать жизнь своим подопечным, как у Кимберли, у правительства все равно никогда не будет.

Ну, и много чего другого. Голограммы с «умертвиями», изображения на стекле можно прекрасно заменить обычными фотографиями. И вообще, Кимберли возводила свою тюрьму в эмоциональном порыве, *a priori* не желая ни на чем экономить, но если подойти рационально, без эмоций, то все можно упростить в сто, в тысячу раз, причем без малейшей потери эффективности!

И вот Абдула лазил по всей тюрьме, всюду проникал, во все вникал: система связи, коммуникаций, сигнализации, приготовление и подача пищи, доставка узников, продовольствия, посетителей... Дюжий охранник, неотступно сопровождавший Абдулу, как того требовал регламент, мог поспеть за ним далеко не во все щели, дыры и отверстия. Абдулу это забавляло, порой он даже нарочно слегка дразнил охранника, без особой нужды залезая в самые тесные закоулки, пока однажды охраннику не пришлось буквально вытаскивать его за пятки из вентиляционной трубы между этажными перекрытиями, куда Абдула неосмотрительно полез и где застрял.

Техническое образование и конструкторские способности Абдулы, которые он раньше употреблял на изготовление особо хитроумных зарядов, теперь использовались гораздо шире и разнообразнее, и это доставляло ему ни с чем не сравнимые радость и удовлетворение.

Избавившись от необходимости ежедневно задавать Абдуле свой вопрос, Кимберли проводила теперь в тюрьме гораздо меньше времени. Она уже не появлялась в своем изысканном темно-коричневом платье, носила все больше брючные костюмы обычного делового стиля, но выглядеть все равно стала гораздо мягче: черты лица разгладились и округлились, движения сделались не такими стремительными, и напряжение, которое прежде всегда охватывало Абдулу в ее присутствии, полностью исчезло.

На вид при этом она стала как будто старше... «Ей бы замуж, — думал иногда Абдула, — найти бы такого доброго парня, типа ее отца»... Сам он во сне ее больше не видел и вообще «в этом смысле» как на женщину на нее не смотрел.

Посетители к Абдуле приходили по-прежнему, но уже гораздо реже, раз или два в неделю. Теперь, поскольку надо было не стараться забыть об их присутствии, а напротив, с ними разговаривать, общаться, это было гораздо интереснее, но и труднее — забирало гораздо больше сил.

Встречал их Абдула в такой же камере, как его бывшая, но жил он теперь не здесь, а в обычной, хоть и очень просто обставленной комнате на самом верхнем этаже, где располагались помещения для персонала и охраны, а также рабочий кабинет Кимберли.

Комната запиралась только на ночь, так что, по сути, Абдула находился теперь не столько в тюрьме, сколько под «домашним арестом».

Среди посетителей теперь нередко встречались студенты медресе и духовные лица, преподаватели. Абдула всерьез обсуждал с ними создание мусульманского движения «Ислам против террора». Для этих встреч им служил специальный конференц-зал, а не «камерные» помещения.

Впрочем, в бывшую свою «камеру» Абдула тоже наведывался ежедневно, правда, теперь с другой стороны «зазеркалья». Для этих посещений он даже заказал себе специальные очки со стеклами без диоптрий, поскольку видел безупречно. Очки ему были нужны для того, чтобы снимать их, задавая свой вопрос:

— Ну, что, Роберт, ответишь наконец, зачем ты хотел меня убить?..

СЕМИДИЖДЫ-СЕМИЖДЫ

* * *

Маленькой скоро стану опять,
девочкой с тонкой противной косичкой.
Будут дочки мои меня опекать,
как дочку родную,
как певчую птичку.

Будут гулять с капризной со мной
в сквере и в парке, ранней весной
переводить через черную лужу,
свирепо на шею наматывать шарф,
пряники прятать в высокий шкаф,
а ночью дыхание слабое слушать.

...Пошли им терпенья меня не предать,
займи доброты и безумия дерзкого.
О дай им безумья! — с улыбкою ждать,
когда я из платьица вырасту детского.

* * *

Мой обед не горький и не сладкий,
из житейской жидкой требухи —
все твои грехи и недостатки
подсолю и запеку в стихи.
Всю твою лихую зауральность,
все, что есть, и все, что в дом несут...
Непреображенная реальность
рвется в бедный мой,
мой глиняный сосуд.

Анна САЕД-ШАХ — родилась в Москве, окончила Филологический факультет Московского областного педагогического института. Стихи публикует с 1985 года, печаталась в журналах «Дружба народов», «Континент», «Новый мир», «Огонек», «Юность» и др. Автор двух поэтических сборников на русском и одного — на болгарском языках. Стихи переводились на английский, фламандский и непальский языки. Живет в Москве.

* * *

...Ну, господи, ну ради бога
хоть плечи сохрани, спасая и храня.
Я на своих плечах держу так много —
мир рухнет без меня!
Без рук моих и ног — кто вам откроет дверь
кто лампочку зажжет и заметет следы?
И, старому цветку подав стакан воды,
мой муж запьет как зверь,
потом заржет как конь —
и сгинет в темноте.
Без тела моего все будет не в порядке:
прижившуюся тень
не покусает пес,
не обоссыт малыш...
Трусливая душа уйти не сможет в пятки,
рванув зимой
с горы
над кандалами лыж.

Двое

Двое добротных мужчин
заполняли анкеты в банке.
Первому — уже под тридцать,
Второму нет и шестидесяти.
И второй, который, конечно, первый,
выводил аккуратно буквы, а другой — проверял.
— Нет, отец, у тебя ошибка,
ты вот здесь написал неверно,
в графе «семейное положение».
— Что ты мелешь, ну как неверно?
Я написал как есть.
— Нет, отец, нужно добавить
частичку **не,** но раздельно.
И получится — не женат.
— Как же так? — возмутился старший, —
что такое ты предлагаешь? Почему это я не женат?
Когда это я успел?
— Папа, зря ты так кипятишься, просто поставь частичку,
и получится не женат.
— Для чего? — удивился первый.
— Так положено! — рявкнул младший, —
разве мама не умерла?
— Да, я знаю, что мамы нету, вот уж скоро четыре года.
Ну и что?

— Просто, папа, добавь частичку, потому что ты не женат.
— Как же так? — поразился первый
— Допиши, — настаивал младший.
— Как же так... повторял несчастный... Как же так?..

В сквере

— А может быть, купим собаку
с кожаным черным носом,
с длинным пушистым хвостом?
— Нет, сыночек, собака
стоит немалых денег,
а денег у нас нет.
— Мама, смотри — щеночек!
Совсем, ну совсем бесплатный,
совсем, ну совсем ничей!
Вон как дрожит, бедняжка.
Давай заберем себе
и отогреем дома.
— Что ты, сынок! Собаку
можно согреть любовью —
а любви во мне больше нет.
— Мамочка, ну а может,
мы его просто накормим
и сразу потом отпустим —
видишь, какой худой.
— Нет, сыночек, не стоит:
сегодня его накормим,
а завтра — голодный опять.
— Но я ведь могу и завтра!
— Нет, сыночек, не нужно.
Собака может привыкнуть,
пойдет за тобою следом
и запомнит дорогу в дом.
— А вот это, мама — неправда!
Тебе не нужно бояться! —
Ты ведь папу тоже кормила,
а дорогу он не запомнил
и нисколечко не привык.....

* * *

Женатый мужчина —
всегда несчастливый,
он и сам признается, мол, я — идиот.
Он отважно на лбу собирает морщины,
озираясь пугливо,
когда по́д руку ведет.

И все думает думу: а вдруг прогадал,
ну а все-таки... может быть... где-нибудь — там..?
он вечером — в рай, а поутру — в ад,
и в будни, и в праздник — всегда виноват.
И потому так усерден в постели, —
он хочет, чтоб все его разом простили.
Он горит в огне,
он плачет во сне,
бедный-бедный женатый мужчина,
мужчина, женатый на мне.

* * *

Предал раз... и два... и три-четыре...
Не стесняйся — в этом пробном мире
мне встречались и еще подлей.
Наливай!
И мне еще подлей!
Как красно вино!
И говоришь ты
так красно и длинно — не томи:
ведь прощать
семидижды-семижды
мне уже не стыдно пред людьми.

* * *

Значит, наши страхи как мечты сбываются:
пиджаки на вешалке, галстуки — на полке,
в правом отделении — джинсы и футболки,
не успела постирать — сами постираются.
Чемодан вместительный, дорожный называется,
мы в его утробе утрясем добро...
Осторожно, милый, двери закрываются,
Не споткнись от боли, не сломай ребро.

Александр ПУМПЯНСКИЙ

НЕДА, или КРОВЬ, МЕЧТА И ВИДЕО НА УЛИЦАХ ТЕГЕРАНА

Призрак бродит по миру... Призрак цветной революции. Он является нежданно-негаданно — то в Белграде, то в Киеве, то в Тбилиси, даже в Бишкеке или Кишиневе (или это был его двойник?), баламутит честной народ и переворачивает все вверх дном. На этот раз он объявился там, где его, кажется, меньше всего ждали, — в Тегеране. На нем зеленая повязка — цвет ислама, самый правоверный цвет в Исламской Республике Иран. Но от этой зеленой революции бросило в дрожь духовную власть, режим аятолл.

Украденные выборы

История повторяется, как под копирку. Снова выборы. Как ни крути, это все-таки очень неудобная процедура. И, как всегда, камнем преткновения стал их итог.

Двумя главными кандидатами на прошедших 12 июня президентских выборах в Иране были действующий президент Махмуд Ахмадинежад и бывший премьер-министр «умеренный реформатор» Мир Хосейн Мусави. Кампания была бурной, голосование активным, исход до последней минуты казался неясным. Когда объявили итоги, никто им не поверил. Согласно официальным цифрам, за Ахмадинежада проголосовали 24 миллиона избирателей — 63 процента, а за Мусави лишь 13 миллионов — 34 процента. Мусави заявил, что это ложь, что у него украли победу, и призвал власти провести новое голосование, а народ — выйти на улицу. Прокатившаяся волна протестов — Исфаган, Керман, Шираз, Табриз, — кульминацией которых стал состоявшийся, несмотря на запрет, 20 июня миллионный митинг в Тегеране, подтвердила, что множество народу по всей стране разделяет эту веру и это требование. Протестующей волне противостоял сило-

Александр ПУМПЯНСКИЙ — родился в 1940 г. в Алма-Ате. Окончил МГИМО по специальности «журналист-международник». Работал в газетах «Комсомольская правда» и «Московские новости», в журнале «Новое время», с 1990 по 2006 гг. — главный редактор этого издания. В настоящее время независимый журналист, обозреватель «Новой газеты». Автор ряда публицистических книг и сценариев документальных фильмов. Живет в Москве.

вой террор. Против демонстрантов была брошены черные мотоциклисты, натасканные на разгон мятежей, и басиджи; эти вооруженные дубинками и автоматами добровольцы-кумсомольцы (используя производную от Кума — религиозной столицы Ирана) проявили особую жестокость. Пролилась кровь. Официально говорилось про двадцать с лишним погибших, молва оглашала гораздо бóльшие цифры.

Власти запретили любые публичные прощания с убитыми. Весьма предусмотрительно. По мусульманским обычаям с ушедшим прощаются на третий, седьмой и, наконец, на сороковой день. Но каждое такое прощание поднимает новую волну гнева. Именно так и было в ходе революционных событий 1979 года: похороны и прощания автоматически перерастали в новые восстания с новыми убитыми, что тянуло и тянуло за собой вереницу протеста, скорби, ненависти. Антишахская революция продолжалась год, она не была одномоментным взрывом. Она как раз и являла собой цепную реакцию противостояния, месяц за месяцем набиравшую критическую массу, прежде чем достигла цели.

У мулл, пришедших к власти в результате именно такого хода событий, хорошая память. Загоняя в подполье даже похороны погибших, они рассчитывали скрыть масштаб и характер событий. Их подвела самая малость — телефонная трубка, совмещенная с камерой, которая есть теперь у каждого подростка. По крайней мере, одна жертва оказалась неанонимной.

Два мегабита, перевернувшие мир

Два мегабита информации произвели мировой переворот. Вот как это случилось.

Гибель Неды Ага-Султан была снята на телефонную трубку случайным свидетелем, он отправил эти кадры знакомому блоггеру за границей, тот переправил ее на «Голос Америки», в лондонскую «Гардиан» и еще пятерке онлайновых друзей с припиской: «Пожалуйста, пусть мир узнает...» Дальше 40-секундное видео попало на Facebook, YouTube (с иранской стороны они контролировались, но не из Европы), наконец, на CNN. Сцену смерти молодой красивой женщины, умирающей на асфальте, ее последние слова: «Как жжет...» — увидели и услышали миллионы людей.

Имя Неда значит Голос. Несчастная Неда стала современной иранской иконой, зримым образом всего того, что последовало за голосованием.

У неприступных как горный утес мулл, оказывается, есть свои слабости и страхи. О том, что Хаменеи* опасается бархатной революции, писали и раньше. Сейчас стало понятно, до какой степени.

---

* В «Википедии» находим следующую информацию: Али Хосейни Хаменеи родился 17 июля 1939 года в Мешхеде. Семья Хаменеи была довольно бедна. Отец Али был муллой в местной мечети, и Али, как и два других его брата, пошел по стопам родителя. В Мешхедской шиитской духовной академии (Хавза) его наставниками были Хадж Шейх Хашем Газвини и аятолла Мелани. В 1957 году Хаменеи перебрался в Наджаф, а на следующий год — в Кум. В Куме он познакомился с аятоллой Хусейном Боруджерди, а также

Пятничная проповедь верховного вождя — главная форма инструктирования страны — являла собой хорошо дозированную смесь угроз и мольбы о клановой солидарности. «Если политическая элита нарушит закон, хочет она того или не хочет, она примет на себя ответственность за хаос и кровопролитие, — сурово начал Хаменеи. И закончил: — Я заклинаю старых друзей и братьев быть терпеливыми и не терять над собой контроль». Он высмеял саму возможность того, что расследование может изменить результаты голосования.

«Уличный протест неприемлем!» — это было главное предупреждение, содержавшееся в пятничной молитве. Глава режима, получившего свой мандат на улице, знал, от чего предостерегать.

Но народ не послушался верховного вождя. И даже троица посчитавших себя обманутыми кандидатов посмела ослушаться — такое случилось впервые. «Протестовать против лжи и подтасовки — это ваше право!» — стоял на своем Мусави. И тогда борьба «против анархии и вандализма», обещанный стражами исламской революции «революционный отпор заговору и предательству» развернулись на всю катушку. Первую дубинку в этом «революционном отпоре» сыграли басиджи, и это показательная роль.

«Басидж» значит «Мобилизация»; изначальное название — «Организация мобилизации обездоленных иранского народа». Отряды басиджей были созданы тридцать лет назад по велению Хомейни как народное ополчение, в котором нуждалась безоружная антишахская революция. В ходе ираноиракской войны на долю этой защитницы молодой Исламской Республики выпала самая жертвенная (героическая — в официальном дискурсе) роль пушечного мяса, противостоящего хорошо вооруженной иракской армии. Верхом подвига считается то, что толпы необученных парней посылались на минные поля во всеоружии одной лишь святой веры, будто самопожертвование гарантирует им место в раю... Сейчас басиджи — это те же совсем молодые парни и девушки в основном из провинции. Грамоту им заменяет фундаментальная вера, что они и есть сильные духом «воины имама Хусейна»; их выводят на улицы больших городов наводить порядок и следить за нравами. От народного ополчения до всеми ненавидимой карательной дубины — так выглядит эта революционная парабола...

с Рухоллой Хомейни. Радикальные взгляды Хомейни оказали сильное влияние на Али, он начал активную антишахскую деятельность. В 1963 году Хомейни был выслан из Ирана, а Али был арестован шахской охранкой в Бирджанде, однако вскоре был отпущен и вновь вернулся в Мешхед. С 1963 до 1975 года Хаменеи попадал в тюрьму еще пять раз, проведя в заключении в общей сложности несколько месяцев. После победы Исламской революции в 1979 году Хаменеи был назначен руководителем пятничной молитвы (фактически — еженедельная общегосударственная политинформация в Тегеране), сменив на этом посту великого аятоллу Монтазери. В октябре 1981 года избран президентом Ирана в результате досрочных выборов, объявленных в связи с убийством президента Мохаммада Раджаи. Переизбран на второй срок в 1985 году. 4 июня 1989 года, на следующий день после смерти основателя Исламской Республики Иран великого аятоллы Хомейни, избран Советом экспертов на пост высшего руководителя Ирана (*Ред*).

Иностранных журналистов срочно лишили аккредитации. Десятки иранских журналистов были подвергнуты аресту. В штаб-квартирах оппозиционных кандидатов были проведены обыски и аресты. Немедленно обнаружилось, что каждый из таких офисов — это в действительности «штаб-квартира психологической войны против национальной безопасности», откуда «преступные нити ведут за границу»... Густо запахло «саботажем» и «предательством». Общий диагноз не вызывал сомнений: это «сионистско-империалистический заговор». Особенно гадит англичанка... В своей пятничной проповеди Хаменеи выразился почти дословно так, Великобританию он наградил эпитетом «вызывающая отвращение». Тут же красочными деталями поделился с публикой министр иностранных дел. Оказывается, все последние авиарейсы в Тегеран были битком набиты английскими шпионами, — куда только глядят иммиграционные власти страны. Позже были арестованы иранские сотрудники британского посольства... Ну и, как всегда, особо гадкая роль принадлежала двум спутниковым телестанциям — Би-Би-Си и Голосу Америки, которые позволили себе передавать комментарии и снимки иранских событий. Тонкость заключалась в том, что делали они это не просто по гнусной своей природе, а в рамках секретного плана Израиля по развалу страны...

Стандартная шизофреническая реакция.

Так или иначе тегеранскую улицу удалось усмирить. Режим вернул статус-кво. Надолго ли и можно ли его так называть?

Несущую конструкцию режима тряхануло до самой вершины.

Верховный вождь — фигура, занимающая место рядом с пророком, — должен быть над схваткой. А аятолла Хаменеи показал, что он не арбитр, равноудаленный и справедливый, а заинтересованное лицо. Большая ошибка. Тот, у кого голова в тюрбане, не может иметь нос в табаке. Не потому что грешно, а потому что видно.

Иранская власть потеряла свою сакральность. В демократии власть должна быть популярна. В автократии — сакральна. Попытка смешения жанров опасна. Очевидная ангажированность и пролитая кровь нанесли удар по мифу, который лежит в основе государства. Перед собственным городом и перед миром муллы предстали голые и кровавые.

Привычный крик толпы «смерть Америке!» неожиданно сменился на «смерть диктаторам!». Иранская толпа пассионарна до крайности, — нам ли, однажды увидевшим, как «Грибоеда везут», этого не знать. Но это знак отвержения режима.

Помесь демократии с теократией

Рожденный в горниле антишахской революции 1979 года иранский режим — это умопомрачительная помесь демократии с теократией. Демократия — мандат революции. Неистовая проповедь несгибаемого аятоллы (слово божье, божественное чаяние) пала на всеобщее отчаяние и народную кровь — так родилась иранская демократия. Оппозицию шахскому абсолютизму олицетворяли муллы, и как орган высшей справедливости они естественным образом узурпировали власть, оставив за собой право формулировать, чего же хочет демос теперь уже в повседневной жизни.

Политическая конструкция Исламской Республики Иран отражает формулу теократии как высшей формы демократии. В стране есть президент, правительство, парламент. Но над ними парит и царит высшее духовенство, верховный вождь, чья власть абсолютна и непререкаема. Пост пожизненный. После смерти Хомейни на него заступил аятолла Хаменеи. (Похоже, что именно эта конструкция тайно вдохновляет адептов нашей отечественной «суверенной демократии», носящихся с идеей «национального лидера».) Впрочем, власть национального лидера Ирана предусмотрительно не сводится лишь к духовным основаниям. Он официальный верховный главнокомандующий, ему подчиняются стражи революции и остальные военизированные формирования.

Но при всем своем абсолютизме рожденный народной революцией теократический режим нуждается в демократическом прикиде. Президент и парламент — выборные. Более того, выборные кампании в Иране проходят весьма бурно с непоказной борьбой. Есть только две тонкости — тщательный фейс-контроль на входе и на выходе. Подсчет результатов и вся организация выборов находятся безальтернативно в надежных руках. И, кто получит право баллотироваться, решается наверху, шорт-лист кандидатов утверждает верховный вождь. Неугодные кандидаты на президентских либо парламентских выборах отсекаются без малейших церемоний. Паршивая овца (оппозиционный верблюд) не пройдет в иголье ушко этого отбора. В итоге система как бы не монохромна, в том смысле, что выборы — не из одного-единственного кандидата нерушимого блока неба и земли. Но и плюрализм тут специфический: кандидаты могут представлять лишь разные оттенки того черного цвета, который так к лицу муллам.

Так было и на этот раз. Помимо Ахмадинежада было еще три кандидата. Мохсен Резаи, бывший командующий стражей исламской революции. Мехди Карруби — из духовенства. Мир Хосейн Мусави — «умеренный либерал» лишь по сравнению с Ахмадинежадом. Любимый ученик аятоллы Хомейни, он всегда был вне подозрений. Но своего соперника он критиковал остро, потому что за дело. Безработица превышает 20 процентов... Страна прожила тучные нефтяные годы (Иран — пятый по счету производитель нефти, экспортирующий более двух миллионов баррелей в день), получила десятки миллиардов долларов, — и где эти деньги?.. Произошло то, что происходит в вольтовой дуге. Искавшие точку приложения надежды огромной человеческой массы нашли ее в кандидатуре оппозиционного кандидата. В наэлектризованной до предела атмосфере кандидатура Мусави радикализировалась.

Первым дрогнул бывший глава стражей революции: негоже идти против своих. Он формально отозвал свои обвинения в подтасовке. Еще недавно Мохсен Резаи громогласно утверждал, что у него есть доказательства, что за него были поданы по крайней мере 900 000 голосов (а не официально объявленные 680 000), но сейчас он произнес ритуальную фразу, которую от него ждали: прошедшее голосование было «чистым примером религиозной демократии». Довольно двусмысленное заявление, зато дословно повторяющее слова из пятничной проповеди верховного вождя. Перемену позиции бывший главстраж объяснил довольно откровенно:

«социально-политическое положение и ситуация с безопасностью вступили в особо чувствительную и решающую стадию, и это более важно, чем выборы».

На 600 поданных заявлений о нарушениях был один ответ: «Крупных нарушений не имело места». Таков был вердикт Наблюдательного Совета (он же избирком). «Проверка показала, что нынешние выборы были самыми здоровыми со времен революции», — заявил его глава. А представитель МИДа выразился еще убедительней: выборы стали «сверкающим бриллиантом, венчающим достоинство иранской нации».

Небо в бриллиантах

Можно ли доказать выборный мухлеж, когда небо в бриллиантах? Доказательства скорей косвенные.

Результат — 63 процента за Ахмадинежада — был объявлен уже через два часа после закрытия избирательных участков, когда были подсчитаны 5 процентов голосов, и потом в течение десяти дней, что заняли подсчеты, он не менялся ни на йоту. И это несмотря на то, что в экономическом, этническом и прочих отношениях страна являет собой картину крайнего разнообразия. Вообще-то так не бывает... Больше похоже на то, говорят критики, что итоговая цифра была задана сверху, а потом под нее подгонялся подсчет. Для чего и потребовалось столько времени.

На долю двух оппонентов досталось совсем уж мало голосов. Керруби на выборах 2005 года собрал 5 миллионов голосов, а на этот раз — лишь 330 тысяч; недействительных бюллетеней и то было больше. Уж в родном-то районе Керруби должен был взять верх над Ахмадинежадом, но, нет, и тут проиграл, что, учитывая сильное местничество, выглядит не слишком правдоподобно.

Во многих населенных пунктах число проголосовавших превысило число зарегистрированных избирателей. В ответе Комиссии говорится, что, как показала проверка, такое превышение действительно имело место, оно исчисляется в три миллиона голосов, однако оно имело место не в 80-ти и тем более не в 170-ти, как утверждали заявители, а лишь в 50-ти городах. И... это обстоятельство вовсе не говорит о нарушении, поскольку люди могли реально голосовать не по своему месту жительства.

Ситуация, когда организаторы выборов не подпускают на пушечный выстрел никаких наблюдателей — ни внутренних, ни, тем более, внешних, — сосредоточив в своих руках тотальный контроль, кажется, гарантирует комфорт и ясную перспективу. Однако есть здесь и своя слабость. Если тотальный мухлеж не доказуем, то и официальный итог можно принимать только на веру. А веры властям нет. Напротив, уже в самый момент объявления по крайней мере половина страны уверовала, что имел место грандиозный наглый обман. И теперь ее в этом не разуверить никакими средствами. Как узнать хотя бы, какая половина страны больше и, главное, что делать с ее оскорбленным чувством?

Когда все говорят — на улице или на кухне, — что власти мухлюют, — это и есть кризис системы. Основополагающий миф единства власти и

народа, теократии как демократии рухнул. Заодно обнажился и раскол в самих высших эшелонах власти. Ахмадинежад с предыдущих выборов пользуется полной поддержкой и покровительством Хаменеи, но агрессивного выскочку не любят и боятся многие. Он тащит за собой во власть так называемое поколение ирано-иракской войны, которое готово потеснить старших — поколение антишахской революции. МВД, органы юстиции, Совет национальной безопасности оккупировали ставленники Ахмадинежада. Он сменил большинство губернаторов и мэров... Такое не прощается. Его ненавидит Али Акбар Хашеми Рафсанджани, некогда правая рука Хомейни, бывший президент и один из самых богатых людей Ирана. 75-летний Рафсанджани — очень противоречивая фигура. За глаза его называют серым преосвященством, человеком № 2 во властной иерархии. Парадокс в том, что это он двадцать лет назад, когда умер Хомейни, поставил на пост верховного лидера Хаменеи, отодвинув на второй план законного наследника аятоллу Хусейна Али Монтазери.

Святость престола никогда не мешала интригам, но сейчас они вылезли наружу. Спикер парламента Али Лариджани глухо высказался в том смысле, что претензии оппозиции не лишены оснований и что у людей должно быть право на мирный протест... С другой стороны, аятолла Ахмад Хатами в своей пятничной проповеди в Тегеранском университете заявил, что демонстрантов следует судить за то, что они «развязали войну против Господа Бога». Это не простая фигура красноречия, это точная формулировка статьи исламского закона, наказание по которой — смертная казнь. Хорошо, что Ахмад Хатами — сравнительно мелкий аятолла... А тем временем молчат многие кумские авторитеты. О чем они молчат?

Конфликт нового поколения

Режим, который зрит в Коран, а не в корень, неадекватен. Вера в Божий закон как суррогат идеи справедливости может поднять миллионы людей в исторические мгновения отчаяния, но считать, что по заветам пророка, убитого в VII веке, можно разбираться с социально-экономическими вызовами XXI века, — это шиитская утопия. Пустив немалую часть нефтяных доходов на вспомоществования бедным, Ахмадинежад продемонстрировал себя умелым популистом. Это привлекло на его сторону низшие слои. Нефтяные доходы действительно от Бога. Но как создать здоровую современную экономику, ни действующий президент, ни его духовные покровители не знают.

70 процентов населения Ирана — в возрасте до 30-ти лет, то есть родились уже после антишахской революции. Это образованное поколение, они дети совсем другой — коммуникационной — революции. Это поколение тянется в мир, к нормальной жизни — к тому, что считается нормальной жизнью в развитом мире, — и сталкивается со строгостями из другого века. В этом смысле то, как маленькая телефонная трубка, на которую была снята смерть молодой женщины, нанесла поражение системе террора, убившей Неду, символизирует куда более широкий конфликт.

В положении женщин этот разрыв особенно заметен. Аятолла Хомейни призвал благородные семейства дать образование своим дочерям, и его

послушались. Нынче в иранских университетах девушек больше, чем юношей. При этом основополагающие порядки остались прежние. Девочку можно отдать замуж с 13-ти лет. Все права на наследство — в пользу мужского пола. Даже пляжи на Каспийском море раздельные, как автобусы для черных в Алабаме полвека назад. Порыв ветра может превратить любую девушку или женщину в «ветреницу»: за юбку, открывающую лодыжку, или за открытую шею она может быть подвергнута унизительному наказанию. За этим следит полиция нравов, которую Ахмадинежад всячески поощрял. Мусави пообещал убрать ее с улиц.

Женщины громче мужчин кричали: «Смерть диктаторам!» — и поддерживали Мусави. Рядом с ним всегда была его жена — политолог, бывший декан университета. Женщинам это нравилось.

Родившееся после революции поколение не хочет заморочивать себя прошлым. Это поколение не политизировано и не идеологизировано, как отцы и деды. Оно жаждет не переворота, а перемен. Это совсем иной конфликт, чем в 1979 году, но не менее глубокий.

Жизнерадостная Неда Ага-Султан, ставшая иконой нового Ирана, не была ни борцом, ни политической активисткой. 26-летняя студентка философии даже не голосовала. Но у нее было тайная страсть: она брала уроки пения. А поскольку женщинам в Иране воспрещается петь публично, эти уроки были подпольные. Ей нравилась поп-музыка, которая очень не нравится клерикальной власти. Она не была активной участницей демонстраций. Просто, возвращаясь со своего тайного урока пения, попала в водоворот, из которого уже не выбралась. Таково лицо современной иранской трагедии.

Когда самые обыкновенные человеческие желания равносильны преступлению — это режим катастрофы. Там, где модерн должен склоняться перед архаикой, жди, когда революция постучит в дверь. Это революция не столько политическая, сколько культурная. В ней не хватает фанатизма, жертвенности — и слава Богу. Но она необратима, хотя, какие формы и темпы она обретет, одному Богу и известно.

Уроки несостоявшейся революции

Так что это было — революция или не революция? Или революция — это только то, что побеждает, а то, что откатывается, это не революция, а волна? Но эта зеленая волна еще аукнется — в травмированном национальном сознании. И в поведении элит. Охота на телефоны с камерами стала одной из главных задач басиджей, прочесывающих улицы. Интересно, это единственный урок, который извлекли иранские власти?

Четыре тысячи человек были арестованы в бурные дни, по официальным данным. Большинство отпущены, утверждается, что в тюрьмах осталось около трехсот человек. Одну из провинциальных тюрем даже пришлось закрыть по личному распоряжению Хаменеи, когда выяснилось, что в ней были забиты до смерти трое молодых людей, включая сына помощника Мохсена Резаи, бывшего кандидата в президенты.

Пиком реакции стал откровенно постановочный показательный процесс (его показали по телевидению, так чтобы страна могла насладиться

зрелищем реформистов в тюремных робах). Бывший (при президенте Хатами) вице-президент, министры той поры, редактор закрытой газеты каялись под копирку в связях с иностранной прессой и спецслужбами, оглашали компромат на соперников Ахмадинежада и просили верховного вождя, «чья мудрость и бдительное руководство гарантируется ночной близостью между ним и Господом», простить их великодушно. Прокурор утверждал, что решительные и своевременные действия властей предотвратили «бархатный переворот» по модели Сербии и Грузии, приводя в качестве примеров подрывной деятельности связи известных иранских ученых с зарубежными университетами и скопом занося в число врагов нации участников движения активистов, защищающих права женщин, этнических меньшинств, профсоюзов, студенчества.

Должного эффекта эти сигналы элите и стране не принесли, во всяком случае пока. На церемонии повторной инаугурации Ахмадинежада 3 августа помимо троицы главных непослушных подозрительно отсутствовали многие другие известные фигуры, включая членов семьи покойного аятоллы Хомейни, для которых в ходе предыдущих процедур этого класса резервировались самые почетные места. А в сам этот день в Тегеране вновь прошли демонстрации протеста, хотя и не столь массовые, как сразу после выборов.

Что дальше? Будут ли до предела закручены гайки, отвернется ли теократия от своих игр с демократией, предстанет ли чистой диктатурой? Или она постарается достичь компромисса — внутри себя с фракцией менее оголтелых, а в конечном счете внести поправки на современность? Настоящая борьба ушла под ковер, но мы это увидим, если не в ближайшей, то уж в среднесрочной перспективе точно.

А пока можно сделать более широкие наблюдения за призраком революции: у нас ведь уже накопился немалый статистический материал.

Боязнь цветных революций — недуг нередкий, это известная слабость сильных режимов.

Вопреки тому, что о цветной революции говорят и пишут креативные труженики официоза, ее призрак не напоминает террориста. Скорей он появляется в белом венчике из роз... Его легко расстрелять... Хотя тут действует некая высшая математика: разогнать митинг в 5 тысяч человек не составляет труда, перед митингом в 500 тысяч задумается даже тоталитарная дубина... Так или иначе, это верная примета: если является призрак цветной революции, значит, власть преступна сверх всякой меры. Значит, демократия в стране совсем призрачная. И нечего тут ссылаться на «суверенность демократии» или поблекший мандат былой революции.

Все революции по-своему призрачны — в том смысле, что они редко исполняют свои обещания. И поэтому рано или поздно появляется призрак новой революции — против режима, установленного революцией предыдущей и обманувшей ожидания, либо появившегося в результате ее перерождения.

Можно ли избежать цветной революции? Теоретически — да. Для этого нужно всего-то-навсего не узурпировать власть, не заниматься махинациями с властью в особо крупных размерах... Ответ слишком простой, излиш-

не морализаторский, сильно противоречащий природе людей у власти и потому не слишком реалистический. Реалистичный ответ: нужно не доводить котел до кипения, а для этого требуется встроенный механизм эволюции. Эволюция — это революция на каждый день, маленькая постоянно действующая революция, которая точно не разорвет котел. И нужен котел, который умеет выпускать пар, но еще больше направлять общественную энергию в русло назревших преобразований. Такой котел давно изобретен, он называется демократия.

Во всех странах, где замечен призрак цветной революции, плохо с разными вещами, но, прежде всего, с демократией. Там власть очень уж нечиста на руку, что на самом деле симптом гораздо худшей болезни: она неадекватна, она в катастрофическом разладе с главными потребностями общества.

От редакции

Статья, которую мы предлагаем вниманию читателей, была написана специально для двух изданий — для «Новой газеты» (где был напечатан первоначальный, неполный ее вариант — см № 115, за 16 октября 2009 года) и для журнала «Континент», где мы и публикуем ее в доработанном и дополненном виде. Статья принадлежит перу трех видных ученых-гуманитариев, специалистов в области русской истории и культуры — нашего постоянного автора, доктора исторических наук, профессора ***Ю. Н. Афанасьева***, доктора культурологии ***А. П. Давыдова*** и доктора философских наук ***А. А. Пелипенко.***

Статья обращена к самым важными и все более острым, все более определяющим наше будущее проблемам нашей российской действительности, и мы очень хотели бы, чтобы на страницах нашего журнала обсуждение этих проблем нашло свое интенсивное и ответственное продолжение.

Юрий АФАНАСЬЕВ
Алексей ДАВЫДОВ
Андрей ПЕЛИПЕНКО

ВПЕРЕД НЕЛЬЗЯ НАЗАД!

Тезисы и выводы этой статьи могут многим показаться чересчур мрачными и пессимистичными, и потому мы хотели бы сделать на этот счет некоторые пояснения. Всякий человек, задумывающийся о судьбах страны, обязан ответить самому себе на тяжелый вопрос: готов ли он осознать и принять действительное положение дел или хочет пребывать в комфортных, греющих душу мифах. Большинство предпочитает мифы. Но идеи, которые мы высказываем, давно носятся в воздухе, и по-детски зажмуриваться и рассчитывать на то, что «авось пронесет», — непростительная наивность. Наши суждения — не плод болезненного интеллигентского мазохизма или пуще того — злорадства. Отнюдь! Нами движет тревога за нашу страну, с которой мы связаны всей нашей жизнью и судьба которой нам глубоко небезразлична.

Общества не живут вечно в том виде, в каком родились, либо достигли пика могущества. Современный мир быстро меняется: он бурно развивается и одновременно входит в глобальный цивилизационный кризис. Остановить этот амбивалентный процесс невозможно, но судьбы тех или иных обществ могут существенно разниться. Одни быстро модернизируют свои культурные основания, развивают человеческое в человеке и добиваются поразительных социальных достижений. Другие, держась за традиции, захиревают, угасают, становятся сырьевыми придатками технологически развитых стран. Где находится Россия? Где корни ее проблем? Каковы ее перспективы? Как на эти вопросы отвечает президент РФ Д. Медведев (а его

ответы это важнейший показатель способности правящей элиты эффективно управлять страной)? Осмыслить эти вопросы и ответы на них — такова задача нашей статьи.

И еще. В статье критически говорится о русскости. Говоря об этом, мы пытаемся объяснить нежизнеспособность ее мифо-идеологического ядра — приверженности так называемой *русской системе.*

О чем шумим?

Статья президента Российской Федерации Д. Медведева «Россия, вперед!» посвящена актуальным проблемам выживания нашей страны. Но главным образом иному: показать, что президент понимает эти проблемы правильно и благодаря его пониманию Россия будет уверенно двигаться — уже движется — вперед к светлому будущему.

На многих статья произвела впечатление. Например, Ольге Крыштановской хотелось бы усмотреть в тексте Медведева «*еще один штрих в сторону заявленного им курса либерализации*». Распознать «*желание переломить ситуацию*», а сам образ президента окончательно запечатлеть в своем сознании как «*энергичного и либерального политика*». Другим читателям, например, Станиславу Белковскому, захотелось порадоваться тому, что наконец-то «*президент разработал стратегию модернизации России*» и «*нашел смысл своего президентства*» в том, что такую стратегию «*в ближайшие восемь лет будет проводить он*».

Каждый видит то, что хотел бы видеть. Но если отвлечься от подобного «хотел бы» и соотнести слова медведевской статьи с реальной противоречивостью и глубинной слабостью, болезненностью России как исторического сообщества, как определенного типа культуры... Если сравнить, что было и что есть, и додумать до конца: как «короткое время» политики Ельцина — Путина — Медведева накладывается на «время большой продолжительности» России — СССР — России, — то оценки президента предстают удручающе беспомощными, а в качестве руководства к действию и для «*практических планов развития нашего государства*» — безнадежно опасными.

Нельзя избавиться от болезненности России, от ее смертельного общественного недуга, не называя даже собственно болезнь и, тем более, не вскрывая ее корни, хотя в наивность президента на сей счет поверить трудно. Возможны такие варианты: либо президент действительно не понимает глубинных причин печального положения дел, либо, понимая, умалчивает о них по соображениям политической конъюнктуры, либо статья вообще написана «не про то» и цель ее не имеет ничего общего с затронутыми проблемами как таковыми. Нам представляется, что истина лежит где-то между вторым и третьим вариантами, причем точное ее местоположение не вполне ясно самому автору.

Президент дает «*оценку нынешнего положения дел*» и называет некоторые реальные проблемы России: вековая хозяйственная отсталость, неэффективная, примитивная сырьевая экономика, вымирающее население, полусоветская социальная сфера, патерналистские настроения, отсутствие у

людей желания «делать себя», достигать шаг за шагом личных успехов, умственная и душевная лень, неизбывная коррупция, робкий бизнес, террористическая угроза на Северном Кавказе. Однако ту самую болезнь России Медведев так и не диагностирует, перечисляя всего лишь ее следствия и проявления.

Страусиная позиция российской политической «элиты», ее нежелание и неумение видеть не одну себя, но и интересы людей в нашей стране только в XX веке обернулись двумя цивилизационными катастрофами — 1917 и 1991 годов.

1917. Мощная массовая крестьянская реакция на прогрессивные перемены в стране: урбанизацию, социальную дифференциацию, разложение общины в конце XIX — начале XX века. В России закономерным образом произошла глобальная инверсия. Средневековая православная монархия инвертировала свои базовые культурные атрибуты. Инверсионный скачок принял вид кровавого хаоса Гражданской войны, после которого система восстановила свои системные основания: православного монарха заменил обожествленный вождь, место «избранного» народа занял «избранный» класс, идеологию православной идеократии вытеснили «единственно правильное учение» и коммунистическая утопия. Вновь восстановилась гремучая имперская смесь изоляционизма и агрессии, расцвела мифология отторжения «чужих», а главное двум основным диссистемным по отношению к старой самодержавно-феодальной традиции социальным группам — пролетариату и буржуазии — нашлось место в новой системе. Пролетариат занял место проводника в рай, а буржуазия — место средневекового дьявола, средоточия мирового зла. Ресурса обновленной системы хватило на 70 лет.

1991. Здесь мы имеем в виду не путинскую «величайшую геополитическую катастрофу», в которой прочитывается его, Путина, боль утраты и тоска по былой советскости и имперском величии России. (Впрочем, и здесь чувствуется немалый привкус лицемерия: кем бы был лично Путин при советской системе?) Речь о том, что вековечное существование русской культуры вне права превратило крушение СССР в особенно глубокий обвал всего российского социума и государственности. Россия снова, второй раз за одно столетие обрушилась в архаику патриархальности и ветхозаветности. Жизнь опростилась иногда вплоть до первобытности, отношения между людьми примитивизировались, стали еще более жестокими, агрессивными, античеловечными.

Выполняя глобальный исторический императив — историко-диалектического оппонирования Западу, — система к моменту своего распада в 1991 году полностью исчерпала не только внутренний ресурс, но и свой общеисторический смысл. Оттого и распад произошел столь легко и относительно бескровно, будто движимый невидимой рукой, поверх интересов и устремлений огромных масс людей, даже не вполне понимающих, что собственно происходит. Мы стали свидетелями того самого случая, когда дух истории оказался умнее воплощающих его социальных сил.

Нынешняя реставрация имперскости идет под руководством «дуумвирата» в условиях, когда идеократические империи представляют собой отчаянный анахронизм. Они не просто нежизнеспособны сами по себе. Они

не нужны истории даже **в качестве нежизнеспособных образований**, каковым был СССР. Имя им — симулякр. Тень, фантом, фикция. Однако андерсеновская тень, как известно, оказалась довольно вредным и живучим созданием. (Кстати, О. Даль в роли Тени из старого доброго фильма вам никого не напоминает?..) Трагедия в том, что крикнуть: «Тень, знай свое место!» — увы, некому.

Теперь собственно о нашей национальной болезни.

Диагноз

Говоря о ней, выдающиеся деятели нашей культуры использовали такие нелестные определения, как «пародия человека», «мертвые души», «свиные рыла», «человек ни то ни се», «отверженные», «уроды», «бесы», люди «недоделанные» (понимаемые через обломовщину, карамазовщину, шариковщину), «гамлетики», «кисляи», не способные принять никакого решения, то есть живущие «навозопроизводителями», «навозошаротолкателями», «слипшимся комом» и т. п. Попробуем ответить на основной вопрос о болезни русского человека, который поставили великие русские писатели и на который не ответил президент Медведев.

Исторически сложившаяся Россия — так же, как при царях и при большевиках, — остается культурой, застрявшей в «состоянии между»: между старым и новым, между засильем русской архаики и актуальными потребностями современной либеральной модернизации. Наше перманентное патологическое застревание на протяжении нескольких веков в «состоянии между» и углубляющийся в связи с ним тотальный социокультурный раскол и есть историческая болезнь России. Такой раскол стал за последние два десятилетия еще более глубоким, всеохватывающим и превратился сегодня из наиболее значимой характеристики общества как элемента его самобытности в очевидный признак его умирания. Попытки не преодолевать раскол, а приспосабливаться к нему, как попытка больного приспособиться к своей хронической смертельной болезни, превратили раскол в **способ угасания русской культуры**[1].

«Положение между» чрезвычайно болезненно. Чтобы адекватно реагировать на вызовы времени, чтобы выжить, надо и самим изменяться в соответствии с подобными вызовами. А для этого надо взять из мирового опыта, в том числе из отечественного, те ценности, на основе которых только и можно измениться. Но мы не хотим менять привычные для нас ценностные идеалы, потому что мы и сами не хотим меняться. Известно, что надо делать свою культуру личностной, гражданской, правовой, но мы не можем, да и не хотим изменять и ее, потому что для нас отказаться от своих имперских, соборно-авторитарных, патерналистских культурных стереотипов — все равно что верующему христианину выбросить свой нательный крест.

---

[1] Здесь необходимо особо оговорить, что употребляя слово «культура», авторы имеют в виду не русскую мысль, литературу, искусство и иные специфические области человеческой деятельности, которыми ведает Министерство культуры, а некий способ бытия нации, строй ее жизни (*ред.*).

Поэтому взнуздывать расколотую, больную Россию возгласом «Вперед!», обращаясь неизвестно к кому, — это хуже, чем демагогия. Это недомыслие.

Исторически сложившийся русский тип культуры, русскость как неэффективный способ мыслить, принимать решения и действовать уходит с исторической сцены.

Мучительная неизбывность и непреодолимая тотальность российского манихейского раскола, когда одна часть общества все время стремится уничтожить, подавить другую, уходит своими основаниями в имперское русское сознание и, прежде всего, в его сердцевину — глобальный теократический проект с идеей провиденциалистской избранности и мировой миссии России.

Теократическая идея избранности Святой Руси для воплощения Царствия Божьего на земле, изжив со временем свою православную семантику, трансформировалась в XX веке в идею светской религиозности: великодержавие и сверхдержавность России/СССР для построения коммунизма, а потом — России для обеспечения баланса в межконтинентальных стратегических отношениях. Образ власти при этом, в смысле ее космической недосягаемости и всемирной предназначенности, остался нетрансформируемым. Отсюда у всех на глазах в последние годы — апокалипсический страх перед возможной сменой власти и вызванные им причудливые кульбиты: то Ельцин — Путин, то Путин — Медведев. Однако в соответствии с инверсионной логикой произошла перекодировка образа власти: из посланника Божьего первое лицо превратилось в советское время в Генсека, а в постсоветское — в Президента. Но перекодировка никак не затронула сами парадигмические основания имперского сознания. Оно остается, как и прежде, по-манихейски дуалистичным: и в плане противостояния власти и подвластного, и в плане оппозиции Богоизбранной империи и ее варварского (бесовского) окружения.

Народ для власти из богоносца, каким он был по православной семантике, стал всего лишь населением — к которому у власти осталось традиционное отношение как к Другому: иному, чужому. В последнее время добавилось еще «управленческое» отношение к населению как к одному из ресурсов: людскому ресурсу, наряду с материальными, административными или финансовыми. Словом — «человеческий материал», из которого власть-моносубъект по своему усмотрению и на свой вкус делает манекены, завершает строительство в масштабах всей России не виданного в мировой практике имитационного общества. В 1948 году Оруэлл думал, что пишет утопию.

В постсоветское время русская власть, уже не стесняясь, позиционирует себя не только как демиурга, но и как корпорацию частных собственников. При непосредственном участии первых лиц государства, с опорой на властный потенциал всех силовых структур, судебной системы и административных органов всех уровней идет грандиозное расхищение всего национального достояния и оформление в частную собственность физических лиц земли, ее недр, возведенных на ней предприятий. Происходят раздел, переделы, рейдерские захваты и квазиюридическое оформление фактической приватизации целых отраслей промышленности, транспортных коммуникаций и энергетических сетей. Все перечисленное по своей социальной

сущности — средневековые территориальные захваты без малейшего раздумья о дальнейшей судьбе и эффективном предназначении захваченного. А с моральных и нравственных позиций — это волчье пиршество в овчарне, торжество алчности и звериной ненасытности диких людей. По отношению же к праву русская власть показывает себя откровенно нелегитимной и криминальной.

Итак: античеловечная власть, научившаяся расширять и «модернизировать» свое ордынское насилие, и подданное ей население, приученное и умеющее адаптироваться и к такому насилию, позволяющее делать из себя манекены и имитационную общественность. Всеохватывающий социальный раскол, расщепленность духа и неспособность к самокритике, к самоорганизации и к саморазвитию. Криминальная власть у криминализированного, равнодушного населения.

Все это вместе взятое и есть наша неизбывная русская болезнь.

Как же соотносится с такой драматической исторической реальностью, переполненной предчувствием очередной катастрофы, медведевский выкрик «Россия, вперед!»?

Да ровно так и соотносится, как пустопорожнее словоговорение с реальными проблемами России. А реальные проблемы определяются следующими вопросами.

— Надо ли пытаться спасти именно этот социум, застрявший в «состоянии между» двумя типами цивилизаций и умирающий из-за русско-системной неспособности преодолеть внутренний раскол?

— Надо ли стремиться удержать на исторической сцене данный тип русской культуры, основанный на манихейской инверсионной парадигме?

Честный ответ на оба эти вопроса может быть только один: нет, не надо. Россию в ее нынешнем имперском виде не сохранить. Умирающую русскую культуру бессмысленно пришпоривать. Под руководством царей, большевиков и Ельцина-Путина-Медведева русская империя уверенно идет по пути распада.

Призывать вперед протестную Россию, то есть ту, в которой есть точки личностного роста, тоже, пожалуй, бесполезно. Точек роста недостаточно для того, чтобы придать архаичному массовому сознанию и коррумпированному государственному управлению мощное ускорение модернистского развития. Россию можно было бы удержать в нынешних границах на либеральных культурных основаниях, на основе развития гражданского общества, где основным центростремительным принципом был бы принцип добровольности и выгодности. Но время упущено, для этого нужно два-три-четыре десятилетия. А этих десятилетий у нас уже нет.

Менять надо не только правительство Путина и даже не только путинский режим, а вместе с ними надо преодолевать глубинные социокультурные основания российской цивилизации, менять надо ее парадигму.

Тогда естественны и следующие вопросы: возможно ли, реалистично ли такое? И, если да, то как это сделать? Как к этому подступиться, или, хотя бы, каким бы мог быть самый первый шаг в таком направлении?

Размышляя о реалистичности, о самой возможности конструктивного решения, вкратце выскажем следующие тезисы. Их признание в качестве

исходной позиции и могло бы, на наш взгляд, стать адекватным сложившейся ситуации первым шагом.

1. Россия упустила ВСЕ исторические шансы модернизации.

2. Теоретическая возможность модернизации обусловлена тектоническими социальными трансформациями последних двадцати лет, сопоставимыми по масштабам с последствиями событий 1917 года. То есть на семидесятилетие советской социальной и духовной деградации общества накладывается двадцатилетие ельцинско-путинского его доведения по существу до биологического, животного состояния.

3. Социальной силы, способной противостоять такой лавине обрушения и осуществить поворот к подлинной модернизации, в современной России нет, и появление ее не предвидится.

4. Фундаментальным тормозом возможной модернизации выступает сохраняющийся на протяжении веков разрыв между властью и подвластным. Архаическому или постархаическому по своим ментальным основаниям подвластному может соответствовать лишь диковатая феодальная, общинно-самодержавная «нашистская» власть. Путинская эпоха, сбросив маски внешней «цивилизованности», обнажила подобные качества со всей их пугающей определенности. Пока такой зазор не преодолен, ни о каком социальном прогрессе нечего и мечтать, ибо здесь кроется один из ключевых алгоритмов самовоспроизводства «русской системы».

5. Как социокультурное и геополитическое целое Россия не трансформируема и, соответственно, не модернизируема. Страна представляет собой рыхлый конгломерат совершенно разных в этно-культурном отношении территорий, утрачивающих последние формальные интеграторы в виде административных и макроэкономических регуляторов. Идеократический проект и его идеологические суррогаты даже в самых удачных своих редакциях (которые уже, впрочем, совершенно невозможны) в любом случае не могут быть интегрирующим началом.

6. В общественных настроениях господствует опасное нарастание энтропии. Мы не поклонники толпы фанатиков с горящими глазами, но... Нажравшийся колбасы обыватель, вяло подворовывающий все, что плохо лежит, и безразличный к судьбе даже собственных детей — это «тепловая смерть» общества. Да, есть основания поиздеваться над теми, кто знает, «как надо». Но когда **никто** не знает, как надо и знать не хочет, — это даже не смешно.

Стремительная деградация общественного сознания, на отдельные проявления которой указывает в своей статье президент, — явление куда более страшное, чем любые экономические показатели, ибо такая деградация — сама страшная эпитафия нации. Это, как показывает история, в отличие от экономических проблем, не исправляется. Такая болезнь проходит только вместе с пациентом... Добавьте к президентским наблюдениям тотальный цинизм, паническую боязнь будущего (заметим, все пропагандистские мифы — только о прошлом!), всепроникающее равнодушие, прогрессирующую и нахраписто насаждаемую тупость, детскую внушаемость, неспособность к простейшим логическим умозаключениям, убийственное неумение разобраться в элементарных вещах, психологию пира во время чумы и т. д., и т. п. Все это — симптоматика умирающего общества, держащегося на двух ве-

щах: исторической инерции и сильно действующих наркотиках, запас которых похоже, исчерпывается. (Под наркотиками мы понимаем не только пресловутую нефтегазовую «подушку», но и различные способы взбадривать общество — путем «маленьких победоносных войн» и т. п.)

Но, тем не менее, Россия, как бы ни менялись ее геополитические контуры, не провалится сквозь землю, а потому вопрос о ее модернизации при всех историко-политических обстоятельствах остается на повестке дня. Только с учетом этих проблем и на основе отыскания реальных способов их разрешения можно, на наш взгляд, сформировать подлинную стратегию модернизации России.

Корни болезни

Одновременно возникает вопрос: если диагноз болезни более или менее ясен — социокультурный раскол, — то в чем корни болезни? В чем причина патологического раздвоения между старым и новым, культурной статикой и социальной динамикой, общинно-самодержавной традицией и личностно-гражданской модернизацией России? Почему русскому человеку не удалось в своем менталитете создать некую диалогичную срединную богочеловеческую смысловую сферу между тем, что философы называют всеобщим и единичным, а религиозные деятели — божественным и человеческим?

Одна из основных причин — в способе веры, который принят в православии, в историческом воспитании населения, в православно-языческой культурной традиции. Эта церковная традиция за тысячелетие перенесла из ветхозаветности в Россию пропасть между божественным и человеческим, узурпировала богочеловеческое смысловое пространство между богом и человеком и создала современного русского человека, творчество и права которого так до сих пор и не получили сакрального статуса.

Тема роли Русской православной церкви в расколе российского общества весьма обширна и многоаспектна. Можно было бы назвать следующие бесспорные, как нам кажется, ее приметы.

1. Антропологический минимализм как имманентное свойство (сущность) восточного христианства и православия, в частности.

2. Идущая от Византии историческая традиция цезарепапизма.

3. Церковная доктрина под сенью мифа «русской системы» (фактически власть настолько космически недосягаема и беспредельно всемогуща, что получается уже не власть от бога, а бог от Власти).

4. Неспособность РПЦ адаптировать человека к буржуазной городской жизни (что смог сделать на исходе средневековья католицизм, не говоря уже о протестантизме).

5. Можно было бы, разумеется, еще добавить и о сервилизме РПЦ.

Одной из важнейших причин раскола русского сознания по всей глубине и по всем направлениям социокультурного пространства стало, среди прочего, отсутствие катехизации, просвещения народа, во многом принявшего христианство как обрядоверие, но так и не узнавшего его евангельского духа (согласно известной формуле Лескова, *Русь была крещена, но не*

просвещена[2]). Нам кажется, это задевает не просто глубинные основания РПЦ, но и объясняет отсутствие конструктивного начала в них, а, следовательно, затрагивает и основания самого русского православия. А отсюда и вопрос: может ли **эта** или **такая** РПЦ, стоящая на ветхозаветных основаниях веры, отвергающая новозаветность и гуманизм, стать тем новозаветно-гуманистическим центром общения, вокруг которого будет собираться и формироваться современный человек, создаваться новая культура (т. к. старую, языческо-православную, обрядовую, формирующую патрон-клиентские отношения, возродить, действительно, не удастся)? Готова ли РПЦ к внутрицерковному общению и диалогу как с обществом, так и с каждым живым человеком, обратившимся к ней? Готова ли она, говоря словами преподобного Сергия Радонежского, *взиранием на Святую Троицу преодолевать страх перед ненавистной рознью мира сего*?

А между тем именно это — нескончаемое сильнейшее духовное напряжение — и являет нам христианская Европа на протяжении всей своей истории: *взирая на Святую Троицу*, христианин вместе с тем стремится постигать сущее в себе самом и в окружающем мире. Духовные коллизии, столкновения полярных смыслов, конфликтность как принцип, лишь постепенно переходящая в диалог взаимодополнений, — вот стратегия смыслообразования, из которой родились и европейский гуманизм, и европейский рационализм, и европейская диалектика, и, в широком смысле, вся европейская гуманистическая антропология.

---

[2] Можно привести здесь также слова П. Н. Милюкова: *Самый высокий, самый совершенный религиозный принцип, чтобы оказывать все возможное для него влияние на жизнь, должен быть воспринят этой жизнью более или менее полно и сознательно. Между тем уже сами славянофилы, в лице одного из самых умных своих представителей — и наиболее компетентного в богословских вопросах — Хомякова, признали, что представлять себе древнюю Русь истинно христианской — значит сильно идеализировать русское прошлое. Древняя Русь восприняла, по справедливому мнению Хомякова, только внешнюю форму, обряд, а не дух и сущность христианской религии. <...>... сознательное отношение к вопросам нравственности и религии было редким исключением среди мирян. Люди вроде Владимира Мономаха, приведшие в известную своеобразную гармонию требования житейской морали и христианской нравственности, встречались только на самых верхах русского общества. Относительно же остальной огромной массы народной нельзя даже сказать, чтобы она усвоила один обряд, внешность христианской жизни, как склонен был признать Хомяков. Нужно согласится с мнением проф. Е. Е. Голубинского, что народная масса древней Руси не успела еще ничего усвоить в домонгольский период — ни внешности, ни внутреннего смысла, ни обряда, ни сущности христианской религии. Масса оставалась по прежнему языческой. // Милюков П.* Очерки по истории русской культуры. Т. 2. М. 1994.

И другой известный историк русского православия Г. П. Федотов о синтезе и динамической доминанте послемонгольской Московии: *Закрепощается народ к земле, все население к службе и тяглу. Гибнут остатки мирского самоуправления. Грубеет и тяжелеет быт, оплотневает, словно, действительно, пропитавшись татарской, степной стихией. Само православие начинает ощущаться как стояние на уставе, как быт, как «обрядовое исповедничество». // Федотов Г.* Россия и свобода. Нью-Йорк. 1981.

Человек как творческое начало в Европе изначально **посредине**. Иное дело в России, где он постоянно **между** двумя противоположными полюсами и смыслообразования, и социальной практики, и психологического напряжения. Российскому сознанию, в отличие от западного, присуще метание между крайностями, неразработанность срединного поля и т. д и т. п. Отринутый на словах гностическо-манихейский дуализм был унаследован от Византии и глубоко пропитал православную культуру на всех уровнях. Он проник во все ее поры и клеточки, бесчисленно размножился, спроецировался во все срезы культурного пространства и стал источником бесчисленных конфликтов и коллизий. Здесь и неснимаемый дуализм веры и разума, мира должного и мира сущего, и — прежде всего — добра и зла. Здесь же дуализм власти и подвластного, оппозиция богоизбранной империи и ее варварского (бесовского) окружения и т. д. и т. п. Для византийца вселенная распадалась на два резко обособленных мира: мир чувственный и мир духовный. Первичным и подлинно сущим было духовное. Аналогичная двойственность проявлялась и в человеке, тоже распадавшемся на духовное и материальное начало. Чувственная природа человека трактовалась как нечто вторичное; при соприкосновении с нею душа была подвергнута осквернению. Бог был далеко отнесен от мира, мир же представлялся тупиком, из которого нет выхода.

Вот как писал об этом С. Аверинцев: *Католическое мировоззрение делит бытие не надвое («свет и тьма») — а натрое: между горней областью сверхъестественного, благодатного, и преисподней областью противоестественного до поры до времени живет по своим законам, хотя и под властью Бога, область* ***естественного*** *<...> Русская духовность делит мир не на три, а на два — удел света и удел мрака; и ни в чем это не ощущается так резко, как в вопросе о власти. Божье и Антихристово подходят друг к другу вплотную, без всякой буферной территории между ними; все, что кажется землей и земным, — на самом деле или Рай, или Ад*[3]...

Двух- и трехзонная структуры культурного космоса — вот где кроется принципиальное различие восточного и западного христианства (и здесь и там, разумеется, речь идет не более, чем о доминантах). На этом основании выкристализовывались две альтернативные модели мира в рамках внешне единой христианской доктрины. А результатом воплощения этого сценария явилось складывание двух систем мироощущения, двух альтернативных картин мира, двух культурно-цивилизационных ареалов с отчетливо выраженным и устойчиво воспроизводимым системным качеством.

Что же касается самых глубинных оснований этих принципиальных различий, то среди них, на наш взгляд, можно было бы выделить несколько основополагающих и в то же время взаимосвязанных аспектов. Это, в первую очередь, различный подход и принципиально иные трактовки filioque[4], что напрямую связано с разным отношением у восточных и западных хри-

---

[3] *Аверинцев С.* Византия и Русь: два типа духовности. Ст. вторая. Закон и милость // Новый мир. 1988. № 9.

[4] *Filioque* — сделанное Западной (Римской) Церковью добавление об исхождении Святого Духа от Бога-Сына в догмате Троицы в Никео-Царьградский Символ веры, IV века.

стиан к Богу-Отцу и к Богу-Сыну. В чем состоит культурологический смысл filioque? В том, что церковь признает, что Святой Дух исходит не только от божественного, но и от человеческого в лице Иисуса-богочеловека. Это частичное низведение божественного с церковных небес в творческое человеческое получило подтверждение и развитие в гуманистических движениях Ренессанса, Реформации и Просвещения. В России иное. В конституируемом культурой автопортрете православного космоса область «естественного» в отдельных срезах как бы вовсе отсутствует. В других — сжата до исчезающе узкой грани между вплотную подходящими друг к другу трансцендентными полюсами. Реальный земной мир как бы не подлинен, не онтологичен. Мир здесь — временное попущение, не достойное обживания и цивилизаторского обустройства. Его нельзя улучшить путем постепенной цивилизационной работы, но можно одномоментно пресуществить в царство Божье. Отсюда и практически не известный на Западе феномен юродства, и крестьянская утопия, и пугачевская вольница, русский нигилизм и русский космизм, коммунистический проект и бесконечные рассуждения о пресловутой «духовности».

Отсюда же неспособность православия вдохновить русского человека на то, чтобы он почувствовал себя личностью, неспособность сформулировать роль личности в самоформировании общества, культуры, деятельности государства как принципиально нового для России культурного основания. Отсюда вечное упование на бога, государство и авось. Отсюда нацеленность исторического воспитания русского человека в духе вечного холопства и патрон-клиентских отношений с церковными и государственными чиновниками.

Вся история России — история на основе теократического имперского проекта с его центральной идеей избранничества. Это можно отчетливо проследить начиная от Рюриков, через Екатерину и Николая II, через Сталина и вплоть до Путина. Именно такая наша история и стала, в конечном счете, главной причиной ухода с исторической сцены русского типа культуры. Поэтому когда мы анализируем проблемы России, мы должны начинать с анализа ее культурных оснований — анализа того, чего в президентской статье нет.

В трех соснах

А из медведевских ухищрений уйти от подлинных проблем как раз и получилось то, что получилось, — словесная шелуха. В подтверждение приведем лишь наиболее яркие несуразицы из президентского текста. Это, к сожалению, приходится делать, чтобы показать: **да, мы дожили до вот такой жизни, да, нами правят такие вот «мыслители».**

В подтверждение успешной модернизации России в прошлом приводятся три случая: петровский, александровско-николаевский и ленинско-сталинский большевистский. Причем все три случая сопровождаются прямо противоположным их органике словом «инновационный»: *Элементы **инновационной системы** создавались, и небезуспешно, Петром Великим, и последними царями, и большевиками.* И в другом месте: ***Впечатляющие показатели двух***

величайших в истории страны модернизаций *— петровской (имперской) и советской — оплачены разорением, унижением и уничтожением миллионов наших соотечественников* (подчеркнуто нами).

Тот факт, что президент признает «издержки» — уже прогресс. Но во всех случаях это были самодержавные, авторитарные, диктаторские действия во имя укрепления, сохранения, спасения существующих режимов, во имя их имперскости и во всех случаях — за счет (путем) усиления несвободы личности, а в случае с большевиками — еще и за счет прямого уничтожения самой социальности, всего оставшегося к тому времени животворного гумуса российского общества. **То есть все три случая — это и есть попытки воспроизводства на основе сохранения старого, на основе недопущения обновления общественного устройства.** Поэтому, видимо, не случайно, что именно *впечатляющая модернизация*, проведенная *последними царями*, завершилась 1917 годом, а *величайшая*, проведенная большевиками, — 1991-м. Именно постоянными действиями, подобными *впечатляющим модернизациям*, и воздвигнут умирающий ныне тип русской культуры.

Статья изобилует многочисленными красивостями типа: *Политическая система России также будет предельно открытой, гибкой и внутренне сложной. Она будет адекватна динамичной, подвижной, прозрачной и многомерной социальной структуре. Отвечать политической культуре свободных, обеспеченных, критически мыслящих, уверенных в себе людей. <...> В этом году мы начали движение к созданию такой политической системы.*

И в том же духе: *Демократические институты в целом сформированы и стабилизированы, но их качество весьма далеко от идеала. Гражданское общество слабо, уровень самоорганизации и самоуправления невысоки.*

Иначе, кроме как красивостями, подобное словоблудие не назовешь. Если соотнести его с тем, что делалось и продолжает делаться до сих пор при участии, а то и под непосредственным руководством президента, пришлось бы дать совсем уж неподобающие по отношению к столь высокому рангу определения. Поэтому ограничимся лишь очередным недоумением в отношении этой президентской стратегии модернизации.

Если политическая система и демократические институты и впрямь призваны быть такими пышно цветущими и плодотворными, то зачем они целенаправленно, методично и настойчиво истребляются все эти годы — до такого состояния, что теперь вообще уже нет не только этих институтов, но нет уже ни самой политики, ни даже малейших признаков демократии? Как нет уже фактически и свободных выборов, независимой судебной системы (о которой тоже много красивых слов в статье), свободных СМИ, неправительственных общественных организаций. Конечно, можно было бы все эти зачистки политического пространства и гражданственности в России списать на совсем уж авторитарного Путина, ведь он уже всего-навсего премьер-министр. А теперь, дескать: *Мы будем действовать. Терпеливо, прагматично, последовательно, взвешенно. Действовать прямо сейчас.*

Но как быть с теми многочисленными (исчисляемыми десятками) принятыми антидемократическими законами, на основании которых протекали все эти *двадцать лет бурных преобразований*? И как быть с самим автором «России, вперед!», когда у него на глазах, *прямо сейчас* в подведом-

ственном ему хозяйстве творится настоящее вероломство с регистрацией кандидатов в Мосгордуму и продолжается умопомрачительный второй процесс по делу ЮКОСа? Как быть с главнокомандующим России, под непосредственным руководством которого осуществлена агрессия против суверенной Грузии и ее оккупация? Наконец, как быть с тем, что и сам-то он как президент — продукт «подковерного» сговора?

И, наконец, самое главное по данной несуразице — о соотношении политики и экономики. Автор «России, вперед!» ни на йоту не сомневается и считает *технологическое развитие приоритетной общественной и государственной задачей.* Поскольку *чем «умнее», интеллектуальнее, эффективнее будет наша экономика, тем выше будет уровень благосостояния наших граждан. Тем свободнее, справедливее, гуманнее будет наша политическая система. Общество в целом.*

Распространение современных информационных технологий, которому мы будем всячески содействовать, — сказано в статье, — *дает беспрецедентные возможности для реализации таких фундаментальных политических свобод, как свобода слова и собраний.*

Если допустить хотя бы в качестве обоснованной гипотезы, что вековая хозяйственная отсталость России, ее примитивная сырьевая экономика, и т. д., и т. п. уходят своими основаниями в имперское русское сознание, то самоуверенность автора статьи, говорящего, где здесь лошадь, а где телега, приобретает реальную опасность. Поскольку в подобной самоуверенности — не просто необразованность, но и по-настоящему ленинско-сталинская готовность к действию на основе заблуждения.

Особенно кричащие несуразицы — из-за авторского непонимания, куда, в каком направлении, с кем идти и на что, на кого опираться, что должно было бы стать основанием движения. Такой синкретизм, когда всё во всем, когда чересполосица из добра и зла при отсутствии права может меняться как угодно по произволу сочинителя, — очередное возвращение в первобытность, ужасающее до оторопи, когда на дворе признаваемая самим же автором эпоха *современных информационных технологий.*

Следующий пассаж нельзя воспринимать иначе, кроме как «Огонь по штабам!»: *Нашей работе будут пытаться мешать. Влиятельные группы продажных чиновников и ничего не предпринимающих «предпринимателей». Они хорошо устроились. У них «все есть». Их все устраивает. Они собираются до скончания века выжимать доходы из остатков советской промышленности и разбазаривать природные богатства, принадлежащие всем нам. Они не создают ничего нового, не хотят развития и боятся его.*

Однако во главе всех этих *влиятельных*, у которых «*все есть*», стоят Медведев с Путиным. Они именно таких паразитов и выращивали, возглавляя «*разбазаривание*» природных богатств и создавая все условия для «*выжимания доходов*» на основе размывания ценностей и ликвидации права. И правительство Путина устранит тех, которые «*нашей работе будут пытаться мешать*»? При том, что таких нынче не тысячи и даже не сотни тысяч, а уже миллионы? И все они, к тому же, не каждый сам по себе, все они прочно вмонтированы в главную гордость, в основное и единственное достижение нашего «национального лидера» — во властную «вертикаль»...

То же самое, в том же ключе можно сказать и про *вековую коррупцию, с незапамятных времен истощавшую Россию. И до сих пор разъедающую ее по причине чрезмерного присутствия государства во всех сколько-нибудь заметных сферах экономической и иной общественной деятельности.*

Нельзя, когда взялся писать про *стратегию модернизации*, бездумно сорить словами, даже и правильными. Ведь не только отдельные посвященные прекрасно знают, что коррумпированы не «некоторые» чиновники и бизнесмены, а именно вся российская власть во главе с Медведевым и Путиным. Известны доклады Немцова о Путине, о «Газпроме», о Лужкове, известны публикации о личной причастности первых лиц государства к символам кремлевской коррупции — «Гунвору» и «Миллхаузу», к скупке земли в центре Москвы.

Но в связи с этим выкриком — «За родину, за Сталина!» (то есть «Россия, вперед!») — спрашивается: а что именно стало известным в связи с всеобъемлющей коррупцией? Ведь не только же замешанность в ней первых лиц государства? С этим все-таки можно было бы, наверное, как-то справиться. А вот коррупция как показатель снова наступившей архаизации всего российского общества, как очередной цикл обрушения отношений между людьми по существу в первобытность, когда такие отношения сводятся к прямому обмену и ничем, кроме натурального обмена и насилия, не регулируются, — это и есть свидетельство нежизненности русского типа культуры. Коррупция, ставшая основным и единственным способом человеческого общения, показывает не только глубину падения, допустимой примитивизации, но еще и тот минимальный уровень, опускаясь на который российский социум способен тем не менее существовать. И в данном смысле для преодоления коррупции, а вместе с ней и для преодоления самой цикличности обрушения нужна совсем другая стратегия. Нужна собственно стратегия.

«...Ни бог, ни царь и ни герой»

Но бог с ними, с несуразицами. Много ли мы видели державных текстов, лишенных несуразиц? Либеральная модернизация вообще в российской истории просматривается не более чем в виде вялого пунктира. Зато «пышно зеленеет» модернизация имперская: взять у Запада все, что поможет противостоять этому самому Западу. Прежде всего, разумеется, в военно-техническом отношении. Ну а если кое-где у нас порой... просачивается вместе с военными технологиями что-то чуждое, постороннее, но без чего пушки почему-то начинают плохо стрелять, подлодки тонуть, а самолеты падать, то что уж поделать: издержки модернизации!

Но есть еще один сакраментальный аспект темы, который мы, ввиду его сложности и щекотливости, затронем здесь лишь вскользь. Когда адекватный читатель опусов, подобных обсуждаемому, задает само собой напрашивающийся вопрос: «А кто будет все это делать?», — то такая ехидно-скептическая поза скрывает глубинный подсознательный страх перед появлением того, кто мог бы **действительно это сделать**. Можно иронизировать над тем, что стенания высокого начальства о разгуле коррупции напоми-

нают жалобу одной головы Змея Горыныча на другую, но сама мысль о настоящей борьбе с коррупцией, равно как и с другими «свинцовыми мерзостями», вызывает не только у обывателя, но и у большей части просвещенной либеральной общественности мистический ужас. Ибо всем понятно: никакие серьезные результаты здесь невозможны без **насилия.** Но тема социального насилия прочно табуирована еще с горбачевских времен, и потому приходится довольствоваться прекраснодушными грезами или фигурами умолчания. Единственный допустимый контекст — жупел «бессмысленного и беспощадного», которым невротичная интеллигенция под довольные ухмылки сверху пугает читающую публику.

Пушкин был неправ: бунт не бывает бессмысленным. Таковыми бывают лишь отдельные действия его участников. Но дело даже не в этом. Хотя все прекрасно понимают, что паразитические слои и группы общества **никогда** не расстанутся с награбленным по-хорошему, бунта не предвидится. Общество в целом утратило волю к **осмысленному и целенаправленному действию вообще, и к насилию, хотя бы на основе права, в частности**. Все друг на друга шипят, все друг друга ненавидят, цена человеческой жизни соразмерна с ценой патрона, но политически осмысленного и организованного насилия нет и следа. И не только потому, что никто не знает «как надо».

У общества нет цели. А когда цели нет, то вместе с волей к насилию, к отстаиванию общих интересов иссякает и воля к жизни. Пока, да и то лишь у небольшой части общества, энергии хватает разве что отстаивать личные интересы. Не более. Остальные же предались унылому фатализму и вымирают. Предпочтение смерти от безысходности борьбе за общие интересы — это ли не самый страшный диагноз?

* * *

И в заключение — о медведевском понимании традиций: *Для меня традиции — это только неоспоримые ценности, которые надо беречь. Это межнациональный и межконфессиональный мир, воинская доблесть, верность долгу, гостеприимство и доброта, свойственные нашему народу. А взяточничество, воровство, умственная и душевная лень, пьянство — пороки, оскорбляющие наши традиции. От них следует избавляться самым решительным образом.*

Это, пожалуй, одно из самых устрашающих положений всего этого «Россия, вперед!». Откровенное признание автора, что традиции для него — пасьянс, который он может раскладывать по своим собственным правилам и для достижения им же самим поставленных целей: отобрал, как смог, из всех традиций, что ему вздумалось, разложил все произвольно попавшее в его колоду по кучкам на «хорошие» и «плохие» и решил, какие беречь, а с какими — «*решительным образом*». Ладно бы, если бы за всем просматривалось лишь элементарное невежество обыкновенного человека. Но ведь в данном случае за автором — огромная государственная машина и его уверенная готовность определять стратегию модернизации.

Даже малейшего намека нет, что за таким, например, понятием, как «русский тип культуры», стоит сложнейшая совокупность формировавшихся в веках самых разнообразных традиций из самых разных сфер российского и

даже задолго еще до-российского общежития. Причем эта совокупность никогда не оставалась статичной, традиции постоянно эволюционировали, взаимодействовали между собой, создавая напряжение в индивидуальных судьбах, в социальной и духовной жизни. Они, эти традиции, — не повод ни для гордости, ни для стыда. Их можно и нужно постигать и на такой основе познавать себя и окружающий мир. Можно при этом испытывать сострадание к соотечественникам, можно чувствовать боль в себе самом, понимая, что ты и сам замешан на тех же традициях. Можно углубляться в их постижение, чтобы отыскивать способы преодолеть их и в себе и, если возможно, в окружающем тебя мире.

Но чтобы «*решительным образом*» и на основе «мне нравится — не нравится»...

И это уже, надо заметить, было в отношениях русской власти с подведомственным населением и отложилось в нашей истории как явление под названием «большевизм-сталинизм». И результат этого былого тоже известен.

Статья Медведева беспомощна, потому что в ней не говорится, какая Россия должна рвануться вперед. На территории страны сегодня две России. Они обе одинаково почвенны, но совершенно по-разному реальны. Их наличие — результат непреодоленного раскола.

Одна — господствующая, хотя и умирающая, но все еще торжествующая и утопающая в самообожании. Она несет в себе святорусскую архаику, засилие традиции, имперско-вечевое сознание толпы, соборно-авторитарные культурные стереотипы, самодержавно-общинные ценности, деление людей на «мы» и «они», насилие, алчную погоню за властью, великодержавность, вождизм. Это — имперская лошадь, на которой «мы-русские» едем начиная с Рюриков. Но последние триста лет такая культура не выдерживает конкуренции на мировом рынке культур и все более выглядит как полудохлая кляча. Ее пытались лечить великие русские писатели. Пытались на нее опереться большевики с помощью «солнечной» сталинской конституции, закрепощения крестьянства, сверхцентрализации управления и массовых репрессий. Не для России, а за счет России для реализации ими по-своему понимаемой исторической миссии России. Но ремонт на ходу не оживил отживающий организм. Еще в 1880 году в преддверии катастрофы 1917-го русский историк В. О. Ключевский писал, что традиционную Россию невозможно реанимировать: «*Ничего сделать нельзя и не нужно делать*»[5]. Призыв к этой России «Вперед!» бессмыслен, потому что она услышит его как «Ни с места!» либо «Назад!».

Но на территории России есть и другая Россия. Все еще слабая, проявляющаяся лишь кое-где, часто не ведающая, что творит. Но отнюдь не обреченная ходом истории на неизбежную смерть. Это Россия протестная и самокритичная, изнывающая под гнетом традиционной статики и взыскующая динамики и новизны, разгоняемая ОМОНом и сидящая по приговорам зависимых от власти судов, Россия, которой затыкают рот чиновники и продаж-

[5] *Ключевский В.* Памяти А. С. Пушкина // В кн.: *Ключевский В.* Сочинения в девяти томах. М., 1990. Т. IX.

ные СМИ. Это Россия личности. Россия независимости русского человека от всех исторически сложившихся социальных ролей и смыслов. Россия прав человека и индивидуальных социальных отношений. Россия гражданского самоуправляющегося общества и равенства всех перед правом.

Нет, либеральный тип культуры не победил в нашем обществе, — слишком велика толща архаики, — но и не погиб. В российской социально-экономической практике его почти нет, и отсюда — умирание нашей культуры как преобладающая тенденция. Но как фактор общественного сознания он существует, и отсюда — тонкий ручеек надежды для творческого человека. Призыв «Вперед!» к личностно-гражданской России может быть услышан ею в его истинном значении. Он действительно мог бы оживить эту столь необходимую стране социальную тенденцию и начать модернизацию.

А теперь наш вопрос Медведеву: ваше «*вперед!*» какой России адресовано, и что оно реально означает — вперед или назад? Или, может быть, гораздо более мудреную комбинацию: «вперед нельзя назад»?

ЭТО КАПИТУЛЯЦИЯ

Ниже мы печатаем Выступление Андрея Илларионова на слушаниях комитета по иностранным делам Палаты представителей США «От конкуренции к коллаборационизму: укрепляя отношения США и России».

25 ФЕВРАЛЯ 2009 ГОДА

Председатель Берман, заместитель главы комитета Рос-Летинен, члены комитета, благодарю вас за предоставленную мне возможность поделиться с вами своей точкой зрения на состояние американо-российских отношений, а также на возможные последствия их укрепления в ближайшем будущем.

Предварительные замечания

Прежде всего, я хотел бы сделать необходимые предварительные замечания.

Я гражданин России.

В течение нескольких лет я занимал различные посты в российском правительстве и администрации российского президента.

Со времени отставки с постов личного представителя российского президента в Большой восьмерке (шерпы) и советника президента России в 2005 году я не занимал должностей ни в одном правительстве и не

Андрей ИЛЛАРИОНОВ — родился в 1961 г. в Сестрорецке. Окончил экономический факультет и аспирантуру ЛГУ, кандидат экономических наук. В 1983–1990 гг. — ассистент кафедры международных экономических отношений ЛГУ. В 1990–1992 гг. — старший научный сотрудник и заведующий сектором Проблемной научно-исследовательской лаборатории региональных экономических исследований Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. В 1992–1993 гг. — первый заместитель директора Рабочего центра экономических реформ при правительстве РФ (РЦЭР). В 1993–1994 гг. — глава Группы анализа и планирования при премьер-министре России В. С. Черномырдине (советник премьер-министра). В 2000–2005 гг. — советник президента России по экономическим вопросам, личный представитель президента России (шерпа) в Группе восьми. С 1994 года — директор, с 2000 г. — президент Института экономического анализа в Москве. С октября 2006 года — старший научный сотрудник Института Катона в Вашингтоне. Постоянный автор «Континента». Живет в Москве и Вашингтоне.

получал денег ни от правительства России, ни от правительства США, ни от какого-либо другого правительства.

Последние два с половиной года я работаю здесь, в Вашингтоне, в Институте Катона — независимой исследовательской организации, не связанной ни с одной политической партией США или любой другой страны мира.

Согласно своему уставу, Институт Катона не принимает финансовую поддержку ни от правительств, ни от государственных ведомств и организаций, ни в рамках каких-либо государственных программ.

Будучи гражданином России, а также сотрудником Института Катона, я не могу и не собираюсь давать советы ни правительству США, ни уважаемым членам Конгресса США. Все, что я сегодня скажу, следует расценивать как справочную информацию, которую вы вправе использовать так, как сочтете нужным.

Что бы я здесь ни сказал, мои слова следует рассматривать как мое сугубо личное понимание того, каковы интересы российского народа, как сделать Россию демократической, открытой, мирной и процветающей страной, уважаемым членом международного сообщества, надежным партнером других демократических стран, включая и США. Ответственность за все, что я сегодня скажу здесь, лежит исключительно на мне.

В моем заявлении я коснусь трех вопросов:

— вызовов исторического прошлого в американо-российских отношениях;

— вызовов нынешнего политического режима в России по отношению к самой России, соседним странам и всеобщему миру;

— прогноза того, что может произойти, если подход, провозглашенный нынешней администраций США, будет претворен в жизнь.

Вызовы исторического прошлого в отношениях США и России

Со времени распада Советского Союза и образования независимой России две администрации США, а именно: администрации президента Билла Клинтона и президента Джорджа Буша-младшего, приступали к своим обязанностям с четко сформулированной задачей — улучшить отношения между нашими странами. Каждая администрация начинала свой срок в обстановке больших надежд на плодотворные двусторонние отношения. Независимо от специфики подходов, личных симпатий, содержания повестки дня обе администрации США пытались многое сделать для улучшения отношений США и России; ключевые фигуры администрации, включая президентов, уделяли двусторонним отношениям немало времени, сил и внимания. Обе администрации создали специальные органы для развития этих отношений (так называемую комиссию *Гор — Черномырдин* во время администрации Клинтона и двустороннюю *Группу высокого уровня* во время администрации Буша). Немало делегаций пересекло океан; немало времени было потрачено на разговоры; много решений было принято.

Результаты этих попыток хорошо известны. Обе они закончились полным провалом. Россия не смогла полноценно включиться в сообщество современных демократических мирных наций. К концу срока деятельности каждой из администраций отношения между США и Россией оказывались еще хуже, чем в его начале. Завершение срока каждой из администраций характеризовалось повсеместным разочарованием, разделявшимся как сотрудниками властей обеих стран, так и представителями российского и американского обществ.

Начало работы администрации президента Обамы поразительно напоминает то, как начинали две предыдущие администрации. Мы видим то же желание наладить двусторонние отношения, те же позитивные заявления, те же многообещающие жесты и визиты. Однако так как политические режимы ни в той, ни в другой стране по существу не изменились, едва ли можно ожидать, что не повторится уже в третий раз хорошо известная модель наших отношений: большие ожидания — глубокое разочарование — полный крах.

Поэтому прежде чем применять какую-либо новую стратегию или даже ее формулировать, имеет смысл уделить некоторое время анализу причин двух предыдущих неудач. По моему мнению, они коренятся в основном:

— в природе нынешнего политического режима России;

— в том, что в США недостаточно хорошо понимают внутреннюю логику и намерения российских властей;

— в том, что демократические страны оказываются неспособны справиться с вызовами сильных авторитарных режимов;

— в неспособности зарубежных партнеров проводить различие между российскими властями и российскими гражданами;

— в том, что США предпочитают использовать двойные стандарты в отношении сходных проблем на мировой арене.

Природа нынешнего политического режима в России

Сегодняшняя Россия — это недемократическая страна. Международная правозащитная организация Freedom House с 2004 года ежегодно в течение последних пяти лет присваивает России статус «Несвободная». В соответствии с классификацией политических режимов нынешний режим в России должен трактоваться как жесткий авторитарный. Центральное положение в нынешней российской политической системе занимает Корпорация тайной полиции.

Корпорация тайной полиции

Сотрудники Федеральной службы безопасности — как те, кто состоят на действительной службе, так и те, кто находятся в отставке[1], — формируют особый род объединения (не обязательно институализированного), ко-

[1] Известное заявление Владимира Путина гласит: «*Бывших чекистов не бывает*».

торое можно назвать *братством*, *орденом* или *корпорацией*. В корпорацию сотрудников спецслужб (КССС) входят прежде всего действующие и бывшие офицеры ФСБ (бывший КГБ), в меньшей степени — представители Федеральной службы охраны (ФСО) и Генеральной прокуратуры. Служащие Главного разведывательного управления (ГРУ) и Службы внешней разведки (СВР) также играют определенную роль. Члены Корпорации связаны друг с другом чувством преданности своим организациям, жестким кодексом службы и чести, базовыми поведенческими принципами, куда, помимо прочего, входит принцип взаимной поддержки в любых обстоятельствах, а также принцип омерты. Так как Корпорация хранит традиции, иерархии, кодексы и обычаи тайной полиции и службы разведки, ее члены демонстрируют высокую степень повиновения начальству, находящемуся в данный момент у власти, преданность друг другу и весьма строгую дисциплину. Эти нормы соблюдаются благодаря как формальным, так и неформальным методам принуждения. Тот, кто нарушает этот кодекс, подлежит суровому наказанию, вплоть до высшей меры[2].

КССС и российское общество

Члены КССС получили специальное образование и тренировку, строго мотивированы и ориентированы на использование силы против других людей; в этом их существенное отличие от гражданского населения. Важное различие между правоприменением в современной России и правоприменением в государствах, основанных на верховенстве права, состоит в том, что в первом случае применение силы далеко не всегда означает применение права. Часто применение силы означает ее применение безотносительно к праву, часто — наперекор праву. Члены Корпорации воспитываются в духе *комплекса превосходства* над остальным населением страны. Члены Корпорации убеждены, что именно они являются *начальниками и хозяевами* страны, превосходящими и презирающими других людей, не являющихся членами КССС. Члены Копорации обладают *привилегиями*, в числе которых есть предметы, дающие реальную власть над остальным населением в современной России: удостоверение сотрудника ФСБ[3] и право ношения и использования оружия.

Захват государственной власти Корпорацией

С момента восхождения Владимира Путина к вершинам власти КССС проникла во все ветви российской власти. Согласно исследованию Ольги Крыштановской[4], люди из спецслужб занимают около 77% из 1016 высших

---

[2] Выбор полония в случае с отравлением Александра Литвиненко в Лондоне в ноябре 2006 года обычно связывают с тем, что он нарушил кодекс поведения сотрудника ФСБ.

[3] Так называемый *вездеход* — документ, дающий право доступа в любое место, учреждение, здание, на любую территорию независимо от ее принадлежности, каков ее статус: является ли это владение государственным, общественным или частным.

[4] По данным на декабрь 2006 года.

государственных позиций (для 26% из них о принадлежности к различным правоохранительным органам открыто говорят их официальные биографии, остальные 51% эту свою принадлежность скрывают)[5]. Основные государственные органы России (президентская администрация, аппарат правительства, налоговая служба, министерство иностранных дел, министерство обороны, парламент, судебная система), а также крупнейшие компании в сфере бизнеса и наиболее важные СМИ захвачены КССС. Поскольку члены КССС контролируют ключевые позиции в наиболее важных государственных институтах, деловых кругах, СМИ, почти все важнейшие общественные ресурсы (политические, исполнительной власти, законодательные, судебные, правоприменительные, военные, экономические, финансовые, информационные) оказались сконцентрированными, а в ряде случаев — монополизированными в руках КССС.

Средства массовой информации

Независимых средств массовой информации в России практически не существует. Телеканалы, радио, печатные издания подвергаются жесткой цензуре, в то время как пропаганда властей, проповедующая культ власти и насилия, направлена против демократов, либералов, «западников», самого Запада, прежде всего США. Уровень антиамериканской пропаганды в сегодняшней России несравним даже с советскими временами, по крайней мере, с 1970-ми и 1980-ми годами.

Избирательная система

Начиная с 1999 года в России не было свободных, открытых, конкурентных парламентских или президентских выборов. В двух последних случаях выборы (парламентские в декабре 2007 года и президентские в марте 2008 года) проводились в форме спецопераций и были в массовом порядке фальсифицированы; в каждом из этих случаев до 20 млн голосов властями было приписано кандидатам режима. Ни одна из оппозиционных политических партий и ни один оппозиционный политик не были допущены к участию в выборах; их даже не зарегистрировали в министерстве юстиции. Для сравнения: даже белорусский режим, который нередко называется «последней диктатурой в Европе», в сентябре прошлого года позволил оппозиционным политикам участвовать в парламентских выборах.

Политическая оппозиция

Участников политической оппозиции в России регулярно притесняют, запугивают и избивают спецслужбы режима. Начиная с 2006 года любое собрание оппозиции подвергается жесточайшим атакам штурмовиков и

[5] Известна цитата из речи Владимира Путина во время празднования Дня чекиста в штаб-квартире ФСБ в декабре 1999 года: «*Докладываю вам, что группа сотрудников ФСБ, направленная для работы под прикрытием в правительство, на первом этапе со своими задачами справляется*».

отрядов ОМОНа; сотни людей были избиты, арестованы и брошены за решетку. В апреле 2007 года бывший чемпион мира по шахматам Гарри Каспаров был арестован в центре Москвы на Тверской улице и посажен в тюрьму на пять дней. В тот же день была предпринята попытка ареста бывшего премьер-министра Михаила Касьянова.

Политические заключенные

По данным правозащитных организаций, в стране сейчас примерно 80 политзаключенных, отбывающих сроки от 2 до 9 лет в заключении в тюрьмах и лагерях из-за своих взглядов и политической деятельности. Один из наиболее известных российских политзаключенных — Михаил Ходорковский, отправленный на 9 лет в сибирский лагерь в Краснокаменске на основании явно сфабрикованного дела против него и его нефтяной компании ЮКОС. Компания была конфискована и отдана одной из ключевых фигур нынешнего чекистского режима, занимающего сейчас должность вице-премьера в российском правительстве. Недавно г-на Ходорковского вновь привезли в Москву для нового суда по еще одному сфабрикованному делу — с очевидной целью навсегда оставить его за решеткой. Опять же для сравнения: политический режим г-на Лукашенко в соседней Белоруссии, далекий от подлинной демократии, тем не менее освободил четверых последних политзаключенных летом 2008 года. Следует заметить, что до недавнего времени Евросоюз применял против г-на Лукашенко и членов его правительства так называемые *умные санкции*. Насколько мне известно, США до сих пор применяют подобные санкции к членам белорусского правительства, но не к представителям российского руководства.

Террор

Однако судьба многих других людей, столкнувшихся с режимом, оказалась гораздо хуже. За последние десять лет десятки тысяч людей были убиты в Чечне, Ингушетии, Дагестане, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии.

Осенью 1999 года несколько сотен людей погибли из-за серии взрывов жилых домов, произошедших в ряде городов страны — от Москвы до Буйнакска в Дагестане. Вопреки заявлениям ФСБ о том, что взрывы проводили чеченцы, сотрудникам местной милиции с помощью жителей удалось задержать нескольких человек, пытавшихся взорвать жилой дом в Рязани. Эти люди оказались сотрудниками ФСБ. Тогда ФСБ заявила, что это были «антитеррористические учения», имевшие целью подложить взрывчатку в подвал дома и проверить уровень «антитеррористической бдительности жителей». После того, как история приобрела огласку, задержанных сотрудников ФСБ по приказу из Москвы отпустили, после чего они скрылись, а взрывы жилых домов в стране прекратились так же неожиданно, как и начались.

Начиная с ноября 1998 года несколько человек из числа вероятных кандидатов в президенты, политиков, журналистов, юристов, находившихся либо в оппозиции, либо просто независимых по отношению к политическому режиму, были убиты или же умерли при весьма подозрительных обстоятельствах. Среди них: лидер партии «Демократическая Россия», депутат

парламента Галина Старовойтова; журналист и редактор Артем Боровик; журналист и член партии «Яблоко» Лариса Юдина; губернатор Красноярского края генерал Александр Лебедь, занявший третье место на президентских выборах 1996 года; лидер «Движения в поддержку армии», депутат парламента генерал Лев Рохлин; лидер партии «Либеральная Россия» Сергей Юшенков; один из организаторов партии «Либеральная Россия» Владимир Головлев; журналист и один из лидеров партии «Яблоко», депутат парламента Юрий Щекочихин; этнограф Николай Гиренко; журналист и писатель Анна Политковская; журналист и военный эксперт Иван Сафронов; заместитель главы Центрального банка России Андрей Козлов; член Национал-большевистской партии Юрий Червочкин; журналист, редактор и один из лидеров Ингушского национального движения Магомед Евлоев; юрист Станислав Маркелов; журналист Анастасия Бабурова. С марта 1999 года волна политических убийств вышла за пределы российских границ. В марте 1999 года Вячеслав Чорновил, лидер партии «Народный рух Украины» и кандидат на пост президента Украины (президентские выборы тогда были назначены на осень), погиб в подозрительной автокатастрофе недалеко от Киева; спецслужбы Украины позже квалифицировали это как убийство, инициированное ФСБ. В феврале 2004 года автомобиль, в котором находились Зелимхан Яндарбиев, бывший президент Чечни, и его пятнадцатилетний сын, был подорван в Дохе двумя сотрудниками российского посольства в Катаре. Г-н Яндарбиев погиб. В сентябре 2004 года кандидат на пост президента Украины на выборах в ноябре 2004 года Виктор Ющенко был отравлен и чудом остался в живых. В ноябре 2006 года бывший сотрудник ФСБ Александр Литвиненко был отравлен полонием в центре Лондона и умер.

Войны с другими государствами

С 2004 года политический режим России ведет разного рода войны против других государств. Список войн, проведенных за последние 5 лет, уже оказывается весьма внушительным:

— Российско-белорусская газовая война 2004 года;

— Первая российско-украинская газовая война, январь 2006 года;

— Российско-грузинская энергетическая война, январь 2006 года;

— Российско-грузинская винно-минераловодочная война, март – апрель 2006 года;

— Российско-грузинская шпионская война, сентябрь-октябрь 2006 года;

— Российско-эстонская война памятников и кибервойна, апрель – май 2007 года;

— Российско-грузинская война, апрель – октябрь 2008 года;

— Российско-азербайджанская кибервойна, август 2008 года;

— Вторая российско-украинская газовая война, январь 2009 года;

— Масштабная антиамериканская пропагандистская война, 2006 – 2009 года.

К российско-грузинской войне, наиболее острая фаза которой началась летом прошлого года, российские власти готовились по крайней мере

с февраля 2003 года. Это один из самых серьезных международных кризисов по меньшей мере за последние 30 лет, свидетельствующий об одной из наиболее опасных тенденций нынешнего времени. В ходе этой войны:

а) впервые со времени вторжения Советского Союза в Афганистан в 1979 году произошло массированное использование российских вооруженных сил за рубежом;

б) впервые со времени интервенции СССР против Чехословакии в 1968 году произошло одностороннее вторжение в независимую европейскую страну;

в) впервые со времени конца 1930-х — начала 1940-х годов агрессия против независимой европейской страны и оккупация части ее территории привели к одностороннему изменению международно признанных границ в Европе. Сходство сегодняшних событий с событиями 1930-х годов обращает на себя особое внимание и является особенно тревожным.

Уникальность нынешнего политического режима в России

Одна из наиболее важных особенностей нынешнего политического режима в России состоит в том, что реальная политическая власть в стране принадлежит не одному человеку, не семье, не военной хунте, не партии и не этнической группе. Власть принадлежит корпорации сотрудников спецслужб. Политическая система, в которой спецслужбы играют решающую роль, — не такое уж редкое явление. ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ в коммунистическом СССР, гестапо в нацистской Германии, САВАК в шахском Иране — все эти спецслужбы при тиранических режимах имели огромную власть. И все же ни одной из этих организаций не принадлежала верховная власть в соответствующей стране. Во всех предыдущих исторических случаях спецслужбы и их руководство подчинялись своим политическим хозяевам, будь то Сталин, Гитлер или Пехлеви, независимо от степени чудовищности их действий. Политический режим в современной России поэтому в известной степени уникален, поскольку до сих пор, пожалуй, нигде за всю мировую историю (это верно, по крайней мере, относительно развитых стран в XX и XXI веках) спецслужбы не захватывали полностью всю политическую, административную, военную, экономическую, финансовую и информационную власть.

Данное утверждение не означает, что все население страны или все члены правительства и все сотрудники государственного аппарата являются сотрудниками спецслужб. Среди них много честных людей и достойных профессионалов, глубоко чуждых чекистским/мафиозным структурам. Тем не менее не они контролируют сегодняшнее российское государство и не они принимают ключевые решения в нынешней России.

Прогноз

Даже при беглом взгляде на эволюцию американо-российских отношений в течение последних десяти лет обнаруживается поразительный факт: в этих двусторонних отношениях практически по всем вопросам американская сторона *постоянно отступает*.

Десять лет назад администрация Клинтона открыто и энергично выразила свою обеспокоенность нарушениями базовых прав человека в Чечне. Российские власти посоветовали американским партнерам не вмешиваться в российские внутренние дела. В конечном счете администрация США послушалась.

В течение последующего времени администрация США выражала свою обеспокоенность, недовольство, протест по многим вопросам: об уничтожении свободных СМИ в России; об аресте г-на Ходорковского и захвате ЮКОСа; о разрушении правопорядка, избирательной системы, политической оппозиции; об уничтожении неправительственных организаций, прав собственности (причем не только для российских, но и американских компаний, как, например, Exxon); о политических убийствах; об агрессивной политике по отношению к соседям; наконец, об открытой российской военной агрессии против суверенного государства и члена ООН Грузии, после чего последовала фактическая аннексия двух грузинских территорий — Абхазии и Южной Осетии; о создании там российских военных баз и размещении там регулярных войск РФ.

Во всех этих случаях российская сторона предлагала администрации США *заткнуться*, и во всех этих случаях американская сторона рано или поздно следовала этому совету. Естественно, никакие санкции в связи с таким поведением российских властей не применялись.

Недавно США даже сняли ограничения на возобновление сотрудничества НАТО с Россией — менее чем через 6 месяцев после российской агрессии против Грузии, после грубейшего нарушения международного правопорядка, Устава ООН и Резолюции ООН № 3314 от 14 декабря 1974 года.

Недавнее предложение «перезагрузить» американо-российские отношения и «начать отношения с чистого листа» было встречено чекистами с плохо скрываемыми радостью и удовлетворением. Для них это означает достижение многого из того, о чем они мечтали. Это «так называемое Мюнхенское заявление» они воспринимают как фактическое согласие нынешней американской администрации с идеей, публично выдвинутой российским руководством прошлым летом, — идеей восстановления власти российских чекистов (спецслужб) в постсоветском пространстве под предлогом наличия так называемых *привилегированных интересов* России в ряде стран. Как видим, эта идея стремительно претворяется в жизнь: создан фонд в размере 10 млрд долларов; Россия выдает крупные кредиты Киргизии, Белоруссии, Украине; недавно семью странами, входящими в состав Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), заключено соглашение о создании совместных войск быстрого реагирования; обеспечивается плотный контроль — на финансовом и персональном уровне — над СМИ в странах бывшего СССР; российские власти постоянно пытаются изменить политический режим в Украине и ее прозападный курс и пытаются завершить завоевание Грузии.

Последствия провозглашенной стратегии «сотрудничества», «перехода от конкуренции к коллаборационизму», «улучшения отношений» с нынешним политическим режимом России предельно ясны. Такого рода поведение со стороны администрации США нельзя назвать даже *отступлением*.

Это даже и не *политика умиротворения*, всем нам, увы, хорошо известная после *другого мюнхенского решения* в 1938 году. Это капитуляция. Это полная, абсолютная и безусловная капитуляция перед режимом спецслужб, чекистов, мафиози и бандитов современной России. Это капитуляция надежд и стараний российских демократов, а также народов постсоветских государств, мечтающих вырваться из системы, почти целое столетие контролировавшей и терроризировавшей их. Но это еще не все. Это предельно ясная демонстрация всем демократическим и либеральным силам в России и других государствах бывшего СССР, что США отныне отказываются даже морально помогать им в их борьбе против сил прошлого и переходят на сторону их смертельных врагов. В результате российский чекистский режим получает открытое приглашение к новым авантюрам в постсоветском пространстве и за его пределами.

Сам термин для обозначения такого рода политики — «коллаборационизм» — выбран не мной; он предложен в самом названии этих слушаний. Соответственно термин, выбранный для тех, кто будет осуществлять эту стратегию администрации США, уже есть, это — *коллаборационисты*. Сегодня коллаборационизм между двумя правительствами возможен лишь на условиях российского режима и для достижения его целей. Из европейской истории XX века мы знаем, что означает, когда ревизионистская держава задается отчетливой целью восстановить контроль над своими соседями, а другие державы предпочитают не защищать жертвы от агрессивных нападений, а наоборот, предпочитают сотрудничать с агрессором.

Мы знаем также, какими бывают последствия коллаборационистской политики: те, кто отступает и капитулирует, получают не мир, но войну, войну с непредсказуемыми и отвратительными последствиями. Не исключено, что и не единственную войну.

Когда мир окажется в таком положении, мы должны помнить, что нас предупреждали.

Спасибо.

http://aillarionov.livejournal.com/75000.html

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

48 лет спустя *16.06.09*

Слишком много совпадений. Крупные учения Северо-Кавказского военного округа в 2008 году. Еще более масштабные, возглавляемые начальником Генштаба Николаем Макаровым, в 2009-м. Те же сообщения МИДа о провокациях грузинской военщины. Это по дипломатической части. Те же интервью дюжины независимых «экспертов» о неизбежности второй грузинской войны (которая, разумеется, начнется с вероломного нападения грузинской стороны). Это по части психологической подготовки масс.

Армия так же, как и год назад, рвется в бой. Более того, генералы полагают, что политики не дали им в прошлом году закончить работу, остановив их на подступах к Тбилиси.

Вот что писал в конце июля 2008-го журналист Анатолий Баранов: «Я только что вернулся с Северного Кавказа, был, кстати, в Ростове-на-Дону, говорил с офицерами штаба СКВО. Парадоксально, но армия хочет воевать, хотя неготовность страны к войне осознают. Какой-то безнадежный «авось» — в войне видят выход решения внутриполитических проблем, консолидацию нации, очищение элит, в общем, все что угодно, кроме перспективы национальной катастрофы».

А вот что говорит сегодня Ваха Гелаев, бывший боец батальона ГРУ «Восток», один из героев первой грузинской: «Новая русско-грузинская война будет. Русские готовятся к этой войне. Все об этом говорят на Северном Кавказе. Напьются русские генералы и болтают все, что летом будет новая война».

Что касается военно-стратегических и внешнеполитических целей войны, читайте хоть Бориса Борисова, хоть Павла Фельгенгауэра, кому кто ближе по политической ориентации. Смена режима, уничтожение грузинской армии, оккупация страны, контроль над энергоресурсами Каспия, показательное унижение ненавистных пиндосов.

Андрей ПИОНТКОВСКИЙ — родился в Москве в 1940 г. Окончил Механико-математический факультет МГУ. Кандидат физико-математических наук. Член Американского Математического Общества. Автор более 100 статей и нескольких монографий по теории управления, глобальному моделированию, ядерной стратегии. Ведущий научный сотрудник Института системного анализа РАН. С 1998 г. — в политической журналистике, опубликовал несколько сотен статей в российских и зарубежных СМИ. Член международного ПЭН-клуба. Живет в Москве.

Есть и внутриполитические цели. Для путинской группировки вторая грузинская война — идеальная возможность покончить раз и навсегда с нарастающей двусмысленностью в Кремле. Национальный лидер резко и выигрышно сменит удручающую для него повестку дня.

Медведеву же, которому эта война совершенно не нужна, придется тем не менее надувать щеки, вставать на цыпочки, напяливать на себя пятнистый комбинезончик (верховный главнокомандующий как-никак) и, трогательно и неумело подражая дяде Володе, бравировать своей брутальностью. Так в этом комбинезончике и отправят его потом прямо с театра военных действий на малую историческую родину налаживать работу Конституционного суда.

Учения на Кавказе заканчиваются 6 июля. Окончательное политическое решение будет принято в те же дни. Сразу же после визита Обамы. Центральным событием для Обамы в Москве станет его публичная речь в Российской экономической школе — своего рода продолжение каирской речи. Если судить по каирскому образцу, президент США скажет много добрых, хороших и справедливых слов о России и русских и за что-нибудь обязательно извинится, например, за высадку американских солдат в Архангельске в 1918 году.

Обама после такой московской речи будет хозяевами «взвешен и найден очень легким». Что произошло после венского саммита 1961 года, на котором Хрущев решил, что Кеннеди слабак, мы все помним. Случайно помним. Потому что мир вообще случайно уцелел во время Карибского кризиса.

С тех пор руководители России и США твердо усвоили: наши две ядерные сверхдержавы просто не имеют права оказаться вовлеченными в военно-политический кризис, исходом которого должно стать демонстративное унижение одной из них. У Обамы, Путина и Медведева есть еще дней двадцать поразмышлять над этой истиной, прежде чем начать проверять ее на практике.

Жизнь с идиотом *23.06.09*

Ну вот пошли и перебежчики, переплывающие Буг вечером 21 июня, чтобы явиться в студию «Эха Москвы» и предупредить лично Алексея Алексеевича Венедиктова о грядущем нападении саакашистских орд. Прокремлевские сайты и издания запестрели темничками «Саакашвили готовит новую войну». В самом глубокомысленном из них сообщалось, что грузинская военщина в пограничных районах отходит в глубь территории и взрывает за собой мосты. Действительно, более убедительных свидетельств о намерениях грузинского агрессора трудно представить.

Пропагандистская кампания по подготовке второй грузинской войны вступила в завершающую стадию. Синхронно с масштабными учениями Северо-Кавказского военного округа и Черноморского флота, которые должны закончиться 6 июля.

Несомненно, что наиболее безумная часть российского руководства эту войну действительно готовит.

В чисто военном отношении она станет логическим продолжением (после необходимой стратегической паузы) августовской войны 2008-го. Но есть

принципиальное и необратимое политическое и психологическое отличие. Первая война последовательно готовилась Кремлем в силу многих мотивов, но в ней присутствовала составляющая, которую удалось правдоподобно продать российскому и мировому общественному мнению — поддержка права на самоопределение абхазов и осетин, большинство которых действительно не хотели быть гражданами Грузии.

Вторая грузинская, если она будет развязана, станет первой откровенно гитлеровской по своим целям и задачам войной встающей с колен России — расширение жизненного пространства, десуверенизация соседнего государства, экономические интересы рейха (контроль над энергоресурсами Каспия).

Первая гитлеровская, она же маленькая победоносная путинско-медведевская, окажется по своим последствиям для России авантюрой еще более разрушительной, чем афганская война для СССР. В Афганистане мы ввязались в гражданскую войну на стороне достаточно дееспособного клана. В Грузии после ликвидации грузинской армии мы столкнемся с задачей оккупации страны, в которой нас будут ненавидеть все поголовно, включая родственников привезенного в Тбилиси в танке г-на Гиоргадзе. А в «тылу» оккупантов останется пылающий Северный Кавказ.

Излучающие башни смогут поддерживать «патриотический подъем» не более нескольких недель. Русское общество не примет этой войны. Не протестуя, но безмолвствуя. Фундаментальная проблема путиных, леонтьевых, дугиных и прочих юрьевых заключается в том, что нет у них конгениального им имперского фашистского народа.

Если говорить о международном резонансе, то военной помощи Грузии Запад не окажет, но все иные меры по изоляции членов кооператива «Озеро» будут под давлением общественного мнения западных стран приняты. Никакие золотые перья киссинджеров, шредеров, саймсов, грэмов уже не помогут. Похоже, в Кремле это хорошо понимают. Два самых жирных личных путинских «кошелька» на Западе — Абрамович и Тимченко — уже лихорадочно перепрофилируют активы «общака» в яхты, замки на берегу Финского залива, нефтетерминалы и другие добрые дела, стремясь обеспечить им максимальную безопасность.

Что же касается будущих доходов акционеров, то они обеспечиваются только что подписанным «эпохальным» 20-летним соглашением с Китаем, отводящим России роль маргинального сырьевого придатка Срединной Империи.

Как и предупреждал автор этих строк еще несколько лет тому назад, «священный Азиопский Союз двух императоров Пу и Ху — это союз кролика и удава. Он неизбежно и очень быстро приведет к полной хуизации нашего маленького Пу и нас всех вместе с ним».

Десятилетняя «Жизнь с идиотом» (совсем по А. Шнитке) не может не закончиться национальной катастрофой. Но жизнь эта была и остается сознательным выбором нашей алчной и трусливой «системной либеральной элиты». Вот и сегодня она все прекрасно понимает, но, повязанная с национальным лидером многолетним совместным ведением хозяйства и отягощенная нажитым непосильным трудом имуществом, не осмелится ему перечить. Напротив, с первыми же выстрелами в этой роковой войне она непременно проблеет что-нибудь о возрождающейся на Кавказе российской армии.

Обама и Саргсян *07.07.09*

Конечно, Юлия Латынина права («Код отступа» — Эхо Москвы, 4 июля 2009 года): Саммит в Москве для всех, кроме профессиональных учетчиков боеголовок, интересен прежде всего тем, станет ли он римейком венской встречи Хрущева и Кеннеди. Тогда Хрущев внимательно посмотрел в глаза молодому интеллектуалу и решил, что тот слабак. Дальнейшее хорошо известно.

Сегодняшний завтрак в Ново-Огареве тоже очень интересен. Конечно, Путин не пошлет ракеты на Кубу или в Венесуэлу. Но послать танки в Тбилиси и выполнить свою заветную мечту, которой он поделился с другом Николя, ему ужасно хочется.

Я уже объяснял подробно (вчера это еще раз повторил коллега Леонид Радзиховский), почему эта откровенно гитлеровская по своим целям война, если она все же произойдет, станет для России моральной и институциональной катастрофой.

Для Барака Обамы вторая грузинская будет крупной политической неприятностью. Поэтому он предпринимает кое-какие меры, чтобы ее предотвратить. В данном конкретном случае его личные интересы в отличие от личных интересов Путина совпадают с национальными интересами России.

Сначала он объявил, что в середине июля пошлет вице-президента Байдена в Тбилиси, — видимо, и в качестве своего рода живого щита. В ходе переговоров с Медведевым 6 июля он откровенно поднял вопрос о возможности «возобновления военного конфликта». Обама сообщил об этом на пресс-конференции, не дожидаясь вопроса о Грузии:

For instance,we had a frank discussion on Russia— on Georgia, and I reiterated my firm belief that Georgia's sovereignty and territorial integrity must be respected. Yet even as we work through our disagreements on Georgia's borders, we do agree that no one has an interest in renewed military conflict. And going forward, we must speak candidly to resolve these differences peacefully and constructively.

«В частности, мы обсудили вопрос Грузии. Я повторил нашу убежденность в том, что территориальная целостность и суверенитет Грузии должны уважаться. Мы также не согласны друг с другом по поводу границ Грузии. Но никто из нас не заинтересован в военном конфликте. Поэтому нам необходимо все эти разногласия урегулировать мирным образом» (Перевод на Kremlin.Ru).

Как видите, перевод на кремлевском сайте заметно препарировал оригинал. Исчезли, в частности, we do agree, renewed conflict, frank, we must speak candidly (*мы согласились, возобновление конфликта, откровенная дискуссия, мы должны говорить прямо*), свидетельствующие о том, что вопрос о второй грузинской Обамой поднимался и он получил определенные заверения (we do agree — *мы согласились*).

Обама сделал, что мог. Сейчас кажется, что война скорее не начнется, но заслуга эта не в меньшей, а, пожалуй, в большей степени принадлежит другому президенту. Нет, не российскому, конечно, а армянскому — Сержу Саргсяну.

26 июня в Ереване произошло удивительное событие. Президент Армении, единственного оставшегося союзника России не только на Кавказе, а и на всем постсоветском пространстве, в разгар антигрузинской вакханалии всех прокремлевских СМИ демонстративно в торжественной обстановке вручил Михаилу Саакашвили высшую награду армянского государства — орден Чести.

Такие вещи на Кавказе случайно не происходят. Серж Саргсян, во многом зависящий от Москвы, никогда не позволил бы себе просто подразнить Кремль. Слишком многим он рисковал ради такого сомнительного удовольствия. Это был продуманный демарш, сознательная попытка остановить безумцев в российском политическом и военном руководстве, готовивших вторую грузинскую, разрушительную для всего Кавказа и для России.

Мне кажется, этот шаг подействовал больше, чем какие-либо другие аргументы на наших горе-геополитиков. Уж если они теряют и Армению, какая еще «зона привилегированных интересов» у них остается? Как по команде прекратилась активная стадия психологической подготовки к войне: публикации и интервью дугиных-доренок о неминуемости нападения Грузии на Россию.

Впрочем, нам остается только задавать ставший уже классическим вопрос одного высокопоставленного российского дипломата: «А вдруг у Путина в последний момент окончательно снесет крышу, и он все изгадит?»

А можно добавить еще один вопрос: «А почему, собственно, судьба великой страны должна зависеть от состояния психики человека, не раз публично демонстрировавшего весьма девиантное поведение?»

Русский вопрос *13.07.09*

Барин вот приехал. Барин нас рассудил. Такой почти торжествующий мотив звучит в комментариях маститых экспертов, по тем или иным соображениям (у кого стеб, у кого иллюзия участия в большом политическом проекте) ставших певцами медведевской темы:

— «США обозначили перебалансировку сил в нашем тандеме, показали Медведеву, что поддерживают его... Соответственно, Путину остается хозяйственная стезя, то есть он отвечает за экономику»;

— «6–7 июля 2009 года состав российской власти принципиально изменился. Прежнего правящего тандема больше нет»...

Не этот ли горный воздух вершины власти и «опьянил» в Аквиле доцента Медведева-Плейшнера? Впрочем, протокольные кадры его прилета в Италию показывают, что уже из президентского самолета, где за его состояние отвечали опытные профессионалы ФСО, он вышел несколько возбужденный своей новой исторической ролью — незадачливого Владимира Старицкого из эйзенштейновского «Ивана Грозного».

На самом деле для Путина, чьей внутриполитической стратегией давно уже является формула «день простоять да ночь продержаться», реплика Обамы о двух путинских ногах оказалась удачным пасом, брошенным ему из-за океана, важным аргументом в нарастающих кремлинальных разборках.

Проблема Путина в России не в том, что он «одной ногой стоит в эпохе холодной войны». Проблема его в том, что он обеими ногами и обеими руками увяз в беспрецедентном даже по российским историческим меркам воровстве своих абрамовичей, тимченок и еще кучи средних и мелких ковальчуков и ротенбергов.

Обвинения в приверженности философии холодной войны и неоимперских замашках, напротив, только придают нашему национальному лидеру

стратегическую респектабельность, вытаскивают его на пьедестал крупного государственного деятеля, продлевают гниение бесперспективного режима антинациональной клептократии. Он жаждет этих обвинений, провоцирует их, упивается ими, так же, как и вся наша «политическая элита» — золотая рота бизнесменов-чиновников. Без антиамериканизма и антизападничества они были бы просто банальными ворами. А так у них появляется возможность кардинально сменить повестку дня — объяснять по телевизору десяткам миллионов соотечественников устами леонтьевых и пушковых, что они вожди встающей с колен Великой Державы.

И дело не только в политической целесообразности. Станислав Александрович Белковский, бесспорный основоположник отечественной научной школы клептопутинистики, несколько упрощает, на наш взгляд, сводя мотивацию НАЛа (национального лидера) и его окружения исключительно к обеспечению надежности финансовых потоков.

А душа? А страсти, комплексы, бушующие в сердцах бывших мелких чиновников занюханной дрезденской резидентуры и собчаковской мэрии? А фердыщенковское раздирание одежд и демонстрация язв — grievances and humiliations (обид и унижений), испытанных этими так и не принятыми в настоящие буржуины великими нефте- и газотрейдерами?

Почему-то большим державно-патриотическим стилем считается повторение с надутыми губками в различных западных аудиториях одного и того же стандартного обидничка — однополярный мир, договор по ПРО, расширение НАТО, подползание НАТО, окружение НАТО.

Это и есть их бесконечно повторяемая мюнхенская речь, на этот раз прозвучавшая в антураже косовороток, сапог, икры и самовара. Не было только балалаек, а вместо медведей был ручной Медведев.

Сколько ни выжимай ее методами контент-анализа, всегда остается один и тот же гениально найденный специально для Обамы сценический образ — лакей-полковник в красной рубахе, требующий Уважения и Величия.

Не к случайному собутыльнику, а к небесам вечно притягательного и вечно проклинаемого Запада обращен экзистенциальный вопрос российской политической «элиты»: «А ты меня уважаешь?» Вопрос, который никогда не задаст человек, который сам себя уважает. Не потому ли его так часто задают в России?

Что касается Величия, то они согласны и на Величие-light. На «зону привилегированных интересов на постсоветском пространстве». И искренне убеждены, что все проблемы у них с этой Зоной оттого, что американка гадит.

Вот и ждала коллективная кремлевская старуха нового американского президента — не то как золотую рыбку, которая сделает ее владычицей постсоветской, не то как ордынского хана, который выдаст ей, наконец, ярлык на близлежащие территории. И станет она тогда непокорных князей за яйца подвешивать, а покорных финляндизировать.

И никак не понять ей, убогой, что не с Америкой у нее проблемы и даже не с бегущими от нас как от чумы соседями (были они уже в этой Зоне), а с самой собой. Что, вороватая и бездарная, наглая и трусливая, мечущаяся между Куршевелем и Лефортовом, никому не нужна она на постсоветском пространстве в качестве учителя жизни и центра притяжения.

Над ущельем во лжи *03.08.09*

Спор между кремлевскими национал-клептократами и глобоклептократами, впервые вывалившийся в публичное пространство год назад в ходе дискуссии о целесообразности взятия Тбилиси, вновь обострился.

Для обеих группировок правящей бригады жизненно необходимо поддержание управляемой клокочущей телевизионной ненависти к Западу. Никакой другой идеологии и никакого другого оправдания своему режиму эти обвешанные, как дикари, погремушками из золота и крокодиловой кожи олигархи и патриархи предложить обираемому и окормляемому ими народу не способны. Их тактические разногласия сводятся к степени допустимой конфронтации с Западом. Глобоклептократы более осторожны и меньше подвержены страстям.

Их точка зрения была озвучена, например, в последнем телевизионном общении г-на Медведева с «народом». Как бы продолжая незримую полемику с коллегами, престолоблюститель начал с разъяснения, что Запад нужен «нам» как источник высоких технологий и финансовых ресурсов. По-альхеновски застенчиво умолчав о том, что прежде всего Запад нужен «им» как гарант сохранения их нажитых непосильным трудом общаков (Millhouse, Gunvor и десятки других менее известных).

Национал-клептократы чрезвычайно активно разворачивали операцию «Грузинский Глейвиц» — ежедневные вбросы информации о готовящемся нападении Грузии на Россию — непосредственно перед визитом Обамы в Москву. Видимо, в Москве действительно предвкушали «перезагрузку» как грядущее получение от Вашингтона ярлыка на «финляндизацию» постсоветского пространства.

Июльский саммит развеял эти иллюзии. Кремлевским стало ясно, что цена второй грузинской будет чрезвычайно высокой как для режима в целом, так и для его выдающихся представителей. Десуверенизацию Грузии решено было отложить до лучших времен. Все разговоры о неминуемом нападении грузинской военщины резко оборвались где-то в начале июля.

И вдруг дня три-четыре назад они снова как по команде возобновляются, сразу же поднявшись на небывалую маразматическую высоту. «Президент» Кокойты потребовал какое-то ущелье на том основании, что там родились выдающиеся сыны осетинского народа. Вслед за ним начальник российского Генштаба (который, кстати, был чрезвычайно активен в июньской пропагандистской кампании) сделал резкое политическое заявление, явно вторгаясь в сферу компетенции высшего гражданского руководства.

Что же произошло? Неужели вице-президент США Джо Байден так достал всех своими справедливыми, но в дипломатической практике не принятыми оценками? Как тут не вспомнить нашего великого поэта: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног, — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство».

Или, наоборот, национал-клептократов ободрил отказ знатного иноземца предоставить Грузии противотанковые ракеты и средства ПВО? А может быть, обострившийся внутриполитический конфликт потребовал внешнего разрешения для патриотической консолидации утомленных кризисом масс?

Не знаю. О кремлевских оппонентах можно было бы сказать «чума на оба ваших дома». Оба лагеря ведут страну к катастрофе, обрекая ее уже в среднесрочной перспективе на роль придатка Срединной империи. Но вторая грузинская, как и третья чеченская, о которой подумывает одна из кремлевских группировок, резко эту катастрофу форсирует.

Жизнь после смерти *24.08.09*

Концепция смерти России, овладевая сознанием читающей публики, становится на наших глазах — нет, не обличительным манифестом оппозиции, а последним рубежом идеологической обороны самых умных и самых циничных охранителей режима. Тех, кто сначала надувал через телевизионную соломинку пустышку приблатненного подполковника, намалевав на ней фальшивый брэнд — «авторитарная модернизация».

Под его знаком прошла вся первая каденция питерско-дрезденской бригады. Но пацаны так увлеченно и так откровенно распиливали нефтегазовые активы, что их интеллектуальной обслуге пришлось тактично снять лозунг модернизации, заменив его доморощенной версией конца истории. Оказывается, мы уже приехали. Мы уже в Хопре. Мы — Великая Энергетическая Держава.

Однако, замочив модернизацию, кремлевские фукуямы столкнулись с необходимостью корректировки своей апологии авторитаризма. Ведь они уже успели внушить «образованному обществу», что такие атрибуты суверенной демократии, как национальный лидер, закон об экстремизме, парламент, который не место для дискуссий, басманный суд, бессудные казни и добродеевские вести нужны для того, чтобы прогрессоры железной рукой вели дикий и невежественный народ по пути либеральных реформ.

Ну а если мы уже приехали и народ уже никуда вести не надо? А тогда тем более, терпеливо разъясняли нам современные гершензоны, мы должны благословлять эффективных менеджеров Великой Энергетической Державы, защищающих нас (тех миллионов 5 — максимум 10, до которых еще долетают нефтяные брызги) от ярости народной.

Так прожили еще лет пять, благословляя. Пока не выяснилось окончательно, что нет никакой встающей с колен Великой Энергетической Державы, а есть сырьевой урод с изношенной советской инфраструктурой, паразитирующей на ней уголовной «элитой» и вымирающим от алкоголизма населением.

Ну и что? Кто-нибудь из эффективных менеджеров или их идеологов-мозолистов застрелился или хотя бы, раздав свое немалое состояние нищим, ушел в монастырь?

Нет, все они при деле и снова перезагружают все ту же охранительную идеологическую матрицу.

Мы действительно приехали, господа. Но, оказывается, мы не в Хопре, а в другом месте на ту же букву. Мы в Хосписе. Россия умирает. И мы должны благословлять главврача Хосписа и весь медицинский персонал за то, что мы с вами умираем медленно и небольно. Любая же попытка смены менеджмента Хосписа приведет к весьма болезненному взрыву и только

ускорит летальный исход. Поэтому она медицински противопоказана и санитары будут пресекать ее самым решительным образом. Разумеется, исключительно ради блага самих же пациентов.

Так, в масштабе всей страны реализуется один из глубинных архетипов русского национального подсознания — путник , сладко засыпающий в метель в теплом сугробе.

Только теперь это современный, начиненный новейшими наноинфополиттехнологиями сугроб. В угасающее сознание пациентов регулярно впрыскиваются дозы патриотического обезболивающего: «Боевики загнаны в горы», «Рубль становится мировой резервной валютой», «Доминируем на постсоветском пространстве», «Нас с Великим Китаем полтора миллиарда человек», «Абрамович купил крупнейшую в мире яхту», «Российская дипломатия наносит сокрушительные удары по пиндосам».

Как спится, Русь-тройка? Есть ли жизнь после этой смерти?

Не дает ответа.

Наши диспуты *31.08.09*

Каждое произведение искусства, в том числе и литературное, следует судить по законам его жанра. Текст члена правления Института современного развития Евгения Гонтмахера «Революции не будет — будет бунт» (см. www.specletter.com/obcshestvo/2009-08-25) по сути своей — классическое, известное как в восточной, так и в западной традиции письмо благородного мужа Государю. (Николай II перед катастрофой 1917 года получал немало таких посланий.)

Прежде всего бросается в глаза решительная и драматическая для члена правления ИНСОР'а смена персоны Государя. Со дня основания ИНСОР позиционировал себя как мозговой и пропагандистский штаб взошедшего чудесным образом (видимо, через непорочное политическое зачатие) на престол либерального государя Дмитрия Анатольевича. В своих многочисленных интервью, статьях, докладах сотрудники института развивали идеи осторожной, постепенной либерализации сверху, порождавшие в обществе трепетные ожидания грядущей медведевской оттепели.

При этом они старательно обходили проблему огромного слона в лавке — национального лидера Владимира Владимировича Путина, за десятилетие своего правления

— создавшего криминальную экономику своих друзей — абрамовичей и тимченок, ковальчуков и чемезовых (а в последние годы уже и повылезавших из каких-то щелей родственников — шеломовых и путиных);

— последовательно удушившего все ростки гражданского общества;

— опустившего в извращенной форме и с особым цинизмом СМИ и правосудие;

— катастрофически испортившего отношения России со всеми ее соседями — от Белоруссии до Узбекистана.

Молчаливо предполагалось, видимо, что в процессе живительной медведевской либерализации этот слон (или скорее другое копытное) куда-то незаметно исчезнет.

И вот наконец самый яркий, самый талантливый и самый честный из них Е. Гонтмахер воскликнул: *Хватит притворяться и врать самим себе, господа. Нет у нас никакого либерального государя Дмитрия Анатольевича. Медведев у власти уже полтора года, и никакого зазора между президентом и премьером нет. Один у нас народ, один рейх и один Государь. Вот ему-то и надо писать письма о модернизации.*

Так 25 августа 2009 года мертворожденная медведевская оттепель была официально спущена в сортир ее же трубадурами. По высочайшему повелению, надо полагать, что само по себе тоже весьма знаменательно.

Непотопляемый ИНСОР немедленно открывает свой новый политический сезон, на этот раз путинской «хрущевизации». Найдя, наконец, своего настоящего государя-опера, Е. Гонтмахер обращается к нему с двумя судьбоносными тезисами на классическую тему «А знаешь ли ты, Путин, что такое добродетель?» —

1) *Продолжение Вашей политики, Ваше Величество, приведет к бунту, бессмысленному и беспощадному.*

Гонтмахер пугает, а Путину не страшно. У него ведь есть и другой либеральный эксперт, г-н Радзиховский, который уже математически доказал, что никакого бунта-с не будет, а будет медленное и довольно продолжительное гниение-с. Чтó Путина со всей его бригадой вполне устраивает как с метафизической точки зрения, так и с практической.

2) *Покорнейше призываю Вас, Государь, развернуться лицом к народу и проблемам, которые стоят перед Россией, и начать всестороннюю модернизацию. Другого человека, Ваше Величество, способного как-то повлиять на ситуацию, у нас нет. Есть для Вас, конечно, некоторые риски, но с Вашим-то политическим профессионализмом и дальнозоркостью Вам, в отличие от Горбачева, нечего опасаться. Вы ведь не Медведев какой-нибудь, который только что вдруг обнаружил, что у нас много пьют.*

Гонтмахер уговаривает, а Путину почему-то вспоминается недавний манифест того же автора под тираноборческим заголовком «На Обломках Самовластья» —

«*Чтобы получить реальные шансы на успех, необходимо в максимально короткие сроки заменить нынешнюю правящую элиту, доказавшую свою неспособность противостоять реальным угрозам для России*» (02.03.09 — «Континент», № 139).

Путин сопоставляет два текста и разевает рот от удивления...

Предлагая вниманию наших читателей статью, предложенную нам известным немецким ученым Андреасом Умландом, уже выступавшим на страницах «Континента», мы полагаем, что она будет особенно интересна им тем, что выраженный в ней взгляд на некоторые русские наши проблемы, все более, к сожалению, актуальные, принадлежит человеку из страны, где явления, о которых он пишет, получили в свое время особенно яркое свое воплощение.

Андреас УМЛАНД

КОРИЧНЕВАЯ СТРЕЛКА

Взлет Международного «Евразийского движения»

За последние десть лет различные формы национализма превратились в неотъемлемую часть повседневной политической и общественной жизни России. Расистская субкультура, заразившая часть российской молодежи, становится все более агрессивной, и это находит свое отражение в целом ряде исследований, предпринятых российскими и международными обозревателями. Деятельность новых праворадикальных организаций, таких как Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ), сегодня освещается прессой, комментируется учеными и журналистами.

Однако гораздо меньшим вниманием в России и вне ее пользуются аналогичные тенденции в российской интеллектуальной среде, — и это несмотря на то, что их последствия все ощутимей в мышлении и действиях российских элитных кругов, политических и общественных лидеров РФ. Сегодня, что совершенно очевидно, радикальным антиамериканизмом и другими фобиями того же рода характеризуются не только маргинальные группы: заражен всем этим и российский мейнстрим. Тем не менее в большинстве описаний этого феномена источники и каналы подобных тенденций недостаточно освещены.

Среди множества крайне антизападных публицистов и теоретиков, презентующих свои идеи на сегодняшнем российском медийном и книжном рынке,

---

Андреас УМЛАНД — родился в 1967 г. в Йене (Тюрингия). Магистр политических и кандидат исторических наук, работал в Стэнфордском, Гарвардском, Уральском, Оксфордском, Киевском университетах, Уральской юридической и Киево-Могилянской академиях. Научный сотрудник Института исследований Центральной и Восточной Европы в г. Айхштетте (Бавария), главный редактор книжной серии «Советская и постсоветская политика и общество», соредактор журнала «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры», администратор веб-архива «Русский национализм». Живет в Германии.

особой предприимчивостью как политические идеологи и активисты выделяются Александр Дугин и его сторонники. Кружку Дугина удалось проникнуть в российские государственные органы, СМИ, гражданское общество и академические круги более глубоко, чем его многочисленным конкурентам. Как следствие, дугинские идеи стали предметом десятков научных и публицистических текстов, опубликованных в России и на Западе. В то же время Дугин и его последователи в таких разборах часто представляются «случайными» персонажами. Вместо того чтобы рассматривать их в качестве полноценного политического феномена, дугинцев зачастую трактуют как специфический постсоветский курьез. Иногда их идеи служат скорее иллюстрацией степени российской фрустрации после падения советской империи, нежели всерьез воспринимаются как выражение и двигатель более широких трендов в современном российском дискурсе. В других случаях Дугин и его последователи анализируются с должной серьезностью, но изображаются всего лишь анахронизмом — тоскующими по прошлому империалистами или же просто особо радикальной формой российского антиглобализма. Но в любом случае современные и постмодернистские аспекты, а также очевидный неофашизм воинственной дугинской идеологии по большей части остаются недооцененными. Впечатляющий общественный успех и политические последствия распространения «дугинизма» в постсоветском обществе сегодня не осознаны до конца ни в России, ни на Западе.

Рассмотрим связи Дугина в политических и академических кругах нескольких постсоветских стран, а также Турции. Это представляется особенно важным, поскольку в журналистской и научной литературе, несмотря на относительно большое внимание к дугинскому феномену, связи эти отражены далеко не полностью.

Члены Высшего Совета Международного «Евразийского движения»

Дугин, в начале и середине 1990-х годов бывший не более чем одним из десятков постсоветских маргинальных конспирологов, за последние десять лет стал уважаемым комментатором и цитируемым аналитиком в области современной мировой политики — и, в частности, российской внешней политики. Это произошло несмотря на его откровенный интерес к институту СС «Аненэрбэ» («Наследие предков»), на восхищенный прогноз наступления в России «фашистского фашизма» и на целый ряд подобных заявлений в начале и середине 90-х.

Подъем Дугина начался в 1998 году, когда он стал официальным советником спикера Госдумы Геннадия Селезнева, одного из тогдашних лидеров становящейся все более националистической КПРФ. Неожиданное назначение Селезневым Дугина официальным чиновником президиума нижней палаты российского парламента стало началом прорыва правого экстремиста в политический истеблишмент РФ. С тех пор присутствие и вес Дугина в российской политической и интеллектуальной жизни с каждым годом росли.

Со времени основания в 2001 году Общественно-политического движения «Евразия» главная организация Дугина Международное «Евразийское движение» (МЕД) включала ряд высокопоставленных государствен-

ных деятелей, среди которых были бывший министр культуры РФ Александр Соколов, председатель Комитета по международным делам Совета Федерации РФ Михаил Маргелов, бывший советник президента Ельцина и посол РФ в Дании Дмитрий Рюриков, тогдашний начальник отдела политических партий и общественных организаций Министерства юстиции РФ Алексей Жафяров и другие.

Эти деятели больше не упоминаются на интернет-сайте МЕД и, возможно, порвали свои связи с Дугиным. Но МЕД и сегодня имеет поддержку некоторых высокопоставленных особ в качестве членов своего Высшего Совета. В начале апреля 2009 года этот список включал следующих государственных и общественных деятелей:

— вице-спикер Совета Федерации РФ Александр Торшин,

— советник президента РФ Асламбек Аслаханов,

— президент Республики Южная Осетия Эдуард Кокойты,

— ведущий авторской программы телеканала ОРТ «Однако» и шеф-редактор еженедельного политического журнала «Профиль» Михаил Леонтьев,

— бывший заместитель министра иностранных дел и сегодняшний посол РФ в Латвии Виктор Калюжный,

— министр культуры Республики Якутия (Саха) и ректор Арктического государственного института культуры и искусств Андрей Борисов,

— руководитель территориального управления Госкомимущества РФ «Московский государственный университет» профессор Зейдула Юзбеков,

— верховный муфтий Центрального Духовного Управления мусульман России и европейских стран СНГ Талгат Таджуддин,

— президент Национальной ассоциации телерадиовещателей, член правления Академии российского телевидения Эдуард Сагалаев,

— председатель Совета Послов России и президент Общества российско-турецкой дружбы «Рутам» Альберт Чернышев,

— главный редактор газеты «Красная звезда» Николай Ефимов,

— президент компании экспертного консультирования «Неокон» и основатель веб-сайта Worldcrisis.ru Михаил Хазин,

— академик РАН, вице-президент Общества грузин в России Северян Цагаришвили,

— председатель Конгресса народов Горного Алтая, секретарь по вопросам национальностей Союза писателей России Бронтой Бедюров.

Кроме того, Высший Совет МЕД включает в себя ряд должностных лиц из стран СНГ. Среди них в апреле 2009 года были:

— ректор Евразийского Национального университета им. Льва Гумилева в Астане Сарсынгали Абдыманапов,

— посол Республики Кыргызстан в России и председатель совета директоров компании «Postnoff» Апас Джумагулов,

— ректор Академии управления при администрации президента Беларуси, директор НИИ теории и практики государственного управления республики Беларусь Евгений Матусевич,

— ректор Кыргызско-российского Славянского университета в Бишкеке Владимир Нифадьев,

— директор Института истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша при Академии наук Таджикистана Рахим Масов,

— ректор Западно-Казахстанского государственного университета им. Махамбета Утемисова в Уральске Туякбай Рысбеков,

— лидер Прогрессивной социалистической партии Украины Наталья Витренко.

Наконец, следует отметить, что в состав Высшего Совета дугинского движения согласились войти, судя по интернет-сайту МЕД, и некоторые публичные фигуры «дальнего зарубежья». Среди них:

— председатель Рабочей Партии Турции Догу Перинчек (осужденный в Швейцарии за непризнание турецкого геноцида армян в 1915–1917 годах, в данный момент под арестом в Турции из-за своего участия в подпольной группе «Эргенекон»),

— французский генерал ВВС в отставке и руководитель форума «За Францию» Пьер-Мари Галлуа,

— директор Центра центральноазиатских и кавказских исследований Лулеа (Швеция) и редактор журнала «Центральная Азия и Кавказ» Мурад Есенов,

— доцент факультета политических исследований Университета префектуры Ивате (Япония) Юкико Куроива,

— конспиролог, автор книги «Путин и Евразийская империя» Жан Парвулеско[1],

— издатель миланского журнала «Евразия: геополитические исследования» (в редколлегию которого входит также Дугин) Тиберио Грациани,

— председатель Конгресса сербов Евразии (KSEA) Мила Алечкович-Николич и генерал сербской армии в отставке, один из лидеров Радикальной партии Сербии Божидар Делич.

Дугин и фашизм

В то время как причины близости к Дугину некоторых из перечисленных выше политических и общественных деятелей очевидны, основания вступления в МЕД других остаются загадкой. Как упомянуто, в течение 1990-х Дугин неоднократно превозносил в скрытой или явной форме межвоенный европейский и современный русский фашизм. Например, в одной из своих первых книг «Гиперборейская теория», написанной в 1990 и опубликованной в 1993 году, он пишет: «Там, где есть хотя бы капля арийской крови (которая, кстати, может прийти и не через славян, а через тюркские, кавказские и, естественно, европейские народы), есть шанс расового пробуждения, "воскрешение арийского примордиального сознания"». Противопоставленный арийцу «человек-зверь — это не только не-человек (как обычные звери), это анти-человек»[2].

Самые откровенные оправдания фашизма можно найти в программных статьях «Левый национализм» (1992 год), где Дугин хвалит «русский

[1] *Parvulesco J.* Vladimir Poutine et l'Eurasie. Charmes, 2005.

[2] *Дугин А.* Гиперборейская теория. Опыт ариософского исследования. М., 1993. С. 5, 74–75, 100.

фашизм» как «сочетание естественного национального консерватизма и страстного желания истинных перемен»[3], или «Фашизм — безграничный и красный» (1997 год)[4], где он предвидит, что «в полной мере родится и окрепнет в России фашизм подлинный, настоящий, радикально революционный и последовательный, фашистский фашизм». Эти статьи открыто выставлены на официальных сайтах лидера МЕД www.arctogaia.com и www.my.arcto.ru. Более того, некоторые из этих статей 1990-х годов переведены на иностранные языки. Они цитировались в российских и зарубежных научных и публицистических разборах Дугина и его движения.

Правда, Дугин, по очевидным причинам, дистанцировался от немецкого нацизма, временами решительно порицает гитлеровские преступления и сегодня часто позиционирует себя как «антифашиста». Тем не менее в некоторых случаях он, по-видимому, не мог не признать важность, среди прочих режимов, Третьего Рейха как модели для своих собственных идеологических конструкций. Например, в статье «Консервативная революция: Третий Путь» (1991) Дугин пишет: «Наиболее полным и тотальным воплощением (хотя надо признать, что и не самым ортодоксальным) Третьего Пути был германский национал-социализм», и таким образом, «поражение Германии во Второй мировой войне было сокрушительном поражением всей идеологии Третьего Пути», — т. е. именно той идеологии, представителем которой Дугин себя видит в сегодняшней России[5].

В своей программной статье «Метафизика национал-большевизма» (1997) Дугин рисует будущее России так: «По сторону "правых" и "левых", единая и неделимая Революция, в диалектической триаде — "*Третий Рим — Третий Райх — Третий Интернационал*"... Эта Последняя Революция — дело ацефала, безголового носителя креста, серпа и молота, коронованного вечной свастикой солнца»[6].

Под псевдонимом «Александр Штернберг» поэт Александр Дугин в 1994 году рифмует: «И немые солдаты, что так бесполезно погибли, установят на троне из льда двухголовый скелет... Из замшелой могилы восстанет сияющий Гиммлер и туманом глазниц обоймет Абсолютный Рассвет»[7].

Не далее чем в марте 2006 года, когда Дугин уже был полноправным членом московского политического истеблишмента, он в онлайн-конференции KM.ru публично признал, что его идеология близка сложившейся в межвоенной

---

[3] URL (последний просмотр 4 апреля 2009): http://arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1225.

[4] URL (последний просмотр 4 апреля 2009): http://my.arcto.ru/public/templars/arbeiter.htm#fash.

[5] URL (последний просмотр 4 апреля 2009): http://my.arcto.ru/public/konsrev/3way.htm.

[6] URL (последний просмотр 4 апреля 2009): http://my.arcto.ru/public/templars/teor.htm.

[7] URL (последний просмотр 4 апреля 2009): http://imperium.lenin.ru/LENIN/27/avatara.html.

[8] URL (последний просмотр 4 апреля 2009): http://www.km.ru/conference/index.asp?data=01.03.2006%2011:00:00.

Германии идеологии братьев Отто и Грегора Штрассеров[8]. В этом интервью, текст которого был выставлен и на интернет-сайте МЕД[9], Дугин представил братьев Штрассеров как принадлежащих к антигитлеровскому крылу немецкого левого национализма. При этом он «забыл» упомянуть, что Штрассеры в свое время сами были ведущими национал-социалистами и играли важную роль в подъеме НСДАП во второй половине 1920-х. Впоследствии они действительно выступали против Гитлера, но делали это изначально как члены руководства нацистской партии. Йозеф Геббельс начинал свою карьеру в НСДАП личным секретарем Грегора Штрассера и, несмотря на свой «левый» уклон, впоследствии, как известно, стал одним из ближайших соратников Гитлера. Сегодня «штрассеризм» является важным подразделением мирового неонацизма — международного политического движения, членом которого, по-видимому, приходится считать и Александра Дугина, на фоне его недавно заявленной близости к Штрассерам.

Михаил Леонтьев и Иван Демидов как сподвижники Дугина

Приведенных деталей как будто достаточно, чтобы подобная личность и ее организация не воспринимались серьезными исследователями в качестве объектов, достойных глубокого политологического анализа. Дугин и Ко, как кажется на первый взгляд, являют собой феномен, изучение которого лучше предоставить культурологам, психопатологам, социологам или, в лучшем случае, историкам современности. Однако дело обстоит иначе, и приведенный выше список бывших и настоящих членов Высшего Совета МЕД — наглядная иллюстрация того, что Дугин нашел себе сегодня место в мейнстриме российской политической и интеллектуальной жизни. Он публикуется в ведущих печатных изданиях РФ и принимает участие в политических и академических круглых столах и конференциях на территории СНГ, а иногда и за пределами бывшего Советского Союза.

Одним из наиболее значимых соратников Дугина является уже упомянутый политический комментатор российских электронных и печатных СМИ Михаил Леонтьев. Однажды названный «любимым журналистом Путина», Леонтьев только недавно стал официальным членом Высшего Совета МЕД, хотя он принимал участие в учредительном собрании дугинского движения в 2001 году и был тогда коротко упомянут в списке членов руководства этой организации на интернет-сайте движения «Евразия». С тех пор Леонтьев несколько раз предоставлял Дугину возможность высказать свои взгляды массовой аудитории в прайм-тайм-шоу на Первом телеканале. Регулярные тирады Леонтьева, одного из наиболее известных российских пропагандистов антиамериканизма, против Запада в целом и США, в частности, очевидно, вдохновлены дугинскими манихейскими схемами. Лично Дугин предпочитает привлекать только ограниченный круг политических активистов и молодых интеллектуалов СНГ. Но с помощью таких телевизионных программ, как «Однако» Леонтьева, закодированная форма «дуги-

[9] URL (последний просмотр 4 апреля 2009): http://evrazia.info/modules.php?name=News&file=article&sid=2948.

низма» почти ежедневно достигает большинства российского населения, а также телезрителей за пределами РФ.

Еще одна достойная упоминания фигура с неофициальными, но, судя по всему, такими же тесными связями с Дугиным — это небезызвестный телепродюсер и пиарщик Иван Демидов. В конце 1980-х и начале 1990-х Демидов получил известность, участвуя в таких популярных телевизионных проектах, как «Взгляд» или «Музобоз». В те годы он, как в начале своей карьеры и Леонтьев, был представителем нового поколения медиа-фигур западного образца, которые помогали эмансипировать российский общественный дискурс от советских традиций. Но в новом столетии имидж Демидова изменился: он стал ведущим одного из наиболее откровенных националистических ТВ-шоу России «Русский взгляд», транслировавшегося еженедельно на канале «Московия». В 2005 году Демидов стал одним из основателей нового националистического кабельного телеканала «Спас», где Дугин получил свою собственную еженедельную программу под названием «Вехи». Примерно в это же время Демидов становится политиком: якобы по предложению Путина он был назначен главой «Молодой гвардии», молодежной организации «Единой России». Некоторое время Демидов руководил так называемым Русским проектом партии «Единая Россия», целью которого было привлечение этноцентристски ориентированных русских интеллектуалов к партии власти.

В 2008 году Демидов был назначен начальником идеологического управления политического департамента ЦИКа «Единой России», т. е. главным идеологом путинской партии. За несколько месяцев до этого в интервью сайту Evrazia.org Демидов признался в том, что появление Дугина было «безусловно, решающим фактором, некоей переломной точкой» в его жизни и что он намерен использовать свои таланты для воплощения идей Дугина. Демидов назвал себя, со ссылкой на эти идеи, «убежденным евразийцем»[10].

По странному совпадению, этой же фразой пятнадцатью годами ранее Дугин в изначальной версии своей основополагающей статьи «Великая война континентов» (1991–1992) охарактеризовал обергруппенфюрера СС Рейнхарда Гейдриха — главного организатора Холокоста (до июня 1942 года, когда он был убит чешскими партизанами).

1 апреля 2009 года Демидов был назначен главой департамента гуманитарной политики и общественных связей управления внутренней политики администрации президента РФ. В этой должности Демидов будет нести ответственность за отношения президента с религиозными организациями, т. е. прежде всего с РПЦ. В мае 2009 года Демидов назначен ответственным секретарем учрежденной Д. Медведевым Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

Тактика мимикрии

Самому Дугину также недавно удалось глубже внедрится в общественную жизнь России. В 2008 году он был назначен профессором социологи-

[10] URL (последний просмотр 4 апреля 2009): http://evrazia.org/print.php?id=164.

ческого факультета Московского государственного университета им. Ломоносова, где теперь возглавляет т. н. Центр консервативных исследований (несмотря на то, что москвич Дугин приобрел свои академические дипломы в малоизвестных вузах юга России). Это назначение не только дает Дугину дополнительную возможность дальнейшего проникновения в российский мейнстрим путем использования авторитетного титула «профессор МГУ», а также престижного места для проведения своих пресс-конференций и различных встреч. Активное употребление Дугиным термина «консерватизм» продолжает его раннюю стратегию камуфлирования своей доктрины терминологией, соответствующей сегодняшней российской и международной политкорректности.

Будучи на краю российской политической жизни, в начале-середине 1990-х Дугин публично описывал свою идеологию как программу «консервативной революции»; эту конструкцию он употреблял для определения фашизма — или же доктрины «национал-большевизма», российской версии национал-социализма, как на это намекают цвета флага Национал-большевистской партии, сооснователем которой Дугин был в 1994 году. Начав свое вхождение в истеблишмент, он сместил акцент, и в ход для самоопределения пошли такие термины, как «евразийство» и «традиционализм», хотя «неоевразийская» идеология Дугина в своих основных положениях отличается как от классического евразийства Петра Савицкого и Николая Трубецкого, так и от интегрального традиционализма Рене Генона и Фритьофа Шуона.

Сегодня Дугин публично позиционирует себя как поборник «консерватизма», хотя его закулисная долгосрочная программа остается, в аспекте как ее внутри- так и внешнеполитических целей, яро революционной.

Успех подобной тактики был проиллюстрирован недавно, когда один из активистов дугинской молодежной организации Евразийский Союз молодежи художник Алексей Беляев-Гинтовт был награжден премией Кандинского, учрежденной Deutsche Bank (заметим в скобках: решение спорное в любом случае, ввиду различий в характере произведений Кандинского и картин Беляева-Гинтовта). Тот факт, что один из сторонников Дугина получил престижную немецкую премию, был гордо представлен дугинскими организациями как доказательство состоятельности и серьезности их интеллектуального и политического проекта.

Ввиду глубины и разнообразия связей Дугина с российскими высшими политическими и культурными эшелонами сложно представить, как его сегодняшнее влияние может быть ограничено или, по крайней мере, как приостановить его будущий рост. В то же время недавние политические тексты и действия Дугина указывают на то, что по сравнению с откровенно фашистской фазой начала-середины 1990-х сегодня изменились скорее терминология и поведение, нежели идеология и цели этого человека.

Если Дугину и его последователям удастся и далее увеличивать свое влияние в высших российских политических и общественных кругах, новая «холодная война» будет, видимо, наименьшей из неприятностей, которые стоит ожидать миру в следующем десятилетии.

У нас в гостях
«Новая газета» и журнал «The New Times»

Приглашаем вновь читателей на страницы рубрики, о характере и назначении которой мы рассказали в предыдущих номерах. Продолжая в ее рамках сотрудничество с дружественными нам «Новой газетой» и журналом «The New Times», мы выбрали на этот раз для воспроизведения два материала. Это опубликованная в «Новой газете» (№ 75) яркая и страстная статья Сергея Ковалева о гражданской ответственности нынешней российской интеллигенции и интервью Евгении Альбац с Борисом Березовским («The New Times» № 28). Познакомить наших читателей с этим последним материалом нам показалось важным и полезным не столько потому, что в нем рассказано о целом ряде тех фактических обстоятельств, с которыми был связан приход Путина к власти, — они, в общем, давно уже перестали быть для кого-нибудь секретом. А вот о том, с каким политическим цинизмом «управляли» страной все эти *Бори, Вали, Саши, Тани* и т. д. — вся эта кремлевская верхушка, к которой принадлежал тогда и Б. Березовский и которая была абсолютно уверена, что не только может, но и полное право имеет любыми методами продвинуть и навязать стране в президенты любого своего ставленника, лишь бы он был *своим*, — об этом Березовский рассказывает в своем интервью с совершенно поразительной, в сущности, откровенностью, вряд ли даже им самим осознаваемой. Слишком уж все это в порядке вещей для нашей правящей компании, для ее «реальной политики». Но тем выше цена этих невольных свидетельских откровений и признаний одного из главных российских кукловодов 90-х годов, приведших к власти нынешнего, главного. Тем более дорогого они стоят.

Сергей КОВАЛЕВ

ГРАЖДАНСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

Мне кажется уместным и даже необходимым в заметке на эту тему иметь в центре внимания протестные движения в СССР и в Восточной Европе начиная с 60-х — 80-х годов прошлого века.

Независимая гражданская активность в СССР того времени ни в малейшей мере не была политической оппозицией. Эта активность была бесстрашной, открытой, наивной, непримиримой к тогдашнему официозу, но отнюдь не заявляла собственных политических целей и не была массовой. Нас называли инакомыслящими, диссидентами, позднее правозащитниками, но никогда — политиками. Впрочем, следователи и прокуроры настойчиво убеждали вас признать, будто вы имели сугубо политическую цель при помощи клеветы ослабить государственную власть, вызвать внутрен-

нюю неустойчивость и международные осложнения. Однако, постановив приговор, вам говорили: «Какой вы политический заключенный? Вы уголовник». Власть, диктовавшая приговоры, смотрела на нас со страхом и злобой, и это можно понять. Уж они-то хорошо знали, сколько весит правда, произнесенная вслух.

Разумеется, каждый из нас и без Рейгана отлично понимал, что мы живем в Империи Зла и что достойным людям надлежит жить в ином государстве. Мы уверенно отвергали революционное насилие, но не сомневались, что КПСС никогда и не подумает уйти в отставку.

Судите, насколько пригодны были условия для мирной, но непримиримой политической оппозиции в стране, в которой еще вчера малейшее несогласие с властью незамедлительно вело на плаху.

Впрочем, среди нас были тогда и составлявшие ничтожное меньшинство «реальные политики», серьезно полагавшие, что они уже создают весомую политическую оппозицию, либо хотевшие вскоре ее строить (дело, похоже, сводилось к пышным названиям, например, ДДСС — Демократическое Движение Советского Союза). По-моему, это были скорее склонности, направление мыслей, нежели что-то действительное. Частично это были коммунисты, тогда еще сохранявшие свои убеждения (самый значимый, яркий и достойный пример — Петр Григорьевич Григоренко); подчас такие политические поползновения отражали некую традиционность мысли, амбициозность, даже некоторое легкомысленное, по-моему, тщеславие (П. И. Якир и В. А. Красин); были и явно талантливые, несостоявшиеся по русской судьбе политики, как В. К. Буковский. Не буду уходить в подробности об этом, вряд ли определяющем, направлении протестов 60-х – 80-х. Это не моя тема.

Большинство же, распространяя «Самиздат», протестуя против репрессий, безропотно отправляясь в тюрьму, учреждая подпольную независимую периодику (знаменитая «Хроника»), нимало не рассчитывали успеть увидеть политические сдвиги. Помню, как Б. И. Цукерман, один из самых высоких авторитетов той волны, на реплику о том, что Византия 300 лет заживо гнила, прежде чем рухнуть, задумчиво ответил: «Что ж, 300 лет меня вполне устраивают».

Наша «аполитичность» и была коренным советским отличием от стратегии наших европейских братьев, стратегии великих бескровных революций.

Не претендуя на основательность, позволю себе некоторые замечания о причинах, особенностях, внутренней логике нашей позиции.

Серьезная политическая борьба немыслима без обращения к обществу. С ***чем*** же и к ***кому*** могли мы обратиться в брежневском СССР?

Мы хотели знать правду и говорить правду, как она есть, независимо от того, кому она выгодна.

«Хватит врать» и еще «соблюдайте собственные законы» — вот, в грубых чертах, основание нашей позиции, границы, в которых она развивалась. Это то, с ***чем*** вышли бы мы к народу, если бы какое-то «обращение к народу» могло состояться. Не так уж мало, по правде говоря, хотя заведомо недостаточно. Теперь посмотрим, ***кому*** же это было бы адресовано.

Увы, наша правда не нужна была обществу. 999 из тысячи были шокированы или оскорблены ею, в лучшем случае полагали ее тщеславной по-

пыткой неудачников обрести известность, либо опасной игрушкой прожектеров, витающих в облаках.

Иначе и не могло быть: все мы родом из советского народа. Что же это за народ?

Многие успехи успешного менеджера, И. В. Сталина, были обусловлены едва ли не главным его успехом — селекционным. Сталин вывел, ни много, ни мало, «новую историческую общность» — советский народ. Терпеливый, раболепный, подозрительный, злобно презирающий рефлексии, значит интеллектуально трусливый, но с известной физической храбростью, довольно агрессивный и склонный сбиваться в стаи, в которых злоба и физическая храбрость заметно возрастают. Вообще-то эти свойства есть в любом народе, разница только в выраженности. Сталинские селекционные критерии, признаем, были весьма высоки. Эти качества прямо планировались. Вспомним, как надоедливо вдалбливалась в головы печатью и добровольно-принудительными собраниями суперважная государственная задача: развитие в народе этих свойств, необходимых строителям коммунизма, но называемых, разумеется, совсем иначе — патриотизм, сознательность, бдительность, верность родной партии и проч. Сталин отлично понимал, что без такого народа, всецело и искренне подчиненного ему, его жесткие, императивные, втиснутые в минимальные сроки государственные планы рухнут.

Работа велась стандартным продуктивным методом; профессионально он называется «селекция на провокационном фоне».

Если селекционер выводит, например, растения, устойчивые к болезни, он заражает этой болезнью всю делянку. Это и есть провокационный фон. Селекционер использует выжившие (самые устойчивые) экземпляры как материал для скрещиваний, новых отборов и т. д. И. В. Сталин вел свой отбор на страх, раболепие, подлость вполне сознательно, хотя не думал, конечно, в понятиях сельскохозяйственной селекции.

Селекционной делянкой, ясно, были лагеря, раскулачивание и коллективизация, но не только. Чистки, проработки, верноподданные митинги и демонстрации, гражданский долг доносительства, уроки ненависти на политучебе, просто учеба с ее промывкой мозгов и проч. Мне возразят, что уж это не отбор, а воспитание. Это так; воспитание еще важнее в направляемой народной эволюции. Однако в перечисленном есть и опосредованный селекционный момент. Но это вопрос для специалистов, при том нелегкий. Напомню только, что Ю. Н. Афанасьев говорит о такой народной эволюции, происходившей далеко в глубине веков. Он историк, ему видней.

Успех селекции — устойчивость выведенного сорта или породы. Посмотрим, как выглядят сталинские результаты сегодня.

Всего один пример — недавние выборы. Одиннадцать конкурирующих партий. И несколько субъектов так называемой федерации, где результаты близки к чеченским. А в Чечне: 99,5% явились на участки, 99,4% за «Единую Россию». Даже апологеты «Единой России» понимают, что это вранье. По 0,01% в среднем каждому конкуренту «Едроссов» — это уж слишком. Понимает это Путин — и врет. Все первые лица государства публично врут, будто это результат свободного волеизъявления. Все их слушатели знают,

что им врут. Они сами знают, что им не верят даже их сторонники. И сторонники знают, что лжецы точно осведомлены об их недоверии.

Зачем тогда ложь? Ложь — способ обмануть кого-то. Тут никто не обманут — все всё понимают. Мы живем в стране ритуального вранья. Оно нужно просто для того, чтобы продемонстрировать свою приниженную покорность — успокоить власть и бесстыдно, оскорбительно, хамски заявить самооценку общества: дескать, делайте, что хотите; не беспокойтесь, никому не стыдно. Никаких тебе Майданов. Никто не скажет: «Мы не стадо. Мы не позволим с собой так обращаться».

Немного доморощенной статистики. В России 93 тыс. избирательных участков. Чтобы «подправить» результат голосования, технически необходимо не меньше 3–4 членов избиркома. Я вовсе не утверждаю, будто каждая комиссия **всегда** мошенничает. Но каждой из них как-то передан намек о «контрольных цифрах», рекомендованных результатах, и каждая готова соответствовать, если надо. Это значит (учтя еще комиссии выше участковых), что около полумиллиона добропорядочных граждан, никаких не уголовников, либо **совершают** тяжкое преступление, либо **готовы** его совершить. Они не боятся совершить преступление, они боятся его **не** совершить. А сколько тех, кто обслуживает пресловутый «административный ресурс»? Весьма немалая часть избирателей отлично понимают масштабы электорального жульничества — и молчат.

Это и есть красноречивый результат селекции.

Сталин впечатляюще завершил нравственный коллапс нации, который господствует до сих пор. Во времена Хрущева и Брежнева такой упадок усугублялся еще большей, чем сейчас, инерцией страха.

Этот упадок и этот страх, всегда готовый перерасти в панику, были одной из главных причин, почему диссиденты сознательно избегали масштабных организационных усилий. Мы никогда не обращались к обществу. Даже нашим друзьям мы не предлагали подписать какой-то протест, а только прочитать его: нельзя подталкивать личный ответственный выбор. Наши публикации были, по сути, адресованы индивидуально каждому, кто пожелает обратить на них внимание.

Теперь я понимаю то, что тогда ощущалось интуитивно: надежда на постепенное накопление *критической массы* граждански озабоченных, честных, смелых и умных людей, имеющих нравственный авторитет. И единственный способ достижения такой *массы* — дать возможность получить достоверную информацию каждому, кто ее ищет, говорить об общественных проблемах прямо и жестко, осуществлять свободу в несвободной стране «явочным порядком», как говаривали когда-то большевики.

Разумеется, нам хотелось, чтобы наша позиция когда-то (хоть через 300 лет) принесла политические и социальные плоды. Но мы были убеждены, что эти плоды не созреют в обозримое время (Сахаров прямо говорил об этом в известном интервью).

Потому мы не обсуждали отдаленные перспективы, сулившие, что когда-то количество наших земляков, ощутивших потребность вести себя в соответствии с чувством гражданской ответственности, достигнет размеров критической массы — таких, что они смогут воздействовать на общество.

Тут, по-моему, главное отличие СССР от Восточной Европы и нас от наших западных друзей. В Восточной Европе, думаю, в 80-е годы ***уже была такая критическая масса*** — восстановилась довоенная. Соответственно и КОС-КОР, и Хартия-77 обрели политические цели быстро и естественно — им было на что опереться. Кто бы спорил, вожделенная и всеобщая восточноевропейская цель была вырваться из цепких советских объятий. Но и эта национально-освободительная борьба, которая не имела права превратиться в бунт, нуждалась в народной опоре и обрела ее. А ядро такой опоры — немногочисленная часть общества, уважаемая, наделенная чувством гражданской ответственности и привычкой независимо думать — та самая критическая масса.

Увы, мы в России не имеем ее до сих пор. Потому и не было повода рассматривать варианты отдаленного будущего, но были же жизненные, поистине действенные мотивы, определявшие наш выбор.

Главным мотивом было острое ощущение нравственной несовместимости с режимом. Наши решения диктовались упрямым стремлением заслужить право на самоуважение, они были защитой чувства собственного достоинства. Появилось не так уж мало людей, готовых купить себе это право за тюремный срок, — нравственная оппозиция. Эта волна интеллектуалов никакого непосредственного, прямого влияния на политическую эволюцию страны тогда не имела. Тогда только начинало складываться очень важное, но косвенное, опосредованное Западом, влияние, которое сказалось заметно позднее.

Но мы еще не предвидели его близко, да оно и не волновало нас, поскольку мы не ожидали его скорой и решительной роли; конечно, мы радовались, узнавая, что Запад нас слышит, стремились к этому, но нимало не рассчитывали на практические последствия.

Возникает вопрос: помимо самоутверждения был ли хоть какой-то общественно значимый результат наших вызывающе рискованных действий? (Я-то думаю, что спокойная и упрямая публичная независимость группы граждан в тоталитарной стране уже есть общественно значимый фактор, но было ли еще что-то?) Опять сошлюсь на сахаровское интервью. На вопрос: «Зачем Вы делаете что-то, не ведущее к скорому результату?» Андрей Дмитриевич ответил: «Каждый делает, что умеет. Единственное, что умеет интеллигенция, — строить идеал. Пусть строит».

Конечно, Сахаров был прав, говоря о гражданской ответственности интеллигенции. В самом деле, по здравому смыслу, по нашей социальной роли, по совести, по нашим профессиональным навыкам и статусу нам надлежало строить идеал, воплощая в жизнь как раз эту ответственность, которой никогда не руководствовалась наша власть, проявления которой в обществе власть боялась и ненавидела. В дискуссиях на интеллигентских кухнях мы преодолевали советскую ложь, свою изолированность, породившую нашу полуграмотность, разбирались в механизмах представительной демократии, права, в идеологии открытого общества. Оказывалось, что изобретать-то нечего — вот же он идеал, о строительстве которого говорил Сахаров.

Вот готовая, довольно давно состоявшаяся модель, которая вполне успешно работает, обеспечивая государству и обществу способность к дина-

мичному развитию, а каждому гражданину свободу, безопасность, независимость и достоинство. Она делает это, поставив власть под контроль закона и общества, — это так просто и убедительно, чего же еще.

Мы оказались гораздо бóльшими западниками, нежели сама западная элита. Мы приписывали западной политической цивилизации способности, которыми она вовсе не обладала. Не так уж это и странно: мы были явными дилетантами. Дилетант следует прямолинейной логике, не ощущая трудностей или сильно недооценивая их. Профессионал, напротив, уже набил себе шишки в начале дороги. Он хорошо понимает, что можно осуществить и какой ценой, а чего никогда не удастся добиться. Дилетант же просто не желает этого знать, он пленен идеей. Разумеется, в подавляющем большинстве случаев прав профессионал. Зато редчайшие удачи новичков и дилетантов подчас означали кардинальный прорыв в проблеме. Наука хорошо знает такие случаи, да и не только наука.

Мы не просто верили в универсальную ценность Права и Свободы; мы были убеждены, что именно эти ценности и есть движущая сила свободного мира, — они и есть четко осознанная, жестко сформулированная, планомерно и постоянно преследуемая цель его развития; что в этом развитии постепенно создается новая интегральная конструкция мира, свободная от бесстыдной и жестокой борьбы национальных эгоизмов.

Увы, эта благостная картина была неверной, порожденной нашей склонностью принимать желаемое за действительное. Это было грустное открытие, но не убийственное. Идейные основания западной модели все же привлекали нас гораздо больше, нежели текущие реалии.

Мы восприняли идеал в готовом виде, ничем его не усовершенствовав и не дополнив. Кроме одного: мы глубоко осознали **единственность** идеала, его императивный смысл и глобальный масштаб, дающие мировому сообществу шанс на уверенную жизнь в справедливом и безопасном мире. Вот мы и действовали в планетарных границах этого «политического идеализма», тогда еще не названного по имени.

Упомянутые личные мотивы заставляли диссидентский круг, в котором заметно преобладали неверующие и агностики, жить по принципу религиозной морали: «делай, что должно, и будь, что будет». А это значило упрямо действовать так, будто именно от нас зависело внедрение идеала в мировую политику. Напротив, ни один тогдашний политик не осмеливался считать торжественно провозглашенные принципы серьезным государственным обязательством и не верил в их осуществимость. (Президент Картер — исключение, подтверждающее правило.)

Пора резко обозначить противостояние «политического идеализма» и «реальной политики» — центральное противоречие современности, определяющее глобальный нравственный, правовой, политический кризис и настоятельно требующее разрешения.

Коренное различие этих направлений — несовпадение шкалы оценок. Для идеализма на вершине шкалы четко формализованный принцип, норма, процедура **никак ни от какого интереса не зависящие,** но воплощающие совокупность идей (свободы, равноправия, гуманности, — достаточность или

избыточность критериев можно обсуждать) и набор табу. Этот главный приоритет, **и только он**, ложится в основу всех частных решений.

А первый приоритет реальной политики, наоборот, **некий интерес** (суверенитет, геополитические интересы, экономические, да мало ли) или совокупность интересов; в меняющихся обстоятельствах приоритетность интересов меняется, и в конфликте интересов главная роль принадлежит обстоятельствам, а не ценностям. Лицемерие, обман, экспансия, агрессивность, недоверие, закрытость, национальный эгоизм веками были традиционными методами **реальной политики,** оружием дипломатической войны каждого против всех. Продолжением ее хладнокровно признавалась настоящая война. Такими методами не приходилось гордиться, но и скрыть их было невозможно; они считались неизбежными, единственными и потому приемлемыми — даже обязательными. Вот почему ни сталинские миллионные жертвы, ни злобная пропаганда Гитлера, ни едкий позор Мюнхена не были своевременно восприняты в мире как смертельная угроза цивилизации, требующая жесткого ответа. Такой ответ почитался невозможным, политика же — «искусство возможного». Лишь однажды в истории осознали, что это «искусство» зашло слишком далеко; что «возможное» и «невозможное» должно зависеть от нас, от того, что́ **мы** согласны допустить. В середине XX века всерьез показалось, что кровавый кошмар двух мировых войн, химическое и ядерное оружие, Холокост и сталинские депортации народов, наконец, убедили мировое сообщество в необходимости строить новую парадигму, новую политическую конструкцию мира.

В «новом политическом мышлении», провозглашенном А. Эйнштейном, Б. Расселом, А. Сахаровым, М. Горбачевым и многими другими, главенствовал, по-моему, принцип: **«Право вне политики и над политикой»,** — позволявший исключить из «искусства возможного» приемы, приведшие к кошмару. Идеи этого круга я и называю «политическим идеализмом».

Вот почему Устав ООН и Всеобщая Декларация представлялись ключевым моментом истории, необратимым началом нравственного преобразования мира. Не тут-то было.

Перечень примеров циничного пренебрежения международного сообщества к собственным высокопарным заявлениям занял бы тома. Вспомним ковровые и атомные бомбардировки мирных городов; пол-Европы, отданные сталинской тирании. Довольно мифов, никого Советская Армия не освободила — армия, отражавшая атаку агрессора, мгновенно превратилась в орду захватчиков, да еще насильников и мародеров, как только перешла границы СССР. Кем и как вдохновлялось это мародерство, как оно вспыхнуло и развивалось — особая тема. Вспомним также и Нюрнберг, где один людоед судил другого людоеда за каннибализм (вот пример — 3 дня Трибунал слушал эпизод обвинения нацистов в расстреле тысяч польских офицеров в Катыни, а **каждый** участник суда точно знал, кто и когда убил поляков). В этот ряд естественно становится многое из практики Совета Европы, ОБСЕ, Комиссий ООН.

В центре мировой политики по-прежнему амбиции и «геополитические интересы». Традиционная политика приспособила универсальные ценности к делу, как свой рабочий инструмент. Великие принципы отодвинуты в об-

ласть ритуальной риторики и используются ради имитаций. Но воплотить новую парадигму реальная политика не способна — они несовместимы. Лукавое использование ворованных идей дискредитирует их перед публикой.

Еще того хуже — real politics и самые благие намерения всегда и неизбежно ведут в пучину опасной безнравственности. Заявленные высокие цели, отделившись от политической повседневности, превращаются в лозунги — чем более пышные, тем более лживые. В рамках реальной политики совершенно невозможно было не допустить в Нюрнберг катынских палачей; конечно, были неотвратимы и ялтинский сговор и выдача Сталину многих тысяч людей в каторгу и на смерть. И вся русская история последнего полувека не есть ли поглощение искренних намерений реальной политикой? Многие мерзости начала реформации СССР скорее судьба, нежели вина горбачевских «архитекторов перестройки», окруженных злобной сворой политбюро. Видимо, даже и саперные лопатки в Тбилиси, даже и танки в Вильнюсе. Реальная политика тянет кровавую цепь. Тогда, может быть, трагедия Чечни коренится в Сумгаите, Баку, Ходжалы и Вильнюсе и со временем прольется кровью где-то еще? И очень условные президентские «выборы» 1996-го аукнулись нам гаерством, с позволения сказать, «выборов» 2007-го и 2008-го? Заколдованный круг real politics докрутился до Путина. И не вырвавшись из круга, не избыть нам своей раболепной, жестокой и лживой истории. Методы реальной политики подчиняют себе цель, превращая ее в свое подобие, они не годятся для достижения высоких целей. Развилка между реализмом и идеализмом в политике по природе своей не предполагает третьего решения: хочешь не хочешь, придется выбирать из двух.

Я резюмирую. Российское сопротивление режиму не заняло и не могло занять политических позиций. Они означали бы претензии на власть, что в тогдашнем СССР было бы просто смешно. Это не только внешние обстоятельства. В этом и наша вина. Но есть и дарованное историей преимущество. Освобожденные от традиционных политических беспокойств, решаемых традиционными метолами традиционной real politics, мы остались наедине с мучительными вопросами. Речь о том, например, что такое «патриотизм», а что «гражданская ответственность», и, главное, неужели неизбежные столкновения интересов могут разрешаться только оглушительным враньем, шантажом, угрозами, экономическим или силовым давлением, наконец, кровью? И т. д. — об этом вся статья.

Большинство из нас считали, будто мы занимались не политикой, а правом. Это коллективное заблуждение, как раз политика и была нашим делом. Мы не занимались **реальной политикой**, это так. Мы ничего не изобрели, ничем не обогатили идеал. Мы просто честно и упрямо стремились воплотить его в жизнь. Наша политика была в поступках по канонам политического идеализма. В этом наш вклад в наше общемировое дело.

Лидеры же великих восточноевропейских мирных революций в противоположность нам не могли не заявить политических амбиций. Это стало их долгом, исторической ролью, их шансом поддержать свободу в мире, постоянно и повсюду ущемляемую свободу, защищать которую, увы, находится мало охотников. И они блестяще воспользовались этим шансом; они выполнили

эту работу наилучшим образом. Их победы были самым важным положительным общественным событием прошлого века. Вполне ~~сравнимым с победой~~ над фашизмом — во всяком случае, нравственно более чистым. Конечно, в этой работе неизбежно была какая-то доля real politics . Но это была самая минимальная доля, и, наоборот, заведомо преобладал политический идеализм — движущий мотив всей работы. И это тоже не могло быть иначе.

Два сильных фактора определяли, по-моему, такое подавляющее преобладание идеализма. Первый — это природа людей, вступивших в борьбу с тоталитарными режимами. Кос-Кор и Солидарность, Хартия-77 и Народный Фронт — они ведь не были полем для карьеры или поисков достатка! И второй фактор — внутренняя природа оппонентов, тех, кто олицетворял режим. Вот уж они-то в реальной политике, как рыба в воде.

Заметим, что борьба с тоталитарным коммунизмом его же оружием, методами реальной политики — дело вовсе бессмысленное. Если бы кто-то овладел этим оружием достаточно, чтобы драться на равных, так зачем бы ему воевать с режимом? Такому нужно встать в его ряды и искать свое счастье внутри, что мы омерзительно часто и наблюдаем сейчас в нашем отечестве.

А теперь вопрос: что делать сейчас восточноевропейским диссидентам того славного времени, ставшим теперь серьезной политической силой, и нам, упрямому гонимому меньшинству? Есть ли, вообще, что-то, что мы могли бы или даже должны были бы делать вместе?

Есть очень важная работа, для которой нет других работников, кроме них и нас. То есть тех, кто знал, на что идет, и не ждал нечаянных подарков судьбы. Похоже, что мы уже несколько опоздали с этой работой. Это наше общее упущение. Немножко поколебавшись, я бы даже сказал — грех.

По-моему, не нужно даже описывать эту работу, все мы чувствуем ее своей кожей. Нам нужно добиться, чтобы универсальные ценности, в которые мы имеем честь верить всерьез, перестали быть лживыми заклинаниями в опытных политических устах.

Евгения АЛЬБАЦ — Борис БЕРЕЗОВСКИЙ

«БЫЛО ПОНЯТНО: КОГО НИ ПОСАДИ В КРЕСЛО ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА — ОН И ПОБЕДИТ»

В ноябре 2000 года Борис Березовский, тогда один из самых влиятельных людей страны, говорил: «Путин — это тот человек, при котором я не просто могу жить в России, но и могу быть полезным». Спустя год он оказался в эмиграции, спустя 7 лет — заочно осужден к 6-ти годам тюрьмы. Сегодня о своем ставленнике Березовский отзывается не иначе как «предатель».

— Итак, просчитались все: и те, кто ожидал, как вы, что Путин наследует курс Бориса Ельцина, и кто боялся отката в «совок», в репрессии, и те, кто думал, что они смогут Путина контролировать.

— Не согласен. По поводу массовых репрессий — прежде всего. Массовые репрессии реализуются. Каждый день. Просто эти репрессии — и экономические, и политические — не превосходят того, что нужно власти. А есть и те, кто и тогда, и сейчас считает, что для России авторитарный путь — единственно верный.

— А кто, например?

— Те же самые коммунисты. Просто они получили не совсем то, чего ожидали. Они ожидали своего человека, но получили такую исковерканную модель авторитаризма.

— Своего человека — это Евгения Примакова?[1]

— Ну конечно.

Кандидаты

— А была ли альтернатива Путину?

— До кризиса 1998 года была. А потом экономический кризис совпал с политическим, и тогда сначала на Примакове свет клином сошелся, он смог успокоить общество, ничего не сделав, ничего! Но сама его фигура была компромиссная, и если бы он буквально на второй день (после того как возглавил правительство России) не стал бороться со всем новым, что предлагал Ельцин, то тогда тихой сапой он вполне мог бы стать президентом и развернуться во всю свою молодецкую мощь.

— А мэр Москвы Юрий Лужков?

— Категорически был против! Лужков — это такой деинтеллектуализированный Примаков. Посмотрите, что творится в Москве... Они оба из одного теста: просто один — настоящий интеллектуал, а другой — это такой рабоче-крестьянский парень в кепке. Но с одними и теми же идеями.

— Утверждают, что именно вы предложили кандидатуру главы ФСБ Владимира Путина в качестве преемника Ельцина, а Валентин Юмашев (руководитель администрации президента РФ в 1997–1998 годах) и Татьяна Дьяченко (дочь Бориса Ельцина) уже уговорили на то Бориса Николаевича. Путин открыто демонстрировал вам поддержку, когда Примаков устроил за вами охоту. Так?

— Да, это все правда: он тогда пришел на мой день рождения, хотя я его и не приглашал, и на мой вопрос, зачем он это сделал, учитывая мои отношения с премьером (Примаковым), он ответил: «Я сделал это специально». Потом было еще несколько абсолютно уникальных эпизодов в наших личных отношениях, которые все в его пользу, и я думал, что он такой смелый, что он человек новый, новой формации...

---

[1] С сентября 1998-го по май 1999 года — премьер-министр России, до этого — министр иностранных дел и глава Службы внешней разведки.

— А пара личных эпизодов — это?

— Был момент, когда однажды Примаков хотел его снять, поставить на место директора ФСБ своего человека, и Путин повел себя очень мужественно.

— Мужественно — в каком смысле?

— В том смысле, что не поддался давлению Примакова, а у Примакова была огромная власть, и он пошел на конфликт с Примаковым.

Выбор

— И все же: кто предложил Ельцину назначить преемником именно Владимира Путина? В интервью в июле 2000 года вы говорили, что это был Александр Волошин.

— Я не отрицаю: кандидатура Путина была у меня в голове. Более того, если уж на то пошло, я очень конкретно разговаривал с ним на эту тему в феврале 1999 года. Тогда он категорически отверг эту идею, сказал: «Борь, дайте мне "Газпром"». Но вот назначение Путина директором ФСБ — это решение было в стороне от меня. Тогда уже он был представлен Ельцину, я не знаю кем — Валей (Юмашевым) или Сашей Волошиным. А дальше — да, я поддерживал и никогда этого не скрывал.

— Кто убедил Ельцина, что надо отправить в отставку Сергея Степашина (председателя правительства РФ с мая по 8 августа 1999 года)?

— Ну, прямая речь, думаю, принадлежит Волошину, я этого Ельцину не говорил. Обсуждалось это в том числе и со мной, и Волошиным, и Юмашевым, это факт.

— Чем не показался Степашин?

— Степашин оказался совсем слабеньким, он стал ко всем бегать. Всех хотел уравновесить, для всех быть хорошим. Я ему прямо сказал в глаза, мол, ты же назначен практически президентом, что ты ко всем бегаешь? Ко мне бегаешь, к Зюганову, к Чубайсу, к Лужкову? Ну, ходи к Ельцину! Он мне очень симпатичен — и был, и есть, но он просто слабый, слабый как личность.

— А кандидатура Николая Аксененко (первый вице-премьер и министр путей сообщения в кабинете Сергея Степашина) почему не прошла? Его же Роман Абрамович в то время очень поддерживал.

— Ну, потому она тогда и не прошла.

— Почему вы были так уверены, что Путина, которого мало кто в стране знал, да к тому же чекиста, граждане изберут президентом?

— Ой, я столько по этому поводу сказал... Все дело в том, что в России избирают не личность, а кресло — того, кто занимает это кресло. Поэтому, когда убрали Виктора Степановича (Черномырдина) и на его месте появился (Сергей) Кириенко, которого вообще никто не знал, через два месяца

его рейтинг стал 20–30%. Потом появился Примаков, у которого до этого рейтинг вообще был 1%, как у Кириенко, около нуля, и скоро его рейтинг стал 30% за еще более короткое время. Убрали Примакова — стал Степашин. Абсолютно то же самое! Поэтому было понятно, что, кого ни посади в это кресло, даже при ненавистном в то время Ельцине, который его и сажает, кого ни посади в это кресло, любой человек, если премьер-министр и будет выдвинут в кандидаты, непременно победит.

— Ельцин боялся и не любил КГБ — чекисты записывали на пленку его встречи, в том числе и в интимные минуты, писали его в сауне, на даче и т. д., а тут — он доверяет дело своей жизни, по сути — то, как о нем будут судить после жизни, человеку из структуры, для которой демократия — хаос и ересь?

— Я думаю, что основная причина в том, что он оказался в цейтноте. Ельцин понимал, что не пойдет на третий срок, не будет изменять Конституцию, он это понимал, с одной стороны, с другой — гнал это от себя. Он был в цейтноте. В конечном счете он выбрал то и того, кто был ближе. Это оказался Путин. Не случайно он его назначил и директором ФСБ, он делал выбор в пользу своего человека. Из этой структуры, но в пользу своего человека. Я думаю, что он все-таки был так устроен, Борис Николаевич, что не мыслил гражданского на этой (руководство ФСБ. — *The New Times*) работе. Тогда можно копнуть глубже: а почему не сделал что-то с Компартией, почему не поставил ее в один ряд с нацистами? Хотя он, безусловно, был убежден, что они одного поля ягодки. Почему он в конечном счете не разгромил КГБ? Если возвращаться к ошибкам Ельцина, то я считаю, что это две самые большие ошибки Ельцина плюс Чечня.

Операция «Преемник»

— Рейд Шамиля Басаева в Дагестан и, как следствие, вторая чеченская война: некоторые российские СМИ писали, что чуть ли не вы финансировали эту операцию Басаева?

— Это была абсолютно профессиональная спецоперация ФСБ, и никаких сомнений. Степашин тогда был премьер-министром, и я ему рассказывал о своем разговоре с рядом чеченских руководителей, так скажем, которые планировали акцию на август 1999 года. К моему удивлению, Степашин сказал: «Не беспокойся, мы все знаем». Это была провокация ФСБ именно с целью (создать основания для) ответа. И сколько угодно можно говорить, что полевые командиры были сумасшедшими людьми, но они не были идиотами, и это, несомненно, была провокация. Участниками которой, конечно, были чеченские экстремисты.

— То есть это уже развертывалась операция «Преемник», сценарий маленькой победоносной войны?

— Абсолютно. У меня масса фактов. И эта война в Дагестане, и взрывы домов 99-го года — это звенья одной цепи.

— Вы считаете, что Путин не был бы избран, если бы не синдром страха?

— Да конечно бы избрался! Это ровно их гэбэшный менталитет. Это ровно так же, как Коржаков в 1996 году приехал к Ельцину вместе с Барсуковым и еще каким-то персонажем, и они подписали три указа. Это было 17 марта. О запрете Компартии, о роспуске парламента и переносе президентских выборов на два года. Это те же самые их гэбэшные страхи, инстинкт. Они же дико неуверенные люди. Они понимают только так — выломать руки, размозжить голову, запретить, разогнать. Это их язык. В этом смысле Коржаков и Путин из одного детского сада.

— Чекисты проводили операцию в Дагестане без разрешения Кремля?

— Они стопроцентно получили разрешение от Кремля.

— Ельцин об этом знал?

— Сто процентов знал! Конечно!

— Говорят, Ельцин под конец жизни сожалел о своем выборе, говорил Борису Немцову — «но он же (Путин) был совсем другим, все же было по-другому»[2], а Семья — после всего, что случилось за эти 10 лет, — тоже, полагаете, сожалеет?

— Я думаю, что да. Я думаю, что и Волошин понимает, хотя меньше, потому что он интеллектуально слабоват, он не понимал этой демократической концепции государства. Валя (Юмашев) все-таки понимал. Они думали, что Путин, не забывайте, пришел как преемник. Преемник означает преемственность. Преемственность власти, элит. И по существу, Путин совершил предательство, если уж совсем формально подходить. Он пришел как преемник — это факт — и вернул все назад. Он предатель или перевертыш, как хотите.

---

[2] The New Times № 12 от 30 апреля 2007 года.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

в русской сетевой и бумажной периодике
второго квартала 2009 г.

Мы продолжаем знакомить читателей с актуальными публицистическими выступлениями (находя их в бумажной прессе и в Рунете), отличающимися либо оргинальностью и глубиной анализа, либо концептуальной четкостью, либо просто симптоматичностью. В этом обзоре предлагается изложение наиболее примечательных публикаций с сайтов chaskor.ru, ej.ru, gazeta.ru, grani.ru, liberal.ru, liberty.ru, polit.ru, из блогосферы, а также статей в бумажной прессе («Неприкосновенный запас», «Полис», «Россия в глобальной политике», «Свободная мысль» и др.). Кризис в качестве «ревизора» не заставил наших интеллектуалов немо замереть на месте. Но впечатление внутреннего замешательства и — иной раз — неадекватности не чуждо читателю публицистических и аналитических материалов.

Общество

Мировой финансовый кризис — только *повод и спусковой механизм развития полномасштабного российского кризиса.* Так считают экономисты **Дмитрий Фомин** и **Григорий Ханин**. В статье **«Конец воображаемого советского благополучия»** («Свободная мысль», № 3, 4) они пишут, что разразившийся в стране кризис связан с исчерпанностью источников развития общества, несоответствием системы потребностей общества его возможностям. *Российская экономика является экономикой трофейной — ее современная Россия не создавала, а получила в качестве наследия от РСФСР* и теперь проедает. Но *в стране нет воспроизводства — материального, демографического, интеллектуального, кадрового.* С другой стороны, в обществе сформирован *потребительский тоталитаризм*: ценится только то, что приносит доход. Господствует культ потребления, богатства, успеха. Он обосновывает чудовищное социальное расслоение и легитимирует колоссальные состояния. Государство не требует более ни самоограничения, ни подвига, ни жертвенности. Материальная база экономики разрушалась, а потребление росло, что стало объективной предпосылкой кризиса 2008 года, который снимет противоречие, приведя экономику и потребление к одному примитивному уровню. *Снижение жизненного уровня российское общество переживет весьма болезненно.* Ведь для многих потребительские ценности — единственные. *Очень страшен вакуум ценностей.* Надежды авторы связывают только с *обновлением правящего класса.* Но как это сделать? Они не объясняют, но в полтона подсказывают, что без *перехода к мобилизационной форме организации общества и экономики* не обойтись. О как! Какова свобода мысли! Заметим, что эта реакция на кризис (мобилизация-изоляция-репрессии) стала любимой игрушкой наших ортодоксов.

Замдиректора НИИ социальных систем МГУ **Дмитрий Бадовский** в обзорной статье **«Модернизация России: снова на развилке»** («Россия в глобальной политике», № 3, май–июнь) представил панораму проблем. Он предлагает обратить внимание на то, что в риторике власти в 2008 году сменились акценты. В ходе президентских выборов-2008 понятие «стабильность» стремительно сдало позиции, громко и настойчиво зазвучали слова о качественно новом этапе, новых вызовах и задачах для страны. Была объявлена программа развития до 2020 года и т. п. Появилась *идеологема «четырех И» (институты, инновации, инвестиции, инфраструктура), а также проекты совершенствования судебной системы, борьбы с коррупцией и «правовым нигилизмом»*. С другой стороны, заниматься модернизацией собирались не спеша, *на базе постепенного и, скорее всего, достаточно компромиссного, растянутого во времени перерастания прежней стратегии максимальной капитализации конъюнктурного благополучия «нулевых годов» в модернизационный план*. У властей, полагает автор, в нулевые годы по поводу политического развития всегда *присутствовала мысль о том, что оно должно происходить медленно, постепенно и в свое время все, что нужно, обязательно случится*. Когда-нибудь и демократия разовьется по мере роста доходов среднего класса. Бадовский напоминает тут про *предвыборный тезис Дмитрия Медведева о том, что стране нужно обеспечить десятилетку быстрого и устойчивого, но спокойного социально-экономического развития. И тогда Россия-2020 должна, несомненно, стать демократической страной со среднедушевым ВВП в 30 тыс. долларов, средним классом, составляющим 50–60% населения, и диверсифицированной и инновационной, а не сырьевой и рентной экономикой. В общем, оставалось только ждать, что эта стратегия реализуется, а демократия без прилагательных разовьется в «назначенный час» в силу объективных закономерностей*. Однако случился кризис. Далее автор напоминает, что уже полвека страна не справляется с задачами модернизации. Напоследок тому способствовали идеи *максимизации выгод — политических, экономических, внешнеполитических — рентоориентированной сырьевой экономики* — и «энергетической сверхдержавы» как стратегии развития. Сохранение после кризиса прежней рентной модели развития воспринимается частью элиты как предпочтительный сценарий. Но автор считает, что старый социоэкономический и даже политический ресурс практически исчерпан (тут Бадовский согласен с Фоминым и Ханиным), постсоветский период тем самым кончился. По Бадовскому, пятидневная война на Кавказе в августе 2008 года и разрастание экономического кризиса сделали невозможным дальнейшее существование логики «медленного старта» модернизационного курса. Куда ж нам плыть? Бадовский уверен, что инициатива в модернизации по-прежнему должна принадлежать государству. Но нужен и *широкий и внутриэлитный, и общественный консенсус по двум темам*: по поводу признания недопустимости нынешнего отставания и все меньшей конкурентоспособности страны и прежнего курса ее развития — и по вопросу о том, какие цели модернизации являются реалистичными и какую справедливую цену за их достижение готовы заплатить все социальные группы и слои населения. Отсюда вопрос о содержании т. н. общественного договора относительно перспектив развития страны. Автор объясняет, что сейчас существует не один, а два разных договора. Первый

был заключен между высшей властью и населением, так называемым путинским большинством. Этот договор оформлялся на границе 1990-х и нулевых годов в обход значительной части элитных групп, чтобы, опираясь на массовую поддержку и высокий рейтинг, «государство» (то есть именно высшая власть) было вправе наводить порядок, урезонивать элиты — «современное боярство». *Дополнительное соглашение к договору по поводу роста благосостояния, которое было подготовлено в последние «тучные годы», подразумевало обмен политических прав на уровень жизни.* Про этот договор Бадовский более почти ничего не добавляет, полагая, очевидно, что простонародье ныне не у дел и от него ничего не зависит. Как-нибудь умоется. Автор разве что меланхолически указывает на сокращение каналов вертикальной социальной мобильности, замедление карьерных процессов и перспектив, отключение «на профилактику» или за ненадобностью «социальных лифтов». Второй же договор заключался между высшей государственной властью и элитами. Власть требовала от них очень высокой степени лояльности. За это она предоставляла элитам свободу действий на административном рынке (симбиоз власти и собственности, объединенных коррупционными практиками их обмена друг на друга), позволяя им самостоятельно брать, «пилить» и «крышевать», обеспечивая собственное процветание. Те, кто не гарантировал лояльность или потом от нее отказался, вылетели из обоймы. Теперь придется, констатирует автор, пересмотреть этот договорчик. Ведь *для модернизации недостаточно лояльности, необходим иной уровень эффективности, компетентности и дееспособности элит. Кроме того, в парадигме слияния и постоянного переливания власти и собственности отлично проходят операции сложения, вычитания, деления, но не умножения, т. е. создания чего-то принципиально и качественно иного. Однако такой новый внутриэлитный договор должен предусматривать самоограничение элит.* А надо ли им это? По логике автора выходит, что не особенно. *Сегодня Россия во многом является страной победившей бюрократии. Бюрократическое государство все ярче обнаруживает корпоративистские черты, скрупулезно все регламентирует, строит иерархии и вертикали, активно вмешивается в экономику и общественное перераспределение при сохраняющихся больших имущественных и социальных диспропорциях.* В результате в последние десятилетия *коррупция не является каким-то отклонением и повреждением системы, а сама стала системообразующим элементом. Коррупция работает как механизм перераспределения ресурсов, ренты и статусов не только между властью и бизнесом, но и между различными социальными группами.* Бадовскому начинает вдруг казаться, что коррупция выгодна всем. Она является важным *элементом общественного договора. Например, возможность откупиться и обойти закон часто работает как важный механизм, оправдывающий невмешательство общества в дела власти.* Автор разводит руками: *Мы имеем дело с порочным кругом, системой, где причины и следствия перемешались и воспроизводят друг друга с энтузиазмом вечного двигателя. Механизмы повседневного функционирования широкого социального «общественного договора», а не только договора между властью и обществом, сегодня оказываются, пожалуй, важнейшим препятствием для качественного развития страны.* Честно говоря, трудно поверить, что рядовой гражданин хорошо вписался в систему коррупции и ни о чем ином не меч-

тает. Но можно согласиться с автором: для целей российского модернизационного проекта важны проблемы не только *политической либерализации, но и социальной терапии: «демонетизация» ценностей, устранение диспропорций и неравенства «сословности» и «корпоративности» социальных коммуникаций, восстановление социальной динамики и мобильности, возвращение в «общественный договор» принципов доверия и социальной солидарности.* Кому же такое по плечу? Вместо ответа на этот вопрос Бадовский резюмирует так: *Качество и меритократические принципы формирования элиты, а также взращивание эффективных институтов защиты прав граждан и собственности (прежде всего действенной и независимой правовой и судебной системы), конечно же, играют важнейшую роль.*

У **Михаила Делягина** в «Ежедневном журнале» иное видение перспективы. В статье **«Возвращение безысходности»** (1 мая) он предвидит развитие кризиса, который больней всего ударит по моногородам и поселкам городского типа, приведет к смерти предприятий, потере работы и перспектив работниками предприятий реального сектора. *В этих условиях основные силы государства брошены на недопущение политической самоорганизации трудящихся. С одной стороны, это активное применение репрессивного законодательства (попадись нашим правоохранителям Христос, он распятием бы не отделался), с другой — энергичная работа на разложение и дискредитацию любой попытки самоорганизации. <...> Беда в том, что эти усилия не в состоянии отменить стремление десятков миллионов россиян к выживанию, с которым просто несовместимо сохранение нынешнего клептократического государства. Подрывая возможности россиян отстаивать свои права законно и упорядоченно, правящая клептократия лучше любых «экстремистов» готовит тем самым реализацию этих прав в наиболее стихийной и разрушительной форме. <...> Беда не в том, что через несколько лет западная же полиция будет отлавливать нынешних самодовольных «хозяев России» и депортировать их в ограбленную ими страну (хотя бы в рамках подписанных конвенций о борьбе с коррупцией). Беда в том, что стихийный неорганизованный протест неминуемо разрушает значительную часть производительных сил, которые будут жизненно нужны нам для возрождения и модернизации России после оздоровления государства. Но спасти нормальный человеческий быт в государстве, чиновники которого рассматривают его преимущественно как инструмент личного обогащения, по-видимому, нельзя. Клептократия разрушит нормальную (пусть даже очень скудную) жизнь населения России, доведет его до отчаяния, сплотит народ против себя. Главным чувством 2009 года будет безысходность, а 2010-го — ярость.*

Одна из последних статей недавно умершего экономиста **Евгения Сабурова «Проблема рационального поведения крюка и повисших на нем»** («Неприкосновенный запас», № 2) акцентирует тот незабываемый образ, который был создан Виктором Черкесовым, в 2007 году директором Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, о «войне групп» внутри спецслужб*. Сабуров пишет: *...сегодня получила широкое распространение*

---

* См.: *Черкесов В.* Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев. // «Коммерсант», 2007, 9 октября.

весьма эффективная пропаганда, ведущаяся кланом отставных чекистов, которые пристроены в Думу, госкомпании, госкорпорации и другие госучреждения. В этой пропаганде используются не только приемы, но и идеологемы советскости, выгодные тому «чекистскому крюку», на котором повисла Россия. Главная из них: кто начальник, тот и хозяин. Да это и ясно. Заработать состояние с помощью физического или интеллектуального предпринимательского труда крюк не может, на то он и крюк, то есть хозяином в обычном смысле он не является, он может быть только начальником. <...> Антикризисные меры нашего правительства показали, как работает эта система и как нужно себя вести. Неэффективные, провалившие все на свете получили 3 триллиона рублей господдержки и получат еще. А эффективные, но нелояльные, не получили даже условно-досрочного освобождения. Это логика крюка, плохо изученная психологами и социологами, но понятная экономистам: главное, чтобы никто не сорвался. <...> Что же делать висящим на крюке? Если вы считаете, что изменения (реформы) ничего не дадут, то остается ждать, когда вся конструкция рухнет. Это, судя по всему, не за горами. В принципе, ничего страшного. Наша страна банкротилась неоднократно, и зачастую это приносило облегчение населяющим ее людям. Если же вы трусите, как нормальный человек, то рациональное поведение тоже известно: уход, протест, лояльность. Лояльность крюку бессмысленна. Возможности протеста мы лишены. Остается уход, но это отнюдь не отъезд за границу. Стоит вспомнить старую статью Александра Солженицына «Жить не по лжи» (1974). Во времена ее появления она представляла собой призыв к героизму. На мой взгляд, призывать людей к героизму нельзя. Но сейчас все не так. Лихие 1990-е сняли для нас эту проблему. Ну что героического в том, чтобы не пить чай с Машей Арбатовой, так незабываемо проявившей себя в деле Светланы Бахминой, *или телевизионными служащими крюка?*

Владимир Цыбульский в статье **«Цветы эмиграции»** (Газета.Ru, 26 мая) размышляет о странном феномене: *Из России «тучных нулевых» уезжают не реже, чем из России «лихих 90-х».* Вникая в цифры опросов, автор отмечает: в 1992 году 51% граждан хотели уехать за границу. По данным МВД РФ, с 1990-го по 1999 год на ПМЖ подалось около миллиона граждан (примерно по 100 тысяч в год). Иногда они приезжают на побывку и на вопрос в лоб: «Как вы там?» — все говорят, что спокойны за будущее свое и своих детей, про правила, которые не меняются, и если по ним жить, все будет о'кей. И про то, что они чувствуют себя там людьми. То, что это правда, видно по их лицам. *Но даже если они не говорят, что чувствуют там себя людьми, и про правила, которые не меняются... И если не выглядят такими уж гладкими и на десять лет моложе... И сидят на пособии второй год подряд... И грант кончился, а нового не видать... И ностальгия их заела... Они не возвращаются никогда!* А в нулевые про то, что собираются уехать на ПМЖ, говорят социологам одни. А уезжают — другие. Сама эмиграция из России изменилась. *Растет почему-то число беженцев. Откуда-то взялись просящие политического убежища. А главное — это пресловутое ПМЖ с оформлением на него документов, по большому счету, никого не интересует. Уезжают получать образование и остаются. Уезжают по рабочей визе на время, а устраиваются навсегда. Гражданство и квартиру в Москве или*

Питере предпочитают оставлять за собой. Это «тихая эмиграция». В предкризисные 2002-й – 2005-й «тихо» отсюда свалили, по некоторым данным, 440 тыс. человек — инженеров, банковских служащих, компьютерщиков, бизнесменов, ученых... *Это та самая эмиграция высокопрофессиональных специалистов, о которой мечтают и ждут ее из третьих стран в Евросоюзе, Австралии, Англии, Америке.* Цибульский предлагает: *Вопрос о намерении уехать на ПМЖ правильнее было бы сформулировать иначе. Например: «Вы согласны с утверждением "Достали уже, пора валить отсюда"?» И опросы проводить регулярно, после каждой замечательной акции власти. Например, после выборов в Сочи. Или очередного повышения тарифов на коммунальные услуги. Или запрета праворуких машин <...> Или сообщения об организации комиссии при президенте по противодействию фальсификации истории во вред интересам РФ.* При этом *эмиграция, и раньше не старая, продолжает молодеть. Каждый третий не достигший 24 лет гражданин РФ подумывает о том, чтобы так или иначе уехать отсюда. И, наверное, подпишется под утверждением «Молодые и умные уезжают». Хотя вряд ли они на это станут тратить время. Дел у них и так хватает. Учиться, повышать квалификацию. Чтобы было что разместить в резюме на сайтах иностранных кадровых агентств в странах, где человек чувствует себя нужным и защищенным.*

Власть

Историк-политолог **Кирилл Холодковский** в статье **«К вопросу о политической системе современной России»** («Полис», № 2) систематизирует представления о системе власти в РФ. Эта власть *носит не столько институциональный, сколько персоналистский характер*: она персонифицирована, отчего можно и нужно говорить о *путинском политическом режиме.* Современный «правильный» российский президент — *олицетворение народного суверенитета, «конечная инстанция», главный народный заступник перед лицом сильных мира сего...* Или — *в глазах населения — субститут институциональных механизмов защиты и выражения народных прав и интересов.* Сложился *плебисцитарно-бюрократический* режим бонапартистского типа. Плебисцит — это не голосование для решения каких-то вопросов, а подтверждение доверия тому или иному верховному лицу, утверждение выбора, сделанного «наверху». Таков и российский казус. Бюрократический же характер придает режиму то, что еще при Ельцине происшедший перекос в пользу органов исполнительной власти в путинские годы перешел в *перекос в пользу неформальных, закрытых, теневых отношений, типичных для традиционной российской бюрократии.* Бюрократия стала *привилегированной опорой и инструментом верховной власти*, служит не делу, а лицам и преследует в первую очередь свои собственные, корпоративные и личные, интересы. В эту систему вписались привластные олигархи и партии. Однако гармония в отношениях «путинского большинства» общества, бюрократии и бизнес-верхушки возможна лишь *при условии неумеренного разрастания «пирога» доходов, создаваемых высокими ценами на углеводороды и вообще сырье.* Режим подтачивают также неумеренная, ставшая необходимым элементом функционирования режима коррупция (приватизация государства), низкий

уровень кадрового состава власти, формируемого из своих да наших, а также борьба кланов. Политические институты в России размыты и неопределенны. Причем изнутри эту систему едва ли можно реформировать.

Тему продолжает там же (№ 2, 3) **Сергей Перегудов** статьей **«Политическая система России после выборов 2007–2008 гг.: факторы стабилизации и дестабилизации»**. Автор говорит о желательности *конструктивной конвергенции* советских этатистских и патерналистских начал в политическом устройстве с принципами рыночной экономики и политического плюрализма. (Пока что, по его логике, эти два полюса ограничивают и чуть ли не парализуют друг друга в общественной жизни России.) Под эти свои мечты он пытается подогнать политическую реальность последних лет, отмечая робкие ростки самостоятельной жизни социально ответственного бизнеса и оживление в сфере некоммерческих организаций гражданского общества, по Перегудову, в принципе поддерживаемые властью. Так что рано, утверждает он, говорить о состоявшемся государстве-корпорации; корпоративное своекорыстие власти еще не факт. А что тогда факт?

ПОЛИТ.РУ публикует стенограмму лекции руководителя Центра политико-географических исследований **Николая Петрова «Российская политическая механика и кризис»** (25 июня; прочитана 21 мая в клубе – литературном кафе «Bilingua»). Петров напоминает, что в сфере госуправления *все то, что происходило в течение двух путинских президентских сроков, можно определить как последовательное и целенаправленное ослабление всех институтов, помимо института президентской власти. По мере того, как институты слабели и не могли больше выполнять свои функции в политической системе, им на смену приходили субституты, их функциональные аналоги*, как правило, менее эффективные или вовсе неэффективные. К примеру, Госдума. Когда пришло понимание того, что она не выполняет целый ряд функций, которые она как нижняя палата парламента призвана выполнять в политической системе, возникла идея создать Общественную палату. Но с ней история такая: есть люди, часто уважаемые, узнаваемые, — но нет, не может быть эффекта прямого действия. Эти квазиинституты в большинстве своем *не оформлены конституционно как части политической системы и регулируются разного рода указами и регламентами. Так что их самостоятельная роль и ответственность, возможность, если нужно, противостоять позиции того же правительства — минимальны.* В механизме власти не осталось и систем «защиты от дурака». Их смысл заключается в том, чтобы не допускать вмешательств, которые могут повредить системе или тому, кто неразумно вмешивается — сует руку в работающую машину. СМИ, парламент, относительно свободные выборы с общенациональной повесткой и референдумы, прямо избираемые губернаторы, некоммерческие организации как независимые источники информации — все это больше не работает или ослаблено, а субституты не справляются с ситуацией. *Показательно, что в ситуации, когда исчезли и СМИ и НКО как источники альтернативной информации, делается ставка на развитие общественных приемных — такого субститута, который работал когда-то в советское время, причем очень неэффективно.* Ослаблены и политические партии. Официальные шесть или, с «Правым делом», семь политических партий, которые у нас существуют, —

это не политические партии в полном смысле слова: *ни прямой, ни обратной связи между властями и обществом нынешние политические партии не осуществляют. Свободной конкуренции людей и идей внутри них не происходит. Баланса интересов социальных групп при принятии решений они не обеспечивают. И даже массовой поддержки действий власти, особенно нужной в кризис, они по сути обеспечить не могут. Не говоря уже о том, что они не дают возможности канализировать общественную активность в относительно регулируемое парламентское русло, что особенно важно в разгар кризиса.* Кадровая проблема лечится посредством идеи кадрового резерва, искусственно созданного списка отличников. Даже не ставится вопрос: если нет кадров, первое, что приходит в голову, — понять, почему их нет и где те механизмы, которые обеспечивают их воспроизводство, как исправить существующий механизм. Петров не знает, удастся ли госсистеме себя ускоренно усложнить и модифицировать, — или динозавр обречен *к вымиранию не оттого, что есть какие-то бойкие хищники, которые перегрызают ему глотку (у нас нет таких хищников, нет организованной политической оппозиции, и вряд ли она в ближайшее время появится), а оттого, что у него голова слишком маленькая, тело слишком большое, а шея слишком длинная. И пока сигнал идет наверх и возвращается обратно, проходит слишком много времени — на быстро меняющуюся среду такая политическая архаика реагировать не может.* Возражая сторонникам авторитаризма (типа Фомина и Ханина) как средства от болезней, Петров говорит: *Режим, подобный нашему, в политологии принято называть гибридным. В нем можно найти черты и авторитаризма, и демократии. Проблема, однако, в том, что если это гибрид, то бесплодный гибрид, не обладающий способностью самовоспроизводства. <...> В последнее время не только в политических, но и в экспертных кругах раздаются призывы к усилению авторитаризма с целью, прежде всего, ужесточения дисциплины в бюрократии. Вряд ли, однако, это возможно без механизма массовых репрессий. А если так, то демократическим институтам нет альтернативы.*

Дмитрий Шушарин в статье **«Забег в ширину»** (Грани.Ру, 29 июня) исходит из того, что нынешние российские политики *руководствуются некими ментальными клише, которые передаются из поколения в поколение, не будучи формально вербализованными. Это вполне средневековая ситуация. То, что кажется современному человеку глупостью или безумием, на самом деле является постулатом священной традиции — не обсуждаемым и даже не формулируемым.* И что же остается главным, что *пронесли сквозь века Путин с Медведевым и их предшественники, что является не разумной стратегией, а иррациональной страстью российской власти*? По Шушарину, такой *страстью следует признать имперское расширение в ущерб внутреннему устроению государства и общества. Во всяком случае, без оглядки на это устроение. Империя в России всегда брала верх над национальным государством и губила его.* Нынешние власть имущие остаются *бедными, неприкаянными людьми, так и не обретшими чувство собственного дома, ощущение того, что вся Россия их сад. Они романтики — их по-юношески, то есть инфантильно, все тянет в чужие края, в дальние страны в поисках счастья и самоутверждения. Устройство собственного дома кажется им скучным, малопривлекательным и буржуазным занятием. Так что, с классовой точки зрения, нынеш-*

няя романтическая власть еще и весьма антибуржуазна. То-то ее судебная ветвь подготовила законопроект об экспроприации — списании налоговых долгов (вспомните, как насчитали их «ЮКОСу») со счетов должников без судебного решения. И связь между этой инициативой и имперским расширением прямая — оно ведет к мобилизационной экономике, то есть к конфискациям, дефициту, продразверстке. <...> В этой логике рациональные аргументы не принимаются. Имперское расширение — хороший способ удержать власть на неопределенное время. И не беда, что это власть над нищим населением, неуправляемой страной и мятежными территориями.

Ряд публикаций посвящены бывшему президенту, ныне премьеру Путину. **Тараса Бурмистрова** в статье **«10 лет Владимира Путина. Взгляд из перспективы здравого смысла»** на liberty.ru поражает в Путине *самостоятельность его мышления, которое не вписывается как будто ни в одну из известных нам парадигм. Этого давно уже не было: в течение всего пётербургского периода мышление наших властей целиком обуславливалось «петровской парадигмой», в советское время — ленинской и отчасти сталинской, в ельцинское — антисоветской. В первое время, когда Путин только пришел к власти, его действия вызывали удивление, все время хотелось спросить — откуда он это взял, на что он опирается?* По Бурмистрову, ларчик просто открывался и разгадка проста*: Путин опирался просто на здравый смысл — что, как показывает опыт, вообще труднее всего сделать.* Далее автор то ли издевается, то ли славословит: *Поискав какое-то время новую русскую идею в начале первого путинского срока, мы затем бросили это дело и решили жить без идеи. В этом сейчас наше исключительное преимущество по сравнению с США и Западом вообще, которые в советское время были менее идеологизированы, чем Россия, а сейчас стали более — и делают ошибку за ошибкой. <...> Путин совершил революцию в этом вопросе, и дальше, возможно, ему во многом будут следовать...* Затем Бурмистров начинает себе противоречить: оказывается, *система не обошлась без системных недостатков.* Помимо здравого смысла, у Путина был *налет идеологичности — это отказ от 90-х, противопоставление себя им.* Бурмистров припоминает то, что он называет «ходами» Путина: *восстановление части советской символики, знаменитое высказывание о распаде СССР как крупнейшей геополитической катастрофе XX века и вообще вся идеологическая «составляющая» его политики.* Эта путинская идеологичность Бурмистрову не по душе. И он то ли злорадствует, то ли сочувствует: в ситуации кризиса у Путина *должен сейчас наяву сбываться главный кошмар его жизни — 90-е возвращаются, и с этим совершенно ничего нельзя поделать. Прошлое, казалось бы, умершее и прочно похороненное, снова встает из гроба и стучится в дверь.* Наш автор утешает премьера и его единомышленников: *Огромное количество трудов в это десятилетие начинает казаться напрасными — но на самом деле они были не напрасны. «Идеологический стержень» путинской политики, благо был невелик, сейчас «размоется», — а здравый смысл останется. Слабо верится, что сам Путин окажется способен еще на одну такую радикальную психологическую трансформацию, человеческие возможности в этом отношении не безграничны,— но уже сейчас появляется новое поколение политиков, совсем не отягощенное всеми этими «генетическими грехами», — и они не собира-*

ются разрывать с тем исключительным «здравомыслием», которым отличалась путинская эпоха. Даже не знаешь, где тут чихнуть.

Максим Кононенко там же выступает со статьей **«10 лет Владимира Путина. Взгляд из "народа"»**. Прожженному богемному политологу народ ясен, как на блюдечке. И для этого кононенковского народа главным *в эпохе Путина* было вот что: *...это даже не высокие цены на нефть, а главным в эпохе Путина был период, когда России стало страшно везти. Ей везло в футболе, в песенных конкурсах (был такой период), в теннисе, в чем-то еще, вдруг стало переть. И после череды терактов, которые на самом деле очень опустили нацию (все помнят настроения после Беслана), люди считали: ну все, конец стране, раз у нас все так. И вдруг пошла эта полоса везения, которая совпала еще и с тем, что люди стали зарабатывать все больше и больше — вот это главное.* И далее: *это было самое богатое десятилетие во всей истории России. То есть, так, как при Путине, простой русский человек не жил никогда, так богато и хорошо. И это, мне кажется, главный результат. Русские люди вдруг поняли, что так можно. Раньше для них это были какие-то совершенно несбыточные вещи: машину купить в магазине, нормальную, иностранную, дом построить. А сейчас это доступно, год назад еще это было доступно, мне кажется, большинству населения страны. Сейчас, к сожалению, это закончилось, но здесь виноваты не Путин и не Медведев...* А кто ж виноват? Кононенко отвечает: *система.* Вот те раз. Оказывается, Путин отдельно, а его система отдельно (пинок в филеи Бурмистрова)! Далее Кононенке приходится вертеться ужом: *Ну они, конечно, опосредованно виноваты в том, что построили систему, в которой никто не хочет нести ни за что ответственность, и такая чудовищная ситуация в экономике. Потому что всем наплевать на самом деле, по большому счету, на страну. Я имею в виду людей, которые управляют бизнесом. Один Кудрин что-то там дергается, но все остальные пакуют золото в чемоданы.* Но завершает он феерической прутковщиной: *Я так думаю, что надо забыть про духовное пробуждение, потому что оно никому не нужно. Духовное пробуждение — его в карман не положишь. Что такое духовное пробуждение? <...> Духовность в народе сейчас пробуждается, когда мы выходим в полуфинал Чемпионата Европы по футболу, вот тогда у народа пробуждается духовность. У нации — подъем. Нужны победы. Нужна не проповедь патриарха Кирилла, а победа. Потому что на проповеди давно наплевать. Мы живем в мире поп-культуры, в мире телевидения. И никакая духовность не нужна, никакой Серебряный век невозможен. И мы уже вообще дошли до такого состояния, что невозможен новый Майкл Джексон, по той простой причине, что мир сильно изменился. У каждого человека появился маленький мирок. Поэтому никакая духовность невозможна, соборность невозможна. <...> все эти интеллигентские штуки про духовность — это все устарело. Как, кстати, устарела и сама интеллигенция, она тоже больше никому не нужна. Все и без нее знают, как надо. Каждый человек для себя знает, как надо.* Песня, а не статья!

В антитезу прозаичный **Сергей Шелин** в статье **«Путин выбрал депрессию»** (Газета.Ru, 1 июля) анализирует риторику премьера в середине лета: *За неполный год хозяйственного спада нашим главой правительства пройден впечатляющий интеллектуальный путь — от убежденности, что кризис уп-*

раздняется одним премьерским распоряжением, до примирения с тем, что депрессия — устойчивая форма жизни. Вера в то, что государственно-олигархический капитализм может чудо как быстро расти на нефтяных доходах, отброшена как утопическая. А вот вере в то, что тот же капитализм способен, не разваливаясь, переждать многолетнюю депрессию,— полную свою утопичность только еще предстоит доказать. Этим летом *Путин впервые признал генеральную неудачу своего экономического курса. Вместо извинений гражданам предложено настроиться на пять тощих лет.* Из высказываний премьера можно сложить новую его управленческую философию. Что мы реально услышали? *Раз депрессия теперь узаконена премьером как постоянный образ жизни, значит, накопленные госрезервы надо растянуть надолго. Следовательно, бюджетные расходы, если не с этого, то со следующего года придется уменьшить. И сильно. Об этом Путин предупредил с вызывающей уважение прямотой. Однако с меньшей прямотой разъяснил, за счет чего именно. Социальные расходы, конечно, обещано не ужимать. Но в реальном исчислении они уже сейчас ужимаются и, конечно, будут сокращаться и впредь. Это снимет часть материальных забот с плеч начальства. А вот еще одна статья экономии: «От начала новых строек в 2010 году следует воздержаться». При всем при этом, «строительный сектор является одним из локомотивов развития экономики». Противоречие тут кажущееся. Ведь, кроме отмененных новых, есть еще и старые стройки, а уж они-то вполне могут продолжаться. Путин их даже перечислил. На первом месте в его списке «олимпийские объекты, на которых работают уже тысячи граждан», а на втором — «подготовка к другому крупному мероприятию, у нас на Дальнем Востоке — АТЭС...» И то, и то, конечно, — дело святое. Хоть денег нет, но на это есть. <...> Все останется, как в жирные годы, только станет беднее. Расточительство останется, но будет переведено в режим строгой экономии. Централизация останется и усовершенствуется. Каждым буржуем в стране — крупным, средним и мелким — будет вручную управлять премьер. Первыми к раздаточным котлам будут подпускаться те же, что и раньше, только порции станут меньше. А рядовая публика пусть затягивает пояса и готовится поддержать казну рублем: «Мы обязаны подумать над поиском дополнительных источников бюджетных доходов». Это было сказано министрам и банкирам, а накануне с думскими кивалами на полном серьезе шел обмен мыслями, не ввести ли доходную госмонополию на спирт. Такой вот диапазон инноваций. <...> жизнь на долгие годы вперед запланирована депрессивная. Такая выбрана модель, раз уж сладкой жизни не получилось. И главный человек страны честно дает понять, что других идей у него для нас нет. Не менять же систему?*

Но, конечно, интереснее экспертам искать новое в политике нового президента Дмитрия Медведева. Максимально пессимистична **Ирина Павлова**. В статье **«Ху из мистер Медведев?»** (Грани.Ру, 27 мая) она подвела свой итог годовщине его президентства. Павлова предлагает не руководствоваться конспирологическими соображениями, а искать непиаровский сухой остаток: суммировать не сентенции, а действия, которые за это время вышли на поверхность. *...президент был очень активен. «Коммерсант» подсчитал количество кадровых перемещений за прошедший год. Получилось, что с 7 мая 2008 года Медведев подписал 373 указа с назначениями, тогда как*

Путин за первый год своего президентства — лишь 241. Павлова дает список деяний президента, которые уже повлияли на судьбу страны или повлияют на нее в будущем:

— тайная подготовка к вооруженному конфликту с Грузией в августе 2008 года. Создание «независимых» государственных образований Южной Осетии и Абхазии. Оккупация части территории Грузии. Информационная война. Все эти действия уже вписаны в историю на счет президента Медведева;

— организация в сентябре 2008 года департамента МВД по противодействию экстремизму. Центры по противодействию экстремизму (центры «Э») созданы по всей стране при ГУВД и УВД на базе бывших УБОП;

— укрепление системы политического сыска в стране. Под прикрытием задач и ресурсов уголовного розыска в МВД РФ создана база данных «Сторожевой контроль», используемая в политических целях. Это подтверждено, в частности, в судебном заседании в Нижнем Новгороде, а также телефонограммой, которую удалось заснять Роману Доброхотову;

— усиление технического обеспечения спецслужб. По словам вице-премьера Сергея Иванова, «что касается спецслужб — ФСО, ФСБ, СВР, — они на сто процентов полностью обеспечены»;

— внесение по инициативе президента поправок к Конституции, согласно которым сроки полномочий президента увеличиваются с нынешних четырех до шести лет, Госдумы — с четырех до пяти лет;

— отказ от выборов председателя Конституционного суда. Теперь председатель КС и его заместители будут утверждаться Советом Федерации по предложению президента, то есть будут от него зависимыми;

— внесение в Госдуму законопроекта «О противодействии реабилитации на территории независимых государств — бывших республик СССР нацизма, нацистских преступников и их пособников», а также создание Комиссии при президенте по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. И будущий закон, и новая комиссия явно призваны перекрыть путь «неправильным» (с точки зрения нынешней власти) интерпретациям советской и постсоветской истории. Эти инициативы уже поддержаны как официальными историками, так и большинством общества, которое за последнее десятилетие удалось существенным образом дезориентировать;

— принятие курса на милитаризацию страны. Объем гособоронзаказа в России в 2009 году составит 1,3 триллиона рублей, из которых более 300 миллиардов пойдет на закупку военной техники;

— скрытая подготовка к новым конфликтам со странами ближнего зарубежья, не желающими соглашаться с политикой Москвы. Открытие нового раунда информационной войны против Грузии. Выводы Павлова предлагает делать читателю.

Есть комментарии и на известное высказывание президента в интервью итальянским журналистам: *Если говорить о помиловании кого бы то ни было, Ходорковского, других лиц, то эта процедура осуществляется в соответствии с теми правилами, которые существуют в нашей стране. Иными словами, лицо должно обратиться к президенту, признать себя виновным в совершении преступления и испросить соответствующего решения. Поэтому здесь пока нечего обсуждать.* **Илья Мильштейн** в статье **«Выпускник совет-**

ского юрфака» (Грани.Ру, 7 июля) пишет: *Сказать он мог только то, что сказал. Про обязательное признание вины, хотя это и не предусмотрено никакими параграфами и противоречит конституционным правам личности, и о том, что «здесь пока нечего обсуждать». Действительно, что тут обсуждать, если глава государства, юрист с университетским дипломом, делает вид, что не знает законов?* Мильштейн ставит Медведеву в пример советские времена: *...если людей освобождали в рамках «разберивания» или недопытанных, недорасстрелянных генералов посылали из тюрьмы на фронт, то писем с признанием вины Сталин от них не требовал.* А во времена горбачевские в рамках *возвращения к таинственным ленинским нормам* по политзонам СССР *зачастили прокуроры, обращавшиеся к узникам с одной-единственной просьбой: написать «помиловку». Кто соглашался — того отпускали сразу. Кто писал, что не намерен заниматься противоправной деятельностью, как не занимался ею и раньше, — того освобождали чуть позже. Татьяна Великанова, Елена Санникова, Михаил Кукобака, отец Альфонсас Сваринскас не написали ничего. Они были освобождены по указу о помиловании, который исходил из Кремля. Как бы даже вопреки желанию политзеков, которые от этой власти не хотели принимать никаких даров. И уж тем более каяться перед ней. Они выстояли — и победили.* Автор обобщает: *Нынешняя эпоха отката — это прежде всего ностальгия по «совку» в его классической разновидности: безжалостной, беззаконной, бесстыдной. Отношение к человеку тоже чисто старосоветское. Тебя могут помиловать, если ты согласишься признать себя негодяем и публично в этом сознаться. Если осознаешь себя рабом этого государства. Лагерной пылью под ногами вождя. <...> А разница опять-таки в масштабах. Подражание «большому стилю» политических репрессий осуществляется точечно, в режиме ручного управления.* Возвращаясь к сюжету о помиловании Ходорковского и Лебедева, Мильштейн утверждает, что сделать это Медведеву мешает груз обязательств, соблюдение которых было условием его попадания в президенты. *У него вообще великолепная память и то самое уникальное умение сохранять верность в дружбе, без которого в конце нулевых невозможно было бы стать президентом РФ.*

О том, как практика российской власти вписывается в теоретические модели политологов-классиков, пишет первый вице-президент Центра политических технологий **Алексей Макаркин** в статье **«Российские сценарии: Шмитт или Вебер?»** («Ежедневный журнал», 29 июня). Он считает, что для России актуально творчество двух ученых, оказавших влияние на развитие современной политической мысли: Карла Шмитта и Макса Вебера. Шмитт — противник парламентаризма, так как парламент не в состоянии вырастить сильных лидеров, в которых нуждается страна. Он делает ставку на плебисцитарную демократию, в которой народ одобряет действия харизматических вождей (такую демократию он противопоставляет либерализму, который предусматривает сложную систему компромиссов между представителями элит). Он враг политических компромиссов, противопоставляющий им решения, принимаемые лидерами. Государство становится доминирующим фактором, подминающим под себя общество; оно должно быть единым («тотальным»), так как плюрализм и дискуссии ослабляют его перед лицом врага. К врагу у Шмитта особое отношение: он должен восприниматься настолько

реально, чтобы народ был постоянно отмобилизован и готов в любую минуту встать на защиту государства. Вебер более сложен, чем Шмитт. Он не идеализировал парламентаризм, значительное внимание уделял харизматическому типу лидерства, видя в нем силу, уравновешивающую парламентаризм, который в противном случае может стать олигархическим. В свою очередь, парламент уравновешивает бюрократию, достаточно профессиональную для того, чтобы осуществлять эффективное управление, но слишком закрытую и склонную отстаивать собственные корпоративные интересы. Парламент должен обеспечивать появление политических лидеров — в этом принципиальное различие веберовской и шмиттовской моделей. Веберовское государство — это равновесная система, в которой ни один элемент не может подавлять другие и наличествует конкурентная политика, — ей не противоречит сильное лидерство. В веберовской модели есть плебисцитарные элементы, но они не носят самодовлеющего характера. При принятии решений политик, по мнению Вебера, должен принимать во внимание как политический, так и этический компоненты и действовать, каждый раз исходя из особенностей ситуации. Если Шмитт политологически обосновывал практику корпоративистских государств, возникших после Первой мировой войны (Италия при Муссолини, Португалия при Салазаре и др.), которые стали одним из исторических «тупиков», то веберовская традиция соответствует современному политическому мейнстриму. Российское государство в начале 90-х строилось по веберовской модели, нашедшей отражение в Конституции 1993 года, но веберовский подход в 90-е годы не привел к успеху. Роль парламента была снижена: Борис Ельцин не мог забыть своего противостояния с Верховным советом и создал ряд ограничителей для законодательной власти. Не получилось создать и веберовскую идеальную бюрократию — государственный аппарат оказался подвержен системной коррупции. Наконец, и харизматичный президент вскоре утратил свою харизму, по состоянию здоровья выпустив ситуацию из-под контроля. Все элементы системы сдержек и противовесов, таким образом, не могли эффективно функционировать. Приход к власти Владимира Путина привел к тому, что один из элементов веберовской триады — президентская власть — вновь стал эффективным. Избранный в 1999 году многофракционный парламент оказался наиболее успешным органом законодательной власти за всю историю современной России. Защищая свою «самость», он конструктивно сотрудничал с президентской властью, приняв целый ряд либеральных законов из «повестки дня» 90-х годов: был введен суд присяжных, разрешена купля-продажа земли, архаичный КЗОТ заменен более современным Трудовым кодексом. В парламенте появилось большинство из четырех центристских депутатских объединений, которые при принятии реформаторского законодательства получали поддержку со стороны либералов. Правда, бюрократия как была, так и оставалась коррумпированной и не слишком компетентной. Однако постепенно в деятельности государственной власти стали появляться шмиттовские тенденции, которые со временем усиливались. После выборов 2003 года парламент перестал быть местом для дискуссий, а с ликвидацией одномандатных округов он практически перестал выдвигать новых лидеров. Такому парламенту можно было дать право проводить расследования, понимая, что

он им не воспользуется без прямого указания Кремля (до сих пор ни одного парламентского расследования проведено не было). Отмена губернаторских выборов привела к резкому усилению президентской власти. Время компромиссов с элитами закончилось с «делом ЮКОСа». Был создан образ врага в лице Михаила Ходорковского, а чуть позже либералов, «агентов Запада» из структур гражданского общества (некоммерческих организаций) и оппозиционных движений. Избирательная кампания 2007 года стала торжеством шмиттовского подхода к политике. Тогда в качестве врага была избрана, в целом, лояльная по отношению к Кремлю либеральная партия СПС, дистанцировавшаяся от радикальной оппозиции, но посмевшая некоторую самостоятельность на региональных выборах. Парламентские выборы фактически превратились в плебисцит о доверии Владимиру Путину, успешно выигранный властью. Но тут и выявились пороки шмиттовской модели. Она не решала проблему бюрократии, — напротив, «силовая» бюрократическая элита, наименее склонная к модернизации, выступала в качестве основной опоры системы. Уровень компетентности власти не увеличивался. Чиновничье давление на экономику уничтожало предпринимательскую инициативу, а рост ВВП был связан лишь с благоприятной конъюнктурой. На многочисленные элитные группы, интегрированные в «Единую Россию», рассчитывать было сложно: они поддержали Путина вынужденно, с тем чтобы хотя бы частично сохранить свои аппаратные позиции. За славословием президенту (в 2007 году появилась формулировка «национальный лидер») скрывалось стремление сохранить статус-кво, выгодный бюрократическому аппарату. Вместо доминирующего государства появилась доминирующая бюрократия, не ограниченная институтами гражданского общества. Все эти проблемы создали условия для попытки частичного возвращения к Веберу. *Отменяются наиболее репрессивные положения законодательства об НКО, президент Медведев делает несколько «знаковых» шагов навстречу либералам, которые перестают быть врагами, а становятся партнерами. Стилистика конфликта и поиска врагов постепенно уходит в прошлое. Не менее важно и стремление снизить наконец коррумпированность чиновничества, ликвидировав самые одиозные дыры в действующем законодательстве,— например, в вопросе о конфликте интересов и о возможности перехода на работу в бизнес-сферу в курируемой ранее данным чиновников области (так называемый эффект шлепанцев).* По Макаркину, такая переориентация — пусть частичная и *аккуратная* — дает основания для очень осторожного, но все-таки оптимизма. Его наш автор разделяет с Перегудовым (см. выше).

Несколько публикаций посвящено подписанной президентом стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года. **Виталий Портников** в статье **«Стратегия без опасностей»** (Грани.Ру, 15 мая) замечает, что *здравомыслящий россиянин может рассказать своему президенту, в чем главные угрозы национальной безопасности страны. В сырьевом характере экономики, превращающем Россию в страну третьего мира на следующий же день после падения нефтяных цен. В удушающей страну коррупции. В катастрофическом вымирании населения, которое ставит под вопрос физическую возможность даже не развития, а просто заселения российских просторов. Но кому в российской политической элите интересна вся эта дребедень? В сознании*

случайных людей, оказавшихся в московских коридорах власти в начале нового тысячелетия, современная Россия — некий клон Советского Союза, поднимающийся с воображаемых колен. Естественно, у этого клона, живущего в виртуальном кремлевско-телевизионном пространстве, и угрозы совершенно другие. Главный оппонент — все те же Соединенные Штаты, мечтающие унизить Россию и помешать ее возрождению. Главные предатели — бывшие советские сателлиты, посмевшие считать счастливые годы пребывания в тени «большого брата» не лучшим временем в своей истории и налаживающие сотрудничество с заокеанским супостатом. Главный союзник — Китай, руководство которого вряд ли мечтает о совместной борьбе с супостатом, так как экономически, — и кризис это явственно доказал, — зависит от его процветания. Примечательно, что из новой стратегии практически исчезли все угрозы, считавшиеся серьезными в начале века. Нынешнюю власть уже не волнует усиливающееся расслоение общества, терроризм и сепаратизм — несмотря на непростую ситуацию на Кавказе, кризис социального обеспечения и здравоохранения, криминализацию общественных отношений. Портников резюмирует: *к проблемам реальной России утвержденная ее президентом стратегия отношения не имеет. Из документа мы можем узнать все о маниловских мечтаниях российского чиновничества, о том, каким Наполеоном мнит себя каждый клерк, попадающий на работу в Совбез или администрацию главы государства, какой образ России вырисовывается в его сознании по дороге на Рублевку. Но о самой России мы не узнаем ничего, как и совершенно не поймем, какой будет страна в 2020 году.*

Александр Храмчихин в статье **«Чтоб была»** («Частный Корреспондент», 22 мая) также весьма критично судит о принятой стратегии. Он утверждает, что этот документ *в очень значительной степени носит декларативно-пропагандистский характер, его создатели выдают желаемое за действительное.* Как там сказано, Россия «восстановила возможности по наращиванию своей конкурентоспособности и отстаиванию национальных интересов»? *Интересно, в чем это выражается? Возможно, на этот вопрос ответ содержится в п. 9, который, безусловно, должен считаться хитом всей стратегии*: «Переход от блокового противостояния к принципам многовекторной дипломатии, а также ресурсный потенциал России и прагматичная политика его использования расширили возможности Российской Федерации по укреплению ее влияния на мировой арене». *Таким образом, впервые открыто признан факт, который до сих пор Кремль яростно отрицал: Россия использует экспорт энергоресурсов как инструмент политического давления на другие страны. Нефтегазовые мотивы красной нитью проходят через весь документ.* Указывая на невнятицу с приоритетами нацбезопасности в связи с доминированием экспортно-сырьевого характер экономики, автор статьи считает символичным, что *в 23-страничном документе раздел «Наука, технологии и образование» занимает одну страницу (меньше только экология, что не менее символично). Причем на этой единственной странице про такую критически важную для национальной безопасности вещь, как образование, фактически не сказано вообще ничего. Естественно, что через нефтегазовую призму рассматриваются и внешние угрозы. Например, в п. 12 написано*: «В условиях конкурентной борьбы за ресурсы не исключены решения

возникающих проблем с применением военной силы: может быть нарушен сложившийся баланс сил вблизи границ Российской Федерации и границ ее союзников». *Если кто всерьез и заинтересован в захвате наших ресурсов, то это Пекин, но эта страна в стратегии рассматривается исключительно в качестве союзника, причем аж в трех форматах: в рамках РИК (Россия, Индия и Китай), БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай) и ШОС. Достаточно сложно понять, может ли Китай решить указанную совокупность проблем без ведения внешней экспансии, позволяющей внеэкономическим путем получить доступ к дефицитным ресурсам и к территории для проживания избыточного населения. Если не может — какую форму экспансии он изберет и в каком направлении двинется.* Наибольшее удивление у автора вызывает *наше упорство (поистине, оно достойно лучшего применения) в строительстве геополитической химеры под названием «треугольник Москва — Дели — Пекин». Именно это строительство химеры привело нас к крупнейшему внешнеполитическому провалу последних лет: Москва сама затолкала своего важнейшего потенциального союзника (Дели) в объятия Вашингтона. Форсированное сближение Индии и США стало очевидным фактом. Индия вполне готова была дружить с Россией, но никак не с Китаем, который она справедливо считает своим основным геополитическим конкурентом и военным противником. А уж если ей бы удалось подружиться с Китаем, то она в этом случае прекрасно обошлась бы без России. Противостоять Америке Индия, наоборот, не собиралась, ей это просто не нужно, а ведь у пресловутого треугольника единственная задача — противостоять США. Исключительно как самоцель. <...> А враги у нас, конечно, США и НАТО. <...> Здесь налицо очень интересная смесь психологических комплексов, обмана и самообмана. Все-таки хочется понять, в чем основа нашего противостояния с США, если нет прежних идеологических расхождений. В стратегии об этом, увы, ничего не сказано. Заявления о поддержании паритета и сохранении потенциала СЯС* (стратегических ядерных сил) *просто ошеломляют своим полным расхождением с реальностью. Если в конце 90-х у России и США действительно был примерный паритет, то с 2000 года российские СЯС сократились практически вдвое. ...реальные возможности «встающей с колен» России на самом деле стремительно сокращаются (если не сказать — обнуляются). Это относится и к военной мощи, и к внешнеполитическому влиянию.* Храмчихину хочется спросить у авторов документа: *неужели интересы России пострадали из-за того, что НАТО проводит операцию против талибов в Афганистане? И даже от вторжения США и их союзников в Ирак, которое формально можно классифицировать как агрессию, какой ущерб мы понесли? Ведь в результате этих войн США и НАТО приняли на себя удар исламских радикалов, которые до этого совершали открытую агрессию против России (в Чечне) и против стран Центральной Азии, наших союзников по ОДКБ. Очень показательно, что в стратегии почти нет упоминаний об угрозе терроризма. Это естественно, она за последние восемь лет очень заметно снизилась. В значительной степени благодаря усилиям США и НАТО в Афганистане и Ираке. Это, что называется, медицинский факт. Но почему-то за это от Москвы они получают только проклятия. Чуть ли не впервые в нашей истории нашлась страна, которая своей кровью и на свои деньги воюет за наши*

интересы. Разумеется, она преследует свои цели, но при этом получается так, что защищает нас. Мы проклинаем ее за это! Нам не нравится, что арабы и афганцы убивают и ненавидят американцев, а не нас! Что американские войска, а не наши стали мишенью для исламистов, центром их притяжения. Видимо, нам хочется по традиции платить своей кровью и своими деньгами за чужие интересы, обратная ситуация для нас психологически непереносима. Храмчихин резюмирует: документ представляет собой *набор положений либо предельно банальных и бессодержательных, либо не вполне очевидных, причем очень часто противоречащих друг другу и реальной действительности. Строить на их основе политику в соответствующих областях невозможно.*

В «Ежедневном журнале» **Андрей Солдатов** в статье **«Нацбезопасность: ребрендинг угроз»** (14 мая) полагает, что именно предполагаемые угрозы нашему государству отличают версию 2009 года от версии 2000-го. В концепции 2000 года был ранжир по степени опасности в порядке убывания: на первом месте экономика, потом состояние госструктур и общества, мафия и т. д. В стратегии нацбезопасности образца 2009 года угрозы не собраны в один раздел, а разбросаны по тексту. В результате не сразу понятно, какая угроза считается теперь самой важной (и опасной). Зато в тексте появился раздел «Государственная и общественная безопасность». *...на первом месте на этот раз оказалась разведывательная и «...иная деятельность спецслужб и организаций иностранных государств» <...> эта «иная деятельность» теперь считается более опасной, чем терроризм, не говоря уже о преступных посягательствах, направленных против личности (попросту говоря, убийствах российских граждан).* По Солдатову, *список угроз — это список лоббистов: кто из ведомств оказался влиятельней, та угроза поднялась и в общем списке. Поэтому, несмотря на отдельные (и многословные) разделы Стратегии о культуре, здравоохранении и даже экологии, главным бенефициаром до 2020 года (именно на такой срок рассчитана Стратегия), видимо, по-прежнему остается та структура, которая отвечает за отслеживание деятельности зарубежных спецслужб, — то есть Федеральная служба безопасности.*

О внешней политике России вообще писали много. «Ежедневный журнал» завершает публикацию отрывков из книги **Лилии Шевцовой** «Одинокая держава. Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом» (**«Доктрина межеумочности»**, 3 июля). Шевцова остро формулирует: *Внешняя политика в том виде, в каком она осуществляется нынешним российским государством... все ее закономерности и инструменты оказываются вторичными и нередко несущественными. А сама внешняя политика стала лишь продолжением либо формой осуществления внутренней политики в типично ленинском смысле этого слова. Именно внешняя политика Москвы сегодня является важнейшим средством консолидации общества и легитимации российской системы. В этом качестве внешняя политика превращается в мощный охранительный фактор, не менее успешный, чем манипулятивные действия «президентской вертикали». Поэтому так важно, какова ее идеология и философия. Поэтому мы должны прислушаться к тем, кто предлагают их осмысление.* И далее Шевцова анализирует риторику министра иностранных дел Сергея Лаврова, которого считает сделавшим максимум *для нашего понимания траектории России и сущности нынешнего рос-*

сийского государства и его отношения к миру. Вот основные тезисы внешнеполитической стратегии России в интерпретации Лаврова на этапе российского нефтяного «возвышения» в 2005–2008 годах: существующая система глобальных отношений себя изжила; Россия предлагает создать новое мировое правительство — «тройку» из основных центров силы — России, США и ЕС, которая «сможет направлять мировую лодку»; Россия призывает перейти к «сетевой дипломатии» и отказаться от изживших себя прежних альянсов (имеется в виду прежде всего НАТО). Наконец: «Россия не может принять чью-либо сторону в конфликте цивилизаций. Россия готова играть роль моста». Это была претензия на роль России как самостоятельной мировой силы, которая, как «кошка, гуляет сама по себе». *Набор выдвинутых Кремлем определений: «посредник», «мост», «сверхдержава», «сетевая дипломатия» и «геополитический треугольник» — говорил о характере настроений в среде российской элиты в годы упоения кажущимся могуществом и возможностью навязать миру свои правила игры.* Шевцова хвалит Лаврова за честность. Он в своем обосновании роли России обратился к ценностным категориям. *Он, кстати, был единственным представителем российской элиты, кто пошел по этому пути.* В июне 2008 года Лавров предложил миру концептуальное объяснение новой внешнеполитической доктрины Кремля: «Уже нет сомнений в том, что с окончанием "холодной войны" завершился... этап мирового развития — 400–500 лет, в течение которых в мире доминировала европейская цивилизация». *Странное утверждение: казалось, что конец «холодной войны» означал конец антизападной и антиевропейской альтернативы, который был ознаменован падением СССР. Поверим министру, что на самом деле распад СССР означал не победу западной цивилизации, а ее собственное «завершение» (!). До сих пор мир думал по-другому, — значит, мир ошибался. Ну, и что теперь нас ожидает?* Оказывается, если верить министру, мир стоит перед дилеммой: либо «через принятие западных ценностей... становиться Большим Западом», либо «другой подход, и его продвигаем мы». А вот в чем этот «другой подход» заключается: «конкуренция становится подлинно глобальной, приобретая цивилизационное измерение, т. е. предметом конкуренции становятся в том числе ценностные ориентиры и модели развития»! *Представитель российской правящей команды открыто заявлял, что Россия собирается предложить миру иную, не западную систему ориентиров и стандартов и даже иную модель развития. Здесь он пошел дальше Владимира Путина, который пока открыто не отваживался на такие теоретические новации.* Впрочем, далее Шевцова находит у Лаврова сбои и противоречия. К примеру, он говорил, причем в одном и том же выступлении (в июне 2008 года), что хотя «мы» предлагаем миру «другой подход» (*кстати, кто такие «мы»?*), тем не менее «Россия мыслит себя как часть европейской цивилизации, имеющей общие христианские корни». *Этим он меня окончательно добил: как это можно быть одновременно частью европейской цивилизации и предлагать ей «другие ориентиры и модели развития»?* А вскоре Лавров еще раз пересмотрел позицию о месте России в цивилизационном контексте. В начале 2009 года он объявляет НАТО *пособником агрессора против России* (Грузии) и... ратует за стратегическое партнерство с Евросоюзом. *Но ведь, позвольте, НАТО и*

ЕС — это практически одни и те же страны. <...> Возможно, министр имеет в виду партнерство с ЕС только потому, что ЕС не включает Америку. Тогда это означает по меньшей мере неодобрительное отношение российской власти к США. Но как в таком случае быть с «перезагрузкой» российско-американских отношений? Резюмируя, Шевцова пишет: *Пытаясь чем-то заполнить стратегическую пустоту, российская правящая команда обратилась к диалектике, которая в кремлевском исполнении выглядит следующим образом: сегодня российские власти говорят то, что отрицали вчера, а завтра они могут опровергнуть сегодняшние заявления.* Так, в апреле Лавров вновь сделал резкий концептуальный поворот. Он заявил, что Россия является «частью евроатлантического сообщества», и призвал к эре «консенсусной политики». *Метания российского министра иностранных дел,* — пишет Шевцова, — *свидетельствуют о том, что российская элита продолжает пребывать в состоянии мучительного поиска, пытаясь найти приемлемое, если не убедительное, объяснение и целей российской системы, и ее поведения на международной сцене. Ведь нужно скрыть реальные мотивы действий российского государства и доказать, что Россия ничем не отличается от Запада, что и Запад такой же, как Россия. И в то же время нужно упомянуть для успокоения собственных традиционалистов, что Россия все же от Запада отличается и даже может с ним соперничать, без уточнения, чем именно отличается, и не уточняя, в чем именно соперничать. Можно лишь посочувствовать тем, кто вынужден объяснять и легитимировать состояние российской системы и пытаться представить ее стагнацию как движение, ее судорожные броски в разные стороны — как стратегию, устремления правящего класса — как национально-государственные интересы, а отсутствие у него принципов — как новый вид идеологии прагматизма.*

На сайте Фонда «Либеральная миссия» размещены материалы дискуссии **«Россия и Запад: состояние и перспективы отношений»** (28 апреля). Директор Московского центра Карнеги **Дмитрий Тренин**, исходя, очевидно, из того, что альтернативы медленной интеграции России в сообщество Запада нет, замечает: *Недемократический режим, существующий в нынешней России, в условиях XXI века рассматривается ее партнерами как не полностью легитимный. В свою очередь, международные интересы не полностью легитимного режима также являются не вполне легитимными. Иными словами, то, что Соединенные Штаты и страны Европы были готовы «понять и поддержать» в отношении действий Франции в ее бывших африканских колониях, они не могут признать в политике России по отношению, например, к странам Средней Азии. <...> Дело, оказывается, уже не в количестве и качестве стратегических наступательных вооружений, даже не в размерах валового внутреннего продукта, пусть даже по обменному курсу и на душу населения, и не в имидже, а в качестве политических, экономических и общественных институтов и в степени признания этих институтов в мире. И ничего здесь поделать нельзя. До тех пор, пока российские институты по своему качеству не будут сопоставимы с соответствующими институтами Европы и Северной Америки, Россия не будет рассматриваться Западом как равная, какой бы у нее ни был золотовалютный запас и какая бы цена на нефть ни установилась на рынке.* Далее Тренин констатирует, что внешняя политика

Кремля сегодня не помогает решению задач модернизации России. Если бы внешняя политика РФ рассматривалась как ресурс для модернизации, то приоритет отдавался бы развитию отношений с теми странами, которые в максимальной степени способны предоставить такой ресурс. Чего не наблюдается.

Президент Института стратегических оценок **Александр Коновалов** комментирует идеи изоляционистов: *обсуждается такое, например, предложение: давайте загородимся от всего мира на несколько лет и «подморозим» страну в политическом смысле. Создадим на время жесткий режим и будем без помех осознавать себя и то, чего нам надо. Недавно госпожа Нарочницкая опять повторила эту идею по телевидению. Конечно, на несколько лет можно и заморозиться, потому что Россия — страна самодостаточная. Но только потом, когда разморозимся и откроем дверь, окажется, что вокруг совсем другой мир, в котором нас никто не ждет и к которому мы совершенно не приспособлены. Это отбросит Россию на десятилетия, если не на века.* А *российское руководство надеется просто «переждать» кризис. Потерпеть год-другой у нас каких-то резервов хватит, а дальше, мол, начнут расти цены на нефть, и все вернется на круги своя. То есть на нас опять начнет литься «золотой» дождь, и мы этим американским паровозиком будем вытащены из ямы. На самом деле мир после кризиса будет совсем другим.* Коновалов видит два варианта будущего России: а) *стать сырьевым придатком Китая и грозить из-за китайской спины кулачком Западу;* б) *пойти по пути модернизации вслед за Западом, с помощью Запада, вместе с Западом. Но тогда надо для начала прекратить тот параноидальный леонтьевско-шевченковский бред, который все еще льется на головы зрителей с экранов ведущих каналов.*

Военный аналитик **Александр Гольц** находит, что в прагматическом аспекте мы имеем триумф внешней политики Владимира Владимировича Путина. В его Мюнхенском выступлении, когда он потребовал военного равенства России и Запада, возвращения к обсуждению договора о стратегических ядерных вооружениях, а также обсуждения проблем противоракетной обороны, ключевой была фраза о том, что 80-е годы были эпохой наибольшей стабильности в отношениях между Москвой и Западом. *Внешняя политика Путина и свелась к тому, чтобы сугубо искусственным образом вернуться к повестке дня 1980-х годов.* И ему это удалось. Сегодня в центре внешней политики России находятся новый договор СНВ, договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), вопросы противоракетной обороны. Это все — повестка дня 1980-х, причем притянутая за уши в сегодняшний день. *Москва навязала Западу сначала карикатурное виртуальное подобие новой холодной войны, а теперь навязывает виртуальное карикатурное подобие разрядки.* Гольц, как многие, видит во внешней политике Москвы внутренний стимул: *Путиным и близкими к нему людьми руководит, если говорить о главной внешнеполитической идее, параноидальный страх перед «оранжевой революцией», появившийся после событий 2005 года на Украине. У них возникло устойчивое убеждение, что «коварный зарубеж» может ловко вмешаться в наши дела, чтобы все перевернуть в стране с ног на голову. На мой взгляд, для такого страха нет ровно никаких оснований. Тем не менее он существует. И вот, чтобы занять своих западных партнеров, чтобы не вести*

с ними бесконечные разговоры о всяких таких «глупостях», вроде прав человека, политических свобод и прочего, им была предложена старая добрая игра 1980-х. «Давайте снова считать боеголовки»,— предложил им Путин. И они приняли игру. По той простой причине, что не имеют никакой стратегии в отношении России. Корни московской украинофобии также внутренние. Существует описанная кремлевскими политологами теория суверенной демократии. *Согласно ей, у народа России тяжелый исторический опыт. Он не готов к свободе, не готов к свободным выборам. Всякий раз, когда он получает свободу, наступает хаос. Стало быть, России требуется то ли двадцать лет, то ли тридцать лет «ручного управления». И вдруг два народа, две страны, которые имеют приблизительно такой же исторический опыт, приблизительно такую же историческую память и такие же рефлексы, как и народ России, вдруг сказали: «Извините, это у вас ручная демократия, а мы вот хотим стать частью Евроатлантического сообщества. А вступление в НАТО — это самая прямая, самая легкая дорога туда». И это рушит, на мой взгляд, всю систему кремлевского миропонимания. Если вдруг эти «постсоветские» — такие же, как мы, или еще хуже, чем мы,— будут приняты в НАТО и их будут считать нормальной демократией, то, черт побери, кто же мы такие? Почему Украине не нужно «ручное управление»? Это серьезный вопрос российской внутренней политики. Поэтому когда Путин говорит о вступлении Украины в НАТО, в этом видна страсть, в этом истинная и совершенно ясная ярость.*

Сотрудник Института экономики переходного периода **Кирилл Рогов** связывает тип российской государственности с ценой барреля нефти. В докризисные годы внешнеполитическая доктрина российского руководства базировалась на двух импортных понятиях — «декаплинг» и «революризация». Первое слово означает популярную в 2008 году доктрину, согласно которой ухудшение экономического положения в развитых странах Запада и нарастание там финансовых проблем не будут вести за собой сокращение темпов роста в развивающихся странах. «Революризация» — другая модная теория 2008 года. Согласно этой гипотезе, резкие изменения цен на сырье, которые имели место в 2000-е годы, не носят конъюнктурный характер, а отражают принципиальное изменение баланса цен разных факторов производства. Сырье становится дороже, и его роль будет возрастать. Отсюда декларации Лаврова летом 2008 года. *Было заявлено, что Россия не только мощная экономическая держава, но и страна, способная к самостоятельным политическим шагам, что она выходит на некоторый самостоятельный политический курс, переходя красную черту той словесной войны, которой придерживалась до того.* Рогов констатирует, что эти доктрины в значительной степени сегодня девальвированы и цена барреля нефти определит сценарии политической ситуации в России и внешнеполитического курса. Их три. При цене ниже 30 долларов — мобилизационный госкапитализм, тотальное госрегулирование и эксплуатация внешнеполитических конфликтов для поддержания внутренней стабильности и разрешения внутриполитического конфликта в пользу сторонников жесткой линии. При цене 40 — 50 долларов — инерция, общая вялость и стремление заморозить конфликтные зоны и спустить все на тормозах. При цене выше 50 долларов

ресурсов хватает, но расходы не сокращаются, а, наоборот, начинают увеличиваться. В результате политический конфликт обостряется: необходимо закрепить результаты очередного передела собственности, который происходит сейчас, и возникает иллюзия, что довольно долго можно будет жить за счет госинвестиций. Таким образом, борьба за госинвестиции и за контроль становится очень острой. Такова детерминистская логика. Но есть еще волюнтаристский сценарий. Он связан с желанием Путина разобраться с Грузией и вернуть Украину в зону российского влияния... Как и многие, Рогов — фаталист и не видит в России перспектив модернизации и либерализации сверху. *За последние четыре–пять лет создана система, которую социолог Дмитрий Волков назвал «персонализированной госсобственностью». В каждой госкорпорации есть конкретный человек, который отвечает за данный кусок экономики. И эта система персоналистского капитализма, на мой взгляд, практически не оставляет люфта для движения системы в сторону либерализации. Она вообще не позволяет двигаться в сколько-нибудь широком диапазоне, потому что все очень не институционализировано, и любое движение угрожает той или иной группе.*

История

Одна из самых острых публикаций в Рунете на темы истории — отклик **Алексея Широпаева** в его блоге shiropaev's journal (**«Имперский Культ Бойни»**, 9 марта) на инициативу министра Шойгу «принять закон, который бы предусматривал уголовную ответственность за отрицание победы СССР в Великой Отечественной войне». Широпаев критически анализирует советский и постсоветский культ победы с точки зрения политических выгод власти. *Сейчас, в эпоху Второго Совка, усилиями лубянских мудрецов и их подручных идеологов «великая победа» превращается в «замковый камень» всей культурно-государственной концепции России-Империи, в этакое средоточие всего российского метаисторического мифа, в высший смысл и оправдание имперской истории. Более того: «великая победа» становится, по сути, религией. Верный путинский трубадур Александр Проханов, чья обязанность — всегда бежать чуть впереди кремлевского «паровоза», прямо пишет в статье под названием «Победа — религия, Сталин — святой»*: «Каждый год 9 мая в заволжской степи, покрытой первыми цветами, там, где соединились Сталинградский и Донской фронты, возникает Ангел. Громадный, прекрасный, с сияющими очами, плещет алыми крыльями. На груди у него бриллиантовая пятиконечная звезда. Он летит над местами святой Победы, благословляет все могилы, все обелиски, целует оставшихся в живых ветеранов, осеняет знамением остатки блиндажей и окопов. Прилетает в Москву, к Кремлевской стене. Опускается на могилу Вождя. Накладывает на зеленый дерн свои светящиеся руки, посылая в святую могилу животворное тепло. Слышит, как откликаются теплом нетленные мощи. Затем Ангел Победы подымается в рост, выше колокольни Ивана Великого, и взмывает в небо. И кажется, что крылья его трепещут, как военная плащ-палатка». Далее Широпаев рассуждает о том, что потери в войне начинают восприниматься как некое жертвоприношение кровью на алтарь Империи. Генералы когда-

то не жалели солдатских жизней. *Вся «великая отечественная война» — это сплошная фантасмагория ржевов и зееловских высот, больших и малых. Фантасмагория жертвенной бойни, осененной, как заклинанием, «великим русским словом "надо"». Эту войну и эту победу можно правильно осмыслить лишь в контексте истории советского рабства. И шире того: ее действительно можно считать иконой души российского Мега-Государства, иконой ордынско-имперского зла, поработившего когда-то русских. Повторяю, важно осознать: «великая победа» Советов стоит в одном ценностном ряду с ГУЛАГом как выражение ненависти и презрения к свободе и человеческому достоинству. Она вобрала в себя сущностные, изначальные качества Орды-России, лишь усиленные большевиками: «азиатский способ производства» как в экономике, так и в методах ведения войны, а также предельный антиевропейский пафос (неспроста многие историки-патриоты рассматривают «великую победу» как судьбоносную «разборку» России с гнилым Западом, подготовленную всей предшествующей историей). Можно сказать, что «великая отечественная война», «великая победа» — это концентрат России как идеи, ее палладиум, требующий постоянных «каждений» и разрушение которого обессмысливает и даже упраздняет Империю. «Великая победа» — это сегодня первый и последний из имперских смыслов; только она еще как-то сплачивает лоскутное, рыхлое, патологически огромное пространство Эрэфии и подпитывает фантом «единой российской нации». Только она все еще способна будить в массовом сознании стереотипы жертвенности и стадности, столь необходимые Кремлю сегодня, когда бьет час окончательного исторического банкротства имперского централизма. Именно фетиш «великой победы» все еще позволяет допотопной бюрократической пирамиде эксплуатировать российские регионы, прежде всего — русские, поскольку примиряет народное сознание с этим чудовищным Сверх-Государством, «спасшим нас от Гитлера». Более того: «великая победа» привносит в русское сознание сладенькое, рабское чувство сродства с Империей, которая в наших глазах, подернутых слезами восторга, превращается из кровожадного молоха в патетическую «мать-родину». Тут-то и возникают холопский энтузиазм, холопская гордость и холопский патриотизм, заквашенные на холопской любви к Хозяину.*

И напоследок нечто, что можно применить к «Континенту». А применив, поспорить. **Дмитрий Грушевский** в «Неприкосновенном запасе» (№ 1), размышляя о книге А. Млечко, посвященной эмигрантскому журналу «Современные записки» (1920–1940), полагает, что специфика и этого издания, и других эмигрантских журналов, и вообще либеральной прессы в России — это *втягивание человечества в русские проблемы*, призыв к миру задуматься о нас и нашей ситуации. *Возможно, это и есть миссия русского патриотизма — ценой авторитета своей страны или душевного спокойствия поколений создавать всему миру проблемы, решая которые, он, мир, будет развиваться... Элиты мира учатся на ошибках элит России и противостоят России, изменяя мышление, правила игры и технологии.*

Обзор подготовил Евгений Ермолин

Памяти Василия Аксенова (1932 – 2009)

ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ АКСЕНОВ — ПРОФЕССОР АМЕРИКАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В четырнадцати милях от Белого Дома, в пригороде Вашингтона, тридцать лет назад возник новый университет. Он был назван именем Джорджа Мейсона, чья Декларация легла в основу т. н. *Билля о правах* — т. е. первых десяти поправок к Американской конституции. В короткий срок это учебное заведение стало знаменитым — не только потому, что здесь начали преподавать ведущие сотрудники правительства США, но и потому, что ряд богатейших людей Америки решили оказывать вузу финансовую поддержку — и это при том, что речь шла отнюдь не о частном учебном заведении, а об Университете штата Вирджиния. Среди таких спонсоров оказался и Кларенс Робинсон, пожертвовавший многомиллионную сумму с условием: на эти средства университет будет искать по всему свету специалистов с международной репутацией по разным дисциплинам — такие профессора будут называться *Кларенс Робинсон Профессорами* (Clarence Robinson Professors) и читать лекции в основном студентам начальных курсов, а не аспирантам.

Так появились Робинсон Профессора, и вскоре одним из них стал русский писатель Василий Аксенов.

Он полностью соответствовал статусу «Робинзонов», начал вести курсы русской прозы и поэзии и проявил себя непревзойденным преподавателем. Меня избрали Робинсон Профессором через несколько лет, наши офисы располагались рядом, и теперь мы обязательно дважды в неделю виделись в университете (ВП читал лекции по вторникам и четвергам) и по нескольку раз в неделю, в промежутках между лекциями — или у нас, или у него дома. Мы стали друзьями.

Еще живя в Союзе, я часто слушал по «Голосу Америки» полуночную передачу «С того берега», которую вел Василий Павлович в его особой, совершенно неповторимой интонации задушевного рассказчика, искреннего и дружественного, благородно возвышенного и тонкого. Теперь в университете, время от времени посещая его лекции, я сразу же вспоминал те передачи: профессор Аксенов был так же красив своей искренностью и расположенностью к студентам, так же умел заражать любовью к великой литературе России. Его лекции о серебряном веке русской поэзии были обращены в сегодняшнее время и переплетались со спорами, ведущимися в американской интеллектуальной среде о необходимости сплава сегодняшнего прогресса и традиций, о поиске прекрасного в атмосфере урбанистической, технологической и практически заостренной действительности. Он переводил стихи русских поэтов (английским Аксенов владел не просто свободно, — он мог и любил изъясняться изящно и красиво), приво-

дил массу примеров из разных произведений множества авторов. Я ловил себя на мысли, что прошедшие через его лекционные курсы пара тысяч студентов-американцев (а может быть, и больше) навсегда сохранят в памяти и в душе уважение к русской литературе — ту ауру любви к своим предшественникам и коллегам, которой заражал Аксенов. В его классы каждый семестр неизменно записывались несколько десятков студентов (это было необычно — ведь у преподавателей специальной кафедры русского языка в Университете было не больше 10—12 студентов, они ревновали к славе Аксенова-лектора, но конкурировать с ним не могли).

По-моему, на второй год своей работы Робинсон Профессором я нанял себе в помощницы девушку-американку, которая сносно объяснялась по-русски. Она была из небогатой семьи и готова была прирабатывать где угодно. Василий Павлович пригласил ее помогать и ему несколько часов в неделю, и тут я узнал еще одну, до этого ускользавшую от меня вещь. Ким (так звали нашу помощницу) стала получать от Аксенова списки книг, нужных ему для подготовки к лекциям. По понедельникам и средам она подбирала в библиотеке эти англоязычные книги, и они ждали Василия Павловича на стеллаже в моем кабинете; во вторник и четверг все стопки оказывались на его столе, и он прорабатывал их к текущей лекции. Я убедился, что Аксенов методично и исступленно (долгими часами!) готовится к каждой из дежурных лекций, читает все новые и новые источники, пополняя и без того немалый запас знаний. Лекции его блистали многочисленными ссылками, историческими фактами, сопоставлениями, а иной раз и неожиданными экскурсами в, казалось бы, далекие сферы. Насколько я знаю, он не готовил подробных текстов — механически оттарабанить заранее записанную лекцию было не в его обычае. Фразы, которые он произносил, были тщательно продуманы, но рождались спонтанно. Я уверен, что, если бы эти аксеновские лекционные экспромты (хорошо и добросовестно подготовленные) были записаны и опубликованы, литературоведение обогатились бы многими новыми открытиями.

Этот стиль глубоких размышлений над изучаемым материалом Аксенов постарался внести в студенческую жизнь. Он не устраивал экзаменов в обычном смысле, а просил своих студентов в конце семестра написать на темы услышанного литературное произведение страниц на 10—15. В результате у него скопилось великое множество этих тетрадей, и он собирался в конце концов превратить все это в книгу мыслей американского студенчества.

Конечно, он продолжал много писать, и мне было интересно узнать хоть что-то о его писательском опыте. Нередко он ошарашивал меня вопросами, вроде бы не имеющими отношения к нашей жизни. Однако спустя некоторое время в его новых книгах я вдруг обнаруживал пассажи на темы, которые мы по его инициативе обсуждали. Вообще он мне много раз говорил, что работа профессором не иссушает мозг, а относительно небольшая нагрузка «Робинзонов» оставляет достаточно времени для творчества. Он засаживал себя за рабочий стол с раннего утра (чаще всего, как он говорил мне, с шести часов) и писал минимум полдня. Это объясняет феноменальную успешность Аксенова-писателя: ведь он выдавал новые книги каждый год!

Году в 92-м или 93-м мне позвонил из Москвы приятель, работавший помощником Б. Н. Ельцина, и передал просьбу президента: написать прошение о возвращении отнятого у нескольких вашингтонцев российского гражданства. Меня просили переговорить на эту тему с Аксеновым и Ростроповичем. От подобных переговоров в отношении себя я отказался сразу по очень простой причине: меня лишили советского гражданства, не спрашивая на то моего согласия, — значит, и возвратить мне его могли, не понуждая меня просить об этом. Но Василий Павлович, узнав о предложении Ельцина, загорелся сразу же. Потом ему с женой удалось с помощью заместителя московского градоначальника Сергея Станкевича вернуть отнятую в советские времена квартиру, потом в Вашингтоне появился замечательный посол России Владимир Петрович Лукин, установивший дружеские отношения с Аксеновым... Постепенно созрело решение вернуться в Россию.

И вот сегодня его не стало. Уже несколько человек из Университета звонили мне и делились простой и такой горькой мыслью: как нам будет всем не хватать замечательного профессора Аксенова, как много он оставил о себе теплых воспоминаний и у профессоров университета, и у студентов, каким важным был вклад в американскую интеллектуальную жизнь этого выдающегося русского писателя и преподавателя.

Валерий Н. Сойфер,
профессор Университета имени Джорджа Мейсона
Фэйрфакс, США
6 июля 2009 года

Владимир МОЖЕГОВ

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПОД СТАЛИНСКОЙ ЗВЕЗДОЙ

Обзор публикаций на религиозные темы

> Сергианское принятие государства в своем развитии должно привести к воссозданию государственно-послушной синоидальной церкви в России. Если возглавитель церкви приносит такие жертвы перед лицом власти гонителей, то каких жертв не принесет власти благосклонной... обещающей церкви свое покровительство?..
>
> *Георгий Федотов*

В статье «Конец Эпохи. От тоталитаризма к фундаментализму»[1], прослеживая путь Русской церкви в XX веке и анализируя настоящее положение дел, автор этих строк делал попытку предугадать наше возможное будущее. И мои итоговые размышления оказались созвучны тревожным предчувствиям Г. П. Федотова, вынесенным в эпиграф этой статьи. И неудивительно: оба мы исходили из одних и тех же этических предпосылок. *Как не гнусен большевизм,*— писал Федотов, — *можно мыслить нечто еще более гнусное — большевизм во имя Христа. Методы ГПУ на службе церкви были бы в тысячу раз отвратительнее тех же методов на службе у безбожия.*

Прошлый год действительно дал немало поводов такого рода тревогам. Но эпоха кончается (а новая эпоха рождается) не одним мгновением. И нынешний церковный год тоже оказался наполнен событиями символичными и важными. Это, конечно, прежде всего, выборы нового патриарха и совершенно новая конфигурация церковно-государственных отношений, сложившаяся после них. Это и судьбоносное решение президента о введении религиозного образования в школах и института капелланов в армии, вновь открывающее перед Русской церковью перспективы государственного имперского института. Первое лето нового патриарха запомнилось и своеобразными миссионерскими проектами, и первым большим визитом в Украину, после которого о владыке Кирилле заговорили как о «выдающемся политике».

[1] «Континент», № 138.

Владимир МОЖЕГОВ — родился в 1968 г. в Воркуте, окончил Академию кино и телевидения в Санкт-Петербурге. Автор многих работ на религиозно-философские, культурологичские, историософские темы, публиковавшихся в российских СМИ. В «Континенте» печатается с 2007 г. Живет в Волоколамске.

Очередную порцию символических плодов принес, как всегда, август: годовщина войны в Грузии, вылившаяся в беспрецедентную антигрузинскую пропагандистскую кампанию; катастрофа на символе советской эпохи Саяно-Шушенской ГЭС (которую тут же сравнили с Чернобылем, объявившим начало Перестроечной эры); и наконец, последним аккордом этого знаменательного лета стали поистине сюрреалистическое отпевание патриархом Кириллом творца всей последовательности советских-постсоветских гимнов Сергея Михалкова в Храме Христа Спасителя и проявившиеся в те же дни (как «мене-текел-фарес») слова первого советского гимна на стене станции метро «Курская»: *Нас вырастил Сталин на верность народу. На труд и на подвиги нас вдохновил...*

Впрочем, «информационная война» вокруг имени Сталина и начала Второй мировой войны (которую на этот раз инициировали не слишком осторожные слова архиепископа Илариона (Алфеева) о Сталине и резолюция ОБСЕ, сравнявшие фашистский и коммунистический тоталитарные режимы XX века) продолжалась, не утихая ни на минуту, все лето.

С этих споров мы и начнем.

Часть первая. Сталинисты и другие

Неудобная и опасная тема ползучего сталинизма в народе и церкви неизменно вылезает наружу, как нераскаянный грех. В 2008 году чуть было не завершился оглушительным скандалом помпезный раскрученный проект «Имя Россия». Лишь ценой немалых усилий удалось избежать скандала, стащив Сталина с первого места, которое он уверенно занимал в народных симпатиях, на итоговое третье.

В прошлом году широкую дискуссию вызвал скандал с иконой, написанной по мотивам легенды о благословении Матроной Московской Сталина в 1941 году, выставленной игуменом Евстафием (Жаковым), настоятелем храма Святой Равноапостольной Княгини Ольги на Михайловской Даче под Петербургом.

Имя игумена-сталиниста снова всплыло в феврале 2009-го, когда он стал участником передачи Андрея Малахова. В теле-шоу ему оппонировал диакон **Андрей Кураев**, оставивший на своем форуме такую информацию: *Пошел ради того, чтобы посмотреть на сталиниста-игумена Евстафия. Случай оказался более запущенным, чем я думал. О. Евстафий — родственник Ленина! В Сталине видит Божьего вестника, который помогал людям найти дорогу в Царство Божие, раздавая им мученические венцы (аналогичная бредня есть у самых отъявленных почитателей Ивана Грозного)*[2].

[2] По поводу родства с Лениным сам игумен дает такие разъяснения в интервью (АПН-Северо-Запад): — *В мавзолее лежит двоюродный брат моей бабушки — Евдокии Александровны Ардашевой. Они были очень дружны. Однако бабушка, видимо, была несогласна с некоторыми экстремистскими высказываниями будущего вождя, и постепенно произошло некоторое охлаждение. У нас в семье к Ленину отношение двойственное. Моя прабабушка была обижена при дележе имущества, она даже умерла с расстройства. Но это все давно ушло...*

В начале года история с 67-летним отцом Евстафием, называющим Сталина своим духовным отцом, завершилась снятием его с должности настоятеля и назначением вторым священником храма. Никаких иных взысканий не последовало. Формально церковное начальство удовлетворило прошение отца Евстафия об освобождении его от настоятельских обязанностей. Икона с изображением святой Матроны Московской, благословляющей Сталина, была удалена из храма и возвращена дарителям.

Летом 2009-го сталинская тема вновь взорвала церковное и светское общество...

1. Споры вокруг высказываний архиепископа Илариона

В начале июня шумный ропот в консервативных и вопросительное оживление в либеральных кругах вызвала проповедь патриарха Кирилла в московском Сретенском монастыре, в которой была высказана мысль, что Великая Отечественная война явилась наказанием Божьим *за страшный грех богоотступничества всего народа, за попрание святынь, за кощунство и издевательство над церковью.*

Ажиотажа добавило то, что буквально за месяц до слов патриарха президент Дмитрий Медведев, посетовав на попытки искажения событий Великой Отечественной войны с целью приуменьшить подвиг советского народа, инициировал кампанию «против фальсификации истории» и подписал указ «*О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России*».

На волне упорных слухов о том, что в институты и госучреждения рассылаются официальные письма, в которых от сотрудников требуют составлять списки «фальсификаторов», а в Госдуме готовятся поправки в Уголовный кодекс, предусматривающие ответственность для лиц, повинных в «реабилитации нацизма», а также отдельный законопроект, направленный на борьбу с «реабилитацией нацизма в сопредельных государствах», слова патриарха были восприняты некоторыми либеральными публицистами чуть ли не как демарш РПЦ против власти...

Тут и разразилось скандальное **интервью архиепископа Илариона**. Причем вопрос, заданный журналистом «Эксперта», прямо отталкивался от недавних слов патриарха и звучал так:

— Недавнее выступление патриарха Кирилла, посвященное победе в Великой Отечественной войне, вызвало довольно острую критику — в том числе людей, приближенных к околовластным кругам. Патриарха критиковали за то, что он оценивает победу как чудо, а тяготы войны — как расплату за богоотступничество. Патриарха критикуют также за то, что он недостаточно оценил роль Сталина и большевиков. В какой степени вы готовы противостоять подобной критике?

Архиепископ ответил:

— Я считаю, что Сталин был чудовищем, духовным уродом, который создал жуткую, античеловеческую систему управления страной, построенную на лжи, насилии и терроре. Он развязал геноцид против народа своей страны и несет личную ответственность за смерть миллионов безвинных людей. В этом плане

Сталин вполне сопоставим с Гитлером. Оба они принесли в этот мир столько горя, что никакими военными или политическими успехами нельзя искупить их вину перед человечеством. Нет никакой существенной разницы между Бутовским полигоном и Бухенвальдом, между ГУЛагом и гитлеровской системой лагерей смерти. И количество жертв сталинских репрессий вполне сопоставимо с нашими потерями в Великой Отечественной войне...

Ответ владыки Илариона вызвал настоящий шквал негодования со стороны консерваторов и новую волну оживления в либеральных кругах.

Характерным проявлением первых стало **Открытое письмо архиепископу Илариону** доктора политологических наук полковника запаса **В. Б. Павленко.** Называя Сталина *выдающимся государственным и историческим деятелем, немало сделавшим в том числе и для восстановления авторитета традиционных ценностей*, В. Б. Павленко характеризовал слова владыки как *возмутительные и бестактные*, подвергающие дискредитации не только имя Сталина, но также тысячелетний авторитет Русской Православной Церкви. «*Это — глупость или предательство?*» — риторически вопрошал *прихожанин и гражданин* В. Б. Павленко. — *А, может быть, это — политический заказ определенных сил, которые сегодня вовсю аплодируют Вашим инвективам...*

Из других апологий Сталина выделим статью **Александра Елисеева «Антисталинская мифология против реальности»**, опубликованную на консервативно-православном сайте «Правая Ру» и сайте Егора Холмогорова «Русский обозреватель». Сталинские репрессии Елисеев оправдывает наличием военных заговоров: *Сталин сумел победить в этой борьбе «партию» Тухачевского, отсюда и репрессии военных... В кадровом отношении мы имели в 1941 году армию лучше той, что существовала до 1937 года. И ее создал в 1939—1941 годах Сталин, использовавший передышку, которую ему дало советско-германское сближение.*

Отстаивая другой традиционный аргумент в защиту Сталина — о том, что масштабы сталинских репрессий сильно преувеличены, — Елисеев приводит, ничуть не сомневаясь в их достоверности, данные справки генпрокурора Р. Руденко, министра внутренних дел С. Круглова и министра юстиции К. Горшенина, представленной Хрущеву 1 февраля 1954 года. В справке говорилось, что с 1921 по 1954 годы «за контрреволюционные преступления», по данным МВД, было осуждено 3.777.380 человек, в том числе к высшей мере наказания — 642.980.

Наиболее интересные замечания по поводу высказываний архиепископа Илариона из консервативного лагеря прозвучали в **интервью** публициста **Андрея Рогозянского** «Русской линии». Он отметил, что ранее церковь воздерживалась *от резких оценок отечественной истории XX века*, и связал интервью архиепископа Илариона с желанием иерархии играть бóльшую, чем раньше, роль в политике: *Времена и сроки подходят, и от иерархии РПЦ ждут более прямых заявлений, с кем она.* Сталинские же репрессии Рогозянский связывает с общим вкусом эпохи. *Тоталитаризм являлся общественно-исторической формой для первой половины XX века и чуть позже, причем не только в СССР и в нацистской Германии. В тоталитарном формате существовали общества всех крупных стран, включая США, Англию, Японию и т. д. Оставшиеся были колониями или оккупированы. Почитайте историю*

предвоенных Соединенных Штатов — все, что угодно, от полутюремных принудительных работ до продуктовых талонов и «сухого закона». Облавы, чистки низов. Миллионы пропавших без вести. Просто это предпочитают не помнить. <...> Нужно смотреть на условия. Востребован в государственном управлении и обществе тогда был вполне определенный человеческий образ. <...> Люди, как говорят, «вегетарианских вкусов» в этой системе не выживали. Настроение эпохи в целом было не вегетарианское. И если на то пошло, вот это настроение большинства и должно было стать предметом обличения. <...> На мой взгляд, нужно оставить Сталина, а заниматься тем, почему и откуда в обществе берутся и расцветают античеловеческие течения, которые производят на свет многие вещи, в т. ч. и тоталитарных тиранов. Если перестать гоняться за Сталиным, который для многих является таким... очень удобным записным злодеем, то наверняка окажется, что наше общество и мы сами сегодня воспроизводим похожие черты. То есть, скажем, при Сталине считалось, что человек — грязь и сырье для государственного строительства, зато аборты считались аморальным явлением. Или оставление сирот считалось аморальным явлением. Теперь же на Сталина и репрессии смотрят как на преступление, зато сделать аборт или оставить сироту общественным мнением оправдывается. Что же изменилось по сути? Лучше стало или хуже?.. В 30-е годы мимоходом, по общему правилу «стучали» на соседей или коллег по работе и славили коммунистическую партию. Сейчас в том же тоталитарно-либеральном порядке делаются свои вещи. Вот против этого, мне представляется, должен предупреждать архипастырь в первую очередь.

Подытоживая свои оценки, Рогозянский отметил, что *своим интервью «Эксперту» архиепископ Иларион показывает, что в части своего политического мировоззрения Церковь способна сосредоточиться на антисоветской, антикоммунистической риторике.* Заслуживает внимания и такая мысль: *антикоммунизм в настоящий момент — это паллиатив для борьбы с национально ориентированными силами, которые пришли во власть при Путине. Завуалированное средство борьбы за вытеснение Путина из политики. Не случайно, как только возникает критика Путина, его оппоненты на Западе и внутри страны дружно начинают сравнивать его с тоталитарным диктатором и тыкать пальцами то в Гитлера, то в Сталина.* Видимо, Рогозянский намекал на трения между Медведевым и Путиным (партия которого, как известно, поддерживала на выборах патриарха Климента Капалина).

Не менее показательны оказались и оценки либералов. **Алексей Храмов** на сайте «Каспаров.ру» пишет: *Московская патриархия нашла смелость, чтобы обозначить собственную позицию по отношению к событиям Великой Отечественной войны, которая значительно расходится с «правильной».* Что дает автору повод сделать вывод о *десоветизации РПЦ.*

Восторженно комментирует высказывания патриарха и архиепископа Илариона и **Леонид Радзиховский**: *Я аплодирую Илариону! У Кирилла есть шанс стать великим патриархом!* На волне восторга Радзиховский даже публикует наделавшую шуму статью в защиту клерикализма.

Более сдержан **Борис Колымагин** (портал «Credo.ru»). По его мнению, предстоятель РПЦ и глава ОВЦС *посылают власти сигнал, что Московская патриархия не станет в исторических дискуссиях во всем подыгрывать Крем-*

лю. Ведь кампания против «фальсификаторов» может ударить и по церкви. *Как, к примеру, церковно писать о Псковской миссии, не боясь быть обвиненным в «искажении» партизанской борьбы? Как говорить о репрессиях и уничтожениях памятников культуры советскими войсками (взорвали, например, ничтоже сумняшеся, колокольню Иосифо-Волоцкого монастыря), не боясь быть обвиненным в очернении героического прошлого?* Колымагин замечает также, что мысль о жертвах, понесенных во время Великой Отечественной, как о прямом следствии богоотступничества русского народа часто звучала в религиозном подполье в 70-е годы.

Многие недоумения относительно высказываний патриарха и его ближайшего сподвижника отразились в статье **Платона Прохорова «Воля божия и воля человеческая»** (портал «Credo.ru»). *С одной стороны, это и сигнал, поданный Кириллом вполне в духе его импульсивной ментальности властям и массам с напоминанием, что возглавляемая им церковная структура неприкосновенна и за пренебрежение ее интересами можно жестоко расплатиться. С другой стороны, это и серьезная, почти катастрофическая ошибка патриарха, взявшего на себя роль обличителя, потому что с обвинениями, брошенными пострадавшему народу, вышло вовсе не как у митрополита Филиппа, а совсем наоборот. Ляпы такого масштаба сами не рассасываются, и закамуфлировать их силами пресс-клерков Московской патриархии типа примелькавшихся на ТВ протоиереев невозможно... Поэтому, чтобы выправить невыгодный, а то и опасный крен «церковного корабля», случившийся по вине новоиспеченного святейшего идеолога, вероятно, и потребовалось резко «вывернуть руль» руками наиболее серьезной (после патриарха) церковной фигуры, на роль которой, кроме архиепископа Илариона, в РПЦ МП сегодня больше, в общем-то, и некому претендовать. <...> Однако*, — пишет Прохоров,— *чтобы оставаться до конца последовательной, РПЦ МП теперь необходимо осудить и сергианство, принеся «в жертву правде» собственную традицию религиозной организации, сформированной большевиками.*

Звучали и более скептические оценки. Так, **Роман Лункин** в статье **«Сталинизм без Сталина»** (Кредо.ру) поставил на одну доску как православных радикалов, восхваляющих Сталина, так и самого владыку Илариона, в заявлениях которого *нет ни слова против самой системы государственной власти, сформировавшейся при Сталине, и нет осуждения церковной политики советского государства, превратившей многих иерархов в лицемеров и агентов госорганов.* Называя неосталинистами и тех и других, Лункин утверждает, что *громкие высказывания патриарха Кирилла и архиепископа Илариона о «чуде победы»... и о том, что жертвы войны были попущены Богом за грехи безбожия, призваны как-то «христианизировать», церковно интерпретировать сталинский период с его триумфами.* Громкие антисталинские заявления высших иерархов — это лишь *попытка заставить народ поверить, что православная история в СССР не прерывалась, что народ всегда был православным, а «отдельные отклонения» в виде воинствующего атеизма были тут же жестоко пресечены Богом...*

Подтверждая свои мысли, Лункин приводит в пример недавнее выступление архиепископа Читинского РПЦ МП Евстафия, который по-своему развивал заявления патриарха Кирилла в передаче на местном ТВ,

посвященной борьбе с алкоголизмом. *По словам Евстафия, Россию развращает Запад «согласно плану Даллеса», и Господь вовремя очистил Церковь от разложения в ходе сталинских гонений, а войну, которая прокатилась по всем городам, деревням и селам, Бог попустил за грех безбожия, чем также очистил страну. В настоящее время, уверен владыка Евстафий, надо ввести духовную цензуру в СМИ, а по телевидению показывать советские фильмы 1950-х, 60-х и 70-х годов, которые говорят о доблести и патриотизме.*

2. В ожидании «фашистского Шарикова»

Среди множества комментариев почти не было, однако, попыток посмотреть на проблему сталинизма в церкви с точки зрения христианства. Редкими исключениями стали нижеследующие высказывания.

Член Синодальной комиссии по канонизации святых **протоиерей Георгий Митрофанов** в интервью газете «Кифа» говорит о православных массах, представляющих себе Церковь как *суррогат советской организации, которая наделяет их новой тоталитарной идеологией, замешанной на их политических, психологических, национальных комплексах, исполненной духа ненависти, духа недоверия к человеку как таковому. Перепуганные постсоветские обыватели находят в ней, как им кажется, тихую заводь, позволяющую стройными рядами идти теперь уже не в светлое коммунистическое будущее, а в Царство Небесное...* Этот «темный двойник» Церкви оказывается *результатом нашей «советскости»*. Автор отмечает также *поразительную нечувствительность людей к слову*. Он пишет: *Более изолгавшейся страны, наверное, не было в истории человечества. Но не было и страны, в которой слово бы так обесценилось, как это произошло у нас. Вот почему эта кажущаяся иллюзия нашего легкого перехода «от советского прошлого к святой Руси» заставляет очень многих современников пребывать в ощущении того, что они стали кем-то другим, хотя на самом деле ничего не изменилось. Страна нераскаянных Каинов вряд ли может войти в Царство Небесное. Более того, такая страна вряд ли может стать местом деятельности активной честной одухотворенной церкви. Вот почему очень часто наша современная православная церковь вызывает у многих совестливых искренних людей — и это очень тревожный симптом конца 90-х-начала 2000-х годов — ощущение какой-то неподлинности.* <...>

И вот появляется уже идея православного Сталина. Ощущение того, что мы жили в великой стране и сейчас она распалась (хотя о величии той страны можно еще спорить),.. должно получать компенсацию тем, что мы находимся в великой Церкви, а эту великую Церковь спас от уничтожения Сталин. И вот это ощущение того, что мы должны как-то компенсировать недостаток духовной жизни раздуванием у самих себя ощущения собственного национального величия, — по существу, ведь это неоязычество, символом которого становится слегка оправославленный Сталин.

В программе «Уроки истории» епархиального радиоканала «Град Петров» отец Георгий Митрофанов сделал еще несколько интересных замечаний: *Мы, наверное, все хорошо помним — те, кто постарше,— что в так называемое застойное, брежневское время, когда гласно критиковать власть было невозможно, а те, кто это делал, за это расплачивался свободой, а иног-*

да и жизнью, у нас была очень популярна такого рода критика власти: скажем, приклеивание к ветровому стеклу машины портрета Сталина. Вот, казалось бы, что это означало? Сталинский портрет на каком-нибудь грузовике? Рассуждения, которые с достаточной регулярностью, начиная с 1964 года, стали появляться в средствах массовой информации, о том, что Сталин, безусловно, допускавший перегибы и создавший культ личности, все-таки в некоторых отношениях сыграл очень позитивную роль в истории нашей страны. Я хочу обратить ваше внимание, что очень многие были недовольны той жизнью, которой жила страна в брежневское время, но критиковать ее, по существу, было нельзя, и существовала лишь одна, очень интересная форма критики — что, оказывается, нынешние коммунисты плохи тем, что они отступили от сталинских заветов...

Своеобразным итогом споров вокруг высказываний архиепископа Илариона стало суждение директора Школы молодежного служения московского Свято-Данилова монастыря РПЦ МП **игумена Петра (Мещеринова)**, размещенное сперва на его блоге, а затем растиражированное многими сетевыми СМИ. По мнению отца Петра, массовые выступления православных публицистов в защиту Сталина свидетельствуют о том, что нравственное состояние россиян *не становится более христианским и церковным*. Нынешнее духовное состояние российского народа и особенно власти пронизано *невротическим, глубоко болезненным* комплексом *катастрофической неполноценности*, который несовместим не только с христианством, но и с элементарной этикой. При этом «православные сталинисты» защищают не саму личность Сталина и не сталинское время (в которое, по мнению автора, *реально не захотел бы жить ни один из сталинских апологетов*), а *нечто свое, личное, родовое, семейное, культурное, социальное, национальное и общественное... Каждый из оппонентов отстаивает, в конце концов, себя.* И это очень характерно. А коль скоро нравственный тренд общества и власти таков, то, рассуждая в библейской парадигме, следует ждать катастрофы: *нам предстоит распад страны. Кавказ и Дальний Восток, Калининград, а может быть, и национальные республики рано или поздно отпадут от России. Но эти центробежные процессы только ускоряются сегодня внешнеполитическим курсом нашей власти. <...> Сегодня мы наблюдаем явное стремление России отделиться от западного мироустройства и водить дружбу... с теми странами, которые подчеркивают свое антизападничество. Но ориентация России на Китай и Азию под антиевропейское улюлюканье народа — выход из парадигмы христианской цивилизации. Получается, что мы вопим о своем христианстве, а на деле геополитически от него явным образом отказываемся. То есть — это потеря не только территорий, но и самого стержня существования отечества как христианской (или хотя бы постхристианской) цивилизации.*

Если говорить о внутренней политике, — пишет дальше отец Петр, — *то очевидно нас ждут социальные потрясения. Самым же страшным их результатом будет вот что: как ни пакостна современная власть, но в результате озлобления народа к власти придет полный отстой — фашистско-националистический «Шариков».*

Что будет с Церковью? Ее ждет «острое прояснение, who is who», в результате которого... выяснится со всей определенностью, что христиан крайне

мало и что нынешнее русское православие как Церковь Христова — дутая величина, потому что дороже всего на свете русским православным культурные достижения советской эпохи, сталинская архитектура, ядерная бомба вместо сохи, величие державы и прочее, прочее, прочее. Элементарный вопрос — как ко всему этому отнесся бы Христос — не приходит в голову.

...То, что многие нынешние православные считают нравственно возможным сравнивать чудовищные, вопиющие к небу злодеяния и какие-то жалкие «блага» и «величия» мира сего,.. значит, что то, чем мы кичимся, — наше православие, — реально не является христианством... А раз так — то и привет. Где лаодикийская церковь? сардийская? пергамская? Там же и русская будет...

Я не знаю, — пишет отец Петр, — *что могло бы заставить людей переменить свои взгляды*, а значит, осталось недолго: *и Россия, и ее церковная часть будут наказаны. Россия — за свою омерзительную распальцовку, ложь, нечеловеколюбие, гордость, глупость, наглость, поклонение золотому тельцу. Церковь русская (в лице многих православных) — за то, что встроилась целиком в этот вариант падшего мира сего и прониклась его смертоносными стихиями.*

Что же делать? Да в том-то и дело, делать что-либо уже поздно! Остается осознать все это и готовиться к разворачиванию трагедии...

3. Реакции и прогнозы

Оценки отца Петра вызвали реакцию, пожалуй, мало чем уступающую реакции на высказывания самого архиепископа Илариона. А вскоре последовали и оргвыводы. 8 июля **ведущий** информационной **программы «Вести+»** телеканала «Россия» упрекнул отца Петра (Мещеринова), а также профессора Санкт-Петербургской духовной академии протоиерея Георгия Митрофанова за его высказывания о генерале Власове в *антипатриотической настроенности*. Вскоре игумену Петру пришлось закрыть свой блог в ЖЖ[3].

Комментируя закрытие блога отца Петра, **Владимир Ойвин** в статье **«Гаррота для российского свободомыслия»** на портале «Credo.ru» писал: *Пока мысли игумена Петра были достоянием сравнительно небольшого числа читателей его ЖЖ, его терпели. Но как только они... получили широкую известность, так, вероятно, последовал окрик, и игумен Петр, во избежание прещений или других дисциплинарных воздействий, свой блог ликвидировал. Такой блог для властей предержащих был тем более опасен, что под его материалами охотно подписались бы не только многие трезво мыслящие православные, но и верующие других конфессий и деноминаций, и даже неверующие.* Следующим, кому попытаются заткнуть рот, по мнению Ойвина, станет отец Георгий Митрофанов, в недалеком же будущем *легальных отдушин* такого рода не останется вовсе.

И прогнозы вскоре начали сбываться. 6 августа распоряжением митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира протоиерей Георгий Митрофанов был исключен из Комиссии по канонизации святых

[3] Посты игумена Петра за период с февраля по середину июля 2009 года сохранены по адресу http://orleanz.aihs.net/igpetr/.

Санкт-Петербургской епархии. По мнению петербургского православно-консервативного **агентства «Русская линия»**, удаление священника из состава комиссии связано с апологией генерала Власова и попытками представить Великую Отечественную войну как *советско-нацистский конфликт*. (Действительно, этим летом вышла вызвавшая большой резонанс книга протоиерея Георгия Митрофанова «Трагедия России. "Запретные" темы истории XX века»[4], в которой отец Георгий давал свои оценки событиям Второй мировой войны и неоязыческим национально-политическим утопиям, популярным в народе и церкви.)

В адрес отца Георгия посыпались обвинения со стороны православных консерваторов. Агентство «Русская линия» развернуло против него настоящую войну. А в начале сентября последовало заявление РПЦЗ, защищающее генерала Власова. Это заявление вывело информационную войну на новый виток. Но это уже тема следующего обзора...

4. Принятие резолюции ОБСЕ

Интервью архиепископа Илариона вышло 23 июня. А 6 июля, в самый разгар полемики вокруг высказываний архиепископа, Парламентская ассамблея ОБСЕ приняла резолюцию «*Объединение разделенной Европы: защита прав человека и гражданских свобод в XXI веке в регионе ОБСЕ*», осуждающую сталинизм и нацизм как режимы, чертами которых стали геноцид и преступления против человечности, и предлагающую отмечать 23 августа, день подписания пакта Молотова-Риббентропа, как день памяти жертв сталинизма и нацизма. Инициаторами резолюции (носящей, заметим, исключительно рекомендательный характер) стали словенец Роберт Бателли и член парламента Литвы Вилия Алякнайте-Абрамикене. Резолюция ОБСЕ вызвала резко негативную оценку российской делегации, глава которой **Александр Козловский** назвал уравнивание нацистского режима и политического режима СССР, который внес «*решающий вклад в разгром фашизма*», *надругательством над историей*.

Резолюция ОБСЕ, став темой многочисленных комментариев и ожесточенных споров в российских СМИ, резко подняла градус «сталинской дискуссии» в Русской церкви. Так уже упоминавшийся **ведущий программы «Вести+»** конспирологически указал в своей программе на *полную синхронность* между выступлениями двух представителей церкви и последней резолюцией ПАСЕ, приравнявшей сталинизм к нацизму. (Правда, забыв почему-то при этом указать на синхронность высказываний архиепископа Илариона, однозначно ставящего знак равенства между ними.)

Наконец, высказался и патриарх. 29 июля, выступая в прямом эфире украинской телекомпании «Интер», он сказал: *Не оправдывая, а осуждая репрессивные режимы, мы должны все-таки при всем этом делать различия между репрессивным и человеконенавистническим режимами. Вот для меня нацизм — это режим человеконенавистничества, сталинизм — это репрессивный*

[4] Программу Александра Архангельского «Против течения», посвященную книге прот. Георгия Митрофанова, можно посмотреть на сайте РИА-новости: www.rian.ru/videocolumns/20090623/175168283.html.

режим. Патриарх назвал сталинизм также *преступным режимом, потому что в результате его действия погибали невинные люди.* Однако призвал помнить, что во Второй мировой войне *именно Советский Союз более всего жертв положил на алтарь освобождения — и своей страны, и всего мира* и что антигитлеровская коалиция демократических стран — лучшее доказательство того, что нельзя ставить на одну доску нацизм и сталинизм.

Таким образом, патриарх Кирилл поставил относительную точку в спорах о высказываниях архиепископа Илариона, во многом дезавуировав его слова.

5. Некоторые выводы: реакция церкви

Итак, поскольку вся эта история как будто бы получила некоторое завершение, попробуем сделать выводы и мы. Как видим, ни о каком противостоянии властям со стороны руководства РПЦ говорить не приходится. Патриарх Кирилл действует вполне в русле государственной политики. Правда, несколько более раскованно и самостоятельно, чем его предшественники. Что, понятно, рождает всевозможные недоумения: хочет ли нынешний патриарх больше влиять на политику? Заявить о своей самостоятельности? Позиционировать себя, подавая этим сигнал власти?

Все эти предположения оправданы и уместны. Есть здесь, наверное, и подспудное раздражение «второй ролью» при очевидном интеллектуальном и харизматическом превосходстве, и раздражение на церковных маргиналов, портящих имидж респектабельной, современной солидной церкви, которую старательно создает патриарх Кирилл.

Думается, до конца красноречиво намерения патриарха раскрылись в середине августа, когда в ходе своего визита на российский Север он предложил создать на Соловках общенациональный центр по изучению гонений на церковь в XX веке. Этот шаг (который внимательные наблюдатели тут же расценили как стремление РПЦ формировать государственную идеологию России) ясно явил магистральное направление мысли патриарха — мощно позиционировать церковь как мученицу, пострадавшую от тоталитарной власти.

Очевидны стратегические выгоды такого курса. С одной стороны, это позволяет патриарху занять определенную позицию силы, дает возможность влиять на власть, играя на ее чувстве вины; а с другой, таким образом можно, избежав покаяния, похоронить многие неудобные вопросы, связанные с сотрудничеством иерархии с НКВД, с отречением от мучеников, с восхвалениями Сталина и проч.

В свете этих планов слишком понятно раздражение патриарха на церковных сталинистов. Что же до архиепископа Илариона, то он просто слишком восторженно схватывает непосредственные флюиды патриаршей мысли и слишком эмоционален в их выражении.

Итак, причин, заставляющих высших церковных иерархов высказываться так, как они высказались, достаточно много, но настоящая, кажется, только одна. Патриарх слишком верит в свою роль в истории. Очевидно его желание (и главное — способность) стать не просто выразителем курса, но идеологическим кормчим, самому возглавить генеральную линию. И дума-

ется, если бы он нашел в себе смелость признать, что сама церковь, на которой лежит главная ответственность за духовное здоровье народа, разделяет вину за случившееся со страной в XX веке, то результаты его усилий были бы иными, чем имеющаяся на сегодня буря недоумений, которые приходится разрешать все новыми компромиссами.

Кстати, архиепископ Иларион в своем интервью все это почти и выговаривает (на что внимания никто, кажется, так и не обратил). А говорит он буквально следующее: *Если бы все было хорошо в дореволюционной церкви, не было бы массового отхода от нее в революционный и постреволюционный период. Может быть, не было бы и самой революции...*

Но одно дело — высказывания архиепископа Илариона, другое — патриарха. И вот в чем главная беда всех полуправд: они будят стихию, дразнят ее, но оказываются не в состоянии ее обуздать и малодушно бегут, как только стихия начинает поднимать голову... А новые компромиссы порождают и новые срывы, и новые тупики.

Такова и скандальная история с анафемой журналисту, прозвучавшей из псковской епархии.

6. В зеркале анафем

Напомню, что прелюдией нового патриаршества стала история противостояния митрополита Кирилла и епископа Диомида, которая завершилась анафемой последнего всей «сергианской церкви» и последующим извержением самого мятежного епископа из сана[5].

Как ни относись к тем злополучным событиям, а совершенно очевидно, что за год, прошедший с их катастрофического разрешения, произошло полное переформатирование церковной власти (да и жизни). Удивительно и то, как зеркально в событиях нынешнего года отразилась прошлогодняя ситуация. Сперва демарш ультраправых (в данном случае — игумена-сталиниста). Затем сдержанно-раздраженные высказывания патриарха Кирилла. Потом несколько истеричное усиление тезиса архиепископом Иларионом. После чего последовал срыв и взрыв негодования. Но, пожалуй, самое удивительное — анафема, прозвучавшая практически день в день с прошлогодней!

Итак, по порядку. 17 августа 2009 года **сайт Псковской епархии РПЦ МП** обнародовал решение Епархиального совета об анафематствовании журналиста местной газеты «Правда» Олега Дементьева, принятое еще 14 июля (то есть, вскоре после заявлений патриарха и скандального интервью архиепископа). Гнев епархиального начальства вызвали статьи Олега Дементьева против местного Спасо-Елеазаровского монастыря. *В связи с непрекращающейся гнусной клеветой и сатанинской ложью в адрес насельниц Спасо-Елеазаровского монастыря и, в частности, игумении Елисаветы (Беляевой)... Дементьев Олег Владимирович отлучается от православного церковного общения и предается анафеме — проклятию,*— говорится в постановлении Епархиального совета. (Примечательно, что сам Олег Дементьев —

[5] Об этой истории мы подробно рассказывали в статье «Диомидиада. Анатомия раскола» — «Континент», № 137.

неверующий коммунист и что анафема названа не отлучением, что было бы нонсенсом, поскольку Дементьев не член РПЦ, а *проклятием*.)

Сам **Олег Дементьев** так раскрывает суть дела в интервью порталу «Credo.ru»: *Тем, кто не знает, о чем шла речь в корреспонденциях "Осиное гнездо" под золотыми куполами» («Псковский рубеж», 3, 2008) и «Ночь с монашенкой — торг уместен» («Правда», 5, 2008), сообщаю, что рассказывалось в них о деяниях, несовместимых со служением Богу. Например: о пьянстве и матерщине послушниц, о блуде, о понуждении игуменией Елисаветой... к «дарению» монастырю домов и земельных участков жителей деревень Елизарово, Замельничье, Погорелка, Гора и других, часто путем прямого шантажа и запугивания («Здесь место проклятое, ваши дети ослепнут»; «Ты помрешь» и т. д.). У самой игумении в собственности почти три гектара земли, у ее подельницы Е. В. Брюзгиной — 181,23 га. Организовано сельскохозяйственное ЗАО «Верхолино», в котором нет ни одной единицы сельхозтехники и ни одной головы скота!*

Как рассказала одна из женщин, позвонивших на Радио «Свобода», у заместителя председателя Госдумы РФ Любови Слиски рядом с монастырем приобретены земельные участки. Она тесно общается с игуменией Елисаветой и помогает ей, подавляет представителей псковских властей своим не терпящим возражений словом.

Несколько ранее (14 апреля) Арбитражный Псковский городской суд признал сведения, распространенные автором статьи, *несоответствующими действительности, порочащими репутацию Спасо-Елеазаровского монастыря и монашествующих*. А спустя три месяца и последовала скандальная анафема Епархиального Совета. Причем решение епархии было обосновано статьей «Основ социальной концепции РПЦ», дающей право епархиальному начальству в случае возникновения конфликтов со светскими СМИ *предать каноническим прещениям виновных*.

Анафема вызвала шок светских журналистов. Даже безусловно лояльная власти «Российская газета» откликнулась недоуменной статьей **Елены Яковлевой «Проклятые журналисты»**. А журнал «Эксперт online» заключил статью **«Подвели под монастырь»** следующим комментарием главного редактора газеты «Псковская губерния» **Льва Шлосберга**: *Олег Дементьев отреагировал на реально существующую проблему... Фактически государство дало полный карт-бланш на получение РПЦ статуса правящей церкви, практически любые деяния которой получают благословение светской власти. В такой ситуации в состав церковначалия потянулось и заняло в нем господствующие позиции большое число откровенных стяжателей, которые превратили свои приходы в масштабный бизнес, включая скупку движимого и недвижимого имущества... На средства федерального бюджета идет масштабное новодельное строительство, игуменья Елисавета планирует максимально возможную скупку земель и зданий... Игуменья пользуется покровительством вице-спикера Госдумы Любови Слиски... Граждане обратились к Дементьеву, он написал большую статью, но в условиях сложного сбора показаний свидетелей не смог соблюсти правил журналистской техники. Потом от него отказалась редакция, и суд был проигран. Предание светского гражданина, не являющегося членом клира, анафеме является просто глупостью и показыва-*

ет, кроме того, что Псковская епархия категорически не приемлет ни критики как таковой, ни внимания к ее хозяйственной деятельности.

Известный специалист по церковному праву, опальный ныне **священник Павел Адельгейм** в статье **«Несостоявшаяся анафема»** (портал «Credo.ru»), пункт за пунктом исследуя документальную основу дела, приходит к однозначному выводу: анафема, провозглашенная Дементьеву, *выходит за пределы компетенции епархиального архиерея, не обоснована церковными канонами, нарушает церковный устав и недействительна без санкции патриарха. Не решая вопроса о «виновности» журналиста, можно утверждать, что провозглашенная ему анафема является канонически ничтожной и не несет никакого церковного смысла.*

Тем не менее история весьма показательна. По-видимому, псковское церковное начальство, взбешенное наездами местных журналистов (не устающих писать о земельных махинациях и связанных с РПЦ скандалах вокруг местного музея), почуяло, наконец, силу, расценив заявления патриарха и архиепископа Илариона как благословение «мочить в сортире» коммунистов — соперников ЕдРа... Что и разрешилось на выходе анафемой-проклятием журналисту-коммунисту.

Конечно, традиционной такую практику не назовешь. Но и ничего особенно нового в ней нет. Все самые знаменитые отлучения на нашей почве (Степан Разин, Емельян Пугачев, Иван Мазепа, Лев Толстой) имели политический подтекст. Во всех этих случаях власть использовала церковь в качестве своего идеологического рупора. А в случае графа Толстого кроме прочего очевидно имела место и «сладкая месть» удачливому конкуренту... Нечто похожее происходит и сегодня. Церковь очертя голову бросается в объятия власти. Но не для того, чтобы стать источником милосердия, которого так не хватает нашему обществу, а чтобы под защитой государства сводить счеты со своими врагами. Вызывая тем изумление общества и оторопь даже у самых лояльных власти журналистов. Что, в свою очередь, может сослужить патриарху Кириллу плохую службу в деле его «исторических преобразований».

7. Кто виноват? Споры вокруг резолюции ОБСЕ

Пока в Псковской епархии боролись с врагами посредством анафем, в общенациональном информационном пространстве продолжались ожесточенные споры вокруг резолюции ОБСЕ. Не отличаясь ни с той, ни с другой стороны особой объективностью, они во всяком случае четко обозначили межевые столбы между сторонами тлеющей гражданской войны (переведя ее из латентной фазы в более активную).

Реакцию власти 30 августа в беседе с ведущим программы «Вести недели» обозначил **президент РФ Дмитрий Медведев**: Парламентская ассамблея стран Европы, сказал он, *поставила на одну доску... фашистскую Германию и Советский Союз... Но это, простите, уже просто циничная ложь. <...> Вопрос в том, кто войну начал, вопрос в том, кто убивал людей и кто спасал людей,.. кто, в конечном счете, спас Европу...*

Наконец, высказался и **Владимир Путин**. 31 августа накануне 70-летней годовщины нападения германской армии на Польшу в польской «Газета

Выборча» появилась статья российского премьера **«Страницы истории — повод для взаимных претензий или основа для примирения и партнерства?»**, в которой Путин дал свои оценки «фальсификаторам истории», утверждающим, что *единственным «спусковым крючком» Второй мировой войны стал советско-германский пакт.* «Спусковым крючком» Второй мировой стали, говорилось в статье Путина, и Версальский договор, и аншлюс Австрии, и раздел Чехословакии (*когда не только Германия, но и Венгрия, и Польша по сути, приняли участие в территориальном переделе Европы. День в день с заключением мюнхенского сговора Польша направила Чехословакии свой ультиматум и одновременно с немецкими войсками ввела свою армию в Тешинскую и Фриштадскую области*), и, конечно, Мюнхенский сговор 29 сентября 1938 года, разрушивший *все надежды на создание единого фронта борьбы с фашизмом.*

В целом следуя штампам советской пропаганды, статья Путина все же признавала вину СССР: *сегодня мы понимаем, что любая форма сговора с нацистским режимом была неприемлема с моральной точки зрения.* Хоть и оправдывая Советский Союз и советскую дипломатию того времени, все же признавала *аморальный характер пакта* и подчеркивала особенную важность *нравственного аспекта проводимой политики* (о чем *ряд других государств* забывает, *хотя они также принимали далеко неоднозначные решения в 30-е годы*).

Едкое, но все же более трезвое, чем неуклюжие пасы Медведева, выступление Путина вызвало резкую отповедь консерваторов.

Известный публицист **Сергей Черняховский** в статье **«Слабая позиция сильного премьера»** на сайте АПН писал: *Вся ситуация играла на то, чтобы Путин использовал свой визит для решающего и тяжелого политического удара по противникам России... Но... появилась странная, примирительная статья, напоминающая не привычную твердую позицию Путина — а межеумочное и бессмысленное пустословие Горбачева...* Называя признание аморальности пакта нелепым, Черняховский заявил: *...осуждать свою дипломатическую победу 1939 года* (у нас. — *В. М.*) *не больше оснований, чем свою военную Победу 1945. А вот если поддаваться и каяться в первой — то те, кто требует этого — вскоре потребуют и второго. <...> НАМ каяться не за что, Мы знаем, что не СССР был виновником войны. Мы знаем, что поступили тогда правильно — и Договор был блестящим шагом дипломатии СССР.* По сути автор предъявил Путину ультиматум: *Таких, кто думает так, как ВЫ — 25% от тех, кому известно о договоре. Таких, кто думает так, как МЫ — почти 60%. Не забывайте, ВАШ 80%-ный рейтинг доверия, основан на том, что подавляющее большинство думает, что ВЫ — с такими как ОНИ. В частности — с теми 60%-ми. Вы хотите признать, что вы не с ними, а с теми, кого 25%? Подумайте, стоит ли...*

Столь прямых и откровенных угроз в адрес премьера, пожалуй, еще не звучало. Ясно, что вопрос конфронтации с Западом стал камнем преткновения столь же принципиальным, как отношение к Сталину оппонентов епископа Илариона. Кроме того, эта очень показательная во многих отношениях статья ярко и крупно показала аргументы сталинистов. Здесь то же неприятие абсолютных этических норм вне обусловленности историческим контекстом. При том, что любая, самая слабая попытка дать объективную оценку тут же срывается в обиду на Запад в следующей генетической последовательности:

какие еще моральные нормы? Посмотрите на себя, вы ничем не лучше... Значит, лучше мы... Значит, мы во всем правы... Следовательно, Сталин — свят...

Для полноты картины рассмотрим позицию другой стороны. Ведущий американский специалист по истории коммунистических движений **Харви Клер** на страницах «Русского журнала» пишет: *Уместно и закономерно, что демократическая Европа объявила обе эти идеологии несовместимыми со своими ценностями*, ведь *и сталинизм, и нацизм были тоталитарными режимами, использовавшими массовый террор, концентрационные лагеря и истребление политических диссидентов в крупных масштабах. Резолюция при этом не содержит осуждения деятельности Красной Армии во время Второй мировой войны. К тому же признание сталинизма тоталитарной идеологией не дискредитирует дело, за которое боролись союзники...*

Леонид Радзиховский начинает с того, что разделяет правду Отечественной войны, начавшейся в июне 1941 года, и правду Второй мировой войны, начавшейся 1 сентября 1939 года. *Отечественная война*, — пишет журналист, — *Священная война. Самые грубые пропагандистские штампы — все святая правда! Такой редкий случай... Вторая мировая — совсем другая штука. Тут уж, — в особенности со стороны СССР, — 100% «политика»,.. политиканство в полном объеме.*

Что двигало Сталиным, когда он заключал пакт с Гитлером? Имперский инстинкт! По договору с Гитлером СССР получал назад Прибалтику, Западную Белоруссию и Украину и Бесарабию — все, что входило в состав Российской империи и было потеряно в 1918–1921 годах. Получал назад свое — и практически без усилий, не считая ввода (практически без боя) войск в Польшу 17 сентября. (*Интересно, что западные державы, объявившие Германии войну из-за нападения на Польшу, вполне спокойно отреагировали на вторжение советских войск*, — замечает Радзиховский.) Но в результате этой *заманчивой сделки* СССР получил и общую границу с Гитлером, и враждебное население на этой границе, с ликованием встречавшее Гитлера в первые дни войны, и партизанскую войну долгие годы после войны. Но и это не главное, отмечает автор. *Пружина, на которую Сталин в 1939 году посадил СССР, разжалась в 1989-м. Именно с Прибалтики — Западной Украины начался распад СССР. Это был последний — посмертный — подарок от злого волшебника Гитлера...*

Трусость, эгоизм, империализм, заключает Радзиховский, *таковы были составляющие политики всех европейских стран — кроме Германии. <...> Умиротворение агрессора со стороны Англии и Франции — это не просто глупость и трусость. Это и цинизм, переходящий в преступление.* Да только, *по справедливости, роль СССР еще хуже. Все-таки Англия и Франция не заключали с Гитлером секретных протоколов и не получали от него территорий, не участвовали в разрезании чужих государств...*

8. Некоторые выводы: священство или царство?

Инициированную президентом РФ кампанию против фальсификаторов истории, с которой началась эта цепь бесконечных скандалов и недоумений, можно объективно объяснить желанием власти удержать единство общества,

находящегося в состоянии тлеющей гражданской войны. До сих пор единственным основанием для такого единства остается Великая победа. Вернее, миф о ней, сотканный из правды и лжи. Власть в данном случае следует нормальному инстинкту самосохранения. Но поскольку нет ни подлинного понимания, ни подлинного осознания произошедшего, ни тем более покаяния, все оборачивается лишь обострением хронических заболеваний русской государственности: духи антизападничества и сталинизма немедленно вызываются из глубин нашей ментальности, лишь только почва начинает уходить из-под ног.

Все в России происходит как будто само собой, подвластное не разуму, а общему настрою. И в сегодняшней ползучей сталинизации больше, кажется, растерянности, паники, чем сознательного выбора и расчета. Примирить «белых» и «красных», несмотря на все ритуальные захоронения и объединения, не получилось[6]. И вот, страшась, с одной стороны, процессов распада, а с другой, — собственной маргинализации в глазах мирового сообщества, власть качается на метафизических качелях между симпатиями к сталинскому «эффективному менеджменту» и своим моральным реноме. И в поисках твердых оснований пытается опереться на церковь. Но находит здесь все то же кривое отражение самой себя. Потому что церковь в России всегда была отражением государства и жадно ловила выражение всякого его «лика» — в образе татарского ли хана, московского ли царя, коммунистического ли тирана или демократического президента. И вот вместе с генеральной линией (и без того зыбкой) колеблется сегодня и патриарх, являя при этом редкий случай сильного, амбициозного и уверенного в себе лидера.

Кстати, свой августовский визит на российский Север патриарх завершил в Северодвинске на судостроительном оборонном заводе «Севмаш». Осмотрев стратегический подводный ракетоносец «Дмитрий Донской» (тот самый, с борта которого был совершен неудачный запуск ракеты «Булава»), владыка Кирилл выступил перед корабелами и моряками с речью, в которой, в частности, сказал: *Не надо стыдиться ходить в храмы, учить православию своих детей. Тогда нам будет, что защищать своими ракетоносцами.*

Многие оценили вкус этой фразы, виртуозно сплавляющей государство и церковь в единый стратегический союз. *Патриарх не обозначил определенного врага, против которого могло бы быть применено грозное оружие,* — пишет **агентство «Новый регион»**,— *но указал на идеологию, с которой нужно бороться,— русским людям «важно не стать рыночниками в душе». Идеология, по мнению главы РПЦ, способна нанести бóльшие разрушения, чем оружие массового поражения, в доказательство чего он привел знакомый всем пример с разрушением без единого выстрела СССР соблазнами «материального благополучия». «И ни одна ракета из ваших ракетоносцев при этом выпущена не была»,— словно с укором сказал добрый пастырь военным морякам...*

Итак, традиционные русские, православные ценности — вот наш высший смысл, для защиты которого и существуют атомные ракетоносцы!

---

[6] Весьма характерный эпизод: во время перезахоронения на родине праха Ивана Ильина и Антона Деникина пришлось срочно менять протокол и подбирать музыку из наследия русских композиторов, чтобы избегнуть исполнения советского гимна.

Метаисторический спор в подобном формате (что выше: священство или царство?) в нашей истории решался по-настоящему лишь однажды — во времена патриарха Никона и «тишайшего царя» Алексия. И кончился он, как мы помним, крушением Никона, эсхатологическим срывом староверов, церковным расколом и гибелью средневековой Руси...

Сегодня мы видим ту же зыбкость и неопределенность во всем. Прошедший год переформатировал не только церковную, но и властную «вертикаль». Если Путин надеялся получить в лице Медведева современного, соответствующего времени, но послушного себе преемника, то неожиданно для себя оказался перед реальностью нового сильного игрока, под влияние которого попал его выдвиженец и протеже. Человек постсоветский и либеральный по воспитанию, но незамысловатый и несамостоятельный, пытаясь найти собственный «президентский почерк», Медведев ищет опору в патриархе — большом специалисте в бюрократических манипуляциях. Но единственным из этой властной триады человеком, *действительно* способным держать в руках руль государственного корабля (и имеющим реальный опыт выхода из хаоса), остается Путин — человек совершенно советский по воспитанию и духу. Ситуация весьма симптоматичная, учитывая рост просталинских настроений в народе (навстречу которым интуитивно движется власть), борьбу кремлевских группировок, исчерпанность не только стабилизационного фонда, но и творческих энергий самой власти.

Ясно одно: настоящие причины вновь подступающего к нам хаоса и внутренней тревоги власти — не козни мифических «фальсификаторов», а наши родные бесконечные компромиссы, ложь и умолчания. При этом покаяния не видно не только во власти, церкви и народе, но и в среде самих либералов, в большой степени ответственных за хаос и бандитский беспредел 90-х. Завороженная собственными мифами (в творении которых отличилась не меньше консервативной), впадая то в сверхэмоциональную критику, то в чрезмерные восторги, либеральная мысль ничуть не проясняет наше «ментальное поле», в котором почти уже не осталось трезвых голосов. Это всеобщее «затмение разума» все чаще заставляет вспоминать предреволюционные годы: мрачного Распутина у слабеющего трона и истерику думских «властителей дискурса», вызывающих демонов революции (в то время как черносотенные советники власти не устают нашептывать ей о «кознях революционеров») при все более поднимающемся в народе градусе гнева и ненависти... Уверенности в том, что мы опять окажемся готовы «кафку сделать былью», мягко говоря, не становится меньше. И нет, увы, чудотворцев среди наших властителей, а наш патриарх остается всего лишь «великим политиком». Следовательно, нет и исцеления. Следовательно, остаются актуальными выводы и апокалипсические пророчества отца Петра Мещеринова.

9. Некоторые выводы: праздник общей вины

Несомненно, Вторая мировая война стала результатом общей вины. И основания тут были заложены еще Версальским миром, ставшим, в свою очередь, итогом еще, быть может, более безумной (и, несомненно, более бессмысленной) бойни. Результатом Первой мировой стало крушение евро-

пейских империй, катастрофа русской революции, национальное унижение и последующее нацистское «возрождение» Германии, образование цепи буферных государств (Польша, Чехословакия, страны Балтии) между двумя тоталитарными монстрами.

Сам мир неудержимо менялся. На смену разваливающимся империям (территориям, связанным остатками христианских смыслов) приходил мир враждебных друг другу (модернистских и антимодернистских) идеологий. Взаимные обиды, оставленные Версалем, наливались кровью и одевались плотью. Раскол Европы становился безнадежным настолько, что ни о какой «системе общей безопасности» (которую будто бы предлагал СССР) речи быть уже не могло. Страны бывшей Антанты и СССР не верили друг другу, поляки и прибалты боялись СССР больше Гитлера (с которым их, к тому же, как справедливо пишет Л. Радзиховский, связывала общая любовь к евреям и коммунистам). В то время как и сам Сталин, попыхивая трубкой, уже плотоядно посматривал на пригожую Европу, а Гитлер, полный решимости «отомстить Западу», присматривался к преображающемуся на глазах в подобие фашистского государства Советскому Союзу как возможному тактическому союзнику.

А что же демократии? Конечно, они вели себя гораздо более цивилизованно. Они не рвали зубами Польшу, как тоталитарные драконы. Они лишь тихонько сдавали и отворачивались, обещали помочь и не помогали. Все здесь (во время, до и после Мюнхенской сделки) дышало малодушием и эгоизмом. И то, как украдкой, в час ночи 30 сентября 1938 года подписывали договор за закрытыми от чехов дверями. И как потом дожимали чешского президента Бенеша, заставляя его принять условия сговора без согласия Национального собрания. Все, что ясно и выразил Чемберлен, сказав знаменитое: *Сколь ужасной, фантастичной и неправдоподобной представляется сама мысль о том, что мы должны здесь, у себя, рыть траншеи и примерять противогазы лишь потому, что в одной далекой стране поссорились между собой люди, о которых нам ничего не известно.*

То же являли и результаты сделки. Уже 1 октября 1938 года покровительствуемая Гитлером Польша предъявила Чехии ультиматум, который чехи при стыдливом молчании Европы вынуждены были принять. Следом, подзуживаемые Германией и при том же напряженном молчании, заявляют о своей автономии Словакия и Подкарпатская Русь. Следом подключается Венгрия, спеша урвать свой кусок. Уже через полгода Чехословакию обглодают до косточек, и в марте 1939 года Германия презрительно заберет оставшийся огрызок. Вот так центральную европейскую страну с крупнейшей военной промышленностью и одной из самых развитых экономик изнасилуют на глазах у всей Европы. Безукоризненным резюме этого скандала, называемого до сих пор Мюнхенским договором, навсегда останется фраза Черчилля, припечатавшая Даладье и Чемберлена: *Вы выбирали между войной и позором. Вы выбрали позор и получили войну.*

Можно спорить о вкусах (что лучше — вежливое предательство или варварское людоедство), приводить аргументы в пользу внешней презентабельности Мюнхенской сделки в сравнении с пактом Молотова-Риббентропа, но то, что в моральном плане они мало чем уступали друг другу, ка-

жется, ясно. И в этом смысле обе сделки стали «необходимым и достаточным» условием разразившейся вскоре войны. То есть в том самом смысле, о котором говорит ныне патриарх Кирилл, — *наказания Божия за...* Ну, скажем, за *пренебрежение элементарной этикой...* Справедливым и единственно возможным разрешением теоремы о всеобщей нравственной несостоятельности тогдашней европейской политики (или человека в принципе, говоря языком христианским)...

Называя тоталитаризм *вкусом эпохи*, Андрей Рогозянский, в сущности, прав (милитаристские режимы Италии, Испании, французский режим Виши, антисемитский режим Польши и т. д.). Справедливо и то, что знак мамоны, под которым совершал свои сделки с совестью «олигархический капитализм» Запада, оказался не состоятельнее звезд и свастик тоталитарных режимов. И, подходя рационально (из геополитических и иных соображений), возразить здесь в сущности нечего. И единственно, что можно сказать здесь по существу, это повторить вывод Томаса Элиота, выразившего потрясение европейских интеллектуалов мюнхенской сделкой в известном эссе «Идея христианского общества», написанном накануне войны: *ни то, ни другое — не христианство*[7]...

Не то же ли самое по обе стороны Европы происходит и сегодня? И, справедливо стыдясь надсадных демаршей российской дипломатии, ощущая стальной советский привкус путинских обвинений Западу, нельзя все же не видеть и реальной почвы «русских обид»: вы, Запад, признали вину тоталитарных режимов, но стыдливо умолчали о своем собственном предательстве... Вы вините Россию, но молчком обходите тот факт, что германские полчища захлебнулись именно русской кровью... Что морями ее Россия не просто спасала Европу, но, по сути, искупала ее грехи (в том числе и изящные перчаточные размены в позах Чемберлена-Даладье).

И разве той же вежливой, умеренной, примирительной политикой вы сегодня не подталкиваете Россию к сползанию в новый тоталитаризм? Ясно, что решение ОБСЕ — ответ и на «борьбу с фальсификаторами», и на ползучий сталинизм, и на Грузию (и надо заметить: после всего, что позволяла себе Россия последнее время, ответ достаточно сдержанный и интеллигентный). Но Россия помнит и то, как, раскрыв объятья и сделав пьяный шаг дружбы навстречу, упала в яму очередных своих безнадежных утопий и никто ее не поддержал, наоборот, воспользовались ее слабостью... И разве этот вежливый отказ от предлагаемой вам варварской дружбы не поднимает сегодня со дна варварской души духов злобы и обиды? И выползающая сегодня из русского сердца змея сталинизма — разве также не результат всего этого? Не только *нашего* темного прошлого, но и *вашего* тоже?

И, анализируя сегодняшние аргументы и заявления сталинистов и антисталинистов, «русофобов» и «русофилов», консерваторов и либералов Запада и Востока, приходится констатировать: ничего, увы, не изменилось ни с 1939 года, ни с 1913-го... Разве что еще на несколько шагов ближе мы продвинулось к сползанию в окончательное язычество и позор... При этом у нас, как всегда, больше порывов и эмоций, а в Европах — разума и рас-

[7] Подробнее об этом в статье «О мировом кризисе, европейском единстве и конце истории». «Континент», № 140.

чета. Объединяет же нас круговая порука лжи, умолчаний, двоящихся мыслей и нечистых намерений — то, что и называется политикой.

И самое время еще раз вспомнить вывод Томаса Элиота: единственным фундаментальным возражением фашистской доктрине перед войной было то, что доктрина эта — языческая. Но и демократиям нечего оказалось противопоставить «фашистской доктрине», кроме «скопища банков» и «интереса к поддержанию дивидендов». Значит, настоящая демаркационная линия проходила не между тоталитарными и демократическими режимами, а между обществом языческим и христианским (оказавшимся в итоге фантомом). Так и в сегодняшнем споре о «тоталитарных» и «демократических» грехах правых нет. И, как и прежде, единственной альтернативой христианскому обществу оказывается общество языческое... Торжество которого (пусть и в разных обличиях) мы и видим сегодня по обе стороны Европы.

10. Сталин и Гитлер — разные люди?

Кажется, мы почти исчерпали тему, и остается обратиться лишь к самой сути: насколько все-таки правомерно уравнивать тоталитарные режимы XX века? В чем их духовное родство, и какова разница между ними? В этой главе мы рассмотрим появившееся в последние месяцы тексты, претендующие на более общее осмысление явлений сталинизма и фашизма.

«Русский журнал» републикует статью известного словенского философа **Славоя Жижека**, написанную несколько лет назад. Подчеркивая принципиальные различия сталинизма и гитлеризма, Жижек пишет: *Скажем прямо: до сих пор сталинизм не был отвергнут так же безоговорочно, как нацизм. Мы в полной мере осознаем его чудовищные аспекты, но тем не менее... можно снять фильм «До свиданья, Ленин!»,.. но картина «До свиданья, Гитлер» остается немыслимой. <...> Даже на... анекдотическом уровне различие между нацистским и коммунистическим универсумами вполне наглядно и ощутимо; оно станет особенно очевидным, если мы вспомним, что на сталинских показательных процессах обвиняемые должны были публично признаться в своих преступлениях и объяснить, как они дошли до жизни такой, в то время как нацисты никогда не требовали, чтобы евреи признавались в участии в еврейском заговоре против немецкой нации. Причина ясна.* ***Сталинизм воспринимал себя как часть традиции Просвещения, согласно которой правда доступна любому разумному человеку, независимо от степени его извращенности, вследствие чего каждый должен отвечать за свои преступления. Для нацистов же вина евреев являлась фактом их биологической конституции: не было никакой необходимости доказывать, что они виновны, их вина состояла в том, что они были евреями*** (здесь и далее подчеркнуто мною. — *В.М.*). *В сталинистском идеологическом воображении универсальный разум объективирован в форме неумолимых законов исторического прогресса, и все мы, включая лидера,— его слуги. Нацистский лидер, произнеся речь, стоял и молча принимал аплодисменты, но при сталинском режиме, когда в конце речи вождя раздавались обязательные аплодисменты, он стоял и присоединялся к ним. В фильме Эрнста Любича «Быть или не быть» Гитлер в ответ на нацистский салют поднимает руку и говорит:*

«Хайль мне!» Это чистый юмор, потому что такое не могло произойти в реальности, в то время как Сталин действительно провозглашал «хайль себе», когда присоединялся к аплодировавшему залу. Чего стоит хотя бы тот факт, что в день рождения Сталина заключенные должны были слать ему поздравительные телеграммы из недр ГУЛАГа; при этом нельзя себе представить еврея, посылающего подобную телеграмму Гитлеру из Аушвица. Это сравнение отдает дурным тоном, но мне было трудно от него удержаться: уж очень наглядно оно подтверждает тезис о том, что ***при Сталине господствующая идеология предусматривала пространство, в котором лидер и его народ могли встретиться как слуги Исторического Разума. При Сталине все были — теоретически — равны.***

При нацизме не было общественных деятелей, которых можно было бы сравнить с диссидентами-коммунистами, с риском для жизни боровшимися против того, что они считали «бюрократической деформацией» социализма в Советском Союзе и других частях коммунистической империи; в гитлеровской Германии не было ни одного человека, который выступал бы за «нацизм с человеческим лицом».

Критикуя с левых позиций историков, сводящих явление нацизма к подражательной реакции на коммунизм, Жижек называет коммунизм (в отличие от такого «радикального зла», как нацизм) лишь *извращенной попыткой освобождения, случаем извращения аутентичной революции.* Он пишет: *При фашизме, даже в нацистской Германии, человек мог уцелеть, поддерживая видимость «нормальной» повседневной жизни, если он не участвовал в какой-либо оппозиционной деятельности (и, конечно, если он не был евреем). При Сталине же, особенно в конце 1930-х годов, никто не чувствовал себя в безопасности, каждый мог быть неожиданно «разоблачен», арестован и расстрелян как предатель. Иррациональность нацизма была «сконденсирована» в антисемитизме — в вере в еврейский заговор, в то время как иррациональность сталинизма охватывала всю социальную структуру общества. По этой же причине нацистские полицейские детективы были заняты поисками доказательств, когда преследовали политических оппозиционеров, в то время как сталинские следователи спокойно фабриковали «свидетельские показания», изобретали заговоры и т. д.*

Выводы Жижека: *«Чистая» либеральная позиция по отношению к левому и правому «тоталитаризму», заключающаяся в том, что «оба хуже», поскольку основаны на нетерпимости к политическим и другим различиям, отказе от демократических и гуманистических ценностей и т. д., априорно фальшива. Необходимо проявить принципиальность и провозгласить, что фашизм фундаментально «хуже» коммунизма.* Ибо, *избрав альтернативную позицию, позволяющую рационально и якобы объективно сравнивать два тоталитаризма, мы неизбежно придем к выводу,.. что фашизм был меньшим злом, понятной и объяснимой реакцией на коммунистическую угрозу.*

Соглашаясь в целом с выводами Жижеком, все же укажем на один важный момент, кажется, ускользнувший от его анализа. Если ленинизм действительно был *частью традиции Просвещения* (вернее, ее логическим итогом), то сталинизм, хоть и оставаясь с виду идеей революционной, просвещенческой, был, по сути, *контрреволюцией*, что уже в то время прозорливо отмечали

Г. П. Федотов и другие русские философы. И сегодня именно этой своей стороной сталинизм находит оправдание в глазах не только церковных маргиналов, «православных имперцев», но и высоких церковных сановников. Например, **протоиерей Всеволод Чаплин** откровенно заявляет, что Сталин лучше Ленина, поскольку при нем *навсегда ушли в прошлое бредни о мировой революции как центральном элементе государственной политики. Заметно ослабли политические репрессии. Почти прекратились репрессии против Церкви. Восторжествовала вовсе не та система, которая сложилась после октября 1917 года.*

Есть, однако, и другое мнение. Что непосредственно христианских смыслов, квазихристианского идеализма в ленинской «всечеловечности» большевизма было гораздо больше, чем в сталинской. И если Ленин был итогом и логическим концом просвещения, то Сталин оказался итогом и логическим концом самого Ленина, неизбежной реакцией на ленинизм. Но Жижек, конечно, прав, когда подчеркивает принципиальное различие между двумя формами фашизма. Однако дальнейшее развитие сталинизма логично вело его к фашизму именно нацистского толка, в который страна почти и рухнула уже после великой победы. Сталин умер, когда замышлял новую волну террора, уже откровенно антисемитского, ничем почти от гитлеровского не отличавшегося. Бог Россию, как говорится, упас. Но нельзя не видеть, что именно эта черта сталинизма вдохновляет, не в последнюю очередь, современных защитников Сталина, в том числе православных.

Рассмотрим еще одну из редких появившихся в ходе дискуссии оценок сталинизма с христианских позиций, которую дает **священник Владимир Зелинский** (Русский Экзархат Константинопольского патриархата) в статье **«Сталин как "безумие". Не столько о покойнике, сколько о следах его сапог»** (портал «Credo.ru»). В отличие от классических тираний, которые в общем не интересуются тем, «что в человеке», советская власть, пишет автор, *устанавливает себя как диктатуру вероисповедания на основе украденного у Бога «человеческого материала», заползает вовнутрь, воздвигает себя в уворованном сердце*, то есть покушается на саму душу человека. Сталинская власть была чем-то вроде *коллективного гипноза* (зачарованность светлым завтра при совершенной слепоте на расстоянии вытянутой руки), действие которого продолжается по сей день, хотя главного гипнотизера давно нет.

Отец Владимир цитирует Искандера: *«Там в Москве некоторые грамотеи говорят: Сталин сажает. Нет, это народ сажает»*. И продолжает: *Так ведь и было: сам народ и сажал. Вождь, в отличие от царя, опирался на массы и по-своему сливался с ними. Это вовсе не был театр одного актера. Все зрители обязаны были подняться на сцену, чтобы играть в Сталина, но и сам Сталин был обязан играть в народ. В него перевоплощаться, им становиться. Даже и не притворяясь при этом... Но есть еще сторона метафизическая, и она-то — в основе всего. Суть же ее в сакрализации власти, не просто как силы, но как некого подобия или суррогата Царства Божия.*

Отец Владимир пишет: период 1917–1953 был самым беспощадным, самым бессердечным и гибельным в русской истории — период *«безумия»*: исступления ума, потери внутренней рассудительности, вселенской бессмысленности и пустоты, т. е. того состояния души, которое, сначала возбудив, оставляет после себя всякая лже-церковь. Сталинщина и ее режим были

прежде всего воровством души. Основы *90-х годов* как времени, когда потоки мути хлынули из человеческих сердец, выкованных социализмом, были заложены уже тогда. *Эпохи Сталина, Гитлера и Пол Пота заканчиваются быстро... Развал подобных империй всегда неизбежен, и пейзаж после него приблизительно одинаков... Но если посмотреть на все это предприятие с евангельской точки зрения, то одну из причин успеха идеологического режима надлежит искать в мистическом освящении высшей власти, сросшейся некогда с православной традицией*, — заключает отец Владимир.

Добавим, что «мистическое освящение высшей власти», обожествление фюрера свойственно было и гитлеризму, хотя и несколько иначе. Если у нас личность вождя как бы растворялась в софийности массы, живущей единой мечтой о преображении, то в Германии каждый немец находил себя в личности фюрера, как бы отождествляя себя с ним и через него — с нацией. Иными словами, механическая машина нацизма и природный зверь большевизма были, все же, не идентичными явлениями, каждое из них было глубоко укоренено в природе своего народа (скажем так: германского индивидуализма и славянской общинности). И все же Сталин и Гитлер неудержимо двигались навстречу друг другу, влекомые одной, но пламенной страстью: волей к абсолютной власти, живущей (через обожествление государства, народа, вождя) вечной мечтой о человекобожии... Мечтой, которая в наш «глобальный» век входит в новую «глобальную» фазу... И (по законам исторической драматургии и исходя из христианских смыслов истории) готовится стать главной интригой нового глобального столкновения — на этот раз столкновения цивилизаций, фундаменталистских идеологий, питающихся вечными смыслами великих религий...

Чтобы сопротивляться подобным поистине глобальным вызовам, необходимо как минимум осознание уже произошедшего с нами. Ниже позволю себе поделиться с читателями собственными размышлениями о духовных смыслах предыдущей войны из статьи **«Анатомия смуты. Русская история как экзистенциальная драма»**, опубликованной в журнале «Политический класс»[8]:

Сегодня популярна мысль о том, что во Второй мировой войне столкнулись два зверя. Действительно, найти качественные отличия Сталина от Гитлера почти невозможно. Верно и то, что гитлеровский тоталитаризм с его свободой веры и частной собственности, был гораздо «либеральнее» и культурнее сталинского.

Воевать за Сталина у народа (кроме молодежи, выпестованной официальной пропагандой) особых оснований не было. За родину? Но еще пятнадцать лет назад слово «родина» в стране, призванной стать «запалом мировой революции», не значило ровным счетом ничего. А еще за десять лет до этого русский крестьянин, наплевав на «Родину», бросал винтовку и возвращался домой, к земле, оголяя фронта Первой мировой. «За родину» уже в эту войну воевали и власовцы. И лидеры Зарубежной церкви призывали «христолюбивого вождя Адольфа Гитлера» на голову безбожных большевиков ради спасения родины.

---

[8] № 7 и 12 за 2008 г. и № 3, 4 за 2009 г.

Жить при немцах, которые, заняв очередной населенный пункт и расстреляв горстку коммунистов, как правило больше не терроризировали народ (ситуация изменилась после начала партизанской войны), действительно становилось лучше. Открывались тысячи церквей, закрытых прежде большевиками, освобождались священники... Почему же «блиц криг» потерпел фиаско? Почему русские, в конце концов, встали насмерть и — победили?

Было во всех «соблазнительных прелестях» фашизма одно принципиальное «но». После добродушных немецких парней из регулярных частей Абвера (зачастую стоящих вместе с русскими во вновь открываемых немцами храмах) входили элитные спецподразделения СС, после чего следовали расстрелы евреев, цыган, пациентов психлечебниц. И жалостливую русскую душу объял ужас. А вскоре и простых русских людей стали увозить в качестве рабов на работу в Германию. Природа фашизма окончательно обнажилась, и от уважительного «Герман идет», которым (особенно на Украине и в Белоруссии) встречали в первые дни войны «освободителей от большевизма», не осталось следа.

И здесь нужно сказать несколько слов о принципиальном отличии двух главных тоталитарных проектов XX века. И «Третий рейх» и «Третий интернационал» были, прежде всего, романтическими утопиями (при этом сам фашизм часто называл себя реакцией на «иудокоммунизм», большевистскую революцию). В политическом смысле фашизм был консервативной, защитной реакцией государства на попытку его разложения. Почему, кстати, и режим Сталина, пришедший на смену ленинско-троцкистскому большевизму, Г. П. Федотов справедливо называл фашистским.

Была, однако, и существенная разница между ними. Обе идеологии как утопии истинно модернистские существовали в контексте «мирового зла». Но смысл его понимали по-своему. Большевизм объявлял главным врагом, стоявшим на пути к всечеловеческому счастью, мир капитала, «эксплуататоров» как класс. Конечно, уже сама принадлежность к классу, рождение в семье дворянина или священника, делала человека неблагонадежным. И все же врагом делал его, прежде всего, «злой выбор», хоть и обусловленный природой, но не предопределенный ею. Преступлением был грех личности, но не природы. Утопия и мечта большевизма были *«всечеловечны»*, и если враг принимал «истинную веру», он становился другом. В этом был известный гуманизм (глубоко, по-своему, религиозный по духу).

Совсем другое дело германский национал-социализм с его расовой теорией, ставящей под подозрение саму человеческую природу и возможность перерождения исключавший в принципе. Классово чуждый «эксплуататор» большевиков мог «перековаться», исправиться (чему и был посвящен грандиозный проект великих строек). «Бывший» (ветхий человек) мог покаяться, стать *новым человеком* и войти в обетованную землю, новую семью счастливых народов. Еврей, сумасшедший, расово неполноценный были такой возможности лишены в принципе. Они были приговорены своим происхождением и подлежали уничтожению априори.

Богоборческая доктрина большевизма, питавшаяся псевдобиблейским и псевдохристианским хилиазмом, все же утверждала любовь (пусть и только в будущем, в грядущей «эре милосердия»), объявляя ее концом (как и право-

славие, кстати), и, отрицая Бога, все же утверждала человека — Его икону... В то же время объявлявший религиозную свободу германский национал-социализм *исправлял ошибку Бога*, создавшего еврея евреем, цыгана — цыганом, славянина — славянином, и был, таким образом, *откровенной хулой на Духа.*

Справедливости ради скажем, что классический итальянский фашизм, обожествлявший государство, но не нацию, был этого лишен. Но немецкий национал-социализм не был и простым извращением «доброго итальянского фашизма», он лишь доводил «консервативную идею» последнего до логического предела: от вечного Рима до тысячелетнего Рейха оставался всего один — иррациональный, оккультный — шаг...

Итак, фашизм объявлял Богом государство. Нацизм — нацию. Коммунизм — класс. Русский же большевизм последней своей мечтой видел *преображенное человечество, преображенную природу — Софию.* И силен он был, прежде всего, своей верой. И брат шел на брата за «истинную веру». И даже в пресловутом Павлике Морозове, тысячи раз охаянном, был пафос почти христианский (с почти антихристовым, естественно, искушением): утверждался примат истины, которая выше всякого плотского родства. Здесь ставился выбор поистине экзистенциальный (вспомним Достоевского с его: если мне докажут, что истина и Христос — не одно и то же, я предпочту остаться с Христом). У Достоевского побеждала «любовь», у большевиков — «истина», т. е. идеология.

Но *какова бы ни была суть большевизма, это грандиозный пример человеческого замысла. Люди взяли на себя судьбу переустройства, и напряженная жизнь их — подвижничество, внушенное верой,* — справедливо писал Ортега-и-Гассет. Неслыханную энергию освобожденного революцией эроса, которую сумели оседлать большевики, они же, сковав ее стальными обручами деспотии, сумели направить в техногенное русло «модернизации». И все это продолжало дышать подлинным чудом, потому что в своих эмпиреях большевизм оставался все тем же «еврейским мессианизмом» — чудом Моисея, ведущего «избранный народ» к «светлому завтра», обетованной земле. «Сумрачный германский гений» эту веру в чудо, в божественную силу преображения жизни отверг, заменив ее теософией, оккультным орденом избранных сверхчеловеков. Вот против чего, в конечном счете, восстало воспитанное *милостью к падшим* русское сердце, чему оно воспротивилось и чему вынесло свой приговор. Оккультную машину гитлеризма победил не Сталин, не коммунизм, не заградотряды, не русские морозы, не «Родина» и даже не «Православие» (как уже пытаются представить сегодня новейшие идеологи), а *вера в чудо, в сверхъестественное преображение жизни.* В этом и была последняя правда маленького человека с ружьем, впитавшего христианство сердцем, а не разумом, на своем последнем экзистенциальном рубеже.

Наши военные песни *в конечном счете... посвящены не столько войне, сколько* ***спасаемой ею жизни*** *во всей ее полноте — от родного дома до поющих соловьев, от любви к девушке или жене до желтого березового листа*, писал Вадим Кожинов, замечая, что у немцев лирических песен о войне не было вовсе. «*Бой идет не ради славы, ради жизни на земле*», — в этих словах, тогда сказанных, аккумулировалась эта главная правда времени. И не важно, что́ понимал под ними поэт, и ка́к это было понято русским сердцем (каждым, конечно, по-своему). Но именно *это* было понято и именно *на*

это — отозвалось. Русский человек воевал не за Сталина, родину или веру, а за саму жизнь — реальность, бóльшую всяких абстракций «добра и зла». Это была битва всех и личная битва каждого за самые *основания бытия*, понимаемые, конечно, каждым по-своему, но вместе составлявшие самосознание целого народа. Поэтому эта война и была не войной идеологий, но действительно *священной войной* — глубже, подлинней всякого «патриотизма», всякой «религиозности»: войной бытия *против небытия*, метафизической свободы против механической несвободы (*русский свободен только в окопе*, — как кто-то точно заметил), любви против смерти.

Замечательно и то, что эта война реабилитировала *жизнь и любовь* в сознании большевистской России. Если до войны самыми благонадежными в советской литературе были понятия «сила» и «враг», а самым любимым словом, как проницательно замечает Г. П. Федотов, — «зло» (положительные герои предвоенной литературы «зло усмехаются», «зло глядят» и «зло бросают слова», и даже земля у большевиков, как правило, «злая»), то совсем иное мы видим в военной лирике...

Не был, конечно, Сталин лучше Гитлера, как и хан Тохтамыш, за которого воевал Дмитрий Донской в Куликовской битве (и который через два года дотла сжег Москву), не был лучше Мамая. Но духовная битва глубже, шире и выше всякой земной, хотя и свершается в том же месте и в то же время. Известно, что на Куликовом поле на той и другой стороне сражались и татары, и русские, и литовцы и прочие «немцы» — это была война каждого за свой интерес. Но еще глубже — это был *личный* выбор каждого и война за свои глубинные смыслы. Лишь потому из этой битвы (по сути — схватки «геополитических интересов»), из безличной массы москвичей, псковичей, суздальцев, владимирцев смог в итоге выйти единый народ, неожиданно обретший в ней основания общей веры и общую землю под ногами.

Нечто подобное происходило и в эту войну, в пламени которой сгорала не только фашистская «белокурая бестия», но и сам большевизм, этот «*реванш Пифона*», дракон, «*огнем и серой испепеляющий человека*» (Г. П. Федотов). В пламени ее искупал народ грехи революции и братоубийственной Гражданской.

И если вся наша «Великая революция» была в сущности лишь апофеозом всеобщего отречения, результатом распада основ, обнаруживших в экзистенциальном столкновении с реальностью свою полную несостоятельность, то в огне Великой войны из безличной массы «новых людей», отрекшихся от себя и своего прошлого, вновь возникал народ, вновь находящий (пусть еще бессознательно) вечные основания своего бытия.

Таким видится мне главный метафизический сюжет той войны. И если мы говорим сегодня, что остановка немцев под Москвой была чудом (традиционным русским чудом), то должны сказать также, что само это чудо было *ответом* на движение человеческого духа и никогда не состоялось бы без него. И дело, конечно, не только в «русских просторах», «русских морозах» и заградотрядах, но в осознании этой последней метафизической правды, в том, что *отступать действительно некуда*... Это был последний, экзистенциальный выбор между жизнью и смертью, любовью и ненавистью (как бы пафосно или странно это ни звучало). И (над этим стоит задуматься!) таким ведь, в сущности, чудом была и победа большевиков в Гражданскую войну...

11. От «всечеловеческой» победы к глобальному столкновению

Итак, победа народа в Великой войне стала действительно всечеловеческой победой (кровью которой были искуплены и омыты и трусость, и эгоизм, и обиды, и месть, и наше собственное неслыханное предательство). Но всякая победа, свершенная в последней метафизической глубине, вступая в пределы времени, тут же попадает в оборот этого мира, в водоворот его стихий и вихри политики. (Разве не так случилось и с победой Христа, присвоенной позже Империей?) И на этот раз энергию всечеловеческой победы народа оседлал тиран (*русский солдат освободил Европу, но не мог дать свободы, потому что сам ее не имел*, — как выразился сегодня польский президент).

Следующая послевоенная «встреча мира» — теперь уже в лице Рузвельта, Черчилля (лучших представителей демократии) и Сталина (очередного тоталитарного демона) — оказалась одновременно подобна Мюнхенской сделке и Версальскому миру... Новый раздел Европы (половина которой досталась на правах победителя Сталину), репатриация Черчиллем десятков тысяч русских военнопленных (ему же на съедение) — чем это принципиально отличалось от предвоенных разделов Чехословакии и Польши?

И при этом вся тяжесть вины за прошедшую войну была возложена на Германию. Хотя мало-мальски объективный взгляд являл картину крайне неоднозначную. Преступления против человечности (Холокост, концлагеря) были, конечно, несомненны. Но с военными преступлениями все было сложнее. Варварские бомбардировки Варшавы, Киева, Лондона вполне были соотносимы с бомбардировками Дрездена и других немецких городов. Так же как практика торпедирования нейтральных судов в Тихом океане — аналогичная с американской и немецкой сторон. Скандальная посмертная реабилитация гитлеровского генерал-полковника Альфреда Йодля в 1953 году (которой добилась при пересмотре дела его вдова) выявила тенденциозность и многочисленные нарушения демократических процедур Нюрнбергского процесса. Что уж говорить о наших собственных заградотрядах, тактике выжженной земли (и на своей территории!) и прочем в том же духе. Но по закону победителя ни СССР, ни западные демократии к общей вине оказались не причастны. Лишь когда спустя 40 лет под грузом преступлений, исчерпав резерв веры в «светлое будущее», рухнул Советский Союз и стали выходить наружу деяния вроде пакта Молотова-Риббентропа, начался новый этап в осознании правды XX века. Остался один-единственный победитель (чьи грехи, вроде варварской бомбардировки Хиросимы, еще ждали своего часа).

Этот час наступил 11 сентября 2001 года, возвестив рождение нового мира. Война в Ираке, признание независимости Косово и война в Грузии окончательно сломали всю послевоенную систему мирового равновесия... Пережив краткий миг эйфории «конца истории», мир стал стремительно возвращаться к привычному состоянию противостояния (правда, теперь уже в новом формате, в масштабе «столкновения цивилизаций», наколдованном легкой рукой Сэмюэля Хантингтона).

Каковы реальные предпосылки нового противостояния? Оставим в стороне геополитику и вглядимся в лица непосредственных творцов прошлой войны — воплощенный обыватель Чемберлена и Деладье, бюрократический абсолютизм Сталина, трагический излом романтической национальной меч-

ты Гитлера... Все необходимые ингридиенты «ведьмина зелья», давшего в итоге сумму великой войны: *трусость, малодушие, эгоизм, жажда абсолютной власти, безответственный авантюризм, энергия жгучей обиды и огонь «страшной мести»* — на месте и сегодня. И гегемон Запада — выхолощенный потребитель, прямой наследник Чемберлена-Деладье, и энергия мести, фанатизма и ненависти (которые дает сегодня, например, исламизм). В России же распускаются сегодня все «цветы зла», которые только могут вырасти под солнцем Востока и Запада: и разнообразные проекты «консервативной революции», буйно взошедшие в последние 20 лет на благодатной почве национального унижения (прямо отсылающие нас к 30-м годам Германии), и романтическая русская мечта в абсолюте «Третьего Рима»... И, конечно, звезда Сталина, в ореоле святости вновь встающая на Востоке... И Сталин, и Гитлер (романтический герой еще прошлого «крестового похода» РПЦЗ против большевизма) всходят у нас, освещенные религиозным светом...

И, конечно, обожествление власти (свойственное и историческому православию, явившее на вершине модернистского проекта квазирелигию большевизма и феномен Сталина). Заняв в истории заслуженное место тирана, Сталин оказался, тем не менее, в числе победителей, лик его был освящен ореолом действительно великой победы народа. Образы их слились (подобно образам византийских императоров в роли Христа?). Победа сыграла с нами и другую злую шутку, лишив плодов покаяния. Последующей сублимацией этих чувств в народе стал бытовой сталинизм (иконка Сталина на ветровом стекле) — что-то вроде тихого народного бунта, протеста против несправедливости жизни, сродни русскому же алкоголизму. Есть в этом народном сталинизме и столь свойственное нам (и нашему православию) радикальное, эмоциональное отрицание разума, и бесконечное раздражение настоящим в отсутствие реальных возможностей самореализации. При том что к радикализму и бунту мы предрасположены генетически. При том что и само христианство — радикально. Но и его абсолют заглушен церковной бюрократией. И вот под куполом храма скапливаются эти тяжелые пары недопроявленных чувств, недовыраженной веры, конденсируясь гремучим ядом извращенного радикализма: *Сталин — святой наш отец*... И уже сама церковь, потеряв свободу и направление нравственного абсолюта, ослабев в бесконечных компромиссах, не в силах излечить столь радикальные искривления души, наполняясь этим черным ядом, сама становится «перводвигателем» процесса... Осталось сделать еще один шаг и заменить икону Христа иконой Сталина, что, как видим, уже где-то и происходит, в движении самых передовые наших «православных» отрядов.

Единственное, чего нам по большому счету еще не хватает, — пассионарности, готовности умирать за свою веру (как, впрочем, и Западу). Таких идеалистов, как революционные эсеры-бомбисты, штурмовики СС и японские камикадзе, больше нет. Максимум — выйти на не очень обременительный митинг. И это, кажется, единственное, что пока удерживает нас от новых крушений, сохраняя олигархическое лицо нынешней власти и не давая вырваться из-за него настоящим демонам революции. Впрочем, первые ростки уже пробиваются. Но об этом в следующей части. А перед заключением нашей — небольшое лирическое отступление.

12. Святому ГУЛагу помолимся...

Существует, однако, взгляд на вещи, согласно которому все мы — внуки единого Адама, и, стало быть, здесь действительно *каждый перед всеми за все виноват*. Согласно которому и Деладье с Чемберленом, и Сталин с Гитлером, и Рузвельт с Черчиллем (да и Путин с Медведевым) — чудовища не бóльшие, чем любое другое чудовище прошлого и настоящего. Что перед Божьим судом все мы не слишком отличаемся друг от друга. А правитель и вовсе остается лишь общим знаменателем устремлений (или, если угодно, страстей) народа. Что всякий человек, который всерьез думает о себе, что он лучше записных злодеев прошлого и настоящего, скорей всего просто плохо информирован. Бог просто не дал ему слишком глубоко заглянуть в собственную душу, спасая одновременно и от совершенного безумия, и от прихода в сознание. Не дал ему слишком развернуться в своих начинаниях, но по милосердию Своему лишь на примере *одного* показал «нравственный тренд» каждого... Ведь общеизвестно со времен прихода Бога на землю, что каждая мыслящая тварь, чем бы ни была занята она на этой земле, занята, в сущности, Его убийством (а есть ли преступление более чудовищное, немыслимое, непоправимое? — имеющее, однако, вполне рациональное объяснение: с мертвым Богом гораздо проще, чем с Живым)... Не потому ли бетонные громады идеологий высятся тут и там на могилах убитого Бога? Не потому ли так много разлито кругом самоуверенности и самодовольства? Поэтому ничего экстраординарного, феноменального в истории XX века и не было. А просто настал очередной момент Полнолунья, когда все зло, живущее в человеческих сердцах, вдруг одновременно прилилось к гортаням и хлынуло: трусость, эгоизм, малодушие, обида, месть, амбиции — традиционное, консервативное, либеральное, человеческое, слишком человеческое... Разве что, доведенное до пределов абсурда...

Но зачем снова все это вспоминать и обнажать? А затем, что такой взгляд на человеческий род (пусть и не слишком оптимистичный, зато и не слишком и иллюзорный) может оказаться единственно возможным основанием нашего будущего примирения. Единственным способным погасить амбиции и взаимные обвинения и встретиться на общем основании общей вины. Ибо каковы же альтернативы? Парад постхристианских цивилизаций с востока до запада? Восхождение звезды православного сталинизма *здесь* и последнего фейерверка окончательно освобожденных элементарных осколков *там*?

Оставляя вопрос открытым, закончим эту часть нашего обзора двумя примерами радикальных духовных сублимаций (которые послужат одновременно и своеобразным переходом к следующей части). Уже хорошо знакомый нам **игумен Евстафий (Жаков)** в интервью «АПН-Северо-Запад» создает своеобразный идеал церковного сталинизма в следующем утверждении: *Говоря о ГУЛаге, можно перефразировать известную пословицу: «или ГУЛаг, или пропал». Если бы у Сталина не было таких жутких возможностей, как привлечение к строительным работам заключенных ГУЛага, то, я думаю, страна пропала бы: не было бы построено нужное количество заводов, фабрик и железных дорог. Это та ужасная цена, которую Сталин, скрепя сердце, должен был заплатить за благополучие своей страны. Кстати ска-*

зать, Сталин был благословлен двумя патриархами — Сергием и Алексием Первым. Они оба говорили о том, какой он добрый. А патриарх Сергий сказал о том, что у такого доброго человека в душе обязательно Бог. Он вынужден был быть жестоким, поскольку того требовала судьба страны.

И еще один текст, поражающий в самое сердце своим бескомпромиссным религиозным пафосом, появился не так давно на сайте «Русский обозреватель». В статье под названием **«Похвальное слово ГУЛагу»**[9] некий **Борис Борисов** убеждает граждан России: *Все эти люди — то есть мы все — достойны того, чтобы сесть. Все. Все до одного. Только младенцы у нас без греха. Сомневающиеся могут прислать мне свою подробную автобиографию, и я внятно укажу вам не менее трех эпизодов, по которым вас наверняка стоило и — по закону и совести — нужно было бы посадить.* И приходит к несомненному выводу: *ГУЛаг — вот единственное покаяние, которое нужно нашему народу <...> ГУЛаг — единственный путь к модернизации страны,* и потому *ГУЛаг грядет, он придет и нас очистит. Он неизбежен.* Потому что *пока мы не научимся любить и уважать ГУЛаг — мы не научимся уважать ни Закон ни Страну ни Порядок. ГУЛаг отнимает личную свободу, но возвращает свободу главную — свободу от своих преступлений.* И потому *радость должна быть в сердцах этих людей, великая радость того, что их оторвали от бессмысленной гибельной спекуляции, к которой приросли они сердцем своим, и дали делать великое, настоящее дело. ГУЛаг — путь к счастью, но путь не для всех. Тот, кто поставлял бракованные узлы для «Булавы» — расстреляны, они недостойны гуманизма ГУЛага...*

Часть вторая. Миссионерский прорыв в Севастополе

От сталинизма в церкви — к миссионерству. Как ни странно, темы эти не так уж далеки друг от друга. «Миссионерский прорыв», ставший одним из ключевых звеньев предвыборной кампании митрополита Кирилла, остается и главной темой нового патриаршества. Торжественными аккордами вспыхивают яркие акции, вроде его беспрецедентного по пиар-поддержке патриаршего визита в Украину. Пусть практический итог этой поездки трудноуловим, но несомненно одно: она круто подняла политический рейтинг патриарха, о котором заговорили как о сильном политике, явно превосходящем прочую российскую политическую элиту. Наиболее же популярен другой украинский сюжет — рассказы о том, как, *сообщив многотысячной толпе безработных и перебивающихся на современную провинциальную зарплату, что «безудержное потребление убивает в человеке радость», патриарх благословил их рукой в «брегете» за 36 тысяч евро*[10]...

---

[9] http://www.rus-obr.ru/day-comment/2051. Сохранены орфография и пунктуация оригинала.

[10] Некоторые комментаторы отметили, как вскоре после скандала с патриаршим «брегетом», в одном из сюжетов программы «Время», Владимир Путин, находясь на отдыхе, подарил свои часы мальчику-чабану... Сцена предстала в духе духовного назидания национального лидера патриарху с призывом к личной скромности и бессеребренности...

Но самым характерным было, пожалуй, то, что во всех оценках визита — и со стороны сторонников, и со стороны противников нового патриарха — почти не звучало слов о христианстве. Как на небе, так и на земле... И главный скандал лета, связанный с миссионерской партией патриарха, также оказался связан с Украиной и разразился как раз накануне визита (лишь только чуть поутихли страсти вокруг высказываний архиепископа Илариона о Сталине).

1. Демарш энтузиастов

Марш русских байкеров[11] на Севастополь, позиционированный как моторизированный крестный ход, приуроченный к 300-летию Полтавской битвы, был задуман как преддверие визита патриарха в Украину.

Предводителя байкерского объединения «Ночные волки» Хирурга (Александра Залдостанова) представили патриарху Кириллу на одной из его первых пиар-акций — встрече с невоцерковленной молодежью на измайловском стадионе в Москве.

Марш, благословленный лично премьер-министром Путиным и патриархом Кириллом (а также и киевским митрополитом УПЦ МП Владимиром), миссионерская партия поддержала лозунгами: «*Самодержавие, Православие, Народность — русский флаг над Севастополем*» и «*Взятие Севастополя русскими байкерами*».

Егор Холмогоров: *Это была первая попытка совместить в одном три элемента — благословение Церкви, волю Власти, действие русского Гражданского Общества... то есть русских людей, которые овладели умением самоорганизации. Соединение вместе благословения Церкви (Православие), воли Власти (Самодержавие) и гражданской самоорганизации (Народность) делает Россию непобедимой.*

Протодиакон Андрей Кураев: *Жизнеспособность русского народа сегодня напрямую зависит от его стремления к самоорганизации и самозащите, которые должны выливаться в реальные действия.*

В акции приняла участие также группа «Алиса» со своим милитаризованным хитом «Небо славян» и двусторонним имперско-алисоманским флагом...

Но на волне энтузиазма и куража миссионерская партия вляпалась в скандал. Взрыв возмущения в православном рунете (а затем и большого оживления в светских СМИ) вызвало фото, сделанное Егором Холмогоровым и помещенное на его сайте: гологрудая мотоциклистка, за спиной которой трепещет хоругвь с Нерукотворным Спасом...

Фото произвело на православных большое впечатление. Юзеры на ЖЖ Холмогорова выражали свое отношение не вполне политкорректными высказываниями; сообщалось, в частности, о сексуальных и общекультурных непотребствах байкеров, а также поступали предложения Холмогорову не ограничиваться в показе обнаженной натуры только бюстом.

Миссионеры, в свою очередь, клеймили миссиофобов и прочили юной байкерше судьбу Марии Египетской, подкрепляя уместность изображения цитатами из Писания. А ЖЖ юзер **Vera Zemskova (vera_z)** привела глу-

[11] Так не совсем по-русски называют себя сегодня мотоциклисты (*ред.*)

бокомысленные исторические и библейские аллюзии: *Атеизм вокруг. Ладно бы просто атеизм, но атеизм у православных. Возмущение по поводу парада мотоциклистов с голыми девушками в момент торжества. А должно было бы отозваться у воспитанных на Библии людей то, что было у древних семитских кочевников: когда они шли в бой, обычно пешие, впереди несли знамя, вернее, то, что было знаменем по сути: ковчег, палатку (эфод) разной формы, в которой были священные предметы, заменявшие божество. Бога они несли в бой, и Бог был их знаменем. Или, как вариант, в палатке сидела девушка, она высовывалась оттуда, полуобнаженная, и пела боевые песни. Делакруа в «Свободе на баррикадах» неосознанно угадал этот элемент, составляющий основу иудео-христианской религии — ковчег...*

А неподражаемый **Кирилл Фролов** (несомненно, самое яркое лицо уличной политики патриарха Кирилла) на сайте «Единое отечество» в свойственной ему манере восклицал (авторская орфография бережно сохранена): *Вообще, хватит дурака валять. Все всё знают. Демагоги прекрасно знают, что распущенная девчонка в целом одном или двух экземплярах — это только повод.... Те, кто на пустом месте раздувают миссиофобскую истерию, прекрасно понимают, что севастопольское байк-шоу — это кость в горле тем, кому не нравится, что байкеров благословил патриарх и поддержал Премьер, что в Севастополе Горсовет сорвал планы дерусификации школ, против Севастольском «байк-шоу» те, кто выступает против российских гуманитарных проектов на Украине и Черноморского флота. Таким образом, миссиофобия — это не просто заблуждение, это сознательная антицерковная и антирссийская деятельность. Поэтому нельзя дезертировать и я призываю наши доблестные СМИ — ИФР, СМИ, редактируемые Е. Холмогоровым и А. Рудаковым, адекватно ответить, ибо ни один намеченный проект, великое дело массовой общенациональной православной патриотической миссии не должен быть сорван. Ведь «байк-шоу» в Севастополе — это только начало и миссиофобия не пройдет! <...> после этих пошлых и ангажированных нападок, когда из-за одного или двух человек поливают грязью великое дело, всем должно быть очевидно, что миссиофобия существует, что это оружие врагов патриарха и Церкви, что миссиофобы просто «ищут повода» и им глубоко наплевать, как обстоит дело в действительности.*

По горячим следам в комментарии **«"Это великолепно!" Голая девичья грудь как символ нового "миссионерского прорыва" патриарха»** на портале «Credo.ru» **Ксения Дорошенко** описывала миссионерскую акцию: *Преодолев почти две тысячи километров, под занавес Петрова поста грозно грохочущая кавалькада освободителей, не встречая ни малейшего сопротивления трусливых украинофашистов, победно вошла в оккупированный Севастополь. Разумеется, город был мгновенно освобожден. Восторженные севастопольцы вышли на улицы города приветствовать героев — посланцев великой Москвы. Среди встречавших, правда, не было архиерея и даже местного духовенства Московского патриархата. Но разве это важно? На колесах освободителей в город въехал протодиакон Андрей Кураев, который в два часа ночи, после гениального как всегда концерта группы «Алиса», мужественно высмеявшей «оранжевые сопли» оккупантов, произнес перед разогретой роком и алкоголем публикой вдохновенную проповедь. Сначала он говорил о записоч-*

ках, которые надо передавать для поминовения в Троице-Сергиеву лавру. Дальнейшую проповедь он построил на православном толковании популярного среди байкеров и вообще молодежи лозунга: «Бери от жизни все!» Он назвал его «святыми словами» и призвал аудиторию сосредотачиваться не на пиве и «доступных девушках» (на чем она реально и была преимущественно сосредоточена), а на том, чтобы «стать Богом». Сказал буквально так: «Если ты хочешь взять все от жизни, ты хочешь взять все от Бога. Но если ты возьмешь у Бога все, ты сам станешь Богом».

Аудитория аплодировала, свистела и улюлюкала, в принципе и не отказываясь стать Богом, но продолжая потягивать пиво и обнимать девушек. Объятиями, впрочем, не ограничились: крымские СМИ пестрят подробностями неистовств гостей города — от рвотных масс в мемориальном храме на месте Крещения св. Владимира в Херсонесе до сексуальной оргии на одном из городских пляжей. Ну а что вы хотели? У байкеров широкая душа, «в нихже несть льсти» — они делают, что хотят, искренне, как дети, поэтому и близки к православию поболе, чем иной фарисей-миссиофоб. (Заметим в скобках, что в Москве они держатся куда скромнее, благо Москва никем не оккупирована.) И если джинсы и рок уже не мешают спасению, то и остальные элементы субкультуры мешать ему не должны! «Секс, наркотики, рок-н-ролл»? Воцерковим и этот лозунг, для начала, может, чуть его скорректировав, сопроводив небольшой сноской...

Иван Давыдов на сайте «Полит.ру» в статье **«"Харлей" опричника. На такое взглянув, кто не прослезится»** нашел иные безукоризненные образы *«паломников XXI века»* (выражение отца Андрея Кураева): *Наш байкер... это не какой-нибудь там западный. Западный байкер — скандалист и хулиган. Блюзы, бары, пивной алкоголизм, погромы и разврат. Неэстетичные татуировки. Если ты это читаешь, значит, моя сука упала с мотоцикла. Ну и так далее... Страшно сейчас и вспоминать об этом, но наши байкеры со страниц перестроечных таблоидов в мозги обывателям въехали похожим образом... Но духовность не могла не победить. Духовность победила наносное, западное и нежной нашей ментальности чуждое... Наш православный байкер, способный конно, людно и оружно к месту назначенного сбора прибыть, осененный благословениями и пропитанный здравыми политическими идеями,— не он ли новый рыцарь, призванный спасти отечество? И даже черные доспехи кожаные смотрятся вполне органично. Хорошо б еще на будущее, конечно, задуматься о собачьих головах у седел, да и метлы бы не помешали. Для вящей, так сказать, узнаваемости образа.*

Дмитрий Быков в статье **«Поп-шоу, или Облучение от Церкви»** (журнал «Собеседник») заметил, что *патриарх, благословляющий делегацию российских мотоциклистов перед отправкой на байк-шоу, еще не та беда, точней, не вся беда. А вот председатель Синодального отдела по взаимоотношениям церкви и общества Всеволод Чаплин, позирующий на фоне крутого рокера Паука («Коррозия металла») и видного русского националиста Константина Касимовского,— символ более серьезный. Нам, кажется, предстоит продегустировать истинный «молотофф-коктейль» из радикального православия, тяжелого рока (а то и панка) и национализма в «розовом» социалистическом вари-*

анте. Все эти ингредиенты и сами по себе не блеск, но смесь поражает всякое воображение.

Быков (человек, заметим, совершенно светский) выговаривает самоочевидные в своей здравости вещи: *Было бы славно и куда как уместно наладить наконец взаимодействие общества и церкви — помогать, например, больным детям, да притом и не афишировать этого, по заветам Христовым; а то отдуваются за всех одни волонтеры. Можно бы помогать старикам и неимущим, можно бы в школах преподавать историю религии — да не так, чтобы сыграть на самых дурных инстинктах старшеклассников, не соблазнять их байкерами или металлистами, а серьезно объяснять, почему без Бога мир похож на храм без купола. Но у РПЦ удивительное свойство — она участвует именно в том, благословляет именно то, что выглядит наиболее сомнительным с христианской, да и попросту с человеческой точки зрения... Милосердие, сострадание, умиление, благоговение, надежда — все, что принесло в мир христианство, сменив жестковыйную ветхозаветную риторику, сегодня вытеснено агрессивной брутальностью, недвусмысленным шовинизмом и интонацией вечной высокомерной суровости...*

Андрей Рогозянский («РПЦ в мире пиара»[12]) самой сутью события считает *вступление РПЦ в мир Большого Пиара.* Кроме того автор сообщает немаловажные сведения о байкерах. «Ночные волки», пишет он, — это экспансивная организация, контролирующпя большинство байкерских групп в России, Белоруссии и Украине. *Как санитары леса, они заняты систематическим вычищением поляны и поеданием братьев своих меньших...* Противники «Ночных волков» имеют ряд своих структур, и между этими объединениями идет довольно своеобразная гонка. *Мотопробег и шоу, устроенные «Ночными волками» в Севастополе, продолжают это соперничество. Поддержка со стороны высших российских властей и патриарха создает обстановку абсолютного «эксклюзива» и дважды удостоверяет притязания лидера «Волков» Александра Залдостанова на звание наиглавнейшего байкера Всея Великия, Малыя и Белыя.*

Приводит Рогозянский и следующий любопытный текст, предлагая читателю самому оценить стилистику и игру смыслов. Характерно, что приведенный ниже кусок диалога между российским премьером и вожаком байкеров Хирургом попал в официальный релиз (что, заметим, просто так обычно не делается):

Владимир Путин, председатель правительства РФ: Я один раз попробовал ездить на байке. Это было совсем недавно.

Александр Залдостанов: Я в курсе об этом.

Владимир Путин, председатель правительства РФ: Да?

Александр Залдостанов: Да.

Владимир Путин, председатель правительства РФ: Я встал на заднее колесо и въехал в другую машину.

Александр Залдостанов: Там, да, есть резвые очень. Резвые есть моторы.

Владимир Путин, председатель правительства РФ: Нет, я просто резко бросил сцепление.

---

[12] http://www.rusk.ru/st.php?idar=156081.

Александр Залдостанов: Ну, это по первому разу. Я хочу пожелать, чтобы Вас это не обломало, чтобы Вы все-таки не забросили мотоцикл и не поставили его в гараж...

Если кому-то здесь вспомнился Корней Иванович Чуковский, то, представьте, у меня то же самое, — замечает публицист и продолжает: *С высокой долей вероятности можно судить, что спецслужбы «работают» по движению. <...> Шепотом передаются истории о том, что в среде сотрудников ФСБ, ФСО, МВД становится модным проводить свободное время на «чопперах», в кожанках. <...> Если учесть, что ранее в том же увлечении признался патриарх Кирилл, а некоторые уже начинают говорить и об увлечении мотоциклизмом прежнего патриарха Алексия (Ридигера), то... просто не знаешь, что сказать и подумать...*

2. О первых христианах и последних стилягах

Что можно добавить к сказанному? Ничего удивительного в этой миссионерской эскападе, конечно, нет. Давно, как говорится, ожидаемое событие. Но из всех его блещущих фейерверком смыслов хочется выделить одну только грань. Мы не знаем, есть ли среди нынешних миссионеров искренние люди. Наверное, есть. Бывший хипан игумен Сергий Рыбко, во всяком случае, искренне верит в свою миссию. По-своему искренен и протодиакон Андрей Кураев. Да и Кирилл Фролов (искренне называющий себя цепным псом Московской патриархии), несомненно, верит в свою звезду. И если у наших миссионеров действительно живы еще идеалистические побуждения, не до конца детерминированные «волей к власти», властью больших денег и державным пафосом, то коренная их ошибка, думается, вот в чем. Рокеры и байкеры — люди, прежде всего, свободные и независимые. Грешные, конечно, и им, конечно, лестно внимание сильных мира сего. Но... лишь пока им это будет ново, интересно или (что уже другой совсем разговор) выгодно. Очевидно, однако, что они никогда не впишутся в систему, не перестав быть самими собой.

В 60-е ими руководил своего рода монашеский пафос: они пытались основать собственный мир вне всемирного вавилона; в 70-е — атаковали агрессивной энергией панка. Наконец, отчаявшись, погрузились в эстетику «темной стороны» и суицида. Сегодня энергия бунта, похоже, почти исчерпала себя, но движение все равно осталось совершенно антисистемным по духу. И не потому ли именно рокеры становятся сегодня главным объектом «миссии», что система метафизическим чутьем чует главного своего врага и спешит расправиться с ним? Купить, разъесть кислотой, переварить, чтобы расчистить путь к воцарению вавилона...

Да, наверное, выходец из контркультуры Сергий Рыбко искренне хочет обратить рокеров в христианство. Искренна и девица-топлесс на тяжелом байке — искренна как истинный варвар. Но хоругвь с ликом Нерукотворного Спаса, которую какой-то идиот впихивает сюда «для идеологии», превращает все в кричащую пошлость (ровно ту, которая и царит в головах миссионеров). Здесь парадоксальным образом и свершается эта подмена, и в первобытный (и по-своему органичный) мир замешивается нечто, ведо-

мое совсем иными мотивами. Так вслед за идеалистом-первооткрывателем входит конкистадор, в глазах которого отражается лишь золото инков.

В этом смысле (выскажу сугубую точку зрения), настоящие байкеры и рокеры гораздо ближе к христианству, чем те, кто их сегодня пытается окучивать и миссионэрить. И наполовину голая девица, и физическая блевотина в храме, и весь этот секс-драгс-рок-н-ролл — есть все же гораздо более живое проявление бытия, чем «метафизическая блевотина» новой тоталитарной машины, от «материнской платы» которой бежало в подвалы прошлое поколение рокеров (как первые христиане в римские катакомбы), готовя крах системе. (Ибо, что может быть общего у Бога с велиалом?) Но когда все живое, вся свобода, вся ее вера, все ее будущее покинули ее, система зашаталась и рухнула... Ибо, с одной стороны, власть мира сего, «атомное православие» и «русские флаги над Севастополем», с другой, — свобода от этого мира. «И вместе им не сойтись», как говаривал Ридьярд Киплинг...

Часть третья. Русское поле экспериментов, продолжение следует

1. День религии Дмитрия Медведева

Но, возможно, самым серьезным событием этого лета стало решение президента Дмитрия Медведева о введении религиозного образования в школы и должности полковых священников в армию. 21 июля состоялось совещание в загородной резиденции президента «Барвиха», куда были приглашены главы православных христиан, мусульман, иудаистов и буддистов. Президент сообщил, что в его адрес поступило *два обращения от представителей ведущих конфессий*: первое касается преподавания в школах основ духовно-нравственного просвещения, второе предлагает ввести в Вооруженных силах институт полковых священников. «*Оба этих обращения я принял решение поддержать*», — заявил Медведев.

Эксперимент по религиозному обучению будет начат в 2010 году. Ученики и их родители получат возможность самостоятельно выбрать предмет. К выбору будут допущены основы православной, мусульманской культуры, иудаизма, буддизма, а также история мировых религий и основы светской этики.

На начальном этапе эксперимента уроки предполагается ввести во втором полугодии 4-го класса и закончить в первом полугодии 5-го. В справке, подготовленной к заседанию, подчеркивается, что *в этом возрасте ребята уже в основном научились учиться, способны анализировать и выбирать те или иные учебные курсы*, к тому же *учащимся в возрасте 10— 11 лет... присущи такие социально-психологические характеристики, как доброта, бесконфликтность, сопереживание.* Преподавать новые предметы будут только светские педагоги. Президент сообщил также, что изучение религии не противоречит Конституции РФ, поскольку основано на принципе добровольности.

Министр образования и науки РФ Андрей Фурсенко в тот же день сообщил журналистам, что на первом этапе эксперимента будут задействованы 12 тысяч школ в 18-ти регионах. В процессе реализации идеи пере-

подготовку пройдут более 40 тысяч учителей, будут потрачены сотни миллионов рублей.

День 21 июля уже называют историческим, и, наверное, не зря. Решение, несомненно стратегическое, имеющее далеко идущие последствия. Не назовешь его и неожиданным: то, что рано или поздно это произойдет, было ясно давно.

Что обращает на себя внимание? Религиозное образование вводится силовым решением, о котором общество просто информируется. При этом само решение оказывается несколько более мягким, чем последние по времени предложения РПЦ, предполагавшие раздельное обучение для православных, мусульман, иудеев и атеистов. В версии президента к выбору допущены кроме светской этики также и история религий; священники от школы однозначно отлучены; выбор признан неизбежным и добровольным. Ясно также, что это решение — во многом вынужденное, принятое под давлением РПЦ, и что оно не примиряет общество, не снимает проблему, а спускает все на максимальном и в высшей степени дорогостоящем компромиссе.

Решение это можно назвать историческим и вот в каком смысле. Закон Божий в школе и священники в армии — исторически выверенная формула Русской церкви как идеологического основания империи. И сегодня, в новой утопии «православной цивилизации», Русская церковь находит привычные себе формы жизни. Заметим, что это формы конца XIX века, т. е. предреволюционные. Что же, видимо, бесконечно пытаться вступить в одну и ту же воду, наступать на одни и те же грабли — наша историческая судьба.

Не будем подробно останавливаться на полемике вокруг этого решения, приведем лишь один материал, на наш взгляд, исчерпывающе являющий всю его проблематику. Это выступление управляющего делами Российского объединенного союза христиан веры евангельской (РОСХВЕ), члена Экспертного совета Комитета Госдумы по делам общественных объединений и религиозных организаций **епископа Константина Бендаса** на пресс-конференции в «Московском Комсомольце»:

Епископ Сергей Ряховский, глава российского союза христиан веры евангельской, благословивший меня на участие в этой пресс-конференции, как человек более оптимистичный считает, что вся ситуация — это большое недоразумение и в самом ближайшем времени люди, от которых все это зависит, все переосмыслят и как-то ситуация изменится. Я не такой оптимист. Прежде всего я полагаю, что данный эксперимент в самое ближайшее время полностью провалится. <...> К сожалению, пока он дойдет до абсурда и провалится, будут истрачены сотни миллионов денег госбюджета, но самое главное — искалечены души детей, и однозначно это приведет к обострению межрелигиозной ситуации в России...<...> Почему такой пессимизм? Прежде всего я не понимаю, почему вся та общественная дискуссия, которая была поднята последние три года по вопросам преподавания православной культуры, или основ мировых религий, или основ религий России, почему вся эта дискуссия, все выводы, заявления, резолюции, рекомендации, рекомендации общественной палаты, почему они в один момент, в один день были похоронены и забыты, как будто ничего не было. <...> Почему это решение было принято... ну не совсем в тайне, но как-то спонтанно, без подготовки, без обсуждения, просто решили, пригласили ТВ, заявили, вы-

весили на сайтах: «Так теперь будет. Мы начинаем эксперимент в 18 субъектах»... А это пятая часть всех российских школ, пятая часть наших детей! Вы знаете, вещи, которые не являются стыдными, не делают в тайне. <...>

К чему может привести данный эксперимент? Я бы поставил под сомнения слова г-на Фурсенко о том, что четвертый-пятый класс — это один из самых бесконфликтных. <...> Зайдите на Ru Tube, YouTube, найдите съемки с мобильных телефонов учащихся... Я знаю (я вхожу в родительский комитет), чем живет школа, чем живут подростки даже в достаточно элитной московской гимназии. С тех самых с четвертых-пятых классов разделение по соц. признаку, по достатку семей,.. по разрезу глаз уже там присутствует, и педагоги с мудростью пытаются нивелировать это, прилагая максимум усилий. И вдруг мы всех разделяем! Представьте ситуацию обычной средний школы: два человека из семей мусульманских, один-два протестанты, католики, буддисты, неверующие и т. д. И здесь вдруг нужно им разделиться. Я даже не беру вариант, когда просто нет преподавателей (и годы — если не десятилетия — уйдут на то, чтобы их подготовить). Я разговаривал с одним из директоров московских школ, он говорит, простите, если мне честно подойти и сделать все по этой резолюции президента и на самом деле позволить каждому сделать осознанный выбор, мне нужно брать в штат преподавателей по этим предметам больше, чем у меня сегодня учителей-предметников. Если на самом деле позволить каждому классу честно разделиться на четыре — пять — шесть направлений, то никакого бюджета просто не хватит. <...>

Я не понимаю почему не вложить знания о культуре своей религии в общий для всех предмет, который преподается всему классу, называется, например, основы религий России. Ясно и неоспоримо, что в пользу Русской православной церкви в нем будет представлено гораздо больше места, потому что ее вклад в историческое, культурное развитие России значительнее, чем у других конфессий. У кого-то он будет меньше, но простите, он тоже есть. <...> Есть вклад всех нас, каждого из нас, и мы хотели бы равного отношения. И чтобы уже там, в школе, в сердцах детей не закладывалась дискриминация, комплекс человека второго сорта. К сожалению, сейчас есть такие моменты, я вот занимался недавно ситуацией в одном из регионов... Взрослый состоявшийся человек, много лет отдавший государственной службе, последнее время занимавшийся бизнесом, четыре года назад, будучи атеистом, пришел к вере в евангельской протестантской пятидесятнической церкви, и губернатор в этом регионе пригласил его на должность вице-губернатора. Они были уже знакомы, вместе работали много лет. Он был представлен всему коллективу, в понедельник выходить на работу. Зам. губернатора по безопасности вызывает его в пятницу вечером в кабинет и говорит: «Слушай, ты хороший мужик, и талантливый и нужен нам, но ты извини, здесь пришла такая резолюция из службы безопасности, а там написано: "активный сектант!" Прости, не можем мы тебя взять на государеву службу»...

2. Без альтернативных...

Ненадолго прервемся, и, чтобы предчувствия епископа Константина не показались беспочвенными, приведем еще несколько примеров. В апреле этого

года разгорелся скандал вокруг нового экспертного совета по религиоведческой экспертизе при Министерстве юстиции. Федеральный закон от 23 июля 2008 года, передавший Минюсту полномочия по определению порядка проведения религиоведческой экспертизы, значительно расширил полномочия Совета (если раньше Совет проводил экспертизу лишь при регистрации религиозных организаций, то сегодня он имеет право проводить ее по запросу Минюста фактически когда и как угодно). Но когда стал известен состав нового совета, среди 24 «экспертов» нового органа оказался лишь один (!) профессиональный религиовед. Костяк совета составили православные «антикультисты» — специалисты по сектам, журналисты, люди вовсе без ученых степеней. А возглавил его человек, не имеющий даже полноценного, признанного ВАК, образования, — профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета Александр Дворкин. В профессиональных кругах Дворкин известен как автор множества ксенофобских и агрессивных книг, а также радикал, неоднократно уличенный во лжи и бесчестных методах (правда, нынешний министр юстиции Александр Коновалов — выпускник Свято-Тихоновского православного университета и ученик Дворкина). Заместителями Дворкина стали директор Правозащитного центра при «Всемирном русском народном соборе» Роман Силантьев (заявивший как-то, что *слезинка сектантов вряд ли важнее приоритетов национальной безопасности*) и имам Апанаевской мечети в Казани, директор издательского дома «Иман» Валиулла Якупов (фигуры столь же одиозные).

Специалисты отмечают, что Совет сегодня фактически обладает функциями, сравнимыми лишь с функциями Совета по делам религии в советское время, и будет по преимуществу осуществлять контроль над религиозными организациями.

Так оно и есть. И первым нападкам со стороны нарождающегося цензурного органа подверглось Российское библейское общество. Что также символично, если вспомнить судьбу Библейского общества XIX века, раздавленного «антибиблейским восстанием» архимандрита Фотия и адмирала Шишкова, на многие десятилетия похоронивших издание Библии на русском языке — дело жизни митрополита Филарета (Дроздова). В результате чего русское образованное общество, только-только пробудившееся к мысли, оказалось лишено настоящего духовного просвещения, а «свято место» вскоре заняла марксистская литература.

Еще один пример. В августе этого года на сайте «Славянского правового центра» появились сообщения о разгоне администрацией Кораблинского района Рязанской области семейного палаточного лагеря евангельских христиан-баптистов под Рязанью. Верующие рязанской церкви евангельских христиан-баптистов отдыхали семьями (около 70 человек) в палаточном лагере. Планировалось, что отдых продлится с 11 по 21 июля. Однако 15 июля лагерем заинтересовалась местная милиция. Пастора Андрея Крылова пригласили к начальнику Уголовного розыска, где его допросили, сфотографировали анфас и в профиль, сняли отпечатки пальцев. На следующий день в лагерь явилась комиссия в составе прокурора района, представителя ФСБ, работника по делам несовершеннолетних, юриста и замглавы районной администрации в сопровождении милиции. Проверяющие потребовали немед-

ленно свернуть лагерь. *Юрист администрации Кораблинского района отозвал меня в сторону*, — рассказывает **Андрей Крылов**, — *и сказал, что если б в данном случае не было религиозной подоплеки, то к нам не было бы вопросов. Он лично полностью поддерживает политику государства, чтобы у всех была одна православная вера, т. к. это залог сильного государства. Я спросил: «Вы хотите меня заставить думать по-другому?» В ответ прозвучало: «Вас нет, а вот детей — да». Я переспросил: «Моих детей тоже?». В ответ услышал: «И ваших тоже». Этот человек находился при исполнении своих обязанностей...*

Нечто подобное происходит сегодня с храмами «альтернативных православных» РПАЦ (один из осколков РПЦЗ) в Суздале. В 90-х годах эти храмы были официально переданы суздальской церкви областным комитетом по управлению госимуществом в плачевном состоянии и отреставрированы верующими. Осенью 2007 года руководство владимирского территориального управления Росимущества обратилось в арбитражный суд с иском, и 5 февраля 2009 года Арбитражным судом Владимирской области было принято решение об изъятии у РПАЦ тринадцати храмов в связи с отсутствием договора на их использование. Дело в том, что договоры о передаче храмов заключались с «*несуществующей ныне организацией*» (сегодняшняя РПАЦ в 1990 году называлась «Российская православная свободная церковь»). С другой стороны, КУГИ и Госцентр, как выясняется, вообще не имели права передавать церкви РПАЦ. Местные журналисты называют ситуацию «театром абсурда»: *Сначала государство в лице КУГИ и Госцентра отдает полуразрушенные церкви верующим. Через 10 лет, дождавшись, когда храмы приведут в порядок, то же самое государство, на этот раз в лице Росимущества, вдруг спохватывается: да я же не имею права! Следовательно, — решает государство, — чтобы исправить эту досадную оплошность, надо храмы отобрать,* — пишет журналист владимирской областной газеты «Молва». Понятно, что закон в России — что дышло. Хорошо понятна и настоящая причина нелюбви государства к РПАЦ — ее резко враждебная РПЦ МП позиция.

3. Караул устал...

Но вернемся к пресс-конференции в «Московском Комсомольце», главными участниками которой стали также протодиакон Андрей Кураев (возглавивший редколлегию по созданию учебника по Основам религиозной культуры) и заместитель председателя Духовного управления мусульман муфтий Харрис Хазрат Саубянов.

Оба представителя «православно-мусульманской цивилизации», активно защищавшие раздельное религиозное образование в школе, не нашли, что возразить доводам епископа Константина. Единственное, что смог сказать в ответ отец Андрей, — обвинить Константина Бендаса в неискренности и выразить уверенность, что все свои горячие слова он тут же забыл бы, окажись в списке возможных альтернатив протестантизм. Тем не менее речь епископа Бендаса, несомненно, произвела на протодиакона впечатление. Отец Андрей даже на мгновение потерял самообладание и, когда кто-то из журналистов, задавая вопрос, заметил: «*Мы должны строить Россию по правовому признаку*», — вдруг взорвался: «*Слава Богу, вы уже ее не строи-*

me!» — разом выразив смысл происходящего. И заставив вспомнить бессмертные слова революционного матроса Железняка, объявившего заседание Учредительного собрания закрытым.

Заключение: православная цивилизация?

Итак, что же такое «православная цивилизация», которую мы сегодня начинаем строить под мудрым руководством президента Медведева и патриарха Кирилла?

Впервые этот конструкт возник, кажется, под пером Тойнби, чья теория цивилизаций легла в основу популярной ныне геополитической модели Сэмюэля Хантингтона, откуда, в свою очередь, и попал на глаза нашей властной элиты (к тому времени уже освоившей идеи Ивана Ильина о «мировой закулисе» и единственных наших союзниках — армии и флоте). Как в свое время Карл Маркс дал недостающую теоретическую базу пылким мечтаниям русских социалистов, так ныне теория «столкновения цивилизаций» открыла глаза нашим «консервативным революционерам». Произнеся волшебные слова «православная цивилизация», указав на Россию как на ее «осевую страну» и противопоставив ее (хоть и с оговорками) Западу, Хантингтон обеспечил нам все необходимые геополитические ориентиры.

Моментом истины стал август 2008-го, положивший начало новому глобальному противостоянию (причем, сама грузинская война в сознании нашей власти была целиком оправдана постулатами Хантингтона — ролью России как осевой страны православной цивилизации). Годовщина войны в августе 2009-го ознаменовалась беспрецедентным пропагандистским шквалом, который, казалось, снова обрушил нас в 30-е годы XX века... А *день религии* 21 июля отчетливо явил намерение нашей власти заложить камень «столкновения цивилизаций» уже в каждую российскую школу.

О «православной цивилизации» говорит сегодня и патриарх Кирилл. Но наиболее развернуто эта идеологема предстает в работах **протоиерея Всеволода Чаплина**. В программной статье **«Пять постулатов православной цивилизации»**[13] он утверждает: общество и государство должны иметь духовную миссию; общественный строй и экономика должны быть подчинены *надмирным целям*; православный социум должен помогать человеку спасаться, а все не спасительное должно быть *ограничено, остановлено, лишено общественной поддержки*. Идеалом общественного устройства признается теократия. Но и за светским государством утверждается необходимость *поддерживать традиционные вероисповедания*, идея же религиозного нейтралитета признается недопустимой. Утверждается также, что христианин обязан быть хорошим гражданином любого государства (в качестве примера приводится лояльность *церковных авторитетов* римским императорам-гонителям, турецким султанам, Сталину и Гитлеру), но по-настоящему обоснованным признается патриотизм, *соединяющий Отечество и веру*.

Отец Всеволод говорит и о свойственной православной цивилизации *мощной приверженности идеалу единства народа и власти*, а также утвержда-

[13] «Политический класс», 2007, № 2.

ет принцип: «*Церковь, народ и власть — одно целое*». А что же личность? Личность признается имеющей *весьма высокую ценность*, однако выше ценности свободы самовыражения ставится ценность священных символов (икон, храмов, богослужебных предметов — *частиц неба на земле*). Оговаривается при этом, что личность никогда полностью не автономна, а ее земная жизнь *неотделима от соборного тела народа*. Все остальное место статьи отдано упрекам Западу за его гордыню, экспансию, релятивизм и проч. В заключение постулируется существование православной цивилизации, как самостоятельного центра *правовой и политической культуры*, а также необходимость создания международного сообщества православных стран и народов.

Эта статья (несомненно, вдохновленная теорией Хантингтона) до сих пор остается самым ярким описанием того общественного строя, который мы сегодня создаем, — брежневская модель СССР (из которой, как из гоголевской шинели, вышла вся нынешняя бюрократия), где на место дискредитированной КПСС вступает модернизированная РПЦ. Замечательны и тот откровенный утопизм, которым все здесь дышит (например, в пункте о единстве власти, церкви и народа), и та простодушная непосредственность, с которой выстраивается здесь иерархия ценностей: на вершине — власть, чуть ниже — церковь, еще ниже — общество, в самом низу — человек.

Последний акт трагедии Константиновской церкви начинается ныне медовым месяцем брака церкви и государства. Опьянена власть, обнаружившая полную импотенцию в реальном государственном строительстве; опьянена церковь, потерпевшая фиаско в реальном воцерковлении народа и желающая теперь возместить этот провал воцерковлением насильственным и радостно надевающая на себя золотое ярмо государственной церкви... Но что увидят они через год-два, когда сладкий сон развеется? Нерешаемые социальные проблемы, еще более чудовищную коррупцию... Окончательно забронзовевший зáмок бюрократии над пустыней тотальной разрухи и упадка...

Центральная мысль патриарха Кирилла (уже усвоенная президентом Медведевым и озвученная им в статье «Россия, вперед!») о том, что главной нашей ошибкой была «*революция Петра*», своротившая нас с *самобытного пути*, — это отказ от великой петербургской культуры XIX века, стратегический поворот к московщине и Средневековью...

Так, двигаясь шаг за шагом по параграфам теории Хантингтона, мы неминуемо должны будем придти и к ее окончательным выводам. Выбор «православной цивилизации» в ряду прочих ориентальных цивилизаций будет означать пусть не тотальный пока (Куршевель и прочие блага цивилизации тоже терять, конечно, не хочется), но все более явный отказ от европоцентризма. А значит, и ускоряющийся закат русской культуры и все более острую ориентализацию страны, победу евразийских смыслов (что на деле будет означать перманентную исламизацию). Удержаться в парадигмах «православной цивилизации» окажется невозможно просто потому, что никаких реальных основ, кроме политической демагогии и мифов «консервативной революции», в арсенале сегодняшних строителей нет. Скорей всего, очень скоро «православная цивилизация» плавно эволюционирует в православно-мусульманскую (возможно в формате: православный президент, исламский премьер), а там подтянутся и китайцы...

Скорее всего, единственным плодом всех этих постмодернистских игр окажется выстраивание системы нового глобального противостояния: Запад — остальной мир, в котором Россия будет стараться заявить свои геополитические амбиции лидера «традиционных цивилизаций» (еще одна стратегическая мысль патриарха Кирилла).

Что же потом?

Нераскаянный грех имеет свойство идти все глубже. И, по закону исторического возмездия, нас ожидает то, о чем и предупреждает отец Петр Мещеринов. Возможно, очередная (на сей раз фундаменталистская) революция, героями которой станут уже не вальяжные партийные боссы брежневского замеса, а темные авантюристы ленинско-сталинской школы; не пузатые, груженные золотом торговые шхуны, а юркие пиратские канонерки...

«Православная цивилизация», если и будет построена, вряд ли сможет удержаться в границах, превосходящих московское опричное царство. Зато энергии распада России могут повлечь за собой бурную эскалацию напряженности по всему миру... Увы, нашей стране вполне по силам сомнительная честь стать детонатором новой глобальной войны (тревожными предчувствиями подобных сценариев полна книга Хантингтона).

Концом же нашей сергианской сказки может стать последнее «преображение», когда уже сама церковь обернется «новой опричниной», «ЧК во имя Христа» (что и предсказывали в свое время Федотов и Бердяев). И когда дружно вызываемый сегодня демон наконец явится и в его лике каждый увидит свое отражение, наступит (как и в 1917-м) горькое запоздалое прозрение, что на самом деле мы давным-давно уже поклоняемся не Христу, а чему-то совсем-совсем иному...

Постскриптум: от соцреализма — к сюрреализму

На этом, наверно, следовало бы и закончить. Но... мне давно не дает покоя мысль о том, что время литературы как таковой кончилось и единственный настоящий роман сегодня пишет само время. То есть сама российская действительность представляет собой такой захватывающий сюжет в стиле фантастического реализма, перед которым бледнеют любые потуги романистов. И единственное, что остается человеку с пером, — беспристрастно описывать происходящее.

Таким, безусловно, сюрреалистическим актом стало отпевание патриархом Кириллом человека-эпохи Сергея Михалкова в Храме Христа Спасителя. Об этом действе много судачили в сети, но безусловным маленьким шедевром стал экспромт, сложенный блогером **ivand** и озаглавленный **«на смерть Гимнософиста»**[14]:

— Это что?— святой Петр с изумлением посмотрел на мятую бумажку, которую протянул благообразный старичок. — Опять небось справка о праведности из РПЦ? Ну не действуют у нас кирюхины грамоты, устал я говорить. Устал.

[14] http://ivand.livejournal.com/1161143.html.

— Да ну, какие справки. Я тут просто набросал, пока летел. Чтоб время не терять.

— Что набросали?

— Гимн.

— Акафист? Или что?

— Гимн. Гимн Царствия небесного.

Петр надел на нос потертые очки и начал читать с середины:

...Гордись, обитатель небесного рая,
Теперь ты спасен и прославлен в веках.
Одна ты на небе, одна ты такая,
Хранимая богом страна в облаках!

Славься Спаситель наш и Богородица,
Славься седой охранитель ключей!
Партия праведных к небу возносится
В ясном сиянии светлых лучей.

— А вы, собственно, кто?— спросил изумленный Петр.

— Вы что, не узнали?

— А, ну да... так вам и не сюда, собственно,— пробормотал Петр, нащупывая под столом кнопку сброса.

Почувствовав, как облако уходит из-под ног, и увидев внизу разверстую багровую пропасть, старичок вздохнул, достал из кармана блокнот и начал торопливо записывать:

Сквозь дыры в земле ад сияет нам ярко,
И дьявол великий нам путь озарил!
Министр и премьер, хлебороб и доярка, —
Здесь хватит на всех сковородок и вил.

Славься подземное наше узилище...

Искренне надеясь, что Господь будет более милостив к своему созданию, чем глумливая ЖЖ-братия, не можем не отметить, что уважаемый ivand попал (как сказал бы Николай Гоголь) не в бровь, а в глаз.

Теперь к вопросу о святости, эпидемия которой, похоже, распространяется по стране со скоростью свиного гриппа, охватывая все новые слои и горизонты Святой Руси. О святости национального лидера Владимира Путина и необходимости его немедленной канонизации мы слышим уже давно (то от Александра Дугина, то от Егора Холмогорова, etc). Иногда поступают и встречные предложения: *Как знать, не близится ли час, когда распахнутся золотые врата в беломраморном кремлевском зале, лица чиновников и депутатов обратятся на восклицающий голос церемониймейстера, который страстно и громогласно возвестит: «Президент Российской Федерации, патриарх Московский и Всея Руси Кирилл!» И все склонят головы перед человеком в сияющей ризе, с патриаршим жезлом* (**Александр Проханов «Святейший, не оставь народ свой!»**[15]).

[15] Газета «Завтра», 22 апреля 2009 г.

В конце августа прогрессивное человечество взволновало сообщение «Независимой газеты» о том, что буддисты Бурятии во время посещения республики президентом Медведевым готовятся объявить его воплощением Белой Тары — почитаемого буддийского божества, проведя перед ним обряд простирания (в ходе которого лама полностью распластывается на земле перед воплощением бога). Нетривиальное чествование, сообщало издание, задумали ламы Иволгинского дацана. Интересная инициатива оказалась не ноу-хау местных лам, а давней традицией, идущей еще со времен Екатерины II. Русская императрица признала буддизм одной из государственных религий России, в благодарность за что ламы в ответ признали ее (и всех ее последователей на троне Российской империи) воплощением Белой Тары. Богиня обычно изображается восседающей в позе лотоса на лотосовом троне с распустившимся лотосом в руке. У нее семь глаз: пара обыкновенных, глаз мудрости во лбу, а также — по глазу на ладонях и ступнях. Настоятель Дагба Очиров сообщал также журналистом, что трон Белой Тары, изготовленный лучшими мастерами Бурятии, уже готов и ждет главу государства.

О подробностях посвящения Дмитрия Медведева в буддийское божество мы пока не узнали. Впрочем, не скучали и без этого. Объектами религиозного поклонения становились тем временем не только сами представители действующей власти, но и артефакты, побывавшие в их руках. В то самое время, когда вся блогосфера с нетерпением ждала превращения президента Российской Федерации Дмитрия Медведева в семиглазую богиню, таким объектом стал именной кирпич патриарха Кирилла. Случилось это в Архангельске на строительстве кафедрального собора, который местная епархия решила возводить методом народной стройки. Кампания по сбору средств сопровождалась акциями под девизами «*Купи свою сваю!*» и «*Приобрети свой кирпич!*». В одной из них принял участие и патриарх Кирилл. В репортаже с места событий, рассказывая об инициативе местной епархии, телеканал НТВ (эфир 23 августа в 19.00) показал кирпич, на котором расписался патриарх, и женщину, благоговейно к кирпичу приложившуюся.

Впрочем, не все формы государственно-церковного строительства вызывали столь благочестивую реакцию. Например, следующее событие поразило православную блогосферу (и не только ее) в самое сердце. 12 сентября официальный сайт РПЦ МП «Патриархия.Ру», сообщая о ходе визита патриарха Кирилла в Нижегородскую епархию РПЦ, разместил серию фотографий с великого освящения только что построенного храма Феодоровского монастыря в Городце. На одном из фото изумленным взглядам открылся фрагмент алтарной росписи с изображением патриарха Кирилла с нимбом вокруг головы и бескомпромиссным надписанием: «*Св. Кирилл, патриарх Московский*». Фотография была вскоре удалена, однако к тому времени уже растиражирована десятком восторженных свидетелей явления[16].

Профессор Московской духовной академии **протодиакон Андрей Кураев** поспешил дать в своем блоге строго канонические объяснения удивительному феномену: *Нимб в иератической живописи — это не только знак*

[16] До недавнего времени фреску можно было увидеть, например, здесь: http://www.divshare.com/download/8500246-ba9)

личной святости, но и знак святости того служения, которое нес изображенный человек... Так и в Городце: изображение действующего патриарха с нимбом... есть указание на святость патриаршего служения. Несколько двусмысленное надписание «св» может пониматься только как «святейший», то есть как часть официально-протокольного титулования патриарха. Фото убрали правильно, поскольку его значение понятно лишь для людей церковно-образованных. Феодоровский монастырь по замыслу его наместника игумена Августина должен стать образовательно-миссионерским центром, так что для богословски образованной братии вся система алтарной росписи была бы понятна, а прихожане этой фрески не видели бы. Свои богословские разъяснения отец Андрей заканчивал на мягкой, лиричной ноте, по-матерински нежно переводя внимание потрясенных зрителей в эстетическую плоскость: *Росписи в храме замечательные. Фарфоровый иконостас салатового цвета. Иконы на традиционно золотом фоне. Говорю об этом по той причине, что все духовенство было в золотых облачениях. Но на патриархе оно было золотое с салатовыми узорами. Я спрашивал его иподиаконов — специально ли под храмовую роспись подбиралось это облачение; они сказали, что так совпало случайно. Но получилось здорово. Маленькое чудо*, — трогательно заключал отец протодиакон.

Тем временем менее церковно-образованные блоггеры допускали и менее каноничные толкования *маленького чуда*. «*Обряд простирания*», — лаконично заключали одни. «*Прогиб года*», — соглашались другие. «*Именно прогиб, и ни что иное*,— писал в блоге отца-протодиакона юзер **nicolin**. — *Весь город завешали плакатами с изображением святейшего, три телеканала вели прямую трансляцию*». «*Все просто*,— ответствовал ему блогер **andber**. — *Как мне рассказывали нижегородские попы, архиеп. Георгий, не подумавши, в период междупатриаршества не в меру ретиво агитировал за митрополита Климента, епархия даже распространяла некие видеокассеты, теперь ему надо реабилитироваться. Тут не только во святые патриарха Кирилла запишешь, сам себя в адских муках изобразишь...*

А блоггер **gm_dar**, переводя внимание читателей на личность самого известного нашего богослова, занялся размышлениями на тему: отчего это *Кураев всея Руси* так любит выкручиваться и оправдывать патриарха Кирилла? Версий на этот счет у блоггера целых три. Есть и пожелания: *лучше бы помолчал, чем так бездарно выворачивать все наоборот, выставляя самого патриарха в более глупом виде, чем его могут изобразить даже недоброжелатели.* Или отец Андрей просто-напросто ведом *маниакальной идеей всегда и все комментировать, чтобы постоянно находиться в форме*? Предлагает блоггер и такой вариант: а может протодиакон — просто *верно служащая собака, которой дают возможность лаять, чтобы другие молчали. Собаки лают — караван идет.*

И то правда. Как говорится, мой караван, вперед лети, и — то ли еще будет...

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ в зеркале прессы

(июнь – август 2009)

(Краткий обзор)

Визит патриарха Кирилла на Украину

С 27 июля по 5 августа продолжался визит патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Украину — самый длительный зарубежный визит предстоятеля РПЦ МП. В программе — посещение Крыма, Донбасса и западных регионов. А началась поездка с Киева.

«Я прибыл сюда паломником, чтобы прикоснуться к этой святой земле. Киев — это наш общий Иерусалим! — сказал патриарх Кирилл, обращаясь к верующим на Владимирской горке, — рассказывает о начале первосвятительского визита **«Российская газета»** (28.07.2009). Следующим пунктом патриаршего турне стала Киево-Печерская лавра, где 27 июля состоялось заседание Священного Синода РПЦ. Синод заседал в столице Украины впервые в церковной истории. Во второй половине дня святейший встретился с президентом Украины Виктором Ющенко. «Российская газета» продолжает рассказ: *Под «Вечную память» в исполнении хора семинаристов Патриарх и президент возложили букеты из колосков пшеницы к памятнику жертвам массового голода. Это бронзовая скульптура девочки, которая сжимает в руках колоски пшеницы. Те самые, по поводу которых «работал» знаменитый расстрельный закон о трех колосках.*

Патриарх поделился воспоминанием из истории своей семьи: «Я сегодня рассказал президенту, что мой дед, священник, 30 лет просидел в тюрьмах и был в это страшное время, начало 30-х годов, в очередной раз арестован. Когда его забирали, а дело было в Поволжье, бабушка заплакала: "Куда ты уходишь, мы умрем с голоду", — а он ответил: "Я иду страдать за Христа, и ни один волос не упадет с вашей головы". Бабушка, накормив последний раз детей, легла спать со словами: "Завтра мы начнем умирать". А ночью раздался стук в дверь и голос: "Хозяйка, принимай товар!" Она выглянула из дома — никого не было. Но за дверью стоял мешок муки. Голод — это последствия конкретных политических шагов, а также природных катаклизмов. То, что огромное количество людей погибли в Казахстане, Сибири, на Украине, — наша общая беда. И мы молимся о безвинных жертвах и о том, чтобы ничего подобного никогда не повторилось. А также о том, чтобы из этих трагических страниц истории не проистекала человеконенавистническая историософия».

Сергей Бычков в газете **«Московский комсомолец»** (28.07.2009) пишет: *Вечером после возложения венков к памятникам жертвам Великой Отечественной войны и голодомора патриарх вернулся в лавру, где встретился с премьер-министром Украины Юлией Тимошенко. Так в первый же день визита патриарх побеседовал с тремя кандидатами на пост президента: Виктором Януковичем, который встречал его в аэропорту и сопровождает в эти дни повсюду, с Виктором Ющенко и, наконец, с Юлией Тимошенко. Во вторник утром литургия совершалась у стен Успенского собора. День выдался*

жаркий не только потому, что вместо туч пришла солнечная погода. В лавре собралось около 10 тысяч верующих. Наместником лавры были учтены прошлогодние упущения, и над помостом был воздвигнут тент, который защищал патриарха и митрополита Владимира, именины которого отмечаются именно в этот день, от палящих солнечных лучей.

Газета **«Время новостей»** (29. 07. 2009) отмечает: *Как и в первый день пребывания патриарха в Киеве, вчера бойцам спецподразделения «Беркут» приходилось отделять паству, прибывшую поприветствовать первоиерарха своей церкви, от протестующих националистов. Как и за день до этого, лавру пикетируют активисты Конгресса украинских националистов и Украинской народной партии. В руках они держат лозунги «Украина не вотчина империи!», «Украина не Россия!», «Украине нужна своя церковь!».*

Заметим, что лозунг-вопрос о создании единой независимой украинской церкви возникал в ходе визита на самых разных уровнях, вплоть до президентского. Патриарх, по сообщению интернет-ресурса **«Газета. Ru»** (30.07.2009), ответил на него так: *Украинская православная церковь имеет свой Синод и отвечает на вызовы современности без всякого вмешательства Москвы. Мы сознаем себя великой и единой церковью. Самое неправильное в осмыслении положения церкви на Украине — привнесение политической фразеологии и мотивации. Вся аргументация наших противников исключительно политическая: независимая страна — независимая церковь.*

Издание рассказывает также о посещении патриархом Кириллом Донецка: *В столице Донбасса, где насчитывается более 600 церквей, лозунги «Долой попа — узурпатора» и «Прочь московские руки от украинских святынь» сменились на «Кирилл — наш патриарх» и «Ваше святейшество, добро пожаловать в Донбасс!».*

Плакатами жители традиционно лояльного Московской патриархии Донбасса не ограничились. Как передает агентство **УНИАН**, *у Спасо-Преображенского кафедрального собора, который патриарх Кирилл прибыл освящать, верующие приветствовали его сотнями зеленых воздушных шариков Не менее красноречиво лояльность Донецка Москве иллюстрировали улицы города, увешанные билбордами с надписями «Донецк приветствует патриарха».*

«Известия» (03.08.2009) пишут: *В Крыму московский Предстоятель отслужил литургию у стен Свято-Владимирского собора в древнем Херсонесе (Севастополь). На этом месте по преданию принял Крещение равноапостольный князь Владимир. Там же находится и купель, в которую, как предполагают ученые, и погрузился Креститель Руси. В богослужении приняли участие около 2 тысяч человек, среди которых были председатель Верховной рады Украины Владимир Литвин и экс-президент Украины Леонид Кучма. Последнего встретили аплодисментами. Именно по его распоряжению был восстановлен этот собор. Проповедь, произнесенная Патриархом, была посвящена сохранению духовного единства «великой восточнославянской цивилизации». Эта тема остается главной на всем протяжении визита.*

Если посещение Донбасса и Крыма прошло для патриарха гладко, то поездка в западные области Украины была сопряжена с определенными трудностями: националисты не хотели допустить «московского попа» в свою вотчину. Известно, что в начале июля ровенский экс-губернатор Василий

Червоний провел со своими сторонниками совещание на тему: как правильно поставить заслон патриарху Кириллу. Велел собрать тысячу человек, чтобы они с дубинами и проклятиями встречали главу РПЦ на подъезде к Ровно. Но случилась история, которую рассказали корреспонденту **«Комсомольской правды»** (03.09.2009) местные жители: *Василий Червоний обещал пустить Патриарха в Ровно только через свой труп. И вот, якобы в тот самый момент, когда Кирилл на пути в Стамбул пролетал через Украину, отправившегося на рыбалку губернатора сразила молния. Так что с такими вещами здесь не шутят.*

По сообщению издания, в Ровно *патриарх направился в Свято-Воскресенский собор — место, которое, как ничто другое, символизирует царящий в Незалежной раскол. УПЦ здесь принадлежит только нижняя часть храма, а верхнее помещение занимают раскольники.*

Посещению Ровно, — пишет газета **«Московский комсомолец»** (03.08.2009), — *предшествовали события, в которых до сих пор не могут разобраться ни властные структуры Украины, ни журналисты. 2 августа, после того как была отслужена торжественная литургия в Севастополе, патриарх из Симферополя вылетел в Ровно. Однако уже в воздухе самолет патриарха изменил курс и приземлился в Киеве... Из Киева патриарх на машине отправился в Корецкий женский монастырь в Ровненской области — пришлось по жаре ехать 300 километров.* Из Ровно церковная делегация направилась во Владимир-Волынский и в Почаевскую лавру.

По завершении визита патриарх Кирилл рассказал о своих впечатлениях от поездки: Мы *молились с двадцатью тысячами верующих в Киево-Печерской лавре, с двадцатью пятью тысячами — в лавре Святогорской; около двадцати тысяч людей было на Божественной литургии в Херсонесе, а сегодня пятьдесят тысяч молились в Почаевской лавре. Дороги, по которым я ездил, тоже давали мне возможность соприкоснуться с православной Украиной, увидеть благочестивых верующих людей, которые с радостью приветствовали своего Патриарха. Я буду молиться и работать для того, чтобы Украина сохранила свою целостность, чтобы примирились противники, чтобы Украина всегда была страной дружественной, близкой и родной России, чтобы никогда антироссийские настроения не брали верх в Украине. И я буду особенно молиться и трудиться, чтобы антиукраинские настроения никогда не брали верх в России. Мы должны бережно относиться к тому единому духовному пространству, которое сегодня организует и сохраняет Православная Церковь*, — цитирует слова святейшего сайт **«Патриархия. Ру»** (06.08.2009).

К вопросу о преподавании ОПК в школе

Президент РФ Дмитрий Медведев поставил точку в многолетних спорах о введении в школах преподавания основ православной культуры. 21 июля 2009 года на совещании в подмосковной резиденции «Барвиха» он поддержал эту идею. Принудительное религиозное образование не предполагается: школьники-атеисты будут изучать светскую этику.

Газета **«Коммерсант»** (22.07.2009) подобно рассказала о встрече: *На совещание к президенту приехали патриарх Московский и всея Руси Кирилл,*

главный раввин РФ Берл Лазар, председатель Совета муфтиев РФ Равиль Гайнутдин, председатель Координационного совета мусульман Северного Кавказа Исмаил Бердиев, верховный муфтий, председатель Центрального духовного управления мусульман РФ Талгат Таджуддин, председатель Буддийской традиционной сангхи России Пандито хамбо-лама Дамба Аюшеев, а также министр обороны Анатолий Сердюков и министр образования Андрей Фурсенко. Открывая совещание, Дмитрий Медведев сообщил, что «принял решение поддержать идею преподавания в школах России основ религиозной культуры и светской этики». «Считаю также целесообразным организовать работу на постоянной основе в наших вооруженных силах священнослужителей, представляющих традиционные российские конфессии»,— заявил президент.

«Новые известия» (22.07.2009) информируют читателей: *Эксперимент по религиозному обучению предлагается начать с 18 регионов в 2010 году. Если он окажется удачным, то, возможно, практика распространится на всю страну. Скорее всего, это произойдет в 2012 году. «Ученики и их родители должны самостоятельно выбрать предмет»,— пояснил глава Российского государства. Это будут основы либо православной, либо мусульманской культуры, иудаизма или буддизма. Если школьник проявляет интерес ко всем конфессиям, то он может избрать историю основных мировых религий. Для тех, кто не имеет определенных убеждений, остаются основы светской этики. Таким образом, будут удовлетворены интересы всех учащихся.*

Тему продолжает **«Московский комсомолец»** (21.07.2009): *Учитывая, что участвовать в эксперименте предлагается одной параллели классов в каждой школе, в нем будет задействовано около 20 тыс. классов в 12 тыс. школ. А это около 256 тыс. ребят и 44 тыс. учителей (кстати, учителя будут светские). Эксперимент предлагается провести в течение трех лет. Первые уроки должны начаться уже весной 2010-го, а к 2012-му система распространится на всю страну. Новые предметы предлагается ввести в 4-м классе и завершить в 5-м.*

Предмет, скорее всего, будет называться «Духовно-нравственное воспитание». «*Думаю, не будет грехом, если этот предмет так и будет называться*», — приводит слова министра образования и науки Андрея Фурсенко газета **«Время новостей»** (22.07.2009). И замечает: *Как признался Андрей Фурсенко, внедрение в школьную программу «душеведения» обойдется бюджету недешево. По его оценкам, понадобится перепрофилировать порядка 40 тыс. учителей, на что уйдут сотни миллионов рублей. Вместе с тем он выразил уверенность, что «эти деньги не пропадут: переподготовка учителей позволит улучшить качество преподавания в школах в целом».*

«Известия» (22.07.2009) обращают внимание читателей на реакцию общественности: *Многие представители гражданского общества и правозащитники, которые традиционно очень настороженно относятся к любым гуманитарным инициативам власти, на этот раз спорить не стали. «Я считаю, что детей нужно приучать к морали, к тому, что такое хорошо и что такое плохо, а здесь без истории религии не обойтись»,— считает член Общественной палаты Николай Сванидзе. «Человек должен знать историю традиционных и других религий, которые есть на территории России и в мире*

вообще. Это поможет в воспитании, так как в основе религии лежат нравственные ценности и гуманизм»,— соглашается директор Московского бюро по правам человека Александр Брод.

«Газета» (31.07.2009) высказывает мнение, что *изучение в школе основ религиозной культуры пока находится под вопросом, поскольку соответствующие учебники могут быть не написаны к поставленному президентом России сроку (апрель 2010 года).* Издание пишет: *Секретарь редакционной коллегии по разработке учебников православного курса протодиакон Андрей Кураев сообщил, что главное условие — светский характер новых предметов, поэтому контролировать эксперимент будет Минобрнауки. Именно в министерстве, по словам Кураева, выбрали четвертый класс для преподавания нового предмета: по мнению специалистов, это наиболее неконфликтный возраст. Профессор подчеркнул, что на уроках не будет религиозной пропаганды. Кураев признал, что за полгода не получится написать качественные учебные пособия и подготовить достаточно педагогов. Он отметил, что школе не обязательно иметь штатных учителей по каждому предмету. «Это может быть приглашенный в несколько школ педагог, — предложил Кураев. — Кроме того, думаю, что учителя литературы и истории будут рады взять на себя дополнительную нагрузку за дополнительную зарплату.*

О проблемах введения нового курса размышляет и **«Независимая газета»** (14.08.2009): *В то время как Министерство образования и РПЦ демонстрируют готовность в сжатые сроки приступить к реализации президентской инициативы, регионы сомневаются в скорых переменах. Пресс-секретарь департамента образования Москвы Александр Гаврилов пояснил «НГ» ситуацию с «Основами православной культуры»: «Москва — поликультурный и многонациональный город. У нас есть школы с классами, где дети из семей, исповедующих православие, даже не составляют большинство. Возникает сложный вопрос: как преподавать такой предмет? Второе: кто будет преподавать? Нет такой специальности учительской! Нет программ по курсу, методических рекомендаций для учителей, нет учебников... Кто войдет в класс? Священник? И что делать с детьми, семьи которых — нерелигиозные? Если родители против? Пока Конституцию никто не менял, а у нас Церковь отделена от государства. Коль скоро у нас образовательное учреждение государственное, то священнослужители пока там не могут преподавать. Говорить о введении такого курса пока преждевременно. Этот вопрос не проработан. Если будет принято на государственном уровне какое-то решение, то на следующий день педагоги не появятся — как минимум их надо учить пять лет».*

Тема жертв ГУЛАГа в церковном контексте

Проблема исторической памяти остро стоит перед общественным сознанием, но еще острее она стоит внутри Церкви. После Перестройки в церковную ограду пришло немало бывших коммунистов, так и не преодолевших в себе «египетское рабство». Они до сих пор боятся правды о советском прошлом. Но Церковь не может ради страхов и иллюзий этих верующих отказаться от новомучеников и их духовного (и идейного в том числе)

наследия, потому что она утверждается на их крови. Не может Церковь в исторических дискуссиях и до конца подыгрывать кремлевской идеократии, взявшей твердый курс на «советизацию» памяти. Особенно после резолюции ОБСЕ, приравнявшей сталинизм к нацизму. Многие советские мифы и мифологемы после подписания президентом Медведевым распоряжения об усилении борьбы с фальсификацией отечественной истории получили дополнительную подпитку.

Большой общественный резонанс вызвало интервью нового главы ОВЦС МП архиепископа Волоколамского **Илариона (Алфеева)** журналу **«Эксперт»** (15.06.2009). Владыка, в частности, сказал: *Я считаю, что Сталин был чудовищем, духовным уродом, который создал жуткую, античеловеческую систему управления страной, построенную на лжи, насилии и терроре. Он развязал геноцид против народа своей страны и несет личную ответственность за смерть миллионов безвинных людей. В этом плане Сталин вполне сопоставим с Гитлером. Оба они принесли в этот мир столько горя, что никакими военными или политическими успехами нельзя искупить их вину перед человечеством. Нет никакой существенной разницы между Бутовским полигоном и Бухенвальдом, между ГУЛАГом и гитлеровской системой лагерей смерти. И количество жертв сталинских репрессий вполне сопоставимо с нашими потерями в Великой Отечественной войне.*

Эти слова вызвали волну критики в лагере националистов. *Сталин стоял во главе жестко централизованного, мобилизационного государства. Именно к нему тянулись все нити управления, поэтому Сталина можно и нужно со всем основанием назвать творцом Великой Победы. А вот попытка представить Сталина великим злодеем подводит к такому вопросу: «А зачем нужно было воевать за это чудовище?» — Многие таким образом и дошли до оправдания власовщины*, — пишет **«Русский обозреватель»** (19.06.2009).

Интернет-издание **«Русская линия»** (25.06.2009) переводит выступление Илариона исключительно в политический формат: *Важно понять, что другой государственности в этот конкретный исторический период не было. Или, подобно российской буржуазной республике в 1917-м, она была бы моментально раздавлена. Тоталитаризм являлся общественно-исторической формой для первой половины XX века и чуть позже, причем не только в СССР и в нацистской Германии. В тоталитарном формате существовали общества всех крупных стран, включая США, Англию, Японию... Возврат к критике Сталина косвенно бьет по идее державности. Вперед сами собой выдвигаются тезисы о «вековом рабстве», попранных правах и свободах и т. п. В такой логике, если Советы — безусловное и максимальное зло, то, стало быть, произвол 90-х — меньшее зло, оправданное тем, что надо было бороться с коммунизмом.*

Патриарх Кирилл в течение лета несколько раз высказывался на тему репрессий и сталинизма. В проповеди, произнесенной 3 июня, он расценил победу в Великой Отечественной войне как чудо, а тяготы войны — как расплату за богоотступничество. Комментируя эти оценки Святейшего, интернет-издание **«Каспаров. Ру»** (06.07.2009) пишет: *Право толковать историю есть не только у Кремля. Так что о полностью сложившейся «церковно-государственной симфонии», слава Богу, пока говорить рано, — и у РПЦ МП еще есть силы в случае необходимости сказать «нет» нынешней власти.*

Владимир Можегов на сайте **«Портал Кредо»** (24.07.2009) отмечает: *Патриарху Кириллу надоели постоянные скандалы с прославляющими Сталина от лица Церкви отморозками, что никак не вяжется с создаваемым им образом солидной, респектабельной Церкви. Есть, наверное, здесь и желание отмыться от грехов «сергианства» (по возможности постаравшись избежать явного покаяния), и от постоянных упреков в сотрудничестве с чекистами, и от общего имиджа РПЦ МП как Церкви насквозь «сергианской» по духу... Но в оценке истории патриархом Кириллом важнее не то, что она, якобы, противоречит официальной, а то, что в ней высказана далеко не вся правда. И, может быть, если бы, набравшись духу, патриарх Кирилл сказал, что богоотступничество совершилось перед революцией, прежде всего, **в самой Церкви**, что Церковь **первая** предала народ, оправдав расстрел крестного хода к царю 9 января 1905 года, а 12 лет спустя так же легко предала уже самого царя; что Церковь и есть **главная виновница** революции (ибо она — духовное сердце народа, на ней и лежит главная ответственность за его духовное здоровье), или хотя бы чуть-чуть намекнул на это*

Во время визита на Украину патриарх вместе с президентом Виктором Ющенко посетил памятник жертвам массового голода и произнес речь о преступлениях советского режима (подробнее см. об этом выше — в сюжете о поездке). И хотя чуть позже патриарх отыграл назад, заявив, что нельзя ставить на одну доску нацизм и сталинизм, любому непредвзятому наблюдателю было очевидно, что в одном случае он говорит как человек Церкви, в другом — как политик.

Во время августовского визита на Соловки предстоятель РПЦ МП снова поднял тему репрессий. Об этом пишет газета **«Время новостей»** (24.08.2009): *В субботу патриарх совершил заупокойную литию на месте казни узников ГУЛАГа и отслужил молебен новомученикам, пострадавшим за веру в годы репрессий. В этот день патриарх посетил недавно восстановленный Голгофо-Распятский скит на острове Анзер — в сталинские времена здесь находились в заключении сотни священнослужителей, сюда же на верную смерть свозили нетрудоспособных лагерников. «Здесь страдали те, кто оказался верным Христу даже до смерти. Из рассказов тех, кто прошел ужас Соловецкого лагеря, мы знаем, что не было большей силы, чем сила веры и сила молитвы, которая спасала заключенных», — подчеркнул патриарх Кирилл в своей проповеди в день памяти основателей Соловецкой обители. Во время встречи с братией монастыря и членами попечительского совета по возрождению Соловков предстоятель РПЦ предложил создать на островах общенациональный исследовательский центр по изучению истории репрессий советского периода.*

«Ежедневный журнал» (26.08.2009) обращает внимание читателей на то, что тема репрессий не только купируется сверху, но и замораживается снизу: *Современным людям действительно трудно размышлять о смерти. Тем более о смерти в советском узилище. И без веры в воскресение прошлое просто покрывается мраком. «Архипелаг ГУЛАГ» перестают читать. В этих условиях Патриарх Кирилл, кажется, нашел верную интонацию. Он говорил о своих пострадавших родственниках, о деде Василии Гундяеве, который был в числе первых заключенных Соловецкого концлагеря.*

И в заключение сюжета — фрагмент из интервью члена Синодальной комиссии по канонизации святых протоиерея **Георгия Митрофанова,** данного им газете **«Кифа»** (№ 97): *Сейчас, когда благодаря усилиям нашей Синодальной комиссии по канонизации святых прославлено уже более полутора тысяч новомучеников, мы можем констатировать то обстоятельство, что они не только не стали самой почитаемой категорией наших святых, но в значительной степени «уступают в рейтинге популярности» (употреблю это достаточно секулярное выражение) среди наших церковных людей разного рода блаженным, юродивым и старцам — тем, кто на самом деле, будь он подлинным или мнимым блаженным или юродивым, по существу продолжает лишать нас необходимости духовно трезво и нравственно ответственно поразмышлять о нашей прошлой, а значит, и нашей современной жизни, кто предлагает нам очень опасную, очень искусительную духовную анестезию чудотворения, сверхъестественных прозрений вместо подвига повседневной, духовно трезвой нравственно ответственной христианской веры.*

Обзор подготовили Александра и Борис Колымагины

От редакции

Нижеследующий материал был прислан нам Григорием Соломоновичем Померанцем с предложением напечатать его («если найдется место») в память о томском журнале, не сумевшем выжить в пучине нашего дикого рынка. То, что прочтет читатель, — лишь предварительные наметки к несостоявшемуся интервью двухгодичной давности. Однако и вопросы, заданные поэтом и публицистом Владимиром Пшеничным, и мысли, которые были высказаны в ответ Г. Померанцем, настолько, на наш взгляд, актуальны, содержательны и достойны самого серьезного внимания, что «место» для них на страницах «Континента» просто не могло «не найтись». Охотно выполняем просьбу нашего замечательного философа, постоянного и давнего нашего автора.

Григорий ПОМЕРАНЦ

«К НЕЗРИМОМУ КРУГУ ГАРМОНИИ...»

Диалог с журналом «Новый век» (Томск)

Вопросы

1. Нам представляется, что современное человечество переживает ныне не просто некий системный (а значит — очередной, а значит — он может быть проходным...) кризис, но вплотную подошло к ощутимой гуманитарной катастрофе. Нарастает грандиозное агрессивное взаимонепонимание представителей различных культурно-цивилизационных формаций, а сами понятия Цивилизация и Культура соотносятся теперь как едва ли не взаимоисключаю-

---

Григорий ПОМЕРАНЦ — родился в 1918 г. в Вильно (ныне Вильнюс). Окончил ИФЛИ. Участник Великой Отечественной войны. В 1946 исключен из ВКП(б) за «антипартийные заявления». В 1949 г. арестован по обвинению в антисоветской деятельности, осужден; освобожден (1953) и реабилитирован (1958). Философ, культуролог, публицист. Автор книг «Сны Земли» (Париж, 1958), «Неопубликованное» (Мюнхен, 1972), «Открытость бездне. Встречи с Достоевским» (М.,1990), «Собирание себя» (М., 1993), «Выход из транса» (М., 1995), «Опыты философии и культурологии» (М., 1995), «Страстная односторонность и бесстрастие духа» (М.— СПб., 1998), «Записки гадкого утенка» (М., 1998) и др.; вместе с З. Миркиной «Огонь и пепел» (М., 1993), «Великие религии мира» (М., 1995). Член Русского ПЕН-Центра. Постоянный автор «Континента». Живет в Москве.

щие. Путь, пройденный человечеством от «Восстания масс» до «Деволюции человека», смотрится как эсхатологический маршрут, выводящий нас к трагической потере человеком РОДОВЫХ своих свойств. Речь идет о принципиальном обмелении духовной и душевной жизни, фактическом прекращении Диалога с Традицией, утратой ощущения Большого Времени культуры (выражаясь по-бахтински), роковом падении авторитета книги — и на этом фоне процветании суррогатов, подделок всех уровней, имитаций и еще раз имитаций...

«История закончилась, осталась длимая современность».

Разделяете ли Вы нашу тревогу, в чем Вы видите главные угрозы человечеству, находите ли место для надежды, есть ли у Вас, с ВАШЕЙ БИОГРАФИЕЙ, основания полагать, что лекарства от расчеловечивания могут быть определены и предложены?

2. В эпоху всесилия массовой квазикультуры и торжества релятивистски-игровых настроений в так называемых элитных культурных сообществах находится ли место СЕРЬЕЗНОЙ литературе с ее пафосом неповторимой человеческой личности, психологизмом, с ее совестными интенциями, с ее трагедийностью? Приходится констатировать: на планете вымирают поэты и поэзия, место больших мыслителей и художников занимают всевозможные кастаньеды и коэлью. Это пугает. Можно ли жить без ИСКРЕННЕЙ литературы и философии? Могут ли выжить литература и философия? Нужно ли это? (В конце концов, когда Миф сменялся Историей, это пахло концом света, но он не наступил, и сам Миф не умер, то прекрасно, то безобразно возвращаясь к нам...) Если литература нужна, то какой ей быть? И как ей себя вести? Вполне серьезные люди рассуждают о том, что литература исчерпала себя, сказала все, что могла и хотела сказать, — и повторять за великими бессмысленно. Да и кому это нужно в контексте пресловутой деволюции человека?

3. В современной России впервые за 200 лет национальная литература не участвует ни в «воспитании народном», ни хотя бы в воспитании элиты общества. Напротив, эта самая элита не любит серьезной, ОБЯЗЫВАЮЩЕЙ литературы, не заинтересована в ней кровно. К чему это приведет? Вам известно, в каком прискорбном положении находятся ныне писатели, насколько они деморализованы и маргинализованы, особенно в провинции, из которой и вышли почти все светочи литературы XIX–XX веков. Должно ли государство помогать ей — или мы это уже проходили? А если все-таки должно, то как? Или же все не так уж и плохо, и «образуется само собой»?

Ответы

Дорогие друзья!

Анкета составлена в таких глобальных масштабах, что мои ответы, особенно по № 1, только скользнут по поверхности.

1. Вашу тревогу я полностью разделяю. Человечество впервые может само себя погубить. Какой-нибудь идиот с огромными средствами разрушения всегда найдется. Можно, впрочем, надеяться, что островки жизни и культуры уцелеют и потрясенные люди, как после потопа, сделают несколько шагов

к лучшему. Или, при другом сценарии, вырождение христианской цивилизации отдаст гегемонию Китаю, и из сложившегося тупика китайцы будут вылезать на свой, китайский манер, за который я не ручаюсь.

Мне кажется очень важным понять, что все отдельные принципы, как они ни заманчивы (свобода, справедливость и т. п.), становятся разрушительными, когда перестают быть касательными к незримому кругу гармонии. Сталкиваясь друг с другом, они сплетаются в венок культуры. Вырвавшись из него и устремившись в дурную бесконечность, по логически безупречной колее, подобной теории Раскольникова, они кончаются бессмысленными убийствами. В романе Достоевского дело ограничилось двумя жертвами, Бакунин требовал трех миллионов голов, Ленин практически это осуществил, но сортиров из золота не построил. И тогда из крови, пролитой мучениками и фанатиками идеи, выросли драконы, упивающиеся самим запахом человеческих мучений; они хорошо описаны Даниилом Андреевым. Все эти «уицраоры» пользуются отдельными идеями как дубинками, из этого вытекает общая задача защитников культуры: отстаивать первенство духовной цельности против каких бы то ни было абстракций. Вспомним слова, которые цитирует Шмеман: «"Принципы — это то, чем люди заменили Бога", писал какой-то англичанин. Принципы должны быть поставлены на место. Надежда на это не умирает во мне».

2. Единой читательской аудитории никогда не было, так же как нет единой публики концертов, художественных выставок, кинотеатров. Мне было 15 лет, когда меня захватил Шекспир, а в 20 я погрузился в Тютчева, Толстого и, наконец, Достоевского, который до сих пор мой любимый романист. И сегодня Достоевский одних влечет, других пугает. Оглядываясь назад, я вижу, что меня захватывали книги, написанные в пору великих кризисов, когда «порвалась цепь времен» (Гамлет) и творческое меньшинство пыталось как-то найти, где выход из кризиса. Но если оружие слишком сильно бряцает, то музы молчат. Есть ли сегодня условия для глубоких книг? Хотя бы в жанре дневника? Есть дневники Пришвина, Шмемана... Есть ли условия для великих стихов, для современных псалмов, подобных псалмам Давида и хокку Басе (они писались в очень тревожное время)? Есть, по-моему, «Сонеты к Орфею», и «Дуинские элегии» Рильке не ниже Давида.

3. Элита — это не министры и не олигархи. Пушкин называл высшее общество светской чернью. Элитой был сам Пушкин. И в конце концов влияние Пушкина оказалось сильнее, чем влияние графа Уварова с его «самодержавием, православием и народностью». Сегодня правят не отдельные лица, а дух наживы. Есть признаки, что этот дух слабеет, что сыновья олигархов, окончившие Оксфорд или Сорбонну, начинают искать чего-то поглубже. Культура сама себя защищает, заражая людей, вдохновляя защитников. В 1939 году я назвал Достоевского величайшим русским писателем и был за это осужден кафедрой русской литературы и не допущен в аспирантуру за антимарксистское выступление. Но Достоевскому это не повредило. Не повредит и защита молодежи от трудного чтения. Кому нужно, прорвется к Достоевскому. Увлечь, разъяснить может учитель. А заставить читать то, что пугает, — безнадежное дело. Те, кому нужен Достоевский, найдут его, как я нашел Достоевского в эпоху Большого террора.

От редакции

Однажды мы уже писали о Симоне Вейль[1], чье имя и чье творчество практически неизвестны и совершенно не востребованы в нашей стране. Прошло пять лет, и сегодняшнее время кажется еще более неподходящим для этой темы. Реалии нашей жизни как будто бы однозначно свидетельствуют о том, что хрупкая девушка с жуткими мигренями и тихим, монотонным голосом, упрямо твердящим парадоксальные, порой до невыносимости, вещи, в современной России не нужна никому. Как не вяжется этот голос, призывающий к самоумалению и отказу от себя, с тем, что сегодня в нашей стране громче всего претендует на выражение христианской позиции! Как диссонирует он с самоуверенностью и чувством собственного превосходства, со стремлением утвердиться в обществе, обрести там влиятельный глас и достойный статус...

Напротив, Симона Вейль требует полного отказа Церкви от социального статуса, неизбежно ведущего к компромиссам с «князем мира сего». Однако ценность этой мысли не в самих по себе благородных призывах, а в том, что, призывая к самоумалению по образу Христа, Симона Вейль знала этому цену: вся ее собственная жизнь стала опытом подобного самоумаления.

Для тех, кому имя Симоны Вейль ничего не говорит или говорит очень мало, несколько слов о ее жизни. Родилась она 3 февраля 1909 года во Франции, в еврейской семье. Изучала математику и философию (последнюю, как и ее современница, католическ̀ий мыслитель и мученица Освенцима Эдит Штайн, — под руководством одного из величайших философов XX века Эдмунда Гуссерля). В студенческие годы усвоила радикально левые, вплоть до троцкистских и анархических, взгляды. В 1934 году, будучи человеком крайне хрупкого здоровья, страдая страшными головными болями, пошла разнорабочей на автомобильный завод Рено, чтобы на опыте узнать жизнь тех, чьей идейной защитницей себя ощущала. Этот опыт жизни на пределе возможностей стал для Симоны важнейшим шагом: через несколько лет она обратится к христианству. Но и после обращения не оставит подобных «опытов» над собой и будет браться за непосильные для нее сельскохозяйственные работы. «Экспериментальная мистика Креста» — так определяет этот ее опыт историк-религиовед Анна Шмаина-Великанова.

Симона Вейль никогда не оставляла общественной деятельности. Она участвовала в гражданской войне в Испании на стороне республиканцев, а во время Второй мировой войны — в антигитлеровском сопротивлении и в 1942 году была вынуждена бежать в Англию. Здесь Симона предпринимает еще один акт самоумаления, ставший для нее последним: в знак солидарности с узниками нацистских концлагерей ограничивает собственное потребление пищи до уровня лагерной пайки. Это и привело ее в возрасте

[1] *Свящ. Георгий Чистяков.* Бога выдумать никто не может. Континент, № 119.

тридцати четырех лет к преждевременной смерти от сердечной недостаточности, осложненной туберкулезом.

Прижизненные публикации Симоны Вейль совсем немногочисленны — в основном это публицистические статьи на социально-политические темы. Однако вся ее жизнь сопровождалась напряженной работой мысли, что отразилось в личных записях. Первым посмертным издателем Симоны Вейль стал Гюстав Тибон, которому она перед отъездом из Франции доверила часть этих записей. Так в 1947 году появилась книга «Тяжесть и благодать», сразу же получившая мировую известность, несмотря на обрывочность, «непричесанность» и неровность (а сказать точнее, — то филигранную точность, а то туманность и непоследовательность) выражения мысли. Но все эти противоречия не помешали Альберу Камю в середине XX столетия назвать Симону Вейль «единственным великим умом нашего времени». В дальнейшем ее работы интенсивно издавались, — наследия Симоны хватило на шестнадцать томов собрания сочинений, по сей день публикуемого парижским издательством «Галлимар».

Христианский путь Симоны Вейль, с традиционной церковной точки зрения, весьма необычен. Обратившись ко Христу, она, подобно «доброй католичке», уверовала в силу церковных таинств. Однако «доброй католички» из нее не получилось: она не только по принципиальным соображениям воздерживалась от таинств, считая этот отказ частью своей духовной аскезы самоопустошения и знаком сопричастности миру вне Церкви, но даже не приняла крещения, — вещь совершенно невозможная, с точки зрения доминирующего в институциональной церкви понимания христианской жизни и спасения! Но даже и этим необычность пути Симоны Вейль не исчерпывается. «Когда я читаю катехизис Тридентского собора, мне кажется, что я не имею ничего общего с описанной в нем религией», — писала она аббату Мари-Алену Кутюрье в 1942 г.[2] С целым рядом привычных истин традиционного христианства она была в весьма непростых отношениях, формально подпадая под некоторые из провозглашенных Церковью определений о ересях. Однако вот какими впечатлениями от общения с ней делится Гюстав Тибон: «Неподдельный мистицизм исходил от нее; я никогда не встречал в человеческом существе такой близости к религиозным тайнам».

Симона Вейль (наряду с Майстером Экхартом, Мартином Бубером, Николаем Бердяевым и некоторыми другими) стала живым подтверждением феномена, который отмечали целый ряд исследователей XX века: мистицизм и ортодоксия в рамках одной религиозной системы нередко находятся между собой в отношении противоположности, словно две разные религии, подобно тому, как противоположны раскаленная магма и застывшая лава. Сама Симона Вейль в том же «Письме клирику» прямо признавалась в собственном ощущении сходного характера: для нее «внутри одной и той же социальной организации» всегда «существовали две разные религии — религия мистиков и другая». Этой первой был для нее мистический опыт всех религий человечества. Очевидно, что подобные воззрения для католи-

[2] См: *Вейль С.* Укоренение. Письмо клирику. Киев, 2000.

цизма того времени были совершенно неприемлемы, хотя нельзя не заметить, что в этом отношении Симона Вейль отчасти предвосхитила шаги Второго Ватиканского собора в направлении диалога с нехристианскими религиями.

Говоря о мистике и мистицизме, следует, конечно, предостеречь от расхожего понимания этих слов, ассоциирующихся чаще всего с различного рода колдовскими и оккультными атрибутами. «Бог — не волшебник», как очень просто выразил Мартин Бубер принципиальную немагичность оснований бытия. Подлинная мистика есть попросту глубина жизни, в обыденности, как правило, не ощущаемая; область, где эта обыденность («тяжесть» (pesanteur) в терминологии самой Симоны Вейль) перестает детерминировать жизнь человека. То пространство свободы, которое может быть названо областью действия благодати (grâce); где больше не властна фатальная «сила тяжести» и возможно подлинное самостояние человека перед Богом. Мистичными в этом смысле могут быть и любовь, и дружба, и нравственный выбор. Глубины бытия не закрыты ни от кого, если только мы собственным эгоизмом не закрываемся от них. В этом универсализме состоит и значение мысли Симоны Вейль: о неземном, «surnaturel» (т. е., по сути, преодолевающем обыденную тяжесть и открывающем основы нашего бытия) опыте она говорит словно поверх всяческих барьеров. Ее поразительные по высоте и насыщенности размышления в то же время не являются некой специальной «религиозной литературой» для избранного круга «духовных» или «спасающихся», а адресованы каждому человеку — и верующему, и неверующему.

Главное же состоит в том, что сердцевиной мистического опыта, составившего одно целое с жизнью, для Симоны Вейль стало взятие Креста, приобщение к чужому страданию, в конечном счете — страданию всего мира. Это она и являет нам как сущность христианства. Одновременно она дает свой ответ и на вопрос, можно ли быть христианином вне ортодоксии, за пределами внешних, канонико-доктринальных границ церкви, — вопрос, с наибольшей остротой поставленный XX веком, разными способами поколебавшим внешние позиции христианства в мире и тем самым заставившим взглянуть вглубь, отчетливее увидеть сущностные различия между внешним и внутренним в христианстве.

Да, по целому ряду формальных критериев Симона Вейль в прокрустово ложе институциональных церковных границ не укладывается. Однако кто из стремящихся смотреть в суть вещей дерзнет, познакомясь с ее опытом, назвать его нехристианским? Этот опыт притягивает многих из тех, кто ищет подлинности не во внешнем благолепии, не в древности обрядов и канонов, а во внутренне, глубинно понятом следовании за Христом.

Об актуальности мысли Симоны Вейль для современности рассказывает переводчик книги «Тяжесть и благодать» кандидат философских наук Наталья Ликвинцева. Мы также публикуем перевод ранее в бумажных изданиях не печатавшейся работы Симоны Вейль «Любовь к Богу и несчастье»[3].

---

[3] В интернете некоторые статьи Симоны Вейль можно найти по адресу: http://simoneweil.ru.

ЕЕ МЫСЛЬ ПРОИСТЕКАЕТ ИЗ ЖИЗНИ

Беседа с переводчиком книги Симоны Вейль «Тяжесть и благодать»[1] Натальей ЛИКВИНЦЕВОЙ

— Наталья Владимировна, о книге, которую Вы перевели, мало даже сказать «очень непростая книга». Это взрывная и парадоксальная книга: опыт, который в ней выражен, — опыт совершенно неординарный. И в то же время его содержание касается каждого. Эта парадоксальность, думается, отражает свойство любого опыта подлинной глубины — духовного, как мы привыкли говорить, опыта: такой опыт всегда одновременно и уникален, неповторим, несоотносим с обыденностью, и, тем не менее, открывает нечто универсальное, значимое для всех. Об этом и других свойствах мысли Симоны Вейль, составивших книгу, и хотелось бы вместе поразмышлять. Именно с Вами, — потому что Вы как переводчик здесь в особом положении. Вам ведь волей-неволей требуется проникновение в каждое слово, в его смысл, а посему — Вы в особо близком общении с опытом, этими словами выражаемым. Прежде всего — неизбежный банальный вопрос о предыстории перевода: что побудило Вас взяться за эту работу?

— О Симоне Вейль я слышала давно. И это были очень противоречивые мнения: от фразы Сергея Сергеевича Аверинцева, что XXI век в некоем существенном смысле может стать веком Симоны Вейль, до полного неприятия. Мне хотелось прочесть и разобраться самой, к тому же я давно искала книгу, которую мне хотелось бы перевести. И тогда моя подруга привезла мне из Франции две книги: биографию Симоны Вейль, написанную Симоной Петерман, и книгу «La pesanteur et la grâce». Это сборник дневниковых записей Симоны Вейль, впервые изданный в 1947 году ее другом Гюставом Тибоном, французским философом-самоучкой, которому она в знак дружбы завещала свои тетради. Эта книга что-то перевернула во мне.

— А какие книги еще для Вас оказываются значимыми, вызывают сходное чувство?

— У меня вообще в последнее время усиливается ощущение того, что существуют обязательные и необязательные тексты. Вот есть куча книг, от появления которых в мире ничего не меняется, кроме увеличения количества макулатуры. А есть книги, которые что-то меняют в мире. Скажем, для меня это все, что пишет мать Мария, — я сейчас готовлю к публикации собрание ее сочинений. Александр Исаевич Солженицын — прежде всего, его художественные вещи, о которых я сейчас много думаю. Дитрих Бонхёффер, Осип Мандельштам, Ханна Арендт, Ольга Седакова. В этом же ряду (который, конечно, может быть продолжен) стоит и имя Симоны Вейль. Если ее читать должным образом, невозможно «на выходе» из книги оставаться таким, каким был «на входе». И Симона Вейль, и мать Мария дей-

[1] М., «Русский путь», 2008.

ствуют на меня таким образом, что как бы выворачивают мне душу наизнанку и вытаскивают наружу что-то самое лучшее, что есть внутри меня, что-то потаенное из моей глубины.

Итак, я прочитала книгу, а потом узнала, что она не переведена. И сначала переводила «для себя» — просто, чтобы более внимательно прочитать. А потом рождающийся перевод уже стал жить своей жизнью и искать тех, кому он нужен.

— Значит, до Вас русских переводов не было?

— Полностью — нет. Немного переводила М. В. Шмаина: в ее переводе выходило несколько глав в качестве приложения к биографии Симоны Вейль, написанной Ангеликой Крогман[2]. Части моего перевода публиковались в «Вестнике РХД»[3].

— Вы нашли очень хорошие слова для того, что с нами делает чтение таких книг, как «Тяжесть и благодать». Не было ли это своего рода «шоковой терапией»? У меня ощущение, что все здесь происходит именно таким образом: парадоксальность доходит до уровня шока. И этот шок, как мне видится, может происходить в двух планах. Один — ее личная мистика Креста. Это сердцевина книги Вейль, и это действительно чтение, способное нарушить внутренний комфорт. Об этом, правда, довольно трудно рассуждать, здесь лучше всего просто взять и прочитать книгу. Но есть иной, попутный план — область наработанных христианских понятий, то, что, в общем, и составляет опору традиции. Для верующего человека это обычно область священного и неприкосновенного, Вейль же со всем этим нередко обращается, скажем так, непривычно свободно. Ввиду всего этого, не страшновато было местами переводить?

— Мне кажется, именно такой опыт помогает нам встретиться с Богом — лицом к Лицу. Потому что то, что мы называем привычным, — та же «наработанная» христианская лексика, — не то чтобы приелось, но в известной мере потеряло силу. Мы эти слова повторяем из года в год, и это напоминает нотацию, которую родители читают детям. Человек слышит, понимает, что все правильно, но реально это не имеет непосредственно к нему, к тебе, никакого отношения. В этом смысле важны не слова, а реальный опыт встречи с Богом в реальном живом слове. Такой опыт — это молния, он обращает человека к самому себе. Вот это, а не то или иное отношение к тем или иным постулатам и схемам, по-настоящему страшно, — «страшно впасть в руки Бога Живого». У меня ощущения такого страха не было, но несколько очень близких мне людей, прочитав эту книгу, признавались, что ощутили нечто подобное. Тем более что у Симоны Вейль очень четко передан опыт Креста, опыт принятия страдания. Меня же удивил в этой книге не столько этот опыт встречи, который казался мне естественным, сколько то, что он

---

[2] *Крогман А.* Симона Вейль, свидетельствующая о себе. Пер. с нем. Челябинск, 2003.

[3] См. «Вестник РХД», № 191 (II, 2006) и № 192 (I, 2007).

чудесным образом вырастает из гущи самых обычных мыслей и чувств, из каждому из нас знакомой повседневности мироощущения.

— Вы называете опыт Симоны встречей с Богом. И мне тоже кажется, что это так. Но все же: каков критерий подлинности этого опыта? Я думаю, живи она в православной среде, ее немедленно обвинили бы в прелести...

— Все впереди, — может, еще и обвинят. Ее-то всякие обвинения меньше всего интересовали...

— Да. Но где все-таки критерий?

— Встреча — это реальный опыт, в результате которого читающий может прийти ко Христу или вступить с Ним в общение, ощутить Его присутствие. Сама книга, как и все тексты Симоны Вейль, подводит к такой встрече, формирует в читающем человеке готовность к ней.

— Причем в любом читающем человеке, не обязательно религиозном, — и это мне кажется особенно важным. Отец Георгий Чистяков в своей замечательной лекции «Религиозное чувство как психологический феномен» проводит ту мысль, что подлинный мистический опыт не разделяет, а объединяет: разделять могут уже исторические традиции, «институциональные» религии, поскольку именно они включают в себя барьеры, всегда в них существующие, — пусть даже и ради вполне законной цели хранения драгоценного опыта. Заметки же Симоны Вейль никаких барьеров не знают.

— Безусловно. И эта открытость и сопричастность другому — достоинство не только мысли, но и самой жизни Симоны Вейль. Ее мысль проистекает из ее жизни. Известно, что она сама так и не приняла крещения, потому что считала, что церковь не с малыми и обездоленными, не с теми, кто, — например, по причине своего неверия, — вынужден остаться за церковной оградой, и именно их Симона Вейль не считала для себя возможным покинуть. Для меня этот ее акт некрещения — последний и самый действенный призыв самой своей жизнью: входите, я без вас не пойду. Она оставила открытой дверь, в которую так и не вошла. И этим недеянием она, можно сказать, в каком-то смысле сама стала дверью для неверующего.

— Мы знаем, что из той же солидарности с «малыми сими» она, будучи совершенно неприспособленной к физическому труду, пошла работать на завод Рено и встала за конвейер, чем окончательно подорвала свое и без того хрупкое здоровье...

— Это было еще до ее обращения, и мне кажется примечательным, что встрече с Богом предшествовала встреча с человеком. Ее всегда тянуло туда, где труднее всего, к тем, кто знает о тяжести, о лишенности, о безвыходности как повседневности не понаслышке. Некоторые усматривают в этом экзальтацию: ведь такая добровольная солидарность с лишенностью, — она считала себя не вправе есть больше, чем предусматривал паек в оккупи-

рованной Франции, — и стала причиной ее смерти. Другие (и я с ними) — просто предельную честность. Ведь если она думает о социальном угнетении, о положении рабочих, о труде и условиях человеческого существования, естественно и законно желание проверить это на себе. И вот девочка из богатой буржуазной семьи, с хорошим образованием и хрупким здоровьем идет на завод, чтобы прочувствовать невыносимость монотонного физического труда. Она запрещает родным помогать ей и живет только тем, что удается заработать; свои мысли и чувства она записывает в дневник. Причем эксперимент сразу оказывается не «чистым»: бремя, которое ей хочется разделить с рабочими, давит на нее с гораздо большей тяжестью — и по причине ее физической неподготовленности, неумелости, хрупкости, и по причине непрекращающейся в ней работы мысли, продолжающейся даже в условиях полнейшего физического изнеможения. Ее стойкостью и выдержкой восхищались даже видавшие виды рабочие.

Это братство с людьми, рождающееся при погружении в самую гущу несчастья, это чувство бессилия и рабства, сполна испытанное ею на заводе, и стало залогом встречи с Тем, Кто некогда принял «зрак раба». Вот как пишет об этом Симона Вейль в своей «духовной автобиографии», письме к отцу Перрену, которое она сама считала прощальным:

«*После года работы на заводе и еще до возвращения к преподаванию родители отвезли меня в Португалию, где я, оставив их, одна поехала в деревню. Мои душа и тело были разбиты в кусочки. Соприкосновение с несчастьем убило мою юность. До сих пор я не знала несчастья, кроме своего собственного, не казавшегося мне особенно значительным, и которое было несчастьем наполовину, поскольку имело биологический, а не социальный характер. Я знала, что в мире много несчастья, даже была им одержима, но никогда не жила среди него сколько-нибудь долго. Во время работы на заводе, где я смешалась с анонимной массой в чужих и в собственных глазах, чужое несчастье вошло в мою душу и плоть. Меня больше ничто не отгораживало от других, ибо я действительно забыла прошлое и ничего не ждала от будущего, так как не представляла себе возможности выжить при такой усталости. Перенесенное на заводе ранило меня настолько сильно, что по сей день встреча при любых обстоятельствах с любым человеком, говорящим со мной без грубости, заставляет меня думать, что произошло недоразумение и что это недоразумение скоро рассеется. Там я получила клеймо рабства, подобное тому, что римляне выжигали раскаленным железом на лбу самых презренных рабов. С тех пор я всегда считала себя всего лишь рабыней.*

В таком состоянии духа, а также в жалком физическом состоянии я очутилась в убогой португальской деревушке, одна, ночью, при полной луне, в день престольного праздника. Это было на берегу моря. Жены рыбаков с процессией обходили лодки, неся зажженные свечи, и пели душераздирающе грустные песнопения, несомненно, старинные. Это трудно себе представить. Никогда я не слышала ничего столь скорбного, разве что песни волжских бурлаков. И здесь я внезапно поняла, что христианство — это, прежде всего, религия рабов, что рабы не могут не быть христианами, и я в том числе»[4].

[4] Из готовящегося к изданию сборника «Ожидание Бога», пер. М. Шмаиной.

— Удивительно: строки, написанные для себя лично, в результате оказываются диалогом...

— Потому что за каждой строкой стоит Тот, к Кому она обращается. И любому желающему предоставляется возможность войти в это общение.

— Мне бы хотелось вернуться к проблеме непростых взаимоотношений мистики с традицией, ортодоксией. Суть проблемы я бы очень кратко обозначил так: традиция призвана поддерживать связь человека с глубиной, с основаниями жизни, но в реальности наиболее глубинные вещи оказываются где-то в ее сокровенном «ядре», под спудом, на практике же более важным оказывается скорее некий общий, усредненный и доступный «путь ко спасению». И в этой налаженной колее жизни мистике и мистикам зачастую не находится места: любой нестандартный опыт здесь всегда под подозрением, а «техника духовной безопасности» превыше всего... И вроде бы она и необходима, эта «техника», — но, с другой стороны, нет ничего более далекого от «техники», чем мистический опыт. Т. е. характер, «природа» самого опыта и средств, предлагаемых вроде бы связанной с ним традицией, радикально различаются. Вы не находите?

— Знаете, сама тема разделения мистики и традиции кажется мне в чем-то немного надуманной. Почитайте Евангелие от Иоанна: никакой мистик до такой глубины мистики не дойдет, мистическая сердцевина христианства настолько естественна! Другое дело, как мы сами потом все это интерпретируем, разлагаем опыты по полочкам... Но сама христианская весть мистична и неслыханна: покайтесь, приблизилось Царство Небесное, и всё тут, рядом! Но проблема в том, чтобы неслыханность этой вести передать в нашем XXI веке, когда уже все известно, все давно все знают и ничего нового быть не может. Для этого в слове должна быть насыщенность внутренним опытом, это слово не должно расходится с жизнью, с опытом, который оно призвано передавать. И это есть у Симоны Вейль. Она, кстати, в чем-то и повлияла на традицию. Все ее протесты против католичества она писала до Второго Ватиканского собора, и мне кажется, что самим собором она не осталась неуслышанной: какие-то темы, над которыми она думала, были приняты во внимание. Во всяком случае, ее опыт в Католической церкви обсуждался.

— Говоря о традиции, я имел в виду вовсе не Евангелие, — сам евангелист Иоанн величайший мистик! — а как раз то, что происходит вокруг этой мистической сердцевины, когда она передается в истории средствами институциональной религии, вполне ограниченными. Мысль Симоны Вейль порой обходится со стереотипами этой институциональной религии весьма сурово. Мало того, что Симона утверждает, что никто не может руководить ее душой; в своей дерзости она идет еще дальше, ставя под сомнение, казалось бы, неоспоримые вещи. Вот, скажем, первохристианство, мученическое время: это же настоящая икона, канонизированный идеал духовной высоты для самых разных христиан — и «консервативных», и «либеральных». Но и на мученический опыт, и на саму первохристианскую эсхатологию скорого Пришествия Симона Вейль смотрит под каким-то

своим собственным углом. Мы привыкли к тому, что эсхатология первохристиан — источник горения духа. Привыкли думать, что это тот образец духовной жизни, который с потерей эсхатологического напряжения стал постепенно уходить. Она же словно все переворачивает с ног на голову и пишет неслыханные вещи. Для нее даже Сам по Себе Бог, ожидаемый первохристианами, — Бог, Который вот-вот должен прийти и спасти избранных, — это Бог какой-то «не такой», какой-то «имперский»...

— Мне кажется, дело в том, что каждый из нас, приходя в христианство, чувствует в нем свое особое призвание. «Узкий путь» у каждого свой. Призванием же Симоны Вейль был опыт Креста, опыт искупительного страдания. А если это так, то для нее самым важным и оказывается опыт невинного страдания как добровольного шага — то есть то, чем, в конце концов, стала и ее жизнь. Именно поэтому в ликующем мученичестве первохристианства для Симоны Вейль неприемлемо ощущение силы, надежды на скорое освобождение и близкий конец света. Для нее любое ощущение силы неприемлемо. Она не освобождения ищет, для нее важнее всего Сам Христос и то, чего Он требует от нее и от нас в данный момент времени, а не сила, идейные составляющие или что-либо другое вокруг Него. Она пишет из глубины XX века, находясь в ситуации, из которой не ощущалось никакого скорого освобождения. Ей удалось явить саму сердцевину опыта XX столетия, века массового уничтожения. И она искренне делится личным опытом следования за Христом по своему пути. И здесь, конечно, для нее нет внешних авторитетов, никакого привычного пиетета, «уважения к традиции»...

— Поэтому и трудно ее читать: традиция, авторитеты — все это дает ощущение своего рода гарантий, а тут получается, что никаких гарантий нет...

— Мне кажется, самое трудное даже не в этом: наше время уже привыкло к ощущению того, что гарантий нет, — а в самом опыте Креста, принятия тяжести. Благодать-то мы всегда готовы с улыбочкой принять. Но именно через работу над этой книгой мне, например, впервые стало не просто понятно, а очевидно, что́ такое послушание, что́ такое искупающее страдание, Крест.

— В этом, мне кажется, и суть: понятным сегодня становится совсем иное по сравнению с привычным и наработанным. Но это иное может отторгаться привычным. Как, на Ваш взгляд, новое и старое — тот же опыт Симоны Вейль и традиционное благочестие — могут сосуществовать в рамках единого христианства?

— По-настоящему принятое христианство как благая и неслыханная весть всегда взрывным образом ново. Если мы входим в эту «зону риска», наше прошлое разлетается на куски. Правда, тут же оказывается, что эти куски в самом факте взрыва вдруг складываются в чудесную и ранее не виданную нами цельность. Выбор, мне кажется, всегда лежит не между новым и старым, а между поверхностью и глубиной, наслоениями и сутью. Принятие сути — всегда риск, дерзание и чудо.

Кстати, о гарантиях: при всем том, что мы сейчас говорили о мистике и традиции, Симона Вейль считает, что духовная жизнь имеет строгие, выверенные, почти математические законы, которые должен чувствовать каждый мистик, — настолько уверена она в вещах, которые пережила. В этом ее дополнительная убедительность: она эти законы являет. И в нас, когда мы ее читаем, протекает «химическая реакция», согласно этим же законам духовной жизни, которые она поняла.

— Мне казалось, что отчасти это следствие ее любви к эллинскому началу: для нее, как для древнего грека, математика мистична сама по себе. Эта же любовь к греческому сказалась и на особенностях ее языка.

— Да, ее завораживала мистика чисел и эллинская мудрость, хотя, конечно, это не единственная причина... Кстати, и ее родной брат Андре Вейль был гениальным математиком. Но если говорить о языке Симоны Вейль, то это не столько язык тяготеющей к математике философии, сколько поэтический язык, движимый не только строгостью мысли, требовательной к себе и к собственному стремлению к глубине, но и вниманием к самому языку, его ритму, созвучиям и диссонансам. Такое поэтическое движение мысли, прислушивающееся к языку, со-работающее ему, характерно для величайших философов XX века.

— Как бы Вы прокомментировали слова Ж. Даниелу о том, что в своей открытости греческому и иному религиозному опыту Симона Вейль не понимает новизны христианства?

— Я думаю, что ее открытость как раз и была связана с этим чувством новизны как именно новизны, небывалости. Открытость ведь и есть не что иное, как шаг навстречу новому и неслыханному, готовность впустить это новое в круг, привычно именуемый своим, даже если такое впускание и разорвет круг, причинит боль. Для свежего чувства и пытливого разума Симоны Вейль такой новизной ознаменован опыт греков, а завершает его христианство как предельная новость, благая весть.

— Чем объяснить ее пессимизм в отношении пути человечества, полное отрицание идеи прогресса, которую она называет ядом для христианства, выработанным самим же христианством?

— Но ведь идея прогресса в том виде, в каком она досталась нам от эпохи Просвещения, действительно, весьма поверхностна. Подлинная эсхатология христианства, с ее устремленностью к концу времен, со звучащим в Апокалипсисе «*Ей, гряди, Господи*», гораздо глубже. Это отрицание не человеческого пути, но его плоскостной трансформации, подменяющей подлинный путь Креста и Воскресения, альфы и омеги победоносным шествием в пустоту. Маршевой музыки таких шествий в XX веке мы, пожалуй, наслушались с лихвой.

— Еще один парадокс: нежелание формально выходить из еврейства, пока продолжаются нацистские гонения на евреев, но при этом — неприя-

тие иудаизма, даже Ветхого Завета как такового. Строго ортодоксальный читатель мог бы усмотреть здесь еще одну ересь — маркионитство.

— Если честно, мне не хотелось бы вдаваться в обсуждение ересей и заблуждений Симоны Вейль: последних немало, и они чаще всего связаны с недостаточным знанием или недопониманием тех или иных вещей, в данном случае — мысли Ветхого Завета. Мне как-то очень понятны такие натуры, дон-кихотски бросающиеся на окружающие их мельницы. Как Лев Толстой, например. Беззаветность их порыва и внутренняя честность позволяют лично мне, например, фокусировать взгляд не на том, в чем они неправы, даже если такого наберется немало, но на их открытиях и озарениях, на этом чувстве распахивающегося перед ними, пред нами горизонта.

— Мы, таким образом, перешли к другой грани личности Симоны Вейль, к ее философскому дару. При всей «математичности» ее нельзя назвать систематическим мыслителем наподобие профессиональных философов, у нее и тут можно усмотреть погрешности: логические неувязки и непоследовательность, туманность аналогий, в каких-то местах бросается в глаза удивительная при глубине ее духовного опыта богословская непродуманность, поспешность выводов — даже при том, что мы имеем дело не с текстами для публикации, а с мыслями, записываемыми «по факту» прихождения в голову, — процесс, который она сама описала с большой самоиронией. И при всем сказанном, ей удалось, по-моему, удивительно точно и кратко выразить место разума в познании истины. Мне кажется, что эти слова можно сделать девизом любого богословия и религиозной философии: «Разум никогда не сможет проникнуть в тайну, но он и только он один сможет дать отчет в том, подходят ли тут слова, которые эту тайну выражают. Для этой цели он должен быть больше, чем для чего бы то ни было еще, остр, зорок, точен и строг». Вот такой парадокс. А в итоге Альбер Камю, при всех изъянах ее логики, назвал Симону Вейль «единственным великим умом нашего времени». За что? Прав ли он?

— Думаю, за философскую честность. У нее удивительный философский ум, умение ставить вопросы, думать, сомневаться. Я считаю, что Симона Вейль, кроме всего остального, гениальный философ. Две мыслительницы XX века — она и Ханна Арендт — окончательно колеблют расхожее мнение, что женщина не может быть философом.

Что же касается «места разума» — с этим у нее все не так просто, потому что призвание философа, которое она чувствует, — призвание независимой мысли о мире, — это тоже препятствие на пути окончательного вхождения в Церковь: какие-то вещи она не может просто так принять на веру. Я думаю, что здесь опять же играет роль ее ощущение причастности — на этот раз причастности ко всем неверующим и ко всем, кто живет разумом. Я бы не сказала, что это ее противоречие, — скорее, это ее способ видения мира, проблема, которую она проживает изнутри. Сходную проблему я ощущаю, когда читаю любую книгу Владимира Бибихина. Здесь то же самое: человек — христианин, и при этом занимающий позицию, никаких исходных позиций не терпящую. А вера — это исходная позиция. Это

совершенно не проблема для поэта, у него совсем иной образ мышления. Но это проблема для честного мыслителя: ему приходится ставить под вопрос собственную веру.

— Я бы рискнул тут сказать, что проблема мыслителя и его веры — это только одна сторона. Мне кажется, сам исторически сложившийся строй христианского вероучения провоцирует философский разум на рефлексию по его поводу. Так случилось, что в Церкви этими исходными позициями, предметами веры стали философские конструкции, — догматы ведь, по сути, и есть такие конструкции, они используют понятия греческой философии: природа, сущность, ипостась... Несомненно, они выражают важнейший духовный опыт, но родились не из одной чистой мистики, а и из работы разума. Следовательно, вполне правомерно считать их сферой разума — различать опыт и его выражение, размышлять о том, что, не стань исторический контекст христианства греческим, тот же опыт был бы выражен по-иному. Однако со времен Вселенских соборов, созываемых императорами, на свободное размышление здесь фактически наложено табу. Но и когда церковная доктрина перестала быть государственным делом, табу в церковном сознании осталось, и даже православнейший о. Сергий Булгаков за свой «не в меру» творческий подход получил в свое время сполна...

— Но ведь спровоцированная христианством рефлексия как построение на принятых на веру основаниях, не подлежащих сомнению аксиомах — это вполне естественная вещь: не только богословие и философия, вся христианская культура выросла из нее. В XX веке происходит что-то новое: мысль пытается оторваться от своих последних оснований, от собственных истоков и сделать прыжок как бы в пустоту. Парадоксальным образом именно в этом порыве, отрыве, безопорности честной мысли последние основания по-новому выкристаллизовываются, начинают быть видимыми, ощутимыми. Симоне Вейль, по крайней мере, такая предельная честность и готовность все поставить под вопрос не мешает общаться со Христом, но скорее вводит общение в другое русло и приобщает к этому опыту людей философского знания, людей думающих, для которых главное — это честность мысли. Это открывает для них какую-то дверь.

— Да, по-моему, мы вышли на серьезную проблему. К примеру, один библеист не так давно поделился наблюдением, что многие его коллеги не удерживаются в православии, т. к. не видят возможности быть интеллектуально честным, задавать вопросы, на которые традиция уже давно вроде бы окончательно ответила, «закрыла» их. А серьезная библеистика, как вообще серьезная наука, «закрывания» не терпит. Возьмем простейший пример: когда человек пытливого ума сталкивается с тем, что сомнения в том, что автор Пятикнижия — Моисей, воспринимаются как вероотступничество, это пытливому уму пережить нелегко...

— Проблема в том, во что мы, в конечном итоге, верим: в «фишки» вроде Моисеева авторства Библии или во что-то другое, лежащее где-то гораздо глубже. Вот такие книги, как книга Симоны Вейль, разметают все «фиш-

ки», приближаясь к истоку и опыту встречи. Но это ведь не легкий опыт. Верить в просфорки, иконки, бесспорное авторство библейских текстов гораздо легче, чем идти ко Христу по воде, без всех этих мыслительных и жизненных «ходулей». Повторю, главная, самая труднопереносимая тяжесть — это все-таки опыт Креста. И от этого опыта, если мы хотим его видеть, не защитят никакие просфорки или мироточащие иконки. Книга Симоны Вейль или книги Бонхёффера, Бибихина вызывают желание думать дальше, идти следом. Уже нельзя оставаться на месте и играть в бирюльки.

— То же ведь можно сказать, например, и о Бонхёффере: мысли о христианстве в «совершеннолетнем» мире, выраженные на нескольких страницах его писем другу из тюрьмы, — эти мысли просто взывали к продолжению, додумыванию и в результате во многом изменили христианство на Западе.

— Любая подлинная мысль — это всегда приглашение к додумыванию, это залог рождения новой мысли. Бонхёффер ставит такие вопросы, которые именно в виде вопросов только-только начинают звучать в полный голос. В этом смысле о нем можно сказать также, перефразируя Аверинцева, что XXI век будет в некотором смысле и веком Бонхёффера.

— У меня впечатление, что все книги, отнесенные Вами в разряд «обязательных текстов», отличает это свойство «разметания фишек». Тот же Бонхёффер, та же мать Мария. Отсюда и другое их свойство: они никогда не станут церковным «мейнстримом», который всегда есть усреднение и охранение. Могут ли вообще подобные книги существовать в традиции или они всегда будут внешне маргинальными? Не получается ли так, что внешне маргинальное оказывается наиболее глубоким, а то, что в центре, — «нотацией» и усреднением?

— Уже по факту того, что для многих людей, принадлежащих к традиции, это «свои» вещи, они ими приняты. Что, собственно, вообще считать критерием принятия традицией: одобрение патриарха, синода? Причисление ее к «анонимным православным»? Дескать, в католичестве не крестилась, а если бы встретила православных, то обязательно крестилась бы...

— Вот-вот, Вы своими словами и подтверждаете то, каков характер традиционных механизмов рецепции, как работает «мейнстрим», официальное мнение...

— Знаете, что касается официального мнения, я тут не помощник, потому что меня никогда не интересовало официальное мнение, у меня интерес к подлинному христианству. Официальное мнение сегодня одно, завтра другое, а вечные книги остаются, они стоят у понимающих людей на полке и читаются, перечитываются ими. Мне кажется, люди, способные понять глубину, независимо от их отношения к официальному мнению, приходят к принятию того, что нам даровано в творчестве Симоны Вейль.

Беседу вел Дмитрий Матвеев

ЛЮБОВЬ К БОГУ И НЕСЧАСТЬЕ

Вступительное слово переводчика

Предлагая вниманию читателя первую часть большого трактата Симоны Вейль «Любовь к Богу и несчастье», мы должны сделать несколько предварительных замечаний.

Во-первых, о чем, собственно, идет речь? Русскому читателю, особенно только впервые открывающему для себя творчество Симоны, предмет размышлений автора может поначалу показаться не совсем понятным.

Французское слово malheur и соответствующее ему в русском языке «несчастье» имеют не вполне тождественные смысловые поля и даже носят несколько разный оттенок. Mal-heur — буквально: «злой час» — делает акцент именно на том, что в этом состоянии от человека ничего не зависит, что он является лишь жертвой обстоятельств. Русское «не-с-частье» изначально подразумевает не-удачу, то есть крушение надежд, связанных с той или иной деятельностью. Гораздо ближе к malheur наше старинное слово «злочастие» (злая доля), давшее название известной «Повести о горезлочастии», анонимной русской поэме-притче XVII века. Классический пример несчастья изображает библейская Книга Иова — любимая книга Симоны. Российский исторический опыт — опыт едва ли не каждой семьи в нашей стране — до краев заполнен несчастьем, настолько заполнен, что мы стараемся периодически очищать от него свою память. В XX веке такое отношение к несчастью стало характерной чертой нашего национального сознания. Симона может нам рассказать,— если мы только захотим услышать,— каких драгоценных духовных плодов мы тем самым себя лишаем.

В богословском плане, однако, воззрения автора на природу несчастья вызывают подчас сильные возражения. Сейчас мы не будем вдаваться в обсуждение спорных мест, пусть читатель с молитвой сам поразмышляет над этим текстом. Главное и самое лучшее, как нам кажется,— если написанное Симоной не оставит его равнодушным.

Тема несчастья касается абсолютно каждого человека. Едва ли не любой верующий, получивший избавление от опасности или болезни, предпочтет думать, что избавлен по особенному промыслу Божию, по чьим-то молитвам, в качестве воздаяния за совершенные прежде добрые поступки или по силе обетов, данных на будущее. Само Священное Писание часто говорит о чем-то подобном. В некотором смысле, на определенном уровне постижения, это является полной правдой, как прием божественной педагогики. Но такой взгляд не может быть инструментом познания промысла Божия, когда мы говорим не о себе, а о ком-то другом. Когда же речь идет о жестоких страданиях и даже гибели, постигающей одновременно массы виновных и невиновных, мы оказываемся перед лицом гораздо более глубокой тайны. И Сам Спаситель в Евангелии говорит об этом именно как о тайне.

«В это время пришли некоторые и рассказали Ему о галилеянах, которых кровь Пилат смешал с жертвами их.

Иисус сказал им на это: думаете ли вы, что эти галилеяне были грешнее всех галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам: но если не покаетесь, все так же погибнете.

Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех живущих в Иерусалиме?

Нет, говорю вам; но если не покаетесь, все так же погибнете» (Лк 13:1–4).

Прп. Антонию Великому в видении было запрещено доискиваться до причин страдания невинных, «ибо это душевредно».

Теория Симоны Вейль, как и любое осмысление в человеческих терминах, не в силах исчерпать глубин премудрости Божией, дать ответ на все случаи жизни, — да и не пытается. Но размышления Симоны представляют собой прекрасную, незаменимую памятку для того, кто хочет иметь силы верить и любить даже под облаком ядерного взрыва, в ночах Бутовского полигона, на земле Руанды и Югославии 90-х, на борту подводной лодки «Курск»...

1

Среди всего принадлежащего к области человеческого страдания несчастье есть вещь исключительная, особенная, ни на что не похожая. Оно резко отличается от простого страдания. Несчастье охватывает душу и прожигает ее до самых глубин клеймом, свойственным только ему одному, — клеймом рабства. Рабство, которое существовало в Древнем Риме, есть только крайняя форма несчастья. Древние, близко знавшие это явление, говорили: «Человек теряет половину своей души в тот день, когда он становится рабом».

Несчастье неотделимо от физического страдания и, однако, в корне от него отличается. При страдании все, что не связано с физической болью или с чем-то аналогичным ей, — искусственно, надуманно и может быть преодолено правильным расположением мысли. Даже в разлуке или в смерти любимого человека неустранимая доля горя чем-то похожа на физическую боль, удушье, сердечные спазмы, безысходную нужду, голод. Это почти биологическое расстройство, вызванное диким высвобождением энергии, которая до сих пор была обращена на привязанность, а теперь стала неуправляемой. Горе, которое нельзя сжать до такого неустранимого ядра, есть просто романтизм и литературщина. Унижение — тоже состояние, мучительное для всякого живого существа, когда оно, едва не выпрыгивая из себя от обиды, съеживается, придавленное бессилием или страхом.

Напротив, чисто физическая боль может быть для нас совершенным пустяком, который не оставит и следа в душе. Вот самый простой пример. Жестокая боль от гнилого зуба, несколько часов мучившая нас, наконец проходит, — и будто ее и не было.

Иначе бывает в случае очень длительных и частых физических страданий. Но такие страдания — подчас нечто совсем иное, чем просто страдание. Нередко это уже несчастье.

Несчастье — это когда жизнь становится похожей на дерево, вырванное с корнем; это более или менее близкое подобие смерти, которое непреодолимо сдавливает душу угрозой или непосредственным предчувствием фи-

зической боли. Если физической боли нет вовсе, то нет и несчастья в душе, ибо она может переключиться мыслью на какой угодно другой предмет. Мысль бежит от несчастья так же скоро, так неудержимо, как животное убегает от смерти. В нашем мире нет ничего другого, кроме физической боли, что имело бы власть полностью сковывать мысль. Оговоримся лишь, что можно уподобить физической боли определенные явления, трудные для описания, но именно телесные, которые ей совершенно равносильны[1]. В частности, предчувствие физической боли — одно из них.

Когда мысль сдавлена угрозой физической боли, — даже если боль не настолько тяжела, чтобы породить ощущение несчастья, — это вызывает состояние столь же мучительное, как если бы приговоренного заставляли часами глядеть на гильотину, которая скоро перережет ему шею[2]. Человек может жить в этом мучительном состоянии двадцать, пятьдесят лет... Все это время мы проходим мимо него, даже не догадываясь об этом. Кто из нас способен его понять, если Сам Христос не посмотрит на него нашими глазами! Но мы — только отмечаем, что поведение этого человека подчас бывает странным, и, конечно, осуждаем это поведение.

Истинное несчастье бывает только тогда, когда происшествие, которое, как ураган, налетело и вырвало жизнь с корнем из ее почвы, прямо или косвенно грозит каждой из ее сторон — социальной, психологической, физической. Существенно важен социальный фактор. Несчастье не является настоящим, пока оно не влечет за собой социальную деградацию (в какой-либо форме) или ее угрозу.

Существует некоторая переходная область между несчастьем и всеми другими разновидностями человеческого горя, которые, будучи даже весьма болезненными, глубокими и продолжительными, отличаются от несчастья в собственном смысле. Однако существует предел, за которым начинается несчастье, но не прежде того, — подобно тому, как вода не закипает при температуре, меньшей 100 градусов. Эта граница не чисто объективна: здесь сказываются всевозможные личные факторы. Одно и то же событие может одного человека ввергнуть в несчастье, а другого — нет.

Большой загадкой человеческой жизни является не страдание, а именно несчастье. Не то удивительно, что неповинных людей убивают, пытают, прогоняют с родных мест, доводят до нищеты и рабства, заключают в лагерные бараки и тюремные боксы, — ибо на свете есть достаточно злодеев, чтобы делать такие вещи. Также неудивительно, когда болезнь приносит долгие страдания, которые парализуют жизнь человека и обращают ее в

---

[1] Например, чувства матери при виде длительных физических страданий ребенка, в которых она бессильна помочь. Нередки случаи, когда тяжелая болезнь ребенка становится единственным наполнением жизни матери, затмевая в ее глазах все остальное, приводя к глубоким деформациям личности. Она становится жертвой несчастья в более глубоком и многомерном смысле, чем ее дитя.

[2] Симона утверждает это на основании собственного каждодневного опыта острых головных болей, мучивших ее с тринадцати лет. Она, конечно, не могла считать их несчастьем в полном смысле слова, но как влияет постоянная боль на способность мышления, знала не понаслышке.

«сень смертную», ибо природа подчинена слепой игре механической необходимости. Но удивительно, что Бог дал несчастью власть захватывать сами души неповинных людей и деспотически распоряжаться ими как рабами. Ведь поистине, даже в лучшем случае, у человека, заклейменного клеймом несчастья, остается не более половины его души.

У человека, испытавшего удар, после которого он извивается на земле, как перерезанный пополам червяк, нет слов для того, чтобы выразить, что́ такое с ним приключилось. Среди людей, которым он пытается это рассказать, даже те, которые много страдали, но не испытали на себе несчастья в собственном смысле, вовсе не могут себе представить, что именно это такое. Ибо это нечто особенное, не похожее на что-либо другое, как ни один звук ничего не скажет глухонемому. А те, кто сами искалечены несчастьем, не в состоянии оказать помощь и даже почти не способны желать этого. Итак, сострадание по отношению к несчастным — дело, по определению, невозможное. Когда оно поистине имеет место, это чудо — более потрясающее, чем хождение по водам, исцеление больных и даже воскрешение мертвых.

Несчастье заставило Самого Христа молить Отца о том, чтобы Он «пронес чашу» (Мк 14:36), искать утешения у учеников и наконец поверить, что Отец оставил Его. Несчастье заставило другого праведника кричать против Бога — праведника столь совершенного, насколько позволяла человеческая природа, а может быть, даже больше, — во всяком случае, если Иов является исторической личностью, которая была прообразом Христа. «Он посмеивается над несчастьем невинных!» (Иов 9:23)[3] — это не богохульство, это просто крик, исторгнутый из сердца болью. Книга Иова, с первой до последней страницы, есть настоящее чудо правды и искренности. Из написанного на тему несчастья все, что далеко от этого образца, — более или менее загрязнено ложью.

Несчастье делает Бога отсутствующим на время, более отсутствующим, чем мертвый, чем свет в абсолютно темном каземате. Ужас до краев затопляет душу. И во время этого отсутствия становится нечего любить. Самое страшное, что если среди этой тьмы, когда нечего любить, душа прекратит любить, отсутствие Бога станет окончательным. Надо, чтобы душа любила в пустоту или хотя бы желала любить, — будь то даже бесконечно малая часть души. И тогда однажды Бог придет, чтобы явить ей Себя и раскрыть перед ней красоту мира, — как это произошло с Иовом. Но если она перестанет любить, то низвергнется из этого мира в состояние, почти равное аду.

Вот почему те, кто ввергают в несчастье людей, неподготовленных к встрече с ним, убивают их души. И напротив, в такое время, как наше, когда несчастье нависло надо всеми, только та помощь, оказываемая душам, будет действенна, которая реально подготовит их к несчастью. Это далеко не мелочь.

Несчастье ожесточает человека, лишая надежды, ибо оно, как каленым железом, насквозь прожигает душу таким презрением, отвращением и даже ненавистью к самому себе, таким чувством виновности и скверны, которое, по логике вещей, должно было бы возникать в душе после преступления —

---

[3] По Масоретскому тексту и Вульгате. В греческом переводе Семидесяти толковников иначе. В Русском Синодальном переводе: «...пытке невинных смеется».

и, однако, не возникает. Преступник не чувствует зла, которое живет в его душе. Зато его чувствует у себя в душе невинная жертва несчастья. Получается, будто состояние души, которое, в сущности, годится для преступника, отделили от преступления и связали с несчастьем, — причем даже со степенью невинности несчастного!

Если Иов вопит о своей невиновности столь отчаянными словами, значит, у него самого не достает сил в нее верить; значит, его собственная душа внутренне становится на сторону его друзей. Он призывает в свидетели Самого Бога, потому что больше не слышит свидетельства совести, от которого в душе осталось одно лишь смутное и мертвое воспоминание.

Плотская природа человека есть то общее, что роднит его с животными. Куры стаей бросаются клевать раненую курицу[4]. Это такое же механическое явление, как притяжение земли. Все презрение, все отторжение, всю ненависть, которые наш разум связывает с преступлением, — все это наша чувственная сфера обращает на несчастье. Кроме тех людей, душа которых полностью принадлежит Христу, все остальные в большей или меньшей степени презирают несчастных, хотя почти никто себе в этом не признаётся.

Этот закон, заключенный в наших чувствах, действует также и в отношении нас самих. Презрение, отторжение и ненависть обращаются в несчастном против него самого, проникают в глубь его души и оттуда окрашивают своей ядовитой краской весь окружающий мир. Сверхъестественная любовь, если она еще осталась[5], может воспрепятствовать проявлению

---

[4] Возможно, это было одним из впечатлений от работы на ферме в деревне Сен-Мишель-д'Ардеш, где Симона провела август 1941 года на уборке винограда, — там же, где ночами она делала первые наброски статей, вошедших впоследствии в сборник «Ожидание Бога». Она увидела в нем яркий образ обманчивости человеческих связей, одиночества и беспомощности в том мире, где господствует «механическая необходимость». В таком ключе Симона еще будет использовать эту сцену в своих письмах (например, письмо Ж.-М. Перрену от 26 мая 1942 года).

[5] Оппозиция «естественного» и «сверхъестественного» имеет ключевое значение в антропологическом учении Симоны Вейль. «Сверхъестественное» живет даже в далекой от совершенства человеческой душе наряду, хотя и в борьбе, с «естественным». Сверхъестественная любовь в человеке — это любовь не замкнутая на земном, не эгоистическая, но та, которая через любовь к тварным существам восходит к Богу. Впрочем, опыт жизни показывает, что такая любовь у большинства проявляется лишь в виде весьма недолгих порывов и вдохновений. Поэтому ее силы оказывается чаще всего недостаточно, чтобы отвратить человека и от греховных поступков, разрушающих любовь, и от душевных катастроф. Симона хочет сказать, что «сверхъестественная любовь» еще может сохранить в человеке во время несчастья теплое и светлое отношение к окружающему миру (например, к родным людям, к красоте природы, к невинности детства и т. п.), но на то, чтобы не презирать, не ненавидеть себя самого, ее уже не хватает. В качестве примера можно привести целый ряд судеб поэтов. В творчестве Цветаевой и Пауля Целана тут и там вспыхивают яркие искры «сверхъестественной любви», но это не смогло отвести их от самоубийства, то есть до крайней степени презрения к себе... Мы называем эти имена, потому что оба эти поэта были убиты именно опытом несчастья.

второго из названных последствий, но только не первого. Ибо в первом[6] заключается самое существенное свойство несчастья: пока не действует это следствие, о несчастье говорить рано.

«Он стал проклятием ради нас» (Гал 3:13). Не только тело Христа, «повешенное на древе» (Втор 21:23), стало проклятием, но и вся Его душа. Так же точно и всякий невинный в несчастье осознает себя прóклятым. Так же бывает и с теми, кто претерпели несчастье и, благодаря повороту судьбы, избавились от него, — если оно достаточно глубоко их уязвило.

Другое следствие несчастья заключается в том, что оно делает душу своей сообщницей, мало-помалу впрыскивая в нее отраву пассивности. Каждый, кто в течение долгого времени остается несчастным, состоит в сговоре с собственным несчастьем. Это сообщничество парализует любые усилия, которые он мог бы предпринять, чтобы облегчить свою участь; оно доходит до того, что не дает даже искать средства к освобождению, а иногда и желать этого освобождения не позволяет. Человек сжился с несчастьем, а окружающим может казаться, что он доволен. Более того, это сообщничество вынуждает человека, против собственного желания, отвращаться и бежать от любых средств к освобождению, выставляя подчас вовсе смешные предлоги. Даже в том, кто поднялся из несчастья, — если он ранен им на всю жизнь, до глубины души, — сохраняется нечто такое, что толкает его упасть снова: как будто несчастье живет в нем наподобие паразита и направляет его в своих собственных целях. Нередко эти импульсы преобладают в нем над всеми стремлениями души к счастью. Например, в случае, когда несчастье приходит к концу благодаря чьей-то помощи, они могут сопровождаться ненавистью к тому, кто сделал это добро: здесь и кроются причины необъяснимых, на первый взгляд, эксцессов чудовищной неблагодарности. Подчас бывает легко избавить несчастного от того несчастья, которое он терпит в настоящее время, но куда труднее освободить его от последствий несчастья прошедшего. Все это под силу только Богу. Но даже и сама благодать Божия не исцеляет в этом мире природу, неизлечимо раненную. Вспомним, что и прославленное тело Воскресшего Христа имело на себе раны от гвоздей.

Мы можем примириться с существованием несчастья, только когда смотрим на него как бы с некоторого расстояния.

Бог сотворил мир любовью, ради любви. Бог не сотворил ничего иного, как саму любовь и средства для любви. Бог сотворил все формы любви. Он сотворил существа, способные любить на любом расстоянии. Сам Он дошел (ибо никому из людей это было не под силу) до максимального расстояния, до расстояния бесконечного. Это бесконечное расстояние между Бо-

---

Так же несомненно, что на большой глубине несчастья человек теряет способность воспринимать красоту мира, будто у него отмирает какой-то отвечающий за это орган. В заключительной сцене шолоховского «Тихого Дона» Григорий Мелехов, «словно пробудившись от тяжкого сна», поднимает голову и видит над собой «черное небо и ослепительно сияющий черный диск солнца».

[6] Т. е. в презрении, отвращении и ненависти к самому себе.

гом и Богом, крайний разрыв[7], боль, к которой никто другой не смеет и приблизиться, чудо любви — Распятие. Ибо никто не может быть более удален от Бога, чем тот, кто «стал проклятием».

Этот разрыв, через который Высшая Любовь устанавливает узы высшего единства, вечно отзывается во всем мироздании, в глубине его молчания, как две отдельные и, одновременно, сливающиеся в один звук ноты, как чистая и волнующая гармония. Она и есть — Слово Божие. Все творение мира есть не что иное, как звучание ее голоса[8]. Когда человеческая музыка самой высокой степени чистоты проникает нам в душу, сквозь нее нам слышится тот же голос. Когда мы способны слышать тишину, то и в ней улавливаем его звучание.

Те, кто мужественно стоят в любви, услышат эту ноту даже на самом дне пропасти[9], куда ввергнет их несчастье. И с этого момента в них не останется никакого сомнения.

Люди, пораженные несчастьем, лежат у подножия Креста — едва ли не на самом большом расстоянии от Бога, какое возможно. Не следует думать, что самым большим расстоянием является грех. Грех — не расстояние. Это неправильное направление взгляда.

Правда, есть таинственная связь между этим расстоянием и первородным грехом. Обычно говорят, что с самого начала человечество отвратило свой взгляд от Бога и шло в неверном направлении так далеко, как оно только могло идти. Да если бы оно могло идти! Ведь мы как гвоздями прибиты к месту, мы свободны только направить взгляд, а во всем остальном подчинены необходимости. Ее слепой механизм, которому совершенно нет дела до уровня нашего духовного совершенства, постоянно перетряхивает людей и наугад бросает кого-то из них к самому подножию Креста. От них зависит только — смотреть или нет, глазами, обращенными к Богу, среди этой тряски. Это не значит, что Божие провидение не существует. Это значит, что именно по Своему провидению Бог пожелал, чтобы необходимость была слепым механизмом.

Если бы этот механизм не был слепым, несчастья вовсе не существовало бы. Прежде всего, оно анонимно. Кем овладевает несчастье, тех оно лишает достоинства личности и делает вещами. Оно безразлично, и холод этого безразличия, металлический холод — до дна замораживает душу у всех, кого оно касается. Их больше ничто не согреет. Они уже никогда не поверят, что кем-то были.

Несчастье не обладало бы этим свойством, если бы не заключало в себе долю случайности. Тот, кого преследуют за веру, и он знает, что должен пострадать, — не несчастен. Он окажется несчастным, если страдание или страх охватят его душу до такой степени, что он позабудет, за что страдает.

---

[7] В оригинале употреблено слово déchirement, имеющее значения: 1) мука, терзание и 2) разрыв.

[8] В оригинале: vibration.

[9] В оригинале: au fond de la déchéance. Заметим, что Симона Вейль обычно прилагает слово déchéance к разным формам социальной деградации, которая, согласно ее пониманию, является одним из определяющих признаков несчастья. Она ожесточает, огрубляет душу гораздо больше, чем физическое страдание.

Мученики, отданные на съедение зверям, которые выходили на арену и пели, не были несчастны. Несчастен был Христос. Он умер не как мученик. Он умер как один из уголовных преступников, как «причтенный к злодеям» (Мк 15:20; Ис 53:12), только больше, чем они, достойный насмешек. Ведь несчастью свойственно вызывать насмешку.

Поистине, только слепая необходимость может забросить человека в точку крайнего удаления, к самому Кресту. Людские преступления, являющиеся причиной большинства несчастий, — это часть слепой необходимости, ибо злодеи поистине «не ведают, что творят» (Лк 23:34).

Дружба проявляется в двух формах: в соединении и в разделении. Они нерасторжимы, заключая в себе единое, необычайное благо — дружбу. Ибо когда сближаются два человека, которые не являются друзьями, не происходит соединения. Когда же они отдалены, они не чувствуют разделения. Итак, заключая в себе одно и то же благо, обе формы в равной мере добры.

2

Если даже мы, свойственным нам жалким образом, производим и познаём вещи вокруг нас, — Бог проявляет и познает Себя, как и подобает Ему, совершенным образом. Но, прежде всего, «Бог есть любовь» (1 Ин 4:8). Прежде всего, Бог любит Себя в Себе Самом. Троица есть не что иное, как эта любовь, эта дружба[10]. Между субъектами, соединенными между собой этим отношением Божественной любви, существует больше, чем близость, — их объединяет близость бесконечная, тождество. Но Творение, Воплощение, Страдание — вводят и бесконечную удаленность. Весь объем сотворенного пространства, вся продолжительность времени воздвигают свою преграду, полагают бесконечное расстояние между Богом и Богом[11].

Два любящих, два друга имеют два желания. Одно из них — любить друг друга настолько, чтобы они как бы входили один в другого и составляли одно-единое существо. Второе — любить друг друга настолько, что если бы

---

[10] Во французском и других романских языках «любовь» (amour) и «дружба» (amitié) — Родственные и близкие по звучанию слова, восходящие к общему латинскому корню.

[11] Имеется в виду не пространственное или временно́е расстояние между лицами Св. Троицы, но онтологическое расстояние между Богом-Самим-в-Себе, с одной стороны, и Богом Творящим, Богом, «принимающим образ раба» (Флп 2:7), Богом, Страждущим в лице Сына человеческого, с другой: говоря на языке Никейского Символа, между Отцом-Вседержителем и Сыном, «Имже вся быша», «Вочеловечившимся», «Страдавшим и погребенным».

Через сорок лет после Симоны ее богословская интуиция нашла отражение в стихах нашего соотечественника:

> ...Представь, что Господь в Человеческом Сыне
> впервые себя узнаёт на огромном
> впотьмах расстояньи: бездомный в бездомном.
>
> (*Иосиф Бродский. «Представь, чиркнув спичкой...»*)

Бродский был хорошо знаком с наследием Симоны Вейль; ее жизненным примером и творениями неизменно восхищался высоко почитаемый им Томас С. Элиот.

между ними было расстояние хоть в половину земного шара, их союз не понес никакого ущерба. Все, чего человек тщетно желает в этом мире, в Боге — реально и совершенно. Все эти невозможные желания живут в нас, напоминая о нашем предназначении. Они становятся благом для нас тогда, когда мы более не надеемся их исполнить.

Любовь между Богом и Богом, которая Сама — Бог[12], есть связь двоякая: это связь, которая соединяет два Лица в точке, где Они неразделимы и суть в реальности Одно; и это связь, которая простирается через расстояние и преодолевает бесконечную разделенность. Единство Бога, где исчезает всякая множественность, с одной стороны, а с другой, богооставленность, в которой осознавал Себя Христос, не переставая при этом совершенным образом любить Своего Отца, — вот две формы, в которые отливается божественное свойство одной и той же Любви, Которая Сама есть Бог.

«Бог есть Любовь» — в настолько сущностном смысле, что единство (которое можно назвать Его собственным определением (Втор 6:4; Ин 17:11; Иак 2:19; 1 Кор 8:4; 1 Тим 2:5) является простым следствием любви. И безграничной объединяющей способности Божественной любви соответствует бесконечное расстояние, которое она преодолевает. Все сотворенное, все наполняющее совокупность пространства и времени, все составленное из механически-жестокого вещества — вот расстояние, что пролегло между Христом и Его Отцом.

Что же касается нас, наша нищета дает нам драгоценную привилегию быть частью этого расстояния между Сыном и Отцом. Но расстояние осознается как разлука только теми, кто любит. Хоть и скорбна для любящего разлука с любимым, но она — благо, ибо в ней проявляется любовь. Даже смертельная тоска оставленного Отцом Христа — благо. Для нас в мире нет большего блага, чем разделить эту тоску. В этом мире Бог не присутствует в нас совершенным образом, потому что мы здесь живем в плоти (2 Кор 5:6). Зато когда мы находимся в состоянии крайнего несчастья, Он может в нас почти совершенно отсутствовать. На земле это для нас единственная возможность совершенства. Поэтому Крест — наша единственная надежда. «Ни один лес не произрастил подобного дерева, с такими цветами, с такими листьями, с такими побегами...»[13]

Эта вселенная, в которой мы — не более чем песчинка, есть расстояние, положенное Божественной Любовью между Богом и Богом. Итак, мы — точка

---

[12] Здесь Симона опирается на знаменитое изречение блаж. Августина, ставшее основополагающим для западного богословия Св. Духа. Он учил о Св. Духе, как о «взаимной любви, которой любят друг друга Отец и Сын» (О Св. Троице, XV, 17). В XIII–XIV веках это определение вошло и в инструментарий греческих богословов.

[13] Слова из гимна галльского поэта VI века Венанция Фортуната «Pange, lingua» («Возвещай, язык...»), включенного в состав латинского богослужения Страстной седмицы. Симона, против своего обыкновения, в этом месте приводит их не на языке оригинала, а по-французски. Вот соответствующий фрагмент латинского текста: Crux fidelis, inter omnes arbor una nobilis, nulla talem silva profert flore, fronde, germine, dulce lignum dulce clavo dulce pondus sustinens.

на этой бесконечной дистанции, которую составляют пространство, время и механизм, который правит материей. Все, что мы называем злом, это лишь механизм. Бог сделал так, что Его благодать, проникая в самое сердце человека и оттуда просвещая все его существо, позволяет ему без нарушения законов природы ходить по водам. Но когда человек отводит взгляд от Бога, он становится подвластным силе тяжести. Он еще думает, что может хотеть и выбирать, однако на самом деле он становится просто вещью, — не более чем обычный камень, который падает. Приглядевшись поистине внимательно к человеческим душам, к человеческим сообществам, мы увидим, что везде, где отсутствует действие сверхъестественного света, все подчиняется механическим законам, столь же слепым и столь же точным, как законы падения тел. Знание об этом благотворно и, более того, необходимо. Те, кого мы называем злодеями, — это лишь куски черепицы, сорванные с крыши сильным ветром и падающие куда попало. Их единственная вина заключается в том первоначальном выборе, сделав который, они обратились в черепицу.

Механизм необходимости, действуя на любом уровне, остается таким, каков он есть: в грубой материи, среди растений, животных, народов, человеческих душ. Если смотреть с той точки, где находимся мы сами, в нашей перспективе, он — совершенно слеп. Но если мы перенесемся сердцем вовне себя, за пределы мира, пространства и времени, — туда, где наш Отец, и если оттуда рассмотрим этот механизм, он явится совсем другим. То, что кажется необходимостью, станет послушанием. Материя полностью пассивна и, следовательно, целиком послушна воле Божией. Она является для нас совершенным примером. Здесь нет ничего другого, кроме Бога и того, что повинуется Богу. Своим совершенным послушанием материя заслуживает быть любимой теми, кто любит своего Господа, — подобно тому, как любящий с нежностью смотрит даже на иголку, которая некогда послушно сновала в руках его умершей возлюбленной. Вся красота мира возвещает нам, что материя заслуживает нашей любви. В красоте мира предметом любви становится даже грубая механическая необходимость его законов. Что может быть столь прекрасно, как сила тяжести, проявляющаяся в плеске бегущих морских волн или в неподвижных разломах гор[14]!

Море не становится для нас менее прекрасным из-за того, что в нем, как мы знаем, иногда тонут корабли. Напротив, от этого оно еще прекраснее. Если бы море изменяло движение волн, чтобы щадить корабли, тогда оно было бы существом, наделенным свободой различения и выбора, но не этой текучей стихией, полностью повинующейся всем внешним воздействиям. Совершенное послушание и составляет его красоту.

Все ужасы, происходящие в этом мире, — не более чем складки и изгибы, которые на морской поверхности производят волны, подчиняясь силе притяжения. Поэтому и они заключают в себе красоту. Иногда поэзия (например, в «Илиаде») изображает эту красоту очень впечатляюще.

---

[14] В оригинале присутствует омонимическая игра слов: dans les plis fugitifs des ondulations de la mer ou les plis presque éternels des montagnes. По-французски plis может означать и гребни маленьких волн, и неровности рельефа. Эту омонимию Симона Вейль ниже использует для дальнейшего развития мысли.

Люди никогда не могут выйти из послушания Богу. Творение не может не повиноваться. Человеку как существу мыслящему и свободному предоставлено выбрать лишь одно: пожелать этого послушания или не пожелать. Даже не желая, он все равно будет вынужден повиноваться — повиноваться ежеминутно, но только как вещь, подчиненная механической необходимости. Если же он хочет повиноваться, то остается подчиненным механической необходимости, но к ней прибавляется некая новая необходимость, устанавливаемая теми законами, которые свойственны вещам сверхъестественным. Некоторые дела для него становятся невозможны, в то время как другие исполняются помимо него, а иногда как бы почти вопреки ему.

Если у нас порой возникает чувство, что в таком-то деле мы идем против воли Бога, это лишь означает, что иногда мы перестаем желать послушания. Конечно, при прочих равных условиях, человек действует по-разному в зависимости от того, согласен он на послушание или не согласен, — так же, как растение, при прочих равных условиях, по-разному растет в зависимости от того, находится оно на свету или в темноте. Растение, впрочем, не распоряжается и ничего не выбирает в том, что касается его роста. Но мы — как растения, которым дан только один выбор: повернуться к свету или нет.

На кроткую покорность материи, как на образ поведения для нас, указал Христос, предлагая нам посмотреть на лилии полевые, которые «ни трудятся, ни прядут» (Мф 6:28). Лилии не ставят целью одеться в тот или другой цвет, не прилагают к этому ни желания, ни тех или иных средств, но принимают все, что дает им природная необходимость. Если они нам кажутся гораздо более красивыми, чем дорогие ткани, — это не потому, что они богаче, а по причине их послушания. Ткань тоже послушна, но послушна человеку, а не Богу. Материя бывает прекрасной не тогда, когда повинуется человеку, но когда повинуется Богу. Если в произведениях искусства она порой бывает почти так же прекрасна, как море, горы или цветы, это значит, Божий свет просветил художника. Но тому, кто хотел бы найти красоту даже в творениях людей, не просвещенных Божиим светом, надо просто всей душой осознать, что и эти люди суть всего лишь материя, которая повинуется Богу, сама того не понимая. Для того, кто так и считает, абсолютно все на свете является прекрасным. Во всем, что существует, во всем, что происходит, он различает действие механизма необходимости, а в необходимости находит несравненную сладость послушания. Для нас послушание вещества по отношению к Богу — то же, что прозрачность стекла по отношению к свету. Как только мы познáем всем нашим существом это послушание, мы узрим Бога.

Держа газету вверх ногами, мы видим непривычные формы напечатанных букв. Но стоит нам ее перевернуть, как следует, и мы увидим уже не только буквы, но слова. Пассажир корабля, попавшего в качку, с каждой волной чувствует только, как у него переворачивается все внутри. Но капитан в это время неотрывно следит за тем, как сочетание ветра, течения, волн соотносится с расположением корабля, его формой, парусным оснащением и рулем.

Как мы учимся читать, как мы учимся какому-либо ремеслу, так мы должны научиться видеть, что во всем происходящем заключено (прежде всего и почти только) повиновение мироздания Богу. Это самое настоя-

щее ученичество. И, как всякое другое, оно требует усилий и времени. Тот, кто в нем преуспел, видит между вещами и событиями не больше разницы, чем человек, умеющий читать, в одной и той же фразе, воспроизведенной в разной манере, — написанной красными и синими чернилами, напечатанной одним, другим и третьим шрифтом. Неграмотный увидит разницу в каждом случае. Но для умеющего читать все это — одно и то же, потому что написана одна и та же фраза. Для обученного человека вещи и события всегда и повсюду — это вибрации дивно-сладкозвучного божественного голоса, распевающего одно и то же слово. Это не означает, что такой человек не испытывает страдания. Боль — лишь расцветка определенных событий. В одной фразе, записанной красными чернилами, тот, кто умеет читать, и тот, кто не умеет, равным образом видят красный цвет. Но для одного из них цвет букв имеет не то же самое значение, что для другого.

У рабочих и крестьян есть хорошая пословица на случай, когда ученику случается пораниться или хотя бы сильно устать: «Ремесло в тело входит». Каждый раз, испытывая боль, мы можем сказать сами себе (и это будет правдой), что вселенная, что порядок и красота мира, что послушание всего творения своему Создателю — все это входит в наше тело. И после этого как не благодарить, с самой теплой признательностью, ту Любовь, которая послала нам этот дар!

Радость и боль — дары в равной мере столь драгоценные, что и первого, и второго стоит вкусить сполна, каждого в чистом виде, не пытаясь их смешивать. Через радость красота мира проникает нам в душу. Через боль она входит нам в тело. Ища одной лишь радости, стать другом Богу — столь же невозможно, как стать капитаном, прочитав справочник по навигации. Тело тоже должно участвовать в обучении. На уровне телесных ощущений только боль является контактом с необходимостью, определяющей порядок мира, ибо удовольствие не несет на себе печати необходимости. Более высокая часть сферы чувств способна познавать необходимость и в радости, и это достигается только посредством чувства прекрасного. Для того, чтобы постепенно все наше существо стало восприимчивым к послушанию, которое есть существенное свойство материи, чтобы через это мы обрели новый ум, способный услышать вселенную как звучание Слова Божия, — для этих целей преображающие свойства как боли, так и радости являются равно незаменимыми. Мы должны раскрывать всю нашу душу до самой глубины и для боли, и для радости, когда случается испытать то или другое, с такой готовностью, как открываем двери посланнику от тех, кого любим. Какая разница для любящего, будет ли посланник груб или вежлив, когда у него в руках долгожданное письмо!

Однако несчастье — это не просто боль. Несчастье очень отличается от того, что́ можно назвать педагогическим методом Бога.

Необозримое пространство и время[15] отделяют нас от Бога. Как возможно было бы нам искать Его? Как идти к нему навстречу? Если даже

[15] В оригинале: l'infinité de l'espace et du temps. В следующем абзаце мы видим, что слово l'infinité употреблено Симоной не в собственном смысле: в ее речи infini является излюбленной заменой любого определения в превосходной степени.

мы будем идти целую вечность, наше движение окажется всего лишь вращением вокруг земли. Даже на самолете нам не под силу сделать ничего другого. Мы не в состоянии высоко продвинуться по вертикали. Нам не дано возможности сделать и шагу к небесам. Бог Сам сходит к нам, пересекая вселенную.

Превосходя бесконечность пространства и времени, еще бесконечно-более-бесконечная любовь Божия сходит пленить нас. Она сходит в свое время. Нам дан выбор: согласиться впустить ее или отказать. Если мы останемся глухими, она, как нищий, приходит к нашим дверям снова и снова; но, как нищий, однажды она больше не вернется. Если же мы соглашаемся, Бог кладет в нас, как в землю, маленькое семечко и уходит. С этого момента Богу уже не нужно делать ничего другого, как только ожидать. Только ожидать остается и нам. Единственное, что от нас требуется, — не пожалеть о данном нами согласии, о том «да», которое мы однажды произнесли, подобно невесте. Это не так легко, как кажется; ибо, когда семя всходит, мы чувствуем боль. К тому же, именно поскольку мы сами согласились, чтобы оно в нас взошло, мы уже не можем не уничтожать все, что ему мешает, не выпалывать сорняки. К несчастью, сорняки входят в самую нашу плоть, так что все эта прополка причиняет нам страдание. Однако семя, так или иначе, прорастает. И вот, наконец, наша душа принадлежит Богу[16], и тогда она не просто согласна любить, но истинно и деятельно любит. Теперь ей, в свою очередь, приходится пройти через все мироздание, чтобы достигнуть Бога. Теперь она любит не той тварной любовью, которой любят другие создания. Любовь, живущая в ней, божественна и нетварна, ибо она есть любовь между Богом и Богом, которая проходит через душу[17]. Только Бог способен любить Бога. Мы можем только согласиться оставить наши собственные чувства, предоставляя Его любви пройти сквозь нашу душу. Это означает — отрицать самих себя (Мф 16:24; Мк 8:34; Лк 9:23)[18]. Мы и сотворены только ради этого согласия.

Божественная Любовь пересекла безмерность пространства и времени, чтобы пройти от Бога к нам. Но как ей пройти в обратном направлении, от

---

[16] В оригинале: appartient à Dieu.

[17] Мы выше отмечали использование Симоной августиновского понятия о Св. Духе как о Любви, связующей Отца и Сына. Но в данном месте выходит, что эта Любовь живет в душе не в виде благодатных (и при этом, по мнению западного схоластического богословия, тварных) даров, но нетварно и личностно. «Малышка Вейль» (так часто называли Симону по причине ее маленького роста), кажется, переходит на язык христианских мистиков Ближнего Востока и Византии. Если и не усматривать здесь параллелей паламитскому богословию нетварных божественных энергий, то близость с мистикой Макария Великого или Симеона Нового Богослова несомненна. За короткий срок от обращения до смерти, половина которого пришлась на войну, Симона, насколько мы знаем, не успела ознакомиться глубоко и детально с духовным наследием христианского Востока, хотя и ставила себе такую задачу (об этом свидетельствуют записи в тетрадях 1942 года). Но тем удивительнее внутреннее родство

[18] Симона настаивает именно на таком переводе стоящего в евангельском тексте слова 'Απαρνησάσθω.

тварного естества? Когда семечко Божественной любви, посеянное в нас, растет, становится деревом, как нам перенести его туда, где его родина, проделать в обратном направлении путь, которым к нам прошел Бог, преодолеть бесконечное расстояние?

Это кажется невозможным, — но есть одно средство. Оно хорошо известно, это средство. Ведь мы же помним, на что похоже дерево, возросшее в нас, — столь прекрасное дерево, в ветвях которого укрываются птицы небесные (Мф 13:32). Мы же знаем, какое дерево лучше всех деревьев. «Ни один лес не произрастил подобного...»[19] Штука малость похуже виселицы — вот оно какое, это дерево, что всех деревьев прекраснее. Это и есть то дерево, семечко которого Бог заронил в нас, да так, что мы и знать не знали, что это за семечко. А если бы знали, то в первый момент не сказали бы свое «да». Это и есть то дерево, что возросло в нас и которое невозможно выкорчевать никакой силой. Только измена может вырвать его из нас.

Когда молотком забивают гвоздь, весь удар, полученный шляпкой гвоздя, проходит до самого его конца так, что из силы удара ничто не теряется, хотя конец гвоздя — всего лишь точка. Если даже молоток и шляпка гвоздя будут бесконечно большими, произойдет то же самое. Конец гвоздя перенесет в точку, куда он приставлен, этот бесконечно сильный удар. Крайнее несчастье, которое одновременно сочетает физическую боль, душевную подавленность и социальную деградацию, подобно такому гвоздю. Его конец вбивается до самой середины души. Шляпка гвоздя — это вся необходимость, распределенная на всем протяжении пространства и времени.

Несчастье есть чудо Божественной техники. Это простое и гениальное устройство, через которое в душу незначительного, бренного создания может войти, во всей своей безмерности, слепая, безжалостная и холодная сила. Бесконечное расстояние, разделяющее Бога и творение, всецело собирается в одной точке, чтобы пробить душу в самой середине. Человек, с которым случается что-то подобное, не принимает никакого участия в этой операции. Он бьется, как бабочка, которую заживо накололи на булавку. Но даже и сквозь ужас он может сохранять желание любить. К этому нет никакого препятствия, в этом не только нет ничего невозможного, но, решаемся сказать, даже и ничего трудного. Ибо даже самая тяжкая боль, доходящая до потери сознания, не затрагивает ту точку в душе, которая соглашается с выбором правильной ориентации.

Просто надо знать, что любовь есть не состояние души, а ее ориентация. Не понимая этого, можно впасть в отчаяние при первом касании несчастья.

Тот, чья душа остается направленной к Богу в то время, когда ее пронзает гвоздь, пригвождена к самому центру мироздания. Истинный центр, который находится не посреди, но вне пространства и времени, — это Сам Бог. Ни в пространстве, ни во времени, но в совершенно другом измерении — гвоздь пробивает насквозь весь сотворенный мир, всю толщу преграды, отделяющей душу от Бога. В этом дивном измерении душа, не покидая места и момента, где находится связанное с нею тело, может преодолеть всю протяженность пространства и времени — и предстать перед лицом Божиим.

---

[19] См. прим. 13.

Она пребывает в точке соприкосновения между созданием и Творцом, именно в том месте, где соединяются брусья Креста. Возможно, апостол Павел размышлял о чем-то в этом роде, когда писал: «Будьте укоренены в любви, чтобы вам быть способными постигнуть, что есть широта и долгота, высота и глубина, и познать то, что превосходит всякое разумение, — любовь Христову» (Еф 3:18-19)[20].

3

Чтобы, в случае крайнего несчастья, быть распятым на кресте Самого Христа, человек должен в момент, когда придет несчастье, нести в своей душе не просто всеянное Богом семя, но уже взращенное древо жизни.

В ином случае у нас есть выбор между крестами по одну и по другую сторону распятия Христова.

Мы подобны неблагоразумному разбойнику, когда ищем утешения в презрении и ненависти к товарищам по несчастью. Но это обычно и бывает следствием настоящего несчастья. Именно так действовало на души римское рабство. Почти все люди, которые изумляются такому настрою души у несчастных, сами впадают в него, когда несчастье коснется их.

Чтобы уподобиться благоразумному разбойнику, достаточно понять, что, сколь бы ни было тяжко наше несчастье, это лишь самое меньшее из того, что мы заслужили. Ибо прежде того, как несчастье сковало наши силы, мы, по своей лености, инерции, безразличию или неведению, конечно же, были причастны к преступлениям, которые ввергли других людей в несчастья не менее тяжкие. Разумеется, помешать всем этим преступлениям было выше наших сил, но мы могли хотя бы сказать, что порицаем их. Мы забывали это делать, или даже одобряли их, или, во всяком случае, давали повод другим думать, что одобряем. Терпя несчастье, мы, если судить по справедливости, еще не слишком сурово наказаны. У нас нет права на жалость к себе. Мы знаем, что, во всяком случае однажды, Человек, совершенно чистый от вины, претерпел несчастье тяжелейшее. Лучше, через века, обратим сострадание к Нему.

Только что сказанное может приложить к себе каждый, ибо в наших общественных установлениях и нравах много до такой степени страшного, что никто не вправе считать себя чистым от этого распространенного на всех[21] соучастия. Определенно, каждый из нас окажется виновным, по крайней мере, в преступном равнодушии.

Но далее. Каждый человек вправе желать причастности Кресту Самого Христа. У нас есть одна неограниченная возможность — просить Бога обо всем, что является благом. Такие прошения — не из тех, в которых подобает проявлять умеренность или сдерживать себя.

Не следует просить себе несчастья: такое желание было бы противным природе, извращенным. К тому же несчастье само по себе есть то, чему мы подвергаемся против своей воли. Если мы еще не впали в него, будем же-

---

[20] Симона цитирует свободно, может быть, по памяти. На этом месте кончается текст статьи «Любовь к Богу и несчастье» в сборнике «Attente de Dieu» («Ожидание Бога», ed. La Colombe, 1950, и др. издания).

[21] В оригинале: complicité diffuse.

лать только одного: если оно придет, пусть станет для нас причастностью Кресту Христову.

Но что мы ощущаем всегда и что́ поэтому позволительно любить — это возможность несчастья. Три стороны нашего существа всегда открыты перед ней. Наше тело непрочно: любым куском твердой материи можно его проткнуть, изранить, ушибить или навсегда покалечить какой-то из наших внутренних органов. Наша душа ранима, подвержена беспричинным депрессиям и жалким образом зависима от всевозможных вещей и личностей, столь же непрочных и переменчивых. Наше общественное лицо, от которого почти зависит в нас чувство существования, всегда и целиком открыто перед всяческими превратностями. Самый центр нашего существа связан с этими тремя сторонами такими фибрами, что от любой нанесенной им сколько-нибудь тяжелой раны он будто истекает кровью. Но особенно губительным или даже уничтожающим саму нашу сущность нам кажется все, что понижает или разрушает наш престиж, наше право на общественное уважение. Настолько мы привыкли считать иллюзию — своей сущностью[22].

Мы не думаем о своей полнейшей непрочности, когда дела у нас более-менее в порядке. Но ведь нам никто не запрещает о ней помнить. Можно постоянно ее видеть и постоянно благодарить за нее Бога. И не только за нее, но и за то, что мы бесконечно слабы буквально во всем, до самых сокровенных глубин, будто эта непрочность — в самом центре нашего существа. Ибо именно потому, что мы столь слабы, нас можно пригвоздить к самой середине Креста.

Итак, можно размышлять о нашей непрочности, с любовью и благодарностью, при каждом случае большого или малого страдания. Можно думать о ней в дни более-менее сносные. Можно помнить и в радости, — что было бы не нужно, коль скоро эта мысль могла бы нашу радость нарушить или уменьшить. Но бывает совсем не так. При этой мысли радость только приобретает более сильный и волнующий аромат. Так цветущая вишня оттого, что дни ее цветения столь коротки, кажется еще прекраснее.

---

[22] Отмеченная Симоной высокая чувствительность к утрате «общественного лица», характерная для западного человека, в гораздо меньшей степени свойственна русскому самосознанию. Всякий у нас помнит проходящую сквозь века и нестареющую пословицу: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся». И это лишь две из многих возможных бед. «Не зарекаться» нам положено и от утраты самого места, где ты родился и вырос, и от унижений и оскорблений в старости, и от бессмысленного и безоглядного разрушения плодов твоего труда (подчас у тебя на глазах), а по смерти — от уничтожения твоей могилы и самой памяти о тебе, и от многого, многого другого. К общим для разных мест и времен «всевозможным превратностям» у нас прибавляется отсутствие гарантий «общественного уважения» для кого бы то ни было. Причем «превратности» существуют не в виде отдельных прискорбных случаев, а составляют коллективную судьбу целых поколений. Но коллективное переживается легче: о нем можно не думать, можно при случае забыть или помнить выборочно — в зависимости от господствующих идеологических установок. А на вопрос относительно своего собственного, личного (простите за тавтологию) «общественного лица» русскому человеку трудно даже ответить: то ли есть оно, то ли нет его совсем.

Если мы утвердим на этом свою мысль, через какое-то время сущностью[23] нашей жизни станет Крест Христов. Без сомнения, именно это хотел выразить Христос, когда поучал Своих друзей[24] каждый день носить крест[25]. Но не так, как, кажется, полагают сейчас, будто он говорил о простой покорности перед повседневными мелкими огорчениями, которые мы подчас называем именем креста, почти богохульно злоупотребляя этим словом. Единственный крест — это вся тяжесть необходимости, которая, заполняя безмерный объем времени и пространства, может, в определенных обстоятельствах, сосредоточиться на таком атоме, как любой из нас, и без остатка его уничтожить. Носить свой крест означает иметь сознание того, что мы целиком, всеми сторонами нашего существа, подвластны слепой необходимости, кроме одной лишь точки в душе — столь потаенной, что в нее не проникает и наше собственное сознание. Как бы жестоко ни страдал человек, но если хотя бы часть его существа осталась нетронутой (и при этом он не осознает во всей полноте, что она избавлена по чистой случайности и в любую минуту может подвергнуться ударам такой же случайности), он не имеет части в Кресте. Особенно же это касается социальной стороны нашего существа. Вот почему болезнь не принесет никакой пользы, если ей не будет сопутствовать совершенная духовная нищета (Мф 5:3; Лк 6:20)[26]. Всесторонне счастливый человек может в одно и то же время полнокровно наслаждаться счастьем и носить крест, если он реально, конкретно и ежеминутно помнит о возможности несчастья.

Но недостаточно просто помнить. Будем нежно любить суровый облик этой необходимости. Она похожа на двустороннюю медаль. Одна сторона, повернутая к нам, — это господство, а другая, повернутая к Богу, — послу-

---

[23] В оригинале: la Croix du Christ doit devenir la substance même de la vie.

[24] Это наименование апостолов, чем-то напоминающее атмосферу кружка Сократа, воспроизводится в наиболее «эллинистических» по образу выражения Евангелиях от Луки (Лк 12:4) и от Иоанна (Ин 15:14). Оно прижилось и в поэтическом творчестве тех византийских гимнографов, которые последовательно ориентировались на образцы античной поэзии и риторики: Козма Маюмский и Иоанн Дамаскин очень любят в своих канонах называть Христовых учеников Его друзьями. Естественно, оно пришлось по душе такой собеседнице пифагорейцев и стоиков, как Симона Вейль. Говоря о Христе в Его земной жизни, она, в том же стиле, повсюду предпочитает называть Его не Господом, но Наставником (maître).

[25] В ряде древних списков Евангелия от Луки (не только греческих, но также сирийских и коптских) говорится: «Если кто хочет за Мной идти, пусть отвергнется себя, и берет *каждый день* (καυ ἡμέραν) свой крест, и следует за Мной» (Лк 9:23). В передаче Матфея и Марка это наставление Спасителя не содержит слов «каждый день». Они не утвердились в общепринятом византийском литургическом тексте Евангелия от Луки, поэтому их нет в славянском переводе, а также в Синодальном русском. Первоначальная латинская версия (т. н. Итала) их тоже не имела; однако в Вульгате мы читаем: et tollat crucem suam cotidie («...и носит крест свой ежедневно...»). Вариант Вульгаты повторяют и последующие ей переводы Евангелия на западноевропейские языки.

[26] В оригинале: l' ésprit de pauvreté, dans sa perfection.

шание. Сожмем эту необходимость в руке, до боли, чтобы она вошла в самую нашу плоть. Каждый, кто любит, во время разлуки бывает счастлив до боли сжимать в руке предмет, принадлежащий любимому существу. А мы знаем, что вся эта вселенная есть предмет, принадлежащий Богу.

Будем до глубины нашего сердца благодарны Богу за то, что Он, в качестве абсолютного правителя, поставил над нами Свою рабыню, бесчувственную, слепую и безупречно послушную, — необходимость. Она погоняет нас кнутом. Но нам, в этом мире подчиненным ее тирании, достаточно выбрать Бога в качестве нашего сокровища, утвердить в Боге наше сердце (Мф 6:21), и тогда мы увидим другую сторону этой тирании, ту сторону, которая есть чистое послушание. Мы — рабы рабыни, но в то же время мы сыны нашего Владыки. Как бы она ни помыкала нами, нам подобает с любовью наблюдать ее собственное послушание, ибо мы — наследники (Рим 8:17; Гал 3:29). Каждый раз, когда она не делает того, что мы хотим, когда нудит подчиниться тому, чего мы не хотим, нам дается возможность с любовью пройти через нее — и увидеть лицо послушания, которым она обращена к Богу. Счастливы те, кто часто имеют эту драгоценную возможность.

Сильная и продолжительная физическая боль имеет то уникальное преимущество, что наши чувства не могут с ней смириться: так уж они устроены. Мы можем с чем угодно свыкнуться, научиться из всего извлекать себе утеху, приспособиться к чему угодно, но только не к этому. Например, внушив себе иллюзию силы, мы верим, что и вправду над чем-то властны. Или, напротив, в воображении выбираем для себя именно то, что на деле нам просто навязано. Но когда сам человек видит, что превращается в подобие животного, когда он почти ничего не может для себя сделать, а у других вызывает отвращение, тогда иллюзии более невозможны. Еще лучше, если это происходит по воле других людей, когда, отверженный обществом, человек оказывается жертвой как бы безымянной: мы говорим не о таком преследовании, которое делало бы героем или мучеником.

Та часть нашей души, которая связана с плотью[27], чувствительна только к необходимости, имеющей характер принуждения, и только к такому принуждению, как физическая боль. Одна и та же истина через физическую боль — касается наших чувств, через математическое доказательство — сообщается нашему рассудку и через красоту — воспламеняет в нас способность к любви. Поэтому и Иову, когда несчастье разорвало завесу плоти, столь явственно открылась красота мира. Красота мира раскрывается перед нами, когда мы научаемся видеть в необходимости сущностное свойство[28] мироздания; когда мы находим, что суть необходимости заключается в послушании Той Любви, Которая есть и совершенная Премудрость. Весь этот мир, частью которого мы являемся, есть не что иное, как бытие в послушании.

Столь же действенной для познания красоты мира, как физическая боль, может быть и чувственная радость, — когда она настолько естественна, настолько чиста, настолько превосходит ожидание, что мы лучшего не мо-

[27] В оригинале: la partie charnelle de notre âme.

[28] В оригинале: substance.

жем и желать или даже не можем поверить, что обладаем предметом этой радости. Сущность[29] такой радости всегда в красоте. Чистая радость и чистая скорбь — суть два образа одной и той же бесценной истины. И, благодаря этому счастливому обстоятельству, мы вправе желать тем, кого мы любим, радости, а не боли[30].

Троица и Крест — два полюса христианства, две его главные истины: первая есть совершенная радость, а вторая — совершенное несчастье. Познание той и другой, в их таинственном единстве, необходимо. Но в этом мире мы, в силу своей человеческой природы, находимся бесконечно ниже Троицы. Мы у самого подножия Креста. Крест — вот наше отечество.

Познание несчастья есть ключ к христианству. Но это познание невозможно. Невозможно познать несчастье, без того чтобы пройти через него. С ужасом отвращаясь от несчастья, наша мысль не способна стремиться принять его в себя, — как животные, за редкими исключениями, неспособны к самоубийству. Она познаёт его не иначе, как по принуждению. Пока не убедит собственный опыт, мы ни за что не поверим, что все, наполняющее нашу душу — все мысли, все чувства, отношения к идеям, к людям, ко всей вселенной и даже самые сокровенные отношения к самим себе, — все это целиком находится во власти обстоятельств. Даже если мы соглашаемся чисто умозрительно (что само по себе крайне редко), то в глубине души не верим все равно. Верить этому всей душой — вот что именно называет Христос словами: «отрицать самого себя»[31] (а не как обычно переводят: «самоотвержение» или «самоотречение»[32]!), и это необходимо, чтобы удостоиться быть среди Его учеников.

Однако, находясь в несчастье (или когда оно уже нами пережито), мы верим в эту истину не больше, чем прежде него; можно сказать, что мы верим в нее еще меньше. Ибо мысль нельзя ни к чему принудить; в любой момент у нее есть возможность увильнуть с помощью лжи. Наша мысль, под давлением обстоятельств оказавшись один на один с несчастьем, бросается под прикрытие обмана с прытью животного, которому угрожает гибель и оно видит какое-то убежище. Иногда в ужасе душа погружается в этот обман очень глубоко. Многие из когда-либо испытавших несчастье приобретают порочную привычку лжи, вплоть до полной потери самого чувства правды. Несправедливо осуждать их за это. Ложь тесно связана с несчастьем, и Христос *победил мир* (Ин 16:33) именно тем, что, будучи Истиной (Ин 14:6), Он до последнего предела несчастья остался Истиной.

Нашу мысль заставляет бежать от лица несчастья некий инстинкт, который куда больше значит для нас, чем тот, что предохраняет от физичес-

---

[29] В оригинале: essence.

[30] Считая Крест Христов высшим благом, Симона, однако, завершает свое прощальное письмо о. Ж.-М. Перрену таким пожеланием: «Желаю Вам всех мыслимых благ, кроме креста. Если же Вам однажды придется умереть за Господа насильственной смертью, пусть это совершится в радости и без душевных мук»...

[31] В оригинале: se nier soi-même.

[32] В оригинале: renoncement ou abnégation.

кой смерти. Ибо когда, силою обстоятельств или в воображении, такая смерть представляется не в виде несчастья, принять ее относительно легко. Но смотреть на несчастье в упор, вблизи, с непрерывным вниманием нам будет под силу, только если, по любви к истине, мы примем смерть *душой*. Именно такой смерти души учит нас Платон, говоря: «Философствовать значит учиться умирать»[33], — именно ее обозначали посвятительные обряды древних мистерий, именно она изображается в крещении. Речь не о том, чтобы душа на самом деле умерла, но — чтобы она просто признала за истину, что она есть мертвая вещь, аналогичная материи. Ей не надо рождаться от воды, она и без того — из воды[34]. То, что мы считаем нашим собственным «я», есть такая же изменчивая и автоматическая производная внешних обстоятельств, как форма морских волн.

Надо знать только это, знать всей душой, до самой глубины. Но такое знание о человеке имеет только Бог, а в этом мире — те, кто рождены свыше. Ибо нельзя принять эту смерть души, если взамен иллюзорной жизни у нас не будет другой жизни, если *сокровище наше* и *сердце наше* не будут вне нас самих: не только вне нашего «я»[35], но вне всего, о чем мы помышляем, вне всего, что ощущаем чувствами, за пределами всего познаваемого, — в руках нашего *Отца, Который втайне* (Мф 6:6). О тех, кто именно таковы, можно сказать, что они рождены от воды и Духа (Ин 3:5). Ибо они становятся чадами двойного послушания, — с одной стороны, механической необходимости, которая подчиняет их земным условиям существования, а с другой стороны, — божественному вдохновению[36]. В них больше нет того, что можно было бы назвать их собственной волей, их «лицом», их «я». Они всего лишь некое пересечение между тварной природой и Богом. Это пересечение — и есть то имя, которое Бог дал им от века, это их призвание.

4

В древнем обряде погружательного крещения человек скрывался под водой. Это означало отрицание самого себя[37], то есть признание того, что мы всего лишь фрагмент неподвижной материи, из которой созданы. Он вновь появлялся из воды, поднимаемый движением, превосходящим силу

---

[33] «Апология Сократа».

[34] Речь идет о душе «ветхого человека» (если говорить словами ап. Павла), душе, которую не оживотворил Дух Божий, которая, вследствие этого, столь же бессильна и инертна, как бездушная материя, символическим образом которой, по Симоне, является вода.

[35] В оригинале: hors de sa personne. Personne в данном контексте означает не объективно существующую «личность», но скорее то «лицо», которое человек или усваивает сам себе, или имеет во мнении других, иначе говоря, что есть чистая фикция и ни в коей мере не являет собою Божий образ в человеке, но заслоняет его, как маска.

[36] Предлагаемое Симоной толкование изречения Спасителя о «рождении от воды и Духа» надо иметь в виду при чтении трактата «Формы неявной любви к Богу», где эти евангельские образы тоже используются, но без пояснения.

[37] В оригинале: se nier soi-même. См. прим. 31.

тяжести: это было образом Божественной любви в человеке. Символика обряда крещения изображает состояние совершенства. Обещание, которое мы даем при этом, есть обещание желать и просить у Бога совершенства — постоянно, неутомимо, столь долго, пока не достигнем его, — как голодный ребенок не перестает просить хлеба у своего отца. Но к чему обязывает это обещание, нам не дано знать, пока мы не окажемся перед ужасным лицом несчастья. Только теперь, лицом к лицу с несчастьем, может быть заключен настоящий договор[38] — через контакт еще более сокровенный, более таинственный, более чудесный, чем само священнодействие таинства[39].

Познание несчастья, которое, по свойствам человеческой природы, так же невозможно для тех, кто в нем находится, как и для тех, кто его не испытал, становится в равной степени возможным и для тех, и для других благодаря сверхъестественной милости. Иначе Христос не отвел бы несчастье от того, кого любил превыше всех, после того, как пообещал, что даст ему испить из Своей чаши (Мф 20:23). В обоих этих случаях познание несчастья бывает бóльшим чудом, чем хождение по водам. Христос узнáет Своих благодетелей именно в тех, чье сострадание основано на познании несчастья. Другие же благотворят капризно, нерегулярно или, напротив, слишком регулярно: или вследствие привычек, привитых воспитанием, или сообразуясь с правилами приличия, или из гордости, или из плотской жалости, или ради очистки совести, — короче говоря, по мотивам, касающимся их самих. Они высокомерны, или держатся покровительственно, или выказывают жалость бестактно, или дают несчастному понять, что в их глазах он всего лишь экземпляр определенного вида несчастья. В любом случае, их даяние только ранит. Они уже имеют свою награду в этом мире, ибо о них не скажешь, что их левая рука не знает, что подает правая (Мф 6:2-3). Их отношение к несчастным — один обман, ибо истинное знакомство с несчастными не бывает без познания самого несчастья. Те, которые не смотрели в лицо несчастью или не готовы к этому, приближаются к несчастным не иначе, как только под защитным покровом лжи или иллюзии. Если вдруг, по какому-то случаю, в облике несчастного проглянет лицо самого несчастья, они удирают со всех ног.

Напротив, благотворитель Христов, оказавшись рядом с несчастным, не чувствует никакой дистанции между собой и им; он переносит в другого все свое существо[40] и поэтому подает ему пищу таким же инстинктивным и непосредственным движением, как мы едим сами, когда бываем голодны. И почти сразу же забывает о том, что подал, как мы забываем, чтó ели вчера и третьего дня. Такому человеку и на ум не придет сказать, что он занимается несчастными ради Бога: это покажется ему столь же абсурдным, как сказать, что он ест ради Бога. Мы едим, потому что не можем без этого. Так и те, кого возблагодарит Христос, творят милостыню столь же естественно, как едят.

---

[38] В оригинале присутствует игра слов и созвучий, делающих мысль очень рельефной: обязывает — engage; договор — engagement; contracter — заключать договор — созвучно слову contact.

[39] Судя по контексту, имеется в виду именно литургический аспект таинства крещения.

[40] В оригинале: tout son être.

Они дают нечто совсем иное, чем просто пищу, одежду или заботу. Перенося само свое существо в того, кому они помогают, они на мгновение дают ему его собственное существование, которого он был лишен несчастьем. В сущности, несчастье есть разрушение личности, переход в безымянное состояние. Как любовь побудила Христа обнажиться от Своей божественности, так несчастного горькая участь обнажает от его человечности. В глазах других и в собственных глазах он целиком определяется своим отношением к несчастью. То в нем, что еще могло бы существовать, неизменно отбрасывается в небытие, — как если бы утопающего несколько раз подряд ударили по голове. Это может быть, в зависимости от случая, бедняк, беженец, чернокожий, больной, осужденный[41], и еще кто угодно в этом роде. Когда его рассматривают лишь как один из многих экземпляров несчастья, тогда и обиды, и благодеяния, объектом которых он является, параллельно направлены к несчастью. Таким образом, и обиды, и благодеяния оказываются равно действенными в том, чтобы еще больше загнать его в безличность. Это лишь разные формы одного и того же надругательства.

Тот, кто, видя несчастного, переносит в него свое существо, любовью порождает в нем, хотя бы на миг, существование[42], независимое от несчастья. Ибо, хотя именно несчастье предоставило случай для этого сверхъестественного деяния, *не оно* было его причиной. Причина — в тождестве, объединяющем человеческие существа поверх всех видимых расстояний, которые полагают между ними случайные обстоятельства судьбы.

Перенести свое существо в несчастного — это значит на какой-то миг принять на себя его несчастье, взять добровольно бремя, которое, по определению, навязывается человеку принудительно и против воли. Это — дело невозможное. Это сделал только Христос. Это может сделать только Христос и люди, вся душа которых заполнена Христом. Вот они-то, перенося свое собственное существо в несчастного, которому оказывают помощь, вселяют в него, — нет, не на самом деле собственное существо, ибо у них его больше нет, — но Самого Христа.

Милостыня, которую подают таким образом, есть таинство, сверхъестественное действие, посредством которого человек, в котором живет Христос (Гал 2:20), реально вселяет Христа в душу несчастного[43]. Хлеб, таким обра-

---

[41] Стоящее в оригинале repris de justice обычно переводится на русский язык как «рецидивист». Но русское обиходное понимание слова «рецидивист» делает акцент на повторности преступления, которое человек совершил после того, как понес наказание за первое. Repris de justice этого акцента не делает. Обозначая того, кто повторно оказался под уголовным судом, это выражение не обязательно подразумевает его реальную виновность. В контексте рассуждения Симоны речь может идти не об отпетом преступнике, а о человеке, которого, как говорится, просто «засудили».

[42] В оригинале: existence.

[43] Эту же идею развивает в целом ряде своих проповедей Иоанн Златоуст, подчас в не менее сильных и смелых выражениях. Она также наглядно представлена в новеллах «Луга духовного» Иоанна Мосха (VI век) и во множестве византийских сказаний, вошедших в состав славянского «Пролога». Более того, она стала темой художественной литературы и фольклора едва ли не у всех христианских народов.

зом поданный, — если речь идет о хлебе, — равноценен причастию. Это не метафора и не догадка: это буквальный перевод слов Самого Христа. Ибо Он говорит: «*Мне* вы это сделали» (Мф 25:40). Итак, это Он — в голодном или нагом несчастном. Но не вследствие голода или наготы, потому что само по себе несчастье не содержит никакого дарования свыше. Это возможно только лишь через само действие милостыни. Что Христос присутствует в том, кто подает совершенно чистым образом, это очевидно, — ибо кто может быть благодетелем Христа, если не Он Сам? С другой стороны, легко понять, что только присутствие Христа в душе может вселить в нее истинное сострадание. Но Евангелие к тому же открывает нам, что подающий с подлинным состраданием — подает Самого Христа. У несчастного, который принимает этот чудесный дар, есть выбор — согласиться на него, или нет.

Несчастный, в худшем из случаев, лишается всех человеческих связей. Для него остается возможными только два рода отношений с людьми: 1) тех, где он фигурирует всего лишь как вещь (они имеют столь же механическую природу, как отношения между двумя соседними каплями воды), и 2) чисто сверхъестественная любовь. Все, что находится между этими двумя, недоступно для него. В его жизни есть место только для воды и для Духа[44]. Несчастье, с которым человек смирился, которое принял и полюбил, поистине, становится крещением.

Поскольку один Христос способен на сострадание, поэтому, пребывая на земле, Он сам не получил его. Воплотившись, Он в этом мире не обитал в душе ни у кого из людей, которые Его окружали. Поэтому никто не мог сострадать Ему[45]. Скорбь принуждала Его взывать о сострадании, но самые близкие Его друзья отступились. Они оставили Его страдать в одиночестве (Мф 26:37-45). Даже Иоанн уснул. Петр мог ходить по водам, но оказался неспособным пожалеть своего Наставника, впавшего в несчастье. Сон стал для них убежищем, чтобы *теперь* Его не видеть. Когда само Милосердие обращается в несчастье, где найдет Оно помощь! Чтобы сжалиться над Христом Несчастным, понадобился бы другой Христос. Во все последующие века сострадание к несчастью Христа было одним из признаков святости.

Творить милостыню по сверхъестественной любви можно и не в той полной сознательности, которой требует, например, причащение. Ибо те, кого благодарит Христос, отвечают Ему: «Господи, и когда же мы...» (ср.: Мф 25:37-39). Они не знали, Кого накормили. Вообще ничто не указывает на то, что они имели какое-либо понятие о Христе. Они могли его иметь и могли

---

[44] Слова Господа о вводящем в вечную жизнь «рождении от воды и Духа» Симона всегда рассматривает в связи с начальной фразой Книги Бытия: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою» (Быт 1:2). Вода для нее иносказательно обозначает бездвижную материю, покорную действию слепых механических законов, частью которой в данном случае является человек, раздавленный несчастьем, а Дух Божий есть, согласно Писанию, Дух созидающей, животворящей, милующей любви (1 Ин 4:8; Гал 5:22), есть сама Любовь.

[45] Симона имеет в виду не любое человеческое сострадание-жалость, свойственное, в той или иной степени, большинству людей, но именно исходящее от сверхъестественной любви, которому учил Сам Христос.

не иметь. Важно, что они были праведны[46]. Поэтому Христос, пребывая в них, через милостыню подавал Себя Самого. Счастливы нищие, ибо у них есть возможность, пусть хотя бы раз или два в жизни, получить такую милостыню!

Несчастье поистине находится в самом центре христианства. Исполнение единственной заповеди, состоящей из двух: «Возлюби Бога» и «Возлюби своего ближнего», — проходит через несчастье. Ибо, что касается первого, Христос сказал: «Никто не приходит к Отцу, кроме как через Меня» (Ин 14:6). Он сказал также: «Как Моисей вознес змея в пустыне, так подобает, чтобы вознесен был Сын Человеческий, чтобы всякий верующий в Него имел жизнь вечную» (Ин 3:14)[47]. Это тот медный змей, один взгляд на которого мог предохранить от действия яда. Значит, любить Бога можно, только взирая на Крест. Что же касается ближнего, Христос сказал, кто́ есть тот ближний, которого заповедано возлюбить. Вот это тело — нагое, окровавленное и бесчувственное, которое мы нашли лежащим на дороге (ср.: Лк 10:30). Именно несчастье нам заповедано возлюбить прежде всего: несчастье человека, несчастье Бога.

Часто христианство упрекают в противоестественном любовании страданием, болью. Это ошибка. В христианстве речь не идет о боли и о страдании. Они — всего лишь ощущения, или состояния души, в каждом из которых можно искать некое извращенное наслаждение. Речь идет совсем о другом. Речь идет о несчастье. Несчастье — это не состояние души. Это — когда душа стирается в порошок механической жестокостью обстоятельств. В том, что человек в своих собственных глазах из человека опускается до перерезанного пополам червяка, извивающегося по земле, — в этом не найдет себе наслаждения даже извращенная натура. Но и мудрец, герой, святой — найдут не больше. Несчастье есть то, что обрушивается на человека абсолютно вопреки его желанию. Его сущностное, его определяющее свойство — ужас, бунт, который охватывает все существо любого, кто станет его жертвой. Вот что мы должны принять всей душой, с помощью сверхъестественной любви.

Быть в согласии с тем, как существует мир, — вот наша обязанность в земной жизни. Богу недостаточно Самому находить Свое создание прекрасным (Быт 1:8, 10). Он хочет еще, чтобы и оно увидело, сколь оно прекрасно[48]. К этому и призваны души, соединенные с мелкими частичками этого мира[49]. Таково назначение несчастья — дать нам возможность думать, что творение Божие прекрасно. Ибо пока, игрою окружающих обстоятельств, течение нашей жизни остается, в основном, не нарушенным или же зат-

---

[46] См. также статью Симоны Вейль «Формы неявной любви к Богу».

[47] Симона цитирует свободно, по памяти.

[48] «И видел Бог, что это прекрасно». Симона переводит стоящее в Быт 1: 8 (по греческому тексту Септуагинты) слово καλόν именно как «прекрасно». К сожалению, русский Синодальный перевод, выбирая бесцветное «хорошо», лишает эту неоднократно повторенную, наполненную важным смыслом фразу всякой конкретности.

[49] Имеются в виду тела.

рагивается лишь частично, до тех пор мы готовы верить, будто это наша воля создала мир и им управляет. И вдруг несчастье, к нашему величайшему удивлению, открывает нам, что это вовсе не так. И если после этого мы воздаем славу, — мы поистине славим творение Божие. В чем трудность? Ведь понятно, что наше несчастье ничем не умаляет Божественную славу. Значит, оно никак не может помешать нам *благословлять Господа ради великой славы Его*[50].

Итак, несчастье — вернейшая примета, что Бог желает быть любимым нами, драгоценный знак Его нежности к нам. Это не отеческое наказание, а нечто совсем другое, что уместнее сравнить с теми нежными ссорами, когда юные жених и невеста еще больше уверяют друг друга в глубине своей любви. Нам страшно заглянуть в лицо несчастью, но если решимся, то через какое-то время увидим в нем облик любви, — как Магдалине открылось, что Тот, Кого она приняла за садовника, был Некто совсем другой (Ин 20:14-16).

Христианину, который осознаёт центральное место несчастья в исповедуемой им вере, еще прежде того следует знать, что несчастье даже является, в некотором смысле, сущностным свойством всего сотворенного. Быть созданием не означает обязательно быть несчастным, но всякое создание неизбежно открыто перед возможностью несчастья: неразрушимо только несотворенное. Вопрошая, для чего Бог попускает несчастье, мы точно так же могли бы спросить, для чего Он сотворил мир. В самом деле, стоит задать себе этот вопрос. Итак, для чего же Бог сотворил мир? Ведь кажется настолько очевидным, что Бог Сам-по-Себе более велик, чем Бог и Его творение, вместе взятые. По крайней мере, это кажется очевидным, если мы мыслим о Боге как о Бытии[51]. Но давайте не будем мыслить о Нем таким образом. Только помыслив Бога как Любовь, мы познáем это чудо Любви, которая связует Сына с Отцом в вечном единстве Божества и, одновременно, преодолевает Их разделенность пространством, временем и Крестом.

Бог есть Любовь (1 Ин 4:7), а природа есть необходимость, но послушание делает эту необходимость зеркальным отражением любви. Таким же образом Бог есть радость, а творение есть несчастье, но — несчастье, сияющее светом радости.

---

[50] Аллюзия на текст древнейшей христианской молитвы, которая записана уже в т. н. *Апостольских постановлениях* (IV век) и поныне сохраняется в практике как восточного, так и латинского обряда. В Греко-Восточной Церкви она известна под названием Великого славословия. Приведем соответствующий фрагмент известного Симоне латинского текста и его церковно-славянский вариант:

Laudamus te, benedicimus te, adoramus te, glorificamus te, gratias agimus tibi propter magnam gloriam tuam...

«Хвалим Тя, благословим Тя, кланяем Ти ся, славословим Тя, благодарим Тя великия ради славы Твоея»...

[51] Здесь проглядывает полемика с богословием Фомы Аквинского, которое признано в Западной Церкви образцовым и основополагающим.

Несчастье заключает в себе истину нашей судьбы. Узрят Бога[52] только те, кто предпочтет лучше познать истину и умереть, нежели прожить долгую и счастливую жизнь в иллюзии. Решимся идти навстречу одной лишь реальности, и тогда там, где мы ожидали найти только мертвое тело, мы встретим ангела, который скажет: «Вы ищете Иисуса Назарянина, распятого? Он воскрес...» (Мк 16:6).

Крест Христов есть единственный источник света, способный просветить тьму несчастья. В любую эпоху, в любой стране — повсюду, где есть несчастье, его правдой является Крест Христов. Каждый человек, который настолько любит правду, что не убегает в глубину лжи, скрываясь от лица несчастья, имеет часть в Кресте Христовом, независимо от того, к какой религии он принадлежит. Если бы Бог помыслил отлучить от Христа людей какой-то страны или какой-то определенной эпохи, мы могли бы понять это по одному-единственному признаку, а именно по тому, что в их среде отсутствует несчастье[53]. Но мы не знаем из истории о чем-нибудь подобном. Повсюду, где есть несчастье, там есть и Крест, сокровенный, но присутствующий в каждом, кто, отвергая ложь, выбирает правду и, отвергая ненависть, выбирает любовь. Несчастье без Креста — это ад, а Бог не попустил аду быть на земле.

И наоборот, те (столь многие!) из христиан, которые не имеют сил увидеть в каждом несчастье блаженный Крест[54], чтобы с благоговением склониться перед ним, не имеют части со Христом. Что может яснее обнаружить слабость нашей веры, чем то, как запросто мы обходим проблему при любом разговоре о несчастье, даже в христианской среде. То, что́ мы говорим о первородном грехе, о воле Божией, о Провидении и его таинственных планах (которые мы, однако, считаем возможным угадывать), о будущих воздаяниях всякого рода, в этой жизни и в будущей, — все это или скрывает реальную природу несчастья, или же остается бездейственным. Когда мы видим подлинное несчастье, — единственное, что позволяет нашей совести смириться с ним, это созерцание Креста Христова. И ничто другое. И этого одного — достаточно.

Мать, жена, невеста, — зная, что любимый ею человек в беде, и она не может помочь ему или быть с ним рядом, — сама пожелала бы претерпеть

---

[52] То, что может показаться простой аллюзией на Нагорную проповедь (Мф 5:8), на самом деле уходит глубже, в Книгу Иова. В конце душераздирающей речи, которая реалистически описывает состояние человека на самом дне несчастья, Иов выкрикивает: «Я увижу Бога! <...> Это мои глаза увидят Его, и Он не будет для меня чужим!» (Иов 16:26-27; при всех различиях в переводах, данное место везде передается сходно).

[53] Убеждение в земном блаженстве нечестивых и несчастиях праведных, основанное на жизненном опыте, с горечью высказано в Книге Иова (Иов 21:7-34) и, в весьма сходных выражениях, в тексте псалма 143, по Септуагинте. В Масоретском тексте и исходящих из него переводах (в том числе, в русском Синодальном) смысл этого псалма изменен на прямо противоположный.

[54] Crux beata (Крест блаженный) — восхваление Креста Господня, распространенное в средневековых латинских гимнах и проповедях (Бернард Клервоский, Бонавентура и др.).

равные страдания, чтобы хоть в этом быть к нему ближе, чтобы облегчить столь невыносимую тяжесть бессильного сострадания. Кто, любя Христа, в своем сердце созерцает Его на Кресте, тот будет испытывать облегчение, когда сам переносит несчастье.

5

По причине сущностной связи между Крестом и несчастьем государство может полностью отделить себя от религии только при абсурдном допущении, что ему удалось «отменить» несчастье[55]. И самая первая причина, почему у государства нет на это никакого права, — в том, что оно само творит несчастных. Уголовный суд, отрезанный от всякой связи с Богом, поистине выглядит подобием ада. Не по причине судебных ошибок или излишней суровости наказаний, но независимо от всего этого, сам по себе. Он загрязняется от постоянного контакта со всевозможной скверной и, не имея ничего, что могло бы ее отмыть, сам оказывается настолько осквернен, что даже худших из преступников может сделать только хуже. Соприкосновение с судом отвратительно для любого, кто сохраняет в себе что-то чистое и здоровое, зато негодяи находят в наказаниях, которые он налагает, своего рода утехи, еще более ужасные, чем сами наказания. Нет ничего, что могло бы вселить чистоту в места, где живут преступление и наказание, — только лишь Христос — Тот, Кто сам был приговорен уголовным судом.

Но поскольку, нуждаясь в одном лишь Кресте, государство не нуждается в сложностях догмы, плачевно, что Крест и догма связаны столь крепкой связью. Ведь это и есть та самая связь, которая поставила Христа рядом с преступниками, как братьев по общему несчастью[56].

---

[55] Маленькая иллюстрация. Когда-то в детстве на меня произвел сильное впечатление минутный эпизод фильма «Выборгская сторона». В рабочей казарме большевик вещает, как революционный пролетариат без всякого Бога водворит на земле царство всеобщего благоденствия. Невзрачная, как уличный воробышек, девочка робко спрашивает: «А как же... убогие?» Солидный, уверенный в себе дяденька осекается, делает смущенный жест — вроде того, что поглаживает ее по головке (точно не помню), — и, отговорившись какой-то пустой фразой, «переходит к другому вопросу». Конфуз был изображен лишь одним легким штрихом, но этого хватило, чтобы девочкины слова глубоко врезались в мою пионерскую память. Весь остальной сюжет я начисто забыл. Лента снята на киностудии «Ленфильм» в 1938 году.

[56] Перевод свободный. В оригинале: Ce lien a enlevé le Christ à ses frères les criminels. Смысл таков: осуждение Христа с позиции принятой в кругу иудейских законоучителей «догмы» привело к Его казни вместе с разбойниками. Когда догма становится чем-то вроде нормы уголовного права, тогда не только заседание Иерусалимского синедриона, но и собор христианских епископов, и богословский диспут, скажем, в протестантской Женеве при Кальвине, — с одинаковой неизбежностью уподобляются бездушному, механически-жестокому уголовному судилищу. Для Средневековья это было обычной картиной. Но «смягчение нравов» принципиально не меняет ситуацию. И в либеральных условиях нашего времени можно использовать религиозную догму не для большего просветления нашей любви к Богу, но для травли, преследования, мести, вызванных самыми низкими побуждениями.

Понятие необходимости как общая материя искусства, науки и всех родов физического труда есть врата, которыми христианство может войти в светскую жизнь и шаг за шагом проникать во все ее области. Ибо Крест — это и есть сама необходимость в соприкосновении и с самой нижней, и с самой возвышенной частью нас самих. Нашим телесным чувствам он напоминает о физическом страдании Христа, а присутствием Бога привлекает живущую в нас сверхъестественную любовь. Вследствие этого Крест соединяет в себе все многообразие контактов, в которых промежуточные части нашего существа встречаются с силой необходимости.

Ни в какой сфере жизни нет и не может быть такого рода человеческой деятельности, которая не имела бы своей высшей и сокровенной истиной Крест Христов. А все, что пытаются отделить от Креста Христова, — или гниет, или засыхает, как отломившаяся ветка. Видя, что происходит сегодня, на наших глазах, но не понимая смысла происходящего, мы гадаем: в чем причина наших зол? Причем христиане понимают еще меньше остальных, ибо, зная, что исторически эти роды деятельности существовали задолго до воплощения Христа, они не решаются признать, что вера во Христа еще в те времена составляла их жизненную силу.

Но эта трудность не остановит нас, если мы поймем, что под завесами, которые постепенно открываются, вера во Христа приносит свои цветы и плоды — во все времена, на всяком месте, где есть люди, которые не имеют ненависти к свету (ср.: Ин 3:19-20).

С самого начала истории, никогда, кроме определенного периода в истории Римской империи, Христос не был до такой степени устранен из общества, как теперь. Древние сочли бы уродством то отделение религии от общественной жизни, которое сегодня даже бóльшая часть христиан находит естественным.

Христианство должно влить свои соки в общественную жизнь, но, тем не менее, оно в первую очередь обращено к человеческой душе. Наш Отец пребывает *втайне*, — но нет другой тайны, столь непроницаемой, как несчастье.

Есть один вопрос, не имеющий абсолютно никакого значения и, конечно, никакого ответа, который мы никогда не задаем, находясь в своем обычном состоянии. Зато в несчастье душа просто не может не повторять его — не умолкая, с монотонностью болезненного стона: «Почему?», «Почему всё так?» Несчастный, как ребенок, спрашивает у людей, у вещей, у Бога (даже если он не верует), у кого угодно. Почему именно ему нечего есть, почему *его* вгоняют в могилу непосильным трудом или жестоким обращением, или почему *его* вот-вот застрелят, или почему *он* болен, или почему *он* в тюрьме... Если мы объясним ему причины (что, однако, редко удается, ибо они бывают довольно запутанными), это не будет ответом. Ибо его вопрос «почему?» означает не «по какой причине?», а «зачем?» А мы, конечно, не можем сказать ему, зачем. Хотя можно придумать, но такую выдумку не назовешь добрым делом.

Странно, что у нас не вызывают вопроса несчастья ближних, кроме разве что немногих, самых близких людей. В лучшем случае мы однажды зададим его в рассеянности. Но кто сам в несчастье, в том этот вопрос забит как гвоздь,

он кричит непрестанно: почему? почему? почему? Сам Христос выкрикнул эти слова: «Почему Ты Меня оставил?» (Мф 27:46; Мк 15:34)[57].

«Почему» несчастного не находит ответа, потому что мы живем там, где правит необходимость, а не целесообразность. Если бы в этом мире правила целесообразность, то место блага не находилось бы в ином мире. Каждый раз, когда мы вопрошаем мир о целесообразности, он в ней отказывает. Но, чтобы знать, что откажет, сначала надо спросить.

Нас заставляет спрашивать о целесообразности мира только несчастье, да еще красота, ибо прекрасное нам дает столь живое ощущение присутствия блага, что мы ищем цель, будучи не в состоянии ее когда-либо найти. Прекрасное тоже побуждает вопрошать: «почему?»; «Почему вот это, что́ я вижу, прекрасно?» Но мало кто способен повторять это «почему?» в течение долгого времени. Зато несчастье кричит свое «почему?» не умолкая, часы, дни, годы, — пока не иссякнут последние силы.

Тот, кто способен не только кричать, но еще и слушать, услышит ответ. Этот ответ — молчание. Вечное молчание, за которое горько упрекал Бога Виньи[58]. Однако Виньи не был вправе говорить от себя, как ответил бы Праведник на это молчание, ибо сам не был праведником. Праведный — любит. Тот, кто способен не только слушать, но и любить, услышит это молчание как слово Бога.

Творения говорят при помощи звуков. Слово Бога есть молчание. Тайное слово любви Божией может быть только молчанием. Христос есть молчание Бога.

Нет в мире другого такого дерева, как Крест. Нет в мире большей гармонии, чем молчание Бога. Пифагорейцы улавливали эту гармонию в бездонном молчании звездного неба. Необходимость в этом мире есть голос молчания Бога[59].

Наша душа все время производит шум, но есть в ней одна точка, которая пребывает в молчании и которую мы никогда не слышим. Когда молча-

---

[57] Французское pourquoi? буквально означает «для чего?», т. е., в отличие от русского «почему», вопрошает именно о цели, а не о причине. Согласно греческому тексту Евангелий, в предсмертные минуты Христос взывал к Отцу: «для чего?» (ἵνα — по Мф; εἰς τί — по Мк).

[58] Альфред де Виньи (1799—1863) — французский поэт-романтик. Имеется в виду стихотворение «Гора Елеонская».

[59] Удивительно, как здесь и особенно дальше размышления Симоны перекликаются с окончанием повести Альбера Камю «Посторонний»: «Когда я очнулся, в лицо мне смотрели звезды. До меня доносились звуки с полей. Прохладный запах ночи, земли и моря освежал виски. Чудесное спокойствие спящего лета вливалось в меня, как прибой. <...> Перед этой ночью, полной загадочных знаков и звезд, я впервые раскрываюсь тихому равнодушию мира. Он так на меня похож, он мне как брат, и от этого я чувствую — я был счастлив, я счастлив и сейчас...» (перевод Н. Галь). Приговоренный к казни убийца только-только, впервые, «раскрывается навстречу», и поэтому мир еще кажется ему «тихо-равнодушным» — похожим на него. И он сам по привычке кажется себе равнодушным, но мы понимаем, что он сейчас стоит на пороге удивительного открытия. И, может быть, совсем скоро, на рассвете, перед выводом на казнь, он расслышит в молчании мира или даже в криках ненависти толпы — *слово любви Божией.*

ние Бога вливается нам в душу и, проходя сквозь нее, соединяется с молчанием, сокровенно живущим в нас, с того времени мы уже имеем свое сокровище и свое сердце в Боге, и пространство раскрывается перед нами пополам, как плод, — ибо мы созерцаем всю вселенную с той точки, что находится вне пространства.

К этому ведут только два пути, и других нет. Есть только два острия, которые могут пройти сквозь нашу душу (ср.: Лк 2:35), — несчастье и красота.

Нам часто хотелось бы плакать кровавыми слезами, когда подумаем, скольких из нас сокрушило несчастье, — тех, кто не умел извлечь из него пользу. Но если смотреть на вещи более хладнокровно, самая безумная растрата — это пренебрежение красотой мира. Можно ли сосчитать, сколь часто ясность звезд, шум морского прибоя, молчание предрассветного часа раскрываются навстречу душе человека, — но безответно! Не отзываться на эту красоту — преступление неблагодарности, столь тяжкое, что оно, вероятно, заслуживает наказания в виде несчастья. Правда, некоторых это наказание обходит стороной. Но в таком случае их карой становится бездарное существование, — а чем бездарная жизнь лучше несчастья? Впрочем, наверное, жизнь таких людей не перестает быть бездарной, даже когда их постигают большие беды.

Насколько можно догадываться о человеческих чувствах, подчас кажется, что зло, живущее внутри человека, бывает для него защитой от зла внешнего, которое жалит его через боль. Если это правда, будем надеяться, что Бог милосердно сократил для неблагоразумного разбойника (Лк 23:39) его столь бесполезные страдания. Да, именно так: в несчастье человека даже искушает мысль, что он будет меньше страдать, если станет злым.

Но кто хотя бы только на миг ощутил чистую радость и, значит, познал вкус красоты мира (ибо это одно и то же), тому несчастье разрывает всю душу. И однако только он и не заслуживает этого наказания. Но для него несчастье — не наказание. Просто Сам Бог берет его руку и слегка сильнее сжимает ее. Ибо, если он останется верен, то и на самом дне своего крика обретет драгоценную жемчужину молчания Бога.

Перевод и примечания Петра Епифанова

Дмитрий МАТВЕЕВ

ДЕМАРКАЦИЯ ИЛИ ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ?

По поводу одного спора о взаимоотношении науки и религии

Одной из самых острых тем, которые продолжают беспокоить, с одной стороны, научное сообщество, а, с другой, теологов, богословов и просто верующих, остается проблема соотношения веры и знания, теологии и религии. Недавно две статьи на эту тему опубликовал журнал «Вопросы философии» (2008, № 10). Спорят друг с другом доктора философских наук **Михаил Шахов** и **Георгий Левин**, позиционирующие себя соответственно как верующий и как материалист. Речь идет о проблеме демаркации (разграничения) научного и религиозного знания. Мне их спор показался любопытным, и я хотел бы по этому поводу высказать некоторые свои соображения. Но для начала изложу позиции обоих оппонентов.

1. Шахов: граница проблематична

Хотя наука и религия — различные виды знания о мире, но антагонизма между ними нет, и жестко противопоставлять их не следует, считает Михаил Шахов, куда полезнее посмотреть, что же их объединяет. Именно это он и пытается сделать в своей статье **«Реализм как общая основа религиозного и научного знания»**. Если, полагает автор, вглядеться глубже, можно убедиться, что грань между научным и религиозным знанием подвижна настолько, что в огромном большинстве случаев вообще можно говорить о некоем *верознании*, поскольку именно к такой категории относится значительная часть того, что мы привыкли считать «научным знанием». Это, в частности, убежденность в том, что реальный мир существует, что он подчиняется определенным законам, а также в том, что могут быть найдены способы отличить истину от заблуждений. К тому же, подобно тому, как христианин, даже не имеющий особого мистического опыта и глубоких богословских познаний, верит в истинность двухтысячелетней традиции, так и ученый в 99% случаев доверяет опыту и выводам своих коллег и предшественников (что, специально оговаривает автор статьи, не мешает этим выводам быть истинными).

Шахов пишет: *...если некие априорные постулаты все равно неустранимы из научного познания,.. — стоит ли так упорно выводить за рамки науки*

Дмитрий МАТВЕЕВ — родился в 1964 г. в Москве. Окончил Московский институт стали и сплавов. Кандидат технических наук, магистр богословия. Публиковался в журналах «Истина и жизнь», «Континент», в газете «НГ-религии». Живет в Москве.

любое суждение, допускающее вмешательство Бога?.. Очевидно, что для этого нет оснований.

Говорить о противоположности веры и знания, отмечает Шахов, не имеет смысла хотя бы потому уже, что вере противоположно не знание, а неверие, а знанию — не вера, а незнание. Веру же следует трактовать как «*вероятностное знание*», а потому, по мнению Шахова, целесообразно рассматривать *истины веры, делая смысловой акцент не на слове «вера», а на слове «истины».* И при таком подходе оказывается, что *наука в значительной мере состоит из относительных истин, из утверждений научной веры, а религиозное знание также содержит набор не всегда доказуемых, но возможно истинных высказываний.*

Как известно, одно из принципиальных различий между наукой и религиозным знанием состоит в мере принципиальной возможности проверить ту или иную истину экспериментально: «практика — критерий истины». Так, например, в аэродинамике правильность или ложность теорий, на которые опирались проектировщики, обнаруживается очевиднейшим способом: самолет либо полетит, либо нет. Но и теология, считает Шахов, *не должна добиваться запрета критического научного испытания тех догматических истин, которые принципиально допускают возможность такой проверки.* А в том что некоторые религиозные постулаты теоретически возможно подвергнуть проверке, автор не сомневается. Так что *не следует отказываться от критического научного исследования под тем предлогом, что истина уже есть в догмате веры. Истинный догмат не будет опровергнут, но будет обогащен научным знанием.* Так кажущееся научное опровержение некоторых положений Библии на деле лишь открыло путь для реинтерпретации и уточнения смысла Священного Писания.

Шахов указывает, что в религиозном знании содержатся догматы (в скобках придется заметить, что словом «*догмат*» он называет едва ли не любое религиозное утверждение) разных уровней — как принципиально не опровержимые, не фальсифицируемые (сюда относятся исключительно элементы учения непосредственно о Боге и о сверхъестественном), так и потенциально опровержимые (описывающие соприкосновение сверхъестественного и посюстороннего мира. К ним Шахов относит, например, учение о сотворении человека Богом, потенциально опровергаемое, на его взгляд, окончательным научным доказательством гипотезы о происхождении человека от обезьяны).

К тому же, констатирует автор, полного «адогматизма» и отсутствия «неприкасаемых» для критики положений нет не только в религии. Нет их и в науке, и ученый, дерзнувший, скажем, предложить новую модель вечного двигателя, рискует подвергнуться остракизму не менее строгому, нежели современный теолог-модернист в церкви. Что же говорить о том своего рода догматическом статусе, на который в мире науки претендует «методологический атеизм», «запрещающий» само допущение божественного вмешательства и по сей день остающийся, по выражению Шахова, *абсолютно нефальсифицируемой, принципиально неопровержимой верой*!

В числе же существенных различий между наукой и религией Шахов называет методологические процедуры, обеспечивающие общее приятия того

или иного знания в качестве истинного. Так, если наука стремится свести к минимуму число принимаемых на веру предпосылок, то теология содержание своего «кредо» расширяет и вводит в него вещи, самоочевидными не кажущиеся. За счет этого, считает Шахов, *теология рисует более богатую и содержательную картину мироздания*. И пусть, с точки зрения критического разума, такая картина более гипотетична, зато она может адекватно описывать реальность во всей ее полноте, чего не способна сделать *обезбоженная, нерелигиозная наука*.

Итак, констатирует автор, в науке и религии обнаруживаются известные черты сходства, и строгого критерия, согласно которому «более обоснованное» научное знание жестко и однозначно отделялось бы от «менее обоснованного» религиозного, не существует. И все-таки мы способны более-менее удовлетворительно отличать эти области знания друг от друга, т. е. граница между ними, разумеется, есть, но она неявна. Надо заметить, что Шахов специально оговаривает: он вовсе не собирается эту границу стирать, в его намерения никак не входит расшатывать ту «ограду», которую возвела вокруг себя классическая наука, несомненно, обладающая набором особенностей, которые отграничивают ее от иных форм знания. *Стало бы катастрофой*, — пишет Шахов, — *разрушение границы между научным знанием и так называемой паранаукой, псевдонаукой, равно как и религиозным знанием*. Автор вполне отдает себе отчет в том, что оборотная сторона подобного стирания границ — *опасность релятивизации всякого знания*. Релятивизм же, настаивающий на плюрализме истин, принижает научное знание, лишает его статуса объективного и в соответствии с духом постмодернизма не признает за суждениями науки свойство соответствовать реальным объектам.

Но, как отмечает Шахов, релятивизм грозит не только науке. Набирает силу и тенденция провозглашать религиозное знание *одним из многих, равно имеющих право на существование способов субъективного восприятия реальности*. То есть категории истинности-ложности оказываются применимы тут не больше, чем в отношении художественного творчества. И перед лицом общей *релятивистской атаки*, пишет он, оказывается, что по своей самооценке теология близка *к рационализму, к научному реализму,* поскольку утверждает, *что ее суждения о существующем соответствуют реальным объектам и их истинной природе, т. е. не являются плодом конвенциональных соглашений, не имеющих онтологической связи с описываемым объектом.*

Представление о существовании объективной истины, к постижению которой можно и должно стремиться, — это и есть тот *реализм*, который вынесен в название статьи. Именно реализмом, по мнению Шахова, в равной степени характеризуются и религиозное, и подлинно научное мировоззрение. Однако, замечает Шахов, общественное мнение в этом вопросе пристрастно: если реалист и противник релятивизма в области науки почитается обычно за трезвомыслящего ученого-рационалиста, то человек, утверждающий единственность религиозной истины и, соответственно, истинность только одной веры, выглядит в общественном мнении неразумным фанатиком.

Но как же, в самом деле, интерпретировать несомненный факт множественности религиозных учений? Эту множественность Шахов объясняет

не только и не столько невозможностью рационального обоснования единственно верной точки зрения, сколько вмешательством внерациональных факторов — социальных, эмоционально-психологических и пр., в силу которых потерпевшая поражение в дискуссии сторона не спешит принять учение победителей. Здесь он приводит остроумную цитату из Лейбница: *Если бы геометрия так же противоречила нашим страстям и нашим интересам, как нравственность, то мы так же спорили бы против нее и нарушали ее вопреки всем доказательствам Евклида и Архимеда, которые мы называли бы тогда бреднями и считали бы полными ошибок.*

К тому же, пишет Шахов, претензии на истинное знание как в религии, так и в науке приводят к тяжелейшим социальным последствиям: представление о достоверном знании истины неизбежно оборачивается стремлением использовать это знание для преобразования мира, для упрочения добра и искоренения зла. Отсюда и неприятие инаковерцев, и отрицание межконфессионального диалога: ведь держатель истины уже ничему не может научиться у других; он может только сам учить и обращать их. (Интересно, что, признавая конфликтогенность такого подхода, Шахов все же убежден в его полной логичности с эпистемологической точки зрения. Он пишет: *Конечно, примерами того, как фанатики, вообразившие, что им открыта полнота научной или религиозной истины, заливали Землю кровью, полна история человечества. Но, с точки зрения теории познания, все эти трагедии просто не имеют никакого отношения к разрешению вопроса о том, может ли в принципе наука или религия быть источником знаний...*)

Таким образом, заканчивает свою статью Шахов, и для науки, и для теологии претензия на обладание единственно верной точкой зрения чревата попыткой навязать эту точку зрения всему миру. Однако губительна тут и релятивизация, отказ от идеала объективности, обедняющий ценность знания. *И в науке, и в теологии*, — пишет Шахов, — *идет вечный поиск оптимума между насилием над инакомыслящими, инаковерующими и всепримиряющим и всеобесценивающим лозунгом «все по своему правы, единой объективной истины нет вовсе».*

2. Левин: зачем размывать границу?

Статья Георгия Левина **«Методологические принципы диалога материалистов с верующими»**, как гласит врез к ней, представляет собой ответ Шахову с *атеистических позиций*. Левин, в противовес *воинствующим* атеистам называющий себя атеистом *нормальным*, заявляет, что преследует общую с Шаховым цель, — а именно *совместно, в принципиальном, но дружественном диалоге выработать правила, позволяющие понимать друг друга и признавать аргументы друг друга.*

Итак, взявшись поднимать методологический уровень диалога между атеистами и теологами, Левин начинает с того, что разбирает, мягко говоря, и так логически не безупречную статью Шахова с позиций школьной логики. И для начала показывает, что исходный тезис оппонента «*стоит ли так упорно выводить за рамки науки любое суждение, допускающее вмешательство Бога*» с легкостью превращается в следующее утвержде-

ние: «*Чудо входит в предмет науки, и его описание — в ее задачу*». Далее, воспользовавшись определением Сергея Аверинцева: «*чудо* — это снятие волей Бога-Творца положенных этой же волей законов природы», — Левин убедительно поясняет: чудо имеет место там, где перестают действовать законы природы. В то же время наука изучает именно эти законы, и там, где они перестают действовать, ей нечего делать. В свою очередь, если чудо поддается объяснению законами природы, оно перестает быть чудом.

Левин рассматривает также формулировку «*Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом*» (приводимые самим Шаховым слова апостола Павла из Послания к Евреям), рассуждая следующим образом: если наука занимается только тем, что можно наблюдать (*для ученого*, — пишет Левин, — *существует только то, что опосредованно или непосредственно воздействует либо на органы чувств, либо на приборы*. То есть *существует только то, что проявляется*, и *объекты, существование которых никакими средствами наблюдения зафиксировать невозможно, исключаются из предмета науки*), а «невидимое» — это не что иное, как вариант «ненаблюдаемого», стало быть, религиозная вера есть *абсолютная вера в существование* ***ненаблюдаемого*** и, следовательно, к области науки никакого отношения не имеет.

Но подлинный мастер-класс Левин показывает тогда, когда в целях *достижения согласия в понимании ряда гносеологических категорий, с помощью которых формулируются наши общие методологические принципы*, он начинает выявлять смысл терминов «знание» и «вера». *О какой вере и о каком знании идет речь?* — вопрошает Левин. — *Ведь за более чем двадцатипятивековую историю этих терминов на них напластовалось едва ли не по полудюжине значений на каждый, и, не выявив эти значения, заявить, что «вера и знание не являются антонимами», — все равно, что сказать: «ключ не является инструментом для открывания дверей», не уточнив, о каком ключе идет речь: скрипичном, гаечном, ключе от квартиры, ключе-роднике.*

Левин показывает, что вера в истинность чего-либо (какой-либо *дескриптивной информации*) может возникать в результате рациональных доводов, а может — и вопреки всем доводам рассудка. Это качественно разные виды веры, различающиеся характером оснований, на которых зиждутся. Эти два вида веры, — пишет далее Левин, — научная, обретаемая на основе рациональных критериев истинности, и религиозная, вызываемая внерациональными импульсами, — не подтверждают и не исключают друг друга. Ведь *если бы религия прямо противоречила научному знанию, она продержалась бы не дольше, чем вера в обещание Н. С. Хрущева построить коммунизм к 1980 году. Но ее «тайна» в том, что она неопровержима, и потому живет тысячелетия.* А согласно «критерию демаркации» Карла Поппера, тезисы, которые в принципе невозможно опровергнуть, из научного знания исключаются.

Итак, никаких оснований включать религиозную веру в научное знание и научную веру Левин не обнаруживает. Более того, он приходит к выводу, что релятивизм, от которого на словах отрекается его оппонент, на самом деле свойствен в первую голову ему самому. Пытаясь «примирить» науку и религию, Шахов, вопреки собственным заявлениям, именно что пытается размыть разницу между ними, расшатать ограду, разделяющую их. *Релятви-*

визм, — пишет Левин, — *широко используется сегодня, для того чтобы лишить смысла разницу между теоретическим и эмпирическим знанием, истиной и ложью, нравственностью и безнравственностью и т. д.* И статья Шахова, по мнению Левина, тем и интересна, что показывает, что релятивизм проник уже и в методы теологии. Релятивизм же, — поясняет Левин, — это чистейший обскурантизм. *Ведь на осмысление демаркационной линии между религией и наукой были направлены усилия лучших умов Европы. Размывание этой линии отбросило бы представление о ней в первозданный хаос. Релятивизм так же разрушит всю систему методологических принципов диалога материалистов с верующими, как компьютерный вирус — всю содержащуюся в компьютере информацию.*

Ловким движением перекинув мяч релятивизма на поле противника, Левин на этом не останавливается. Он пишет: *Я не понимаю одного — цели М. О. Шахова. Верующий ученый понимает: если все в мире совершается по законам науки, то с надеждой на загробное воздаяние нужно проститься. Его вера зиждется лишь на вере в чудо, в возможность снятия законов природы Богом-творцом, давшим природе эти законы. Размывание разницы между наукой и религией — это размывание его надежды.*

3. Не противоположны, но различны

Итак, въедливо подойдя к статье Шахова с инструментарием логики, Левин играючи (главное, пишет он, *не относиться к нашему спору «со звериной серьезностью»*) расправляется с оппонентом, не оставляя от его соображений камня на камне. Так что, сколько бы он ни говорил *«наш диалог не должен быть диалогом глухих»*, речь уже ведется не о продуктивном разговоре между верующим и атеистом и даже не о том, кто из них заблуждается, а лишь о том, кто из двоих уважаемых философов профессионал, а кто любитель.

О том, что диалог не удался, свидетельствует и ответ Шахова, опубликованный на интернет-порталах «Богослов.ру»[1] и «Религия и СМИ»: критика была воспринята им как очередной атеистический выпад против веры и *иррациональное желание изничтожить оппонента.*

Мне, человеку верующему и некоторым образом знакомому с теологией, представляется, что прав все же атеист Левин, видящий в логике Шахова стремление если не стереть полностью границу между сферами религии и науки, то, во всяком случае, представить эти сферы неизолированными и взаимопроницаемыми (в одном месте Шахов даже ссылается на некую *современную теологическую гипотезу* о Боге *как определителе квантовых неопределенностей*). Сразу скажу, что сам я не являюсь сторонником подобных гибридов теологии с наукой и полагаю, что две эти области во избежание различных негативных последствий требуется всячески разграничивать. У них принципиально разные первичные данные. Для науки это всевозможные наблюдаемые проявления бытия, для теологии, если иметь в виду ту теоло-

[1] *Шахов М.* Об рациональном безбожии и «рациональных» атеистах. http://www.bogoslov.ru/text/396084.html

гию, что устояла перед вызовами современности, обратившись к антропологии[2], — состояние человека, ставящее под вопрос бытие как таковое.

Однако, в отличие от Левина, недоумевающего, зачем нужно его оппоненту «размывание границ», у меня соображения на этот счет все-таки есть. Причина подобного стремления, на мой взгляд, коренится в унаследованном от антично-средневековой богословской парадигмы религиозного мышления представлении о теологии как наиболее общей, тотальной доктрине, охватывающей и контролирующей все остальные сферы (здесь отражается антично-средневековое представление о Боге как сверх-Существе, находящемся на вершине пирамиды мироздания, детерминирующем все процессы в мире, а при необходимости активно вмешивающемся в природные процессы). Что, следовательно, не может так или иначе не отражать наука, именно этими процессами занимающаяся.

И здесь, думается, есть большая проблема. Наука, допускающая вмешательство Бога, тем самым включает Его в тот универсум, который изучает. То есть сверхприродность Бога в этом случае довольно легко переходит в Его «природность», имманентность. Вот только что это за универсум, которому Бог оказывается имманентным? Универсум, в котором Бог и обезьяна и в самом деле оказываются конкурентами: учению о сотворении человека Богом грозит опровержение *окончательным научным обоснованием истинности гипотезы о происхождении человека от обезьяны* (как сказано у Шахова). Именно в таком универсуме оказываются возможны нашумевшие «обезьяньи процессы», в ходе которых преподавателей-дарвинистов в судебном порядке призывают к ответу «за попрание религиозных чувств учащихся». Вот и приходится Михаилу Шахову спешить возвести мысленный форпост: для верующего победа гипотезы о происхождении человека от обезьяны невероятна.

История, однако, полна примерами сдачи подобных форпостов. Формально трансцендентный, а фактически имманентный Бог средневековой теологии уже давно непрерывно «отступает». Вспомним: ведь когда-то гелиоцентризм и Птолемеева система тоже были такими же «форпостами Бога» («догматами» в терминологии Шахова): расшатывание этих научных теорий своего времени считалось угрозой идее божественного устроения космоса! То же касается и теорий антропогенеза: хотя и по сей день эволюционный подход к нему оспаривается (в том числе и самим Шаховым), противоположный ему креационизм уже не является для верующего единственно возможным. Иными словами, и этот форпост «отъехал» назад, и антиэволюционный креационизм уже давно прекратил быть «догматом веры». А если успехи искуственного химического синтеза рибонуклеиновых кислот дойдут до возможности создания живых организмов из неживого материала (сегодняшний «форпост» теологии, базирующийся на тезисе, что создание жизни из не-жизни под силу только Творцу), дойдут до... страшно сказать, чего? Что тогда: прощай вера в Бога?

---

[2] Об «антропологическом повороте» философской и богословской мысли и некоторых его аспектах см. *Матвеев Д.* Как спасти «разговор о Боге». — «Континент», №139.

К счастью, возможно думать, что все несколько сложнее и интереснее. Теология, как и наука, не стоит на месте, способна отвечать на вызовы времени и в своих наиболее творческих проявлениях давно вышла за рамки антично-средневековой парадигмы. Еще одно важное обстоятельство заключается в том, что сегодня, вопреки стараниям Шахова, четко демаркировать себя стремится не только наука, но и теология. Именно такова ее стратегия перед лицом современного секулярного мира, обеспечивающая ей возможность оставаться самой собой.

В незнании этого современных ученых очень трудно винить: теология XX века очень плохо известна в нашей стране и до сих пор практически не преподается в духовных учебных заведениях. Но, с другой стороны, разделение религиозного и научного знания — вещь не такая уж новая и не столь уж специальный удел профессиональных богословов. Еще в XIX веке совсем не теолог, а поэт А. К. Толстой изящно демаркировал принципиальное христианское учение о творении и область научных гипотез антропогенеза, без всякого ущерба тому и другому:

Способ, как творил создатель,
Что считал он боле кстати,
Знать не может председатель
Комитета по печати.

В XX веке лишь более четко обозначены контуры этой демаркации[3].

Попытаемся здесь хотя бы штрихами показать, почему Георгий Левин, говоря о религиозной вере как основанной на иррациональных желаниях и надеждах, оказывается не столь далек от реальной позиции современной теологии, и религиозное начало при этом вовсе не оказывается приниженным. И если Левин уделил в своей статье немало внимания демаркации

[3] Впрочем, сам Михаил Шахов в начале статьи делает специальную оговорку относительно того, что в сфере теологии он рассматривает лишь *ортодоксальное богословское учение об устройстве мироздания, о наиболее общих законах развития мира и человечества*, а вовсе не *неортодоксальные построения отдельных теологов, иногда плохо совместимые с каноническим учением Церкви*. Не вполне понятно, интересует ли его, скажем, богословский XX век, не будет ли он весь зачислен автором по ведомству *неортодоксальных построений*. Во всяком случае, приходится констатировать довольно поверхностное знакомство Шахова с реальным теологическим дискурсом. Достаточно красноречиво здесь называние им неэволюционного креационизма и других второстепенных положений в качестве догматов. Не менее красноречиво и упоминание священников Александра Меня и Георгия Кочеткова в качестве *неортодоксальных теологов*, явно навеянное той низкопробной богословской полемикой, которая вокруг этих священников велась и продолжает вестись. Мало-мальски богословски компетентному человеку ясно, что и мученически погибший о. Александр, и ныне здравствующий о. Георгий, пытаясь с бóльшими (по сравнению с общим уровнем, характерным для церковной ситуации вокруг) широтой и творчеством подойти к методам христианского просвещения, в то же время ни на какие основы ортодоксального богословия не посягали, если, конечно, не числить среди таких основ тот самый вульгарный креационизм, а не только такие поистине фундаментальные вещи, как тринитарный и христологический догматы.

науки, то нам в рассматриваемом вопросе понадобится бросить взгляд на теологический аспект той же проблемы.

Сама по себе теология, понятное дело, вещь вовсе не эмоциональная, а очень даже рациональная в своем методе. Однако вряд ли Шахов станет спорить с тем, что теологию рождает не умозрение, а религиозный опыт: в противном случае это была бы никакая не теология, а просто спекуляция в области идеи Бога. О признании религиозного опыта как уникальной, принципиально автономной сферы человеческой экзистенции мне уже приходилось писать в связи с книгой Рудольфа Отто «Священное», написанной в начале XX века[4]. Напомню, что, согласно Отто, первичный религиозный опыт внерационален и внеморален; в своей основе это проявляющееся в той или иной форме ощущение «совершенно иного», но лишь на основе этого первичного опыта рождается дальнейшая богословская рефлексия человечества. Затем экзистенциальный источник всякой теологии обозначил крупнейший богослов XX столетия Пауль Тиллих. Теология, согласно Тиллиху, возникает там, где не просто разумом, но всем существом ощущается вопрос о смысле существования, его цели; наконец, угроза существованию как таковому. Критерий демаркации теологии, проводимый Тиллихом, весьма отчетлив: теология включает лишь то содержание, которое продиктовано указанной озабоченностью человека этим предельным содержанием. Вне этого условия никакое содержание, будь это даже и идея Бога, не является для Тиллиха объектом теологии[5]. Она есть разумное выражение именно такого — предельного — и никакого иного содержания.

Отсюда видна принципиальная разница между теологом и человеком науки в самом подходе к сфере своей деятельности. У них даже совершенно разные, если так можно выразиться, «профессиональные добродетели». Ученый изучает объект под названием «мир» и, значит, находится как бы *вне* его и в известном смысле *над* ним. Для него, даже если им движут самый настоящий «научный эрос» и страсть к истине, всегда требуется позиционировать себя максимально приближенно к «идеальному наблюдателю». Для получения достоверного результата настоящий ученый предпринимает специальные усилия по отстранению себя от исследуемого объекта, чтобы исключить детерминации себя этим объектом. По сути, это происходит с ним всегда, включая и те случаи, когда ему требуется проникнуть в недра объекта исследования или даже внешне мимикрировать под него.

С теологом все «с точностью до наоборот»: он всем своим существованием вовлечен в содержание своей теологии, можно сказать, детерминирован этим содержанием. Это содержание и есть та предельная забота, которой он живет. Отстраненность от этого содержания означала бы выход из ситуации «предельной озабоченности» и, тем самым, явилась бы отрицанием самой теологии. Кстати, именно этой тотальной вовлеченностью самопротиворечивого по своей природе человека в «предельные вопросы», составляющие предмет теологии, во многом и объясняются все амбивалентности реальной религи-

---

[4] См.: *Матвеев Д.* Как спасти «разговор о Боге»; *Тиллих П.* Систематическая теология. М.-СПб., 2000.

[5] *Тиллих П.* Указ. соч..

ности по сравнению с остальными сферами жизни, все ее «экстремальные точки» — от любовного самопожертвования до слепого фанатизма.

Надеюсь, что из сказанного видно, как поверхностны определения типа выведенного Левиным: «*Религиозная вера — это абсолютная вера в существование* ненаблюдаемого». Определения такого рода, может быть, формально и верны, но не отражают специфики религиозности как человеческого феномена. Религиозная вера — это в своей основе охваченность «предельной озабоченностью», т. е. озабоченностью основаниями собственного бытия, и уже совсем во вторую очередь — некая интеллектуальная убежденность. Думается, Левин ближе к сути дела, когда констатирует характер веры как *эмоционального отношения*. Вот только слово «эмоциональный» представляется в данном случае недостаточно сильным и полным, хотя в известной мере и передает момент охваченности, присущий подлинной вере.

Считаю необходимым уделить хотя бы немного внимания еще одному аспекту, обуславливающему принципиальную демаркированность теологического знания. Речь идет о принципе апофазы, известном уже в первые века христианства (реально этот принцип, безусловно, старше исторического христианства, но обозначен был именно отцами церкви). Апофатический принцип означает, что, вследствие несоизмеримости Творца и творения, любое положительное суждение о Боге, высказанное средствами ограниченного человеческого языка, всегда будет неадекватным. Легко заметить, что принцип апофазы по направленности противоположен принципу реализма, о котором говорит Шахов. Безусловно, для теологии как рационализирующей сферы одной апофазы мало, однако при наличии ее как действующего принципа статус положительных («катафатических») утверждений в теологии оказывается совсем иным, нежели в науке. В последней, как опять же нетрудно понять, соотношение принципа апофазы и принципа реализма совсем иное: хотя и несовершенный язык остается сам собой, и кантианский концепт реальности как запредельной, не познаваемой до конца «вещи в себе» покуда никто не опроверг, объект исследования — это совсем не то, что Бог, и едва ли кому-то придет в голову в науке ставить во главу угла принцип апофазы.

Возвращаясь к исходному для спора Шахова и Левина вопросу о диалоге науки и теологии, можно, как представляется, сказать следующее. Лишь в случае хорошо демаркированных, осознающих сами себя в своих границах науки и теологии можно говорить о диалоге. В противном случае под вопросом остаются сами субъекты диалога. Здравое и необходимое притязание на истинность и общезначимость, которое, очевидно, имеет в виду Шахов, должно реализовываться в условиях ясности намерений каждой стороны как для других, так и для самой себя. «Лекарство» от всех нежелательных эксцессов в области взаимоотношений науки и теологии — это прежде всего качественная наука и качественная теология. Стало быть, к качеству и стоит в первую очередь стремиться, и тогда, можно надеяться, и диалоги будут меньше восприниматься как «разговор глухих» и станут, пусть, может быть, и менее наукообразными, но красивыми, — как, скажем у Умберто Эко и кардинала Мартини.

Владимир ХОЛКИН

ТЕАТР ДЛЯ СЕБЯ

Два романа Гончарова: сценическая вероятность

Инсценировать (*лат.*) — 1) переделать... литературное произведение, приспособив его для постановки на сцене; 2) изобразить что-либо с целью ввести этим кого-либо в заблуждение.

Краткий словарь иностранных слов

Природа театрального слова от природы слова повествовательного отстоит существенно. Так разнятся острый слух собирателя голосов в толпе на площади от зоркого взгляда одинокого сочинителя, толпу лишь видящего и голоса только воображающего. Тут имеют место разные способы внимать голосам жизни, порождающие в свою очередь весьма далекие жанровые смыслы.

Философские и, в особенности, психологические начала подобного несовпадения (а зачастую и взаимного отторжения) коренятся в самом истоке вещества театра и вещества повествования: диалога и монолога, показа и рассказа, проповеди и исповеди. Так, персонажи романа бывают обыкновенно воплощены не в публичном и обильно разговорном слове, а в слове уединенном, размышляющем и описательном — то есть, прежде всего, повествовательном. Действенно такое слово не менее драматургического, но, в отличие от последнего, требует рассказа ритмически многообразного и хронологически нелинейного. Требует оно и подробно описываемого действия, то есть действия, полного метафор, сравнений и мелких деталей — тех вещей, что из зрительного зала не видны, а потому для сцены не только бесполезны, но даже и вредны.

Оттого-то, оказываясь в условиях сцены (и живущей-то только диалогом вслух), такое монологически сложное повествовательное слово (сказанное «про себя», а потому и неуместное на подмостках) становится сценическому представлению не подмогой, а помехой. В ходе же преодоления театром такой помехи слово неизбежно упрощается — хорошо еще если до

Владимир ХОЛКИН — родился в 1946 г. в Приморье. Закончил режиссерское отделение Ленинградского института культуры. Статьи и проза публиковались в журналах «Вопросы литературы», «Звезда», «Нева», «Новый мир», «Русская литература». Постоянный автор «Континента». Живет в Великом Новгороде.

состояния неполной правдивости, порой, однако, до полного искажения своего сокровенного смысла.

И дело тут, кажется, в том, что прозаическое слово не прощает произвольного, корыстного извлечения из глубины контекста, из ткани образно цельного повествования. Будучи же отстранено от дела описания и переживания и погружено в чуждую стихию лицедейства, слово прозы начинает стремительно уплощаться, что искажает саму его природу. Ибо повествователь, ожидая явления персонажей, прислушивается лишь к себе одному. Именно в себе самом, в диалогах собственных свойств он провидит и распознает и психологический образ своих персонажей, и их неделимую, последнюю суть. Распознает, подчеркнем, гораздо раньше, чем обретут они в его воображении облик физический[1].

Словом, драматург — это «слухач», внимающий разговорам других, ищущий и уловляющий своих персонажей в гомоне площади. Он слышит и запоминает «людскую молвь» как рождающуюся «здесь и сейчас». И лишь после, уже за письменным столом, «просто» записывает эти пестрые, чутко подслушанные в толпе разговоры. Записывает с тем, чтобы, создавая иллюзию жизни, вытянуть их в целеустремленную линию сценического конфликта и заставить точно так же «здесь и сейчас» звучать уже со сцены.

Тщательно различая в услышанном заготовки будущей пьесы, драматург и отбирает их как, прежде всего, реплики для сценического сочинения, где столкновения персонажей обязаны быть видимо и слышимо действенными. При этом театральный писатель неизбежно оказывается жестко ограниченным в распоряжении словесным богатством: кладя на бумагу заново озвученную «жизнь в разговорах», он оставляет втуне полную важных внутренних слов «жизнь в молчании». А потому, берясь инсценировать прозу, он, обязанный блюсти специфическую условность театра, вынужден вмешиваться в ее многомерное самодовлеющее слово, обеднять и выпрямлять его, заменяя его сложную внутреннюю метафизику пластикой, голосом и мимикой персонажей, живущих на сцене прямой физической жизнью. Драматург заставляет героев говорить и двигаться, торопясь предъявить публике — истинному носителю правды площади — подобных ей самой персонажей, и этим отличается от повествователя, который создает прикровенно живущие образы и потаенные их смыслы, требующие для своего метафизического воплощения лишь одного — соучастия развитого читательского воображения и покоя молчаливого читательского раздумья.

Романист глядит на мир из «углового окна» (если позволительно позаимствовать этот образ у Гофмана), внимает дням жизни куда более обширно и многомерно. И после, только отступив глубоко в себя, созидает новую

---

[1] Исключением здесь — Чехов, правилом — Гоголь. Облик гоголевских героев — это, прежде всего, облик не внешний, а внутренний. Это испытующие образы собственной души писателя; другое дело, что зачастую они трагичны и гротескны одновременно. Чехов же наблюдает и слушает жизнь именно как драматург, находясь в самой ее гуще и, вместе с тем, со стороны. То есть всех своих героев сначала видит и слышит и лишь потом — вместе с воссозданием всего услышанного — наделяет психологией.

действительность. Причем созидает свободно, не скованный ни «тремя единствами», ни желанием угодить «площади», поскольку, сочиняя книгу, писатель полагает в ее основу действительность не чужую, а собственную. Поэтому и разница между двумя этими языками искусства — не столько жанровая, тут разнятся философский и языковой метод познавания жизни.

Конечно, и жанровые связи, и даже сочетания таких непохожих художественных приемов, намеренно скрепляемых автором внутри одного произведения, не только возможны, но и, как обнаруживают это чеховские пьесы, плодотворны. Но невозможно другое: принуждение разных философских обычаев — обычая «напоказ» и обычая «в себе» — к грубому соединению. Или произвольное замещение одного другим. Или их своевольное и преднамеренное смешение[2].

Безусловно, роман, будучи неспешным, многоликим повествованием о разной — зачастую не равной себе жизни, тоже полон разговоров и, обойтись без них, как правило, не может. Но разговоры в романе психологически далеки от сценических диалогов: истоки их происхождения и существования глубоко различны. Разговоры романа вытканы заодно с материей долгого рассказа, они возникли в ее особенных условиях, вживлены в авторское слово и бережно скрыты от произвольного толкования. Дело романа происходит внутри книги, ведущейся как дневник души. Дело пьесы идет и играется публично и, вслед требованиям жанра, намеренно обходит долгие внутренние монологи или словесные описания чувств. Отсюда, как кажется, острота жесткого писательского убеждения Гончарова — автора «Нарушения воли», — запрещавшего переделку своих романов для постановки на сцену.

А между тем у самого Гончарова есть произведение, драматическое устройство которого жанровых сомнений почти не вызывает. Это — «Обыкновенная история», случай целостного и на редкость естественного соединения повествования с представлением. Однако последовательно сценичным является именно устроение этой книги, а не ее природа. Природа же первого гончаровского романа тонко парадоксальна, в ней странно сопрягаются созерцание, страстность и участие. Опытный, этически искушенный взгляд писателя больше глядит на сцену судьбы героев, чем переживает заодно с ними.

Особенную раздельность автора и героев роман «Обыкновенная история» обнаруживает уже в первых «петербургских» сценах. На самых же начальных, совсем недолгих «деревенских» страницах писатель и его герои еще слитны, он еще с ними. Их простые чувства, — оттененные, правда, писательской улыбкой, — удел и его душевного пребывания. Именно поэтому на самых первых страницах романа ирония так мягка и лирична в отличие от усмешливо горькой иронии многих дальнейших петербургских страниц. Объясня-

[2] Есть, правда, неповторимый опыт Островского, у которого сквозь драматургию явственно проступает одинокое размышление романиста. Но случай Островского неповторим — то есть существенен, а не формален. А потому скорее проясняет причину редкой вероятности такого совмещения, чем вопрошает о ней.

ется это, как кажется, тем, что «деревенские» страницы полны подлинного сочувствия самого писателя к героям, не затронутым покуда нравами, царящими на подмостках театра под названием «Петербург».

Но вот, покинув родовое имение и обретясь в столице, один из двух главных героев романа, Адуев-младший, словно вступает за кулисы театра. И еще не ведая ни обычая самой сцены, ни своей роли в предстоящей пьесе, становится в одночасье персонажем «все того же и вечно нового» служебно-искательного или, что все равно, праздно-досужего спектакля. Писатель же, — с сожалением предвидя таяние прежней, простодушно романтической личности героя в щедром на распределение ролей и, как порядок на сцене, жестком Петербурге, — превращается, сидя в театральных креслах обок с читателем, в искушенного зрителя грустного спектакля.

Сама четкая форма романа «Обыкновенная история» еще и потому так открыто театральна, что ирония жизни, понятая опытной душой как возможность временной передышки от трагизма жизни, демонстративно сгущена здесь и превращена в иронию повествования. Это та самая, «обыкновенная ирония» мироустройства, что постигла в свою пору и самого писателя. И теперь, исследуя ее в романе, Гончаров находит наиболее верным для человека иронию эту принять, впустить ее в свою душу, освоить и, обогатив самоиронией, сознательно приспособить к делу плодотворного созерцания жизни. И вспоминая, созерцая и блюдя «обыкновенную» историю Адуевых, Гончаров ее не столько рассказывает, сколько отстраненно *представляет* на сцене романа; сам же, памятуя о самоиронии, переживает все происходящее как зритель: со стороны и вчуже — совсем не так, как позднее будет переживать, сострадая героям, историю «обломовскую».

Впрочем, можно долго говорить о различиях «Обыкновенной истории» и «Обломова»; заметим лишь, что, кроме всего прочего, они разнятся еще и наличием или отсутствием в них признаков сценичности. Романы эти видимо и четко отличают друг от друга далеко не равные возможности превращения в театральный спектакль. И если в случае первого романа такое превращение вполне вероятно (и, как показала знаменитая постановка «Современника», — даже вполне успешно) и для повествовательного слова почти безопасно, то в случае «Обломова», наоборот, вероятность непоправимого ущерба от «инсценизации» слишком велика, а потому велико в данном случае и твердое сопротивление гончаровского слова любой попытке поставить роман на сцене.

Разнятся же эти романы, прежде всего, взглядом и положением автора внутри произведения: в одном случае отстранением от всего там происходящего, в другом же, наоборот, сокровенным присутствием. И если особый, как *исповедь*, монологизм «Обломова» без разрушительных потерь для смысла на сцене не осуществим, то, — по-своему тоже особая, но уже почти как *проповедь*, — диалогическая материя «Обыкновенной истории», наоборот, так сценична, что впору сравнить ее с безукоризненным построением пьес Островского — с их точной, последовательной чередой явлений и их совершенным слухом на диалоги именно театральные, то есть произносимые со сцены.

Ведь, в отличие от «Обломова» как скрытого романа-монолога, «Обыкновенная история» — это собрание диалогов, а вернее, один большой диа-

лог. Причем, диалог, оформленный как прием. Диалог — сколь отчетливо, как «роман воспитания», мировоззренческий, столь же и выразительно, как образцово развитая пьеса, сценичный. Надо заметить, что повествовательные подробности, — значимые для прозы как жанра, — в первом романе Гончарова максимально сняты, что является видовым признаком именно театра. Ирония же (как и самоирония писателя) явлена «напоказ», выпукло и увеличено. А самый диалог заострен наблюдательным взглядом стороннего зрителя. Все это делает роман словно предназначенным для подмостков. В сущности, «Обыкновенная история» — это классическая пьеса для двух голосов и камерного хора.

Начать с того, что сама постройка романа и обдумана и осуществлена как нарочито зеркальная. Каждому из больших, важного смысла, явлений первой части соответствует обратно знаковое отражение в части второй, причем совпадают эти отражения подчеркнуто гротескно. Кроме того, прямая, без малейших отклонений в диалектические оттенки связь внутри каждого сопряжения, каковы пары «проводы — встреча», «любовь — скука», «скука — любовь», «предвкушение — разочарование», делает роман не только структурно строгим, но и последовательно действенным именно сценически. Прямым подтверждением этого могут служить, например, два по форме и роли противоположных, по существу же содержания повторяющих друг друга разговора Петра Ивановича и Александра о превратностях любви. Безупречна и фатальная очередность предсказаний Адуева-старшего, последовательно сбывающихся в жизни Адуева-младшего.

Все эти зеркально видимые друг в друге события, являющиеся читателю-зрителю в почти непрерывных диалогах, проникнутых нарочито преувеличенной иронической печалью, созидают форму романа как *драматургическую*, а глубину его пространства — как *глубину сцены*. К тому же рефлексию о перипетиях болезненного прощания личности с культурой романтизма как источником социального поведения, — как это и положено в драматургии, — автор передает *действующим лицам* романа. При этом семантически знаковые слова достаются дяде и племяннику разные и мерой мысли неравные, но зато равно действенные и равно же плодотворные именно в соответствующих «сценических» ролях. Так, Петр Иванович получает веское первенство вездесущего протагониста, Александров же удел — постепенное претерпевание всех предсказанных дядюшкой бед и превращений. Однако амплуа выпуклы и наглядны, роли преувеличенно пластично пропитаны и насмешливой иронией, и вместе с тем горькой печалью — в вольном согласии с действенностью театра.

Такой гротескный излишек в чувствах персонажей театрален, поскольку представляет собой динамичное, хотя и недолгое соединение в общей точке трех разных проекций единой картины — взглядов Александра Адуева, Петра Адуева и самого Гончарова. Именно такие сплетения и делают обыкновенное гротескным, очерковую — «натуральной школы» — картину пространственно трехмерной, а само повествование готовым к представлению на театре.

Но не только конфликт, в его узко драматургическом понимании, определяет структурное своеобразие прозы «Обыкновенной истории». Сама

крупная пластика характеров несет на себе приметы именно театрально действенной зримости. К тому же конфликт выстроен в точном совпадении со сценическим каноном: события романа сцеплены друг с другом последовательно и логично. Предыдущее причастно следующему, и цепь событий развивается по драматургически верно устремленной линии. Причем действие движется именно в видимых поступках и слышится в диалогах, а не описывается эпически. В «Обыкновенной истории», в отличие от «Обломова», жизнь является зрителю «здесь и сейчас», — как на сцене. Сообщения же, вроде «прошло две недели» или «четыре года», — не более чем ремарки, оповещающие об условном времени играющегося спектакля.

Стремительность действия в этом спектакле воплощена в философский образ зеркально двойного (по существу бесконечно замкнутого) существования постоянных слов и повторяющихся событий. И та стремительность, с которой романное действие (а в сущности, сценическая интрига), взвиваясь и опадая, проходит путь от завязки к эпилогу, свидетельствует о превосходном драматургическом мастерстве прозаика Гончарова, не только сочинителя, но и зрителя-слушателя собственного романа.

Но театральность романа не самоцельна, она лишь отточено оформляет одно важное философское убеждение писателя — непреложное убеждение в том, что заемное (то есть несамостоятельно добытое) миропонимание заведомо обречено на культурное поражение, а намеренный отказ или отвлечение человека от «доверия к себе» обрекает его на печальный итог. Уверенный же вывод наблюдательного писательского опыта о том, что поражение это приходит быстро и терпится полно и окончательно, нашел себе в «Обыкновенной истории» сообразную пространственно-временную и темпо-ритмическую сценическую форму.

И этой мнимо скрытой в диалогическом устройстве романа особенностью героев как лиц именно *действующих* обуславливается театральный успех «Обыкновенной истории». Слово создает здесь видимое пространство, и авторы знаменитого спектакля в театре «Современник» обязаны роману уже тем, что им почти не пришлось переделывать его для сцены, то есть менять саму структуру авторского слова. Актеры вели не искусственные, специально для театра перекроенные из повествовательного слова диалоги, а произносили собственные слова персонажей, написанные автором как совершенно полноценный сценический текст. Просто «Обыкновенная история» настолько театральна сама по себе, что драматургу-инсценировщику нет нужды насиловать роман, специально высвобождая из его контекста разговорное слово. Помысленное же, как представление, такое развернутое на зрителя и освещенное рампой слово-пространство, в театре может быть вполне успешно воплощено.

Однако «Обыкновенная история» как сценически возможное целое осталась в творчестве Гончарова неповторимо одинокой. Правда, свойство (и умение) глядеть на жизнь со стороны, насмешливо и мудро сочувствуя ей из своего «зрительного зала», получил от писателя Илья Ильич Обломов. И неповторимый этот «театр Обломова» полон одинокой грусти и являет собой образ вглядывания в зрелище жизни как в театральное зрелище «для себя». Но для стороннего вмешательства этот театр непроница-

ем так же, как и весь роман «Обломов», представляющий собой отчетливо повествовательное, завершенное в себе целое. Это целое вещества полновесной прозы надежно хранит от вездесущего лицедейства свой замкнутый исповедальный смысл.

Но всякому времени свойственно искать подтверждение собственным идеям в формах иновременной культуры, что нередко оборачивается стремлением приспособить иное к своему, — стоит лишь заведомо пренебречь достоянием чужого словесного мира и, корыстно употребив идею, разрушить его целостность. Надо заметить, что в случае «Обломова» практика «приспособлений» такого рода постепенно вылилась в огромную череду инсценировок.

Предприимчивая «обществоведческая мысль» принялась укрощать и упрощать роман еще от самых начальных его времен. Пытаясь приноровить «Обломова» к сиюминутным потребностям, она легко обошла вниманием самое, пожалуй, бережное его толкование, то есть, едва ли не нарочито пренебрегая статьей А. В. Дружинина, предпочла поднять над обывателями русской жизни и словесности флаг добролюбовской «обломовщины». А раз подняв, почти никогда уже его не склоняла. А если когда и опускала, то непременно гневно и аккурат на головы тех же обывателей. И «обломовщина», выгодно позаимствованная критиком Добролюбовым у ворчуна Штольца, исправно служила свою дурную службу не только русскому общественному самосознанию и литературной мысли, но и русскому театру: ведь вездесущая эта «мысль» сочла роман «Обломов» своей, захваченной по праву добычей и настойчиво требовала от театра «переделки романа для сцены».

Прежде чем обратиться к нескольким таким инсценировкам, стоит упомянуть, что относительно времени издания романа «инсценировка» — слово позднейшее. Оно вошло в культурный обиход благозвучной маской, удобно скрадывающей как сам факт вмешательства в прозаическое сочинение, так и всякое, — в том числе и откровенно грубое, — приспосабливание «неподдающейся» прозы к языку театра.

И дело идет не о праве драматурга перелагать на язык общедоступного театра с пользой прочитанный общедоступный же роман. Дело идет об уважении к *слову* и об обязанностях перед беззащитной книгой — об этической обязанности перед литературно-философским неразъемным целым «Обломова» и перед его глубокой исповедальностью; перед его трагизмом и перед его формой, решенной как повествовательно сокровенный, а не как сценически публичный монолог. Ведь форма, вопреки мнению перелагателей, создается вслед замыслу художника, а потому становится единственно и раз навсегда возможной. Поэтому нельзя ни разделить, ни, тем более, разделать роман для приготовления ловких диалогов. Поэтому не получится без полного его разрушения нарезать из тончайшего повествовательного слова простых ремарок и броских реплик. Посмотрим, что из таких попыток выходит.

Одним из первых (1892 года) приобретений театральной истории «Обломова» была явившаяся в свет в Томске жанровая картина под названием «Утро Обломова», которую, как гласит титульный лист, «*переделал* (подчеркнем это слово. — *В. Х.*) из романа Гончарова Ин. Кузнецов-Красноярский, член Общества русских драматических писателей». Как мы видим, уже са-

мое заглавие произведения и пространное представление автора, обстоятельно наименовавшего свое дело, себя самого и свое звание, — все это так выразительно, простодушно и самодостаточно, что уже само по себе, казалось бы, свидетельствует о качестве работы драматурга. Но, несмотря на ясность совершенного глагола «переделал», хочется понять, *почему* «переделать» — удалось.

Прежде всего, о жанре. Перед нами фарс, то есть сшитые на буффонный манер препирательства хозяина со слугой, тоном и исполнением напоминающие фарсы старинные, французские. Из драматургического опыта времени, автору «переделки» более близкого, можно вспомнить самое начало гоголевской «Женитьбы». Вот и диалог в «Утре Обломова», старательно взывая к простодушному зрителю, с каждой репликой сгущается в желании его рассмешить. Оттого и смастерен этот диалог-буфф как перепалка давно надоевших друг другу клоунов, все продолжающих тузить партнера согласно предписанной роли. Все реплики тут незатейливы, простецки грубы, но — именно как реплики скоморохов — действенны.

Заметим также, что клоуны эти — двойники: то ли два белых, то ли два рыжих. Это всего лишь маски, что время от времени меняются местами. «Суета же вокруг обломовского дивана» происходит, по мысли Кузнецова-Красноярского, от замкнутого, как цирковая арена, житейского удела Ильи Обломова. Оттого-то здесь во всю мощь легких голосят мнимые недоразумения и, чем мельче тема, тем истошнее заходятся в воплях «ряженые» Илья и Захар — живые герои, превращенные в муляж. Так «переделка» берет свое, подменяя живую романную жизнь условным площадным фарсом.

Разумеется, за ненадобностью пьеса обходит и философски важную проблему «Я и Другой» — ту самую, которую Обломов мучительно разрешает на протяжении всего романа. Впрочем, проблема эта оказывается все же не в полном пренебрежении: она пригождается как фарсовая реплика, с помощью которой «инсценированный» Илья Ильич добивается очередной домашней победы над «инсценированным» Захаром. Правда, тягается Обломов с Захаром в этой «переделке» романа только потому, что нешуточный, настоящий противник, — как и водится в клоунаде, — отсутствует. Да и вся тяжба-то затеяна лишь как провокация беспроигрышной скоморошьей игры взаимных тумаков. Но грубость финальных реплик Захара-скомороха и не может быть не буффонной именно оттого, что автор отважно не ведает, что́ именно и во что́ он переделывает.

Впрочем, вскоре потребность видеть на подмостках времени такие квасные типы отошла и в обществе явилась нужда в других — более изысканных — сценических жителях.

В 1901 году А. Владиславлев, известный в театральной провинции поставщик всевозможных «переделок», подарил город Харьков «"Обломовым", пьесой в шести действиях, переделанной из романа Гончарова». Пьеса эта тоже писана борзо, тоже полна беззастенчивой клеветы на Обломова, хотя для сцены вполне приспособлена. Здесь перед зрителем вольготно раскинулся на почти уж геральдическом диване персонаж времени декадентского, в нравах нестрогого и в словах много себе позволяющего. Именно на сцене этого нехорошего и эротически взвинченного времени существует

морально раскованный и безудержно шаловливый Обломов «будуара» со своими игривым мечтами. Преподнесенный зрителю как продувная бестия, «неглиже с отвагой», щеголь и душка-гусар в рейтузах «от Гоголя», он, воображая и уносясь, витает так: «Канашки... девочки хорошенькие... Хорошо себя чувствуешь, нега... сладость. Люблю, когда мне снятся девочки. Есть что-то в женщине соблазнительно упоительное. Я, признаться, часто мечтаю о женщине. В голову лезет всякая дрянь... Хорошо. Эх, надо заниматься»...

«Бонтон» паркетного шаркуна и волокиты Ильи Ильича поддержан и смачно вторящим ему мужицки ядреным «моветоном» Захара: «Подоткнет эдак подол повыше, рукава засучит и давай фордыбачить». И здесь, также как в «Утре Обломова», пару «хозяин — слуга» играют два бродячих «певца любви» — барин — в «изящных высях», слуга — в «плотском низу». Походя же, заставив Обломова цинично потешаться над приятелем, А. Владиславлев шельмует и без того жалкого, утреннего своего визитера Пенкина. Вообще, обо всех своих приятелях «гусар Илья» мнения самого невысокого: «Так, вроде нахлебников». Это откровенное мнение «переделанного» Обломова нечаянно метко и правдиво характеризует, прежде всего, самих драмоделов: ведь авторы упомянутых (и не упомянутых, но не отличимых друг от друга, как близнецы) «переделок» — тоже «вроде нахлебников». А потому, чтобы не длить их список, завершим на этом нехитрые наблюдения над «переделками» давними. А вот об одной из «переделок», по времени к нам совсем близкой и идейно наиболее выразительной, сказать все же придется.

Киноопыт Никиты Михалкова «Несколько дней из жизни Обломова» явился публике наиболее самоуверенной попыткой «переделать» роман не только с помощью «идейного представления», но и с помощью «идеологического воображения». Думается, замысел перевести язык романа на язык грезы, чтобы после истолковать его сложное целое как сон Обломова, примечателен, конечно, не дерзкой своей свежестью: прием это давнишний и безотказный. Дело тут в находчивости самих авторов: ибо этот замысел, прежде всего, — идеологический. Яснее говоря, грубо (именно грубо) славянофильский. Каковой замысел искажает, прежде всего, философскую основу романа и бесцеремонно фальсифицирует убеждения его автора. Да и бесспорное всемогущество кино легко располагает его деятелей к вольному обращению с чужим словом, что в случае Михалкова и приводит к решению придать идеям романа звучание им не свойственное — сугубо, так сказать, славяно-росское, а персонажей сдвинуть в сторону представителей «направления» и «почвы», устроив из трагического романа идиллически цветное «синема».

Да вот только Илья Ильич Обломов — человек мысли упрямой и явно самостоятельной, не связанной ни «великолепными призраками счастья», ни, тем более, «направлениями». Но требует жертв, а «искусство направления» — тем более. И вопреки прямым словам романа о чуждости его героя любым «направлениям» экранизаторы подменяют его именно фигурой «направления». Более того, вольничая с романом, фильм изводит из него — тоже в угоду «направлению» — даже самое упоминание об Агафье Матвеевне Пшеницыной, душа которой воспета Гончаровым как воплощение любви — верного удела души обломовской.

Подобное искажение сюжета в михалковской «переделке» лишь на первый взгляд кажется извинительно неумышленной грубостью. Вглядевшись пристальней, понимаешь, что искажение это намеренное, что верховодит здесь идеология, а по-настоящему значимой приметой является творческое поведение самого перелагателя. И в этом поведении воедино сходятся упоение «почвой» и упоенное пренебрежение романом «Обломов» и его неразложимым *словом*. Философски же «переделка» Михалкова явно сомнительна и скудна, а идеологически — как очередная «славянофильская идиллия» — прямолинейна и умышленна.

По Гончарову, «...в Обломове с любовью выражается все то, что есть хорошего в русском человеке». По фильму же, дело идет не о том хорошем, что врождено любой, в числе прочих, и русской душе, а о той «особенной русской душе», что единственная только и может быть хорошей. Душа, например, Штольца, таковой, согласно Михалкову, не является, ибо мелка, своекорыстна и глупа. Символически же, обширнее дело в фильме идет все о том же «особом» русском пути. И в кичливом высокомерии такой посылки Михалков скорее наследует русскому историческому мыслителю Данилевскому, нежели его современнику писателю Гончарову.

Патриархальное «направление» фильма отнюдь не безобидно. Автор нового кинематографического «Слова» упорно не замечает автора Слова романнного. Слабодушная, манерная Ольга и карикатурный «немец» Штольц — прямой гротеск самодовлеющей деловитости, дюжинного ума и узкой души. «Истертая ветошка» Алексеев, слезливый, с умилительной народной картинки, смиренник Захар... Долгое любованье русским разнотравьем, усадебной мебелью, костюмами и сухой рябиной на банном подоконнике — все это подробности нарядного фона и красивого гербария, по рисованному полю которых прекрасным лебедем проплывает и во благом воздухе матушки-России растворяется кинообаятельный Илья Ильич Обломов — душевно безупречный и духовно возвышенный.

Но нервной и почти сакральной предстает в фильме проблема угрозы своеобычию и стати России. Такая болезненная озабоченность не может не вызвать сочувствия. Только создателям фильма следовало бы знать, что ни проблемой самого Гончарова — космополита и кругосветного путешественника, ни проблемой его глубоко нравственного философского романа она не является. И уж совсем не заботит эта проблема главного героя. Но «переделка» призвана угодить *мифу*, а потому вдохновенно беспощадна и к роману, и к его автору, и к его герою.

Повторим еще и еще: прозаическое слово романа «Обломов» без полного своего разрушения «переделке для сцены» не поддается, и, только окончательно «свалив» роман, можно составить из богатых его обломков удобный образчик «направления». Но тогда из гончаровской книги неизбежно исчезает воздух смысла и воздух душевной таинственности. Исчезает именно потому, что гнет подмостков уплощает настоящее повествовательное слово: оно теряет глубину и объем.

Богатое родовое слово романа противится нападкам чужого умысла, потому хотя бы, что роман «Обломов» задуман и осуществлен как глубокий и многомерный. Он исповедален, а не идеологичен. Внутренняя его

диалогичность потаенна, сложна и зачастую связана с одиноким высказыванием. Это роман уяснения и отстаивания душой самое себя, роман споров и роман-спор. Роман созерцания героем мира и устройства собственной души. Да, надо заметить, что душа Обломова и вправду склонна к театру, но к театру особому — театру «для себя». Умно и незлобиво такой театр устраивается Ильей Ильичем, возникая из охоты к наблюдению, воображению и раздумью.

Но этот «театр Обломова» настолько субъективен, что сам Илья Ильич как действующее лицо на реальные сценические подмостки не только не может быть выведен, но в роли персонажа, а не зрителя, — даже предположен. Во-первых, оттого, что в самой ткани прозы слишком велик «избыток» слова как такового, для театрального зрелища неподъемного. Ведь театр не живет без видимого действия, и спектакль должен быть построен как цепь сценических событий — действий и поступков, оттого он и не учитывает как праздные излишества слова повествовательные. «Обломов» же написан как исповедальный разговор автора с самим собой или душевно близким собеседником. И знаком и смыслом в этом разговоре проступает неторопливое, редкой внимательности, сокровенное слово. Такое слово не может стать репликой или превратиться в жест. Такое слово театру не дается, ибо метафизично и физической игрой актера невоплотимо. Слово романа «Обломов» самодостаточно и не нуждается в подмоге и публичности театрального упрощения. Роман Гончарова, как и сам Илья Ильич, публичности прямо избегает. Круг жизни Обломова — это хоронящееся от «других» внутреннее поле непрерывно текущих чувств и покоя размышляющего самосознания. Вполне же открывается Илья Ильич только в любви к трем людям: Ольге, Штольцу и Агафье Матвеевне.

Любая пьеса — это собрание диалогов, каждый из которых есть сценический узел, возникающий в логическом ряду других подобных же. Это основополагающий принцип динамического построения, иначе спектакль не живет. «Обломов» же — это особо сложная форма внутреннего монолога, в которую отлита отраженная в душе героя жизнь каждого его дня. И в этот монолог «диорамой» вставлены «другие» люди, уже освоенные сознанием Ильи Ильича. Туда же вживлены и разговоры с этими «другими» — неторопливые домашние разговоры запросто, всегда ведущиеся Обломовым с зоркой, но доброжелательной иронией и, что особенно важно, с потаенным чувством «доверия к себе».

Понятно, что «другие», то есть собственно персонажи обломовского «театра для самого себя», согласно жанру монолога, — не вполне самостоятельны. Более того, вне поля непреходящей рефлексии Ильи Ильича они полновесно и существовать-то не могут, ибо самим же Обломовым своеобразно толкованы (вспомним «Сон Обломова», ежедневные беседы с Захаром, утренних визитеров или разговоры с Тарантьевым), а потому не могут быть и выведены на театральные подмостки наравне с ним. Здесь нет лиц и положений, не опосредованных раздумчивой душой и, по выражению Штольца, *голубиной нежностью* Обломова. И самодостаточными персонажи романа оказываются только в мире восприятия и представления самого Ильи Ильича, то есть на подмостках его «театра» (да еще, заметим

в скобках, в памяти Штольца, который, напомним, и рассказывает автору всю эту трагическую историю). Но и сам Обломов драматургически, то есть как персонаж пьесы, — не может быть представлен на сцене хотя бы оттого, что он отдéлен, что он «сам по себе». Оттого, что жизнь протекает в его душе, а спектакль «Жизнь» идет на задумчиво им созерцаемой сцене. Потому и «события» как специфической составляющей театрального действия в этом романе-монологе не происходит: сюжет здесь движется событиями иного рода.

И пока длится это стороннее, для одного «автора-героя-зрителя» представление в «диораме» и «рамке» жизни, происходит главное: развертывается глубокий, ритмически сложного течения, внутренний сюжет доверительного путешествия вслед своему «Я». Действительное событие романа — это событие чувства, событие раздумья над «узором собственной жизни». Повторимся: событие это, как и сам герой романа, не поступательно и не активно; любой же театр, наоборот, предполагает акт, актерство, активность и неуклонное движение к развязке как итогу действия.

Роман «Обломов», то есть рассказанная Штольцем история его друга, сложен именно повествовательно как вдумчиво аналитическое воспоминание о человеке незамысловатой жизни, но сложной, едва ли не загадочной внутренней судьбы. Здесь живут лицо и выражение (образ), а не играют актерская личина и мимика (маска).

Однако книгой Гончарова восхищается не только читатель. Этим изобилием ценнейшей русской прозы давно соблазняется и скорый на руку театр. Проворному лицедею представляется, что изобилие дешево сулит успешную «переделку» обломовской истории в историю «обыкновенную». Но Гончаров в «Обломове» прибегнул к гораздо более глубокой, чем повседневная, прозрачной видимости души и большей, чем четкая графика «натуральной школы», густой живописи исповеди, а потому роман сулит театру поражение. Притом поражение гласное и прилюдное.

Напомним, что решающий жанровый акцент своего романа Гончаров устанавливает последней фразой: «И он <Штольц> рассказал ему <литературу>, что здесь написано». И этот рассказ Штольца, поначалу простой и наставнически ясный, вскоре осложняется растерянностью перед тяготами понимания знакомой души Обломова, перед трудом признать этой души сложность. Так сквозь насмешливо эпическую безучастность первых страниц постепенно проникает в роман тревожность исповеди.

Именно благодаря такому постепенному проникновению на глубину души героя роман «Обломов» решительно противится любой инсценировке, ибо в нем сняты все обязательные в драматургии «здесь и сейчас», то есть первейшие и необходимые признаки всякого «сочинения для театра». Царящее здесь умное и ладно выверенное русское повествовательное слово — это припоминание уже закончившегося пути, уже иссякшего течения. То есть важным оказывается не сиюминутность, не произносимое слово, а слово написанное, медленно выросшее и богатое оттенками не одного только смысла, но, прежде всего, языка. Слово-бытие, ядро которого составляют испытующие воспоминания рассказчика, неторопливо текущие по путям понимания другой души.

Театр всегда остается представлением, даже если это «театр переживания». Роман «Обломов» — это не театр. Это переживание человека думающего в одиночестве: необыденное переживание возникающего слова и муки автора, это слово создающего. Воспоминание Штольца об Обломове «записано» Гончаровым ради осмысления души в слове и повествовании, а не в жесте и представлении. То есть, согласно грамматике штольцева припоминания, это совершенное, «давно прошедшее», отговорившее время, драматично и пытливо исследуемое не только умом и сердцем, но богатым словом рассказчика. Инсценировка же, как следует из обычая и логики театра как вида искусства, — это время настоящее, вершащееся как прилюдное зрелище «здесь и сейчас». Это одна из многих причин, почему гончаровский роман и театральная сцена существуют не только в разных словесных пространствах, но и в разных философско-грамматических временах. А если и могут быть где-то сближены, то только в одном театре: театре Обломова «для самого себя».

Памяти Василия Аксенова (1932 – 2009)

Евгений ЕРМОЛИН

МЕЧТАТЕЛЬ НА СЛУЖБЕ И В ОТСТАВКЕ

Ушел Аксенов. Ушла легенда. Человек-миф. Человек-праздник. А кому-то — предок и пращур. Сказал же Евгений Попов, архивировав гоголевскую шинель, что *все мы вышли из джинсовой куртки Аксенова*. Легендарный пафос улавливается и в сказанном актером-нонконформистом Алексеем Девотченко: *Умер великий писатель Василий Аксенов. Никогда не забуду его голос, ведущий цикл передач «Смена столиц» на «Голосе Америки» в начале 80-х... Вообще, когда уходит такая Личность, во всем цивилизованном мире объявляют национальный траур. Но только не у нас. Бог им судья. В душе каждого русского интеллигента этот траур и скорбь будут все равно...*

Аксенов родился 20 августа 1932 года в Казани. *Я родился на улице тишайшей, что Комлевой звалась в честь местного большевика, застреленного бунтующим чехословаком*, — писал он. Он был третьим, младшим ребенком в семье и единственным общим ребенком родителей. Отец, Павел Васильевич, был председателем казанского горсовета. Мать, Евгения Семеновна Гинзбург, работала преподавателем марксизма-ленинизма в педагогическом институте, затем — заведующей отделом культуры газеты «Красная Татария». В 1937-м оба родителя (сначала мать, а вскоре и отец) были арестованы и осуждены. Старших детей забрали родственники, а Вася был принудительно отправлен в детский дом для детей заключенных (его бабушкам не разрешили оставить ребенка у себя). В 1938 году дяде Аксенова удалось разыскать мальчика в детдоме в Костроме. Вася жил в доме у родственницы по отцу до 1948 года, пока его мать, вышедшая в 1947 году из лагеря и находившаяся в ссылке в Магадане, не добилась разрешения на приезд сына к ней на Колыму.

«Иди-ка в медицинский: в лагере врачи лучше выживают», — напутствовали его родители. В 1956 году Аксенов окончил 1-й Ленинградский медицинский институт им. И. П. Павлова. В 1956–1960 годах работал врачом на Крайнем Севере, в Карелии, в ленинградском морском торговом порту, в туберкулезной больнице в Москве.

Первые рассказы Аксенова «Факелы и дороги» и «Полторы врачебных единицы» были напечатаны в 1958 году в журнале «Юность». В 1960 году там же выходит повесть о врачах «Коллеги». В связи с «Коллегами» впервые появилось выражение «шестидесятники», которое стало обозначением поколения и эпохи. Первым это выражение употребил С. Рассадин. После романа «Звездный билет», который вышел в той же «Юности» в 1961 году, Аксенов стал признанным лидером «молодежной прозы» шестидесятых. Он

активно печатался: вышли повести «Апельсины из Марокко» (1963), «Пора, мой друг, пора» (1964), «Затоваренная бочкотара» (1968), рассказы «Местный хулиган Абрамашвили» (1963), «Товарищ красивый Фуражкин» (1963), «Жаль, что вас не было с нами» (1965), «Рандеву» (1968) и др. К произведениям этого периода относятся *повесть с отступлениями и соло для кларнета* «Стальная Птица» (рукопись 1965), юмористическая *повесть с преувеличениями и воспоминаниями* «Золотая наша Железка» (рукопись 1973), поставленная в 1965 году на сцене театра-студии «Современник» фантастико-сатирическая пьеса «Всегда в продаже». В 1972 году в «Новом мире» была опубликована повесть «Поиски жанра». Последними книгами писателя, напечатанными в СССР, были фантастический роман-пародия на шпионский боевик «Джин Грин — неприкасаемый» (1972), написанный в соавторстве с О. Горчаковым и Г. Поженяном под общим псевдонимом Гривадий Горпожакс, а также приключенческая дилогия для детей «Мой дедушка — памятник» (1970) и «Сундучок, в котором что-то стучит» (1972). В 1975 году был написан роман «Ожог», а в 1979 году — «Остров Крым» — оба, запрещенные цензурой.

В 1979 году Аксенов стал душой бесцензурного альманаха «Метрополь», вокруг которого разгорелся политический скандал. Выход «Метрополя» стал поводом для резких нападок на писателя со стороны властей, усмотревших в нем попытку вывести литературу из-под их контроля[1]. В декабре 1979 года

---

[1] Из статьи в «Лексиконе русской литературы» В. Казака с правкой Е. Попова: *МЕТРОПОЛЬ, лит. альм., Москва, 1979. Составители — В. Аксенов, А. Битов, Виктор Ерофеев, Ф. Искандер и Е. Попов — предложили СП СССР напечатать этот альм. без вмешательства цензуры. Когда предложение было отклонено и намеченная 23.1.1979 в одном из моск. кафе презентация не состоялась под давлением властей, изготовленный в 8-ми (легкая ошибка — 12-ти. — Е. П.) экз. альм. передали в САМИЗДАТ. Фотомеханическое репринтное изд. было выпущено изд-вом «Ардис», г. Анн Арбор, США (763 стр.). Альм., его составители и авторы подверглись резкой критике со стороны ведущих представителей СП, последовал ряд ограничительных мер, запрет публикаций, исключение из СП. <...> 23 советских писателя (плюс американец Джон Апдайк, а также 3 художника — Д. Боровский, в те времена главный художник Театра на Таганке, А. Брусиловский и Б. Мессерер. — Е. П.) представили в альманах свои тексты, в осн. такие, которые уже раньше напрасно предлагались для публикации многим изд-вам. К наиболее известным авторам М. принадлежат В. Аксенов (нереалистическая драма), Юз Алешковский (три лагерные песни), Б. Ахмадулина (сюрреалистическая проза), А. Битов (четыре прозаических текста, не публиковавшихся с 1970–1971), А. Вознесенский (несколько стихотворений, уже публиковавшихся в СССР), («ТЬМАТЬ-МАТЬМАТЬ» не публиковалась. — Е. П.), В. Высоцкий (25 страниц стихов и текстов песен), Ф. Горенштейн (большая повесть), Ф. Искандер (две очень удачные сатиры), С. Липкин и его жена И. Лиснянская (несколько стихотворений), Евгений Попов (столь же короткие, сколь емкие трагикомические рассказы из сов. быта), Е. Рейн (22 стихотворения, свидетельствующие о его интересе к рус. истории, к религии), М. Розовский (поэтически-философские размышления), Генрих Сапгир (11 стихотворений, убеждающих в его мастерском владении формой). Физик В. Тростников представлен текстом, отражающим метафизическую неудовлетворенность*

Аксенов заявил о выходе из Союза писателей СССР. В июле 1980-го он выехал в США, где узнал о лишении его и его жены Майи Кармен советского гражданства.

Аксенов поселился в Джорджтауне возле Вашингтона. С 1981 года он профессор русской литературы в Институте Кеннана (1981–1982), университете Дж. Вашингтона (1982–1983), Гаучерском университете (1983–1988), Университете имени Джорджа Мейсона (1988–2009). Преподавал русскую литературу, в течение долгих лет вел семинар «Современный роман — упругость жанра», а затем курс «Два столетия русского романа». В эмиграции Аксенов стал билингвистическим автором: роман «Желток яйца» (1989) был написан по-английски, а затем переведен автором на русский. В двух произведениях Аксенова об Америке — «Круглые сутки нон-стоп» (1976) и «В поисках грустного беби» (1987) — выражено двойное видение Америки: после двухмесячной поездки и после переезда на постоянное жительство. В США вышли написанные Аксеновым в России романы «Золотая наша Железка» (1980), «Ожог» (1980), «Остров Крым» (1981), сборник рассказов «Право на остров» (1981). Также Аксеновым были написаны и изданы романы «Бумажный пейзаж» (1982), «Скажи изюм» (1985). В 1980–1991 годах Аксенов сотрудничал с «Голосом Америки» и с «Радио Свобода». Его радиоочерки опубликованы в сборнике «Десятилетие клеветы» (2004).

Впервые после перерыва Аксенов посетил СССР в 1989 году по приглашению американского посла Р. Мэтлока. Выступая в 1989 году в его резиденции Спасо-Хаус в Москве, Аксенов так объяснил влияние эмиграции на творческую судьбу писателя: «Ты сам являешься носителем того, что необходимо для литературы: пограничной ситуации». С конца восьмидесятых книги Аксенова снова издаются, в 1990 году ему возвращено советское гражданство и, начиная с девяностых, он часто и подолгу бывает в России. В 1993 году, во время разгона Верховного Совета, писатель солидаризировался с литераторами, подписавшими письмо в поддержку Б. Ельцина: «Этих сволочей надо было стрелять. Если бы я был в Москве, то тоже подписал бы это письмо в "Известиях"».

В 1992 году Аксенов завершил работу над трехтомным романом «Московская сага». В 1995-м вышел сборник рассказов «Негатив положительного героя», в 1996 — роман «Новый сладостный стиль», в 2000 — роман «Кесарево свечение».

В 2000 году Аксенов поддержал военную кампанию России в Чечне, по итогам конгресса ПЕН-клуба полемизируя с Г. Грассом: «Это, может быть, первая справедливая война России за истекшие 40 лет. Я решительно отмежевываюсь от резолюции. Она представляет Россию как агрессивную

интеллигенции 70-х гг. Альм. не обнаруживает критики сов. системы, которая могла бы послужить поводом для его запрещения. Правда, в формальном отношении он представляет собой прорыв за рамки того, что было принято в СССР, отчасти благодаря религиозной настроенности, отчасти из-за своего предисловия, где отмечается «муторная инерция», которая существует в журн. и ред., а в качестве противовеса предлагается «внекомплектная лит-ра».

колониальную силу в этом конфликте, и, с моей точки зрения, это очень односторонний подход». В 2003 году он открыто поддержал М. Ходорковского после его ареста.

В последнее время писатель жил в Биаррице и в Москве. В 2004 году он опубликовал роман «Вольтерьянцы и вольтерьянки», за который был удостоен русской Букеровской премии. В 2005 году — книга воспоминаний «Зеница ока», в 2006-м — роман «Москва Ква-Ква», в 2007-м — роман «Редкие земли». Начат роман «Таинственная страсть».

15 января 2008 года в Москве Аксенов внезапно почувствовал себя плохо, был госпитализирован. 6 июля 2009 года после продолжительной болезни он скончался в Москве, в НИИ им. Склифосовского. Писатель похоронен на Ваганьковском кладбище[2].

Есть писатели, которые представляют себя почти исключительно своими текстами. Их затекстовая жизнь или неизвестна, или неинтересна. Аксенов не таков. Его жизнь и его тексты срослись в неразделимое целое. У него интересные тексты. У него интересная жизнь. И неизвестно, что было интереснее и важнее для современников. (Характерно, что, провожая Аксенова, не раз вспоминали как родину именно его куртку, которая вообще-то есть прежде всего признак жизненного стиля, а не художественный образ из аксеновской прозы.) О нем много сказано — хорошего и плохого. Эта статья — попытка неокончательного резюме, в котором главное из уже сказанного хотелось бы учесть, а что-то оспорить.

Аксенов приходит в литературу как апостол свободы. Как живое знамение освобождения, раскрепощения советского человека, выходящего из рабства, из потемок сталинского каземата-барака, из вонючих недр казармы, на вольный простор бытия. Он представляет огромную генерацию шестидесятников, которые так или иначе подымали знамя свободы. Аксенов делает это в своей прозе и в своей жизни.

Герой его ранней прозы — свободный человек. Он живет легко и просто. Он честен и красив. Он молод, и это важно, потому что у него мало рабского опыта или нет вовсе. Он романтический оптимист и даже счастлив именно потому, что живет без приказа и без подсказки, сам. Он не приемлет насилия и диктата жесткой нормы. Он подтрунивает над теми, кто живет по-старинке, и иронизирует над ними.

Аксенов дарит героям свободный, непринужденный образ жизни. Это жизнь экспромтом. Без ходулей. Джаз как манера жить.

И слово самого писателя дышит свободой. Свежее, упругое, яркое слово. Перечитывать его прозу часто — и сегодня наслаждение. В его мире легко дышится.

Спросим себя теперь: что такое эта свобода? Свобода для чего? И ответим: прежде всего — для праздничной импровизации. Свобода влюбляться, ссориться, мириться. Не знать корысти. Свобода путешествовать. Летать в горы, к морю. Наматывать на колесо километры дорог, сидеть в кафешках и ресторанах, пижонить и стиляжничать, танцевать, музицировать, болтать обо

[2] По материалам интернета.

всем на свете, пить и петь, носить не то, что носит и пьет чиновник или колхозник, говорить без обиняков и писать правду, спонтанно делать добрые дела и сумасбродствовать, отдаваясь богемным похождениям... Свобода жить не вполне всерьез или вполне невсерьез.

Мечту о такой свободе и выразил Аксенов в своей ранней прозе. Ею он щедро наделяет героев, ее он упорно внедряет в жизнь, гнет эту жизнь по-своему, под свое, новое качество. Муза молодого Аксенова — не трезвая, суровая реалистка, а розовая, нежная мечтательница. Но мечта, казалось, становилась явью. Этим своим простым и милым, невероятно обаятельным, особенно с непривычки, жизненным стилем Аксенов эстетически впечатлил и заразил едва ли не целое поколение читающих молодых людей начала шестидесятых годов.

Он и сам так жил, как его герои и как его читатели. Сокращение и даже упразднение дистанции между автором, героем и читателем — это честная литературная политика; так тогда думалось. (Теперь-то это скорее лыко в строку: *Ребята были и впрямь славные: лабали джаз, бухали мартини, клеили телок, зачитывались Аксеновым и корешились с ним же*, — саркастически замечает не то умудренный, не то развращенный опытом В. Топоров.)

Впоследствии, в девяностых, отдаленный преемник стиля Аксенова молодой Вяч. Курицын с присущим ему инфантильным цинизмом писал: *Что такое Аксенов? Коллекция лейблов. «Арми Ю-Эс-Эй», виски «Вайт Лошадь», сигареты «Голуаз»...*

Как-то в начале перестройки один литкритик жаловался: ну, что, ну появились в киоске сигареты «Голуаз», я их тут же купил, потому что у Аксенова все курят «Голуаз», а это оказалась дрянь без фильтра, горлодер...

Литкритик не допустил, что «Голуаз» бывает разный. Лет через десять (вру, меньше, но пусть через десять) я рассказал эту историю на одной конференции, присовокупив, что не знаю, в каких именно сочинениях Аксенова употребляется «Голуаз»; присутствовавший Аксенов тут же заявил: «Ни в каких», — обманул, думаю. Потому что у Аксенова упоминаются марки всех на свете сигарет, виски, автомобилей, зажигалок...[3]

Почему такая мура получилась с шестидесятниками? Потому что перепутали свободу носить «Вранглер» со свободой говорить типа правду и верить в социализм с человеческим лицом. Они, свободы, в общем, сочетаемы, и даже одна без другой никуда, но в риторическом пространстве первая полностью подменялась второй, и как-то так получилось, что дискурс шестидесятничества до сих пор пытаются выдать за «пир духа», оставляя в скобках, что биография лидеров поколения легче считывается как крестовый поход за деньгами, властью и ранним маразмом. С цитатой из Окуджавы на красном знамени.

А Аксенов своего интереса не отрицал: шмотки, лейбл, красивая жизнь. Красивые слова (в «Золотой моей железке» все герои носят отчество Апполонович). Это все не мешает пронзительному чувству: от трогательных

---

[3] А кстати: *Хотите попробовать французскую сигарету?.. Кто откажется от французской сигареты! На пачке нарисован петух и написано «Голуаз бле»* («Звездный билет»).

рассказов в «На полпути к Луне» до трагического «Ожога» и, очевидно, дальше. Но в этом есть и умный цинизм врача: в рассказике «Товарищ красивый Фуражкин», написанном при такой густой соввласти, что ложка стояла, частнособственническому хищническому инстинкту спет настоящий гимн.

Так что, Аксенову ура! Хотя бы за то, что он, просочившись через медные трубы, не стал маразматиком.

Выходит, что Аксенов обнажил тайные пружины активности своего поколения, рассуждавшего об идеалах, а мечтавшего обогатиться и жить красиво? М-м-да. По себе, ребята, судим!

Однако этот дым не совсем без огня. Не знаю, здоровилось ли нашему автору от этаких похвал, но что-то тут схвачено. Понять бы — что.

Литературная фронда журнала «Юность» катаевско-полевых времен, публиковавшего Аксенова, противопоставила тяжелой, заскорузлой советской серости блеск и легкость нового жизненного стиля. Это, как уже сказано, тинэйджеровский, щенячий стиль-экспромт, стиль-игра, стиль-праздник.

И этим она резко отличается от другой, гораздо более серьезной шестидесятнической фронды, штабом которой был «Новый мир» Твардовского. Здесь размышляли о прошлом и настоящем, извлекали уроки, ковали идеи, давали наставления... Вопреки одаренному шалунишке Курицыну и его беспамятным единомышленникам (которых и сейчас пруд пруди), новомирская оппозиция — не просто фальшивая риторика об идеалах и ценностях. Это настоящие труд мысли и поиск смысла, обремененные и спровоцированные углубляющимся разочарованием в советском идеализме, это поиск духовных альтернатив в сопряжении с религиозными ценностями, мировой и русской культурной традицией, идеалами служения и долга, христианской любви и гуманизма... В общем и целом это по-разному акцентируемая авторами «Нового мира» гуманистическая антитеза жестокому и бесчеловечному советскому праксису.

Да, шестидесятничество «Нового мира» и «Юности» — одна культурная волна. Это отечественный инвариант контркультуры, самого мощного общемирового духовного поветрия второй половины XX века; движения, отвергавшего лицемерие и ложь, насилие и жестокость, поднявшего на свои пестрые знамена слова «искренность», «естественность», «свобода». Но движение это, развернувшись очень широко и часто победоносно, дробится и на Западе, и у нас на самые разные потоки и направления как в искусстве, так и в жизни. И там, где для одних достаточно необычного прикида, другие ищут нового состояния сознания, новых способов мироустройства, новых идей (которые нередко оказываются вечными). От сексуальной революции до Иисус-революции, от Хейт-Эшбери до Парижа весной 1968-го, может быть, не так уж и далеко. Но есть одна очевидная грань, которая важна для осмысления путей человека контркультуры. Либо ты в итоге абсолютизируешь «естественность» и практикуешь ее — либо выходишь на рубежи духовного роста...

В пределах одной и той же культурной волны, одной генерации в литературе созревали, таким образом, самые разные возможности. И когда я перечитывал сейчас Аксенова шестидесятых, то невольно ставил его рядом не только с ближайшими фигурами из «Юности» (Кузнецов, Гладилин), не только с наиболее близкими ему Вен. Ерофеевым и Лимоновым, — но и с

Домбровским и Шаламовым, Солженицыным и Владимовым, Гроссманом и Искандером, Беловым и Абрамовым... (Это — если ограничиться прозаиками.) И теперь заметно, как невесомо легок мечтательно-прекрасный мир Аксенова в сравнении... ну хоть с владимовскими трагедийными «Большой рудой» и «Тремя минутами молчания».

Но нет никаких оснований, как теперь иногда это делается (совсем недавно — С. Беляковым), жестко противопоставлять Аксенова явным оппозиционерам-диссидентам и наделять его прозу и его миросозерцание признаками советскости. Элементы нормативности, которые теперь находят то в эстетике Аксенова, то, к примеру, у Солженицына, вовсе не однозначно свидетельствуют об их зависимости именно от соцреализма с его доминантой — густым и внятным идеологическим ароматом. Это скорее связывает нашего автора с гораздо более общей и давней традицией нормативной эстетики.

Может быть, отчасти и правильно сказать, что повесть «Коллеги» написана по канонам соцреализма, — там есть четко названные добро и зло, есть положительный герой и победа прогрессивных сил. Но герой Аксенова обладает потенцией свободного выбора, он не социальный агент, не идеологический фантом; его воля к добру — это его внутренний, душевный настрой, выбранная позиция, а не результат идеологической инфильтрации. Она не производна от советского идеологического проекта. Где ж тогда ваш пресловутый и приснопамятный соцреализм?

Аксенов — идеалист, да. Но его идеализм чужд распределительно-нормативной практике советского общества и соответствующей ей идеологии. Это идеализм изобилия возможностей, сил и средств, путей и решений. Аксенов — на службе именно такой мечты.

Может быть, он и был не против какого-то там грядущего идеально-мечтательного коммунизма, но в реальной советской жизни (в том числе литературной) его отталкивали террор и насилие, контроль и цензура, мобилизация и подчинение, атмосфера страха, доносительства. С этим он не мог смириться, литературный бунтарь-одиночка. И этим он нам дорог.

Нужно понимать, что бунт Аксенова и его героев — это бунт не столько религиозный, политический, этический, сколько эстетический. Аксенова подташнивало от уродства и серости советской культуры. И его реакции на нее — неизменно критические и чем дальше, тем более сатирические. Его оружие против нее — стиль жизни, нарядный, яркий, веселый, лишенный иерархичности и субординации.

Будьте реалистами — требуйте невозможного. *Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме.* Может быть, в какой-то момент Аксенову и казалось, что именно на Русской равнине порадуют самым щедрым плодоношением ростки свободы[4]. Тем более что, возможно, хотелось заблуждаться относительно мировой значимости неудачно нача-

[4] Непримиримая к признакам советизма В. Новодворская отмечает: *Василий Аксенов начинал с того, что носил передачи матери, Евгении Гинзбург, в магаданскую тюрьму. Потом были довольно пустые просоветские романы «Коллеги» и «Звездный билет». Последний роман был особенно возмутителен. Там*

того советского пути, значимости своей страны, ее литературы, а, значит, и себя в мировом художественном ландшафте. Но пока действительность не оправдывала этих надежд, чаемую свободу праздничного жизненного стиля Аксенов находил на Западе (где ж еще?) через посредничество взятых в аспекте непринужденного стиля жизни Хемингуэя и Ремарка, через Сэлинджера и битников... И непосредственно. Очень верно кем-то сказано: *Все крутые маршруты Аксенова вели именно на Запад.*

И Запад его в целом не обманул (хотя впоследствии принял на весьма скромные роли). Как не обманывает он и нас в дни и недели праздного отпускного житья, проведенного где-нибудь в Париже или в Риме... Да что я! И *по своей сути* Запад, конечно, был и остается землей свободы, отечеством прав человека. (Хотя тогда точнее говорить о христианско-гуманистической цивилизации в целом, к которой, безусловно, принадлежит, пусть с ордынскими оговорками, историческая Россия.)

Позднее скажут, что Аксенов сознавал себя апологетом культурной конвергенции. Как это просто выражено у С. Белякова: *Главная идея тогдашнего Аксенова — можно быть советским человеком и слушать джаз,стричься «по-канадски», носить брюки-дудочки по тогдашней «западной» моде и даже рубашку «с умопомрачительным загадочным знаком над левым нагрудным карманом "SW-007"».*

Герои раннего Аксенова, все эти геологи, строители, моряки, рабочие порта, рыбаки, врачи участвуют в социалистическом соревновании, читают западных, но разрешенных в СССР Ремарка и Хемингуэя, сочувствуют Фиделю Кастро и спорят о коммунизме:

— Люди будущего?.. Ребята, мы с вами люди коммунизма.

Или, как писал А. Жолковский о гибридизации советского с западным в герое Аксенова: *реабилитация западного индивидуализма, сочетание российского благородства с западным консумеризмом...*

Можно галстук носить очень яркий и быть в шахте героем труда... Но не будем упрощать. Заметим сразу: советское взято у молодого Аксенова вовсе не как реальность, а как благая идея и как светлая мечта о честной и чистой жизни, где все друг друга любят и балуют, нежат и греют, в то время как Запад Аксенов брал по той касательной, которая избегала серьезных религиозных, философских, социальных, политических проблем и вопросов. Возможно, ему казалось, что такая серьезность как тип сознания скомпрометировала себя угрюмым опытом тоталитарной дидактики.

Бездумна молодость, но возможна ли зрелость без дум? Это чувствовал и сам Аксенов; ему не откажешь в тонкости интуиции. Отсюда метаморфозы его темы, его героя и его стиля, которые плавно уводили писателя от

один герой (отрицательный персонаж) допытывается, почему в стране ничего нет: ни куска мяса, ни пары джинсов. А положительный герой отвечает, что это плата за звездный билет в эпоху. Почти что «зато мы делаем ракеты». Да, как-то непривычно у Аксенова встречать готовность к временной жертве ради будущего. Но все дело в том, что его будущее, как ему тогда казалось, уже наступает. Оно уже пришло. Чудо рядом, как загадочная, неуловимая и вполне, тем не менее, реальная стюардесса Таня из рассказа «На полпути к луне».

его поклонников и свидетельствуют о присутствии на горизонте его сознания трудных вопросов, о тупиках в поиске себя и своего слова. Отсюда ирония, находившая себе новую пищу и быстро распространившаяся на образ главного «положительного» героя (скажем, уже в рассказе «Рандеву», где щедрый и отзывчивый, гениальный по заявке герой в реальности тратит себя на пустяки, не умея сконцентрироваться для значительного творческого поступка, а только декларируя готовность к нему).

Менялось время. Жизнь и литература сначала ждали, а потом и требовали других слов и жестов. И дождались. Хотя многое случилось противоречиво и отчасти невпопад.

В литературе это вело вот к чему. Жизнь как момент праздника, мечта как родная дочка меняющейся реальности трансформировались в глобальную утопию жизни-карнавала. Иными словами, в разрывающую все связи с реальностью утопию тотального свойства о мире спонтанно-анархического характера, где все противоречия и проблемы чудесным образом получают полное гармоническое разрешение и торжествует Хороший человек на обновленной земле.

Карнавальность у Аксенова стала несколько болезненным воспалением его юношеской мечтательности, усугубив мир мечты, гиперболизировав его и, с другой стороны, постепенно превратив его во вполне параллельную реальность, абсолютно чуждую здешней действительности. Имеющейся же действительности нередко доставались теперь лишь сатирические и саркастические краски.

Этот утопический образ светлой, гармонической, свободно-анархической и в то же время солидарно-бесконфликтной социальности наиболее последовательно воплощен в *повести с преувеличениями и сновидениями* «Затоваренная бочкотара». Там чисто художественными средствами создан, если хотите, абсолютно непрактичный, чудесный, никак иначе не воплотимый аксеновский вариант социализма с человеческим лицом, о котором в то время спорили на московских кухнях, резонируя на *пражскую весну*.

На грузовике с бочкотарой герои отправляются в путь, имея в виду сугубо практические задачи и цели. Но маршрут их странствия оказывается причудливо-непредсказуемым и неожиданно уводит их в русские дали, а заодно и возвращает каждого из них к чему-то важному, насущно-человеческому, что дремало в рутине будней, а теперь проснулось. Странствие, вырывая персонажей из прозы обычного быта, приобщает их к подлинной человечности. Точнее, достает из них, из их душ, это вещество человечности, энергию братства. Даже доносчику Моченкину не отказано в праве стать братом (*Усе мои заявления и доносы прошу вернуть взад*).

Романтизированный фантазм противостоит скучному и строгому миру, в котором нет места свободе. Бочкотара, в сотах которой обитают, как некие новые Диогены, и путешествуют по миру в кузове грузовика персонажи, оказывается синонимом и заменой коммунизма. Ну, или Царства Божия. Альтернатива *нашему паровозу, бронепоезду* и прочим идеологическим аллегориям железнодорожного характера.

Экспресс ушел, и свист его замер в небытии, в несуществующем пространстве, а мы остались на жарком и вонючем перроне. Поезд канул в нети, увозя

странного персонажа, которого каждый из героев повести воспринимает как своего главного антагониста. А героям этим остается милая сердцу бочкотара, которая бережет, а не тиранит, нежит, а не бьет. Вот даже когда машина перевернулась, герои в бочкотаре остались живехонькими-здоровехонькими.

Нездешность — говорит о сказочном мире «Бочкотары» В. Новодворская. Ну да, как-то так.

И еще: бочкотара — почти живое существо. Она одушевлена жизнями тех, кого приютила на время дороги. Она дышит, страдает, болеет, расцветает и увядает. Она томится без любви.

В повести все дышит любовью.

Шустиков Глеб влюблен в Ирину Валентиновну.

Старик Моченкин не может жить без кляуз.

Володя Телескопов не может жить без продавщицы Серафимы.

Дрожжинин любит неведомую Халигалию.

У каждого есть что любить. (Л. Кройчик.)

Писатель непринужденно теряет грань между реальностью и снами, выращивая в наличный факт сон о том, как *в далеких морях на луговом острове ждет Бочкотару в росной траве Хороший Человек, веселый и спокойный.* Впрочем, до конца он этот процесс не доводит. Да и как его довести до конца? В мире аксеновской «Бочкотары» едва ли не в последний раз окончательно и бесповоротно умирает зло и уродство. В героях проснулась человечность, — но каковы последствия этого не в условной реальности повести, а в реальной советской действительности 1968 года? Возможно, Аксенов очень хотел верить, что рассказанное им имеет степень вероятности и может заразить мир, как удалось заразительно предъявить реальности начала шестидесятых описанный выше стиль жизни. Но едва ли писатель слишком долго заблуждался на сей счет. Здесь и теперь никому оказалась не нужна эта ваша бочкотара, ее отказываются принять: — *Затоварилась, говорят, зацвела желтым цветком, затарилась, говорят, затюрилась! Забраковали бюрократы проклятые! — высоким, рыдающим голосом кричал Володя...*

Вещь эта оказалась неубедительна по итогу и с какого-то места уже скучновата, как любая утопия. В литературе XX века искренние утопии почти невероятны[5]. Но едва ли правы те, кто определяют повесть как антиутопию. Она чужда критицизму и дышит последней надеждой.

Гораздо более горькая синхронная рифма к «Бочкотаре» — «Москва-Петушки» Ерофеева. У Ерофеева в итоге становится страшно. У Аксенова же финал овеян нежной лаской.

Если в «Бочкотаре» еще могли быть какие-то неопределенные надежды на таинственное родство вымысла и жизни, на взаимообмен энергий, то

---

[5] Недоброжелательно настроенный к Аксенову В. Куклин решил даже, что повесть — сатирическая: *спесивый выпад горожанина на скотский образ жизни колхозников, едущих в кузове грузовика по разбитым дорогам искренне презираемой автором Родины.<...> Сны живого груза в кузове машины (ни одного яркого персонажа, ни одного узнаваемого лица) походили на пародии снов Веры Павловны из романа Н. Чернышевского. И над всем убожеством нависали серые тучи. И злая ирония автора к тем, кого автору, как сыну настоящей революционерки, следовало любить.* Эта оценка скорее казус, конечно.

далее с этим будет туго. (Разве что финал «Поисков жанра» представит еще некую райскую Долину, в которую попадает главный герой со товарищи, — но происходит это вроде как уже после их гибели.) Однако Аксенов и дальше будет практиковать обращение к откровенно фантастическому вымыслу — уже по разным надобностям, но в основном как замену обманувшей мечте, а в принципиальном «Острове Крыме» опять-таки ради репрезентации утопического проекта.

И карнавальность останется с Аксеновым до конца. Куда ж без нее отставному мечтателю? По наблюдению П. Басинского, *все «фирменные» вещи Аксенова,начиная с «Затоваренной бочкотары» (1968)— «Ожог»,«Остров Крым», «Золотая наша железка», «Скажи изюм», «Сладостный новый стиль», «Кесарево свечение» — и заканчивая его последним романом «Редкие земли» — все это и в самом деле какой-то непрестанный карнавал. Смена лиц, масок, положений, самых неожиданных сюжетных поворотов. Не составляет исключения и его историческая эпопея «Московская сага», если судить не по телесериалу, а по реальному роману, оглушительно карнавальному. Даже лагерные сцены воспринимаются в нем как смена героями масок и костюмов: просто генерал из мундира переодевается в ватник, а затем — наоборот. Самый реальный из исторических персонажей, Иосиф Сталин, в конце романа по-кафкиански превращается... в жука. Аксенов обожает играть своими героями: любимые или нелюбимые — все они немного «петрушки» в его ловких артистических руках.*

От наличной реальности писатель в своих виртуозно-разболтанных вещах с конца шестидесятых часто и охотно уходит в некие игровые параллельные миры, существующие лишь за счет его воображения, скрещивает эти миры с реальностью. Зачем? Для чего? Уже и не всегда поймешь. К чему, например, герой романа «Ожог» распадается на пять инкарнаций? ...Наверное, чтоб нескучно было жить. Ну — или для полноты характеристики московского общества.

Однако в принципе «Ожог» — весьма ответственное сочинение Аксенова. О нем хорошо писал Ж. Нива. Позволю себе большую цитату.

Аксенов предстает здесь изощренно сложным творцом, почти маньеристом: композиция этого произведения — намеренно пародийная, раздробленная, слегка сумасшедшая. Саксофонное соло, как брызги лиризма, расплывается по ткани романа. Все плавает в какой-то пьяной неразберихе: щедрые хвалы воздаются московскому ритуалу, согласно которому первую бутылку надо распивать втроем. Перед нами «Москва глазами пьяницы»; она без ума от джаза, она заигрывает с иностранцами, за ней наблюдают люди из «органов». В описании этой «Москвы шестидесятых» есть привкус горьковатой поэзии, толика меланхолии. События внешнего мира, как вспышки магния, задают тон эпохе: вот два митинга против американского вторжения во Вьетнам — в Оксфорде и в Москве (московских манифестантов, собравшихся стихийно, разгоняет милиция). Смутный эротизм объединяет аксеновских нонконформистов, прорываясь в эротических соло, параллельных соло на саксофоне. Поэзия также будоражит героев: великолепная строка Мандельштама («Бессонница. Гомер. Тугие паруса...») переносит трех приятелей, на берегу моря в Ялте грезящих о Древней Элладе, в мир мечты. Они позабыли имя поэта, но энергия его ностальгии не испарилась.

Ночная Москва, Москва гуляк и гонений служит рамой повествования для этого огромного и полубезумного хэппенинга. Но издалека возвращаются воспоминания о морских воротах Колымского края — городе, отделенном от Москвы пятью тысячами километров и стоящем в глубине бухты Нагаева. Там пятнадцатилетний подросток встречается с матерью, бывшей заключенной, а ныне ссыльной. Этот подросток — Аксенов, его мать — Евгения Гинзбург, автор незабываемой книги «Крутой маршрут». Самые горькие и волнующие страницы «Ожога» посвящены этой встрече. <...> Одно из самых сильных впечатлений от «Ожога» — рассказ об этой встрече двух душ,<...> встроенной в усложненную структуру романа, где все двоится, троится, где образ автора умножен в пяти двойниках.

Убийственная ирония стирает следы волнения. В России, по словам рассказчика, нет «утонченной, пряной и целительной» литературы, которой обладает Запад; там она подается «как серебряное блюдо, где на ложе из коричневых водорослей лежат устрицы, присыпанные мелким колотым льдом».

«Россия со своими шестимесячными зимами, со своим царизмом, марксизмом и сталинизмом — совсем иная. Подавайте нам трудные вопросы, как можно более мазохистские, и мы их поскребем усталым, обессиленным, не очень чистым, но честным пальцем. Вот что нам нужно, и в этом нет нашей вины».

Насмешка, с которой Аксенов говорит о старом, вечном примате этического в русской литературе, выдает его с головой: ему бы хотелось, чтобы русская литература обладала утонченностью французской и пряностью американской. Сам он пришел к синкопированному стилю, к запутанной, причудливой композиции, к некоему синтезу искусств, где движущей силой является джаз. Но от «трудных мазохистских вопросов» так просто не уйдешь. Бродя по Магадану, альтер эго автора натыкается на «яму» — люк парового отопления, где в ожидании парохода на Большую землю живут вышедшие из лагеря зэки. Он «нагнулся и увидел под землей целую колонию людей, прилепившихся вертикально и горизонтально вдоль горячих труб, словно подводный коралл». Здесь же он впервые осознает, что для некоторых людей арест его родителей — не позор, а распахивающее двери волшебное слово, радостное, естественное состояние. В сюрреалистическом контрапункте секвенций сменяют друг друга сцены прошлого: в 1917 г. в Швейцарии русский эмигрант-еврей решает вернуться на родину; в 1937 г. арестовывают мать, после освобождения жизнь сталкивает ее с тем же палачом, но теперь льстивым и даже светским... «Три сестры» Чехова, греческая мифология, стихи Мандельштама, скульптуры Эрнста Неизвестного, беседы в духе древних римлян, «патер» (тюремный священник из магаданской «тепловой ямы») — все тает, все подхвачено сильнейшим вихрем барочного стиля, перехлестывающего через край. Реальность, схваченная целиком и перетасованная, как колода карт, робкой походкой пробирается по мощному фону длиннейшей музыкальной фразы. Но Аксенову никогда не бывать ни Апдайком, ни Чарльзом Буковски: его ожог — очень по-русски — обнажен, ничем не прикрыт.

Я бы добавил, что в романе есть немало свидетельств острого духовного кризиса поколения (и самого автора). Шестидесятые вырождаются в семидесятые: в конформизм, в дешевый цинизм, в нервные срывы, в ничем не оправданный быт, в пьянки как форму социального протеста и в слу-

чайный секс как возможность почувствовать себя свободным и революционным при очевидном дефиците того, что можно без затей назвать любовью. Сейшн, капустник, обеспечивающий предельную раскрепощенность, становится самодостаточной формой проживания жизни. Юный бунтарь, талантливый хулиган подрастает, но не обзаводится обязательствами, важной темой жизни — проказник, бабник, талантливый мерзавец.

В изображении московской богемы шестидесятых — семидесятых Аксенов, впрочем, явно проиграл в глубине В. Кормеру с его «Наследством». Подробно живописуемый им мир небогат и до обидного лишен значительности. Материал изображенной таким образом жизни располагает вроде бы к сатире, но Аксенов не хочет быть сатириком свифтовского склада, у которого душа перегорела в ртуть. И он сглаживает сатиру карнавальной неразберихой и суетой, лишает ее остроты. Здесь и далее карнавальный фейерверк становится лекарством от разлития желчи.

Иногда в романе впервые начинает звучать тема поражения (а отчасти и капитуляции), хотя и без сознания своей вины. Ее развитие в «Острове Крыме» примет иной масштаб и будет сопрягаться с героем, который номинально гораздо больше удален от автора. Сказать по правде, этот герой и его окружение мне наиболее интересны в череде персонажей Аксенова 1960-х — 2000-х годов.

Напомню. Крым остался белым (а значит, свободным), в семидесятых он экономически процветает и демократически пустился в разгул, отдался тотальному карнавалу без дна и берегов. Это воплощенная средствами прозы социальная утопия. Таково фантазийное допущение автора. Ну а редактор симферопольской газеты «Русский курьер» Андрей Лучников (молодящийся плейбой, спортсмен, джазмен и вообще инкарнация постоянного героя Аксенова, типичный для зрелого Аксенова всесторонне одаренный эксцентрик) вдруг вдохновляется большой и серьезной идеей Общей Судьбы, замышляя объединить Крым с СССР и тем самым влить в заизвестковавшиеся советские артерии свежую кровь. *России нужна новая сперма.* Как же без нее.

Смена вех, ничего особенного, известная и печальная коллизия XX века в новой вариации и вымышленных декорациях. Духовное разоружение, ползучая капитуляция как главная русская тема столетия, найденная на ощупь.

В результате слияние СССР и Крыма удается, но последствия его непредсказуемы и, по Аксенову, скорей всего печальны для свободных граждан Крыма. Происходит военный захват острова. Серая советская кошка сожрала веселую демократическую мышку. Конвергенция, надежды на которую возникали и умирали у Аксенова в шестидесятых, не состоялась. Не только в романе. К концу семидесятых надежд на изменения в жизни уже не было, — и крах прекраснодушного лучниковского идиотизма входил в замысел изначально. В Лучникове Аксенов простился со многими очарованиями былого.

Притом среди главных героев писателя Лучников — едва ли не единственный человек миссии, который не просто болтает, но и реализует свой проект, а потом платит по всем счетам. Фигура почти трагическая. То, что он при этом человек немудрый и безответственный, это уже детали, создающие у меня фон постоянного раздражения, переходящего в отвращение по

отношению к персонажу. Человек смешной, жалкий в своем фанатизме, в своей самоуверенности, в своей безоглядной, невменяемой устремленности на огонь костра. Самовлюбленный позер, ставший заложником абстрактной идеи. Но — человек, ничего не скажешь. (Хотя мог ли такой противоречиво завязанный, умно-безумный исторический персонаж существовать в принципе? Есть ли исторические прецеденты? Сергей Эфрон? Юрий Ключников?.. Не знаю. Вот, к примеру, недоброжелательный критик Р. Вахитов в статье с примечательным названием «Василий Аксенов как зеркало либеральной контрреволюции» нашел во взглядах Лучникова вагон противоречий исторически возможному или вероятному.)

Есть в романе люди долга, дефицитные в мире Аксенова. Скажем — отец Лучникова, старик Арсений Николаевич, профессор-историк и миллионер-конезаводчик (экзотическое, кстати, сочетание), который к финалу романа выходит из старческой немощи и какой-то духовной расслабленности и находит в себе силы трагически противустать судьбе. Интересна и лучниковская подруга и советская телезвезда Татьяна Лунина, которая вовлечена в интриги и попала в сети спецслужб, раздваивается между советским мужем и крымским любовником, но переживает это раздвоение и нарастающую фальшь ситуации все более остро, мучительно и беспощадно по отношению к себе. Этот ее самосуд также крайне непривычен для аксеновского персонажа.

Аксенов коснулся в этом романе обжигающих страниц истории XX века. Впервые и иногда всего на раз в своем творчестве он задел некоторые основные сюжеты духовного выбора и трагического вызова. Попытался встать над схваткой, не солидаризироваться напрямик ни с кем из персонажей, — и ему это отчасти удалось путем синтеза сочувствия к персонажам с какой-то неуловимой, скользящей иронией по отношению к ним.

Едва ли стоит очень уж требовательно разбирать условия и предпосылки фантастического предположения Аксенова, но об одном нельзя не сказать: в его Крыму практически никем не учтена работа русской философской и социальной эмигрантской мысли, извлекшей уроки из русского прошлого и прочертившей перспективы; здесь до критической черты ослаблены религиозные мотивации социальной и личной свободы и молчит в критический час церковь. Такой духовно необеспеченный Крым и в самом деле мог стать легкой добычей.

Бесы овладевают Лучниковым и потому еще, что он человек чуть ли не по-хлестаковски легкомысленный, по-простаковски невежественный. Не читал ни Бердяева, ни Федотова, ни даже «Вех»; ничего не слышал про судьбу, к примеру, Ключникова, Устрялова или Святополк-Мирского — даром что по заявке главный крымский интеллектуал. Его зацепил лишь комплекс вины интеллигенции перед простым народом; этот давний комплекс он и реанимирует в своем проекте. Выясняется, что, с точки зрения автора, зря: народу не помогли и сами пропали.

Отчасти прав упомянутый Р. Вахитов, который находит в романе, в его замысле подмену предмета, замечая: *...на самом деле остров Крым — это никакое не белогвардейское логово, а элитарная столичная диссидентская западническая тусовка, к которой принадлежал в годы написания этой пове-*

сти и сам Аксенов. Это и естественно, писатель обычно пишет о том, что он знает изнутри, пусть даже облекая знакомые темы и персонажи в фантастическую ауру. Нашпигованность острова Крым агентами американской и советской разведки, постоянный страх островитян перед ударом северного «коммунистического гиганта» — все это только добавляет сходства с диссидентской либеральной тусовкой: ведь и в ней полным-полно было и кэгэбэшников, и цэрэушников, замаскированных под «внутренних диссидентов» и богатых и щедрых иностранцев, и все эти постоянные полубезумные карнавальные пьянки со стихами и битьем морд, русскими разговорами и беспорядочным сексом, весь этот стиль жизни неофициального застойного интеллигента — это тоже атмосфера «Острова О'Кей».

«Ожог» и «Остров Крым» свидетельствовали, кроме всего прочего, о том, что социальные надежды Аксенова окончательно увяли, вера его в народ и в человека ослабла до неразличимости, оптимизм сменился скепсисом, — и вообще, жизнь переставала радовать. С. Кузнецов не без оснований фиксирует: *«Остров Крым» выглядит образцовой иллюстрацией к теории «слоеного пирога» — альтернативная фантастика маскирует рассказ о собственном поколении, а под детективно-политическим сюжетом скрыта история одиночества и поражения.*

Аксенов решил искать личный выход из общего советского тупика. Резко и открыто поссорился с властью, хотя и почти исключительно на литературной площадке: подвигов правозащиты за Аксеновым вроде бы не числится. И тем не менее. По В. Новодворской: *Мы учились ненависти к советской власти, этой суке, этой акуле, по «Острову». <...> За «Ожог» и «Остров Крым» давали срок: 7 лет лагерей и 5 лет ссылки. Эти книги шли в приговор. Нет, на обысках изымали и другие: Булгакова («Роковые яйца», «Собачье сердце», «Багровый остров»), ахматовский «Реквием», «Один день Ивана Денисовича». Но в приговор шло не все, только особо «злостное»: Зиновьев, Оруэлл, «Архипелаг», Джилас, «Посев». И «Ожог» с «Островом Крымом».*

Сам он лагерю предпочел эмиграцию как способ изменить жизнь и придать ей смысл. Если мечта не реализовалась в России, то есть же в запасе Америка. Есть американская мечта-явь. В пример были взяты, очевидно, Набоков и Бродский: писатели, сменившие не только прописку, но и язык.

Однако Аксеновым эта задача была решена лишь частично. Он и в США остался русским писателем-эмигрантом, пусть самым известным (исключая анахорета Солженицына). Все-таки: то ли американская мечта в своих воплощениях не вполне удовлетворила Аксенова, то ли он оказался ей, этой мечте, не нужен, а это обидно. Возможно, и самому Аксенову слишком трудно было рвать с прошлым: он не человек радикальных решений. В том числе и благодаря этому мы были осчастливлены регулярной возможностью слышать его удивительный голос сквозь искусственные радиопомехи: *Здравствуйте, господа!* Теперь трудно объяснить, как вдохновляло тогда это старинное обращение.

Он продолжает писать по-русски, умело и почти без резонанса. Хотя социальный заказ на сценарий для телесериала обернулся относительной удачей: появилась «Московская сага», трехтомная хроника интеллигентского семейства на фоне советских перипетий, *отечественный вариант форсайтовского*

романа — трилогия, отчасти имитирующая жанр «мыльной оперы» (И. Сид). Такие семейные романы о XX веке писали в девяностые и в России (Улицкая, Дмитриев и др.), но, возможно, аксеновский — лучший из них. Аксенов не исторический мыслитель, не философ. У него нет глубокой идеи. Но для семейной саги этого и не нужно. Зато в его романе немало хороших людей, которые пытаются жить честно или быть хотя бы честными перед собой. Так на сей раз видоизменился сквозной герой аксеновской прозы. Он чуть более целомудрен и чуть менее самовлюблен, чем обычно. И это его красит. Ну а Сталин у него — карнавальный злодей, скорее смешной, чем страшный...

Творческая биография казалась плавно движущейся к финалу. Но жизнь дала ей новый разгон. Как справедливо и не раз уже было сказано, роман «Остров Крым» оказался в одном отношении пророческим. Но совсем не в том смысле, какой замышлялся автором. Аксеновская фантазия воплотилась в жизнь в России XXI века. Неожиданно для Аксенова не СССР поглотил осколок исторической России, зацепившийся за несуществующий черноморский остров, как это случилось в итоге в романе, а наоборот, аксеновский Крым развернулся в пространство бывшей сверхдержавы.

Писатель сам признавался однажды в самом начале нового века, в интервью: *Если говорить про «остров Крым», то Москва и есть остров Крым. Никогда Москва не была такой шикарной, как сейчас, такой европейской. Ни до революции, никогда. Был купеческий мир, но таких ресторанов, как сейчас, не было. Особенно этим летом совершенно невероятное возбуждение в городе. Ночью выходишь из театра,— улицы полны, масса людей сидит в кафе. Откуда это все берется? Повсюду какие-то немыслимые автомобили. Мы тут вышли вечером из ресторана — Евгений Попов, Борис Мессерер и я со своим приятелем, писателем из Израиля, который не был здесь 28 лет, как уехал. Я вижу, что он — просто обалдел.*

Иными словами, по иронии истории дело Лучникова *не вмерло*. Он исторически победил. И сам Аксенов одним из первых приезжает — на побывку — в умирающий СССР. Возможно, с новыми надеждами, суть которых правдоподобно передает Е. Попов: *Тоска по цивилизованной, богатой, веселой, а не традиционно угрюмой, нищей, забитой, изолированной России, желание вырваться из Ада, всепрощение, жажда свободы, покоя, требование вернуть достоинство и стране, и людям ее населяющим — вот угадываемый мною нерв творчества Василия Аксенова.*

Но возродить мечту в масштабе социума не удалось. А если и удалось, то в прозе Аксенова только на три дня в августе 1991-го. Постсоветская Россия, конечно, временами всплывает в его новой прозе, но, пожалуй, лишь раз ей отданы все его симпатии — на эти три дня, изображенные захлебывающейся от восторга репортажной скороговоркой в написанном в середине девяностых романе «Новый сладостный стиль».

Показательно, что тревожные и драматические тона в описании происходящего в августе 1991 года почти отсутствуют. Писатель и его герой наслаждаются жизнью и свободой, которые вдруг совпали. Герои прозы Аксенова и его читатели соединились на площади перед Белым домом, чтобы дать отпор мутной серости, сатирически представленной образами силовиков-гэкачепистов Крючкова и Язова.

Вот фрагмент, с участием главного персонажа: *Александр Яковлевич Корбах проливался слезами. Тело порой сотрясалось, словно в религиозном экстазе. Скорее всего, это и был религиозный экстаз, ибо никогда в жизни он не мечтал стать свидетелем чуда настоящей «духовной революции». Неподчинение тиранам в конце концов возгорится, как сухая трава, так представлял себе эти дни Лев Толстой. И вот трава возгорелась, и в этом огне испарились, пусть хоть на миг, все наши отчаяния, бессилия и унижения. Пусть это все по прошествии времени утвердится в истории лишь как дата неудавшегося переворота, пусть все пойдет не так, как мечтают в этот момент эти сотни тысяч, все равно три дня в августе девяносто первого останутся самыми славными днями в российском тысячелетии, как чудо сродни Явлению Богородицы. А может, это и было Ее Явление?*

Он отдал свой «калаш» кому-то из ребят — к счастью, не пришлось ни разу стрелять — и стал пробираться к зданию СЭВа. Повсюду смеялись, кричали и пели что-то совершенно не подходящее к случаю, поскольку никто из этих, еще вчера советских людей не знал ничего подходящего к случаю.

В целом же особенно значимый для позднего Аксенова роман «Новый сладостный стиль» написан на сорванном дыхании и уже не столько для читателя, сколько для себя. В разговоре об Аксенове мимо него поэтому не пройдешь. Этот роман — попытка нащупать какую-то почву на фоне тотального хаоса и в отсутствие убедительных предпосылок для обретения утраченной веры. Главный герой, великий и всеми в России любимый и обожаемый режиссер, актер, плейбой и певец Саша Корбах, — не просто новая версия аксеновского супермена с бешеной творческой и сексуальной потенцией. Он теперь сам — материализация аксеновской мечты и воплощение аксеновской утопии, свободный уже от исторических и географических ограничений и рамок.

Всем известный режиссер московского театра импровизации «Шуты», изгнанник из андроповской России, богемный космополит, бесприютный скиталец, бездомный гений, помытарившийся в Америке, интеллектуал высокого полета, презирающий славу, взыскующий покоя (*Почему меня не могут оставить в покое? Почему судьба мне подбрасывает то театр, то любовь?*), плейбой и мачо. *Его приключения неотделимы от богатой сексуальной биографии мужчины, чей физический магнетизм находят неизменно неотразимым женщины всех континентов и побережий* (Г. Слобин). И наконец — едва ли не религиозный реформатор; пишут же и, наверное, не без оснований про *дерзкую новацию* Аксенова: *подспудно прочитываемые еретические идеи отсутствия в мире дьявола, сюжетного присутствия Бога в каждом живом существе, тотального оправдания жизни как таковой. Функции божества реализуются, по надобности, то одним, то другим персонажем: Зевсом—Стенли, Аполлоном—Сашей Корбахом, Афиной—Норой Мансур, Артемидой—Бернадеттой де Люкс...*

Итак, перед нами, по замыслу, художник и деятель мирового масштаба, многими гранями сливающийся и с автором, но, конечно, лучше, чище от случайностей судьбы.

Как уже было сказано, постсоветской кульминацией в московской жизни Корбаха стал август 91-го. Его зрители и слушатели, его актеры встрети-

лись ему на баррикадах, и все его узнавали: *Закат показал какую-то комбинацию почти супрематических лиловых и багровых фигур, которую никто не мог прочесть. В сумерках возобновился дождь. Саша Корбах почувствовал, как струйки потекли по лицу, но не проснулся. Он снова пребывал в джетлэге, однако на этот раз отключка догнала его не в мягком кресле, а под фанерным навесом среди хлама баррикады, куда он залез было перекурить. Позже, вспоминая эти провалы, он думал, что в них, быть может, было что-то метафизическое: энергетический его контур на время покидал жар истории, чтобы отдохнуть в прохладном астрале. Проснулся он только тогда, когда в сумке под боком заверещал сотовый телефон.* Герой поговорил с американским братом, залетевшим в Калькутту... *Алекс положил телефон обратно в сумку и вдруг услышал аплодисменты. Вокруг его убежища стояла группа его поклонников, мужчин и женщин — тот тип, что в Америке называют the aging children, «стареющие дети». Этих «поздних шестидесятников» он мог бы различить в любой толпе. Сейчас они умиленно ему аплодировали, как будто он только что сыграл сценку «Разговор по-английски с неведомым персонажем». Одна женщина сказала ему с характерным для этой публики смешком: «Знаем, что глупо, но это все-таки так здорово видеть вас сейчас здесь, Саша Корбах!»* И сам Ельцин слегка заискивающе предложил ему партию в теннис.

Хотите видеть искусство на службе русской свободе? Вот оно: *В другом углу басовитым соловьем разливается виолончель Ростроповича. Увидев товарища по изгнанию, Слава, как был в каске и бронежилете, бросается с поцелуями: «Сашка, ты тоже здесь! Вот здорово! Люблю твой талант, Сашка, ети его суть! Фильм твой смотрел про Данте, обревелся!»*

Саша мягко поправляет всемирного любимца. Фильм-то, Славочка, еще не начал сниматься. Очень мило обмишулившись, Слава продолжает дружеский напор. Песню твою люблю! Музыку обожаю! Ты первоклассный мелодист, Сашка! Ну-ка, давай, подыграй мне на флейте! Ребята-демократы, у кого тут найдется флейта? Коржаков уже поспешает с флейтою на подносе. А мне вот Филатов «челло» привез из Дома пионеров! Поет, как Страдивари, сучья дочь!

Корбах для смеха дунул в дудку и вдруг засвистел, как Жан-Пьер Рампаль. Ну и ну, вот так получился дуэт в осажденном павильоне! Многие растроганные повстанцы приостановились, и на стене вдруг отпечаталась общая композиция осажденных, но дерзких душ. Видишь, шепнул Слава Саше.

Завершить концерт, как хотелось, на плавном взлете, однако, не удалось. В городе возник и стал нарастать какофонический грохот. Началось хаотическое движение непокрытых голов и стальных касок. Освещение было притушено до минимума. Шире открылись окна. Возле них присели фигуры с гранатометами. Корбах уловил за полу быстро проходящего офицера. Что происходит, майор? Тот улыбнулся. То, чего ждали, товарищи музыканты. Лучше бы вам спуститься в подвал.

Вот выдающееся зрелище: маэстро Ростропович меняет виолончель на «калашникова»! Корбах обнял старого друга за плечи: Славочка, я должен идти в свою сотню. Доиграем завтра.

Выставленный подбородок музыканта подрагивал от решимости. Обязательно доиграем, Сашка!

Ах, не лучше ли было б вот именно тут и остановиться. Стать последней жертвой ненавистного режима, в том духе, как говорит сам Корбах: *Изумленный малый смотрел на него во все глаза. Счастье такого немыслимого знакомства с живой легендой медленно растягивало его лицо в ширину. А Александр Яковлевич, отпустив всякие тормоза, вдруг стал вываливать на него свое сокровенное: «Для меня, Сергей, гибель в бою с чекистами стала бы вершиной существования. Ну, ты же альпинист, ты же понимаешь, что такое вершина. Вот ты встал там в восторге и в этот момент получаешь пулю, желательно все-таки, чтобы слева между ребер, чтобы иметь несколько секунд для осознания вершины, которых — секунд, ети их суть,— у тебя не будет, если бьют в голову. Так или иначе, если вершина и пуля неразделимы, никогда не сойду в сторону. Я ведь давно уже перестал верить, что эта вершина, ну, грубо говоря, свобода, существует. Я ведь давно уже и Россию мою считал слепой лошадью в забытой шахте».*

Ну а затем мечта резко развоплотилась. Выясняется, что Россия как объект корбаховской мечты больше не существует. Аксенов передает Корбаху свою разочарованность.

Уехав, он вернулся, но уже каким-то дачником, отчасти свадебным генералом, не вполне всерьез, разве что на пробу. Возвращался, уезжал и снова возвращался. Обижался на злых критиков. Жил на два дома. Он, кажется, не узнал родины, не нащупал ее. (Нечто подобное случилось с Солженицыным.) И его можно понять. А можно ли было вернуться? И куда? Вещество родины, стоит признать, к тому времени износилось и истрепалось до неуловимости. Что-то странное возникло на месте СССР. Демократическая революция конца 1980-х — начала 1990-х годов упилась внезапной свободой и напоследях захлебнулась в собственной блевотине. Какая-то небывалая, неонэпманская, полубандитская, потребительская, коммерческая, плюралистическая, не столько демо-, сколько охлократическая Россия стала вопиющим фактом. И мы уже сами ее не узнаем, а жили тут почти безвылазно, и не готовы ее любить.

Кстати, облик этой империи газа отчасти предсказан Аксеновым, пусть невольно. В том же «Острове Крыме» он убедительно, средствами беспощадной подчас сатиры изобразил быт и нравы советского истеблишмента бездарной эпохи застоя. Вырождение идеализма, формализация советской идеологии, превращение власти в мафию, неудержимый крен к потреблению и бессознательная влюбленность в потребительский западный рай, вопиющий дефицит человеческой яркости и полноты — обо всем этом угаре и деморализации Аксенов как-то полуневольно, но умело и ярко сказал в прозе одним из первых. Если не первым. И такого рода состояние общества не обещало хороших перспектив. Гнилые социальные гены передались девяностым и нулевым. В этом смысле можно принять заголовок одной из статей об Аксенове — «Василий Аксенов как зеркало первой криминальной русской контрреволюции» (хотя сам ее автор, В. Куклин, дал его скорее ради красного словца).

Признаки социального разложения и культурной деградации постепенно начали доминировать в метрополии так явно, что в коловращении ново-

русской жизни совершенно невозможно оказалось угадать милой аксеновскому сердцу карнавальности. Он и не пытался ее угадывать. Аксеновский Остров Крым со всеми его махровыми красками найдут в Москве нового столетия другие (Волос, Проханов) и отнесутся к нему без жалости.

Корбах забыт этой страной (*Стойкий феномен забывчивости выработался в постсоветской России*). И эта новая беспамятно-циничная Россия чужда ему, он становится изгнанником без родины.

Неспроста, однако, Корбах награжден за свои мытарства в СССР и Америке обретением и любимой женщины, и богатых родственников, которые готовы удовлетворить любой каприз мастера, обеспечить его творческую самореализацию, и глубоких исторических корней на земле Израиля (после разочарования в безумной России и простоватой Америке). По Г. Слобин, *сцены из жизни семейства Корбахов словно взяты из мыльной оперы «Династия», которая приобрела известность на телеэкранах мира. Эта новая нить повествования способствует переключению романа в жанр аксеновской сказки-мечты. Как принято у Аксенова, это — дидактическая сказка с моралью-идеалом, подобно известной повести 1968 года «Затоваренная бочкотара»*. Вынесенное в название романа выражение «новый сладостный стиль» становится маркером личной состоятельности и завершенности, творческой свободы, лишенной внешних препятствий, свободной любви, находящей единственный предмет.

Впрочем, принципиальность и гиперболическая удачливость Корбаха относятся, как сказано, к миру воплощенной художественными средствами утопии. А литературная деятельность Аксенова в новом веке все-таки довольно прочно связала его с московскими издателями и критиками, российскими читателями и телезрителями. Он пытался участвовать в диалоге с обществом и даже с властью. Писал — и имел резонанс. Несколько лет назад некий А. Поливанов, задавшись вопросом, а правомерно ли называть Аксенова «*живым классиком*», обратился к Интернету. И вот что выяснилось: если судить по количеству сайтов, которые выдает Rambler на запрос об Аксенове, этот писатель больше воспринимается Интернетом как «классик», нежели как «современник». Зато, судя по ассортименту Интернет-магазинов, где представлены тридцать две разные книги Аксенова, он, безусловно, никакой не «классик», а самый настоящий «современник».

Один из лучших откликов на букероносный роман «Вольтерьянцы и вольтерьянки» принадлежит Валерию Бондаренко. В нем, пожалуй, очень точно схвачены приоритеты Аксенова в последние годы. Посему еще одна большая цитата.

1. Темою своею маститый автор берет русское «осьмнадцатое столетье», что само по себе уже довольно ответственно. Вероятно, этот век — самый значимый, поворотный момент в нашем национальном сознании. При всей его многочисленной дикости есть в нем и нечто такое же притягательное, что и в воспоминаниях юности: там и вода мокрей, и страсти свежей, и люди ярче; и потом, в итоге — все-таки народился Пушкин...

Сей последний в зрелые годы с какою-то даже зачарованностью рылся в анналах осьмнадцатого столетья, явно пытаясь найти именно там ответы о грядущем России. Поэтому, берясь за тему сию, любой автор вынужден будет

проскользнуть по проложенной главным классиком смысловой морщине,— хочет сам автор того или нет.

Это, типа, о содержательной стороне вопроса.

Теперь о формальной.

2. Русский XVIII век представляет огромное искушение именно как некое бучило, в котором рождались основные обиходно-языковые и литературно-стилевые тенденции русской культуры. В этом вопиюще грандиозном и ярком («яром») лингвохаосе только черпать и черпать,— особенно такому стилисту-джазмену, как Вас. Аксенов. Не хочешь, а запоешь, закочевряжишься (псевдо)барочной ироническою языковой преизбыточностью, перевитой, как ленточкой, щеголеватой армстронговой хрипотцой...

В этом смысле новый роман Аксенова — в первую очередь, вот такой «кунстштюк», где игра с языковыми, сюжетными и смысловыми «моделями» XVIII и XX вв. становится едва ли не самодовлеющей и самодостаточной.

Автор пишет об этом прямо и честно: «Торговцы считают, что без таинственности сейчас книги не продашь, хоть заворачивай ее в марокканский сафьян, а между тем даже и не догадываются, что все больше появляется покупателей, которые, положив только что купленную книгу в карман, вздыхают: хоть эта оказалась бы без таинственности. Такой покупатель не сломает каблука, когда на прогулке, открыв последнюю страницу, узнает, что злодей был сыном банкира. Его влечет "таинственность" другого рода, связанная с необъяснимостью авторского тщания начать с правды, а кончить вымыслом, или наоборот: вот в чем "таинственность", которой он алкает,— увидеть в авторе такого же искателя, как и он сам, вместе с ним провозгласить "рцы языком правдивым ты!", а на деле оказаться выдумщиком, в чем, как некоторые полагают, и состоит верность художественной истине».

Пусть читатель не думает, что весь роман состоит из толико выспренних рассуждансов! Здесь вовсю пульсирует также и сюжет то ли а ля Дюма, то ли а ля Пикуль, то ли а ля Шаров-Буйда (то есть, с закосом в интеллектуальные игрища с параллельной «историей»). Читатель более-менее искушенный вряд ли прям уж так заскучает. Или уж точно заскучает не от недостатка событий, аллюзий, намеков (Сумароков — Солженицын) или модной «гендерной» «тэмочки», когда половые роли героев тасуются с истинно вольтерьянской лукавой вольностью.

Думаю, Аксенову удалось сделать полновесный романный драйв, когда НА СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД читатель будет с интересом внимать и спорам, и судьбам персонажей. Но только на «свежачок»: потому что каждый раз после очередных десяти страниц сего литературного свинга читатель приметься ерзать попою на кресле-стуле-табурете-тахте-качалке в ожидании чего-то чуть более значительного и чуть менее игривого. Черт его знает, может, это наша лапотная косность, но только так скучно-трудно принимать Екатерину однозначно лучом света в темном царстве, когда о ней столь нелицеприятно и аргументированно высказался Пушкин,— да и не он один такой же умный...

Безусловно, кунстштюк Аксенова — не просто кунстштюк, но и вещь достаточно злободневная. Отчасти он держит некоторую художническую фигу в кармане наспех почти насильственной «религиозации» всей распадающейся

страны. Совершенно однозначны и западнические симпатии автора,— отсюда Екатерина представляется носительницей ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ценностей,— то есть официальные портреты ея величества выдаются чуть ли не за отражения в зеркале. Да полноте! Так ли уж все румяно и припудрено в сем велелепном образе?.. Честолюбивая и осторожная эгоистка, создававшая систему ЛИЧНОЙ власти, а не долгоиграющую и наименее сословно зашоренную политическую систему... Именно историческая безответственность, прикрытая мишурой «просветительских» идей и патриотических лозунгов,— вот что заставило Пушкина обозвать ее «Тартюфом в юбке»!

А у Аксенова она даже и без юбки,— в смысле, по большей части в штанах...

Знаменательно, что автор обходит весьма непростую тему «элита — народ», всецело оставаясь в рамках «идеалов» и жизненного обихода просвещенной элиты. Народ же воспринимается исключительно как скопище разбойников, связанных с силами ада и разрушения. И здесь как-то сразу вспоминается наблюдение Цветаевой: Пушкин ОТЛИЧНО ЗНАЛ о зверствах «разбойника» Пугачева и отобразил их как историк в «Истории Пугачевского бунта». Но как поэт — дал иную версию образа Пугачева в «Капитанской дочке», вероятно, видя определенную горькую историческую правду за ним, таким вот косматым...

Над страницами Аксенова почему-то я не раз вспомнил сладкие акварели Андрияки и крашеные пошлости Шилова, и этот лужковский-московский полусталинский полуампир на скорую руку... Вкусы нашей, как они сами себя называют теперь, «элиты». И уровень понимания исторических процессов ею, нашей «элитой»,— того ж пошиба...

Впрочем, элитой они называют себя не в том смысле, что все они сплошь племенные жеребцы и чистокровные суки, а пока в маннгеймовском понимании слова: группа, которая держит шишку в обществе в результате некоего исторического эксцесса. Но от разоблачительно-констатирующего маннгеймовского до традиционно комплиментарного значения слова — меньше шага, особенно при толико узких лбах...

Н-да, читатель у романа, конечно, есть,— СВОЙ читатель: «Махайте, махайте мне! Дайте мне атмосфэрры!»

А коли не про элиту,— сразу вспоминается Мария-Антуанетта: «Если у народа нет хлеба, то пусть ест пирожные!»

«Вольтерьянцы и вольтерьянки» — вот такое пирожное, даже торт с соевыми добавками.

Наверное, прав Вал. Бондаренко. Прав и С. Беляков, уличающий Аксенова в том, что его романы — это раздутые фельетоны. Но, друзья мои, кто еще из поколения Аксенова впечатлял нас в новом веке вот таким фонтанирующим, неистовым воображением, такой непринужденной свободой творческих полетов? Да никто. Аксенов, сдается, легко купил свободу, оторвался от почти любых детерминант и отдался своей фантазии, уже вовсе без далеких затей карнавализирующей все, на что она направлена. Его воображение уже не связано ни с мечтой, ни с утопией; оно радует само по себе. Прозаик создал свой восемнадцатый век, а потом и свою версию позднесталинской эпохи в романе «Москва Ква-Ква», само название которо-

го наводит на подозрение в осознанном хулиганстве, в осмысленном пренебрежении условностями. Все там балаганно, все выдает желание забавляться, эмансипированное от социальных или иных каких-то обременений, преданное не столько Танатосу, сколько Эросу. Как замечала по этому поводу Ю. Рахаева, *седина в голову, бес в ребро...*

Ну да, шутовская погремушка с забавными примочками. А почему бы и нет, если серьезность иссякла?.. И плевать нам на злое ворчанье В. Топорова, записавшего Аксенова в гламурные авторы (*...перед нами не просто наглая, циничная, бездарная и невежественная халтура. Перед нами разжижение мозгов, болезнь Альцгеймера, перед нами старческий маразм, кое-как замаскированный под политический гротеск*).

Точен другой критик, В. Левашов: *Так о чем же роман?*

А вы еще не поняли?

Ни о чем.

Но издатель прав: «Класс литературной игры Василия Аксенова как никогда высок».

Да, истинно так. Писатель по-молодому игрив и молод, заразительно молод. Порадуемся за него.

У старости есть право быть собой, особенно если оно куплено большим опытом, трудной (некоторым кажется, однако, что страшно легкой) жизнью, очарованьями и сменившими их разочарованьями. Только не нужно изучать сталинское время по этой аксеновской шутке.

Последним законченным романом Аксенова стали «Редкие земли». Кто бы что ни говорил, а это — поступок и своего рода политическое завещание мастера. Карнавал остается карнавалом, и это безобразие не всем читателям по силам вынести, но есть в книге и острая, как клинок, мысль. По Аксенову, есть люди, которые создают себя и дарят себя миру: хотите — берите, не хотите — как хотите. Корбах, Гена Стратов (прототипом коего является Михаил Ходорковский). И такие люди достойны восхищения. А есть серая плесень, которая гнобит творцов. И она заслуживает презрения.

А вы считаете иначе?

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

(Второй квартал 2009 г.)

А. «Дружба народов», «Знамя», «Москва», «Наш современник», «Новый мир», «Октябрь»

По совокупности полученных впечатлений стоит начать обзор, пожалуй, с **романа Романа Сенчина «Елтышевы»** («Дружба народов», № 3, 4). Инерционно развивающаяся история семьи как парадигма современной России. Сибирский городок, а в нем вроде бы и не бедствующий, но недовольный жизнью капитан милиции Елтышев. Вроде б и жена, Валентина, у него при культуре, библиотекарь. И денежки водятся: обирает в вытрезвителе алкашей. А амбиции не удовлетворены, хочется чего-то лучшего, успехов и благ. К тому ж от сыновей никакой радости: Денис сидит за драку и причиненье увечья, а старший, Артем, вырос безвольным и никчемным. Дальше жизнь покатится под откос. И недовольство ею у героя (у каждого из героев!) примет размеры отвращения. Елтышев проштрафился: по его вине в вытрезвителе пострадали чуть не до смерти несколько человек. Его увольняют за «несоответствие и халатность» и выселяют из служебной квартиры. Жить негде, работать некем, впереди старость. Семья переезжает в родное село жены, в ветхий домишко ее старой тетки. Тут Сенчин дает картину жизни, зашедшей в социальный и моральный тупик. В деревне работы нет, народ спивается, цветут махровым цветом обман и воровство, верить никому нельзя, человек человеку волк. Деньги тают, перспективы нет. Но жизнь как-то тянется, хоть и смердит. Артем сошелся с местной, она беременеет, и их женят. Он уходит в дом жены, где своя тоска и безнадега. Сенчин подробно детализирует сгущающуюся муть тошнотворной жизни. Для хоть какого-то дохода Елтышевы берутся за нелегальную торговлю спиртом на дому, но это мало дает, лишь приобщая обоих к спиртному. Сам Елтышев с людьми не церемонится, да и не стоят они жалости. Так или иначе, не без его вины, исчезает тетка (ее труп найдут потом в заброшенном доме), при драке в лесу герой ломает позвоночник обманувшему его соседу, тот умирает. Ссора с сыном приводит к случайной гибели последнего. Надежды на младшего, закаленного жизнью Дениса, рушатся, когда тот, вернувшись из лагеря, в первый же вечер гибнет в драке (кажется, его убивают, чтоб ликвидировать угрозу, потому что старший Елтышев успел до смерти запугать местных слухами о сыне-мстителе за отцовские обиды). Через полгода старик умирает. Жена еще тянет лямку жизни, но и с ней все ясно — диабет; а вскоре ее разбивает кондратий — после двух болезненных эпизодов, давших ей понять, что единственный внук, сын Артема, об отце забыл, а его мать настроена к бабке враждебно. Тематика для Сенчина не нова, но концентрация жизни в романе максимальна. И жизнь эта обыденно и рутинно страшна. Люди нищи материально и духовно, одиноки, чужды милости к ближнему, жестоки и несчастны. Их поступки мотивиро-

ваны корыстью, иногда драпируемой приличиями. Их цели — благополучие и удобства — недостижимы. Общественные узы сгнили, и людей могут на недолго связать разве что соображения немедленной выгоды. Социальная ткань ползет под рукой. Рутинная безнадега сминает все чахлые ростки хоть какого-то позитива. Шепоток стыда и совести тает. Неба больше нет. Писатель равномерно распространяет свое сочувствие героям развивающейся социальной драмы, но чужд чрезмерным сантиментам. Он — протоколист и диагност. Как социальный аналитик и бытописатель Сенчин очень убедителен. Его роман — приговор постсоветской России, обществу, в котором практически не осталось здоровых сил. Выхода нет, нет вовсе никаких горизонтов, уводящих за пределы этого серого, унылого мира. Все расхищено, предано, продано. Есть разве что эпизодические старушки, собирающие подписи за строительство храма. Но храм не строят. И вообще господствует ощущение жизни через силу, жуткого износа и вырождения.

К мрачновато-пессимистической логике сенчинского романа маститый **Александр Кабаков** в **романе «Бѣглецъ»** («Знамя», № 5) добавляет и своего мрака и скепсиса. Рассказчику достается тетрадка — дневник банковского служащего, датированный 1917 годом. Автор дневника — некто Л-ов, персонаж чеховского склада. Пятидесятилетний скептик, душевно одинокий, сильно пьющий и спьяну философствующий, он не видит больших целей и смыслов ни в жизни с нелюбимой и равнодушной женой, ни в отношениях с несчастной любовницей, ни на службе в близком к разорению банке. Л-ов ворчит сам с собой (временами неглупо, в уровень автора), а жизнь по своим кочкам и буеракам тащит его к бесславному концу. Герой попадает в водоворот событий, который воспринимает фаталистически, как, впрочем, и автор. Порядок рушится, все сгнило, социум катится под откос, морали нет, приличия тают и спасения не видно. Чтобы защитить от подступающего хаоса хотя бы близких, Л-ов идет на сговор с большевистскими агентами и помогает ограбить банк, в котором служит. Часть денег была потрачена на отправку семьи (жены, собачек и горничной) за границу, остальное было переведено на счет Л-ова в одном из европейских банков и в конце концов пошло на дело революции, поскольку самому герою убежать из России не удалось: опоздал к последнему поезду... Вот такая *параллельная история*... Герой ее вроде бы религиозен, но писатель как будто не придает этому обстоятельству особого значения, почему и не удивляешься, что мутация законопослушного гражданина в наводчика большевиков происходит на диво легко. Правда, год спустя, стремясь искупить свой грех, Л-ов вместе с Фанни Каплан участвует в покушении на Ленина (и в отличие от нее попадает), после чего след его теряется в неизвестности. Но психологизм у Кабакова выходит каким-то облегченным. Критики нашли в романе немало погрешностей, но писана эта книга, кажется, не ради исторической точности. А в самом конце читателя ожидает рифма, своеобразный мостик от истории — к антиутопии: рассказчик, спеша в аэропорт *к последнему уходящему рейсу*, сжигает тетрадь Л-ова в горящем мусорном контейнере на глазах у *патруля продовольственной милиции*. Но все обошлось: *покосились на мою сумку, но проверять не стали*, так что рассказчик на свой рейс успел. И далее — дата, зачем-то по-немецки: *Vollendet im Jahre 2013*. Похоже, прогноз... Неброский, гладкий,

культурный слог и навязчивые темы: капитуляция культурного человека перед русским бредом; острая неприязнь к революциям и катавасиям, но и неизбывность этого бреда, от которого правильней всего свалить подальше (а не в Тифлис или Ригу) и немедленно, не дожидаясь брутального 2013-го... Ну, или заранее чистить дуло, готовясь укокошить какого-нибудь вождя народа.

Ну а кто наверняка не согласится с Сенчиным, так это доктор филологии из Саратова **Наталья Леванина**, которая в **рассказе «Случилось еще не все»** («Москва», № 6) прописывает деревню Камышовку с ее целебным воздухом, незамысловато-душевными жителями и райским покоем интеллигентному неврастенику-горожанину. Злая жена отправила на житье в эту самую Камышовку чудаковатого мужа-пенсионера, в прошлом вузовского преподавателя. А он там прижился. Напоследок уже и жить без деревни не может. Словом, автор, дайте адрес, я записываю!.. Кстати, у этого автора, как и у Кабакова, возникает мотив бегства из России: в **рассказе «Побег»** герой тщетно старается победить злодейку-судьбу и отправиться в большое европейское путешествие. Впрочем, Леванина кабаковскую тему скорее пародирует: ее герой оказывается сумасшедшим.

Живущий в Лондоне эмигрант из Узбекистана **Хамид Исмайлов** в русскоязычном **романе «Мбобо»** («Дружба народов», № 6, журнальный вариант) довольно эксцентрично заворачивает ход повествования. Как говорит он сам, это *своего рода роман-андеграунд.* Рассказ ведет мертвый мальчик Кирилл, он же Мбобо, зачатый лимитчицей-хакаской по имени Москва и африканским спортсменом в дни Олимпиады-80. Главное событие и центральное переживание в жизни героя — московское метро, он и родился-то чуть ли не в метро, во всяком случае именно там у матери начались родовые схватки. Она сама рассказывала сыну: *Представляешь, было бы у тебя в метрике: «Место рождения — станция "Октябрьская-родильная"» (так и говорила: родильная, а не радиальная).* А поскольку роды проходили не совсем удачно, мальчик делает вывод и о том, что станция «Октябрьская» могла бы стать для него *и местом мертворождения, иными словами — смерти.* Метро для Мбобо — это средоточие самых важных смыслов, это и чрево Москвы — место, откуда город появился на свет. Можно сказать, что метро в романе становится тем языком, на котором герой рассказывает, каким явился ему этот мир. Вот как видится ему станция «Сокол»: *Глядя мысленным взором на ее геометрически безупречную форму — два идеальных лепестковых сопряжения, свивающиеся в цветок купола, я думал о том, что метро — это подсознание советского строя, его коллективное бессознательное, его архетип. То, что не удавалось на земле или не удавалось в полной мере, было во многом достигнуто под землей. Массы, целиком управляемые с точки зрения времени и пространства, пассажиропотоки, строго разрегламентированные... Вход фиксирован, выход фиксирован, все прихвачено со всех концов. Потом — чисто коммунистический принцип: там, в метро, деньги ничего не значили, там на них ничего нельзя было купить, не на что обменять, не на что потратить. Человек значил то, что он должен был значить сам по себе — и только. <...> Но кто сказал, что неземной идеал должен располагаться над землей, а не под нею? Строительство столь великолепных станций среди тьмы червоточных тоннелей было подсознательным намеком на райское обустройство жизни — пусть*

под землей... Иными словами, коммунизм строился в экспериментальных условиях, вдали от спутникового вражьего глаза, и в этом смысле смею утверждать, что лучший музей коммунизму и Советам — это московское метро, а один из тронных залов этого музея — станция «Сокол». Вещь яркая, об ужасе и силе жизни, с параболическими планами, с органически встроенным постмодернистским контекстом, с непринужденной игрой хорошо настроенного ума. Если бы говорить о том, где всерьез, не понарошку, не ради прикола и спорта реализовался русский постмодернизм XXI века, то как раз и нужно было бы сказать о романе Исмайлова. Поразительная и, кажется, практически не замеченная вещь, глобальный фон которой — крушение советской плебейской империи. Ну не в моде уже у нас постмодернизм.

Зато остро резонансным оказался **роман** петербуржца **Павла Крусанова «Мертвый язык»** («Октябрь», № 6). Роман, претендующий на статус идейного и философического, но при этом какой-то, ей-богу, детский. Какой-то такой горячий привет то ли от битников, то ли от хиппи, но с примесью цинического юмора в скептическом духе XXI века. Начало анекдотично: в Питере по улице Марата один за другим выходят на прогулку голые люди обоего пола — числом одиннадцать. Под прикрытием эксцентричной гражданской акции в защиту Семеновского плаца они попросту испытывают ненавистный социум на прочность. Главный герой — Рома Ермаков, по прозвищу Тарарам — питерская богема, 38-летний молодой человек, которому не нравится цивилизация потребления. Целый обвал слов разъясняет нехитрую философию героя: быть, а не иметь, жить, а не имитировать, не подменять жизнь зрелищами, миражами массмедиа. Описывается это примерно так: *Оглядываясь вокруг, Тарарам с каждым разом все острее сознавал, насколько непреодолимо плоскость наэлектризованного, притягивающего пыль стекла отделила людей друг от друга, отделила от осязаемых вещей, родных просторов, стадионов, улиц, событий, приключений, властей — от всего, что происходит по ту сторону экрана. Получалось, что у человека как-то незаметно, исподволь, украли действительность, заперев ее в застекленный ящик. <...> Рома исподволь сознавал, что в подсунутом эврименам мираже речь теперь идет не о накоплении и присвоении, а лишь о любовании уже накопленным и присвоенным <...> человек изо дня в день обречен смотреть бесконечный сериал об обладании, потребляя уже не вещи, но их визуальные имитации — эталонные образы, имиджи, рекламные химеры <...> ведь жизнь на самом деле превратилась в эрзац подлинной жизни, подделку, точно так же нуждающуюся в рекламе, как лак для волос, выдерживающий торнадо, или напиток «Фиеста», вызывающий приступ немотивированного смеха...* Ну и плюс еще, разумеется, густой настой непродуктивного социального цинизма с примесью явного мракобесия, вообще-то не очень удивляющий у героя, который всю жизнь болтается где-то мимо настоящего дела. Читаем: *Время было свинское,— говорил Тарарам. — Смута, смешение языков Страна осыпалась, как новогодняя елка к Крещению. Хмельной Бориска «барыню» танцевал и строил на усохших просторах нищую банановую республику с бандой компрадорских олигархов во главе. Братки, опьяненные свободой кулака, либералы, опьяненные свободой гвалдежа, менты, опьяненные свободой шарить по карманам Противно было дышать с этой сволочью одним газом. <...>*

все хотели хлеба, зрелищ и свободы тявкать. Вокруг Ромы собираются такие же, как он, маргиналы, но сильно помоложе, и начинается говорильня, которая кажется бесконечной. Некоторые критики попробовали изъять из романа какую-то авторскую концепцию и даже обвинили Крусанова в сексизме и чуть ли не в сталинизме. Ну, я не знаю. Одно понятно: автор щедро оделил персонажей своими мыслями, потому они, несмотря на юный возраст, красноречивы и осведомлены о многом. Проблема в том, что это только слова. Правда, у героев возникает идея *заговора с целью возврата реальности и обретения смысла.* Они решают создать некий *реальный* театр. В музее Достоевского они создают или пробуждают некое мистическое явление, названное ими *душ Ставрогина.* Однако, кажется, автор не совсем понимает, что ему делать дальше с этим мистическим ключом в иную реальность, и бросает заведомо сомнительную затею, возвращая персонажей в здешний мир. Да беда в том, что люди, только и умеющие, что болтать о своем несогласии с мирозданием, — и в здешней реальности не самый подходящий материал для развития сюжета. От отчаяния Крусанов отправляет своих героев в новгородскую глубинку (с предсказуемым результатом: *Сюда забрались, чтобы припасть к истокам, зарыться и пощупать корни,— пощупали, а корней и нет. Гниль только. Труха и тлен*), а затем и вовсе растворяет в природном универсуме, превращая в лисичку, белочку, кузнечика. А Тарарам становится ястребом: *В небе он был один, так высоко, как он, с земли никто не поднимался.* Ну, там ему и место. То ли это юмор, то ли драма. В общем-то книга вписывается в ряд новых сочинений, в которых молодые люди бунтуют против современного общества (тексты Ключаревой, Прилепина, Абузярова, Малышева, Павловского, Коваленко и др.). И это не худшее из таких произведений. Но и не лучшее, несмотря на очевидную искушенность и интеллектуальную подкованность автора. Роман слов, а не дел. В нем много всяких частных красот. Но это роман, в котором происходит явная подмена реальных социальных вопросов современности общими философическими рассуждениями об обществе спектакля и власти иллюзий, о том, какая бяка «буржуазная» корысть. Это роман, населенный героями, которых, при полном отсутствии у меня страстных вожделений к потребительскому обществу, я не могу не определить как социальных паразитов. Еще можно понять и принять, когда что-то такое пишут радикальные дебютанты. Но зрелый, известный, маститый и, как некоторые даже пишут, *культовый* автор... От него ждешь все же большей вменяемости и конкретности в разговоре о времени и о себе. Финальный осадок от этой прозы — все та же смесь пораженчества и капитулянства, но усугубленная риторикой, возведенная в патетическую степень, с той гримаской самовлюбленности, которая наименее приятна окружающим.

В **рассказах** из книги **«Арифметика войны»** («Новый мир», № 6) **Олег Ермаков** возвращается к материалу, когда-то принесшему ему известность. Это Афганская война. Увидена она глазами советских людей. Уровень их понимания и осмысления происходящего ничтожен. Автор идет несколькими путями. Или форсирует экспрессионистские средства, нажимая на все клавиши разом, препарируя травмированное сознание персонажа и достигая полушокового эффекта, который, однако, остается чем-то самодостаточ-

ным. Или развенчивает иллюзии героев, сталкивая их с абсурдно-жестокой или просто непостижимой реальностью. Или фиксирует некий итог пути: герой вернулся в Россию, но война осталась в нем как трудное и тягостное впечатление, и попытки солдата врасти в землю неудачны. Ермаков предельно убедителен в деталях, в реконструкции рядового и обыденного сознания персонажей, слог его пластичен и ярок, умения несомненны. Стильная, эстетская проза... Однако в целом подборка озадачивает. Если и можно извлечь какой-то общий смысл из того, о чем рассказал автор, то это несоразмерность маленького человека и большого военного хаоса; маленькое естество — жалкое ли, жестокое ли — встречается с чем-то непостижимо-противоестественным. Война как смертельная болезнь. Этакий неонатурализм. Думается, для серьезной заявки как-то скромновато. А ведь Афганская война в ее сути осталась, как кажется, непонятой, неосмысленной постсоветским обществом. Она вытеснена из коллективной памяти как нечто ненужное. Никто не ищет к ней ключей. Увы, и Ермаков не исключение. Высшие ценности и смыслы, истины практического гуманизма, — все это осталось невостребованным. Ну разве что убийство мирных жителей воспринимается как чрезмерная, противоестественная жестокость, но и это поглощается общим маревом войны, где вина, ответственность, совесть, честь перестают что-то значить. Впрочем, возможно, таков и был позднесоветский солдат: человек с атрофированной душой.

Текст **Владимира Тучкова «Русский И Цзин»**, имеющий подзаголовок **«Четвертый слой»** («Знамя», № 6), определен автором как *попытка создания русифицированного интерфейса великой китайской Книги перемен.* Реально Тучков использует форму для того, чтобы остранить разного рода и масштаба истории о соотечественниках, общий смысл которых — тщета жизни, опыт неудач и потерь, власть иллюзий и мнимостей... Остроумно, с жилкой сатиры, в целом уместно и талантливо.

В **рассказе Аллы Боссарт «Проводник»** («Октябрь», № 6) скроена замысловатая история об алкашке Зинке, прежде балерине, и ее дочке Юле, которая приобрела чудесную способность общаться с животными, рыбами и птицами. Зинка пропадает в Москве, Юля на Урале, но игрой сюжетных возможностей они соединяются, хотя Юле приходится для этого обернуться совой. Душевная история со сказочным финалом. Новый Бажов.

В «Октябре» (№ 5) публикуется продолжение **повести Михаила Тарковского «Тойота-Креста»** (начало в № 8, 2007). Герой-сибиряк Женя отправляется за птицей счастья, гламурно-нежной москвичкой Машей, в столицу, но там он долго не заживается: вертеп. Что за люди, что за нравы, то ли дело у нас в Сибири! Ну и куча наворотов вокруг этого... Но как-то все же неестественно смотрится маскулинно-сибирская кондовость в исполнении прозаика с хорошим слухом и слогом. Фальшаком. Может, по примеру персонажей Крусанова и Боссарт, герою лучше бы обратиться в зверушку или птичку? Что-то похожее, кстати, есть и у Тарковского, рассуждения про *пуповинную связь* и аналогии с вынутым из берлоги медвежонком: *...но больше всего поразило потустороннее выражение его глаз в овальном белесом ободке, маленьких, не бегающих. Это был подземный, пуповинный взгляд, говорящий о глубочайшей связи с берлогой, с тайным и скрытым от глаз ме-*

стом, чтобы понять которое, надо родиться медведем. Читаешь прозу Тарковского и думаешь: как все складно и ладно у него выходит, сердце радуется. Что за мужики-то в его Сибири, что за жизнь-то, такая настоящая! А потом отвлечешься и вздохнешь: и на что только талантливые люди расходуют свой дар, на какие недорогие, тусклые, берложьи истины! И как много на это уходит слов. Как будто все беды России от москвичей. Как будто всю жизнь колоть дрова и топить печку — это альтернатива. Кололи мы дрова и топили печку, знаем... И неумеренно красивым и довольно пустым кажется мне и предпринятое богобоязненным автором внедрение в религиозный опыт героя: *Вдруг он понял, что ничего и не будет нового и что все главное уже лежит перед ним, никуда не деваясь. И что он достоин именно такой участи. И что она не нелепость и несправедливость, а заслуженное наказание. Едва прозвучало слово «наказание», как оторвалась черная туча и полоска золотого света приоткрылась на востоке его души... И такой объем загудел, такой хорал зазвучал, когда оказалось, что есть, кому наказывать. И осознал он весь смысл своей муки. И чем подробней, невыносимей она приляжется, переживется, прилепится — тем смиренней он ее примет, как заслуженную и только поэтому невыносимую. И такой разговор пошел, такое раскаяние он испытал и такую надежду ощутил, что заснул как убитый, а наутро проснулся в ниспосланной его плоти подмоге. Ибо сказано: «Если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему».* Поменьше бы елея...

Василий Голованов в *книге рассказов* **«Лето бабочек»** («Новый мир», № 4) изящно решает довольно скромные задачи. Он портретирует себя самого, касаясь между тем самых разных предметов по логике лирических ассоциаций. Другие персонажи и вещи — бульвар, на котором возрос и жил автор: новообретенный брат и дочь с ее подростковыми комплексами; фотографируемые бабочки; грузинский рог для вина; разные места на карте России; музей Сахарова и проект идеального музея для ностальгирующих по СССР; сын гроссмейстера Спасского, который после долгой маяты вдруг обосновался на тропическом острове и в ус не дует. Хорошая жизнь у нашего автора, живописная. И сам он человек сугубо симпатичный. Ну и все пока.

Николай Климонтович в цикле **рассказов «Эльдорадо»** («Октябрь», № 5) пишет о том, что знает. Муть и блеск московской жизни. Интеллигенты и нувориши. *Я размышлял, помнится, об интеллигентской растерянности, опасливости и доверчивости. И прикидывал, отчего же настоящие хозяева положения терпят нас рядом, переводчиков, безработных геологов и праздных сочинителей: быть может, для чего-то мы им нужны.* Парвеню глазами эстета. Городская любовь, женская власть над мужчиной, мужские сумасбродства и всякое такое. Колоритно. Даже и провинциальный монастырь автор видит под углом зрения кулуарного колорита. Но главная его лейттема, пожалуй, это все же иссякание, старение и умирание той живописной Москвы, которая сложилась под конец советской эпохи.

Роман Андрея Воронцова «Необъяснимые правила смерти» («Наш современник», № 5, 6; журнальный вариант) — криминальный детектив с невнятными политическими намеками, своеобразие которому придает фигура главного героя, журналиста с интеллигентской склонностью к со-

циальному критиканству. И герой этот, идейно и душевно близкий автору, берет верх над мафиози и спецслужбистами.

В **рассказе Леонида Никитинского «Альтернативное счастье»** («Знамя», № 4) два героя. Толстый и Длинный. Один преуспел в новой жизни, бизнесе и прочем. Другой ничуть. Рассказ ведется от лица второго, этакого интеллигента-аутсайдера, собрата воронцовского героя (при сильной разнице в идейных акцентах). И выходит, что ничего особенно заманчивого в преуспеянии нет. У Никитинского жесткая хватка и неплохое социальное чутье. Рассказ неглупый.

В социальном гротеске **Галины Корниловой, рассказе «Смерть чиновника»** («Знамя», № 4), умерший на рассвете чиновник тем не менее встает и отправляется делать доклад. Уж такой он винтик, что никак не свинтится. И только нацбольская акция позволяет зафиксировать факт смерти героя. В **рассказе «Картина художника Вахромеева»** рассказчица в советские времена посещает казанскую психушку, куда попала в заключение ее подруга-диссидентка. Ее поражает контраст общей унылости и висящей на стене картины, где изображены ликующие граждане.

В **романе** молодого осетина **Дениса Бугулова «Синь»** («Дружба народов», № 5) малоинтересные и не весьма молодые герои отдаются любовным страстям. Роман делится на две части. Одна написана от лица мужчины, другая — от лица женщины. В итоге эта любовная история завершается довольно нелепо. По степени локализации предмета это скорее средних размеров повесть. Выхода в более разнообразные сферы жизни автор не дает — и довольно быстро возникает эффект монотонности. Однако в деталях у Бугулова есть находки, и вкус ему не изменяет.

В **повести Марии Лосевой «Цыганские сны»** («Знамя», № 4) автор признается, что любит воображать себя цыганкой. Ну а далее делится результатами этой игры. Широко и страстно живущая героиня Лосевой, рассказчица-цыганка, бесхитростно повествует о самых ярких страницах своей жизни. Она ищет клад с таинственным названием «бешь», который оказывается всего лишь старой октябрятской звездочкой; спасается от буйного брата-алкоголика при невольной помощи грабителей, забравшихся в квартиру соседки; опекает собаку и знакомится с влиятельной дамой из «новых русских»; вступает в романического свойства отношения с коллегами в больнице, где работает медсестрой. Складно и гладко, но не весьма похоже на настоящих цыган. И к чему это все? А так, девичьи игрушки.

В **рассказе Романа Назарова «Очарованный якут»** («Дружба народов», № 4) люди, преодолевая равнодушие, сочувствуют и помогают друг другу. И Бог их за это любит. История длинная, многословная, и прочие смыслы в ней вязнут в обилии всяких слов.

Небольшие **рассказы Натальи Ключаревой**, вошедшие в подборку **«Деревянное солнце»** («Новый мир», № 5), — это своего рода картинки, оттиски быстролетящей жизни. Свежие наблюдения, интересные люди, энергичный слог. Самый ударный рассказ — **«Серафима Никитина»**, о собирательнице старообрядческого фольклора.

Юная **Ирина Богатырева** в «Дружбе народов» (№ 6) публикует заводной **рассказ «Новая весна»** о молодой московской богеме: *Мой дом полон*

детьми, забывшими, что они дети, и все они хотят во что-то играть. Съемная квартира-коммуна на Якиманке; здесь живут на антресолях, под роялем, в ванной... *Ленка умела играть на гитаре Умела рассказывать о себе часами, и никому не было скучно. <...> Но главное, что она умела, — это влюбляться и любить. <...>*

Ее яркость и безумие приводило мужчин в состояние, сродни легкому опьянению или постоянному небольшому нервному напряжению. Даже те, кто воротил от нее глаза, как бы невзначай всегда посматривали. Их женщины стали чутче и нежнее, стали нервеннее и почти все похудели. Ленка всех учила играть. Коммуна погружалась в пучины лихорадки.

— Пробовали сотни раз, но каждый — будто первый,— скажет позже Тюня, но скажет она это, кажется, про чистый спирт, хотя, по-моему, могла бы сказать так и про Ленку.

Рассказ Сергея Ермолова «Я не герой» («Знамя», № 6) — эпизод военных действий на Кавказе в восприятии рассказчика. Впечатления как самоцель. Крутой и самодостаточный экспрессионизм, свободный от оценок и мыслей.

Рассказ Надежды Герман «Чехов, секс-символ летучих голландок» («Новый мир», № 5) — несколько бестолковая история о посещении беременной рассказчицей на пару с подругой-иностранкой музея Чехова в Мелихове. Лучшее в рассказе — его название, ничем особенным, впрочем, не оправданное.

Юрий Петкевич в **рассказе «Осенью»** («Знамя», № 5) верен себе: это каталог лирических впечатлений, где церковное таинство и разговоры с подругой стоят в одном ряду.

Герой **рассказа** вологжанина **Дмитрия Ермакова «Монрепо»** («Наш современник», № 5) метался меж женщин и остался в итоге один, что воспринимается им как житейское фиаско. Сентиментально-дидактический этюд.

Дебютный **рассказ** питерца **Сергея Авилова «Женя»** («Знамя», № 4) — о некоем безлюбовном треугольнике. Героя, творческую личность, бросает страстная красавица Светлана. После чего он вспоминает про отзывчивую тихоню лесбиянку Женю, которая всегда готова лечь в постель, и начинает спать с ней (поскольку *оставаться одному было невыносимо*), тоскуя меж тем о Светлане. И лишь Женя беззаботно счастлива. Прозу Авилова читателям рекомендует Валерий Попов. Порадуемся за обоих.

Рассказ Елены Долгопят «Небольшая жизнь» («Новый мир», № 4) — про то, что жизнь прошла, а любовь не случилась. Кажется, этот вывод должен родиться из длинных невнятных разговоров, которые периодически ведут герои.

Наталья Рубанова в ***новелле*** **«Чешуекрылые»** («Новый мир», № 4) затевает вихревую игру ассоциациями, что в принципе мотивировано рваным сознанием пожилой учительницы французского языка, которая мается от одиночества и подступающей старости со всеми ее бедами и неизбежной смертью. Прием здесь побеждает содержание и делает его абсолютно необязательным.

Александр Грищенко в **рассказе «Ребро барана»** («Октябрь», № 6) представил нестройно организованную панораму упадка многонационального

космополиса Ташкента, ставшего восточным захолустьем. Стареет и теряет близких, распродает вещи старуха, когда-то из любви к Востоку приехавшая сюда из Ленинграда. Уходит мир. *Кондукторы в трамваях разучились разговаривать по-русски, но почему-то казалось, что свежее поколение кондукторов все-таки заговорит с новой силой и особенной любовью. Город не менялся вовсе, разве что казался гораздо меньше, чем был раньше. Дальние родственники, не успевшие уехать в Россию, не старели. Надгробный камень деда был расколот надвое вандалами, хотя могила и не была бесхозной. Кладбище, огромное и шумящее листвой, казалось национальным парком — парком национальностей, где русские карты в шахматном порядке чередовались с еврейскими, а цыганские с корейскими. Нигде русских не было больше, чем на кладбищах. А тех, кто уехал, но был еще жив, уже невозможно было встретить на улицах. По улицам ходили их изможденные тени и просили, как милостыню, чтобы о них здесь поскорее забыли, потому что жить еще хочется, а как жить, если тень твоя, тень живого человека, ходит по далекому полународному городу, дышит чадом шашлычных и слушает местную, а то и турецкую, попсу?*

Текст **Владимира Лорченкова «Три нити»** («Знамя», № 5) — рассуждения о судьбах молдаван, стилистически оформленные пафосно, с явной оглядкой на библейские исторические книги и книги пророков. Усилие выглядит отчасти чрезмерным, но отражает амбиции автора, который объявляет во врезке, что считает себя *зачинателем молдавской литературы на русском языке.* Возникает вопрос: а как же Друцэ?

Рассказы израильтянки **Юлии Винер** из **цикла «Место для жизни»** («Новый мир», № 5) смутно напоминают старую прозу Татьяны Толстой. У нее странноватые симпатичные герои, плохо прирастающие к житейскому порядку и обычаю. Жизнекрушение как тема придает повествованию какой-то терпкий, минорный вкус. Правда, слог Винер гораздо менее цветист и ярок, чем манера Толстой.

Повесть молодого питерца **Валерия Айрапетяна «Дядьки»** («Дружба народов», № 5) посвящена кавказским родственникам рассказчика. Автор родился в Баку и вынес из детства замечательные южные воспоминания. Живая, веселая, остроумная, неглубокая вещь. К примеру, так: *Побитый и надломленный, вспыльчивый, как 98-й бензин, и бесперспективный, как путь к коммунизму, Налик впервые в жизни серьезно задумался о предназначении человека в этом мире. Логический строй его мыслей, сохраненный со времен чтения книг, привел его к однозначному выводу: семья. Семья! Это понимание настигло его внезапно, как напоминающий о карточном долге удар кирпичом. <...> Какие только кандидатуры не были представлены вниманию Налика: угловатые пианистки, сбитые домохозяюшки, холодные девственницы, прыткие студентки, дочери завскладов, истинные армяночки, глядящие исключительно долу, строптивые амазонки, подавленные психотички, баптистки и атеистки, деревенские и городские, но никто из них не привлек внимания Налика, и, подобно Сципиону Африканскому, дядя остался тверд и неприступен. Так проходили час за часом и день за днем.* Отчасти гимн (хоть и весьма непочтительный), отчасти прощанье...

В **повести Владимира Торчилина «Лабух»** («Дружба народов», № 5) оказавшийся на мели в глухой провинции американский институтский преподаватель, выходец из СССР, по старой памяти подрабатывает музыкантом в джазовом ансамбле. Герой вошел во вкус, раздухарился, а тут вдруг и в институт пришел немаленький грант на научную работу. И сразу два счастья привели его в форменное смятение. Вот такая сентиментально-музыкальная история, рассказанная, впрочем, довольно вяло.

Киевлянин **Михаил Назаренко** в **повести «Остров Цейлон»** («Новый мир», № 6) представил Чехова путешествующим вокруг света и заплывающим в октябре 1890 года на остров Цейлон. Писатель попадает в ловушку криминального жанра и общается с английским агентом и местными преступными наркоторговцами. Все это, конечно, высосано из пальца, и читать повесть Назаренко нужно разве что ради хорошего слога, остроумных подробностей и отыскания параллелей с Конан Дойлом, Киплингом и Лавкрафтом. Мысли автора иногда неплохи, неясно только, зачем делать заложником их доктора Чехова. Назаренко в этом аспекте — эпигон Татьяны Толстой, Лазарчука с Успенским и прочих авторов, употребляющих русских писателей для разного рода литературной игры.

Повесть калужанина **Юрия Убогого «Русь поднебесная»** («Наш современник», № 4) — история о Гоголе и Александре Смирновой-Россет. То ли дружба, то ли любовь. Но до чего ж хороши приокские места! Ей-ей.

Владимир Новиков печатает в «Новом мире» (№ 4) второй **фрагмент книги «Блок»** (начало — в № 2, 2008). В центре внимания автора взаимоотношения Блока, Андрея Белого и Любови Менделеевой — сюжет более чем известный. Автор дает ему профессиональную интерпретацию, вписывая его перипетии в разные контексты: биографический, психологический, литературный, фило- и теософский. Открытий и сенсационных версий нет и не предполагается, а есть основательный, внятный бэкграунд, толково и стильно изложенный.

Биографическое повествование **Бориса Романова «Вестник, или Жизнь Даниила Андреева»** («Москва», № 3–5) — подробный, тщательный и добросовестный труд. Автор относится к персонажу с максимально выраженным пиететом. При это он почти не вдается в содержание сочинений своего героя и лишь в нескольких словах ставит проблему его мистического опыта.

Сергей Михеенков в цикле *солдатских историй* **«Когда мы были на войне»** («Наш современник», № 6; первая часть в № 6, 2008) без затей пересказывает фронтовые были, которые поведали ему участники Второй мировой. Здесь и относительно большие эпизоды, и детали, которые в целом представляют собой опыт документирования памяти.

Герой **рассказа Ивана Евсеенко «Каратели»** («Наш современник», № 5) старый солдат и партизан столько всего видел и претерпел, что категорически невзлюбил немцев как нацию: *Я бы из этой Германии озеро сделал!* Автор ценит мудрость ветерана и, кажется, согласен, что Германию надо бы затопить.

А у **Петра Алешкина** в **рассказе «Васька-немец»** («Наш современник», № 6) герой узнает, что его отцом был немец-военнопленный. Дальнейшее — история короткой послевоенной любви русской девчонки и баварца Эрика.

В **рассказе Василия Килякова «Письмо Сталину»** («Наш современник», № 5) деревенский мальчонка пишет письмо Сталину с просьбой пристроить его в Суворовское училище, а отец с матерью отчего-то кремлевского грузина не любят. Фоном идет жизнь, полная страха людей перед жестокой и безумной властью.

Игорь Штокман в своих **рассказах** («Москва», № 4), судя по всему, отталкивается от воспоминаний об армейской службе. Самый заметный из них — **«Хиромантия»**. Изображен бездушный, жестокий капитан Петренко, под началом которого пришлось служить рассказчику. Солдатиков допекло, и дело чуть было не дошло до самосуда. Штокман — умелый и опытный, холодноватый рассказчик, идущий от факта.

От факта идет и **Михаил Кураев**. Но у него неизмеримо сильнее выражен гоголевский вкус к комическим нелепицам жизни. Его **рассказ «История одной отбивной»** («Знамя», № 6) — анекдот о молодом карьеристе с кинофабрики, намерениям которого подружиться с начальницей помешала влюбленная в него подавальщица в столовой.

Герой **рассказа Геннадия Карпунина «Петька»** («Москва», № 4) вспоминает, как он, городской парнишка, подружился в деревне с заводным, авантюрным ровесником. Финал рассказа элегически-сентиментален. Взрослый рассказчик приезжает в деревню и узнает, что друг детства Петька погиб, спасая лошадей из горящей конюшни. Скорее быль.

Роман Андрея Горохова «Дорога в рай» («Москва», № 6) — это собрание разнородных новелл, связанных лишь появляющейся в финале каждой из них по тому или иному поводу стихотворной миниатюрой старого японского поэта. Места действия — Япония XII века, средневековая Персия и тех же времен Франция, Россия в период Гражданской войны, современная Венеция, эпизод кавказских войн рубежа XX–XXI веков. Один рассказ посвящен таинственным явлениям в Атлантике во время Второй мировой войны, а один — вообще вне времени и пространства. Повествование иной раз напоминает притчу, иной раз философический диспут, а иногда и просто историю из жизни. Впрочем, по большей части новеллы эти — лишь эстетски заостренные упражнения на ту или иную культурную тему, рефлексы воображения, игра хорошо устроенного ума. Это последний, судя по всему, текст Горохова: в редакционной справке указаны годы его жизни: 1958–2008.

МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ

«Знамя» (№ 4) продолжает публикацию фрагментов **«Дневника русского читателя» Юрия Карякина** (начало в № 11, 2007). Записи 1994–2007 годов. О себе, об исторических персонажах и современниках, о злобе дней. Много дельного. Вообще, есть свобода и яркость мысли, которые подкупают, хотя иной раз кажется у автора уж слишком затянувшимся процесс расставанья с кумирами молодости, гуманистом Лениным и пр. Впрочем, все-таки Солженицын, Достоевский и Гойя регулярнее стоят на горизонте карякинского сознания.

Семейная сага врача-нейрохирурга **Владимира Найдина «П-т-т, санатория, чать»** («Знамя», № 6) — добросовестный отчет о родственниках, так

или иначе отметившихся в истории страны в XX веке, активно и пестро проявлявших себя на арене истории. Живописные были, где автор тщательно, кстати, перечисляет испытания, выпадавшие на долю близких, многие из которых активно вложились в коммунистический проект, но ни разу, кажется, не поставил всерьез вопроса о личной ответственности или вине кого-то из них в том, что случилось в стране. Почти единственный поэтому вывод, который можно сделать из жизнеописаний: за что боролись, на то и напоролись. Впрочем, автор обаятельный рассказчик, и я, наверное, требую от него слишком много. По крайней мере, в семейной жизни все герои Найдина проявляли себя самым лучшим образом.

В «Новом мире» (№ 5) публикуются незаконченные мемуары покойной преподавательницы МГУ, ученицы академика Колмогорова **Натальи Химченко «Пять детств и три юности»**. Одно из детств случилось в небезызвестном московском *доме на набережной*: ее мать вышла замуж за сталинского замнаркома лесной промышленности. Много (иногда чересчур) фактурных подробностей, есть четкость в оценках. Однако слишком значительных мыслей и очень интересных людей в воспоминаниях Химченко, пожалуй, нет.

Забавнее, простодушнее и невесомей мемуары **Сергея Мирова «Жили-были мы. Хроники узкого круга»** («Октябрь», № 5), отпрыска московско-еврейского семейства, к которому принадлежал известный в середине XX века конферансье. В записных книжках Ильи Ильфа есть запись: *Толстого мальчика дети во дворе зовут «жиртрест». Это фундаментальный, спокойный и очень уравновешенный ребенок.* Это, комментирует Миров, *про моего папу.* Автор — пустомеля, но с хорошей памятью.

Михаил Айзенберг в *римском дневнике* **«Машина времени»** («Знамя», № 4) фрагментарно передает свои впечатления от вечного города. Взгляд поэтически субъективный, неожиданный и острый. Кто не был в Риме, тот поймет немного. А не для таких и писано.

В «Дружбе народов» (№ 6) публикуется **эссе Бориса Василевского «Кот, спящий на Хемингуэе»** о любви к Хемингуэю человека, чья молодость выпала на середину XX века. *В какой-то из вечеров, в поисках, чего бы еще прочесть, я обратил внимание на газету в коридорчике. Газета накрывала бочку с солеными огурцами и вся промокла, потемнела от рассола. Но можно было разглядеть, что там портрет, и что-то очень знакомое почудилось мне в том портрете. Белая голова, белая борода И бросились в глаза слова: «Памяти Эрнеста Хемингуэя». Я осторожно, чтоб не разлезлась, снял газету с огурцов и вошел с нею в комнату*

ПРОЕКТ

«Октябрь» в № 4 отчитывается о проведенной **акции «Литературный экспресс. Москва — Владивосток»**. Экспресс был организован с просветительской целью. Литераторы из Москвы отправились по стране в «писательском вагоне». Они встречались по пути следования экспресса с читателями и коллегами, живущими в регионах. Журнал собрал на страницах номера тексты московских и провинциальных участников акции. Отчасти это путевые заметки.

Валерий Попов в своих заметках **«Мы сделали это»** возвращается к давно, казалось бы, потерянному им стоико-оптимистическому бесстрашию давних своих времен. Остальное уже не так важно.

Впрочем, количество и даже качество оптимистической бодрости в дальнейшем у разных авторов начинает уже тревожить. То ли спирт в жилах забродил, то ли грибов наелись, о которых поминает, кажется, **Игорь Клех («По этапу в СВ»)**. Какая-то просто-таки массовая эйфория. Особенно, скажем, проявившая себя в заметках **Дмитрия Новикова «Железное счастье дорог»**. Автор форменным образом впадает в восторженное детство. Хотя для свежести взгляда это не худшее состояние. А критик **Павел Басинский**, например, признается в любви ко всем писателям **(«De Profundis»)**. Что ж, стоило ради этого ехать к черту на рога.

Другой вариант посыла: **Ильдар Абузяров (рассказ «Карусель грехов»)** сводит счеты с родным и покинутым Нижним Новгородом. Заново расстается. *Сумасбродная, глупая, взбалмошная купчиха, торговка, пряничные тело и разум. Город купцов, ярмарка тщеславия. Был бы немного другим, поменьше устремленным к Москве, может, остался бы я в нем. Жил бы тихой семейной жизнью со своей женщиной...*

Все-таки немножко это получилось и галопом по Азиям. Вот и выходит, что самым сильным впечатлением, к примеру, **Бориса Евсеева («Далекая? Великая? Большая?»)** оказалось то, как его в Биробиджане перепутали с когда-то прославленным «антисионистом»-однофамильцем.

А у **Анатолия Королева («Путешествие во чреве кита»)** появляются такие географические сюрпризы: *Я никогда прежде не бывал в Кирове <> Оказалось, что город повернут задом к вокзалу, а его парадная линия развернута с крутого берега на Оку и приокские дали, на дивное раздолье простора, с лесами до самого горизонта...*

Довольно мил **рассказ** юной **Марии Ботевой** из Кирова **«Где правда»**: поток речи девочки с городской пристанционной окраины — про девичьи дела и случаи. Все же это скорее эксперимент в сказовой манере. Ботева никак не расстанется с пеленками-распашонками и не начнет писать без проб, по сути. А ведь давно замечена и в журналах нарасхват. Случай милого творческого инфантилизма.

Впрочем, православные стилизации иркутянина **Анатолия Байбородина («Святой Наум наставит на ум»)** кажутся еще сомнительней. Как-то все придумано, начиная с безмятежного слога: *А уж полыхал вечерними зарницами месяц зоревик. Утрами светилась седая паутина на приозерном лугу. Тревожно гоготали деревенские гуси, охлопывали крыльями линялую мураву, тоскливо глядя, как табарятся гуртами дикие гуси и, загнув над озером прощальный круг, уплывают в небесную синь. И гаснущим эхом доплывал с высоких небес на осеннюю землю птичий голос: прощай, матушка-Русь, я к теплу потянусь...*

В **рассказе Романа Сенчина «За сюжетами»** три писателя отправились в Чухлому покупать дом. Жить на земле захотелось. Или что-то такое. Встреча с народом быстро их отрезвляет.

Обзор подготовил Евгений Ермолин

В. Звезда, «Нева»

Одна из самых заметных публикаций сезона — главы из последней книги **Юрия Рытхэу** (1930 — 2008) **«Дорожный лексикон»** («Звезда», № 4). Короткие **рассказы** о родной Чукотке и своей многообразной жизни писатель оформляет как словарные статьи под заглавиями — «Абитуриент», «Баня», «Вор», «Выборы», «Газета», «Имя», «Милиция» и т д., в которые и укладывает любопытные истории, связанные с этими словами. И рассказывает их очень хорошо, чистым и ясным языком. Арбузы на Чукотке неизвестны, во всяком случае в конце 40-х, в годы юности автора, их там и в глаза не видывали. Вот и вспоминает писатель, как они с приятелем купили во Владивостоке арбуз, состругали с его поверхности пару кусочков, пожевали, плюнули... А внутри у диковинной штуки что-то красное и мокрое, еще и с подозрительными черными штучками — то ли червяками, то ли гигантскими микробами, — трогать не стали. Словом, выбросили загадочный фрукт в залив Золотой Рог и отправились в долгую дорогу в Ленинград («Арбуз»). А в рассказе «Вор» Рытхэу вспоминает время, когда воровство в среде луораветланов (как называют себя чукчи) считалось одним из самых низких пороков, и человек, пойманный за него, получал пожизненное несмываемое клеймо.

Святочный роман **Бориса Дышленко «Созвездие Близнецов»** («Звезда», № 5, 6) — странноватая вещица из советских времен. 1974 год, сердцевина застоя. Подпольный художник-оформитель Коля Болотов, паренек даровитый, но робкий, попадает под пресс Софьи Власьевны: за «тунеядство» его вот-вот выселят из Ленинграда, и тучи над ним сгущаются с каждым часом. А герой, конечно же, никакой не тунеядец, просто для писания картин ему нужно время, вот и скачет он с одной службы на другую, лишь бы не заставляли сидеть в конторах. Денег, конечно, у него не водится, но высокая Колина душа про то не печалится. И невеста у героя под стать ему: такая славненькая, наивненькая, чистенькая будущая декабристка, готовая за любимым человеком хоть в воду. На всю эту ситуацию автор смотрит с сильным сатирическим прищуром. Всё у него в романе как бы понарошку — и герои будто не всамделишные, и ситуация будто увидена не то в кривом зеркале, не то под увеличительным стеклом. Беднягу Колю — этакого грустного-грустного Пьеро, влюбленного в свою Мальвину, — окружают такие же люди-маски. Вот Александр Антонович, учитель французского, то русофил, то галломан, смотря, какая погода во дворе. Вот псевдокомпозитор, ворующий чужие мелодии и едва умеющий играть. Вот гениальный «экзистенциалист», автор глубокомысленной сентенции: *Суть сути, в отличие от сути несути, равна несути несути. Но суть существенного, равно как и несуть несущественного, что прямо противоположно сути несущественного, равной несути существенного, приводит нас к выводу о том, что само существование экзистенциально.* Рефреном по тексту походит дурацкая фраза, которую произносят все кому не лень: «*Пушкин на стуле сидеть не умел*» — будто камертон вершащегося паноптикума. Здесь все лживо, все поддельно, все — мишура и тлен. Впрочем, «святочным» роман назван недаром. Колю уже совсем было арестовывают, и вот уже творится над ним суд, и вот уже вынесен ему приговор, но...

тот же суд, что осудил его, внезапно устанавливает: *Того же числа, того же месяца, того же года Солнце, которое в соответствии с картой звездного неба должно было находиться в созвездии Козерога, внезапно оказалось в созвездии Близнецов. Это обстоятельство суд принимает как чрезвычайное и снимающее с подсудимого Болотова всякую ответственность по статье 209-й Уголовного кодекса РСФСР.* Вот такая невсамделишная проза.

К собственному семидесятилетию приурочил **Михаил Кураев** публикацию *исторической хроники* **«Две катастрофы»** («Нева», № 6). В центре внимания писателя — убийство Александра II и крушение царского поезда в Борках. Трудно сказать, что именно побудило Кураева истории эти объединить. То, что они касались помазанников Божьих?.. Или что знаменовали собой надвигающийся катастрофический XX век, а стало быть, дают повод прогуляться в красивый век XIX-й и воскресить на журнальных страницах сверканье аксельбантов и учтивость речи и манер?.. Трудно, повторю, сказать. О первомартовской трагедии написаны горы книг, и добротная реконструкция событий, пусть принадлежащая перу даровитого прозаика, добавит сюда мало что нового. Катастрофа в Борках выявила, конечно, множество типично российских бед: и традиционное русское «авось», и повальное воровство, и обман, и служебная халатность. Но последствие самого этого события, оказавшегося, кстати, для царской семьи благополучным, несопоставимы с «первомартовскими». Да и к революционному движению в России катастрофа на Харьковско-Николаевской железной дороге не имеет никакого отношения. Правда, в хронике Кураева немало героев задействованы в обоих эпизодах, но недоумение все-таки не оставляет.

Разочаровывает **повесть** тбилисца **Гелы Чкванавы «Истории Набережной улицы»** («Нева», № 4). Под этим заглавием автор объединяет множество житейских случаев, то ли выдуманных, то ли действительно происходивших с его соседями — обитателями одной из улиц южного города. . Истории, как это водится у автора, уже в «Неве» известного, отмечены нарочитой наивностью и глуповатостью. Точь-в-точь соцреалистические кинокомедии, призванные нести в народ бодряческий оптимизм вкупе с легким подтруниванием над отдельными недостатками. Концы с концами не сходятся, — ну так что? Зато легко, приятно и никому не обидно. Один из героев, например, уличный грабитель, сколотивший целую шайку себе подобных, оказывается нежным и любящим мужем и вообще героем положительным, и все это не отходя от основных своих занятий. В другом рассказе старик-сторож почему-то принимает разгневанную супругу своего сменщика за Деву Марию (?!), принесшую ему поклон от его покойной жены. Ну и прочие подобные бессмыслицы, рассказанные стертым, безликим, дистиллированным языком. От классических образцов соцреализма истории эти отличает разве что изобилие «солененького»: любовники, любовницы, подглядывание за обнаженными девушками, уличные и кухонные страсти. Добавлю, что все герои говорят абсолютно одинаково, будь они хоть женщинами, хоть мужчинами, хоть детьми.

Повесть кинооператора и режиссера **Дмитрия Долинина «Иллюзион»** («Нева», № 5) — история из жизни киношников. Воспроизводятся события перестроечной эпохи — съемки картины о сталинском женском лагере,

имевшей тогда бешеный успех. В параллель рассказывается история личная. Литовка-режиссер по имени Вайда и ее муж кинооператор в пылу бурной работы теряют своего будущего ребенка. Эта история потери уже живого, но не рожденного человека уподоблена в повести утрате всей несчастной нашей страной открывшегося тогда шанса стать страной демократической, животворящей, подлинной. Жизнь Вайды и Макса спустя 20 лет монотонна и спокойна, детей у них уже никогда не будет, — и оглушающе пуста, как и жизнь их страны. Несуществующего ребенка заменяет Вайде кот, которого она нежно держит на руках. *Она уверена, что это вовсе не кот, а маленький человек, которого одели в меховую шкурку и запретили разговаривать, а та лапа, что тянется к ее носу, вовсе не лапа, а ручка.* Повесть пронизывают мучительные размышления автора о России, *огромной сиротской стране, странной земле, где люди обитают вроде бы временно, не заботясь о своем и своих детей будущем.* Рефреном проходит фраза знаменитого Ежи Леца: *Мечта раба — рынок, на котором можно купить себе хозяина.* Грустная, трагическая проза.

Повесть Русины Волковой «Внуки Черубины» («Нева», № 5) — изящная, игривая вещица с тонким эротическим ароматом. Героиня ее — юная девушка, которую прабабка-дворянка учит обольщать мужчин с помощью особой, изобретенной ею системы. Исследуются такие способы обольщения, как варка необычного кофе, особая походка, изящное танцевание, благовонная амбра и, разумеется дыхание (непременно «легкое»). В повествование включены байки времени Серебряного века и иронический пересказ знаменитой дуэли между Гумилевым и Волошиным. Прабабка раскрывает и тайну иерархии женихов, на вершине которой — отнюдь не великие князья (специализирующиеся, говорит она, главным образом на балеринах) или задохлики-интеллигенты, а красавцы-востоковеды! До них не дотянуться ни поэтам, ни художникам, ни философам. То-то рассказчицу, хорошо усвоившую эти уроки, ждет в дальнейшем череда мужей-востоковедов. Правда, почтенная дворянка уверена: на нынешних мужиков благородную амбру переводить жалко.

Повесть Владимира Андреева «Здравствуйте, доктор!» («Звезда», № 6) — несколько странная двоящаяся история взаимоотношений двух друзей, густо замешанная на эротике. Нет-нет, они отнюдь не геи! Отношения связывают двух мужчин и двоих женщин. Один из друзей богат, другой победнее. Оттого сначала кажется, будто рассказывается история-быль о нынешнем социальном неравенстве. Но этот мотив куда-то улетучивается, и повесть переходит в плоскость эротическую: один из друзей сочиняет письмо знакомому доктору-сексопатологу, раскрывая ему свои тайные страдания, а потом, видимо, погибает. Странноватое, неважно продуманное сочинение.

Трагический случай самоубийства, увиденный глазами 8-летнего мальчика, — сюжет **рассказа** иркутянина **Владимира Смольникова «Остров Юность»** («Звезда», № 5) . Только что мирно сидевшего на берегу Ангары тщедушного мужчину, что-то писавшего (оказалось — прощальное письмо), он с ужасом вдруг увидел повесившимся на дереве. Но самое страшное — что поселковых пацанов это зрелище совершенно не пугает: они запросто обшаривают карманы покойника...

Претенциозный, кокетливый **рассказ Эдуарда Фактора «Наполеон и алопеция»** («Нева», № 4) — довольно бессмысленная история с переводом на русский романа о наполеоновской эпохе. Сначала на оплату труда переводчика денег не было, потом они нашлись. Вокруг грошового сюжета накручено море слов, извинений за собственную неискусность и проч.

Интересны, мягко сдобрены юмором и мастерски написаны **рассказы** петербургского физика **Арсения Березина** («Звезда», № 4). Рассказ **«Атлантик-сити»** — о том, как автор знакомится с застенчивым гигантом Николаем Валуевым, боксером, совершенно не способным сделать другому больно, а через некоторое время становится свидетелем того, как выведенный из себя Николай ударом, *подобным автокатастрофе*, едва не отправляет соперника на тот свет. *На следующий день американская спортивная пресса писала, что нокаут Николая Валуева открывает новую страницу в профессиональном боксе и еще вопрос, следует ли ее открывать вообще...* Рассказ **«Два концерта»** — о нежданном празднике, устроенном после войны для ленинградской интеллигенции, — исполнении в филармонии «Болеро» Равеля, прежде запрещенного «*как музыкальные импрессионистские гримасы*». Интеллигенты, пишет Березин, *пришли на встречу с запретной музыкой, как на праздник, как на общий сбор рыцарей ордена меломанов.* Этот праздник, это неслыханное счастье общения с великой музыкой помнится рассказчику по сей день. *Да, не зря старался Ферреро на репетициях, выбивая из нашего заслуженного коллектива остатки социалистического реализма и российского разгильдяйства. Звук был идеальный, но бог с ним, со звуком. Откуда у них взялось это вдохновение, это неистовство, с которым они исполнили завершающую часть? Ферреро позволил себе вопреки всем канонам задержаться на одной из повторяющихся верхних нот, выбиваясь из железного ритма, и эта нота прозвучала как крик отчаяния. Соседка справа впилась мне в руку ногтями и застонала.*

Симпатичными семейными историями делятся **Нина Горланова** и **Вячеслав Букур** в «Неве», № 4. **Рассказ «Вайлеры»** — немного шутливая, но одновременно серьезная история женщины, один сын которой, еврей-полукровка, плачет, но ухаживает за 95-летним бандеровцем, а второй почему-то бросил прежде страшно интересовавшую его тему Холокоста. Обо всем этом она рассказывает священнику. **Рассказ «Трофимка»** — о потерявшемся пятилетнем мальчике, который, будучи ребенком разумным, нашелся сам. Его старший братишка пишет записку в храм: «*О ЗДРАВИИ МАМЫ ПАПЫ ЧЕРЕПАХИ МАШИ И ШТОБЫ БРАТ НЕТЕРЯЛСЯ*».

Традиционно-сентиментальную историю о том, как добрая женщина, потерявшая в войну детей, всем сердцем прикипает к «дохляку»-немцу, военнопленному, поведал петербуржец **Владислав Федотов** в рассказе **«Russisch мама»** («Нева», № 5). Много патетики и жалостливых слов.

Рассказ «афганца» **Олега Ермакова «Сон Рахматуллы»** из книги «Арифметика войны» («Нева», № 5) — эпизод из времени той позорной войны. Попавшего в плен русского солдата ведут на веревке, как собаку. Но его, умирающего от жажды, поит вкусной водой из грота добрый афганец.

Короткие **рассказы** американки **Елены Матусевич** («Звезда», № 4) — разнообразные истории как из русской, точнее советской, так и из аме-

риканской жизни. В рассказе **«Школа № 4, специальная и французская»** повествуется о том, как девочке-еврейке «не повезло» с ее *каверзным лицом*. Вечно ее принимают за иностранку: в Германии — за турчанку, в Финляндии — за румынку. Одна бабушка, русская православная женщина, *никогда не видела в лице внучки ничего кроме любви. Она, казалось, и вовсе не замечала, какие у людей лица, кроме как «хорошие и нехорошие». Когда в Америке к нам пришли в мое отсутствие рабочие, она потом никак не могла сказать мне, негры они или белые.*

МЕМУАРЫ, ИНТЕРВЬЮ, НОН-ФИКШН

К 85-летию со дня рождения **Виктора Астафьева** «Звезда» (№ 5) публикует несколько развернутых бесед с писателем, записанных красноярцем, журналистом Николаем Кавиным. В частности, писатель рассказывает о своем прадеде, мельнике, носившем фамилию Мазов. *Это был очень могучий тучный человек (я в него пошел) . Очень много работал.* В 1931-м деревню, где в крестьянской семье от веку положено было иметь трех лошадей, раскулачили. В Игарку выслали и деда, и прадеда, которому шел 102-й год. Вспоминая Игарку, Астафьев говорит: *Город этот построен на костях. Сейчас с ним случилась беда, он кончает свой срок жизни... Я думаю, горит и погибает этот город оттого, что он построен на человеческих костях, и построен без Божьего благословения, без соизволения Господня. Он противозаконен, противоестествен, и все беды, что с ним происходят, происходят неспроста. Это проклятие Господне над ним витает.*

В другой беседе В. Астафьев вспоминает войну и размышляет о том, что это преступно — посылать молодых людей убивать и заставлять их привыкать к крови, к смерти. *Я, например, после войны пять лет не воспринимал смерть. Мне было все равно.* Отвечая на вопрос, каким ему, фронтовику, видится настоящий праздник Победы, Астафьев говорит: *Я бы на месте русского народа пошел в церковь и помолился, прежде всего за души усопших, за здравие живых еще солдат. И сел бы за какой-то домашний стол, помянуть своих ближних. Это должен быть день поминовения.*

Петербургский художник **Георгий Ковенчук** в «Звезде» (№ 6) публикует воспоминания под заглавием **«Из записок художника»**. Вспоминается ему, в частности, не то смешной, не то горький эпизод студенческих лет. 1954 год, лето, деревня под Ярославлем, куда студентов отправили на практику. Среди русских ребят немало иностранцев, главным образом китайцев, но есть и немцы. Отношение к ним у местного населения сложное — с войны не минуло еще и 10-ти лет. И вдруг... Местная уборщица, уже совсем было простившая юному Эрику его национальность, вдруг смертельно разобиделась на него. Оказывается, он сказал: плохо ты живешь, тетя Катя, мне тебя жалко, бедная ты женщина. Это я-то бедная? — со слезами воскликнула она. *Она нагнулась и что-то начала вытаскивать из-под своей железной койки. Это оказалась большая картонная коробка из-под болгарских сигарет. Коробка была доверху наполнена сухими батонами из серой муки.*

— Вот! Смотри, какая я бедная. Смотри!

Тетя Катя тряслась от гнева.

К 80-летию со дня рождения **Виктора Конецкого** «Звезда» (№ 6) представляет запись беседы с писателем. Немало глупостей довелось ему, рассказывает он Николаю Кавину, услышать по поводу истории, ставшей сюжетом «Полосатого рейса». Замминистра культуры, например, вызвал его в кабинет и спросил строгим голосом: *«Скажите мне,— говорит,— советские капитаны — члены Коммунистической партии?» Я говорю: «Да, в обязательном порядке все капитаны — члены Компартии». Он говорит: «И что же, вы считаете нужным показывать нашему народу, что, когда тигр сунет морду в рубку, капитан сразу же вылезает в окошко? И это коммунист? И это капитан? Он сразу покидает свое рабочее место, свой командный пункт? И вот вы хотите все это показывать народу?» Ну, я обозлился, естественно, и говорю: «Знаете что, вот если сейчас сюда, к вам в кабинет, войдет тигр, то вы одним прыжком окажетесь на этой люстре». Потому что я отлично уже знал, поработав за кулисами цирка (по-писательски поработав, то есть понаблюдав за работой циркового народа), что тигры — очень страшная вещь. И поэтому мне были смешны эти замечания. Но самое интересное, что не только начальство набросилось на то, что моряки испугались тигров. Я стал получать десятки и сотни писем от зрителей (их потом печатали в комсомольских газетах) о том, что «Полосатый рейс» — это картина, которая «искажает образ советских моряков, потому что они испугались тигров».*

Обзор подготовила Евгения Щеглова

Беседы в редакции

Сегодня у нас в гостях режиссер Дмитрий Черняков, мастер музыкального театра, известный тем, что умеет ставить свои спектакли, совершенно освободив их от пыли и нафталина, столь привычных на оперных подмостках. Постановки Чернякова по-настоящему современны, они обращаются к уму и сердцу зрителя, минуя бастионы тяжеловесной музейности и обнаруживая то, что в музыке, слове и сюжете важно во все времена. А стало быть — и во времена Верди или Чайковского, и сегодня, и завтра...

Дмитрий Феликсович Черняков родился в 1970 году в Москве. В 1993 году окончил режиссерский факультет Российской академии театрального искусства (ГИТИС). В большинстве своих спектаклей выступает также в роли сценографа и художника по костюмам. Осуществил целый ряд оперных постановок в ведущих музыкальных театрах России и Европы, в том числе «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии»(Мариинский театр, 2000), «Похождения повесы» (Большой театр, 2002/2003), «Аида» (Новосибирск, Театр оперы и балета, 2004), «Тристан и Изольда» (Мариинский театр, 2005), «Борис Годунов» (Берлин, Государственная опера, 2005/06), «Евгений Онегин» (Большой театр, 2006/07), «Хованщина» (Мюнхен, Баварская государственная опера), «Игрок» (Берлинская государственная опера Unter den Linden и Миланский La Scala, 2008), «Леди Макбет Мценского уезда» (Дюссельдорф, Немецкая опера на Рейне, 2008), «Макбет» (Новосибирский театр оперы и балета, Парижская национальная опера, 2008/2009). Лауреат премии «Золотая маска», премии ассоциации музыкальных критиков Италии, премии «Триумф», международной премии им. К. С. Станиславского и др.

Дмитрий ЧЕРНЯКОВ

ЛЮБОЙ СПЕКТАКЛЬ — ЭТО РАЗГОВОР О ВАЖНОМ

— Если говорить очень упрощенно, то общей особенностью всех Ваших оперных постановок можно назвать прежде всего осовременивание сюжета — уже даже на уровне декораций: здание Центрального телеграфа в «Борисе Годунове», сталинская архитектура «Аиды», телестудия в «Похождениях повесы»... Примеры можно множить и множить.

— Это не совсем так. Буквально в наши дни действие происходит только в двух спектаклях, в «Борисе Годунове» и «Игроке». Но практически во всех моих спектаклях события действительно разворачиваются не в том историческом прошлом, которое обычно заявлено первоисточником, а, скажем так, в условном времени, которое носит только внешние черты нашего

обозримого недавнего прошлого или современности, а на самом деле является абсолютно абстрактной театральной реальностью.

— И оттого впечатление бывает иной раз ошеломляющим. Недаром столько толков вызвал «Евгений Онегин» (безупречный, с нашей точки зрения, спектакль), где герои выглядят практически нашими современниками, разве что чуточку старомодными, и где все происходящее настолько жизненно достоверно и психологически убедительно, что (правда, комплимент ли это оперному режиссеру?) забываешь, что находишься в опере. Мы ведь все-таки привыкли (особенно в академическом Большом театре) к опере как некоторой череде концертных номеров, тяжеловесных хоров, арий и дуэтов, когда певцы и певицы становятся в монументальную позу, поворачиваются лицом к публике, прикрывают глаза — и исполняют... В Ваших же спектаклях актеры живут и поют, как будто дышат, — естественно, нерутинно, убедительно...

— Знаете, до премьеры было много разных слухов о том, какой это будет ужас — «Онегин», наполненный маргинальными деталями современной жизни. Говорили, что действие спектакля происходит на помойке, у пивного ларька, что Татьяна пишет Онегину SMS-ки... Мне такое даже в голову бы не пришло. Я, кстати, потом даже подумал: надо было собрать все эти слухи и поставить когда-нибудь спектакль, учитывая все эти ожидания, — так сказать, по просьбам почтенной публики...

— Однако мы не специалисты в области театра и не имеем претензий задавать Вам чисто театроведческие вопросы. Мы самые простые зрители. К тому же «Континент» — это прежде всего журнал духовных исканий, пишущий на мировоззренческие темы и пытающийся понять, в каком духовном пространстве мы живем, как оно строится, в какую сторону идет и т. п. И потому главный наш вопрос к Вам вот какой. В своих интервью Вы часто говорите, что при подходе к оперной постановке отправной точкой для Вас является партитура. Однажды Вы даже сказали, что относитесь к музыке как к некоторой данности, — своего рода «анонимному тексту», который Вы принимаете как законченное и совершенное целое и готовы интерпретировать, то есть передать уже через фактуру текста театрального. И вот нам интересно: как этот «театральный текст» придумывается? Как рождаются образы, самая история, которую Вы рассказываете? Откуда она появляется? На основе чего возникает? Насколько в этом процессе важно для Вас либретто? Ведь рождаются-то у Вас истории совершенно определенного типа — те, что укладываются в довольно современный дискурс — «обозримое недавнее прошлое», как Вы сказали. Это случайно или тут есть какая-то закономерность? И если есть, то какая?

— Тут несколько вопросов. Вы цитируете то, что я говорил когда-то в давнишнем интервью... И вот я слушаю вас и думаю, что не бывает какой-то одной правды и одного подхода. Все очень изменчиво, и любые методо-

логии и системы со временем подвергаются критике, пересмотру, и (или) оказывается, что важное, может быть, не в этом, а в чем-то другом. Что я имею в виду? В принципе, если быть честным, нет никакой универсальной системы, метода, как родить образы будущего спектакля. Если бы она была...

— Мы спрашивали не о системе. Речь не о приемах, а о принципах. Тут интересна не методология, а мировоззрение...

— Да, я понимаю. Но, собственно, универсального способа сочинять спектакли все равно, наверное, не существует. Если бы он был, наверное, намного легче было бы жить. Потому что когда надо создавать, придумывать спектакль, — это каждый раз такие мучения, столько раз подвергаешь себя какой-то коррозии, буквально ешь себя... Потому что для меня, например, это всё не просто, это мучительная, истязающая работа. Я имею в виду не сам процесс постановки, когда я прихожу в театр, работаю с артистами, делаю что-то фактически. Я имею в виду другое: момент, когда я должен придумать, в какую сторону я буду двигаться, — вот это для меня самый тяжелый момент. Я это обычно делаю долго — очень, очень, может быть, даже дольше, чем другие люди, которые занимаются моей профессией. Иногда из-за этого я затягиваю все сроки договоренности с театрами, приезжаю позже. Практически каждый мой новый спектакль связан с какими-то такими историями, когда я прошу о переносах и срываю сроки на старте. Потому что мне все время кажется, что я чего-то не чувствую или делаю что-то с холодным носом, или не могу уловить самое главное, а самое главное лежит где-то, за какой-то стенкой и не дается, и я не могу его поймать... Или даже не поймать, а присвоить себе. Именно *присвоить*, это очень важное слово. Так что никакого метода, гарантированного инструкцией, не существует. Я бы даже желал, может быть, его иметь, чтобы как-то облегчить себе немножко жизнь. Но пока не получается. И каждый новый спектакль идет сложнее и сложнее. Я вот так стал это понимать.

Например, я сейчас вспоминаю, как неправдоподобно легко далась мне постановка «Похождений повесы» Стравинского, которая была семь лет назад: все вопросы этого произведения я решил достаточно быстро и легко. Или я просто был менее требовательным? Но тогда мне все стало понятно с какой-то прямо «моцартовской легкостью». Но это было уже давно, и теперь я вижу, что чем дальше, тем все сложней и сложней, особенно если сравнить ту старую работу с «Макбетом» Верди, с последним моим спектаклем, который я сделал в апреле и который шел очень сложно.

У меня даже есть система таких, так сказать, подпорок, внутренних ритуалов, которые я совершаю, чтобы поймать то главное, что мне так трудно дается. Я понимаю, что мне это не принесет пользы, но исполнить это я должен. Ну, например, мне нужно буквально *всё* прочитать на тему произведения. И я все методично, въедливо, последовательно читаю от корки до корки; даже если я понимаю, что что-то можно пропустить, потому что это общее место, повтор, я все равно читаю, потому что для меня это ритуал. Я должен, что называется, все бросить на алтарь, — словно, если я все это не выполню с какой-то такой сакральной размеренностью и как бы честностью, то я не

пойму самого главного. Иногда мне необходимо куда-то поехать. Например, когда я делал, — давно это было, — «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии», я ездил к озеру Светлый Яр. Это между Нижним Новгородом и Кировом — в лесу, и мы с трудом нашли тогда это озеро. Разумеется, я не надеялся ни на какой прилив вдохновения, который меня бы там посетил, чтобы я сразу понял, как мне двигаться дальше. Нет, это тоже был ритуал, который никак мне не помог, но я чувствовал необходимость это сделать. А вот сейчас я буду делать «Диалоги кармелиток» Пуленка — это о монашеском ордене, который во время Французской революции был уничтожен, и монахини казнены на площади в Париже, — так я поехал в глубину Франции, в глубинку, нашел Компьен, нашел этот монастырь, познакомился с матерью-настоятельницей. Она меня водила, все показывала, рассказывала о том, какой тут уклад жизни. И все это тоже не имеет отношения к произведению Пуленка: это современная жизнь, это другие монахини... Но мне необходимо было совершить этот ритуал для какого-то непонятного для меня внутреннего состояния. Вот такой ритуализм. Иногда я совершаю такие вещи для того, чтобы внутри вызвать правильное чувство.

Но вообще, как приходят идеи, я сказать не могу. Непонятно, на каком повороте, на каком углу ты вдруг понимаешь: сейчас ты прав. Но вот когда ты понимаешь, что ты прав внутри, — это чувство такого невероятного счастья! Это такое облегчение — как освобождение после какой-то долгой болезни, после мучительной боли. Тогда приходит легкость, и тогда уже сразу включается фантазия, начинает сразу бешено фонтанировать... И тебе сразу всё становится видно...

Иногда вдруг помогает какое-то ключевое слово. Например, когда я делал «Онегина», мне помогло именно слово. С «Онегиным» тоже ведь было сложно. Вроде бы я и музыку эту, как и очень многие другие, с детства знаю наизусть — каждую ноту, а вот поди ж ты... Но что-то не давалось, я чего-то не чувствовал. В какой-то момент я понял, что Татьяна — это чистой воды визионер. Как и многие другие героини Чайковского. И когда я это понял, я стал думать о том, что такое визионер и как человек с таким даром может существовать среди других людей, каково ему: сладко — не сладко, сложно и так далее, — и тогда мне стало все более или менее ясно. Я стал понимать, кто остальные люди, окружающие Татьяну, как она находит с ними взаимодействие, как ей непросто живется... И как она в конце концов к финалу нашей истории приходит к какой-то такой капитуляции перед самой собой, к какой-то переделке своей подлинной природы и становится больше похожа на всех остальных: вот такая как все — такая благополучная, респектабельная, как бы сегодня сказали современным языком, «упакованная» женщина, как бы потерявшая свою специфику — ту, которая была, когда она была девочкой в первых сценах. Вот это слово помогло мне что-то вдруг увидеть...

А в других ситуациях непонятно, что дает ключ, что помогает найти тему. И никакая самая подробная интеллектуальная разработка, никакой самый тщательный анализ тут ничего не гарантируют. Да, все правильно, я отталкиваюсь от партитуры больше, чем от текста либретто, — все это правильно, хотя к либретто я отношусь тоже очень внимательно: там тоже есть очень интересные вещи. Но партитура несет в себе такой глобальный эмоцио-

нальный подтекст, который иногда бывает верен больше, чем слова, потому что при звучании музыки слова становятся внешними, как бы второстепенными — или даже неправдой. Поэтому-то музыке веришь больше, особенно в сочетании с текстом — особенно в очень умно написанных операх, где текст и музыка попадают в очень интересное столкновение... И то, что из этого сложного взаимодействия вытекает, тоже часто помогает понять тему. Потому что для меня важнее всего найти некий, как бы сегодня сказали, контент, содержательное послание, с которым я выйду к зрителям.

Ведь любой спектакль — это разговор. Вот мы сейчас с вами общаемся, я вам что-то рассказываю, как если бы это было не интервью и мы бы просто сидели и какое-то завязалось между нами доверие, и я мог бы рассказывать про свою жизнь, про свои какие-то сложности восприятия и так далее. Это разговор. Вы мне что-то отвечаете, вы что-то усваиваете, с чем-то не соглашаетесь, находите в себе что-то родственное, — ну, как обычно строится разговор. Я считаю, что спектакль — это тоже разговор, и в разговоре очень важно, что я пытаюсь донести, что я хочу сказать.

Однако мне кажется, что очень часто оперный театр утрачивает вот эту смысловую наполненность. Я имею в виду не само музыкальное произведение, которое существует в клавире или записано на диске и стоит на полке в магазине. Оно находится в эталонной системе, — так сказать, в палате мер и весов, оно универсально. То, что ты сейчас ставишь, — это версия, одна из множества. Через пять лет этот «Онегин» будет другим: другой режиссер предложит другую версию, соответствуя своему времени, и получится совершенно другой спектакль. И поэтому я никогда не считаю, что какая-то версия может разрушить произведение: с произведением ничего не сделается, оно стоит себе в своей палате мер и весов и стоит... Но если оно попадает в такую живую материю, как театр, оно неизбежно будет так или иначе накренено: потому что любые люди, которые с ним работают, — и режиссер, и дирижер, и художник, и артисты, которые поют, — они все равно его *присваивают*, они все равно его делают не таким, каким оно нам представляется в каком-то универсальном виде. Потому что звучание музыки и текста не предписывает автоматически каких-то определенных мизансцен, атмосферы, света и того, какая там эмоциональная ворожба должна быть на сцене. По законам театра это всегда создается другими людьми и в каждое время оказывается разным.

Поэтому-то, повторю, я никогда и не считаю, что какая-то версия, какая-то театральная постановка может нанести вред первоисточнику. Конечно, нет. Разумеется, бывают постановки, которые, на мой взгляд, ну просто-напросто глупы — ничего не предлагают честного, сложного и настоящего. Но я открыто отношусь к любым концепциям — вплоть до самых радикальных. И я видел разные радикальные постановки, — в том числе и очень резкие, на которые защитникам классического покроя театрального представления, может быть, и доктор не порекомендовал бы приходить... Но что мне всегда было в них действительно важно — это рассмотреть, есть ли здесь что-то по-настоящему честное и содержательное. Потому что иногда через радикализм, через разрушение вдруг высекается какой-то смысл, который при внешне спокойном и конвенционально-привычном сценичес-

ком прочтении обычно закрыт для нас. Так бывает: осязаемость пропала. Так что иногда полезно бывает делать такие попытки как-то распахать все бороздой, чтобы вдруг увидеть что-то главное.

Что до меня, то я, по-моему, таких резко радикальных попыток никогда не делал. Мне не кажется, что я в этом смысле экспериментатор. Мне кажется, что я делал более-менее даже традиционные в каком-то смысле спектакли. Ну, наверное, по отношению к привычной, так сказать, среднестатистической опере они кажутся новыми. Но по сравнению с тем, что происходит в драматическом театре, в них нет ровно ничего такого радикально-экспериментального. Все равно это вещь, завязанная на отношениях с людьми, все равно это люди со своей психологией, с остротой ситуации... И сейчас мне кажется, что я в каком-то смысле сижу на сцене и пытаюсь пересказать зрителям какую-то историю — историю, которую я услышал, скажем, у Пушкина, или у Чайковского. Но ведь любой человек, который историю пересказывает, невольно интерпретирует ее, даже не желая того.

Я все время ищу это смысловое важное *нечто*. Поэтому и не кидаюсь, это очевидно, на поверхность произведения, а иногда очень-очень долго в нем роюсь.

Но когда находишь, как это важно! Вот, например, я долго думал по поводу «Дон Жуана» Моцарта, — этот спектакль (по-итальянски он называется «Дон Джованни») должен выйти в июле. Я долго думал, долго беседовал, читал на эту тему... Может быть, на меня повлияла одна статья (английская или немецкая, не помню), в которой описывался как бы психический тип этого Дон Жуана, из чего он состоит, и психические типы всех основных персонажей, из чего состоят они, в чем между ними разница. И когда я эту статью закончил, я что-то вдруг стал ощущать и в конце концов понял, что может интересовать современного человека в этом произведении помимо того, что тут звучит прекрасная музыка и ты просто сидишь и наслаждаешься ею как гурман. И я понял то, что эта история предлагает два разных взгляда на то, как правильно прожить нашу жизнь. Один взгляд — это взгляд всех персонажей кроме Дон Жуана, которые воспитаны культурой, цивилизацией, привычкой, семьей, то есть живут в системе. И второй взгляд — это тот, который исповедует сам герой. И это нешуточный конфликт, потому что в представлении Дон Жуана о том, как правильно прожить нашу жизнь, несомненно, есть какой-то порыв: это какое-то желание начать все сначала, призыв к естественному, природному, первобытному, призыв ощутить свою жизнь по-другому, отказаться от цивилизационного — то, что опасно для всех остальных персонажей — тех, кто свою жизнь построил по определенным догматам и должен ее оберегать от деструктивного. И эти два представления о жизни никогда не сойдутся. Они друг другу мешают: Дон Жуан хочет разрушить эти догматы для их же блага, как он считает. А те, конечно, не дают их разрушить и хотят его погубить. Поэтому существует конфликт, но мы понимаем, что его представления о жизни, как бы они привлекательны ни были, с реальностью не совместимы. Здесь и кроется главная грусть этой истории, и дело вовсе не в какой-то назидательности, дидактике. Мы не говорим, что он не прав, а они правы или наоборот. Мы понимаем, что есть две правды и обе по-своему правы. И

когда я сформулировал этот главный контент, я вдруг ощутил, что все сюжетные линии как будто для этого и созданы, как будто специально и задумывались, чтобы эту историю рассказать так, а не по-другому. И сразу находишь какие-то подтверждения и в книгах, и в словах Моцарта и кажется: как же вот это очевидно, а почему же раньше я этого не видел? Вот собственно, не знаю, ответил ли я на Ваш вопрос...

— Очень хорошо, что Вы сейчас показали это на конкретном примере. Мы как раз собирались попросить Вас вспомнить поэтапно конструкцию какого-нибудь спектакля. Вообще все, что Вы делаете, вписывается в какие-то общие тенденции современной культуры. Опять же, если очень грубо, очень схематически, попытка при постановке классики обязательно переделать ее, условно говоря, на современный лад — это сплошь и рядом. Но Ваша работа нам очень нравится именно тем, что она всегда очень серьезна, что она затевается не ради того, чтобы придумать что-то неожиданное и эпатировать зрителя тем, что, скажем, в «Аиде» вместо египетских колонн он увидит грузовики и солдат в камуфляже (а ведь чуть ли не больше половины современных постановок такого типа делаются с расчетом именно и только на такой эпатаж, на коммерцию, а потому и не имеют серьезного художественного замысла). У Вас же всегда есть художественный замысел. И в этом смысле мы Ваши поклонники, хотя считаем, что и классический путь постановки оперного спектакля, когда соблюдается то же время, которое имели в виду композитор и либреттист, — ну как, скажем, ставит Дзеффирелли, — это тоже путь возможный...

— Ну конечно, не бывает же одного пути.

— Ваш путь представляется нам абсолютно правомерным, и все вопросы, которые мы задаем, задаются не для того, чтобы как-то его оспорить, но чтобы понять внутренний механизм, духовный механизм этого пути.

— Вы можете даже оспорить.

— Ну нет, спорить можно по деталям: это — так, это — нет. Более удачно — менее удачно... Но это совсем другое дело. Нам, например, очень нравится, как Вы сделали Ленского, которому Вы дали куплеты Трике... Нам кажется, что это психологически очень точно сделано и раскрывает образ... Вообще, как мы уже говорили, этот спектакль представляется нам абсолютным совершенством.

Но сейчас мы хотим спросить о другом. Вот Вы поэтапно начали рассказывать, как стали думать о каком-то смысле. Вы действительно прежде всего что-то хотите сказать зрителю, сформулировать какое-то высказывание — послание, как говорят сейчас. Вот это Ваше послание, этот смысл Вы откуда вычитываете: прежде всего, из содержания музыки или тоже из той истории, которая положена в основу либретто?

— Но я не могу понять, откуда: отовсюду понемножку.

— Одну минуточку. Один уточняющий вопрос. Вот Вы очень хорошо сформулировали, как Вы понимаете смысл «Дон Жуана». Хорошо, Вы поняли смысл, но теперь Вам надо это воплощать. Воплощать в конкретный, как Вы выражаетесь, театральный текст — в историю, время, костюмы, людей и так далее. Вот это как возникает? Это обязательно всегда, условно говоря, «современно»? И почему это современно?

— Как я говорил уже, самое сложное для меня вот эта формулировка, условно говоря, главного послания. Самое сложное, потому что я не всегда убедительно и органично быстро могу его найти. Конечно, придумать, что́ ты хочешь сказать, как бы просто, — так я как-то сходу придумал девять концепций Дон Жуана. Но они будут скороспелыми. А мне кажется, — и вот почему я так долго мучаюсь, — нужна такая, чтобы было неумолимое ощущение, что вот она верна и убедительна.

— Да, как Вы сказали, чтобы возникло ощущение, что каждая сюжетная линия, каждая история, оказывается, работают на эту самую найденную единственную тему, на эту художественную идею...

— Да, если это найдено, — всё: ты уже обрел какую-то магистраль, какой-то маяк.... А уже потом надо думать, как эту идею воплощать в реальный текст, какую придумать историю, — это для меня работа более простая. Это уже работа на количество фантазии, которым ты одарен и обладаешь, на количество чувствительности. Потому что когда ты понимаешь, куда двигаться, ты не в хаосе плаваешь, просто собирая и хаотично нанизывая образы, а понимаешь, что́ тебе важно отсекать, а что́ — прибирать. Поэтому дальнейшая работа для меня не такая мучительная, она даже доставляет мне какое-то особое удовольствие...

Я уже говорил, что практически во всех моих спектаклях действие происходит в неком условном недалеком прошлом или сдвинуто поближе к нам. Должен сказать, что перенос времени действия из той эпохи, которая есть в первоисточнике, в другую — это, конечно, не прием, не концепция спектакля, не находка, которую я мог бы выдать как свое ноу-хау. Ничего подобного тут нет. Это просто тот театральный язык, которым пользуются очень многие люди. Надо заметить, что тем же театральным языком пользовались и раньше — тот же Чайковский, который перенес время действия пушкинской «Пиковой дамы» — только не в сторону современности, а назад: из пушкинского времени в екатерининское, в последнюю треть XVIII века. Так что этим пользовались очень многие люди в разные времена, — это просто такой театральный язык.

Как пользуюсь им лично я? Я совсем не считаю, что обязательно должен осовременивать оперы, которые ставлю. И если для трансляции моей основной мысли понадобится одеть актеров в средневековые костюмы или в костюмы мезозойской эры, я их одену. Вопрос не в этом. Современность — это не цель. Это способ более отчетливой, более внятной и более острой

трансляции мысли. Вот в «Онегине» я понимал, если это действие будет происходить, скажем, в 90-е годы XX века, то эта мысль не протранслируется, потому что сегодня люди живут другими умонастроениями, другие идеалы растворены в обществе и все, что мы видим вокруг себя, мало относится к миру Пушкина — Чайковского. В принципе помести Татьяну, Ленского в нынешнее время — и мысль эта затуманится, обрастет какими-то аллюзиями, потому что, во-первых, вокруг себя мы практически не найдем таких людей, зато, во-вторых, все реалии, которые вокруг нас находятся сегодня и которые мы все прекрасно знаем, — всё это «подзагрузится», добавится в такого «Онегина»... А это всё — лишнее, мы не должны видеть сиюминутный фон, окружающий героев, мы не должны узнавать время с точностью до десятилетия, понимать, какие они переживают передряги: что тут у них, деньги, бизнес, или, — там я не знаю, — 30-е годы, цэковские дачи, стройки коммунизма, арест Мейерхольда, Днепрогэс... Это всё не нужно. А нужно сфокусироваться на истории одной семьи, которая является в общем-то моделью и может существовать и в 30-е, и в 50-е, и в 80-е, и во времена Пушкина. И поэтому в нашем «Онегине» невозможно сказать точно, в какое время происходит действие. Мы даже специально все смешивали. Специально на платьях смешивали верх — низ, чтобы непонятно было — просто как бы несовременное. И просто отказывались от тех эскизов, которые точно передавали какой-то определенный стиль. И очень важна была вот эта оторванность от остроты конкретного времени.

Ну вот помести это в 22-й год, например. Значит, наша память сразу за этим потянет другие сюжеты. Как эти люди связаны с окружающей действительностью? Кто они? К какому сословию они принадлежат? Как они живут? На что выживают? Как они кормятся? Вот это вот не нужные темы. А мы рассказываем про какие-то вещи, базовые в общем-то для отношений между людьми, они существуют всегда. И поэтому нужно было создать такой герметический вакуум, который просто похож, в нашей памяти вызывает ассоциации, что это *когда-то* — не сейчас, а когда-то, в каком-то таком романтизированном нами прошлом. Это похоже и на Чехова чуть-чуть, и на «Дни Турбиных» чуть-чуть, и на, может быть, «Дом на набережной» чуть-чуть, или на 70-е капельку. Вот какой-то собирательный образ. Но мы никогда не знаем, когда это. И я думаю, этот вопрос «когда?» в какой-то момент отпадает, и мы уже больше об этом не думаем. Я не знаю, как у вас, когда вы смотрели... Выключается память, и это становится неважным, мы не видим, какая погода за окном — кто там царь, кто генеральный секретарь и так далее. Единственное, что мне было важно, чтобы это было не сейчас, а сдвинуто чуть-чуть назад, потому что, как я уже говорил, сфера чувств Пушкина и Чайковского и 90-е или 2000-е годы не особенно совмещаются... Как-то мы не найдем сейчас среди нас вот таких человеческих моделей, которые были бы соразмерны тому, что есть в этом произведении. В принципе сейчас совсем другое время, поэтому тут не может быть такой опыт вот современный и я не смог бы протранслировать то, что хочу сказать.

И еще одну вещь тут надо было иметь в виду. Ставя в Государственном Академическом Большом театре, я должен думать о том, чтобы зритель мог слышать то, что я хочу рассказать, быть адекватным собеседником в этом

разговоре. А так как зритель, приходящий в этот театр, в общем имеет перед собой некоторые лекала и эстетические ориентиры, — все же это Большой, лицо России, — то острый, резко современный «Евгений Онегин» зрителя бы отпугнул, они бы, во-первых, ему просто не поверили, а, во-вторых, сочли бы такой спектакль «хамством» по отношению к Большому театру, — и таким образом способность к диалогу была бы перекрыта, даже если бы я честно пытался через все это передать что-то очень важное. А мне, как я уже говорил, очень важно выстроить диалог, поэтому я должен был найти именно ту меру старины, которая должна быть, чтобы разговор состоялся. И мне кажется, мы как-то эту меру старины сформулировали: смешенное безвременье XIX — XX века, вот так бы я сказал.

Понимаете, людей, даже одетых по моде 1952-го или 1935-го, мы все равно воспринимаем как живых. Мы знаем их через наши воспоминания, через нашу жизнь, нашу память, через воспоминания наших родителей, через фотографии, которые есть в наших семьях. Мы их воспринимаем как людей, которые могут переживать, страдать, испытывать потери, делать глупости так же, как мы...

Не знаю, отвечаю ли я на ваш вопрос, но я со всех сторон стараюсь эту тему охватить.

В нашем спектакле Татьяна и Ленский выглядят людьми, стоящими несколько отдельно от всех персонажей. Они, — я бы даже употребил резкое современное слово, — в каком-то психологическом смысле *аутсайдеры*. Так вот я думаю, почему невозможно в 90-е годы XX века и в 2000-е рассказать эту историю: потому что тогда все герои «Евгения Онегина» попали бы в аутсайдеры по отношению к сегодняшнему времени. Современная жизнь жесткая, а «Евгений Онегин» диктует необходимую мягкость повествования, и мы должны поверить в то, что лирическое — это серьезная материя, но в современной жизни и современном искусстве лирическое вытесняется чувством стыда, самоиронией, рефлексией и так далее. Практически мало кто может себе позволить впрямую открыто говорить в лирической интонации. Это как-то несозвучно времени. Почему, не знаю, не мне, наверное, об этом рассуждать. А для «Евгения Онегина», повторю, лирическое — очень важная материя, ее нельзя вытравить, без нее все рассыплется. Вот еще почему это как бы не совсем современная история. А в каких-то ситуациях, наоборот, необходим как раз современный топос.

Но в любом случае для меня очень важно, чтобы мы верили в то, что видим на сцене... Понимаете, оперная музыка, манера петь, само звукоизвлечение уже создают некую дистанцию от персонажа: то есть сидящие в зрительном зале — это как бы мы все, а там на сцене — это вот не мы, это вот *они*, это какие-то герои. И мы смотрим на их жизнь немножко извне. А мне очень важно, чтобы, когда мы смотрели на них, мы думали, что это как бы мы, чтобы мы верили в их какую-то честность и настоящесть. И чтобы в этот момент мы не испытывали бы неловкости оттого, что тут происходит...

Знаете, в драматическом театре есть разные способы актерской игры: у Брехта играют так, у Станиславского — иначе... И мне бы хотелось, чтобы зритель воспринимал пение тоже как такой способ актерского существования — естественный способ. Это очень важно, и я все время добиваюсь от актеров естественности, что очень сложно, так как оперным певцам тяжело

особенно: ведь если артисты драматического театра — хозяева собственного времени, могут сколько угодно потянуть паузу, в каком угодно темпе сказать фразу, изменить интонацию, то в опере все запрограммировано: забыл текст — всё, потерялся, никто не остановится, догоняй на ходу, у тебя есть сетка, у тебя есть время музыкальное, ты не должен из него выпасть. Ты не имеешь права на эмоции, ты не можешь захлебываться в слезах от жалости к себе — просто не имеешь на это права, потому что у тебя сетка: ты должен петь, ты должен следить за ритмом, ты должен следить за дирижером, ты должен со стопроцентной концентрацией быть включенным во все розетки...

Да, оперному певцу очень тяжело. Он должен петь, да еще как бы быть естественным. Вы, наверное, замечали, что у очень многих певцов, когда они поют, даже физика тела транслирует манеру звукоизвлечения: мы просто видим, как тело рождает звук. Я очень этого не люблю, хотя мало встречал певцов, у которых физика тела не зависит от звукоизвлечения. Чтобы было понятно, о чем я говорю, просто приведу несколько утрированный пример. Ну вот представьте себе, что певица поет что-то очень эмоциональное на пределе сил, что-то очень страстное и драматическое, — и при этом анемично прислоняется спиной к стенке, то есть в этот момент ее тело не сотрясает мускульное движение извлечения звука... Для большинства певцов — это дело невозможное. Но я всячески стараюсь научить их этому, на репетициях даю задачи, которые, скажем так, в каком-то смысле мешали бы петь. И если удается добиться результата, если получается развести в разные стороны язык тела и звукоизвлечение, если человек вдруг начинает с этим справляться и эту невозможность побеждает, то случается, что, почувствовав свободу, певцы становятся очень естественными: звукоизвлечение больше не является целью, и мы вдруг видим человека, очень органично поющего.

— То есть в опере Вы добиваетесь того, что умеют делать в мюзикле и в оперетте?

— Нет, это не совсем так. Когда поют в мюзикле, я часто вижу все то же самое: физика тела зависит от звукоизвлечения. К тому же все-таки пение в мюзикле не требует таких затрат. Мюзикл — это lights, это такой легкий жанр и вокальные партии там очень легкие, так что и говорить нечего. К тому же мюзикл обычно поется в микрофон. А если вспомнить русские оперетты, которые я видел, и отвлечься от того, что это чуточку вульгарнее, чем мне бы хотелось, могу сказать, что у них есть две правды: когда они играют, переходят на разговорные диалоги, — да, они стараются, они действуют, даже пытаются что-то передать через тело (не будем сейчас застревать на том, успешно или нет у них это получается). Но как только заканчивается диалог, вступает оркестр и начинается пение, — они забывают уже про все и начинают просто эмоционально избыточно петь. То есть не могут протащить какой-то единый характер, единую линию насквозь через всю роль вне зависимости от смены куска.

— Скажите, а у Вас никогда не было соблазна, опираясь на партитуру, придумать собственный сюжет, потому что музыка Вам говорит о чем-

то совершенно другом, нежели то, что написано в либретто? Или, формулируя тот же вопрос несколько иначе: во всяком ли материале Вы способны найти важные для Вас смыслы? Или бывают произведения, от которых приходится отказываться, потому что там не обнаруживается того, что Вы ищете?

— Нет, конечно, я беру не любой музыкальный текст — только тот, который вдохновляет, который нравится. Наверное, если бы я сказал: дайте мне любую оперу, я с любой справлюсь, в любой найду тему, на которую мне хочется говорить, я бы таким образом дискредитировал свой подход. Это бы сразу создало некую подозрительную механику.

Конечно, я могу поставить не любую оперу. И я, действительно, часто отказываюсь. Вернее, раньше отказывался меньше, потому что моя творческая жизнь складывалась так, что мне надо было больше ставить, завоевывать доверие к себе, чтобы меня приглашали в театры и предлагали хорошие условия, чтобы можно было хорошие спектакли ставить... Сейчас отказываюсь много, потому что просто не успеваю сделать все, что хочу, так как мне нужно много времени, — я уже говорил, я не быстрый. И еще я отказываюсь, потому что есть некоторые произведения, с которыми я не могу найти общего языка, — может быть, пока не нахожу, а может быть, не найду никогда. Например, в течение этого сезона было такое забавное совпадение: три никак не связанных друг с другом театра предложили мне ставить одну оперу, — не сговариваясь. И я всем трем отказал.. Это «Набукко» Верди. Не могу себя представить режиссером этого произведения! Вот ничего с собой сделать не могу, — при том что как слушатель я ее очень много раз слышал, и некоторые куски кажутся мне, я бы сказал, очень энергетичными и захватывающими. Но для меня эта «библейская» опера о Навуходоносоре очень схематична, в ней нет тонкости, которой бы мне хотелось и которая была у Верди в операх, написанных позднее. На мой взгляд, это очень прямое, даже несколько грубоватое такое высказывание Верди.

Вы еще спросили, поскольку я говорил когда-то, что партитура является для меня главным текстом, могу ли я взять партитуру и полностью переписать сюжет...

— Понятно, что это трудно, может быть, практически сделать, но как мечта это может появляться?..

— Нет, такой мечты у меня не было никогда. Хотя, как вы, наверное, знаете, в истории оперного театра такие попытки предпринимались неоднократно. Самая знаменитая из них — это опера «Жизнь за царя», написанная Глинкой в 1836 году на сюжет барона Розена. Это, как бы сказать поточнее, такой монархический апофеоз, эта опера славит династию Романовых во всех возможных сюжетных обстоятельствах, применяя для этого прекрасную музыку Глинки. Славит буквально в каждом такте! Конечно, такая опера не могла существовать в советскую эпоху, а музыка-то осталась, тем более что Глинка — отец-основатель: первая русская классическая опера, все мелодии на слуху... И самая известная переделка — это, ко-

нечно, опера «Иван Сусанин», которая шла в советские годы. Это не просто смена названия на афише «Жизнь за царя» на «Иван Сусанин», как может показаться. Это абсолютно новый текст и новый сюжет — сюжет, где Сусанин не дает возможности польскому отряду напасть на след народных героев Минина и Пожарского, — вообще безо всякого упоминания о царевиче Михаиле, первом Романове. В то время как опера Глинки посвящена тому, как отряд польских интервентов пытается выкрасть этого маленького царевича, который как бы знаменует для них опасность консолидации русских и, следовательно, является для них опасной фигурой. Поэтому Сусанин и жертвует жизнью ради монаршьего престола: ведь царская власть — это вещь сакральная... Поэтому и приносит себя в жертву... Это совсем не тот героизм, который существовал в советской версии, созданной поэтом Городецким. Сергей Городецкий написал полностью другой текст, практически ничего не оставив от старого текста барона Розена. И все советские годы, до начала 90-х, эта опера шла вот в таком виде...

А в начале 20-х годов, во времена пролеткульта, когда сама опера как вид искусства была под вопросом: нужна ли она вообще и не сбросить ли ее с корабля современности, — переделки были еще похлеще. Например, петербургская «Тоска» называлась «В борьбе за коммуну», и там был совершенно другой сюжет на ту же музыку. Опера «Иван Сусанин», то есть «Жизнь за царя», тоже ставилась в какой-то левацкой лихой переделке и называлась «Серп и Молот». Много было таких произведений в 20-х годах... Я понимаю, что вы спрашиваете о другом. Просто рассказываю, потому что к слову пришлось...

Нет, у меня желания переписывать сюжеты никогда не возникало, потому что не часто бывает ощущение, что в какой-то опере сосуществуют совершенная по своей драматургической выразительности музыка и абсолютно никудышное либретто, как-то по недоразумению туда затесавшееся. У меня нет ощущения, что отбрось сюжет, поменяй, подсоби немножко — и все заиграет другими красками. Нет. И все мои попытки интерпретации связаны с тем, чтобы острее подать именно эту историю, именно этот сюжет. Острее подать, а не опровергнуть.

— А всегда ли публика принимает Ваши усилия адекватно? Всегда ли оказывается так сказать достойным собеседником? Известно ведь , какую бурю возмущения вызвал тот же «Онегин»...

— Да, конечно, бывает по-разному. Вот недавно в Париже была премьера «Макбета» Верди. Там публика разделилась. В отличие от русского зрителя, который аплодирует, даже когда ему не нравится, французы очень открыто выражают эмоции — не певцам, не дирижеру, а именно постановщику. Была премьера, поклоны, и я должен был выйти на сцену, и когда я вышел, часть зала стала кричать: «Бу-у-у-у!» Это у них такой возглас несогласия. А другая часть, которой понравилось, услышав это, стала кричать: «Браво!» И вот началось такое просто Ледовое побоище: они бились, старались друг друга перекричать, и это длилось, наверное, минут семь, — кто из них первый закончит. Мне казалось, что для них уже самоцель — победить в этом состязании.

— Вы научились к этому спокойно относиться?

— Когда я это услышал первый раз, я был ошеломлен, я не был к этому готов, не знал. А вот сейчас меня это даже как-то лихорадочно взбудоражило. Я даже подумал, что это может дойти просто до абсурда какого-то. Например, пусть в меня кто-нибудь кинет что-нибудь из зала, а я буду уворачиваться, скакать, как Чаплин, вправо — влево.

— А бывает так, что кричат только «Бу-у»?

— Конечно, бывает. И «Браво!» никто не подхватывает. Правда, у меня такого не было, я видел это из зала. Но я думаю, можно пережить и это. Ничего страшного, надо все равно быть уверенным в том, что ты делаешь.

— Вы сказали, что некоторые спектакли просто требуют того, чтобы действие происходило в наши дни...

— Да, и один из таких спектаклей — прошлогодний «Игрок». Да, действие там максимально приближено к современности, но тоже довольно специфическим образом: там нет ни социальной ситуации, ни политической. Там рассказана история нескольких людей, которая тоже рассматривается на крупном плане, под увеличительным стеклом. А почему все-таки современная? Потому что есть какие-то тайники в психологии мужского и женского, которые здесь очень подробно рассматриваются и которые бы, наверное, в какой-то иной ситуации, — костюмной ситуации XIX века, — персонажами бы очень скрывались и не так резко, откровенно и вызывающе отчаянно проявлялись. А мне кажется, что здесь очень важно, — особенно в финальной сцене Алексея и Полины, — то, что происходит. То, что они как бы истязают друг друга ужасным образом, — такая битва полов, словно в какой-нибудь пьесе Стриндберга... Поэтому и была нужна эта *современность* — просто как способ внятного рассказа, а не как портрет времени.

— Как мы поняли, для Вас немалую ценность имеет не только музыкальный текст, но и текст либретто. Так вот, из тех спектаклей, которые нам удалось видеть, только один звучал по-русски, и из этого спектакля было абсолютно понятно, что слово действительно очень для Вас важно. Остальные же оперы исполнялись на языке оригинала, и наверху над сценой постоянно бежала строка перевода. И вот в этой связи хочется задать вопрос про язык оперы, потому что опера, спетая на языке оригинала, на языке, который никому в зале не понятен, — это такая оперная условность, которая, может быть, гораздо более условна, чем какие-нибудь традиционно нафталинные костюмы и декорации. Потому что она предполагает такую степень отстраненности от зрителя, вынуждает прибегать к определенной эстетике, к подчеркнутому укрупненному жесту, почти балетной мимике, чуть ли не шаржу. Непонятность языка влечет за собой такую линзу преувеличений, что хочется спросить: почему Вы, будучи режиссером абсолютно реалистического оперного театра, вдруг

идете на такую условность? В какой мере она вообще творчески оправдана? Ладно, еще когда речь идет о «Похождениях повесы» Стравинского — опере, которая изначально написана по-английски, где хорошего русского текста просто нет... Тогда понятно: не каждый либреттист — Пушкин. Но когда русский текст есть, есть традиция исполнения по-русски — хотя бы в случае той же «Аиды», чего ради?..

— Но это объясняется совсем не творческими задачами. Дело в том, что еще относительно недавно в мире не было традиции исполнения на языке оригинала. Пели на языке той страны, где опера исполнялась. Как Вы помните, у нас «Травиату» пели по-русски и «Аиду» по-русски. В Германии пели по-немецки, в Италии — по-итальянски, и в каждой стране была своя традиция. Петь на языке оригинала повелось в 60 — 70-е годы, и это было стимулировано тем, что глобализация оперного рынка достигла предельного уровня и огромное количество певцов должны были иметь контракты по всему миру — сегодня Стокгольм, завтра Рим, послезавтра Лондон, потом Париж. И они циркулировали во всех крупных театрах — «Метрополитен-опера», «Гранд-Опера», «Ковент-Гарден», «Ла Скала», Венская опера... Одни и те же люди были везде. Везде пела Рената Скотто, везде пел Паваротти, везде пел Доминго и так далее. Понятно, что они не могли учить одну и ту же оперу на языке каждой страны...

Россия на язык оригинала тоже перешла уже давно. И ни в каком театре, где я ставил, я не могу навязать, чтобы это пелось на языке, понятном зрителям: будут против певцы, будет против дирижер и так далее и так далее. Да и представьте себе сами. Поставлю я, например, «Травиату» в Большом театре. Найти хорошую Виолетту и хорошего Альфреда непросто, в труппе Большого театра я таких не знаю, может быть, придется приглашать из Питера, может быть, из театра Станиславского, а может быть, откуда-то с Запада — то есть опять же, иностранца. Для чего же ему учить все это по-русски? Или если это, допустим, малоизвестная опера, — например, «Сила судьбы» Верди, которую певица не знает. Конечно, она будет учить сразу на итальянском, потому что она будет покупаема с этой партией потом в течение всей своей карьеры.

Просто это часть бизнеса, и творческие вопросы здесь ни при чем, сколько бы при этом ни говорилось о прелестях аутентичности. И я считаю, что когда человек, сидя в зале, в каждом такте, в каждой секунде сценического действия чувствует слово как содержание, а не как мелодику речи, то он на другой плотности общается с оперой. А если он не понимает смысла, то он постоянно смотрит в титры. Но когда ты смотришь в титры, ты не только пропускаешь половину действия, ты еще отрываешься от эмоционального контакта со спектаклем. Потом невозможно только читать, слушая музыку. Ведь на сцене во время действия я выстраиваю какие-то события, к примеру, перпендикулярные произносимому тексту. Значит, этот текст зритель должен слышать в тот самый момент, когда происходит это действие, должен понимать, какое тут несоответствие, в чем тут интрига... А если человек читает, он пропускает что-то, что происходит на сцене, а потом, когда возвращается, уже не может связать одно с другим. Я, например, титры читать

не могу. Я лучше заранее очень подробно три раза прочитаю либретто, если произведение мне не знакомо. Но только не титры.

Я конечно, ставил бы все оперы на том языке, на котором понимает публика. Но, к сожалению, это уже такой мировой тренд, с которым спорить невозможно. Есть два театра в Европе, которые сознательно как политику поднимают на щит идею, что нужно петь на языке, на котором говорит публика. Это берлинский «Komische Oper», где все поется по-немецки, и «English National Opera» в Лондоне, где поют на английском языке и где делается очень хороший перевод. Кстати, перевод — это тоже немаленькая проблема, и очень многие переводы западных опер — Верди, Вагнера — были просто жуткие, они все сделаны в XIX — начале XX века и таким архаичным языком. То есть сейчас это исполнять практически невозможно: русское ухо будет просто съеживаться. То есть все надо переводить заново, а это очень сложно, потому что музыка не попадает — она написана на итальянские слова или на немецкие, а русская грамматика по-другому устроена, слова то длиннее, то короче, и надо растягивать фразу, а это мучительный труд — подгонять слова под музыкальную фразу...

Да, я считаю, что в любом случае зритель должен получать эмоции от прямого общения с текстом и языком. Да, я считаю, что достоинства оперного пения на языке оригинала, всю эту эквиритмическую связь слова и музыки может оценить только узкий круг гурманов. Для широкой публики важность всего этого недоступна.

Но, с другой стороны... Знаете, когда я прихожу в «Komische Oper» на «Евгения Онегина» и слышу, арию Ленского, которая начинается так:

Wohin? Wohin...

— я понимаю, что человек, привыкший в этом месте слышать «Куда, куда... вы удалились», испытывает, как бы это выразиться, не совсем те эмоции, которые должен испытывать в начале арии. Так что, когда люди говорят, что надо петь на языке оригинала, я даже в чем-то иногда их понимаю... Зато у немца все в порядке: немец слушает на своем языке, понимает смысл, и ему хорошо. Так что это вопрос дискуссионный.

Я, кстати, сейчас в Большом театре ставлю именно спектакль на немецком. Это «Воццек» Албана Берга, по пьесе Бюхнера, — опера, которая в России ставилась единственный раз, в 27-м году. Она написана в 25-м году в Германии. И хотя эта вещь в России не известна, в мировом театре она очень популярна и везде идет. Я считаю, что на самом деле это главное оперное произведение XX века, откуда, как из желудя, пошли очень многие сочинения.

Это очень короткая вещь, она идет час тридцать пять. Вряд ли она будет широко репертуарна: все-таки это сложная опера, — но ее появление просто необходимо для культурного контекста, для того чтобы обогатилась афиша, — да просто для того, чтобы наконец-то это великое произведение было исполнено в России. Премьера 24 ноября, приходите.

Беседу вели Игорь Виноградов и Ирина Дугина

Игорь ВИНОГРАДОВ

ДНЕВНИК РЕДАКТОРА

Выпуск седьмой

Июнь–август 2009 г.

История о том, как судились с нами г-н Дубинин С. К. и г-н Алексашенко С. В.

Не сомневаюсь: мимо внимания нашего постоянного читателя никак не могло пройти напечатанное в 139-м номере «Континента» **Опровержение:**

В соответствии с решением Хамовнического районного суда г. Москвы опровергаются сведения, содержащиеся в интервью Андрея Николаевича Илларионова, опубликованном в номере 134 журнала «Континент» за 2007 год, о том, что Дубинин Сергей Константинович, Алексашенко Сергей Владимирович участвовали в валютных операциях на Чикагской бирже.

Редакция заявила тогда, что мы считаем себя безусловно обязанными объяснить читателям, как могла появиться на страницах «Континента» информация, которую нам пришлось по решению суда (которое мы считаем совершенно справедливым во всех его пунктах) опровергать. Мы планировали сделать это сразу же, в следующем, 140-м, номере, и уже подготовили соответствующий материал, но почти перед самой сдачей номера в печать вся эта судебная история получила новое продолжение: на сайте «Эха Москвы» и в Живом Журнале г-на ***Алексашенко С. В.*** появились его тексты, в которых он выступил с собственным толкованием решения Суда, подвигнувшим его заявить, что и вообще А. Н. Илларионов в своем интервью ***врет***. Ну, а стало быть, врем и мы, интервью это напечатавшие. Эпизод этот, получивший довольно широкий резонанс в Интернете, привел нас к решению дать более основательное, чем мы намеревались, освещение как самого судебного процесса, так и тех обстоятельств российской жизни 90-х годов, о которых шла речь в этом интервью и, соответственно, на судебном процессе. Ведь обстоятельства эти хотя и десятилетней уже давности и хотя основательно уже и подзабыты, однако, как показал Интернет, отнюдь не утратили еще живого и острого интереса для сегодняшних читателей, зрителей и слушателей.

Игорь ВИНОГРАДОВ — родился в 1930 г. в Ленинграде. Окончил филологический факультет МГУ. Литературовед, критик, публицист. Автор семи книг и многих статей по русской классической и современной литературе, по проблемам эстетики и культуры, социологии и религиозной жизни. С 1992 г. — главный редактор «Континента». Живет в Москве.

Тем более, следовательно, стоит о них напомнить. И, пожалуй, хотя бы в сокращении воспроизвести ради этого весь тот огромный документальный материал, к которому вновь пришлось обратиться в связи с обсуждавшимися на суде эпизодами, в чем неоценимую помощь оказали нам и наш адвокат, заведующий юридическим отделом дружественной нам «Новой газеты» **Ярослав Сергеевич Кожеуров**, и сотрудники Института экономического анализа, в первую очередь его директор **Наталья Александровна Пивоварова**.

Обсуждая, в какой форме стоит изложить и представить всю эту судебную историю читателю, редакция решила, что, пожалуй, лучше всего будет, если я отдам ей очередной выпуск моего «Дневника редактора». То есть изложу ее в формате сугубо **личного** моего о ней рассказа.

Почему?

В этом, надеюсь, читатель вполне разберется к концу моего отчета. Чтение потребует, правда, достаточно долгого времени, но я, со своей стороны, всячески постараюсь читателю не наскучить, хотя и не собираюсь жертвовать ради этого совершенно необходимой в данном случае обстоятельностью в изложении фактической стороны дела. Иначе рассказ мой просто потеряет свой смысл. История-то ведь и в самом деле любопытная, и она заставляет не только вновь о многом вспомнить, но дает немалую пищу для размышлений и о сегодняшнем нашем дне.

Так что о ней действительно стоит рассказать поподробнее. И — по порядку. Но предупреждаю: наберитесь терпения.

1. Экспозиция

Итак, 16 октября 2008 года мы получили из Хамовнического районного суда г. Москвы извещение о том, что судом заведено дело по исковому заявлению г-на ***Алексашенко С. В.*** к ***Автономной некоммерческой организации «Независимая редакция журнала "Континент"»*** о защите чести, достоинства, компенсации морального вреда.

В исковом заявлении г-на ***Алексашенко С. В.***, подписанном его представителем — адвокатом МКА «Яковлев и партнеры» госпожой ***Корума К. В.*** и помеченном 13 октября 2008, говорилось:

> В 2007 году, в журнале «Континент» № 134 2007 год была опубликована беседа редакции журнала «Континент» с гр. Илларионовым Андреем Николаевичем. В данной публикации были распространены порочащие Алексашенко С. В. сведения, не соответствующие действительности <...>
> Порочащими и не соответствующими действительности сведениями Алексашенко С. В. считает сведения, содержащиеся в следующей фразе: **«Деятельностью Дубинина и его друзей заинтересовалась прокуратура. Выяснилось, что некоторые сотрудники Центрального банка, включая Дубинина и Алексашенко, активно участвовали в покупках ГКО и валютных операциях на Чикагской бирже»**[1].

Представитель истца просил:

[1] Здесь и далее во всех цитатах выделено и подчеркнуто мною. — *И. В.*

— обязать ответчика опубликовать опровержение порочащих Алексашенко С. В. недостоверных сведений;

— взыскать в пользу Алексашенко С. В. в возмещение морального вреда 10. 000. 000 рублей.

Досудебная подготовка дела (знакомство с документами, определение процедуры рассмотрения и т. п.) была проведена 23 октября 2008 года, после чего представитель ***Алексашенко С. В.*** адвокат г-жа ***Корума К. В.*** подала прошение о привлечении в качестве второго ответчика по делу ***А. Н. Илларионова***, что и было судом удовлетворено.

Но еще через некоторое время, а именно — почти через месяц, 10 ноября 2008 года, было подано аналогичное исковое заявление о защите чести, достоинства и компенсации морального вреда и от лица г-на ***Дубинина С. К.*** — так же и к редакции «Континента», и к А. Н. Илларионову. В заявлении, указывавшем на то же интервью, что было напечатано в 134-м номере журнала за 2007 год, оспаривались уже два фрагмента.

Порочащими и не соответствующими действительности сведениями Дубинин С. К. считает сведения, содержащиеся в следующей фразе: **«выясняется, что полученные средства Центробанк под руководством Дубинина не использовал для интервенций на валютном рынке, чтобы сдерживать атаки на рубль. Спрашивается: а на что же пошли средства? Оказывается, государственные средства (средства МВФ, полученные путем увеличения российского государственного долга) были розданы некоторым крупным российским банкам для того, чтобы закрыть провалы в их балансах. Иными словами, за счет средств российского государства Чубайс с Дубининым просубсидировали самых "слабых" и "нищих" в России — своих друзей-олигархов».**

Так же порочащими и не соответствующими, с точки зрения г-на ***Дубинина С. К,*** действительности в его исковом заявления были названы сведения, содержащиеся в той же фразе, что и в иске ***Алексашенко С. В.***:

Деятельностью Дубинина и его друзей заинтересовалась прокуратура. Выяснилось, что некоторые сотрудники Центрального банка, включая Дубинина... активно участвовали в покупках ГКО и валютных операциях на Чикагской бирже.

Господин ***Дубинин С. К.*** также просил опубликовать опровержение сведений, содержавшихся в этих фразах, как ***недостоверных*** и взыскать с ***Илларионова А. Н. в возмещение морального вреда*** 10. 000. 000 рублей.

Суд объединил оба дела в одно за № 2-129/09, и в этом формате оно и рассматривалось в течение почти трех месяцев, потребовав нескольких судебных заседаний, пока, наконец, 25 февраля 2009 года федеральный судья ***Тюленев И. В.*** не огласил по нему именем Российской Федерации Решение Хамовнического районного суда ЦАО г. Москвы.

И я, и другие сотрудники редакции сочли обязательным для себя присутствовать на судебных заседаниях лично, хотя процессуально нас в качестве ответчиков представлял наш адвокат **Я. С. Кожеуров**, которому мы

полностью доверяли и который совершенно блестяще, на наш взгляд, и провел весь этот процесс. Но нам, представителям профессии, всегда особо неравнодушной к, как принято ныне выражаться, *человеческому фактору*, всегда и любопытны прежде всего живые люди — возможность увидеть, как ведут они себя в той или иной ситуации, как реагируют на ее повороты, как демонстрируют или сдерживают свои эмоции, полемизируют с оппонентами, отстаивают свою точку зрения, отвечают на вопросы и т. п. Да и вообще, конечно, нам было очень интересно встретиться с нашими истцами именно лично — просто, что называется, посмотреть им в глаза и посмотреть, как будут смотреть в глаза нам они. Мы, во всяком случае, были к этому полностью готовы. Правда, уже по тому, как с самого начала все это дело затеялось (и о чем чуть позже), мы были почти стопроцентно уверены, что никаких личных встреч не произойдет. И — не ошиблись. Но ведь и это тоже было очень показательно, тоже о многом говорило.

Однако и об этом — тоже позже. А сейчас обратимся, наконец, к самому процессу. И — к оглашенному и врученному нам по его окончании Решению Хамовнического районного суда г. Москвы. Оно было вынесено по обоим фрагментам интервью А. Н. Илларионова, в связи с которыми были предъявлены иски.

Во-первых, — по фразе, касавшейся использования Центробанком в период кризиса 1998 года кредита, полученного от Международного валютного фонда.

И, во вторых, — по фразе, касавшейся участия господ ***Дубинина С. К.*** и ***Алексашенко С. В.*** в покупках ГКО и валютных операциях на Чикагской бирже.

Именно в этом порядке были рассмотрены эти эпизоды во время процесса и в этом же порядке нашли свое отражение и в Решении Суда.

Последую этому порядку и я.

2. Загадки первого иска, или Что, кому и как «раздавали»

Итак, иск первый — по первому фрагменту. Воспроизведу соответствующее место искового заявления г-на ***Дубинина С. К.*** еще раз, чтобы текст был перед глазами.

> Порочащими и не соответствующими действительности сведениями Дубинин С. К. считает сведения, содержащиеся в следующей фразе: «выясняется, что полученные средства Центробанк под руководством Дубинина не использовал для интервенций на валютном рынке, чтобы сдерживать атаки на рубль. Спрашивается: а на что же пошли средства? Оказывается, государственные средства (средства МВФ, полученные путем увеличения российского государственного долга) были розданы некоторым крупным российским банкам для того, чтобы закрыть провалы в их балансах. Иными словами, за счет средств российского государства Чубайс с Дубининым просубсидировали самых "слабых" и "нищих" в России — своих друзей-олигархов».

Признаться, когда, открыв конверт, присланный из Хамовнического суда, я в первый раз пробежал глазами этот исковой шедевр г-на ***Дубинина С. К.***,

я — как бы это выразиться поделикатнее? — просто остолбенел. Да и потом, перечитывая этот текст еще и еще раз, долго еще не мог придти в себя от изумления.

В самом деле, — какие же это, интересно, «сведения», содержащиеся в процитированной г-ном ***Дубининым С. К.*** фразе, он отваживается назвать «не соответствующими действительности»? И что, собственно, требует он опровергнуть?

То, что средства, полученные в 1998 году от Международного валютного фонда (путем увеличения государственного долга), предназначались в этот острый период разгоравшегося финансового кризиса для интервенций на валютном рынке, чтобы сдерживать атаки на рубль?

Или то, что вместо этого означенными средствами был просубсидирован ряд крупных российских банков, чтобы закрыть провалы в их балансах?

Но ведь об этом в свое время не писал и не говорил только ленивый. На страницах чуть ли не всех российских печатных СМИ мог найти тогда г-н ***Дубинин С. К.*** эти «недостоверные сведения», услышать комментарии к ним со всех экранов ТВ. Но почему-то ни на одного из авторов, занимавшихся их «распространением», он в суд тогда так и не подал.

Да что там какие-то «авторы»!

Разве не были все эти факты зафиксированы и признаны даже и совершенно официально?

Разве не было, например, того знаменитого Отчета Счетной палаты Российской федерации от 15 июня 1999 года, который огласил на всю страну результаты проведенной палатою документальной ревизии деятельности Центрального банка РФ по использованию средств первого займа кредита Международного валютного фонда, находившихся в управлении Банка России с 22 июля 1998 года по 1 января 1999 года? И разве не было зафиксировано в этом Отчете, что «*в период с 27. 07. 98 г. по 24. 08. 98 г.*» со счета Банка России в Национальном республиканском банке США (куда были переведены «*4, 8 млрд. долл. США стабилизационного кредита*», поступившие «*на счет Банка России в ФРБ США с 22 по 28 июля 1998 год*» и слившиеся там с другими валютными резервами Банка России, отраженными на этом же счете) было «***продано валюты коммерческим банкам и через биржи 5,7 млрд. долл. США***»[2]?

Напомню, что в Отчете специально было отмечено и то, что такие расходы без поступления со счета Банка России в Федеральном республиканском банке США 4,8 мрд. долл. США стабилизационного кредита «***были бы невозможны***»[3].

Напомню, наконец, что в Отчете (где приводился и перечень банков, покупавших в этот самый острый период финансового кризиса валюту у ЦБ РФ) прямо было сказано и о том, что это был акт «*реализации коммер-*

---

[2] Отчет Счетной палаты РФ от 15 июня 1999 года по результатам документальной ревизии деятельности Центрального банка РФ по использованию средств первого займа кредита Международного валютного фонда, оставшихся в управлении Банка России с 22 июля 1998 года по 1 января 1999 года. Полученная по нашему запросу из Счетной палаты заверенная копия. С. 6

[3] Там же. С. 6.

ческим банкам иностранной валюты, ***предназначенной для валютных интервенций на внутреннем валютном рынке*** *(ст. 41 Федерального закона "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)"»,* — акт, осуществляя который, Банк России ***«не выполнял одну из своих важнейших функций — защиту и обеспечение устойчивости рубля»***[4].

Так что же, спрашивается, такого уж нового сообщил в своем интервью А. Н. Илларионов по сравнению с тем, что было зафиксировано и подтверждено и Счетной палатой РФ?

Повторяю, иск г-на ***Дубинина С. К.*** привел всех нас в «Континенте» в состояние полного недоумения. И, честно говоря, даже заинтриговал. Неужели г-н ***Дубинин С. К.*** и в самом деле надеялся как-то оспорить эти факты, столь однозначно и совершенно официально зафиксированные и подтвержденные?

Интересно, — как же?..

3. Отважный ход г-на Дубинина С. К.

Но вот начался процесс, и, должен признать, нам оставалось только посмеяться над собой, когда из разъяснений адвокатов истца мы поняли, наконец, что же имел в виду г-н ***Дубинин С. К.***, предъявляя нам свой иск. Никому из нас такой поворот дела просто не мог и в голову придти.

Оказывается, г-н ***Дубинин С. К.*** требовал от нас опровергнуть вовсе не то, что Центробанк под его руководством субсидировал целый ряд коммерческих банков России средствами, полученными в качестве стабилизационного кредита МВФ и предназначенными для поддержания курса рубля на внутреннем валютном рынке. Нет, в цитированном фрагменте, по утверждению г-на ***Дубинина С. К.***, содержались «сведения» вовсе, оказывается, не об этом. А, как разъяснил он через своих адвокатов, здесь распространялись сведения о том, что (***«по утверждениям ответчиков»***!) валютный кредит Международного валютного фонда ***«лично истцом, в личных корыстных интересах, в нарушение действующего законодательства, безвозмездно был передан друзьям истца,*** *вместо направления этого кредита на цели, предусмотренные соглашением с Международным валютным фондом»*[5].

Каково, а?

Однако такой ход вызывал даже своего рода восхищение.

Представляете, какой эффект был бы, если бы Суд признал и решил, что в интервью А. Н. Илларионова слова о том, что средства МВФ *«были розданы некоторым крупным российским банкам для того, чтобы закрыть*

---

[4] Отчет Счетной палаты РФ от 27.04.1999 года по результатам проверки эффективности и целесообразности расходования Центральным банком Российской Федерации государственных средств, выданных им в виде кредитов коммерческим банкам за период с августа 1998 года по ноябрь 1998 года. Бюллетень Счетной палаты РФ № 9, 2009. С. 21.

[5] «Объяснения в порядке статьи 174 ГПК РФ», представленные С. К. Дубининым в Хамовнический районный суд и подписанные его адвокатом И. Корума 15 декабря 2008 года. С. 1.

провалы в их балансах» и что тем самым они были просубсидированы «*за счет средств российского государства*», действительно означали вовсе не то, что они на самом деле означали и что было ясно и понятно всякому нормальному человеку, а именно то, на чем настаивал г-н ***Дубинин С. К.***? То есть что он («по утверждению ответчиков») ***лично*** и ***безвозмездно передал своим друзьям в личных корыстных целях*** (и уже потому, конечно, в нарушение действующего законодательства) средства МВФ.

А теперь представьте, что было бы, если бы, признав, что «ответчики» именно это и «утверждали» на страницах «Континента», Суд в соответствии с таким прочтением потребовал от нас как ответчиков весь этот бред, подписываться под которым никому из нас, разумеется, и в голову придти не могло, доказывать с фактами, что называется, в руках. *Вы что — сами видели, господа, как С. К. Дубинин лично передавал средства МВФ банкирам? Или можете предъявить какие-то иные тому доказательства? С кем же именно был он пойман за этим занятием? И кто из них — действительно друзья ему? И в какой степени? И какие у вас основания утверждать, что все это он делал безвозмездно в личных корыстных интересах?..*

Ну, а за неизбежным отсутствием каких-либо доказательств тому, что действительно невозможно доказать, было бы, естественно, вынесено Решение обязать «Континент» напечатать соответствующее **Опровержение**.

Какое?

Да совершенно опять-таки понятно, какое. Опровержение не каких-то выдуманных, не существовавших в действительности на страницах «Континента» слов, а, разумеется, как раз и именно тех, которые *реально* в нем и были напечатаны и в которых г-н ***Дубинин С. К.*** всего лишь ***сам*** захотел увидеть то, что увидел. То есть нам пришлось бы опровергать как *не соответствующие действительности* слова из интервью А. Н. Илларионова о том, что Центробанк под руководством г-на Дубинина субсидировал целый рад коммерческих банков России средствами, полученными в качестве стабилизационного кредита МВФ и предназначенными для поддержания курса рубля валютными интервенциями на внутреннем валютном рынке...

И вот теперь представьте себе, на каком количестве сайтов, а может быть и печатных страниц появилось бы сообщение о таком сенсационном решении Суда. И в качестве какого белого и пушистого существа получил бы сразу право презентовать себя перед Россией г-н ***Дубинин С. К.***, заручившись подобного рода документом.

Нет, нет, я вовсе не собираюсь настаивать, что именно таков и был его хитроумный замысел, когда он попытался через своих адвокатов убедить Суд, что А. Н. Илларионов сказал не то, что он действительно сказал, а то, что подарил ему истец. Я в душу г-ну ***Дубинину С. К.*** не залезал.

Но, с другой стороны, мне все-таки очень трудно представить себе, чтобы человек, по умственному своему рейтингу способный выполнять (плохо ли, хорошо ли — в данном случае не так важно) функции руководителя Центробанка России, действительно, то есть совершенно искренне, оказался не в состоянии адекватно воспринять смысл того, о чем совершенно внятно и доступно для понимания всякого нормального человека было сказано в интервью А. Н. Илларионова. И чтобы он действительно, то есть

опять же совершенно искренне, умудрился прочесть фразу А. Н. Илларионова именно в том абсолютно нелепом, абсолютно бредовом и абсолютно невозможном ее значении, в каком он попытался истолковать ее в своем иске. Ведь для этого надо было бы быть либо малограмотным недоучкой, не умеющим читать и понимать то, что написано, либо просто умственно дефективной особью, каковыми г-н ***Дубинин С. К.*** безусловно, не является.

А раз так, то, значит...

4. Неожиданный камень преткновения

Впрочем, что это «значит» — расчислите и решите сами, дорогие читатели. Тем более, что это, в общем, достаточно очевидно и вовсе не так уж любопытно. А я лучше поспешу поделиться с вами той действительно любопытной и к тому же весьма обнадеживающей информацией, что, к счастью, наше судебное производство уже вооружено, оказывается, целым рядом нормативных установлений и правил, не позволяющих так уж просто вчинять иски своим оппонентам, всего лишь перетолковывая на свой лад то, что написано пером и что (недаром же говорят) и топором не вырубишь.

Правда, установления эти, как нетрудно догадаться, появились в нашем судопроизводстве не спонтанно и не по собственной нашей отечественной инициативе. Они появились потому, что Российская Федерация в 1998 году стала участницей Международной Конвенции о защите прав человека и основных свобод. И с тех пор, как сказано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 10. 10. 2003 года:

> признает юрисдикцию Европейского Суда по правам человека **обязательной** по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов <...> Поэтому применение судами вышеназванной Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского Суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Вот в результате признания этой-то юрисдикции и было установлено, что и

> при разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует руководствоваться не только нормами российского законодательства (статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации), но и в силу статьи 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. N 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» учитывать правовую позицию Европейского Суда по правам человека, выраженную в его постановлениях и касающуюся вопросов толкования и применения данной Конвенции (Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 3 от 24. 02. 2005).

Ну, а теперь посмотрим: в чем же суть этой правовой позиции Европейского Суда по правам человека в делах о защите чести, достоинства и деловой репутации, руководствоваться которой предписывает Верховный Суд РФ?

Суть эта многократно и очень отчетливо была сформулирована и разъяснена в целом ряде постановлений Европейского Суда по различным конкретным делам этой категории. И я охотно поделюсь с читателем всеми необходимыми на этот счет сведениями, с благодарностью воспользовавшись для этого результатами той громадной работы, которую проделал наш адвокат **Я. С. Кожеуров**, подбирая к процессу весь этот ценнейший правовой материал. Полагаю, что тем читателям, кто мало знаком с обсуждаемой темой (а таких вряд ли не подавляющее большинство), сведения эти будут совсем не бесполезны. Жизнь ведь наша непредсказуема — глядишь, когда и пригодятся.

Итак, что же это за позиция?

Она строится, в общем, на трех основополагающих принципах.

Во-первых, Европейский Суд, практикой которого императивно предписывает руководствоваться Верховный Суд РФ при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, всегда исходит прежде всего из задачи защитить и отстоять ***«саму свободу выражения мнений, которая является основополагающей частью права, гарантированного статьей 10 Конвенции»*** (как сформулировано это в постановлении Европейского Суда по делу Лингенс против Австрии от 8 июля 1986 года).

«*Свобода печати,* — говорится далее в этом постановлении, — *наделяет <...> общество одним из самых совершенных инструментов, позволяющих узнать и составить представление об идеях и позициях политических лидеров. В более общем виде можно сказать, что* ***свобода политической дискуссии составляет стержень концепции демократического общества, которая проходит через всю Конвенцию»***[6].

Во-вторых, Европейский Суд неоднократно и очень отчетливо формулирует в своих постановлениях и тот принцип приоритета, который должен применяться, когда в делах о защите чести и достоинства возникает конфликт противостоящих интересов — интересов по защите репутации политических и государственных деятелей и интересов по защите свободы публичного информирования и выражения мнений при оценке их деятельности. Суть этого принципа состоит в том, что при определенных обстоятельствах заинтересованность общества в распространении информации и мнений должна **перевешивать** интересы защиты репутации политических и государственных деятелей.

Так, в том же Постановлении по делу Лингенс отмечается, что:

> хотя пресса и не должна переступать границы, установленные inter alia для «защиты репутации других лиц», тем не менее на нее возложена **миссия по распространению информации и идей** по политическим вопросам, а также по другим проблемам, представляющим **общественный интерес.** Если на прессе лежит задача распространять такую информацию и идеи, то общественность, со своей стороны, имеет право получать их <...> Соот-

[6] Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: в 2 т. Т.1. Председатель редакционной коллегии — доктор юридических наук, профессор В. А. Туманов. — М.: Издательство НОРМА, 2000. С. 526–528.

ветственно **пределы допустимой критики в отношении политиков как таковых шире, чем в отношении частного лица.** В отличие от последнего первые неизбежно и заведомо подвергают себя пристальному вниманию журналистов и всего общества к каждому их слову и действию, следовательно, должны проявлять большую степень терпимости. Без сомнений, п. 2 ст. 10 позволяет защищать репутацию каждого, и эта защита распространяется на политиков тоже, даже когда они выступают как частные лица; но в таких случаях требования такой защиты должны быть уравновешены с интересами открытой дискуссии по политическим вопросам (§ 41–42).

Вот почему, разъясняется в Постановлении, принцип свободы выражения мнений

применяется не только к «информации» и «идеям», которые благосклонно принимаются или расцениваются как безобидные или безразличные, **но и к тем из них, которые наносят обиду, шокируют или причиняют беспокойство.** Этого требуют плюрализм, терпимость и дух открытости, без которых не может существовать демократическое общество (§ 41).

Этот же подход подтверждается и разъясняется и в Постановлении Европейского Суда по правам человека по делу Далбан против Румынии (от 29 сентября 1999 года):

Суд убежден в том, что журналистская свобода предполагает также использование высказываний, до некоторой степени преувеличенных и даже провокационных. В делах, подобных данному, следует исходить из того, что сфера усмотрения, предоставленная национальным властям, ограничена интересом демократического общества, состоящим в том, чтобы позволить прессе выполнять ее функцию «сторожевого пса» и распространять информацию по серьезным вопросам, вызывающим общественный интерес[7].

Точно так же и через пять лет, в постановлении Европейского Суда по делу Гринберг против России от 21 июля 2005 года, снова было подчеркнуто:

пресса играет важнейшую роль в демократическом обществе. Хотя она и не должна преступать определенных границ, в частности, в отношении уважения репутации и прав других лиц, а также недопустимости разглашения конфиденциальной информации, тем не менее ее долг состоит в том, чтобы сообщать — любым способом, который не противоречит ее обязанностям и ответственности, — информацию и идеи по всем вопросам, представляющим общественный интерес <...> Иначе, пресса была бы неспособна играть свою **жизненно важную роль «сторожевого пса общества»** <...> **Журналистская свобода включает также возможность прибегнуть к некоторой степени преувеличения или даже провокации.**

---

[7] Европейский Суд по правам человека. Избранные постановления 1999–2001 гг. и комментарии. М., Юридическая литература, 2002. С. 340–351. § 49. В дальнейшем цитируемые без сносок материалы Европейского Суда даются по сайту Европейского Суда; в тексте указывается название дела и дата постановления по нему.

И, наконец, в-третьих, формулируя тот важнейший инструментальный принцип, который призван юридически обеспечивать защиту прессы как «*сторожевого пса общества*», Европейский Суд неизменно настаивает на том, что «***необходимо проводить тщательное различие между фактами и оценочными суждениями***». И критерий такого различения ЕС видит в том, что «***существование фактов может быть продемонстрировано, тогда как истинность оценочных суждений не поддается доказыванию***».

Так, признавая обоснованность нормы Уголовного кодекса Австрии, согласно которой журналисты могут избежать ответственности за распространение недостоверных сведений «*только в том случае, если сумеют доказать истинность своих утверждений*», Европейский Суд специально подчеркивает, что норма эта должна иметь пределы своего применения, поскольку «***в отношении оценочных суждений выполнить это требование невозможно***, *и оно нарушает саму свободу выражения мнений, которая является основополагающей частью права, гарантированного статьей 10 Конвенции*»[8].

В связи с этой нормой и в Постановлении по делу Далбан против Румынии тоже было специально подчеркнуто:

> Неприемлемо, когда журналист лишается возможности высказывать **критические оценочные суждения в случае, если он не может доказать их достоверность** (§ 49)[9].

Это норма отнюдь, таким образом, не противоречит тому, что:

> оценочные суждения **должны быть основаны на достаточной фактической базе, чтобы представлять собой добросовестный комментарий** согласно статье 10 Конвенции, *так что* различие между оценочным суждением и утверждением о факте в конечном счете заключается в степени фактической доказанности, которая должна быть достигнута[10].

Но в том-то все и дело, что сами критерии обоснованности *оценочного суждения* и *утверждения о факте* носят принципиально *разный* характер, на чем, повторяю, Европейский Суд неизменно и настаивает. Именно поэтому для Суда при рассмотрении оценочного суждения важно всегда само *наличие* определенной фактической мотивировки для него, а не согласие или несогласие суда с содержанием суждения. И именно поэтому же Европейский Суд всегда исходит из того, что «**термины и понятия**, которые используются при выражении мнения, должны толковаться в том смысле, который придавал им сам автор» (дело Карман против России, § 40), а «*степень точности, которая должна достигаться журналистом при выражении мнения по вопросу, представляющему всеобщий интерес, вряд ли сравнима с той, которая*

---

[8] Европейский Суд по правам человека. Избранные решения... Т.1. С. 526–528.

[9] Европейский Суд по правам человека. Избранные постановления... С. 340–351.

[10] Дело Дюльдин и Кислов против Российской Федерации, № 25968/02. Постановление от 31.07.2007, § 48. Бюллетень Европейского суда по правам человека, российское издание, № 11, 2008. С. 98.

требуется для экономических прогнозов»[11], или для «*установления факта преступления по уголовному праву*» (Дело Карман против России, § 42).

Не правда ли, все это и в самом деле очень интересно и поучительно? И для нас все еще как-то необычно?

Но еще интереснее и поучительнее то, как *на практике* применяются Европейским Судом все эти принципы.

Приведу только три примера, но весьма характерных.

В деле Карман против России Европейский Суд рассматривал судебные санкции, примененные в России к заявителю за то, что тот назвал некоего С. В. Терентьева «местным неофашистом». И Суд пришел к выводу, что «*употребление термина "местный неофашист" для характеристики политических пристрастий С. В. Терентьева не выходит за рамки допустимой критики*».

Почему?

Во-первых, в связи с этим делом Суд еще раз напомнил о том, что для оправдания случаев ограничения политических высказываний необходимы самые веские основания, «*ибо если допустить широкие ограничения политических высказываний в отдельных случаях, то это неминуемо скажется на уважении к свободе выражения мнения в целом в данном государстве*».

Во-вторых же, Суд внимательно разобрался в том, «*существовала ли* ***достаточная фактическая основа*** *для подобного* ***оценочного суждения***...» И отметил, что «*заявитель предоставил документальные свидетельства, в том числе предыдущие номера издаваемой С. В. Терентьевым газеты "КолоколЪ" и ряд заключений, сделанных независимыми экспертами. Изучив указанные публикации, эксперты вынесли единодушное заключение об их явно антисемитском характере и их сходстве с идеалами национал-социализма*». Так что, заключает Суд, эти материалы «*недвусмысленно свидетельствуют о наличии достаточно серьезных оснований полагать, что высказанные заявителем* ***оценочные суждения*** *являются* ***допустимыми комментариями***».

Здесь стоит обратить внимание, как определенно, но вместе с тем и осторожно формулирует Суд свои выводы. Он квалифицирует употребленное заявителем выражение «местный неофашист» как *оценочное суждение* и потому не выносит заключения о его *истинности* или *неистинности*, хотя и ставит вопрос о его *мотивированности*. Иными словами, Суд проверяет именно *наличие* достаточно серьезной мотивировки оценочного суждения, позволяющей ему быть «допустимым комментарием», а не самое мотивировку на предмет ее пригодности для того, чтобы сделать доказательный вывод об истинности или неистинности оценочного суждения.

Еще более любопытно дело Обершлик против Австрии (№ 2, Постановление от 25 июня 1997 года). Оно позволяет увидеть, как ЕС практически реализует свое уже цитированное положение о том, что свобода выражения мнений «*применяется не только к "информации" и "идеям", которые благосклонно принимаются или расцениваются как безобидные или безразличные, но и к тем из них, которые наносят обиду, шокируют или причиняют беспокойство*». В данном случае Суд рассматривал правомерность исполь-

[11] Там же. С. 98.

зования австрийскими журналистами слова ***«идиот»*** по отношению к известному австрийскому политику (*«это слова идиота»*).

И вот как решалась эта проблема.

> Из представленных заявителем документов видно, — *читаем мы в Постановлении*, — что использование слова Trottel (идиот) — не случайно. Это было единственное слово, которое могло привлечь как внимание общественности к тому, насколько возмутительны доводы, использованные г-ном Хайдером в своем выступлении, так и послужить выводом высказанной в его адрес критики, напечатанной в рассматриваемой статье. Слова и общий тон статьи были выбраны с целью показать г-ну Хайдеру и читателям, **как нелогичны, не обоснованны и опасны его слова**, произнесенные у подножия Ульрихсберга, где он лично лишил себя и большинство граждан права на свободу мнения. **Поэтому в интересах общественности было предупредить максимальное количество людей об идеях человека**, занимавшего на тот момент пост губернатора Каринтии и возможного кандидата на пост Федерального Канцлера. В заключение, слово «идиот» (Trottel) было направлено не лично в адрес спикера, а по отношению к его словам, что **было очевидно любому обычному читателю** <...>
>
> По мнению Суда, статья заявителя и, в частности, слово «идиот» (Trottel), могут расцениваться как вполне спорные, тем не менее они не являются личным и неуместным выпадом, поскольку **автор дал объективно понятные разъяснения**, вытекающие из выступления г-на Хайдера, которое само по себе носило провокационный характер. **Следовательно, они были частью политической дискуссии**, вызванной речью г-на Хайдера, и сводились к выражению определенного **мнения, правдивость которого не требует доказательств.** Подобное мнение может быть, однако, чрезмерным, если не имеет под собой **фактической основы**. Но в свете вышеизложенных размышлений это не так в настоящем деле.

И, наконец, третье дело, где рассматривалась фраза, обращенная к губернатору Ульяновской области генералу Шаманову: «*Ни стыда, ни совести*» (Дело Гринберг против России от 21 июля 2009 года).

По этому поводу Суд отметил следующее:

> Одним из факторов **особой значимости** при рассмотрении Судом настоящего дела является **разграничение между фактическими утверждениями и оценочными суждениями.** Национальные суды привлекли Заявителя к ответственности, так как он не смог доказать правдивость своего утверждения, что у господина Шаманова нет «ни стыда, ни совести» <...>
>
> Суд рассматривает оспариваемый комментарий как наиболее **типичный пример оценочного суждения, представляющего субъективную оценку моральной составляющей поведения господина Шаманова.** Привлечение Заявителя к ответственности за нанесение мнимого ущерба репутации господина Шаманова основывалось исключительно на том, что Заявитель не продемонстрировал, что у господина Шаманова действительно нет «ни стыда, ни совести». Требование о доказывании данного обстоятельства было **заведомо невыполнимым.**

Для оценки Суда значение имело также то обстоятельство, что оспариваемое утверждение было сделано в рамках статьи, затрагивающей **общественно-значимый** вопрос — о свободе массовой информации в Ульяновской области. В ней критиковалось поведение губернатора области, избранного в ходе прямых выборов; иными словами — профессионального политика, в отношении которого **рамки допустимой критики шире, чем в случае частного лица** (см. п. 25 выше). **Факты, послужившие основой для критики, не были оспорены.**

Вот такие вот три любопытных и очень характерных прецедента из числа дел о защите чести и достоинства, рассмотренных Европейским Судом.

Как видим, во всех трех случаях Суд выносит свое решение, обязательно рассмотрев инкриминируемое Заявителю высказывание через правовую оптику всех тех важнейших своих исходных принципов подхода к делам этой категории, которые были изложены выше. Он всегда и обязательно устанавливает, является ли это высказывание *утверждением о фактах* или *оценочным суждением*, всегда и обязательно фиксирует наличие или отсутствие *его объективной мотивированности* и, наконец, всегда и обязательно оценивает его *общественную важность*, определяемую тем, в ходе насколько значимой общественной дискуссии оно было сделано.

Отметим и то, что из трех приведенных примеров два, как видим, связаны с рассмотрением неправомерных приговоров, вынесенных заявителям ***российскими*** судами. И это свидетельствует, по-видимому, о том, что рассмотрение российскими судами дел по защите чести и достоинства с учетом практики Европейского Суда и в самом деле, как я уже и предположил чуть выше, все еще не стало событием совсем уж *обычным*. Хотя, как мы видели, Верховный Суд РФ прямо предписывает российским судам осуществлять рассмотрение таких дел с учетом правовой позиции и практики Европейского Суда (Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 3 от 24 февраля 2005 года).

Мало того, в том же Постановлении Верховный Суд РФ впрямую указал российским судам и на то, что:

в соответствии со статьей 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статьей 29 Конституции Российской Федерации, гарантирующими каждому право на свободу мысли и слова, а также на свободу массовой информации, позицией Европейского Суда по правам человека **при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты** в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, **поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности.**

Судам специально было предписано:

иметь в виду и то, что в соответствии со статьями 3 и 4 Декларации о свободе политической дискуссии в СМИ, принятой 12 февраля 2004 г. на 872-м

заседании Комитета Министров Совета Европы, политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики в СМИ. Государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в СМИ в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий.

5. Приговор по первому иску

На этом я заканчиваю ознакомление читателя с той правовой базой, на основе которой — в соответствии с прямыми указаниями Верховного Суда РФ — должен был рассматриваться иск г-на ***Дубинина С. К.*** по фразе из интервью А. Н. Илларионова, посвященной его деятельности в качестве главы Банка России в период финансового кризиса 1998 года. И, повторяю, очень хочу надеяться, что читатель не посетует на меня за столь обстоятельное (хотя, поверьте, очень краткое) ее изложение хотя бы уже потому, что, как мы сейчас увидим, без знакомства с этими исходными правовыми нормами вряд ли будут до конца понятны формулировки того Решения, которое вынес по этому иску Хамовнический суд. Да и в дальнейшем дополнительные смыслы этой обстоятельности тоже, как уже сказано, вполне обнаружатся. А к финалу моего рассказа вполне, надеюсь, ее и оправдают.

Так вот — обращаясь к Решению Суда, я должен с удовлетворением признать, что в отличие от того, как русские, румынские или австрийские суды рассматривали упомянутые выше дела (Гринберг, Карман — против России, Далбан — против Румынии, Лингес и Обершлик — против Австрии), федеральный судья **И. В. Тюленев** в Хамовническом районном суде ЦАО города Москвы построил рассмотрение иска г-на ***Дубинина С. К.*** по указанной выше фразе в полном соответствии с правовой позицией, нормами и практикой Европейского Суда по правам человека.

Так, не могу не отметить, во-первых, что федеральный судья счел необходимым даже и в Решении суда специально подчеркнуть необходимость опоры на эти нормы и практику. В частности — на ст. 10 Конвенции от 4 ноября 1950 года «О защите прав человека и основных свобод», согласно которой каждый имеет право свободно выражать свое мнение и в соответствии с которой «*границы допустимой критики в отношении государственного служащего, осуществляющего свои властные полномочия, могут быть шире, чем пределы критики в отношении частного лица*».

Исходя из той же правовой позиции и практики, Суд подошел и к квалификации оспариваемой г-ном ***Дубининым С. К.*** информации А. Н. Илларионова о том, что государственные средства были ***розданы*** Центробанком некоторым крупным банкам и что тем самым Дубинин с Чубайсом за счет средств российского государства ***просубсидировали*** самых «слабых» и «нищих» в России — ***своих друзей-олигархов***. Суд признал, что данные «*оспариваемые сведения являются* ***оценочным суждением***», а «*правдивость оценочных суждений не поддается доказыванию. Требование о доказывании правдивости оценочного суждения неисполнимо и само по себе нарушает свободу*

мнения, что является основной частью права, гарантированного Статьей 10 Конвенции».

Другими словами, Суд отказался признать употребленные А. Н. Илларионовым выражения в том *буквальном* их толковании, какое навязывал им в своем иске г-н ***Дубинин С. К.***, требуя на этой основе и опровержения их как прямых и недостоверных **утверждений о фактах** (то есть якобы утверждений о том, что он, как это разъяснено было в соответствующем документе его адвокатами, средства МВФ **лично** и **безвозмездно передал своим друзьям в нарушение действующего законодательства и в личных корыстных целях**).

Таким образом, Суд совершенно справедливо и точно зафиксировал, что фактический, реальный смысл этих выражений был, следовательно, совсем другим — то есть той, совершенно *понятной обычному читателю* информацией, которая относилась к официально проведенным Банком России операциям; что же до субъективной стилевой форма подачи этой информации (*«роздал»*, *«друзьям-банкирам»*, *«самым бедным и нищим»* — и т. д.), то она выражала именно личное критическое отношение А. Н. Илларионова к этим операциям, их негативную оценку.

И, наконец, именно потому, что фраза А. Н. Илларионова была прочитана Судом в соответствии именно с тем, что она реально и значила, Суд, в-третьих, и записал в своем Решении, что *«не усматривает в оспариваемой фразе <...> утверждений, порочащих Дубинина С. К.»*.

Почему не усматривает?

Да потому, что операции, проведенные Центробанком, с точки зрения Закона были как раз вполне законными, а ответчик ***Илларионов А. Н.*** ничего противоположного (вопреки уверениям г-на ***Дубинина С. К.***, будто ответчик обвинил его «в нарушении действующего законодательства») и не утверждал. Что и зафиксировал Суд, указав, что оспариваемые г-ном ***Дубининым С. К.*** *«суждения <...> не содержат информации о нарушении истцом действующего законодательства, норм морали и нравственности»*. А вот если бы А. Н. Илларионов утверждал обратное, тогда Суд действительно должен был бы признать такую информацию и недостоверной и порочащей истца. Равно как и в том случае, если бы принял высказывания А. Н. Илларионова именно в том нелепом буквальном прочтении их как *прямых утверждений о фактах*, которое упорно навязывал им г-н ***Дубинин С. К.*** То есть если бы А. Н. Илларионов и вправду утверждал, что тот ***лично, безвозмездно*** и т. п. ***роздал*** средства МВФ ***своим друзьям***, то это и в самом деле была бы самая вопиющая, прямая, клеветническая неправда, гнусно порочащая совершенно в этом неповинного, абсолютно законопослушного г-на ***Дубинина С. К.***

Словом, именно потому, что Суд оценил и квалифицировал все вышеуказанные факты, сведения и обстоятельства именно так, как он их оценил и квалифицировал, он и вынес по первому иску г-на ***Дубинина С. К.*** итоговый вердикт такого содержания:

> При указанных обстоятельствах суд считает, что оспариваемые сведения не подлежат опровержению как утверждения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию истца.

6. Интермедия первая: первый выход г-на Алесашенко С. В. в роли Господина Соврамши

И вот здесь я и должен — в первый, но не в последний раз — обратиться, наконец, к тому тексту г-на ***Алексашенко С. В.*** под названием «Господин "Соврамши"», который был размещен в его ЖЖ и на сайте «Эха Москвы»[12]. И где г-н ***Алексашенко С. В.*** сразу же после Суда и позаботился о том, чтобы лично проинформировать своих слушателей и читателей о судебных решениях по его и г-на ***Дубинина С. К.*** искам к А. Н. Илларионову и журналу «Континент».

Что касается информации о том Решении Суда, которое было вынесено по его *совместному* с г-ном ***Дубининым С. К.*** иску, заявленному в связи с фразой об их участии в покупках ГКО и валютных операциях на Чикагской бирже, то к этой теме я вернусь чуть позже. Поскольку, как уже предупреждал, намерен следовать тому порядку рассмотрения исковых эпизодов, который был выбран самим Судом и отражен в его Решении.

А вот что касается освещения в тексте г-на ***Алексашенко С. В.*** эпизода по *единоличному* иску г-на ***Дубинина С. К.***, то к этому, стало быть, как раз самое время сейчас и обратиться. Г-н ***Алексашенко С. В.*** по этому эпизоду тоже поспешил ведь высказаться. Проинформировав своих читателей о том, что в иске г-на ***Дубинина С. К.***, помимо такого же, как и у него, требования опровергнуть сведения об их участии в покупках ГКО и в валютных операциях на Чикагской бирже, *«был и еще один эпизод — что он, дескать, с Чубайсом раздал кредит МВФ своим друзьям-банкирам»*, г-н ***Алексашенко С. В.*** заявил, что по этой *«второй фразе* ***суд признал то, что она не соответствует действительности, однако, не счел, что опорочены честь и достоинство истца».***

Так вот, г-н ***Алексашенко С. В.***, позвольте поймать Вас здесь за Ваше перо, выводившее эти слова. Или, вернее, за руку, выстукивавшую их на клавишах Вашего компьютера.

Не можете ли Вы указать, где и как именно Суд признал, что те реальные факты продажи Банком России в самый разгар кризиса ряду избранных коммерческих банков валюты, полученной от МВФ, по отношению к которым А. Н. Илларионов и высказал в оспаривавшейся фразе свое критическое ***оценочное суждение***, не имели места в действительности? Процитируйте.

Или Вы полагаете, что Вам ничто не мешает истолковать приведенное выше Решение Суда именно так, как Вы и пытаетесь это сделать?

Но ведь Вашу «интерпретацию» еще можно было бы, наверное, как-то объяснить и даже, может быть, извинить лишь в одном случае — если бы юридически Вы были совершенно, абсолютно безграмотны. А это, увы, никак не вяжется с Вашим статусом. И если бы к тому же Вы никак не были осведомлены, согласно каким нормам выносилось Решение Суда по этому иску. Но ведь опять же никак не может быть, чтобы Ваши адвокаты утаили

[12] blogs.trust.ua/aleksashenko/.

от Вас материалы дела, не правда ли? А там все эти нормы, которые были изложены выше и из которых и исходил Суд, абсолютно отчетливо названы и обозначены. И, стало быть, Вы никак не могли не знать, что если Суд отказывает в иске по той причине, что оспариваемые *сведения* (которые он признает не *утверждениями о фактах*, а *оценочными суждениями*) не могут быть квалифицированы как *порочащие*, то это совсем не значит, что он признает их не соответствующими действительности. Признав их *оценочными суждениями*, он и вообще ведь не имеет права выносить никакого категорического вердикта об их истинности или неистинности, то есть рассматривать их как достоверные или недостоверные утверждения о фактах. Он обязан только проверить, насколько рассматриваемое оценочное суждение мотивировано, поскольку оно может быть и «*чрезмерным, если не имеет под собой* ***фактической основы***». Но тем самым Суд всегда, следовательно, должен все-таки рассмотреть, имеют ли место быть ***«факты, послужившие основой для критики»*** и были или не были они ***«оспорены»***. Другими словами, всякий раз, когда он отказывает истцам в удовлетворении их требования признать те или иные сведения, выраженные в форме оценочных суждений, не соответствующими действительности и порочащими, он всегда обязан исходить из того, что суждения эти все-таки непременно ***«должны быть основаны на достаточной фактической базе, чтобы представлять собой добросовестный комментарий»***. Или, что то же самое, — на определенной ***«степени фактической доказанности, которая должна быть достигнута»***[13].

Но что — разве такая база не была на суде со всей необходимой обстоятельностью представлена и рассмотрена? Разве для фактического обоснования «оценочных суждений» А. Н. Илларионова недостаточно было хотя бы тех официальных отчетов Счетной палаты РФ, которые частично уже были цитированы выше и с которыми Суд был полностью ознакомлен? А ведь между тем Суду были представлены и многие другие материалы, подтверждавшие реальность тех фактов, которые имел в виду А. Н. Илларионов, оценивая деятельность Центробанка во время кризиса и правомерность высказанных ответчиком оценок. И раз уж зашла об этом речь, я, пожалуй, воспользуюсь этим поводом, чтобы и читателями моего «Дневника» представить хотя бы чуть более полную картину того, что происходило тогда, в то бурное и нервное время дефолта, вокруг фактов и сведений о деятельности Центробанка России, ставших вдруг достоянием гласности.

В конце концов, вреда от этого никакого не будет, а вот польза — вполне возможно. Память ведь у нас всех, как известно, короткая, и десять лет — слишком долгий срок, чтобы не затуманилось и не стерлось в ней то, о чем, вообще-то говоря, хорошо бы как раз не забывать. Слишком дорого ведь может обернуться такое забвение. Тем более — в дни нынешнего кризиса.

А потому — вот вам еще несколько очень небесполезных, мне кажется, в этом отношении страничек.

---

[13] См. выше Дело Карман против России, Дело Гринберг против России, Дело Дюльдин и Кислов против РФ...

7. Краткий обзор некоторых дополнительных материалов по «фактической базе» оценочных высказываний А. Н. Илларионова о деятельности Центробанка в период кризиса 1998 года

Итак, мы уже ознакомились с выдержками из Отчета Счетной палаты РФ от 15 июня 1999 года, в котором был зафиксирован тот факт, что в самый разгар кризиса Банком России действительно было продано через биржи и коммерческим банкам 5.7 млрд. долларов США. Было, как мы видели, зафиксировано и то, что эта продажа не могла быть произведена без использования стабилизационного кредита МВФ. Как и то, что, продавая коммерческим банкам валюту, предназначенную для валютных интервенций на внутреннем валютном рынке, Банк России «*не выполнял одну из своих важнейших функций — защиту и обеспечение устойчивости рубля*».

Но помимо этого Счетной палатой был выявлен и специально обозначен и целый ряд других важных фактов, характеризовавших деятельность Банка России в период кризиса.

Так, приводя перечень банков, покупавших у ЦБ РФ валюту в период с 23 июля 1998 года по 18 августа 1998 года, то есть в самой острой фазе кризиса (Автобанк, Альба-Альянс, Альфа-банк, Внешторгбанк, Возрождение, Еврофинанс, Империал, Инкомбанк, Кредит Свисс, МДМ, Межкомбанк, Менатеп, ММБ, Мосбизнес, Мостбанк, МФК, Национальный резервный банк, Нефтехимбанк, Онексимбанк, Промстрой, Рипаблик Неш, Российский кредит, Сбербанк, Ситибанк, Софинтрейд, СБС-Агро, Чейз Манхеттен), аудиторы Счетной палаты подчеркнули, что все коммерческие банки (за исключением банка Империал) полученную валюту оплатили, но средства займа МВФ в качестве части золотовалютных резервов ЦБ РФ были проданы коммерческим банкам в период, **когда курс рубля удерживался Банком России на уровне около 6 рублей за доллар, тогда как после кризиса они имели возможность продать валюту по гораздо более высокому курсу**. Другими словами, избранные банки были практически именно ***просубсидированы*** в тот самый период, когда было уже очевидно, что девальвация рубля неизбежна.

Ознакомился Суд и с Отчетом Счетной палаты от 27 апреля 1999 года. Из этого Отчета видно, за счет каких средств коммерческие банки оплачивали покупаемую у ЦБ валюту. Отчет фиксирует, что для покупки коммерческими банками валюты у ЦБ ими использовались рубли, от того же ЦБ в виде кредитов и полученные:

> В ряде случаев, — *говорится в Отчете,* — даты предоставления Банком России отдельным коммерческим банкам кредитов соответствовали датам проведения Банком России операций с этими банками по продаже иностранной валюты из валютного резерва Российской Федерации, находящегося в управлении Банка России <...>, **то есть в оплату проданной Банком России коммерческим банкам иностранной валюты поступали (полностью либо частично) средства, выделенные Банком России коммерческим банкам в виде кредитов.**

Отмечается в Отчете и то, что:

более 60% всей погашенной Банку России в сентябре-ноябре 1998 года задолженности по ломбардным кредитам и кредитам овернайт произведено <...> схемами **«путем отступного»**[14].

Причем в качестве «отступного» отдавались заложенные под кредит ценные бумаги — государственные казначейские обязательства (ГКО), которые после 17 августа 1998 года в силу объявленного по ним дефолта фактически ничего не стоили.

В Отчете указывается:

Заявлением Правительства Российской Федерации и Банка России от 17 августа 1998 г. «О мерах по нормализации финансовой и бюджетной политики» операции на рынке ГКО—ОФЗ были приостановлены.

Банк России, предоставляя в проверяемый период в нарушение ст. 4 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и совместного с Правительством Российской Федерации заявления от 17 августа 1998 г. «О мерах по нормализации финансовой и бюджетной политики» **кредиты отдельным коммерческим банкам под залог «замороженных» государственных ценных бумаг, при невозврате кредитов коммерческими банками** (Альфа-банк, Менатеп, Банк Москвы, Газпром-банк, Гута-банк, МИБ, Мост-банк, Национальный резервный банк, ОНЭКСИМ-банк, Промстройбанк, Российский кредит, СБС-АГРО и ряд других), **обращал в свою пользу ничего не стоящий на дату погашения просроченной задолженности залог.** <...>

Вследствие неправомерно принятых Банком России в сентябре-октябре 1998 г. дополнительных мер по погашению коммерческими банками просроченных кредитов, обеспеченных залогом государственных ценных бумаг <...>, **интересам государства причинен ущерб. Банком России по существу произведена немотивированная эмиссия, усилившая развитие инфляционных процессов в стране**[15].

Таким образом, Счетной палатой было установлено, что группа избранных Центральным Банком РФ коммерческих банков покупала у ЦБ валюту по сильно заниженному курсу рубля в самый острый период кризиса, когда спрос на валюту был необычайно высок и от ее наличия у банка фактически зависела его выживаемость. А за эту валюту группа избранных банков расплачивалась с ЦБ полученными от ЦБ же рублями, причем рублевые кредиты гасила по большей части заложенными под кредиты и ничего уже не стоившими ГКО.

Естественно, что все эти факты, оказавшись достоянием гласности, тут же стали предметом широкого и бурного общественного обсуждения. В изданиях самого разного рода появилось множество статей, в которых деятельность

---

[14] Отчет Счетной палаты от 27.04.1999 года по результатам проверки эффективности и целесообразности расходования Центральным банком Российской Федерации государственных средств, выданных им в виде кредитов коммерческим банкам за период с августа 1998 года по ноябрь 1998 года. С. 20—22.

[15] Там же. С. 33.

Центробанка в период кризиса подверглась самой острой и нелицеприятной критике, — как, например, в статье Т. Кошкаревой и Р. Нарзикулова «Если расследование изложенных фактов будет возобновлено по прямому указанию правительства...» («Независимая газета», 25 февраля 1999 года), в журнале «Новое время», № 40/99 (статья «300 000 000 000»), или в газете «Ведомости» от 10. 09. 99 года, где на основе отчетов Счетной палаты, результатов проверок, проведенных фирмой Pricewaterhouse Coopers, а также информации, предоставленной «Ведомостям» в Минфине, была воссоздана полная картина расходования средств МВФ, суть которой, по оценке «Ведомостей», состояла в том, что *«большую часть средств государство истратило на поддержку частных банков, которые эта помощь все равно не спасла»*.

Та же картина рисуется и в статье «Центробанк не переводил деньги МВФ в "Бэнк оф Нью-Йорк"», опубликованной в газете «Новые известия» 17 сентября 1999 года. В этой статье тоже анализируются оба отчета Счетной палаты и приводятся слова аудитора Счетной палаты Элеоноры Митрофановой, которая эти ревизии проводила:

> В тот самый период, когда ошалевшие от событий очередного «черного вторника» работающие россияне забросили службу и носились от одного обменного пункта к другому в тщетной надежде что-то спасти, а пенсионеры переходили на натуральное хозяйство, в этот суматошный период Центральный банк России выдал коммерческим банкам кредитов на 35 млрд. деноминированных рублей. Благодарные коммерческие банки, едва получив кредит ЦБ в рублях, проводили конверсионные операции, покупая доллары все с того же счета Центробанка в Национальном республиканском банке США. <...> Среди банков, получивших этот кредит — причем под залог ГКО, которые к тому моменту ничего не стоили, — были: Автобанк, «Альба-Альянс», Альфа-Банк, МЕНАТЕП, Банк Москвы, Внешторгбанк, банк «Возрождение», «Еврофинанс», Инкомбанк, ММБ, Межкомбанк, Мосбизнесбанк, «Мост-Банк», Национальный резервный банк, Сбербанк и получивший один из самых больших кредитов — 2,5 млрд. — СБС-Агро. Почти сразу после получения кредита прекратили платежи по своим обязательствам МЕНАТЕП, Инкомбанк, СБС-Агро, «Империал». <...> «Мы считаем, что в оплату проданной Центральным банком валюты поступали — полностью или частично — деньги самого же Центрального банка, выделенные коммерческим банкам в рублях», — говорит Элеонора Митрофанова.

Не могли не привлечь внимания тогдашних СМИ и другие факты, сведения и документы, связанные с этой острой темой. Так, в октябре 1999 года «Новые известия» опубликовали резолюцию Е. Примакова на одной из служебных записок из МВД:

> Прошу проговорить вопрос с генеральным прокурором. Следует, не откладывая, открывать уголовные дела.
> Ущерб, нанесенный государству, огромен. Что можно было бы вернуть?

А несколько дней спустя (18 октября 1999 года) «Новая газета» опубликовала и сам документ, на который Е. Примаков наложил эту свою резолюцию, тут же ставшую знаменитой:

МВД России совместно с Генеральной прокуратурой и Счетной палатой Российской Федерации продолжают работать по установлению причин финансового кризиса и лиц, виновных в этом. В результате принятых мер возбуждено три уголовных дела. Работа ведется по следующим основным направлениям:
— изобличение высших должностных лиц Центрального банка и Министерства финансов Российской Федерации, злоупотреблявших служебным положением в целях получения незаконных доходов от участия в торгах на Московской межбанковской валютной бирже с Государственными краткосрочными облигациями (ГКО);
— проверка результатов аукционов с ГКО, проведенных на не выгодных для государства условиях, ущерб от которых составил 16 миллиардов новых рублей;
— установление обстоятельств растраты руководителями Банка России 4,8 миллиарда долларов США, полученных в виде стабилизационного кредита от Международного валютного фонда.
Отрабатывались конкретные противоправные действия бывших руководителей Банка России. В частности, установлено, что Алексашенко С. В., занимая должность первого заместителя председателя Центрального банка, имел в нескольких коммерческих банках рублевые и валютные счета, на которые зачислялись средства, полученные от ГКО. Только на его рублевый счет № 42301810400011702985, открытый в Автобанке, за 1998 год поступило 11 крупных платежей. За 1997 год — 6 платежей и за 1996 год — 12 платежей на общую сумму около 560 миллионов неденоминированных рублей.
На валютный счет Алексашенко, открытый в этом же банке, поступило более 42 тысяч долларов США. Кроме того, на валютном счете в Мосбизнесбанке у него находилось еще 50 тысяч долларов США.
В частности, изучаются обстоятельства осуществления Центральным банком России сделки по купле-продаже недостроенного 15-этажного здания по адресу: г. Москва, ул. Житная, строение 10.
Установлено, что указанное здание Центральный банк в начале 1996 года продал акционерному обществу «Корпорация развития территорий» за 2,8 миллиарда неденоминированных рублей, а через полгода выкупил его обратно в том же состоянии, но уже за 203 миллиарда неденоминированных рублей. Имеются сведения, что средства от этой сделки были присвоены ее участниками.

«Аргументы и факты», печатая интервью с бывшим генпрокурором Юрием Скуратовым, касавшееся, в частности, и тех операций, что в период кризиса были проведены Центробанком с группой избранных коммерческих банков, особо подчеркнули, что в результате «*когда курс рубля рухнул в 4 раза, эти 18 банков фактически обогатились в 4 раза за 10 дней*»[16].

А журналист Сергей Телегин в большой статье «За что либералы не любят Глазьева»[17] напомнил о том, что о неизбежности кризиса и девальва-

[16] Отцы и дети дефолта. — «Аргументы и факты», № 34 (1087) от 22 августа 2001 года.

[17] http://www.pravda.info/economics/434.html, 28.04.2004.

ции рубля задолго до августа 1998 года предупреждал отнюдь не один А. Н. Илларионов. Так, о губительности завышенного курса рубля для российского производства и о необходимости плавного контролируемого снижения курса говорил начиная с 1994 года и тот же Глазьев.

В декабре 1997 года, — *рассказывает Телегин,* — по его просьбе Российский торгово-финансовый союз подготовил аналитический доклад «Среднесрочные сценарии государственной и корпоративной политики в условиях саморазрушения финансовой системы страны и возврата к мобилизационной модели развития». В докладе на основе анализа финансовой системы был сделан вывод об абсолютной неизбежности дефолта не позднее августа 1998 года. Уже в марте 1998 года этот доклад лежал на столах правительственных чиновников и Администрации президента. Черным по белому там было написано, что с учетом финансовых и структурных диспропорций экономики общий вывод о возможной глубине кризиса 1998 года таков: девальвация рубля — в 3—5 раз, падение акций — в 2—3 раза, рынок ГКО перестанет существовать <...>

После дефолта Глазьев, возглавлявший Аналитическое управление Совета Федерации, создал в Совете Федерации комиссию по расследованию причин, обстоятельств и последствий принятия решений Правительства Российской Федерации и Центрального банка Российской Федерации от 17 августа 1998 года о реструктуризации государственных краткосрочных обязательств, девальвации обменного курса рубля, введении моратория на осуществление валютных операций капитального характера. Комиссия установила, что принятие решений от 17 августа осуществлялось с грубым нарушением принятых процедур принятия решений и поставила вопрос о персональной ответственности С. В. Кириенко, С. К. Дубинина, М. М. Задорнова, С. В. Алексашенко, А. Б. Чубайса, Е. Т. Гайдара за последствия принятых решений.

Для того, чтобы завершить это дополнительное краткое воспроизведение материалов, представленных Суду на предмет информации о той «фактической базе», которая стоит за «оценочными суждениями» А. Н. Илларионова о деятельности Правительства РФ и Центробанка в период кризиса 1998 года, следует, наверное, привести хотя бы несколько выдержек и из доклада этой Временной Комиссии Совету Федерации РФ[18].

Цитирую без комментариев:

1. В результате решений от 17 августа реальные доходы населения уменьшились в сентябре 1998 года по сравнению с августом этого же года на 31,1 процента <...>

Таким образом, решения от 17 августа нанесли огромный экономический ущерб гражданам, государству, банковскому сектору и стране в целом, совокупная величина которого составляет сотни миллиардов рублей, диск-

[18] Заключение Временной комиссии Совета Федерации по расследованию причин, обстоятельств и последствий дефолта 1998 года. С. 7—9, 4, 16. http://www.glazev.ru/econom_polit/2449/.

редитировали политику реформ, вызвали крупномасштабную дестабилизацию экономики, подорвали экономическую безопасность России, резко ухудшили международное положение страны. По масштабу нанесенного ущерба и глубине негативных последствий для населения России, государства и экономического развития страны решения от 17 августа следует рассматривать как тягчайшее преступление против общества и государства.

2. В ходе подготовки решений от 17 августа А. Б. Чубайсом по согласованию с Председателем Правительства Российской Федерации и Председателем Центрального банка Российской Федерации без каких-либо утвержденных в установленном порядке директив и соблюдения необходимых требований национальной безопасности велись консультации с руководителями иностранных финансовых организаций, имеющих свои интересы на российском финансовом рынке. Им была передана информация конфиденциального характера, сознательно скрывавшаяся от российских участников рынка, представительных органов государственной власти, общественности. При этом не было принято необходимых мер, исключающих использование этой информации нерезидентами в коммерческих целях и в ущерб национальным интересам России. <...>

То есть при подготовке решений было допущено сознательное раскрытие конфиденциальной информации узкой группе заинтересованных лиц, включавшей руководителей некоторых коммерческих банков и представителей иностранных финансовых институтов, которые могли использовать эту информацию в коммерческих целях в ущерб другим участникам рынка и государственным интересам.

3. Парадоксальным образом важнейшим источником доходов Центрального банка Российской Федерации были прибыли, получаемые на спекуляциях с ГКО — ОФЗ, источником которых являлся федеральный бюджет. Иными словами, чем больше Правительство Российской Федерации втягивалось в долговой кризис, тем выше становились доходы Центрального банка Российской Федерации. Так, в 1997 году доходы Центрального банка Российской Федерации по операциям с государственными ценными бумагами составили более 5,5 млрд. рублей (здесь уместно заметить, что в доход бюджета по итогам 1997 года было перечислено менее 1,4 млрд. рублей).

При этом большая часть доходов Центрального банка Российской Федерации, получаемых от операций с государственными обязательствами, списывалась на издержки, которые поддерживались на чрезмерно высоком уровне. Так, вычитаемое из доходов Центрального банка Российской Федерации фактическое исполнение расходов на содержание его аппарата составило в 1997 году свыше 7,462 млрд. деноминированных рублей, **что превышает все расходы на государственное управление, за исключением расходов на деятельность фискальных органов, а объем только незавершенного строительства, ведущегося Центральным банком Российской Федерации, сопоставим со всей программой государственного жилищного строительства.**

Все эти материалы были, повторяю, полностью предоставлены Суду для ознакомления. И, следовательно, он имел полную возможность судить о сте-

пени фактической мотивированности тех «оценочных суждений» А. Н. Илларионова о деятельности Центробанка России в период кризиса 1998 года, которые оспаривал г-н ***Дубинин С. К.***

Что Суд и зафиксировал, прямо записав в своем Решении:

> Оспариваемые в настоящей фразе высказывания были **сделаны в ходе общественной дискуссии, затрагивающей общественно-значимый вопрос** — причины и последствия финансового кризиса в России в августе 1998 года. В рамках интервью Илларионовым А. Н. **подробно излагаются и исследуются известные ему причины и последствия кризиса 1998 года, действия должностных лиц, органов власти в этот период, их оценка и критика, изложение собственных взглядов и позиции по поводу тех решений, которые принимались руководством государства, включая истцов.**
>
> Оспариваемые сведения не носят грубого, неуместного или оскорбительного характера, касаются лица, которое занимало государственную должность, непосредственно отвечало за состояние финансовой системы России. <...>
>
> Оспариваемые истцом сведения представляют собой оценку его деятельности <...>, **оценки деятельности Дубинина были сделаны ответчиком на основе знания ситуации и опыта работы** <...>
>
> Оспариваемая информация изложена в контексте статьи, посвященной вопросу, вызывавшему общественный интерес, деятельности главы Центрального банка РФ. **В статье подвергается критике деятельность главы ЦБ РФ, иными словами, государственного деятеля, рамки разумной критики в отношении которого шире, чем в отношении частного лица.**

Отсюда и заключительный, уже цитированный, вердикт:

> При указанных обстоятельствах суд считает, что оспариваемые сведения не подлежат опровержению как утверждения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию истца.

Итак, г-н ***Алексашенко С. В.***, я вновь спрашиваю — где же Суд ***«признал»***, что фраза, которую оспаривал Ваш бывший начальник г-н ***Дубинин С. К.***, ***«не соответствует действительности»***? Или где было хотя бы указано, что оценки деятельности ***Дубинина С. К.*** ответчиком недостаточно мотивированы, не имеют под собою достаточной «фактической базы»?

Ни для кого ни секрет, что Вы, как и г-н ***Дубинин С. К.***, как и некоторые другие Ваши сподвижники по организации дефолта, до сих пор считаете, что все делалось тогда правильно, что Вы оказались просто заложниками ситуации и предприняли все возможное, чтобы предотвратить катастрофу. Поэтому нетрудно сообразить, что какую бы «фактическую базу», свидетельствующую об обратном, Вам ни предъявили, Вы все равно гневно отвергнете ее как ничего не доказывающую. И что Вам очень хотелось бы, чтобы и другие разделили Вашу позицию.

Что ж, это Ваше право. Вот и спорьте, и доказывайте, и убеждайте других в том, что Ваши противники неправы, в открытой и честной дискуссии. Но зачем же даже и ради такой цели, сколь бы страстно Вы ни хотели ее до-

биться, **передергивать**? Зачем так откровенно подсовывать публике **прямую неправду** о том, что Суд ***признал*** «сведения», сообщенные А. Н. Илларионовым о деятельности ЦБ в 1998 году, ***не соответствующими действительности»***? Затем, чтобы авторитетом судебного Решения подкрепить свою шаткую позицию?

Даже как-то не похоже ни на опытного, а значит — осмотрительного, чиновника, ни на человека, пользующегося спросом в качестве маститого аналитика, а значит — обладающего и способностью просчитывать последствия своих действий хотя бы на два шага вперед.

Так что постарайтесь хоть впредь быть все-таки осторожнее. А то, глядишь, опять окажетесь в незавидной позе той унтер-офицерской вдовы, которая сама себя высекла. На этот раз — тем самым ремнем, которым хотела огреть другого, обозвав его «господином "Соврамши"». Больно же, наверное, все-таки...

8. Кто, как и где играл

Теперь — о второй фразе из интервью А. Н. Илларионова, предъявленной для опровержения обоими нашими истцами. Процитирую еще раз соответствующий фрагмент из искового заявления г-на ***Алексашенко С. В.***, абсолютно идентичный такому же фрагменту из искового заявления г-на ***Дубинина С. К.***, дабы и этот текст тоже был перед глазами. Это вскоре нам очень понадобится.

Итак, «*порочащими и не соответствующими действительности сведениями,* — читаем мы в исковом заявлении, подписанном от его имени его адвокатом, — *Алексашенко С. В. считает сведения, содержащиеся в следующей фразе*: ***"Деятельностью Дубинина и его друзей заинтересовалась прокуратура. Выяснилось, что некоторые сотрудники Центрального банка, включая Дубинина и Алексашенко, активно участвовали в покупках ГКО и валютных операциях на Чикагской бирже"».***

Понятно, что поскольку ответчикам предстояло обосновывать на суде соответствие этой фразы действительности, им и их адвокату пришлось озаботиться тем, чтобы Суду была представлена «фактическая база» и по этой группе «сведений», оспоренных г-ном ***Алексашенко С. В.*** Это тоже было сделано, и раз уж, повторюсь, иски господ ***Дубинина С. К.*** и ***Алексашенко С. В.*** послужили поводом к тому, чтобы проделать и эту работу тоже, пусть они послужат и тому, чтобы хотя бы вкратце познакомить с ее результатами наших читателей. Во имя того, как уже сказано, что ничто вчерашнее, важное для понимания сегодняшней жизни, не должно быть забыто.

Сначала о фразе: ***«Деятельностью Дубинина и его друзей заинтересовалась прокуратура».***

Как нетрудно догадаться, рассказывая нам об этом в своем интервью, А. Н. Илларионов имел в виду возбужденные Генеральной прокуратурой уголовные дела, о которых сообщалось в уже упоминавшейся служебной записке МВД на имя Е. Примакова (где, в частности, содержались сведения и о крупных доходах г-на ***Алексашенко С. В.***, полученных от ГКО, — см. выше, стр. 496).

Информацию о возбуждении Генеральной прокуратурой 2 ноября 1998 года уголовного дела № 18/221050-98 по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 172 УК РФ («Незаконная банковская деятельность»), и *«для изучения фактов инвестирования госсредств в государственные ценные бумаги»* содержало в себе и письмо заместителя начальника управления по контрразведывательному обеспечению кредитно-финансовой сферы департамента экономической безопасности Федеральной службы безопасности РФ П. Н. Топорова (№ 8/К/6 — 1953 от 01. 11. 2002).

И эти, и другие документальные источники, как и вообще обстоятельства расследования возбужденных Генеральной прокуратурой уголовных дел, неоднократно освещались и бурно обсуждались в те годы в средствах массовой информации. Например — в статье «Кто всех нас ограбил. Поименно» («Новая газета», № 80 от 28 октября 2002 года) и в уже упоминавшейся статье Татьяны Кошкаревой и Рустама Нарзикулова в «Независимой газете» от 25 февраля 1999 года, где цитировался еще один служебный документ, информировавший о работе МВД, Генпрокуратуры и Счетной палаты «по установлению причин возникновения финансового кризиса, приведшего к развалу банковской системы страны и падению курса национальной валюты». В этом документе в частности сообщалось:

> Установлено, что ряд высших должностных лиц главного кредитного и финансового учреждений страны, **имея доступ к конфиденциальной информации о курсовой стоимости ГКО и условиям торгов, сами принимали в них активное участие, влияя при этом на повышение или понижение стоимости ценных бумаг**. Для этого они открывали инвестиционные счета на Московской межбанковской валютной бирже (ММВБ) и проводили активные операции на рынке ГКО как самостоятельные дилеры. Полученные от этого доходы переводили на личные счета в банки, «отмывая» таким образом незаконно нажитые средства. По данному факту Генеральной прокуратурой РФ 2 ноября 1998 года возбуждено уголовное дело по признакам ст. 174 ч. 2 УК РФ (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем).

Особо стоит обратить внимание в этой связи и на официальное выступление в 1999 году на 65-м заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации заместителя Генерального прокурора РФ В. В. Колмогорова, который сообщил следующее:

> Еще в конце августа 1998 года Генеральная прокуратура Российской Федерации начала заниматься проверкой деятельности Центрального банка Российской Федерации. Она установила, что отдельные государственные служащие совершают сделки, связанные с государственными ценными бумагами. Вопрос возник, потому что существовала связь действий этих государственных чиновников на рынке ценных бумаг с принятыми правительственными решениями <...>
> 2 ноября 1998 года Генеральная прокуратура Российской Федерации для проверки всех полученных в ходе проверки сведений возбудила уголовное дело с целью выяснить, нет ли тут незаконного предпринимательства, неза-

конных действий государственных чиновников и отмывания средств, добытых незаконным путем.

Тогда именно только по этим основаниям мы могли возбудить уголовное дело, поскольку полагали, что **определенные государственные чиновники, имевшие доступ к конфиденциальной информации Центрального банка и Министерства финансов Российской Федерации, осуществляли сделки с государственными ценными бумагами и тем самым наживались** <...>

В ходе следствия был установлен круг государственных чиновников (более 170 человек), которые проводили операции с ГКО и ОФЗ <...>

Не все несли чемоданами, надо устанавливать, кто и сколько от этого поимел. Поэтому мы сейчас проводим по этому делу серьезную проверку при участии экономистов, правоведов, юристов, поручив это специалистам Института государства и права Российской академии наук, Московского государственного университета, Финансовой академии, Федерального центра по проведению судебных экспертиз. Когда получим заключение экспертизы, будем работать конкретно **с каждым человеком из нашего списка.** Допрошены уже многие, в том числе **Дубинин,** Задорнов, **Алексашенко** и другие[19].

Эту информацию подтверждает в своей книге и бывший Генеральный прокурор РФ Ю. И. Скуратов:

В ходе проверки (*Центрального банка РФ. — И. В.*) было возбуждено три уголовных дела. <...> И третье уголовное дело, — самое перспективное, которое еще предстоит детально расследовать, — это дело, связанное с **операциями физических лиц на рынке ГКО.**

На межбанковской валютной бирже мы изъяли базу данных и были изумлены ее «начинкой»: обнаружилось, что на рынке ГКО играли 45 тысяч физических лиц, в том числе и огромное количество государственных чиновников <...> Всего мы обнаружили в этом списке 780 крупных государственных чиновников, не имеющих права играть ни в какие коммерческие игры.

И среди этих лиц Скуратов тоже называет, в частности, г-на ***Алексашенко С. В.***[20].

В этой связи стоит, пожалуй, напомнить, что еще раньше сведения того же характера были оглашены и уже упоминавшейся Временной комиссией Совета Федерации, которая была учреждена Советом Федерации Федерального собрания РФ 15 октября 1998 года постановлением № 447-СФ «О социально-экономической ситуации в Российской Федерации и неотложных мерах по выводу страны из кризиса». В Заключении Временной комиссии было, в частности, отмечено ***«...активное участие бывших высокопоставленных государственных чиновников — руководителей влиятельных***

---

[19] Федеральное Собрание Российской Федерации. Совет Федерации. Заседание шестьдесят пятое. 25 октября 2000 года. Бюллетень № 185. Издание Совета Федерации. С. 38–40.

[20] *Скуратов Ю.* Вариант дракона. М., 2000. С. 248–250.

органов государственной власти в осуществлении операций на рынке государственных ценных бумаг (в частности, А. Б. Чубайса, С. В. Алексашенко и А. Р. Коха)»[21].

Заключение было зачитано на заседании Совета Федерации 17 марта 1999 года и одобрено Постановлением № 113-СФ. Совет Федерации постановил согласиться с основными положениями и выводами, содержащимися в Заключении Временной комиссии, направить Заключение Генеральному прокурору РФ и опубликовать его в «Парламентской газете» (п. 1, 2, 7 Постановления № 113-СФ от 17 марта 1999 года).

Читатель, успевший подзабыть о том, что происходило восемь — десять лет назад, и тем более читатель молодой, для которого времена эти и вообще за пределами его сознательной памяти, могут, конечно, поинтересоваться, чем же закончились все эти расследования, предпринятые Генеральной прокуратурой по возбужденным ею уголовным делам.

Что ж, поинтересуйтесь.

Ничем.

Как?!

А вы что — ожидали другого?

Впрочем, похоже, что даже сам многоопытный заместитель Генерального прокурора РФ В. В. Колмогоров был таким оборотом дела несколько все же обескуражен.

Помните, как бодро начал он докладывать Совету Федерации Федерального Собрания РФ о работе, проделанной прокуратурой по проверке деятельности Центрального банка?

О том, как было выявлено, что «*определенные государственные чиновники, имевшие доступ к конфиденциальной информации Центрального банка и Министерства финансов Российской Федерации, осуществляли сделки с государственными ценными бумагами и тем самым наживались*».

О том, как «*был установлен круг*» этих «*государственных чиновников (более 170 человек), которые проводили операции с ГКО и ОФЗ*».

О том, как из этого списка были «*допрошены уже многие, в том числе Дубинин, Задорнов, Алексашенко и другие*».

И о том, как Генпрокуратура включила в расследование многочисленных специалистов — экономистов, правоведов, юристов, работников Федерального центра по проведению судебных экспертиз и т. д., чтобы, получив «*заключение экспертизы... работать конкретно* ***с каждым человеком из нашего списка***».

Ну, и что же произошло, когда вся эта работа была проделана?

---

[21] Заключение Временной комиссии Совета Федерации по расследованию причин, обстоятельств и последствий дефолта... Федеральное Собрание Российской Федерации. Совет Федерации. Бюллетень № 185. С. 38—40. http://www.glazev.ru/econom_polit/2449/. Кстати, и в официальном выступлении на 44-м заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ член Совета Федерации А. А. Суриков сообщил буквально следующее: «***... Господин Алексашенко — первый заместитель Центрального банка, также крупнейший участник рынка ГКО***».

Да ничего особенного. Просто оказалось, что, *«по заключению государственно-правовой экспертизы, участие в сделках с государственными бумагами не требует ни государственной регистрации, ни лицензирования. То есть,* — удрученно заканчивает свое повествование В. В. Колмогоров, — *мы не смогли предъявить им обвинения в незаконном предпринимательстве и незаконном отмывании ими добытого преступным путем имущества»*[22].

Вот такое у нас законодательство. Все было законно. И потому, по информации заместителя Генерального прокурора РФ В. И. Колесникова, 3 мая 2002 года уголовное дело № 18/221050-98 было прекращено.

«За отсутствием состава преступления»[23].

Похоже, правда, что в столь идиллическом завершении всей этой свирепой прокурорской затеи сыграли свою роль отнюдь не только удивительные и, конечно же, совсем не случайные провалы в нашем законодательстве, позволяющем делать то, что в нормальных правовых государствах давно уже и безусловно подсудно. Бывший Генеральный прокурор РФ Юрий Скуратов погорел, как известно, на видеозаписи пикантной сцены, где профессиональные девочки ублажали *лицо, похожее на него.* Но любопытно, что видеозапись эта появилась на телеэкранах именно в тот самый момент, когда по поручению Е. Примакова он должен был приняться за дело ГКО.

Впрочем, послушаем его самого. Вот что рассказал он на этот счет в своем интервью «Аргументам и фактам»:

> Я не жаждал крови, но нужно было разобраться с причинами, выявить ответственных лиц и исследовать правовые составляющие. Почему? Потому что там был целый комплекс причин. Основная — почему были допущены просчеты при выпуске государственных казначейских облигаций (ГКО)? Еще в декабре 1997 г. было известно, что доходы, получаемые от размещения новых ГКО, уже были меньше расходов, которые шли на обслуживание платежей. Уже было ясно, что образовалась пирамида, которая рано или поздно рухнет.
>
> Но Центральный банк — один из самых крупных портфельных держателей ГКО, — уже зная о том, какая создалась ситуация, выбрасывает крупные партии ГКО на рынок и усугубляет кризисную ситуацию с этими ценными бумагами.
>
> Почему это делалось? **Потому что многие из тех чиновников, которые отвечали за финансовую политику, сами лично играли на рынке ГКО** <...>
>
> Их имена мы изъяли из базы данных Межбанковской валютной биржи, хотя кое-где вместо фамилии указывались номера серий паспорта или искажались фамилии. Мы выявили вице-премьеров — Чубайса и Серова, министра иностранных дел Козырева, Вавилова — первого зам. министра финансов и еще 5 замов министра финансов. Все они играли на рынке ГКО. **Заместитель председателя ЦБ Алексашенко, дочери президента Ельцина Татьяна Дьяченко, Елена Окулова.** Там были и представители Министерства

[22] Федеральное Собрание РФ. Совет Федерации... Бюллетень № 185. С. 38–40.

[23] См.: Кто всех нас ограбил. Поименно. — Новая газета», № 80 от 28.10.2002.

обороны <...> расшифровку базы данных начали при мне, а должны были закончить без меня. Но как только меня отстранили, и. о. генпрокурора Чайка потерял к делу интерес... Нет, интерес у него, может быть, и был. **Но он понимал, что это настолько взрывоопасный материал, что его тоже может захлестнуть эта волна. И он ушел от этой темы, по сути тихо ее закрыл.**

— Но список-то участников оставался? Или утерян навеки?

— Да, остался. Порядка 45 тысяч физических лиц играли на рынке ГКО. Там были криминальные авторитеты, олигархи. Вообще было подозрение, и я убежден, что работала гигантская «стиральная машина», где отмывались нетрудовые доходы, шла легализация «грязных» денег. Всегда можно было сказать: «Я их выиграл на рынке ГКО»[24].

Нужны комментарии?

Но даже «Новая газета» сочла достаточным ограничиться всего лишь иронической ухмылкой, наткнувшись на слова Ю. Скуратова о том, что он хотел *разобраться*, *выявить*, *исследовать* и т. д.:

Ну да, разбежался: разобрался, выявил и исследовал — как бы не так. И трех месяцев не прошло, как генпрокурор вляпался в скандал, а его временный преемник Чайка мгновенно взрывоопасные дела затушевал. А уж с только что назначенного генпрокурора Владимира Устинова какой спрос — еще немного, и дело о дефолте вообще будет предано забвению[25].

Как известно, именно так все и произошло. В декабре Е. Примаков поручил Юрию Скуратову заняться делом ГКО, а уже 1 февраля Скуратов вынужден был написать прошение «по собственному желанию». И хоть потом Дума трижды отвергала предложение Ельцина утвердить его отставку, с генерал-прокурорской карьерой его было покончено навсегда.

Да и что, собственно, в этом удивительного? Разве так уж трудно представить себе, что могло бы быть, если бы вместе с дочерьми и прочими членами ельцинской «*Семьи*» не были выведены из-под возможного удара и все остальные госигроки на рынке ГКО и хоть один какой-нибудь *алексашенко* попал под карающий меч нашего святого российского правосудия? Зачем нужен был такой прецедент?

Как рассказывает известное интернетское издание «Национальная безопасность» (nacbez.ru), «*"семью" охватила паника*». И потому-то, понятно, так сразу же и засуетились тогда бдительные операторы и режиссеры, наверняка заготовившие страховочный компромат на Генерального прокурора уже давно (и наверняка не на него одного), но предъявившие его только теперь. И все обошлось. Прекратилась паника, которая, как рассказала «Национальная безопасность», «*вся осталась в распечатках телефонных переговоров Березовского. В ответ на истерику главы ЦБ Дубинина, мол, следователи слишком близко к нему подобрались, БАБ ответил: "Не волнуйся, Скуратова скоро не будет!"*». И Глава администрации президента А. Волошин

[24] Отцы и дети дефолта. — «Аргументы и факты», 22 августа 2001 года.

[25] См.: Кто всех нас ограбил. Поименно.

тут же потребовал от Скуратова, «*чтобы он как Генеральный прокурор опроверг сведения о нецелевом использовании кредита*». А тот, или что-то не поняв, или на что-то продолжая еще надеяться, «*отказался подписывать фальшивку для МВФ и, более того, предложил секретарю Совбеза Н. Бордюже вынести вопрос о пропавшем транше на заседание СБ*». И вот тогда «*на этом все и закончилось. И поиски денег, и карьера*»[26]. И всего через пару лет г-н ***Алексашенко С. В.***, отвечая на вопросы журнала «Деловые люди», мог уже совершенно спокойно и уверенно заявить: «*Когда в 1998 году прокуратура начала расследование, пытаясь доказать, что у меня были незадекларированные доходы, документация налоговой показала, что это не так*»[27]. Доходы действительно были ведь задекларированы, а чего же еще надо, если они вполне ***законны***?

Что же до г-на ***Дубинина С. К.***, то тот не то что двух лет не стал дожидаться, а и нескольких дней, остававшихся до 1 апреля 1999 года, когда Юрий Скуратов, побывав на приеме у секретаря Совета Безопасности Н. Бордюжи (где, по некоторым источникам, ему, видимо, и предъявили компроматную видеозапись), подал-таки прошение об отставке. Видимо, заверения «БАБа» весили больше, чем еще только долженствующий свершится реальный факт. И уже 23 марта 1999 года, то есть задолго до того, как заместитель генерального прокурора В. Колмогоров заявит на 65-м заседании Совета Федерации, что с покупками и продажами ГКО все было законно, и уж тем более задолго до того, как дело и официально будет прекращено «за отсутствием состава преступления», г-н ***Дубинин С. К.***, судя по всему, уже очень хорошо знал, что так именно и будет. И, надо надеяться, вполне уже пришел в себя, ибо не менее спокойно и уверенно, чем через два года ***г-н Алексашенко С. В.*** заявил в эфире «Эха Москвы» во время беседы с Алексеем Венедиктовым, что это «*просто злонамеренно* ***врущие*** *люди* (чувствуете родственность терминологии? — *И. В.*) *пытаются* <...> *навязать эту установку, что на рынке ГКО руководство ЦБ что-то для себя лично зарабатывало. При этом называется вскользь одна фамилия — Алексашенко. Вопрос ведь не в том, даже если у Сергея Владимировича был вклад в ГКО. Имел он право туда их вкладывать, эти деньги? Имел. Это надо понять. По закону имел. Потому что единственное, что мог покупать себе работающий в государственном банке человек, так же, как и любой другой чиновник, именно государственные бумаги. А акции он не имел права покупать. При этом источник был незаконным? Если докажут, что источник был незаконным, значит, отмывание грязных денег. Если же источник был законен, то в этих операциях вообще нет ничего незаконного*».

Себя, правда, г-н ***Дубинин С. К.*** почему-то (на всякий случай?) решил отделить все-таки от тех, кто вполне *законно зарабатывал* на ГКО. Он сказал, что у него «*никогда не было вложений в государственные ценные бумаги*», что это «*можно подтвердить документально*» и что он не имел «*ни времени,*

---

[26] «Национальная безопасность», 1 декабря 2003 года. http://www.nacbez.ru/akmonitor/print-article.php?id=16.

[27] *Алексашенко С.* К жизни отношусь цинично. — «Деловые люди» №131, февраль 2002 года.

ни сил для того, чтобы искать более выгодное применение своей зарплате»[28]. И, кстати, это частично подтвердил как будто бы в уже упомянутом (см. выше) интервью «Аргументам и фактам» и Ю. Скуратов, когда его спросили, играл ли на рынке ГКО и Дубинин. Он ответил: «*Нет. Во всяком случае, у меня этих данных нет. Потому что расшифровку базы данных начали при мне, а должны были закончить без меня. Но как только меня отстранили, и. о. генпрокурора Чайка потерял к делу интерес*»... Правда, он подтвердил, что список игравших на рынке ГКО государственных чиновников в прокуратуре остался. И тем, стало быть, любопытнее, что В. В. Колмогоров, заместитель уже следующего, сменившего Ю. Скуратова Генерального прокурора, во время своего выступления на 65-м заседании Совета Федерации, вновь подтвердив наличие такого списка, сказал, что прокуратура намерена «*работать конкретно с каждым человеком из нашего списка*» и что «*допрошены уже многие, в том числе* ***Дубинин****, Задорнов, Алексашенко и другие*». Из чего легко заключить, что фамилия г-на ***Дубинина С. К.*** все-таки, значит, была в списке тех деятелей, в отношении которых было ***«установлено»***, что они ***«проводили операции с ГКО и ОФЗ»***. И, стало быть, весь вопрос только в том, кому верить — самому г-ну ***Дубинину С. К.*** (с хилой полуподдержкой Ю. Скуратова), или официальному заявлению заместителя Генерального прокурора, сделанному к тому же тогда, когда смена караула уже произошла и новая команда спешила как раз не раздувать, а как можно скорее замять это малоперспективное для нее дело.

Если вы думаете, однако, уважаемый читатель, что нам в ожидании судебного поединка с нашими истцами так уж важно было ответить на этот вопрос, вы глубоко заблуждаетесь. Нам вполне достаточно было того документально подтвержденного, хотя, с нашей точки зрения, и весьма прискорбного факта, что в играх на рынке ГКО не было, оказывается, ничего ***противозаконного***, а значит — с юридической точки зрения — и ничего ***порочащего*** наших истцов. Это начисто отменяло какие бы то ни было их претензии по упоминанию их фамилий среди госигроков на рынке ГКО, независимо от того, было или не было документально подтверждено личное участие кого-либо из них в этих играх. Этого, повторяю, нам было вполне достаточно, а тратить при этом силы и время еще и на то, чтобы из чистого, что называется, интереса, разбираться, кому верить — В. В. Колмогорову или г-ну ***Дубинину С. К.***, у нас, поверьте, не было ни малейшего желания. Пусть этим занимаются будущие историки и личные биографы г-на ***Дубинина С. К.*** Сложнее обстояло дело с упоминанием обоих истцов в качестве участников операций на Чикагской валютной бирже, но что касается ГКО, то тут все было в полном порядке. Мы полностью готовы были встретиться на этом поле с любыми атаками наших судебных преследователей.

И — опять недооценили их остроумия и находчивости.

Но прежде чем (и для того, чтобы) рассказать об этом, я вынужден предоставить сначала слово г-ну ***Алексашенко С. В.*** Он опять настойчиво просится на ту же сцену, и я, при всей моей готовности помочь бедному

[28] Радиостанция «Эхо Москвы»: Интервью 22. 03. 1999. Беседа Алексея Венедиктова с Сергеем Дубининым. http://echo.msk.ru/interview/13235/index.phtml.

бывшему банкиру, а ныне профессору Высшей школы экономики не совершить очередную опрометчивую глупость, никак не могу отказать ему в его упорном желании. Он ведь на этих страницах — наш гость.

Итак, —

9. Интермедия вторая: еще один выход г-на Алексашенко С. В. на ту же сцену в той же роли

В своем уже упоминавшемся тексте, размещенном в его блоге и на сайте «Эха Москвы», г-н ***Алексашенко С. В.*** сообщает своим читателям, что в опубликованном в «Континенте» интервью

> г-н Илларионов неоднократно приврал, как в отношении фактов, так и в отношении людей. Но в российский суд нельзя обратиться, например, с иском о том, что в своем высказывании г-н Илларионов просто исказил факты, нужно, чтобы суд еще признал, что тем самым он опорочил честь и достоинство истца. Точно также нельзя обратиться в суд с иском от имени или в защиту организации — а в том же интервью г-н Илларионов привирал относительно того, что делал Центральный банк в период кризиса 98-го[29].

Из этих двух горьких сетований на несовершенство российского судопроизводства нетрудно понять, что вот если бы и то, и другое было возможно, то уж г-н ***Алексашенко С. В.*** никак не оставил бы своего бывшего шефа в одиночку отстаивать честь Центробанка в деле с кредитом МВФ и рискнул бы, раз уж не упомянут в касающейся этой темы фразе А. Н. Илларионова ***лично***, встать плечо к плечу с г-ном Дубининым ***от имени самого Банка России***! И уж наверняка бы потребовал через суд опровергнуть и еще целый ряд распространенных журналом «Континент» «сведений» и о Центробанке, и о нем самом, которые хотя его и не порочили, но в отношении которых можно было бы надеяться, что ответчикам трудно будет подтвердить их документально. Представляете, сколько дополнительных поводов, к тому же судебно зафиксированных, появилось бы у него для того, чтобы сделать более убедительным свое громогласное объявление городу и миру, что г-н Илларионов ВРЕТ!

Но — не получилось. И не получилось только потому, что российским законодателям действительно не пришло еще в голову ввести правила, которые удовлетворяли бы г-на ***Алексашенко С. В.*** Так что российским гражданам по-прежнему приходится считаться с тем, что иски о защите чести и достоинства могут носить только личный характер и приниматься только тогда, когда оспариваемые сведения действительно носят порочащий характер. Все это чистая правда, здесь г-н ***Алексашенко С. В.***, выражаясь его стилем, не приврал ни капли. Так что ему остается только надеяться на то, что когда-нибудь эти недостатки российского гражданского права будут устранены и российское общество расстанется, наконец, с устарелым представлениям о том, что для уяснения достоверности или недостоверности никого не порочащих фактов существует широкое поле гласности. Просто

[29] *Алексашенко С.* Господин «Соврамши».

потому, что к тому времени и само это поле уцелеет, надо полагать, лишь в воспоминаниях.

Но оставим эти юридические мечтания и вернемся на грешную землю современности. К реальному иску г-на ***Алексашенко С. В.***

Дело в том, что обо всех этих несовершенствах российского судопроизводства г-н ***Алексашенко С. В.*** сообщает своим читателям лишь для того, чтобы объяснить, почему он подал не те иски, которые ему так хотелось бы подать, а лишь тот, который он реально и подал.

А какой же иск он подал?

А вот, оказывается, какой:

> Именно поэтому иск был от меня лично, **по одной конкретной фразе — что я в 98-м году приторговывал валютой на Чикагской бирже**[30].

Вот так.

Ну что ж, г-н ***Алексашенко С. В.***, ничего не поделаешь — придется мне все-таки еще раз поймать Вас за руку, выстучавшую эти слова на клавишах вашего компьютера. Нет, Вы (как и г-н ***Дубинин С. К.***) подавали иск не по одной этой фразе. Оба вы подавали иск в том, как говорят ныне, содержательном формате, в каком я специально и воспроизвел его — вновь и дословно — в начале предыдущей главки, чтобы он был перед глазами читателя. Но могу воспроизвести его и еще раз:

> Порочащими и не соответствующими действительности сведениями Алексашенко С. В. считает сведения, содержащиеся в следующей фразе: «Деятельностью Дубинина и его друзей заинтересовалась прокуратура. Выяснилось, что некоторые сотрудники Центрального банка, включая Дубинина и Алексашенко, активно участвовали в покупках ГКО и валютных операциях на Чикагской бирже.

Если бы Вы подавали иск лишь по фразе о Чикагской бирже, Вы бы так и сделали. То есть либо специально оговорили бы, какие именно сведения, содержащиеся в оспариваемой фразе, Вы считаете «*порочащими и не соответствующими действительности*», либо просто процитировали бы эту фразу в сокращении, выпустив из нее упоминание о покупках ГКО. Вот тот же г-н ***Дубинин С. К.*** — выпустил же он из этой фразы в своем иске, желая, видимо, быть скрупулезно точным в указании своих исковых требований, Вашу фамилию, обозначив ее соответствующим знаком сокращения из трех точек (см. выше — стр. 477). А вот упоминание о покупках ГКО, как и Вы, не выпустил. Что при такой скрупулезной его точности было бы просто каким-то необъяснимым нонсенсом, если бы он и это «сведение» не предъявлял к опровержению.

Нет, вы выступали здесь единым фронтом, процитировав фразу А. Н. Илларионова в части «сведений», в ней содержащихся, именно целиком. Чем, соответственно, обязали своих ответчиков и доказывать достоверность **всей совокупности** тех сведений, которое содержались в предъявленной к опровер-

---

[30] Там же.

жению фразе. То есть заставили нас проделать в том числе и всю ту работу по проблеме ГКО, материалы которой представлены выше.

И работа эта дала, конечно, свои результаты. Но как!..

В этом-то, как говорится, и вся фишка.

Дело в том, что когда г-н ***Алексашенко С. В.*** объявил в Интернете, что подал иск только ***«по одной конкретной фразе»*** — *о Чикагской бирже,* он сказал, в чем только что можно было наглядно убедиться, не просто чистую неправду. Он сказал — как бы это обозначить? — особо лукавую, хитрую и изощренную неправду. Потому что чистая неправда эта — в то же самое время как бы и чистая правда.

Как это может быть?

А очень просто. Всего лишь, как говорится, ловкость рук и никакого мошенства.

Итак, сначала, 13 октября 2008 года, г-н ***Алексашенко С. В.***, а вскоре за ним и г-н ***Дубинин С. К.*** подают свои иски на фразу о Генеральной прокуратуре, покупках ГКО и операциях на Чикагской бирже именно в том полном виде, как это и продемонстрировано выше. Без всяких выпусков, уточнений и разъяснений.

Но вот проходит целых **два месяца**, в течение которых и по нашему запросу в Генеральную прокуратуру, официально отправленному через суд, и по другим нашим действиям по сбору соответствующих документов, и, наконец, по нашим возражениям на исковые требования, представленным Суду и нашим истцам, без всякого труда можно было понять, что по разного рода причинам (названным выше) из требования опровергнуть как порочащие сведения о покупке ГКО ровно ничего не получится. И вот 15 декабря 2008 года адвокаты господ ***Алексашенко С. В.*** и ***Дубинина С. К.*** приносят в суд и вручают нам свои «Объяснения» по искам, из которых следует, что истцы наши, оказывается, и не думали пытать нас насчет ГКО, ибо на этот раз в цитируемой оспариваемой фразе жирным шрифтом, указывающим на то, что же именно требуют они опровергнуть, выделено только упоминание об операциях на Чикагской бирже. И получается, стало быть, что покупки ГКО как корова языком слизнула. И даже никаких объяснений на этот счет не оставила.

Значит ли это, что мы жалеем о проделанной работе по сбору материалов о ГКО?

Да нет, читатель, что вы. Во-первых, она сыграла, стало быть, свою роль и без оглашения ее на самóм судебном заседании — фактически ведь иск по этому эпизоду был молчаливо признан несостоятельным самими истцами. Во-вторых же, ее стоило бы проделать уже и только ради того, чтобы напомнить об этой поучительнейшей эпопее десятилетней давности сегодняшнему читателю. Но разве собрались бы мы на такое, не вынуди нас к этому необходимость объясняться с нашими истцами на суде? Вряд ли.

Так что мы, можно сказать, даже благодарны им за этот стимул.

Но тогда зачем же, спрашивается, я так подробно ознакомил читателя и со всеми теми юридическими, процессуальными и прочими подробностями прохождения этого иска в суде и освещения его на сайте г-на ***Алексашенко С. В.***, которые на фоне этой грандиозной аферы 90-х годов не так уж, может быть, и выразительны?

Не скажите. И потом: я ведь рассказываю историю о том, как судились с нами г-н ***Дубинин С. К.*** и г-н ***Алексашенко С. В.*** А какая же история без подробностей? Тем более, что своя поучительность в деталях тоже есть, и об этом еще пойдет речь впереди. Потому я и предлагаю читателю взять их на заметку.

Ну а теперь — к последнему эпизоду нашего судебного сериала.

10. Чикаго, Чикаго, где правда твоя?..

Итак, от прежнего иска оба наши истца оставили, в конце концов, для опровержения только одну фразу — об их участии в операциях на Чикагской валютной бирже. И правильно сделали. Потому что если во всех остальных пунктах, при условии праведного суда (а он на этот раз — бывает же — оказался именно таким), их ожидал полный провал, то здесь у них были серьезные шансы на успех.

Дело в том, что правилами Чикагской товарной биржи исключено личное участие в ее операциях клиента — физического лица. Из этого следует, что физические лица имели возможность участвовать в ее операциях лишь в формах того или иного **косвенного** присутствия, что, понятно, начисто исключало возможность какого-либо официального документального отражения и подтверждения. Сведения о том, что такого рода деятельность на Чикагской бирже, где была разрешена торговля рублевыми фьючерсами, имела-таки место, могли носить поэтому, как нетрудно понять, только сугубо конфиденциальный характер. Тем не менее они просачивались даже в прессу, и, например, Сергей Телегин в уже упоминавшейся статье «За что либералы не любят Глазьева», вспоминая доклад Временной комиссии на Совете Федерации, отважился в свойственной ему резкой публицистической манере сообщить даже и следующее:

> Надо признать, что сплоченная команда либерал-реформаторов (все эти чубайсы, гайдары, кохи, **дубинины**, кириенки и иже с ними) не открыла для себя Америки в этом докладе. Они не могли не понимать, что созданная ими пирамида ГКО близка к обвалу, но при этом продолжали зазывать новых простаков в эту пирамиду и успокаивать население, **ну а сами потихоньку шортовали рубль на Чикагской бирже**, избавлялись от собственных ГКО, которые уже успели их в буквальном смысле озолотить, направляли в надежные места полученный от МВФ накануне дефолта немаленький кредит в размере 4,8 млрд. долл.[31]

И, заметьте, никто из упомянутых деятелей, в том числе и г-н ***Дубинин С. К.*** в суд на С. Телегина за порочащую их «дезинформацию» тогда почему-то не подал.

Разумеется, и слова А. Н. Илларионова о том, что *деятельностью Дубинина и его друзей заинтересовалась Генеральная прокуратура,* и о том, что *выяснилось, что некоторые сотрудники Центрального банка, включая Дубинина*

[31] http://www.pravda.info/economics/434.html, 28.04.2004.

и Алексашенко, активно участвовали в валютных операциях на Чикагской бирже, взялись в интервью не с бухты-барахты. Применяя формулу, которою обосновывал свое Решение по первому иску г-на ***Дубинина С. К.*** Хамовнический Суд, его (А. Н. Илларионова) «*оценки деятельности ответчика Дубинина были сделаны на основе знания ситуации и опыта работы*».

Но отсюда ясно, что в столь сложном правовом контексте единственным видом информации, способной иметь силу правовой доказательности, могла быть только информация, предоставленная официальными следственными органами. И потому, понятно, мы и обратились немедленно через суд с запросом в Генеральную прокуратуру — мы просили сообщить, значились ли в списке допрашиваемых по уголовному делу № 18/221050-98 по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 172 УК РФ («Незаконная банковская деятельность») фамилии наших истцов. Однако ответ Генеральной прокуратуры гласил только, что уголовное дело было закрыто за, как мы уже и сами знали, «*отсутствием состава преступления*». Вот только-то и всего.

Такой же запрос — «*в соответствии со статьей 39 Закона РФ "О средствах массовой информации"*» — послала в ноябре 2008 года и редакция «Новой газеты» — с перечислением одиннадцати фамилий возможных фигурантов дела. Но на этот запрос Генеральная прокуратура и вообще не ответила. До сих пор. Несмотря на то, что по Закону РФ «О средствах массовой информации» обязана была это сделать.

Вот такое у нас отношение к Закону даже и у тех, кто обязан его блюсти и защищать. И вот такая, следовательно, и сложилась, в конце концов, ситуация на нашем судебном ристалище. Из нее и исходил Суд, определив:

> Опровержению подлежат сведения о том, что истцы «...активно участвовали... в валютных операциях на Чикагской бирже».

Суд установил, во-первых, что на этот раз слова А. Н. Илларионова о том, что же именно ***выяснилось***, когда Генеральная прокуратура заинтересовалась деятельностью наших истцов, уже не являются *субъективным оценочным суждением*, но носят характер *утверждения о фактах:*

> Употребление в оспариваемой фразе выражений «выяснилось» и «активно участвовали» свидетельствует о том, что Илларионов А. Н. не выражает свое мнение или суждение, но наоборот утверждает обстоятельства того, что истцы принимали непосредственное участие в валютных операциях на «Чикагской бирже».

Верно, ничего не попишешь.

Суд установил, во-вторых, что эти *утверждения о фактах* являются безусловно *порочащими* истцов, поскольку информируют о факте «*совершения истцами нарушений валютного законодательства, таможенного законодательства, а также нормативных актов Центрального банка Российской Федерации*».

Тоже верно. Это ведь, собственно, и имелось в виду.

Ну и что же, скажите, должен был решить Суд, установив эти обстоятельства и не получив ни от ответчиков (чего они, понятно, при всем желании просто не могли бы и сделать), ни, главное, из Генеральной прокурату-

ры каких-либо подтверждений участия истцов в валютных операциях на Чикагской бирже?

Естественно, он вынес именно то Решение, которое он и должен был вынести:

> Обязать Илларионова Андрея Николаевича, Автономную некоммерческую организацию «Независимая редакция журнала «Континент» в течение двух недель после вступления решения суда в законную силу в порядке, предусмотренном ст. 44 Закона РФ «О средствах массовой информации», опровергнуть сведения, распространенные в 2007 в журнале «Континент», о том, что Дубинин Сергей Константинович, Алексашенко Сергей Владимирович участвовали в валютных операциях на Чикагской бирже.

Что мы и сделали. Ибо опять же все правильно — никаких претензий к Суду нет и быть не может. Разве лишь только к себе. В том смысле, что впредь в подобного рода ситуациях следует быть осмотрительнее и информировать своих читателей о фактах, в которых мы, может быть, и уверены, но подтвердить которые юридически доказательно невозможно или сложно, не в форме категорического утверждения, а хотя бы предположительно, в форме собственного мнения.

Ну что ж, — на ошибках надо учиться. Вот нас и поучили. Так что необходимость и справедливость опровержения полностью признаем.

Но — **не больше**. А то ведь, глядишь, тут же найдутся толкователи в духе нашего г-на ***Алексашенко С. В.*** — вот он, смотрите, опять ведь высовывается из-за кулис своего блога и, размахивая Решением Суда по этому иску, радостно вопиет на весь мир: ***«Суд признал факт вранья»***[32]!

Но нет, не будем выпускать его на этот раз на нашу сцену и позволять разыгрывать перед нами очередную интермедию. Пусть остается в своем интернетном закулисье. Тем более, что и там обнаружилось немало посетителей, хорошо разобравшихся в нашей судебной истории. И по крайней мере двое из них там же и ответили г-ну ***Алексашенко С. В.*** на его радостный клич так, что к этому и прибавить нечего.

> Pavlinka:
> А где доказано, что Илларионов приврал? Чтобы доказать свою правоту, Илларионов предложил Генпрокуратуре заняться расследованием данного эпизода. Прокуратура ответила, что не имеет такого желания. Алексашенко же радостно разводит руками и кричит: «Не пойман — не вор!»
>
> Alena klnva:
> Суд не признал «факт вранья». Суд признал отсутствие доказательств у Илларионова. А это не одно и то же. Отсутствие доказательств у Илларионова вовсе не означает, что вы не торговали на Чикагской бирже. И это вовсе не справка о вашей честности. И даже не индульгенция на оскорбление чести и достоинства третьих лиц. Просто всему свое время, г-н Алексашенко[33].

И на этом поставим, наконец, точку.

---

[32] blogs.trust.ua/aleksashenko/.

[33] Там же.

* * *

Итак, — вот перед вами, дорогие читатели, наш полный отчет о том, как судились с нами г-н ***Дубинин С. К.*** и г-н ***Алесашенко С. В.*** И чем все это предприятие закончилось. Мы очень дорожим вашим доверием и потому и сочли обязательным откровенно и подробно рассказать вам о том, как могло случиться, что на нас подали в суд и что нам пришлось даже напечатать некое опровержение. Продолжаю надеяться, что вы не посетовали на меня за обстоятельность этого рассказа хотя бы потому, что та историческая информация, которую по ходу судебного сюжета мне удалось вынести на эти страницы, все-таки, согласитесь, и в самом деле заслуживает того, чтобы с нею познакомиться.

P.S. Послесудие

Ну а теперь оставим пространство судебных исследований, споров, правовых тонкостей и приговоров. Всему этому внимания и в самом деле было уделено более чем достаточно, и вся необходимая информация уже выложена на всеобщее обозрение. Пора, стало быть, перейти к тому главному, ради чего, собственно, я и понудил себя потратить столько времени и сил, чтобы дать интересующимся возможность разобраться во всей этой судебной и околосудебной фактологии. Зато теперь, имея за собой достаточно прочный, надеюсь, информационный тыл, я могу обратиться, наконец, и к тому, чем больше всего задела меня все-таки эта судебная эпопея, что заставила ощутить особенно остро и как бы заново. И о чем — в связи со всей этой историей — мне как раз и представляется самым важным сказать.

Собственно, ничего такого уж принципиально нового она, конечно, мне не открыла. И ничем таким уж очень неожиданным не поразила. Но знаете, как это бывает — идешь по улице, какой раз уже, сотый, а то и тысячный, глаз скользит по фасадам зданий, по витринам, ни за что особенно не цепляясь, все привычно, все не раз уже видено, осмотрено, а эстетически давно уже как-то и отрефлексировано. Словом, давно закрепилось на своем месте в оценочном восприятии, сознании и памяти...

И вот вдруг какой-то неожиданный ракурс, какое-то особое освещение, пронзительный солнечный луч или пелена сплошного дождя. И давно знакомое как будто бы великолепие какого-нибудь резного карниза вспыхивает вдруг с некой новой, особой, пронзительной остротой, а откровенное уродство какой-нибудь пошлой витрины предстает в еще более очевидной и режущей глаз своей отвратительности. И видишь ее как будто бы в первый раз. И, что особенно удивительно, только теперь-то и постигаешь до конца ее глубинную суть.

Так и в жизни.

Когда господа ***Дубинин С. К.*** и ***Алексашенко С. В.*** предъявили нам свои иски, — что́, разве не знали мы, с представителями какой именно социальной касты нам предстоит иметь дело? Причем с представителями скорее всего достаточно типичными. И даже не просто типичными, а особо выдающегося калибра, раз уж им удалось забраться на самую вершину той гигантской властно- бюрократической пирамиды, под которой вот уже сколько

лет все пытается и пытается подняться с коленей многострадальное население нашей многострадальной страны. Чтó — разве неведомы нам были типовые повадки этой породы, разве была она так уж нам не знакома и мы не успели уже привыкнуть к ней как к поистине постоянному и неустранимому условию нашей жизни, с которым сталкиваешься так часто и повсеместно, что порою даже перестаешь как бы уже и замечать?

А вот поди ж ты — не могу, положа руку на сердце, не сознаться, что все равно даже в тот самый первый, самый начальный момент, едва мы взглянули на присланные нам с судебным извещением иски и на подписи под ними, — даже от одного уже этого всех нас в «Континенте» — как бы это выразиться поделикатнее? — ну как бы несколько *передернуло*, что ли.

Почему?

Да просто от неловкости — от столь откровенного духовного стриптиза наших истцов. При всей нашей, как мы полагали, достаточной уже гражданской и журналистской опытности, мы и в самом деле умудрились както поразиться уже и самому *характеру реакции* господ ***Дубинина С. К.*** и ***Алексашенко С. В.*** на напечатанное в нашем журнале интервью А. Н. Илларионова. Тому, какой способ откликнуться на него они сочли для себя наилучшим.

В самом деле, — перед нами были иски, за которыми стояли два очень крупных в недавнем прошлом чиновника нашей государственной номенклатуры. И вот, значит, эти два деятеля того высшего государственного ранга, в каком привыкли, надо полагать, ощущать себя бывшие Председатель Центрального банка России и его Первый заместитель, читают в «Континенте» большое интервью бывшего Советника Президента РФ по экономическим вопросам, где очень подробно излагается, среди прочего, история экономических потрясений, связанных с катастрофическим дефолтом 1998 года. И где остро критикуется, в частности, та политика, в осуществлении которой такую большую роль играли тогда оба наших истца.

И что же — они хватаются за перо, чтобы ответить, наконец, своему давнему оппоненту и еще раз отстоять и аргументировать ту версию событий 1998 года, на которой, как помним, они до сих пор продолжают упорно настаивать и согласно которой все, что делали тогда Правительство и Банк России, было совершенно правильным и единственно возможным? С фактами и доводами в руках они жаждут еще и еще раз открыто и мужественно защитить ту истину, в которую они так свято и упорно верят и которая должна же, наверное, не давать им спать по ночам оттого, что Россия так до сих пор ее и не усвоила?..

Как бы не так.

Правда, отвечая кому-то из посетителей своего сайта, высказавшему что-то вроде такого же недоумения, г-н ***Алексашенко С. В.*** попытался оправдаться тем, что он-де с теми, кто *врет* (а *врет*, как помним, А. Н. Илларионов), предпочитает в споры не вступать.

Вот такой вот сияющий эталон нравственной неприступности. Оставь надежу всяк сюда входящий.

Что ж, право, конечно, Ваше, Сергей Владимирович. Никто Вас ни к чему принудить не может.

Ну а все-таки — как же в таком случае обстоит дело с тем — этическим же — инстинктом, который по определению вроде бы еще прочнее должен быть укоренен в людях вашего ранга? То есть в людях не просто государственной службы, а государственного служения, к каковым Вы себя всегда и относите?

Что я имею в виду?

Да всего лишь тот элементарный и любому вменяемому человеку совершенно очевидный (хотя, конечно, никаким законодательством и не прописанный) этический императив, который морально обязывает персонажей государственного ранга во всех общественно значимых ситуациях думать и заботиться прежде всего не о себе, а о том, чтобы была какая-то польза той стране, которой они так преданно служат.

Ну, а в чем в данном случае могла бы быть такая польза?

Да вот именно и только в том, конечно же, чтобы, как уже сказано, не побояться открыто и публично, что называется — грудью, бросится защищать ту истину, в которую Вы, господа, вроде бы верите (если, конечно, Вы действительно в нее верите и ей преданы) и попрание которой не может не казаться Вам поэтому (если только Вы, опять-таки, действительно в нее верите) актом совершенно недопустимым, наносящим прямой вред стране, опасным и уродливым искривлением ее общественного сознания.

Конечно, читательскую аудиторию нашего журнала составляет не слишком, скажем так, значительная часть российского общества. Согласен. Но все же достаточно *значимая*. И уж во всяком случае включающая *значительную* часть той части читающей публики, которую называют интеллектуальной элитой страны. Недаром же публикация в «Континенте» интервью А. Н. Илларионова не прошла мимо внимания наших истцов и была сочтена достойной *публичного* опровержения. Вот и позаботились бы они том, чтобы по крайней мере хотя бы уж те, кто читает наш журнал (причем не только в нашей стране, но и во всем мире), получили возможность познакомится с иной, чем у А. Н. Илларионова, точкой зрения на те драматические события, которые сотрясали всю Россию в конце 90-х годов и о которых так подробно и обстоятельно как раз и рассказывает он в своем интервью.

Речь-то, в конце концов, и вправду идет ведь вовсе не о каких-то мелочах из сугубо домашней, частной, сугубо личной Вашей жизни или жизни А. Н. Илларионова.

Речь идет о событиях, фактах и поступках, которые и в самом деле не могут не быть для страны предметом самого пристального, законного и требовательного ее внимания.

И, стало быть, Вам, нашим истцам, куда пристойнее было бы исходить поэтому из того, что Вам не столько с А. Н. Илларионовым нужно выяснять отношения, сколько с российским обществом. И понять, наконец, что это не А. Н. Илларионовым, а россиянами Вы пренебрегли, погнушавшись показать им, что же, с Вашей точки зрения, действительно произошло в России 11 лет назад. А заодно уж публично (а не в маленьком душном зале судебных заседаний) и лицом к лицу (а не через адвокатов) и бросить г-ну Илларионову такой же, как у него, прямой, публичный вызов, обвинив его в такой-то и такой-то недобросовестности по поводу изложения таких-то и таких-то

фактов, порочащих Ваши честь и достоинство. И потребовать от него соответствующих объяснений.

И вот если бы редакция «Континента» отказалась напечатать такой Ваш ответ, — вот тогда Вы действительно могли бы — и даже просто обязаны были — подать на нас в суд. За то, что мы нарушили гласный правовой и негласный этический закон журналистики, воспрепятствовав публичному обсуждению проблем, имеющих такое важное значение.

Но ведь Вы не сочли для себя обязательным даже хотя бы просто попробовать воспользоваться такой возможностью! Хотя бы просто обратиться к нам с таким предложением!..

— Простите, — ну и что же? И это вас удивило и покоробило? Неужели вы так наивны? — скажет, пожалуй, иной читатель. — Неужели и вправду могли подумать, что истцы ваши поступят иначе, чем поступили?

Да я и не спорю. Самому неловко — просто инфантилизм какой-то нелепый, стыдно даже. Это ведь всё архетипы замшелые, укоренившиеся где-то в глубинах подсознания. То ли со времен первых постсоветских лет, то ли даже совковой еще зомбированности, то ли вообще чуть не от античности или, по крайней мере, от возвышенных идеалов Расина и Корнеля, Шиллера и Пушкина оставшиеся. Ах, ответственный государственный муж, взваливший на себя тяжкое бремя забот о всех нас, о всей стране нашей громадной... Значит, и впрямь ведь, наверное, холодный ум, чистые руки и горячее сердце. И снег, и ветер, и грудь нараспашку, и нету других забот — жила бы страна родная... Не может же, не должно быть иначе!..

Повторяю: самому неловко. Варясь в сегодняшней нашей российской реальности, давно бы пора было, кажется, загнать всю эту романтическую дребедень в такое глубокое психическое подполье, чтобы ей оттуда и вообще никакого ходу не было. А она вот, гляди, все еще время от времени высовывается.

Но ведь с другой-то стороны: скажите, пожалуйста, дорогие мои, — что ж это, так уж и нет в правящей нашей элите совсем никого, на ком глаз можно было бы остановить?

Конечно, за последние двадцать лет она так бодро и мощно эволюционировала в сторону всяческого нравственного самоусовершенствования, что с каждым годом отыскать в ней какого-нибудь индивида такого типа становится все более сложно.

А все же — разве совсем уж не было даже и в ельцинской, и в послеельцинской верхушке именно таких, действительно *приличных* людей?

Да ведь были же, были, мы хорошо знаем это!

А значит — вполне могут и быть. Так что, на мой взгляд, как ни идеалистична и ни романтична по нынешним временам презумпция нормального человеческого доверия при встрече с каким-нибудь очередным государственным боссом, обремененным заботами о нас, а без нее тоже все-таки не обойтись.

Иначе и впрямь ведь и сам волком завоешь.

Да к тому же и как, скажите, с первого взгляда и распознать-то, кто перед вами — волк или случайно, а то и с наивными романтическими

надеждами втесавшийся в единую корпоративную стаю добрый и честный пес, возмечтавший, может быть, хоть как-то повлиять на ее порядки и нравы? Ведь и волки ныне, как известно, знают, под каким личинами — тоже каких-нибудь добрых и хороших псов, или иных каких добродушных на вид зверюг — им лучше всего сбиваться в свои волчьи партии и творить свои волчьи дела. Как отличишь в таком случае — натуральная ли морда какого-нибудь симпатяги смотрит на тебя своими честными преданными глазами, или это всего лишь искусная маска и хорошая актерская выучка?..

Вот и остается, стало быть, чтобы ненароком не оскорбить невинного, не настраивать-таки себя на изначальную, заранее, подозрительность и настороженное недоверие. В конце концов, как нас давно и очень неплохо учили, только практика обнаруживает подлинное лицо истины. «*По делам их узнаете их*». И этого, в общем, вполне достаточно, чтобы не оставаться такими уж беспомощными, пытаясь понять, кто есть кто. Уж этот-то критерий действительно не обойдешь, не обманешь.

В самом деле — вот давайте разберемся до конца хоть с героями нашей истории. И не вообще, не путем абстрактных умозрительных рассуждений, а совершенно конкретно. На основе, как учит нас Европейский Суд, вполне реальной и достаточной *фактической основы.*

Итак, начнем с того, что признаем охотно: при первом знакомстве они и в самом деле вряд ли способны вызвать какое-то недоверие и настороженность. Перелистайте, к примеру, их статьи в нашей прессе, особенно интенсивно замелькавшие в последние годы (даже в дружественных нам «Новой газете» и «The New Times»), почитайте их интернетские тексты, познакомьтесь с тем, как держатся они в эфире «Эха Москвы», как умно отвечают на вопросы ведущих, — ведь все же там правильно, все так же, как думаете и вы, — и про демократию, и про ответственность государства перед народом, и про либеральную идею, и про кучу других вещей. И исходные базовые понятия и критерии — тоже вроде бы те же самые, что и у вас, ***обыкновенного,*** предположим, ***российского интеллигента***, не случайно читающего журнал «Континент».

Вот, пожалуйста, тот же ***Алексашенко С. В.*** — разве не рассказывает он сам в своем интервью «Деловым людям», как горько и печально ему оттого, что многие его знакомые и сослуживцы после дефолта 1998 года не прошли тот ***«тест на порядочность»***, каким «*события после августа 1998года оказались <...> для российской политической ибюрократической элиты*»[34]?

И разве это не ***Дубинин С. К.*** заверяет нас в беседе с Алексеем Венедиктовым, что самое для него важное, когда дело касается его ***«профессиональной честности и чести»***? «*Ко всему прочему,* — дополняет и разъясняет он, — *я зарабатываю только на одном: на том, что я* ***профессионал и честный человек****. И меня поэтому нанимают на работу и платят приличные деньги. Если я лишусь этого всего, то моя семья окажется без куска хлеба*»[35].

---

[34] *Алексашенко С.* К жизни отношусь цинично.

[35] Радиостанция «Эхо Москвы». Беседа Алексея Венедиктова с Сергеем Дубининым.

Но не торопитесь, не торопитесь ронять слезу, представив себе душераздирающую картину того, как кому-то в нашем государстве приходит вдруг в голову усомниться в *профессиональной честности* г-на ***Дубинина С. К.*** и бедный наш горемыка остается со всей несчастной своей семьей без единого куска хлеба... Ведь это почти так же, как если бы не было у нас профессиональных киллеров, никогда не дававших своим заказчикам ни малейшего повода сомневаться в их безусловной профессиональной честности.

И не спешите, не спешите в восторженном экстазе обретения родственных душ бросаться Сергею Константиновичу и Сергею Владимировичу в объятия только потому, что они тоже знают такие слова, как *порядочность, честь, достоинство, честность* и т. п. Приглядитесь-ка лучше повнимательнее хотя бы к нашей истории. И тогда вы быстро обнаружите, что хотя слова-то вы и мы употребляем с ними вроде бы одни и те же, но вот понимаем их совсем по-разному. Причем заметьте — я вовсе не призываю вас заниматься таким сомнительным делом, как чтение в сердцах. Нет, — я имею в виду исключительно и только голые факты. Которые сами говорят за себя.

Вы вот, например, твердо убеждены, что в ситуации, когда деятельность государственного мужа, находящаяся в поле постоянного и пристального общественного внимания, подвергается серьезной публичной критике как принципиально неверная и губительная для страны, а он убежден в обратном, единственно для него *порядочно* и *достойно* — так же публично, то есть перед лицом именно самого общества и отвечать на эту критику, защищая и доказывая свои убеждения.

А вот наши герои такого рода «*тест на порядочность*» как раз вовсе и не считают для себя, как мы видели, обязательным. Наплевать им на всю эту «публичность» и на всех этих «сторожевых псов» публичности. То есть — на само общество.

Зато для них вполне и *достойно*, и *порядочно*, и никак не роняет их *чести*, когда они, подавая иск, делают вид, что совершенно не понимают то, о чем говорит ответчик в инкриминируемой ему фразе (и что совершенно «*очевидно любому обычному читателю*»), а подсовывают ему свое бредовое «прочтение» его слов, требуя этот собственный их бред и опровергать.

Для них вполне *и порядочно*, и *достойно*, когда потом, в ходе судебных разбирательств, убедившись, что ответчикам известны факты, доказывающие достоверность целого ряда *сведений*, предъявленных в исковом заявлении к опровержению, они срочно делают вид, что они и не имели их в виду.

Мало того, — тот же г-н ***Алексашенко С. В.*** и вдогонку, уже после суда, не постесняется так прямо и заявить, что с самого начала только по фразе о валютных операциях на Чикагской бирже и подавал свой иск.

Мало и этого, — г-ну ***Алексашенко С. В.***, если использовать его же собственную терминологию, ничего не стоит, как мы видели, и смысл самого Решения Суда по первому иску ***Дубинина С. К.*** впрямую *переврать*. И это тоже и *достойно*, и *честно* — очередной отлично выдержанный тест на пресловутую *порядочность*.

Или вы вот, например, так же твердо убеждены, что критерии поведения, обнимаемые понятиями *порядочности, чести, достоинства* и т. п., непременно обязывают государственного мужа, политика которого обернулась, в конце

концов, колоссальным и мгновенным обогащением немногих за счет такого же мгновенного и обвального практического разорения миллионов своих сограждан, хотя бы повиниться публично перед ними за то, что не сумел предотвратить обрушившиеся на них беды. Даже если он и продолжает считать, что все делал правильно и сам стал жертвой неумолимой инерции событий.

Но ничего этого и днем с огнем вы не найдете у наших героев — разве какое-нибудь вскользь и сквозь зубы процеженное под напором интервьюера: «*На эти события можно смотреть с разных точек зрения. Одна* ***обывательская*** (sic! — *И. В.*) ***И как простой гражданин*** *я понимаю, августовский кризис — тяжелый удар по всему населению.* ***Это моя личная боль*** *как одного из авторов печально известного заявления, хотя* ***не я виноват*** *в возникновении той ситуации*»[36].

В *возникновении* — может быть. А в *развитии*? А в *финале*?..

Вам, далее, не нужно убеждать себя в том, что нормальному интеллигентному, да и просто порядочному человеку нравственно совершенно невозможно участвовать ни в каких покупках и продажах ГКО, сколь бы законными они ни были, **если он принадлежит к числу тех очень немногих, кто владеет конфиденциальной информацией о состоянии рынка, о его тенденциях и, главное, отлично знает, что страна неумолимо движется к обвальной девальвации рубля и дефолту, которые завтра превратят все эти ГКО в пустые бумажки...**

А вот наши герои — ничего. Не морщатся. И если сами и вправду не занимаются вдруг почему-то такого рода «бизнесом», то, по крайней мере, стараются не мешать в этом другим. И даже готовы оправдывать их на том основании, что какой же еще «бизнес» может позволить себе государственный чиновник, связанный целым рядом ограничений, если не совершенно узаконенные операции с государственными бумагами. И ведь даже и вспомнить не вспомнят, что почему-то в других — правовых — государствах это давно уже и по закону совершенно недопустимый, преступный род коммерции.

Правда, это — у них. У нас же, как известно, все **особое**, в том числе и нравственность. Так что все эти забавы опять-таки никакого, ну совершенно, конечно же, никакого отношении ни к *чести*, ни к *порядочности*, ни к *достоинству* не имеют.

Так что вот так вот, дорогой мой читатель. Пока мы встречаемся с нашими героями в виртуальном пространстве чистого словоговорения, — все, как видите, вроде бы нормально. Никаких противоречий, ничто не задевает и не царапает. Но стоит только столкнуться с ними хотя бы и заочно, но в реальном поле реальных человеческих поступков и дел, реального действия, как сразу и обнаруживается, какая, оказывается, психологическая и духовная бездна зияет между нами, живущими как будто бы в одной стране, говорящим на одном языке и даже отталкивающимся от одних и тех же, казалось бы, ценностных понятий и критериев.

И, господи ты боже мой, — по каким ведь совсем уж вроде бы пустяковым штрихам и деталям видно порою, как бездонна и черна разделяющая нас пропасть!

---

[36] *Алексашенко С.* К жизни отношусь цинично...

Вот взять хотя бы их исковые требования о взыскании с нас в качестве материального возмещения *морального ущерба* 10 000 000 рублей. Десять миллионов рублей — это что же? Это же ведь что-то больше трехсот тридцати тысяч долларов, не так ли? Ничего себе аппетиты, ахнул я, увидев эти цифры. Вот бы, думаю, как-нибудь выиграть нам такую сумму по какому-нибудь суду или лотерее! Ведь она же обеспечила бы журналу **годы** безбедного существования, целиком покрыв наш бюджет **больше чем на пять лет**!..

Но, видно, к другим порядкам цифр наши истцы просто не привыкли. И это даже может внушить, наверное, какое-то вроде бы и уважение — вот ведь сколь высоко ценят они свою моральную репутацию!

Но ведь если в какое-то мгновение невольно и подумаешь так, ошарашенный просто самим порядком цифр, то тут же и опомнишься. Да как же это вообще можно, господа, оценивать свое *моральное достоинство* в *рублях*? Даже если такие нормы и формулы и прописаны в законе. Разве хоть один нормальный интеллигентный человек, хоть чуть-чуть задумавшись, решится на такую стыдобищу? Это ведь как в знаменитом анекдоте про английскую королеву, которая возмутилась, услышав как-то за дворцовым чаем сентенцию своего министра финансов, что любую женщину можно купить. «Как! — вскричала королева — и меня тоже?!» — «Да, и Вас тоже, Ваше Величество, — ответил тот. — Думаю, миллионов за двадцать фунтов стерлингов». — «Как?! Так мало?!» — возмутилась королева. — «Вот видите, Вы уже торгуетесь, Ваше Величество», — ответил министр.

Оценивать свое моральное достоинство в купюрах способен только тот, кто способен его и продать. И потом, господа, я понимаю, что на вершине той банковской пирамиды, где Вы пребывали немалые годы, и на прочих вершинах прочих российских пирамид, где были привечены в последующие времена, Вы, наверное, и в самом деле привыкли к таким серьезным порядкам цифр, что в Вашем банкирском сознании десять миллионов *морального ущерба*, которые Вы хотели стребовать с каждого из своих ответчиков, располагаются скорее всего где-то среди самых ничтожных, самых пустяковых денежных обозначений. Что и не удивительно — особенно, если учесть, что и лично, в качестве, так сказать, *простых* (по выражению г-на ***Алексашенко С. В.***) *граждан*, Вы, судя по тем сведениям и цифрам, которые приводились в публикациях времен дефолта, цитированных выше, привыкли к таким личным бюджетам, что Вам, наверное, и в голову не могло придти (хотя как знать), что десять миллионов взыскания, добейся Вы удовлетворения своих требований, способны просто-напросто вчистую разорить иного даже и не просто состоятельного, а более чем состоятельного человека. А наш журнал — напрочь прихлопнуть. Намертво.

Неужели вы, радетели наши и заботники, именно этого и хотели — туда-де им и дорога? Или просто попугать решили?

Тоже, конечно, красиво. *Порядочно.*

К чему, однако, я это говорю?

Нет, нет, — вовсе не к тому, чтобы тыкать Вас носом в Ваши прошлые или нынешние зарплатные ведомости и считать в них количество нулей. Упаси бог — сколько было, столько и было, сколько есть — столько и есть. Их, эти нули, Вы действительно ведь не украли, и, по крайней мере, в прошлом это

государство попускало всем вам там, внутри вашей центробанковской финансовой автономии, самим определять размер своего содержания за честное исполнение возложенных на вас профессиональных обязанностей. А что такое государство? Это же, как известно, все мы, ибо поистине всякий народ имеет ту самую власть, которой достоин. Так что ж и за что ж Вас-то попрекать тем, что мы сами же Вам, честным профессионалам, и платили?..

Нет, упаси, повторяю, бог считать деньги в Вашем кармане. Живите себе спокойно, радуйтесь тому редкому достатку, за который можно не краснеть, и мы тоже можем за Вас только порадоваться, раз Вам так хорошо. Слава всевышнему, что хоть кому-то на Руси жить хорошо.

Но, господа, не надо все-таки так уж совсем не помнить о том, что тот «*кусок хлеба*», который Вам, судя все по тем же цитированным цифрам, регулярно оплачивают, дороже того, который получает средний россиянин, не то что в десятки, но даже и не в сотни раз.

Что же, — неужели Вы и в самом деле совершенно не понимаете, что любой, как Вы выражаетесь, *простой гражданин* России, увидев цифры, выставленные Вами в качестве *компенсации морального ущерба,* сразу же сообразит, в менталитете его соотечественников какого разбора, привыкших к какому весу своего кошелька, могла родиться и показаться совершенно нормальной, не постыдной такая сумма?

Или Вы скажете, что постыдной она может показаться, как выразился один из Вас, только с *обывательской* точки зрения?

Но даже если все те, кто ахнет, как и мы, узнав, что Вы считаете *нормальным* и вполне *приличным* требовать со своих ответчиков такие суммы, и в самом деле всего лишь презренные *обыватели,* с которыми и считаться-то зазорно, то зачем тогда Вы все-таки дразните обывательское их тупоумие, классовую их зависть? Жевали бы уж тихонечко свою черствую корочку и молчали в тряпочку. А то как бы не додразниться ненароком...

Уф, дайте дух перевести.

Я и сам чувствую, что уже и сказанного более, наверное, чем достаточно — и так ведь уже еле сдерживаешь себя, чтобы не выйти за рамки цивилизованного диалога.

Но вот еще один штрих, последний.

Я имею в виду историю, которую приводит в своем интервью А. Н. Илларионов, рассказывая о событиях, связанных с августовским дефолтом 1998 года. Это довольно большой фрагмент интервью, и я не буду, разумеется, воспроизводить его сколько-нибудь подробно — желающие всегда могут открыть 134-й номер «Континента» — главку «В августе 1998-го» (стр. 111–119). Напомню вкратце только несколько важных событий и фактов, о которых вспоминает здесь А. Н. Илларионов, поскольку они непосредственно предшествовали упомянутой истории и имеют к ней самое прямое отношение.

Первый эпизод — встреча А. Н. Илларионова с Сергеем Кириенко после того, как 23 марта 1998 года Б. Ельцин отправил в отставку правительство Черномырдина и премьером стал Кириенко. А. Н. Илларионова порекомендовали новому премьеру в качестве кандидата в экономические советники, в связи с чем они в тот же день встретились и кандидат в советники сразу же предложил премьеру в порядке первого шага на новом по-

сту девальвировать рубль, поскольку уже тогда было ясно, что девальвация неизбежна и дело только в сроках — чем дольше ее будут откладывать, тем больше будет ее глубина и катастрофичнее последствия для страны.

Убедить в этом Сергея Кириенко А. Н. Илларионову, в общем, не удалось — как не удалось убедить и сотрудников МВФ, в частности Стенли Фишера, одного из вдохновителей политики «валютного коридора» в России в 1995–98 годах, приведшей к краху 17 августа. Тот признал свою ошибку только после дефолта. Но, в отличие от наших, все-таки признал. Что с него возьмешь — американец...

Далее А. Н. Илларионов рассказывает о том, как и потом, летом 1998 года, встречаясь с руководителями правительства, Минфина, администрации президента, он пытался объяснить им, что девальвация неминуема и что ее нужно провести под контролем как можно скорее, чтобы минимизировать ее неизбежный экономический ущерб для людей. Продолжал предупреждать он об этом и на разного рода встречах с общественностью — в частности, в конце июня 1998 года, на заседании известного клуба «Взаимодействие», где собралась большая аудитория видных бизнесменов, политиков, ученых и журналистов и где с докладом выступал Е. Т. Гайдар, который заверил аудиторию, что хотя ситуация и не простая, но кризиса не будет — Чубайс съездил в МВФ, получил большой кредит, все под контролем. В ответ на что А. Н. Илларионов в своем выступлении снова сказал, что это не так, что слова Гайдара не соответствуют действительности, что кредиты МВФ не помогут, в лучшем случае оттянут начало кризиса, но увеличат его масштаб, что кризис будет точно и произойдет до конца 1998 года, что девальвация рубля неизбежна и что если ее проводить в июле, то курс рубля упадет раза в два с половиной — рублей до 15 за доллар (в июне курс был чуть больше 6 рублей за доллар), а если оттягивать, то курс может упасть и вчетверо — до 24–25 рублей за доллар...

«*На следующий день,* — вспоминает А. Н. Илларионов, — *в газетах был короткий рассказ о моем прогнозе с детальными комментариями со стороны представителей власти, что никакой девальвации не будет*».

А вот дальше и случилась та история, напоминанием о которой я хочу закончить свои объяснения с господами ***Дубининым С. К.*** и ***Алексашенко С. В.***

Июль 1998 года, — *рассказывает А. Н. Илларионов,* — проходил в таких вот интересных дискуссиях. А 2 августа председатель Центробанка Дубинин собрал в Белом Доме пресс-конференцию для российских и иностранных журналистов по поводу ситуации на рынках. Слова «кризис» старались избегать, но ставки по госдолгу уже подскочили до астрономических 160%, каждый новый выпуск ГКО сопровождался горячими обсуждениями — сможет ли правительство профинансировать его обслуживание или нет? Поскольку память об азиатском кризисе была свежей, пресса волновались: будет ли в России продолжение — или не будет? На конференцию пришло свыше трехсот человек. В большом зале для встреч с журналистами на Краснопресненской набережной выступил Дубинин, сказавший, что все в порядке, ситуация под контролем и никакого кризиса не будет. Кто-то из журналистов спросил его: «А как же, вот Илларионов говорит, что будет девальва-

ция». И тогда Дубинин ответил: «Господин Илларионов лжет. Он нарочно пытается обрушить рубль для того, чтобы его жена, работающая в инвестиционном банке, смогла заработать на падении российской валюты на Чикагской бирже. Он нарочно валит рубль, чтоб заработать на этом».

Позже Ирина Ясина рассказала мне, что решение оклеветать меня было принято накануне той пресс-конференции на совещании руководства Центробанка четырьмя людьми: Дубининым, тогда председателем Центробанка, Алексашенко, первым заместителем руководителя ЦБ, Ириной Ясиной, работавшей тогда начальником департамента по работе с прессой и пресс-секретарем Центрального банка, и Денисом Киселевым, руководителем департамента по работе с крупнейшими банками. Семь лет спустя Ясина попросила у меня прощения...

То, о чем на пресс-конференции сказал Дубинин, я узнал на следующий день. Тут же я сделал заявление, что подаю на господина Дубинина в суд за клевету и нанесение ущерба деловой репутации. Конечно, понадобилось некоторое время, чтобы собрать все материалы, публикации, получить аудиозапись и видеозапись. За две недели все материалы были собраны, я договорился с адвокатом и собрался в понедельник подавать заявление в суд. А наступивший понедельник оказался 17 августа 1998 года. В 10 часов утра на телеэкранах появились Кириенко и Дубинин и сообщили об изменении курсовой политики, об отмене обслуживания государственного долга, о запрете на свободу капитальных операций. Иными словами, получалась не только девальвация. К ней прибавились и дефолт, и введение контроля на капитальные операции <...>

Кому верили банкиры? Вот этой компании — Дубинину, Чубайсу, Гайдару, Кириенко, убедившим Ельцина дать свое знаменитое опровержение девальвации. Когда он садился в самолет в Великом Новгороде, его спросили: будет ли кризис? «Нет, — ответил Ельцин, — кризиса не будет. Все решено. Никакой девальвации не будет». Это было в пятницу 14 августа, а в понедельник 17-го на экранах появились Дубинин и Кириенко... Эта компания обманула всех: либеральную общественность, бизнес, Ельцина, всех граждан страны. <...>

А через пять дней сбылся и мой политический прогноз: 22 августа 1998 года Ельцин уволил и Кириенко и Дубинина. После нескольких недель безуспешных попыток снова отдать пост премьера Черномырдину Ельцин был вынужден назначить премьером Примакова, а Геращенко в третий раз занял пост руководителя Центрального банка. Сотрудники спецслужб заняли оба ключевых поста в стране. Оставался только пост президента. Вклад Гайдара и Чубайса в полученный результат переоценить невозможно.

Деятельностью Дубинина и его друзей заинтересовалась Генеральная прокуратура. Выяснилось, что некоторые сотрудники Центрального банка, включая и Дубинина и Алексашенко, активно участвовали и в покупках ГКО и в валютных операциях на Чикагской бирже. В общем выяснилось, что Дубинин был в курсе того, о чем говорил журналистам 2 августа.

В общем, когда у меня были подготовлены документы, чтобы подавать в суд иск о защите чести, достоинства и деловой репутации, прокуратурой уже было заведено уголовное дело на Дубинина, и ему вместе с его коллегами

грозили вполне реальные уголовные сроки. И хотя эти люди объективно много чего заслуживали, я решил тогда в суд не подавать. Крови Дубинина я не хотел и просто оставил это дело.

Как часто бывает, ни один хороший поступок не остается безнаказанным. Четыре года спустя в Бостоне на инвестиционном форуме Дубинин, уже оправившийся от прежних страхов и вдохновленный работой вице-президента в чубайсовском РАО ЕЭС, в очередной раз принялся за свое любимое дело — клевету. С горбатым известно как дела обстоят...

Вот такой вот сюжет, в котором задействованы, как видим, оба наших героя.

И вот, стало быть, читая в 134 номере «Континента» интервью А. Н. Илларионова, они читают, среди прочего, и его рассказ о том, как они оклеветали его, отлично зная, в частности, что жена его никакими инвестиционными операциями и проектами не занималась и при всем желании не могла вместе с мужем «рушить рубль» на Чикагской бирже.

И что же?

Они спешат как-то объясниться **прежде всего по поводу именно этого факта**, который их не просто **порочит**, но, в сущности, совершенно **убийственен** для их репутации? Во всяком случае, куда более убийственен, чем, может быть, даже все остальное, о чем рассказано выше, вместе взятое. Потому что тут речь идет ведь, если говорить без обиняков, уже о прямой, откровенной элементарной человеческой **подлости**, и вообще начисто отменяющей всякие разговоры о какой-либо *чести*, *достоинстве* или *порядочности*.

Так вот, повторяю: они что же — тут же спешат как можно скорее снять с себя это позорное пятно и восстановить свое доброе имя?

Нет, что вы! Они этого рассказа А. Н. Илларионова как бы и вообще не замечают. Они не требуют от нас, чтобы мы немедленно напечатали их страстно возмущенное или, может быть, хотя бы как-то объясняющее эту ситуацию письмо. Потому что нельзя же, в самом деле, просто так глотать, когда вас называют клеветниками. Зато вчиняют нам и А. Н. Илларионову иски по поводу якобы недостоверности некоторых оглашенных в интервью сведений об их подвигах на банкирском поприще.

Ну и как же прикажете это понимать, господа истцы? Как же у Вас хватает, простите, *совести* подавать в суд на Вами же оклеветанного человека, пользуясь тем, что он в свое время этого не сделал, просто, в сущности, пожалев Вас?

Нет, все-таки мы совсем разной с Вами крови, господа. И если, вопреки Киплингу, Запад и Восток, может быть, все-таки когда-нибудь и сойдутся вместе, то нам с Вами не сойтись никогда. Ни на какой общей человеческой встрече, кроме разве лишь казенного пространства вынужденного гражданского сосуществования. Во всяком случае, до тех пор, пока у нас такая разная кровь.

Но ведь мы-то к вам, господа, в ваш мир с вашими уродливыми понятиями, фальшивыми ценностями и зазеркальными представлениями, и не лезем — упаси, Господи. Это вы все время пытаетесь застолбить себе право что-то значить в нашем мире и сгораете от жажды разговаривать с нами на нашем языке.

Так вот, не выйдет, господа, какие бы миллионы доверчивых соотечественников вам ни удалось прозомбировать на тот счет, что вы их верные сыны и слуги. Пока хоть какие-то *«сторожевые псы»* общества у нас в России еще продолжают добросовестно нести свою службу, можете быть уверены — мы будем стараться всячески помешать вам в этой вашей постоянной психогипнотической обработке российского населения. Мы будем стремиться всеми доступными нам способами помогать людям освобождаться от морока внушаемых вами лживых приманок и видеть истинный смысл и вашего патриотизма, и вашей профессиональной честности, и вашей преданности своему народу, и вашей порядочности, и вашего достоинства. Мы будем продолжать предупреждать и всех тех нынешних ваших вроде бы коллег и соратников, которые умудрились поверить вам и вместе с которыми вы так охотно подписываете сегодня порою самые либеральные и самые смелые оппозиционные петиции и манифесты: будьте осторожны, простодушные! Завтра вас могут не только оклеветать, но еще на вас же за эту клевету и в суд подать.

Не сомневаюсь: господа ***Алексашенко С. В.*** и ***Дубинин С. К.*** прекрасно понимают, что, говоря так, я говорю о них отнюдь не как о сугубых индивидуальностях, а как о носителях типовых характерностей той социальной касты, которую они представляют, имя же ей легион.

Но вот понимают ли они, что **лично их**, Сергея Владимировича Алексашенко и Сергея Константиновича Дубинина, хлестать и размазывать по стене у меня нет абсолютно никакого желания и что ни малейшего удовольствия мне это доставить не может? Выставить на всеобщее обозрение в ясном и резком свете реальности и беспощадно распинать **грех** — да. Но грешников... Нет, только в надежде, что, кто знает, может, экзекуция над типовым их грехом и поможет им хоть немного очистить свою кровь от той кастово-корпоративной отравы, которая изменила их индивидуальные лица так, что они уже стали типовыми личинами.

Очень хорошо представляю себе, какую реакцию способны вызвать эти слова и у них, и у их сопородников. Тоже нашелся обличитель и врачеватель душ! А сам-то каков?..

Что ж, перетерпим. Не праведник — сам знаю. Но о том, на чем стою и во что верю, не промолчу. А что дальше — это уже вне моей компетенции и моих человеческих и гражданских обязанностей. Это уже сугубо личное дело тех, к кому обращено слово правды и увещевания. Дело их личных отношений с Богом — или с тем, что заменяет Его в их душах. Если заменяет.

Вот почему я совершенно искренне могу сказать, возвращаясь к единственному не до конца проясненному эпизоду из нашей судебной эпопеи, что очень хотел бы, чтобы мы действительно ошиблись (по существу, а не по закону), сообщив, что С. В. Алексашенко и С. К. Дубинин участвовали в операциях на Чикагской валютной бирже.

Но простите меня, господа, пока я имею дело с Вами такими, какие Вы есть на текущий момент, — поверить в это у меня лично никак не получается. Скорее уверен в обратном — что участвовали-таки. Почему уверен? Да вот именно по всему тому, что (см. выше). А поскольку у меня нет пока

никаких данных на тот счет, что Вы как-то изменились, спешу на всякий случай специально подчеркнуть и оговорить: это никак не ***утверждение о факте***, а мое сугубо личное ***субъективное мнение***, основанное на общем от Вас впечатлении. Но мнение прочное.

И последнее: г-н ***Алексашенко С. В.***, отвечая как-то в Интернете на вопрос, что он собирается делать с теми десятью тысячами рублей, которые положены ему по суду с «Континента» в качестве возмещения морального ущерба, заявил: «*Отправлю журналу Континент как пожертвование на осуществление уставной деятельности*»[37].

Так вот. Вы ошибаетесь, Сергей Владимирович. Мы совсем не богаты и всегда рады с благодарностью принять любую добрую помощь. Но мы никогда не принимаем никаких пожертвований, когда источник их хотя, может быть, и вполне законен, но противоречит **нашим** представлениям о *порядочности*. «Отмывать» такие деньги морально мы никогда не согласимся. Предупреждаем Вас об этом заранее, потому что до сих пор не получили почему-то от Ваших адвокатов номер Вашего расчетного счета и не смогли отправить Вам причитающиеся Вам 10 000 рублей, дабы мы могли все-таки выполнить предписание Закона. И потому очень просим Вас последовать примеру г-на ***Дубинина С. К.***, который через своих адвокатов давно уже произвел эту операцию. Не заставляйте нас, пожалуйста, пребывать в постоянной опасности получить от Вас и по этому поводу какой-нибудь новый иск. И не вынуждайте нас искать другие способы вручить Вам этот Ваш законный выигрыш. Очень просим. Пожалуйста.

---

[37] blogs.trust.ua/aleksashenko/ 10.06.2009.

Корректор — *Ю. Н. Маслов*

ЛР № 066469
Подписано в печать 25.10.2009. Формат 60x90/16. Бумага типографская.
Гарнитура «Таймс». Печ. л. 33,00. Тираж 1450 экз.
Заказ № 1762

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

«КОНТИНЕНТ»

принимается во всех отделениях связи России.
Наши подписные индексы

71682 *(годовая подписка)*, 73218

в красно-бело-синем каталоге «Роспечати»

В помещении редакции «Континента» (ул. Плющиха, 27, кв. 1) можно оформить льготную подписку на журнал с любого номера и на любой срок – при условии получения выходящих номеров в редакции.

В редакции «Континента» можно приобрести также отдельные номера журнала прошлых лет.

Время работы редакции: с 13:00 до 17:00 по будням.

В МОСКВЕ журнал «Континент» продается:

"КНИГА" – Нижняя Радищевская, 2; тел. 915.11.45

ЖУРНАЛЬНЫЙ КИОСК "НОВОЙ ГАЗЕТЫ" –
Страстной бульвар, 8 (рядом с выходом из метро «Чеховская»)

ЛИТИНСТИТУТ книжная лавка –
Тверской бульвар, 25; тел. 694.01.98

"ПИРОГИ" – Никольская, 19/21; тел. 621.58.27

"ПРОЕКТ ОГИ" – Потаповский пер., 8/12, стр. 2; тел. 627.56.09

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "ЗНАМЯ" – Б. Садовая, 2/46; тел. 699.80.67

СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ИНСТИТУТ книжный киоск –
ул. Покровка, 29, офис 38; тел. 623.03.80

"УМНЫЕ КНИГИ" – ул. Покровка, д. 27, стр. 1; тел. 916.28.14

"ФАЛАНСТЕР" – Мал. Гнездниковский пер., д. 12/27; тел. 749.57.21

ХРАМ КОСМЫ И ДАМИАНА В ШУБИНЕ –
Столешников пер., 2; тел. 629.52.62

ХРАМ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ
НА УСПЕНСКОМ ВРАЖКЕ – Газетный пер., 15; тел. 692.05.63